

Александр Федоров

ЛИРРИЙСКИЙ ПРИНЦ

Хроники Паэтты. Книга III

16+

Александр Николаевич Федоров

Лиррийский принц.

Хроники Паэтты. Книга III

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36333973

SelfPub; 2022

Аннотация

Многие тысячи лет миру Паэтты угрожает вселяющая ужас империя Тондрон. Её императоры давно уже стали мифическими персонажами, внушающими страх. И уж подавно никто не сможет вспомнить – кем был первый император-маг Драонн до того, как встретил свою судьбу. Роман повествует о событиях, случившихся более чем за 7000 лет до времён, описанных в первых двух книгах цикла, и позволяет окунуться в уже знакомый, но одновременно и абсолютно чужой читателю мир, каким он был во времена великой Кидуанской империи.

Содержание

Пролог. Империи рушатся	5
Глава 1. Тучи сгущаются	14
Глава 2. Драонн	31
Глава 3. Делетуар	53
Глава 4. Ратуша	68
Глава 5. Аэринн	88
Глава 6. Помолвка	106
Глава 7. Кидуа	121
Глава 8. Дипломатия	140
Глава 9. Лейсиан	157
Глава 10. Совет по примирению	173
Глава 11. Аудиенция	192
Глава 12. Неожиданность	211
Глава 13. Казнь	227
Глава 14. Ещё одна неожиданность	245
Глава 15. Вояж	259
Глава 16. Свадьба	276
Глава 17. Биби	296
Глава 18. Перемены	313
Глава 19. Отставка	329
Глава 20. Магиня	348
Глава 21. Император Рион	366
Глава 22. Лиана	381

Глава 23. Голубь	398
Глава 24. Министр	414
Глава 25. Гайрединн	433
Глава 26. Ворониус	450
Глава 27. Хитросплетения	466
Глава 28. Полёт стрелы	485
Глава 29. «Да здравствует мессия!»	503
Глава 30. Кэйринн	522
Глава 31. Лихие времена	544
Глава 32. Поиск припасов	560
Глава 33. Размолвка	578
Глава 34. Расставание	595
Глава 35. Борильдов грот	611
Глава 36. Крах	628
Глава 37. Стрела в цели	645
Глава 38. Корабль	662
Глава 39. Принц Эйрин	678
Глава 40. Эллор	694
Глава 41. Пустыня	710
Глава 42. Бараканд	726
Глава 43. Маг	741
Глава 44. Император	758
Эпилог. Империи создаются	778
Глоссарий	791
Благодарности	822

Александр Федоров

Лиррийский принц.

Хроники Паэтты. Книга III

Пролог. Империи рушатся

Старик был похож на старого, битого временем и жизнью ворона. Из грязно-белой щетины, которая росла, казалось, от самых его маленьких чёрных глазок, торчал огромный горбатый нос – настоящий клюв. Полы траченого временем плаща какого-то неопределённого бурого цвета трепетали на холодном осеннем ветру, придавая ещё большее сходство с болезненной ощипанной вороной, медленно подыхающей на голой ветке. И голос у него был подстать – резкий, каркающий, надорванный. Может именно от этого его злые, колючие слова казались ещё более мерзкими.

– Война! Война! – вещал старик, возвышаясь над небольшой толпой, благодаря тюкам кож, на которые он взобрался. – Только война! Эта война очистит мир, изгонит скверну, восстановит справедливость! Покуда живо хоть одно лиррское отродье, не будет покоя моему сердцу!

С этими словами старик исступлённо рванул себя за одежду на груди. Послышался явственный хруст ветхой ткани, а

сам же оратор едва устоял на ногах от такого резкого рывка. Но толпа приняла жест весьма благосклонно.

– Война! – экзальтированно вскричал старик, похоже, это было его любимое слово. – Это очистительное пламя, которое выжжет сорную траву, чтобы дать взойти добрым злакам. Наша благословенная империя – мир людей! Лиррам здесь нет места!

Слова упали на благодатную почву – толпа задвигалась, раздались одобрительные выкрики, вверх взметнулось несколько крепко сжатых заскорузлых кулаков. Ни у кого из тех, кто обступил импровизированную сцену из дурно пахнущих тюков с кожами, не было и тени сомнения в справедливости того, что каркал им этот жутковатый ворон...

Война пришла на обширные территории Великой Кидуанской империи поздней весной 2837 года Руны Хесс¹, когда, казалось бы, самое время жить, радоваться тому, какой благодатный в этом году выдался месяц Арионна², любить друг друга, да ждать обильного урожая.

И это была не одна из тех войн, когда на жирные бока империи то и дело пытались бросаться голодные волки Прианурья – дикари, до которых у императоров покуда не дошли

¹ Руна Хесс – четвёртая по счёту Руна, запечатывающая Сферу Создания. Соответствует 14837 году от Сотворения Сферы.

² Месяц Арионна – последний месяц весны, соответствующий нашему маю.

руки, или вновь пытались восстать недавно присоединённые территории палатийских племён. Это даже не было пихание локтями с Саррассанской империей, с которой тесно было меститься на Паэтте. Это была гражданская война, в которой верноподданные Кидуанской империи рубили и резали друг друга.

Если, конечно, само слово «верноподданный» можно применить к богомерзким отродьям, именуемым лиррами. Спесивые ублюдки, воротящие нос от людей, считающие их вторым сортом по праву того, что боги по какой-то ошибке наградили их долгой жизнью. Не знающие своего места вырожденки, уверенные в собственной безнаказанности.

Лиррия, юго-западная провинция империи, граничащая с Саррассой, всегда держалась особняком. С тех самых пор, как пересеклись пути человеческой и лиррийской рас, отношения их нельзя было назвать простыми. Лирры держались с людьми снисходительно и высокомерно, словно старшие братья. Когда люди, измучавшись постоянными дразгами, построили наконец нечто цельное и стабильное – империю Содрейн, лирры не принимали в этом никакого участия.

Увы, великая империя пала довольно скоро – при жизни внуков правнуков тех, кто её создавал. После себя она оставила лишь монументальные и величественные города, язык, на котором теперь говорила значительная часть населения Паэтты, а также понимание того, что для сохранения мира и стабильности нет другого пути, кроме имперского. Пото-

му и неудивительно, что на неостывшем ещё пепелище империи Содрейн вскоре воздвиглись два новых государства – Саррасса и Кидуа. И вновь они были построены людьми, а лирры лишь смотрели на это со стороны, как обычно – чуть презрительно.

Лиррия попросилась под протекторат Кидуанской империи, когда участились набеги саррассанцев. Дикие южане отличались крайней нетерпимостью к лиррам, что выражалось в самых отвратительных зверствах, какие только могли прийти в горячие смуглые головы. Нельзя сказать, что кидуанцы очень уж жалели лирр или сочувствовали им, но император Диалон, тогдашний правитель империи, не мог не видеть выгоду в союзе с этим умным народом.

В результате очередной короткой Саррассо-Кидуанской войны был подписан трактат о границе, который навсегда закрепил Лиррию в качестве провинции Кидуанской империи. Лиррам было даровано гражданство империи, позволяющее свободно расселяться в пределах её территорий, однако они весьма неохотно покидали родные места, предпочитая селиться компактно. Тем не менее, Кидуа получила весьма выгодные территории от побережья Загадочного океана до самого озера Прианон.

Однако прошли десятилетия, которые сложились в столетия, и постепенно лирры забыли свой страх перед саррассанцами. Всё больше претензий предъявляли они имперским властям, а те старались идти по шаткой доске компромисса

над пропастью междоусобиц, поэтому шли на уступки. Лиррия со временем получила значительную автономию.

Политика империи на присоединённых территориях обычно была довольно жёсткой – ко всем им применялся так называемый Дейский эдикт, в котором было всего три пункта, но зато абсолютно недвусмысленных. Во-первых – имперский язык. Он признавался государственным во всех провинциях, поэтому судопроизводство и все любые взаимоотношения с имперским чиновничеством велись исключительно на этом языке, и любого, кто не владел им, вытолкали бы вшаей из всех государственных учреждений.

Второе – власть. Единственным властителем новых территорий объявлялся император, а местные князьки в лучшем случае могли рассчитывать на роль сатрапов и наместников, да и то – если повезёт. Довольно часто их заменяли люди, прибывшие из Кидуи.

Третье – налоги. Вся подать, собираемая на территории провинций, целиком уходила в столицу, а уж затем, пройдя через холодные бестрепетные пальцы императорских казначеев и всевозможные приходно-расходные книги, возвращались обратно. Естественно, в существенно меньшем размере.

Любой политик скажет, что в таком сложном государстве, собранном из разноцветных лоскутов и не всегда мирно, ни в коем случае нельзя выделять какой-либо лоскут среди остальных, поскольку это чревато самыми непредсказуе-

мыми последствиями. Однако императоры Кидуи словно не знали всех этих прописных истин – Дейский эдикт изначально был введён в Лиррии с условиями и ограничениями, а по прошествии времени и вовсе как-то сам собой упразднился.

Сколь ни шерстили придворные юристы ворохи указов, изданных за последние десятилетия, но так и не смогли найти ничего, что удостоверяло бы то, что Дейский эдикт для Лиррии был упразднён официально. Выходило так, что постепенно лирры просто перестали его исполнять, да при этом сделали это так ловко, что правители Кидуи ничего не заметили, словно рак, которого бросили в кастрюлю с холодной водой и поставили на медленный огонь.

И всё бы ничего, кабы не извечное высокомерие лирр. Да, Лиррия не привносила в казну даже медного оэра³, но, с другой стороны, она и не получала ничего взамен. Да, весьма многие лирры вызывающе отказывались говорить на общеимперском, хотя без сомнения понимали его. Да, их принцы всюду пыжились, воображая себя правителями своих игрушечных надельчиков. Всё это хотя и вызывало негодование у людей, но до поры не приводило к яростному всплеску всепоглощающей ненависти.

Хрупкий мир рухнул с появлением тщедушной и хромой фигуры лиррийского проповедника Лейсиана. Неудачное падение с лошади много лет назад лишило его не только знаменитой лиррийской стати, но и значительной части

³ Оэр – мелкая медная монета Кидуанской империи.

здоровья. Однако дух его оказался на удивление крепок, а мысли были столь радикальны, что даже не все лирры воспринимали их.

Говоря коротко, Лейсиан почти свихнулся на идее великой войны народа лирр за мировое господство. Он считал племя людей недоразумением, стоящим на их пути. Он зашёл так далеко, что даже отказывал людям в праве называться истинно мыслящими и одушевлёнными существами. Он обличал алчность, жестокость, коварство людей, проистекающих, по его мнению, из их до смешного недолгого века, а потому люди должны были уйти, чтобы не мешать лиррам построить воистину прекрасный мир.

Сам по себе Лейсиан вряд ли стал бы слишком опасен для империи людей. Ныне здравствующий император Родреан Третий, осведомлённый своей тайной полицией о хромоногом баламуте, повелел потихоньку избавиться от него, закрыв в каком-нибудь каменном мешке. Однако Лейсиану удалось бежать и укрыться во владениях лиррийского принца Волиана, ярого приверженца радикальных идей новоиспечённого проповедника.

И вот с этого всё и началось. Волиан, принц карликового надела на востоке Ревии, объявил свои земли свободными от людей. Последние, впрочем, и так не особенно охотно селились в лиррийских землях, однако некоторое количество их всё же там проживало. И вот Волиан объявил тем немногим из людей, что населяли его владения, что они должны

в недельный срок убраться, захватив любое добро, какое сумеют унести.

За неделю жалоба, посланная колонами императору, просто не успела добраться до места назначения, а Волиан, распалённый своим новым духовным учителем, не склонен был проявлять терпение. Загорелись людские хутора да сёла, полилась первая кровь... И этого хватило, чтобы империя окончательно лишилась разума. Тот самый последний маленький камешек потревожил громадную лавину, что грозила теперь погresti под собой ббольшую часть цивилизованного мира...

– Эта война не будет долгой! – убеждал грязный старик, то и дело закашливаясь от необходимости повышать голос. – Лирр мало, и пусть они живут долго, но почти не плодятся! Хватит года, чтобы истребить эту нечисть с лица земли! Мы будем убивать всех – детей, женщин, стариков, пока голова последнего лирры не повиснет на пике над воротами нашей славной Кидуи!

Гул одобрения заставил юношу, стоящего чуть поодаль и прислонившегося плечом к обшарпанной стене дома, скривиться от гнева и отвращения. Правда, этого никто не увидел – лицо его было надёжно скрыто капюшоном плаща, благо погода была ненастной, так что ни у кого это не вызвало ни малейших вопросов. А вот громадные глаза, заметь их про-

хожие, причинили бы их владельцу немало неприятностей. Вернее всего, его избили бы тут же, на месте, а может, случилось бы и что похуже.

Одной храбрости было мало, чтобы лирре, всего-навсего скрыв лицо капюшоном, проникнуть в людской город в самый разгар кровопролитной резни, что шла сейчас южнее. Тут нужно было уже какое-то разудалое безрассудство, или же крайняя нужда. Драонна, как звали этого смелого юношу, привело сюда именно второе. Поэтому, напомним он себе, у него нет времени, чтобы стоять здесь и слушать этот неистовый бред.

Эти люди, в сущности, сами не понимали, зачем необходимо было убивать лирр. Здесь, на севере, лиррийские владения были невелики, и селились тут, как правило, лишь те, кто намерен был прочно связать судьбу с империей. Между людьми и лиррами тут никогда не было серьёзных противоречий. Сам Драонн много раз бывал здесь, в Шедоне, и с отцом, и теперь уже – сам, в качестве принца своего надела. И эти люди, чьи лица сейчас сводит от ненависти, совсем ещё недавно приветливо улыбались молодому принцу, когда тот, не торгуясь, скупал их рыбу, овощи и зерно.

Однако, нужно идти. Похоже, эти бездельники вознамерились кричать тут до темноты. Принц Драонн не мог позволить себе терять столько времени. Оторвавшись от стены, он направился туда, где, как ему хотелось надеяться, его сейчас очень ждали.

Глава 1. Тучи сгущаются

– Это правда... Они действительно идут сюда, – с порога объявил Ливейтин, начальник охраны замка.

Драонн невольно скрипнул зубами. Когда около двух часов назад один из земледельцев, примчавшийся на взмыленном коне, сообщил, что к замку движется отряд красноверхих численностью не меньше трёх сотен человек, принц понадеялся, что это какая-то ошибка. Конечно, сам факт появления красноверхих в окрестностях замка уже был тревожным, но Драонн тешил себя надеждой, что они просто направляются куда-то на юг из Шедона. Возможно, в Лиррию или Ревию, где сейчас было особенно напряжённо.

Однако он приказал послать нескольких разведчиков, и, как оказалось, не зря. Очевидно, что эти ублюдочные «охотники за лиррами» шли сюда. А это значит, что стоило ожидать худшего.

Гражданская война расколола не только граждан Кидуи, она расколола и сам народ лирр. Очень многие, в числе которых был и молодой принц Драонн, весьма негативно оценивали действия Волиана и Лейсиана, своими необдуманными поступками поставивших лирр в весьма опасное положение. Таким образом среди лиррийских элит чётко выделились две партии – лейсианцы и лоялисты. Последние выступали за скорейшее прекращение противостояния и налажи-

вание отношений с людьми.

Проклятая война шла уже почти год. То и дело до Драонна доходили леденящие кровь слухи о нападении созданных людьми отрядов – истребителей лирр, которых за их отличительные знаки, красные береты, прозвали красноверхими, на небольшие лиррийские поселения и мелкие замки. Подробности, на которые осведомители обычно не скупилась, заставляли сердце юного принца замирать от горя и ужаса. Однако здесь, на севере, до последнего времени было довольно-таки спокойно.

Император Родреан, который вскоре после начала конфликта не поленился лично выехать в свои северные провинции для встреч с лидерами лоялистов, горячо убеждал их в своей снисходительности к неразумным восставшим подданным, заверял в том, что приложит все усилия, чтобы было пролито как можно меньше крови – как человеческой, так и лиррийской. Особенно искренне он убеждал северную лиррийскую знать, что любому, кто не поднял руку на своего сюзерена, ничего не грозит, и что он не допустит самосуда на своей земле.

Однако довольно скоро Драонн сумел оценить крепость монаршего слова. Началось всё с того, что лиррам был закрыт въезд в города без особого на то дозволения магистрата. Как пояснялось в эдикте – дабы не провоцировать ненужную агрессию. Вскоре и вовсе на территории империи для лирр был введён строгий пропускной режим, по которому ни

один представитель лирийского народа не мог отъехать от своего дома больше чем на две лиги⁴ без особой подорожной грамоты, получить которую также можно было лишь в магистрате. И это вновь было объяснено радением о безопасности лирийских подданных его величества.

Лоялисты оказались в весьма затруднительной ситуации – с одной стороны, весьма влиятельные силы при дворе, казалось, только и ждали повода, чтобы обвинить их во всех смертных грехах и обрушиться на них со всей яростью. С другой стороны, они не могли не понимать, сколь унижительно и опасно их нынешнее положение – каждый новый указ, изданный императором, казалось, был лишь очередным щелчком по носу, издёвкой тем более горькой, что она была явно незаслуженной.

Часть лоялистов подобные действия властей бросили в лону лейсианцев. Принц Драонн, хоть и был ещё совсем молод по лирийским меркам, тем не менее занял более взвешенную позицию, хотя многие его бывшие товарищи называли её трусливой и даже предательской.

Но Драонн всё ещё надеялся восстановить разбитый вдребезги мир и понимал, что для этого хотя бы кто-то должен сохранить ясную голову. Кроме того, он чувствовал ответственность за своих немногочисленных подданных – домоладцев замка, несколько десятков фермеров, проживающих на его землях. Они не должны погибнуть, как гибли сейчас

⁴ Лига – имперская мера длины, равная 3 милям или 4828 метров.

несчастливые обитатели Ревии и Лиррии.

Именно поэтому Драонн не только не ввязывался в дразни, но и, как мог, старался сгладить какие-то острые углы между людьми и своими соседями-лиррами. Правда сказать, что из этого что-то получалось, было бы явным преувеличением. Однако до тех пор, пока гражданская война ограничивалась полустихийными стычками, пока войну против лирр вели полуофициальные отряды красноверхих, пока ещё можно было полуправдиво убеждать самого себя, что никакого геноцида его народа нет – лиррийский принц терпел, понимая, что нынешнее «плохо» легко может превратиться в «просто ужасно».

До последнего времени лоялистов не трогали. Заканчивалась снежная зима, многие дороги были ещё практически непроходимы из-за снежных наносов. Естественно, холода слегка поостудили воинственный пыл сражающихся, однако противостояние тлело под этим ледяным настом, грозя новым пожаром, как только падут снежные оковы. И именно теперь первые предвестники роковых перемен появились на ленных владениях принца Драонна.

– Проверить мост! – кратко распорядился Драонн, быстро накидывая меховую шубу – хоть весна была и не за горами, но пока что было ещё довольно холодно. – Закрывать ворота! Доромион, замок местных лиррийских принцев, пред-

ставлял собой хорошо отстроенную крепость с мощной крепостной стеной, башнями, рвом. Конечно, сейчас ров скован льдом толщиной в полтора, а то и два фута⁵, но и без того это был по-прежнему крепкий орешек. Такую твердыню не взять армией не то что в триста, а и в три тысячи воинов, если, конечно, не вмешается серьёзная магия. Правда, гарнизон был совсем невелик – всего-то шесть десятков воинов, не считая дворовой прислуги и других обитателей замка, но крепость была построена так умело, что эти шестьдесят бойцов представляли собой весьма грозную силу.

К сожалению, Доронион был не слишком хорошо подготовлен к осаде. С водой, пожалуй, проблем бы не возникло – при крайней нужде всегда можно натопить снега, а вот с продовольствием было туговато. Зима съела основную часть запасов, а пополнить их теперь не представлялось возможным, по крайней мере, до лета.

Однако, Драонн всё ещё продолжал надеяться, что тревога окажется ложной. Тем не менее, он приказал натянуть свежие тетивы на луки и вынести к бойницам добрый запас стрел. По его подсчётам отряд находился меньше чем в часе ходьбы отсюда, а это значило, что уже довольно поздно пытаться предупредить фермеров. Тем не менее, он послал двух мальчишек в пару ближайших ферм, обитатели которых ещё могли успеть, побросав хозяйство, укрыться под надёжной защитой замковых стен.

⁵ Фут – имперская мера длины, равная приблизительно 30,5 см.

Ожидание было тягостным. Холодный ветер так и норовил забраться за пазуху через отвороты шубы. Однако шуба принца была столь же непреступна, как и его замок, поэтому ветру оставалось лишь с бессильной злобой тормозить длинные чёрные волосы – тонкие и прямые, как у всех лирр.

Широко распахнув свои огромные глаза, Драонн тревожно вглядывался вдаль. Он опасался увидеть на горизонте чёрные дымы, являющиеся верными спутниками карателей, явившихся на расправу. Но горизонт был чист, воздух был уже по-весеннему прозрачен, и это вселяло определённую надежду. Хоть ожидание и выматывало, но принц в глубине души надеялся, что он простоит вот так вот ещё час или два, щурясь от внезапных порывов ветра, а затем спустится вниз, так и не дождавшись отряда красноверхих.

Увы, на этот раз тревога оказалась не ложной. Нечеловечески зоркие глаза лирры заметили движение у самого горизонта – небольшое тёмное пятнышко на безбрежной белизне. Вскоре стало очевидно, что это – тот самый отряд красноверхих, хотя сами красные береты ещё не были видны.

– Идут... – буркнул Ливейтин, стискивая лук, лежащий перед ним на широком парапете стены.

– Что ж, поглядим... – тихонько проговорил Драонн.

Он оглядел позиции – все илиры⁶ были на своих местах.

⁶ Илир – слово, которое лирры используют для обозначения отдельного представителя своего рода. Если слово «лирра» используется как идентификатор расовой принадлежности, то «илир» используют в качестве выделения социальной единицы. Например, так: «Драонн был лиррой», но «Его отряд насчитывал око-

Пока они внешне казались абсолютно расслабленными, но принц знал, что одного короткого приказа хватит, чтобы это кажущееся спокойствие развеялось, словно дым. Лирры – непревзойдённые лучники, и Драонн не сомневался, что в случае чего две трети красноверхих не успеют уйти достаточно далеко, чтобы спастись от стрел. Но он всё же надеялся, что до этого не дойдёт, ведь это означало бы войну лично для него.

Отряд красноверхих приближался неторопливо, со спокойствием людей, идущих по своей земле и находящихся в своём праве. Официально император Родреан не поддерживал отряды охотников на лирр, но при этом и не чинил им никаких препятствий, глядя сквозь пальцы на леденящие кровь зверства. При этом поражения красноверхих вызывали всякий раз бурю негодования среди придворных «патриотов». Поэтому, пользуясь этой негласной поддержкой, красноверхие, являясь поначалу не более чем стихийными народными образованиями, постепенно превращались в почти регулярную армию, обзаведясь даже собственными знаками отличия. Да и финансово они совсем не бедствовали, поскольку потоки пожертвований, не иссякая, текли со всей империи во имя скорейшей победы людей.

Драонн, не шевелясь, смотрел на приближающихся врагов. Над Доромионом висела мёртвая тишина, изредка нарушаемая лишь резким сварливым карканьем нескольких во-

рон, сидевших на крыше ближайшей башни. Это глумливое карканье действовало на нервы, так что Драонн едва сдерживался, чтобы не пустить стрелу в проклятых вестников несчастий.

Когда отряд красноверхих находился в каких-нибудь пятистах ярдах от замка, Драонн приказал поднять мост. К сожалению, никто из фермеров, которых он послал предупредить, не поспел вовремя, но теперь держать мост опущенным становилось рискованно. Что же касалось мальчишек-посыльных, то на их счёт принц не переживал – они найдут, где пересидеть опасность.

Красноверхие шли вполне приличным строем, даром, что среди них почти не было профессиональных военных. На удивление, но для сборища мародёров и карателей в отрядах «истребителей лирр» была вполне неплохая дисциплина, более присущая армии, нежели народному ополчению.

И вот наконец они остановились, не дойдя каких-нибудь пару десятков футов до крепостного рва. Предводитель отряда, придерживая на макушке свой красный берет, запрокинул голову, чтобы взглянуть на принца Драонна, взиравшего на них с высоты двадцати пяти футов.

– В чём дело? – надменно осведомился лиррийский принц, стараясь, чтобы голос его звучал максимально спокойно и властно. – Для чего вы пришли сюда?

– Нам стало известно, – также не тратя времени на приветствия и любезности, заговорил предводитель. – Что в этом

замке укрывают мятежников-лесиан.

Очевидно, что этот человек был довольно низкого происхождения, поскольку использовал просторечное именование последователей Лейсиана. Надо сказать, что это было весьма распространённое явление среди красноверхих – среди них, конечно, были дворяне, но их было немного, потому что знать, как правило, не хотела пачкаться общением с чернью, да и методы этих карателей зачастую вызывали брезгливость даже среди ярых противников лирр.

Надо сказать, что Драонн слегка опешил от подобного обвинения, а точнее – от его абсурдности. Конечно было ясно, что это – не более чем повод, но принц, признаться, не ожидал подобного. Хорошо бы ещё было понять – был ли это лишь надуманный предлог для нападения на замок, или же действительно имел место донос на него. Исключать последнее было бы наивно – в смутные времена наветы на недругов, а иногда и на друзей были делом вполне обыденным.

– Что за вздор! – ответил принц. – В этом замке нет никого, кто поддерживал бы лейсианцев. Я знаю каждого обитателя замка, и лично отвечаю за это!

– Слова – не более чем пар, что вырывается изо рта, – возразил предводитель. – И так же быстро они рассеиваются, не оставив и следа. Чем можешь подтвердить их ты, лирра?

– А разве я *должен* подтверждать их, человек? – презрительно спросил Драонн. – Разве слово принца нуждается в подтверждении?

– Слишком много у нас в государстве самозванных принцев! – фыркнул предводитель. – Что ни лирра, так обязательно принц! Как по мне, так у нас есть одна монаршая особа – его величество император, и других нам не надобно!

Драонн сдержался, стерпел. Сейчас нельзя было показывать норов – слишком многое стояло на кону. Да и, надо сказать, сдержанность была вполне в характере молодого принца. Многие и вовсе считали его нерешительным и трусоватым, хотя это явно не соответствовало действительности.

– Тебе придётся довольствоваться моим словом, человек, – медленно произнёс он. – Потому что кроме него у тебя всё равно больше ничего не будет. Если ты думаешь, что я сейчас открою перед тобой ворота – ты сильно заблуждаешься.

– Даже если я явился от имени императора? – вскинулся красноверхий.

– Император много раз говорил, что не имеет с вами ничего общего, – Драонн даже не попытался скрыть ненависть и презрение в голосе.

– На словах – да, но на деле... – осклабился предводитель.

– Во всяком случае, я совершенно уверен, что его величество не санкционировал ваши вызывающие действия.

– Это лишь до поры, – заверил красноверхий. – Но у меня есть приказ магистрата о розыске опасного преступника по имени Кейвиан.

– И в приказе указано, что он укрывается в моем замке?

– Здесь этого не указано, – человек нисколько не смутился. – Но ходят слухи, что ты привечаешь государевых врагов.

– И откуда же эти слухи?

– Этого я не скажу.

– Да потому что ты лжёшь! – Драонн едва сдержался, чтобы не перейти на крик. – Все знают, что я являюсь сторонником его величества и не поддерживаю Лейсиана и Волиана.

– Но ты и не борешься с ними!

– Я не обязан вести братоубийственную войну! – отрезал Драонн. – Для тебя, человек, довольно того, что я не оказываю им поддержки. А теперь ступай прочь! Возвращайся откуда пришёл, потому что ты мне надоел!

– Ты осмелишься противиться указу магистрата, лирра? Ты же понимаешь, что за этим может последовать! Не лучше ли тебе перестать пыжиться и просто открыть ворота. Если мы не найдёт здесь этого Кейвиана, мы просто уйдём.

– Я не открою ворота тем, кто ославился войной с женщинами и младенцами, – почти выплюнул злые слова Драонн. – Ступай отсюда, да поторапливайся. Здесь со мною почти семь десятков мужчин, каждый из которых – непревзойдённый лучник. Ты знаешь, что лиррийский лук бьёт на триста шагов, а в минуту каждый из нас способен выпустить семь стрел. Посчитай-ка, скольких людей ты потеряешь, прежде чем сумеешь отойти на безопасное расстояние! Я дам вам целую минуту. Если поторопитесь, этого хватит, чтобы никто не погиб.

– Да как ты смеешь?.. – прошипел побагровевший от гнева предводитель. – Ты понимаешь, что...

– Время пошло, – чётко произнёс Драонн, и в ту же секунду более шести десятков луков с наложенными на тетиву стрелами взметнулись вверх, словно по неслышной команде.

Было видно, как внезапно побелел предводитель красноверхих, как заволновались перетрусившие люди. Очевидно, они не ожидали подобного приёма здесь, на землях лоялистов.

– Уходим, парни, – стараясь говорить властно и невозмутимо, произнёс командир.

Подчинённые с явным облегчением исполнили команду. Они уходили довольно торопливо, но стараясь при этом сохранить хоть какое-то подобие достоинства, и это выглядело очень смешно. Однако на стенах никто не смеялся. Притихли даже вороны, и мир накрыла напряжённая тишина. Пальцы Драонна, стиснувшие лук, побелели от напряжения.

Конечно, за отведённую минуту отряд не успел уйти на достаточное расстояние, поэтому, исполни Драонн свою угрозу, лиррийские стрелы нашли бы себе цели, однако же он, конечно же, делать этого не стал. Как только красноверхие отошли на достаточное расстояние, принц выдохнул и, повернувшись к стоящему рядом Ливейтину, буркнул:

– Пойдём.

Тот в ответ лишь кивнул и сделал знак остальным воинам. Оставив на стенах лишь пару дозорных, остальные защитни-

ки замка спустились вниз.

– Что это, по-твоему, было? – небрежно сбросив шубу на скамью, Драонн, зябко подёрнув плечами, подсел к самому камину.

Ливейтин был старше отца принца и вполне годился ему в деды, поэтому обычно Драонн обращался к нему на «вы», переходя на «ты» лишь в минуты сильного волнения.

– Думаю, нас просто щупали, – пожал плечами Ливейтин.

– По-твоему, не было никакого Кейвиана и никакого приказа магистрата? – Драонн повернулся, чтобы взглянуть на старого воина.

Ливейтин, который верой и правдой служил больше восьмидесяти лет его отцу, и уже несколько лет – самому Драонну, почти не задумываясь отрицательно покачал головой. Значит, он не верил в сказанное тем ублюдком, а принц привык доверять чутью своего начальника стражи.

– Может быть, действительно есть какая-нибудь писулька о каком-нибудь Кейвиане, но сюда они пришли не за тем, – проговорил Ливейтин.

Он по-прежнему стоял у дверей, несмотря на то что наверняка замёрз не меньше самого Драонна, поэтому принц сам жестом подозвал его к дышащему дымным теплом камину.

– Мародёры? – с тревогой в голосе уточнил Драонн.

– Думаю – да, – кивнул Ливейтин. – Зима близится к концу, жрать людишкам нечего, вот и пробавляются кто чем может.

– Что-то не вяжется... – задумчиво помотал головой принц. – Если так – почему они просто не пограбили окрестные фермы? Зачем нужно было переть на хорошо защищённый замок?

– Не думали встретить отпор, – пожал плечами старый воин. – Вы же знаете, мой принц, какое о вас мнение у окружающих.

Драонн это знал. Большинство окрестных лирр, да и людей тоже, в лучшем случае назвали бы молодого принца осторожным, а в худшем – трусоватым. Удивительно, но его это нисколько не задевало. Драонн знал, что если потенциальный неприятель тебя недооценивает – это преимущество, которым нельзя разбрасываться. Да и не считал он себя таким уж храбрецом, а безрассудным и вовсе никогда не был. Именно поэтому его сегодняшний шаг мог показаться большинству таким неожиданным.

Но лиррийский принц чувствовал, что времена меняются, и что лояльность перестаёт быть гарантией безопасности. До него уже дошли слухи о недавних арестах нескольких знатных лирр, причём все они были известными лоялистами. Обвинения, выдвинутые против них, были настолько нелепы, что не оставляли пространства для сомнений – это была политическая зачистка. Увы, но лирры, кажется, проигрывали

людям эту войну, а это означало, что императору скоро станут ни к чему даже те их них, кто пока что сохранял преданность короне. Именно это и не давало покоя.

– Я думаю, что здесь что-то другое... – озвучил он свои сомнения. – Я думаю, что нас действительно прощупывают, но не эти шавки. Мне кажется, скоро начнётся настоящая война, где мы уже не сможем отсидеться в стороне и убеждать всех, что мы не при чём. И в этой войне наш народ либо погибнет, либо сумеет найти нечто, что позволит нам подмять людей под себя, потому что с их стороны вряд ли стоит ожидать встречных шагов.

– Императору невыгодна полномасштабная гражданская война, – возразил Ливейтин, но так, что было видно, что он сам едва верит в то, что говорит. – Она расшатает основы империи, а этим немедленно воспользуются те же саррассанцы, а может палатийские племена используют это для обретения независимости. Стоит допустить раздрай внутри страны – империя рухнет.

– Всё это так, – Драонн наконец отошёл от камина и наполнил вином два кубка. – Но именно поэтому императору нужно решить лирийский вопрос как можно скорее. Любой ценой...

Последние слова были настолько мрачными, что, казалось, придали горечь вину, поэтому, едва отхлебнув из кубка, Драонн поставил его на место, поморщившись.

– И даже если этот отряд пришёл сюда по своей воле, –

продолжил он, тяжело опираясь на стол. – Для нас в этом тоже мало радости. Красноверхие становятся весомой силой, это заметно и слепцу. Вскоре они вырвутся из-под контроля, словно свора взбесившихся псов, и тогда даже окрики императора не сдержат их. Тем более что он вряд ли будет очень уж стараться.

– И что делать? – кажется, на этот раз Ливейтин действительно был растерян.

– Пошлю голубя в магистрат с официальной жалобой. Буду вести себя как законопослушный гражданин империи. Поглядим на их реакцию. Конечно, хорошо было бы съездить самому, но долгая морока с получением разрешения на въезд... Не хочу терять времени. Ну а мы тем временем начнём готовиться к худшему...

Ливейтин некоторое время вглядывался в это совсем ещё юное лицо, на котором внезапно прорезались вдруг резкие волевые складки у рта и переносицы. Этот юноша полон сюрпризов, неожиданных даже для него, хотя, казалось бы, за всё это время он уже должен был вдоль и поперёк изучить своего принца.

– Когда началась война, – проговорил он наконец. – Я жалел, что с нами нет вашего отца – смелого и решительного илира. Но теперь я вижу, что под вашим началом у Доромиона есть надежда. Лишь такой союз храбрости с осторожностью позволит нам пройти по этому краю пропасти. Если это вообще возможно.

– А вот это мы вскоре узнаем, – произнёс Драонн, садясь за стол и пододвигая к себе писчие принадлежности.

Глава 2. Драонн

Лиррийский принц Драонн был сыном Астевиана и Билинн Доромионских. Лицо своей матери Драонн помнил лишь благодаря нескольким картинам, висящим в замке, ибо она умерла, когда он был двухгодовалым малышом. Правда, на каждой картине лицо Билинн несколько отличалось от остальных, поэтому каков был истинный облик матери – теперь можно было лишь догадываться.

Что же касается принца Астевиана, то, хоть и хотелось бы сказать, что он был знаменитым, стяжавшим славу правителем, но на деле это было всё-таки не так. Астевиан был одним из почти четырёх десятков лиррийских принцев Кидуи – не хуже, но и не лучше других. Насколько Драонн вырос рассудительным и осторожным, настолько же его отец был импульсивен и безрассуден. Наверняка, будь он теперь ещё жив, то стал бы ярым сторонником Лейсиана.

Именно это безрассудство и сыграло с ним злую шутку. Астевиан погиб на дуэли, когда его сыну было всего тридцать два, а самому ему не исполнилось и ста лет. Глупая дуэль, ставшая результатом неудачной шутки, стоила жизни главе древнего рода принцев Доромионских, возложив бремя власти на его юного сына. Тогда очень многие предсказывали, что дому Доромионов наступает конец.

По лиррийским меркам Драонн был едва ли не мальчиш-

кой, когда его чело впервые опоясал тонкий серебряный обруч главы дома. В среднем лирры жили до трёхсот лет, магии легко доживали и до тысячетлетнего возраста. Несложно понять, откуда к ним была такая ненависть со стороны людей, считающих большой удачей дожить до шестидесяти. Но в долгой жизни были и очевидные минусы, которых люди не понимали и не хотели понять – в свои тридцать с небольшим Драонн по своему развитию вряд ли намного превосходил шестнадцатилетнего человека.

Речь шла, конечно, не о физическом развитии – в этом плане лирры развивались быстрее, а вот в эмоциональном, душевном плане они заметно отставали. Кроме того, лиррийские женщины становились способными зачать ребёнка не раньше, чем в те же тридцать-сорок лет, тогда как среди людей обычным делом были тринадцатилетние роженицы. И если человеческая женщина за свою короткую жизнь успевала произвести на свет около десятка детей, то в лиррийских семьях считалось счастьем рождение второго ребёнка, а уж тех, кому посчастливилось иметь трёх детей, и вовсе было удручающе мало. Тот же Драонн, к примеру, был единственным потомком принцев Доромионских.

Повторимся, что после погребения Астевиана Доромионского в его осиротевшем замке царило полное уныние – хоть времена и нельзя было назвать лихими, но и простыми они никогда не были, а потому воцарение Драонна на престоле предков казалось всем началом конца.

Юный принц был типичным представителем молодой поросли высшей лиррийской аристократии. Хорошо образован, привычен к роскоши, неплохо фехтует, куда лучше стреляет из лука. Правда поверхностным его никак нельзя было назвать – в отличие от многих своих сверстников Драонн частенько предпочитал конным скачкам книгу.

Особенно удивлял отца и наставников выбор книг – наследник не интересовался художественной литературой, предпочитая воспоминания и записки путешественников и полководцев, жизнеописания философов и великих магов. Со временем к ним добавились и совсем уж специфические книги, касающиеся вопросов мироустройства и даже магии.

Его привычка говорить тихим голосом, долго думать, прежде чем что-то сказать, его скромность, временами болезненная, долгое время заставляющая его краснеть, когда он отдавал приказы своим вассалам, которые были куда старше его, и многие из них годились ему даже не в отцы, а в деды – всё это создавало образ нерешительного юнца и слабого правителя. Многие тогда обманулись этим впечатлением.

Когда один из наиболее знатных вассалов его отца по имени Денсейн впервые в глаза назвал Драонна сопливым мальчишкой, ничего не смыслящим в политике, тот сделал вид, что ничего не произошло, разве что покраснел ещё больше обычного. Тогда на Денсейна шикнули остальные присутствующие, но он лишь презрительно усмехнулся и вышел со словами, что принц Астевиан никогда не допустил бы подоб-

ного.

Странно, но сколько не пытался потом Драонн вспомнить, из-за чего же тогда вышел весь сыр-бор, он так и не сумел, а спросить у других свидетелей события постеснялся. Действительно, тогда юный принц словно впал в какой-то ступор, а позже услужливая память поспешила стереть из воспоминаний неприятные подробности.

Естественно, через некоторое время всё повторилось. Денсейн вновь позволил себе граничащие с оскорблениями высказывания в адрес своего сеньора, и вновь Драонн лишь потупил глаза, сумев выдать лишь несколько вялых фраз. И на сей раз многие из присутствующих вельмож смолчали, не указав зарвавшемуся выскочке своё место.

Вскоре Ливейтин, слепо следовавший присяге дому Доромионов, сообщил о заговоре среди вассалов, целью которого было лишение Драонна сеньората, а возможно даже и свободы. Естественно, ядром этого заговора был Денсейн. Пока что немногие готовы были восстать против принца, но это было делом времени. Денсейн был весьма богат и родовит, прожил немалую жизнь, накопив весьма ценный опыт, так что не было сомнений, что вскоре он соберёт достаточное количество сторонников.

И вот тогда Драонн своим неизменно тихим голосом приказал собрать совет. Денсейн, возможно, почувствовав неладное, на него не явился, но принц тут же послал за ним нескольких воинов, и около трёх четвертей часа озадачен-

ные и несколько встревоженные члены совета ожидали, пока мятежник войдёт в большой зал для совета, в котором собирали своих вассалов представители не одного поколения принцев Доромионских.

Денсейн вошёл, стараясь сохранять на лице дерзкую улыбку, но было заметно, что это даётся ему с трудом. Не слишком способствовало поднятию духа и то, как на него смотрели остальные вассалы Драонна. Ещё вчера некоторые из них льстиво поддакивали его радикальным речам, но теперь все они сидели, мрачно глядя на него, и тем глубже была эта мрачность, чем истовее совсем недавно было их желание угодить ему.

– Вы знаете, для чего вас пригласили сюда, лорд Денсейн? – спокойно и почти буднично осведомился Драонн, восседавший на троне своего отца.

Конечно, по официальным геральдическим циркулярам ни Денсейн, ни остальные вассалы не имели права именоваться лордами, но лирры-принцы использовали этот титул в общении в своём кругу.

– Знаю, – Денсейн решил не ломать комедию – это было бы недостойно старого лорда.

– Отлично, – кивнул Драонн, явно обрадованный, что ему так упростили задачу. – Тогда я попрошу вас сейчас в присутствии этих благородных господ принести мне клятву верности, пусть вы и присягали мне уже над могилой моего отца. Поклянитесь, что станете служить мне и моему дому, и

не станете злоумышлять против меня.

– Я почти двести лет служу дому Доромионов, – Денсейн поднял побледневшее лицо. – Я служил вашему отцу, а до того – его отцу. Поэтому могу с полным правом сказать, что из трёх поколений принцев Доромионских вы – самый ничтожный из правителей. Вы не только оскорбляете своим неуклюжим правлением память своих предков, но главное – вы можете привести к падению всего дома. Я, как илир глубоко преданный вашему роду, не могу допустить этого.

– Но ведь вы даже не дали мне шанса показать себя, – с лёгким упрёком возразил Драонн. – На каком основании вы вынесли подобное суждение? Не прошло и полугода, как я возглавил дом, так чего же вы ожидали?

– За эти полгода вы втоптали репутацию Доромионов в грязь, – резко ответил Денсейн. – Соседи смеются над нами. Пройдёт немного времени – и они начнут предъявлять претензии на наши земли. Ваши вассалы уйдут от вас, потому что захотят служить сильному и решительному сеньору. Через пару лет под вашим началом не останется ни единого илира. Я не провидец, но сейчас я ясно вижу скорую гибель древнего дома Доромионов.

– Я, сын Астевиана Доромиона и внук Айдстейна Доромиона, не допущу, чтобы пал дом моих предков! – голос Драонна внезапно окреп, так что даже Денсейн взглянул на него с некоторым изумлением. – И сейчас перед вами, моими вассалами, я клянусь, что этого никогда не случится! Да, я не

таков как мой отец, но лишь время покажет – к добру это или к худу! Я не любитель воевать, но, по моему разумению, ум иногда значит куда больше силы! Поверьте, лорды, что я сделаю всё, чтобы слава нашего дома воссияла, как никогда прежде! Но для этого я должен быть уверен в верности каждого из вас. Вы твердите о гибели дома, лорд Денсейн, а между тем сами же прилагаете все усилия для этого! Но этого я не потерплю!

Голос юного принца всё набирал силу, раскатываясь волнами под гулкими сводами древнего зала. Сейчас он выглядел даже величественно, как настоящий принц. Глаза его, обычно подёрнутые дымкой задумчивости, теперь зажглись настоящим пламенем. Драонн теперь был совершенно не похож на самого себя, однако, нужно отдать должное, это произвело неизгладимое впечатление на всех присутствующих.

– Поэтому, лорд Денсейн, – уже спокойнее закончил принц. – Я требую от вас клятвы верности, и вы мне её дадите!

– Увы, мой принц, – покачал головой старый лорд. – Нужно нечто больше, чем просто красивые слова, чтобы убедить нас.

Денсейн нарочно употребил «нас» вместо «меня», надеясь, быть может, припугнуть зарвавшегося юнца, а может, просто пытаясь таким образом послать сигнал о помощи своим бывшим соратникам. Но он просчитался. Остальные оказались не готовы к открытому мятежу, тем более что Ливей-

тин, а также ещё пара наиболее влиятельных вельмож открыто примкнули к новому принцу. Именно поэтому гробовая тишина послужила ему ответом.

– Что ж, лорд Денсейн, – проговорил Драонн. – Тогда мне ничего не остаётся, как воспользоваться своим правом сеньора и свершить суд над непокорным вассалом. Вы знаете, что велит обычай в подобном случае – дерзнувшему поднять руку на своего господина грозит смерть и лишение его семьи земель, титулов и богатств.

При каждом последующем слове, тяжело падающем с языка принца, Денсейн бледнел всё сильнее, а также как будто съёживался, словно каждое это слово взваливалось на него очередным десятифунтовым⁷ мешком.

– Я, Драонн Доромионский, спрашиваю решения совета. Поддерживаете ли вы решение древнего закона?

Оторопевшие илиры, казалось, лишились дара речи. Они лишь с ужасом взирали на происходящее, либо вовсе опускали взгляд, чтобы не видеть ни сидящего на троне Драонна, ни дрожащего всем телом Денсейна.

– Да, – это слово, тихо произнесённое Ливейтином, произвело эффект внезапно грянувшего колокола. Все присутствующие, включая самого несчастного Денсейна, с ужасом взглянули на начальника замковой охраны.

– Да, – срывающимся голосом проговорил Баэилин, знатный вельможа, сидевший по правую руку от Ливейтина.

⁷ Фунт – имперская мера веса, равная 0,454 кг.

– Да... Да... – послышалось ещё несколько сдавленных голосов.

В этот момент никто не посмел остаться в стороне. Не прошло и половины минуты, как все члены совета высказались в поддержку приговора. Денсейн был буквально раздавлен. Он едва стоял на ногах, крупно дрожа всем телом и не смея сказать даже слова.

– Лорд Денсейн, вы слышали решение совета, – голос Драонна был по-прежнему тих и размерен, словно принадлежал какому-нибудь учителю богословия. – Правом, данным мне моими предками, а также его императорским величеством императором Родреаном, я, принц Драонн Доромионский, приговариваю вас к смерти. Ваша семья будет лишена всех привилегий, включая владение землями, титулами и иным имуществом, а в анналах дома Доромионов будет сделана соответствующая запись о том позоре, что вы навлекли на свой род.

Денсейн дышал мелко и часто – ему не хватало воздуха. Лицо его было бледнее мрамора, а глаза глядели безумно и отчаянно. Колени его подломились, и недавно ещё столь гордый лорд мешком рухнул на каменный пол. К нему тут же бросились двое, чтобы поднять его на ноги, но принц жестом остановил их.

– Приговор будет приведён в действие немедленно, – заговорил он. – Или... Или вы принесёте мне клятву верности, лорд Денсейн.

– Клянусь!.. – рыдание вырвалось из груди вельможи. – Я, лорд Денсейн из рода Белемонтов, клянусь в вечной верности вам, принц Драонн Доромионский, а также всем вашим потомкам. Клянусь, что отныне не будет у вас более верного вассала, чем я!..

– Я принимаю вашу клятву, лорд Денсейн, – кивнул юноша на троне. – В свою очередь я отменяю свой приговор. Совет окончен, господа. Вы можете идти.

Кланаясь, на негнущихся ногах члены совета стали выходить из зала. Ливейтин и ещё двое илиров подошли к распластанному на полу лорду, чтобы помочь ему подняться на ноги.

– Лорд Денсейн, – окликнул всё ещё находящегося в полубморочном состоянии старика Драонн, когда его уже вели к выходу. – Прошу вас заметить и оценить эту разницу между мной и моим отцом. Поверьте, он бы не дал вам второго шанса!

– Я благословляю богов за вашу доброту, ваше высочество! – пролепетал Денсейн.

Когда Драонн впервые услышал о Лейсиане, то лишь досадливо поморщился. Странный, словно бесноватый выскочка, с болезненным упорством пытающийся воскрешать старых демонов противоречий между людьми и лиррами – в тот момент казалось, что это временно и безопасно.

Такие вот безумцы, одержимые мессиянством, то и дело появлялись среди лирр, вновь и вновь призывая к господству над миром, к священной войне с людьми, к возрождению лиррийской гордости. Обычно они так же быстро и незаметно исчезали, как и появлялись, причём имперским службам безопасности даже не приходилось трудиться. Просто в большинстве своём эти лирры оказывались никому не интересны.

Однако вскоре стало ясно, что Лейсиан не из их породы. Он не юродствовал, не брызгал слюной, не вопил надрывным голосом. Его сила оказалась в том, что он говорил страшные вещи, но при этом представлял из себя вроде бы вполне адекватного илира. Он блестяще ораторствовал, говоря как по писаному, обладал голосом, необычайно звучным для его щуплой фигурки, а потому мог говорить с большим количеством народа, не срываясь на крик.

Была в его риторике и ещё одна необычная деталь – если другие спасители обычно упирали на особость и избранность лирр, что, конечно же, требовало определённых доказательств, то Лейсиан все свои выступления строил на убогости и ничтожности человеческой расы. Он весьма точно вскрывал великое множество пороков, свойственных людям, и возразить на это было уже нечего. Именно поэтому число поклонников хромоногого мессии постоянно увеличивалось.

Надо сказать, что Драонн никогда не разделял подобных

идей. Он трезво смотрел на мир и понимал, что лишь в союзе с людьми лирры могут быть сильны. Потому что кроме огромного количества пороков и недостатков, коими, несомненно, обладал человеческий род, он имел и очевидные преимущества, достоинства, которых не было у лирр. Их целеустремлённость, их жажда познаний, их стремление жить как можно полнее (что, конечно, являлось следствием их короткого века) – без этого невозможно было развитие цивилизации.

Драонн достаточно много читал, чтобы осознавать, что всё, что окружает его сейчас, весь этот современный мир был создан людьми. Королевства и империи, каменные здания и дороги, плуги и мечи. Народ лирр появился на Паэтте раньше людей, но они жили в абсолютно наивной гармонии с природой, обитая в лесных чащах, собирая плоды природы, пытаясь подстроиться под её ритм.

Когда пришли люди, всё стало иначе. Суровые и жёсткие, они стали силой отбирать у природы то, чего она не хотела дать сама. Они валили великолепные вековые деревья, чтобы строить жилища, убивали животных, чтобы надевать на себя их шкуры. Они освоили земледелие и скотоводство, совершенствовали свои орудия для убийства, захватывали всё новые территории.

Когда лирры поняли, что упустили инициативу, было уже поздно. И им оставалось либо смириться, либо сражаться и, скорее всего, погибнуть. Мудрый народ выбрал первый

путь. Перенимая опыт людей и делясь с ними собственным, лирры внезапно стали развиваться, познавать собственные силы. Именно с этого момента началось истинное возвышение лиррийского народа. Поэтому Драонн понимал, что, лишь двигаясь в том же направлении, можно рассчитывать на дальнейшее процветание двух великих рас.

Тем не менее, у Лейсиана оказалось куда больше сторонников, чем предполагал изначально Драонн, и хуже всего оказалось то, что его поддержала знать. Во всяком случае, один из самых одиозных представителей лиррийской знати – принц Волиан, чьи владения располагались на востоке Ревии.

Он давно уже испытывал на прочность терпение императора своими глупыми и довольно опасными выходками. Самый пик накала страстей произошёл тогда, когда Волиан своим указом повелел всем колонам-людям, проживающим на его земле, в недельный срок убраться за пределы владений. Лишь скорое вмешательство магистрата, а также увещевания глав других лиррийских родов тогда позволили сохранить шаткий мир.

И вот теперь, когда появился Лейсиан, Волиан тут же стал одним из наиболее пламенных его сторонников. Когда хромой проповедник перестал быть локальной проблемой и игнорировать его стало более невозможно, императором был дан приказ об его аресте. И тогда Лейсиан укрылся во владениях Волиана, который тут же объявил, что отныне его на-

дел не подчинён власти людей и призвал всех лирр восстать, чтобы построить собственное королевство, в котором не будет людей.

Волиан, вероятно, плохо учил историю, иначе он бы помнил, что некогда Лиррия уже была независимым королевством, и помнил бы, к чему это привело. Он бы помнил, как лиррийский король просил кидуанского императора защитить лирр от истребления жестоким южным соседом. Хотя, несомненно, мятежный принц прекрасно знал всё это – он не был глупцом. Но Лейсиан убеждал, что теперь лирры достаточно могущественны для того, чтобы не только отхватить себе кусок земли, но и править всей Паэттой, а этот калека умел убеждать.

Когда началась настоящая заваруха, Драонн уже шесть лет был главой Доромионского дома. Он сразу же объявил о том, что ни он, ни его вассалы не поддерживают мятежников и осуждают их действия. Естественно, императору хватило ума не требовать от лирр-лоялистов выступить против лейсианцев силой, поэтому на какое-то время их просто оставили в покое.

Здесь, в Сеазии, обстановка не была столь напряжённой как в Лиррии, где всколыхнулись самые крупные выступления, или в Ревии, где сейчас скрывались Волиан и Лейсиан. Однако же люди, возмущённые выступлениями лейсианцев, и здесь имели претензии к лиррам, так что последним стало довольно-таки небезопасно появляться вдали от своих жи-

лиц. Нападений пока что не случилось, тем более что все знали о лоялистской позиции здешних первородных, но общий настрой был весьма негативным.

Драонн приказал временно перевести замок на осадное положение и всем фермерам перебраться под защиту стен. Учитывая, что заканчивалась весна, это было не слишком-то хорошо для земледельцев, ведь сельские работы были в самом разгаре, но перечить принцу, да и просто здравому смыслу, никто не решился. И так вот замок прожил в ожидании возможного нападения почти всё лето.

Вести с юга всё ещё приходили весьма тревожные, но, кажется, здесь, в Сеазии, кровавые события Ревии и Лиррии не должны были повториться. Месяц пириллий⁸ в этом году выдался столь благодатным, что поневоле казалось, будто боги насмежаются над несчастными земледельцами, что почти ничего не успели посадить смутной весной.

В последнее время Драонн отпускал фермеров на их заброшенные участки, чтобы те могли собрать хоть какие-то жалкие крохи урожая. Неизвестно, чего стоило ожидать от надвигающейся зимы, а с продовольствием в Доромионе не всё было гладко. К счастью, никаких эксцессов не происхо-

⁸ Пириллий – один из месяцев Кидуанской империи. Назван в честь правителя империи Содрейн Пирилла. Последний месяц лета, соответствует нашему августу. Много позже, уже после Смутных времён, будет переименован в честь короля Увилла Великого.

дило, так что некоторые из наиболее отчаянных (или наиболее отчаявшихся) земледельцев уже и не возвращались иной раз под вечер в замок, пытаясь не упустить ни единого мига.

Наступила осень, довольно ранняя здесь, на севере империи. Интересно, что несмотря на то, что уже много лет прошло с тех пор, как Кидуа покорила земли палатийских варваров, здешние обитатели по-прежнему именовали себя жителями северных окраин. Так вот, наступила достаточно холодная осень, которая несла с собой лишь унылые и пессимистические ожидания.

Полнейшая неопределённость в статусе лирр угнетала. С одной стороны, они не объявлены врагами империи, во всяком случае те, что проявили лояльность короне. С другой – они претерпели существенные ограничения в правах, наиболее вопиющим из которых стал официальный запрет на посещение городов, а также невозможность уехать от своего дома дальше, чем на несколько миль⁹ без особой бумаги.

Конечно, на юге, где множество лирр проживало в городах, а особенно в Варсе, который являлся столицей Ревии, и в Шеаре, столице Лиррии, соблюсти запрет на посещение городов было невозможно. Но именно это и приводило к наиболее тяжёлым последствиям – озверелые толпы врагов, зажатые в узкие скученные границы улиц, творили друг с другом такое, что кровь стыла в жилах. И очевидно, что перевес был не на стороне лирр.

⁹ Миля – имперская мера длины, равная 1609 метрам.

В данной ситуации оставалось лишь гадать, сколько лиры-лоялисты будут сохранять свою лояльность. До сих пор лиры, даже те их них, что остались верны короне, видели со стороны людей лишь кнут. Наконец-то кому-то в императорском дворце пришла в голову светлая мысль, что пора бы показать им и пряник, пусть даже постный и чёрствый.

Когда в Доромион прилетел голубь из Шедона, это крайне удивило Драонна и заставило задуматься. На небольшом кусочке пергамента было всего несколько слов, которые вызвали куда больше вопросов, чем ответов. «Придите завтра после полудня в Шедон. В доме 35 по улице Копейщиков вас будут ждать. Сохраните в тайне». Не будь под этими словами подписи, Драонн, скорее всего, просто бросил бы писульку в огонь и остался бы дома, поскольку всё это выглядело слишком уж подозрительным. Но подпись была.

И это была не просто какая-то подпись. Если всё это не было ловушкой, то выходило, что послание принцу Драонну отправил не кто иной, как второй канцлер империи Делетуар, человек весьма известный как своими довольно-таки либеральными взглядами, так и тем расположением, которое питал к нему сам император.

Империя была велика и сложно устроена, поэтому императорам требовались помощники, дабы управляться с этим сложным механизмом. Именно для этих целей существовала Императорская канцелярия, в состав которой входили пять канцлеров, назначаемые императором. Как правило эти лю-

ди брали на себя какое-то одно направление политики, и оказывали содействие императору именно в этом направлении.

Никакой чёткой структуры здесь не предполагалось, поэтому в данный момент первый канцлер специализировался на отношениях с Саррассой, третий – на финансах, четвёртый – на политике на вновь присоединённых территориях, пятый – на военном деле. Канцлер Делетуар, второй канцлер империи, специализировался на внутренней политике.

Зачастую Делетуара называли «Совестью императора». Известно, что всякий раз, когда нужды империи требовали от его величества повышения налогов, введения дополнительных сборов и других малоприятных мероприятий, он непременно советовался по этому поводу со вторым канцлером. Более того, Драонн знал, что в разгоревшейся войне Делетуар был одним из немногих при дворе, кто занял достаточно взвешенную позицию в отношении лирр, и если император Родреан не наломал дров сгоряча, как это с ним иной раз случалось, то в этом была несомненная заслуга второго канцлера.

Но значит ли это, что Делетуар забрался в эту относительно спокойную глушь, чтобы заручиться поддержкой местной лиррийской элиты, или же это была грубая провокация? Этого Драонн не мог узнать, не пойдя на встречу. Ясно, что канцлер (если это был действительно он) прибыл сюда инкогнито – сейчас, когда людское население империи буквально стояло на ушах и требовало лиррийской крови, этот

визит мог быть воспринят как заигрывание с лиррами, что было бы чревато как для самого Делетуара, так и, в перспективе, для императорской власти.

Делетуар не мог не знать, что Драонн очень рисковал бы, вздумай он проникнуть в Шедон, но, очевидно, что у него были причины, не позволяющие ему прибыть в Доромион даже тайно. Возможно, и даже вероятно, что подобные приглашения получили и остальные местные принцы. Очень хотелось надеяться, что это – не ловушка, расставленная на лирийскую верхушку Сеазии, чтобы одним махом обезглавить местное возможное сопротивление.

Принц, хотя его и просили сохранить всё в тайне, позвал Ливейтина, чтобы посоветоваться с опытным и преданным илиром. Увы, начальник охраны мало чем мог помочь – замок слишком долго находился в изоляции, чтобы у него оставались сколько-нибудь значимые сношения с внешним миром, а особенно с Шедоном, куда был заказан вход любому лирре.

Во всяком случае, Ливейтин склонялся к тому, чтобы проигнорировать опасное предложение – всё это вполне могло оказаться ловушкой, а в случае пленения или гибели Драонна дом Доромионов оказался бы обезглавлен. И будь сам Драонн настолько труслив, насколько судила о нём молва, он наверняка бы послушал своего верного друга.

Но принц решил рискнуть, поскольку вряд ли в нынешнем положении стоило так вот запросто разбрасываться пригла-

шениями первых лиц государства. Драонн чувствовал, что положение лирр и дальше будет лишь ухудшаться, а потому было бы нелишним заручиться поддержкой столь влиятельного лица как второй канцлер империи.

До Шедона принца сопровождал лично Ливейтин и ещё трое илиров, которым начальник охраны безоговорочно доверял. В лесистой местности незаметно преодолеть те четыре лиги, что отделяли Доромион от города, было проще простого даже для людей, не то что для лирр. Правда, попасть в сам Шедон было довольно сложно – стража у ворот вполне могла заинтересоваться подозрительной фигурой в капюшоне.

К счастью, Ливейтин знал свои ходы. За время существования Шедона к его стенам, будто грибы, налипли посады бедноты – грязные нищие трущобы, в которые не стоило соваться после наступления темноты. Один из таких кварталов, наиболее обширный и заселённый, примыкал к порту. Именно здесь Драонн мог пройти незамеченным, поскольку там всегда было полным-полно разного отребья, а портовые ворота существовали лишь номинально и обычно никогда не охранялись.

Всё вышло именно так, как и предполагал Ливейтин. Попав в портовый посёлок, Драонн сразу же смешался с шумной грязной толпой, которая понесла его из порта в город. Там, у самых портовых ворот, он имел сомнительное удовольствие слушать какого-то проповедника, призывающего

к уничтожению всего лирийского народа. Некоторое время послушав, принц понял, что его сейчас стошнит от всего этого, да и время уже поджимало, поэтому он без всякого сожаления покинул площадь.

Дом 35 по улице Копейщиков оказался вполне благопристойным особняком, имеющим два этажа и, судя по всему, довольно уютный внутренний дворик, которого, конечно, с улицы было не разглядеть. Выглядел он вполне мирно и совершенно не подозрительно. Драонн с четверть часа наблюдал за домом из укромного места, но не заметил никаких сомнительных личностей или ещё чего-нибудь, что могло бы свидетельствовать о том, что в доме засада. Правда, юноша и не был искушён в подобных вещах, поэтому не мог ничего утверждать наверняка.

За всё время наблюдения в дом никто не заходил, и никто не выходил оттуда. Точного времени визита в записке указано не было, и лишь сейчас Драонн смекнул, что этот факт почти наверняка исключал сбор многих принцев. Значит, говорить хотели с ним наедине.

Проведя пальцами по плащу, Драонн ощутил под ним металлическую кольчужную вязь. Конечно, эта кольчуга не станет серьёзной защитой, но сумеет спасти от вероломного удара, а дальше уже принцу придётся уповать на молодость и ловкость. И на кинжал, спрятанный под плащом, рукоять которого он непроизвольно сжал.

Видимо, из дома кто-то наблюдал за улицей, поскольку,

стоило Драонну ступить на крыльцо, дверь тут же слегка приоткрылась, удерживаемая дверной цепочкой, и выглядывающий из этой щели человек спросил:

– Вас ожидают?

– Да, – не открывая лица, ответил Драонн.

– Одну секунду, – дверь закрылась, послышался звук снимаемой цепочки, а затем дверь отворилась вновь – достаточно, чтобы принц мог войти внутрь.

В момент, когда Драонн перешагивал порог, вступая в густой полумрак прихожей, сердце его готово было вырваться наружу. По лицу текли капли пота, хотя на улице было весьма прохладно, а пальцы до боли вцепились в рукоять кинжала под полами плаща. Спина между лопатками ныла так, словно в неё уже попытались вонзить клинок.

Войдя, Драонн быстро огляделся – благодаря большим зрачкам его глаза легко адаптировались к недостаточному освещению. Кажется, кроме немолодого дворецкого, отворившего ему дверь, здесь больше никого не было. Дворецкий же, уже заперший дверь за вошедшим, невозмутимо стоял, очевидно понимая, какие чувства сейчас испытывает гость.

– Угодно ли вам снять плащ? – наконец спросил он.

– Я бы хотел остаться в нём, – хриплым от волнения голосом ответил Драонн.

– Как вам будет угодно, сударь, – слегка поклонился дворецкий. – Пройдёмте за мной. Вас ожидают.

Глава 3. Делетуар

Дворецкий шёл в нескольких шагах впереди Драонна, держа руки всегда на виду. Он всячески давал понять, что не несёт никакой угрозы гостю. Собственно, это принц уже понял, однако это не отменяло того, что в доме могло оказаться полным-полно головорезов. Но всё же Драонн чувствовал, что комок в его внутренностях расслабляется. Кажется, это была не засада.

Поднявшись по лестнице на второй этаж, слуга провёл принца по узкому плохо освещённому коридору, в который выходило несколько закрытых дверей. Это вновь заставило лирру понервничать – за любой из них могли находиться убийцы. Однако и на сей раз ничего особенного не произошло – дворецкий тактично постучал в одну из дверей.

Драонн вошёл в довольно небольшую, хорошо протопленную комнату, в которой весьма резко пахло немытым телом и несвежей одеждой. А за столом сидел тучный неопрятный человек неопределённого возраста. Сальные волосы, лоснящиеся при свете свечей, несколько крупных волосатых бородавок на заплывших жиром щеках, неисчислимое количество подбородков и маленькие глазки, поблёскивающие из-под опухших век – этот человек производил самое отталкивающее впечатление, ещё более усугубляющееся явственной вонью, исходящей от него.

Но это был именно он – второй канцлер Делетуар, сомнений в этом не было. Хотя сам Драонн лично никогда его не видел, но по многочисленным слухам, ходящим о нём, узнать его было не сложно. Все знали, что то ли из-за своей невероятной полноты, то ли по иным причинам Делетуар крайне не любил мыться. По империи ходил анекдот, что однажды его величество император даже повелел прервать заседание, приказав слугам отмыть канцлера и поменять его одежду, поскольку зловоние было такое, что у монарха закружилась голова.

Очевидно, что, вырвавшись из дворца, где Делетуару волей-неволей приходилось мыться хотя бы время от времени, он с удовольствием забросил эту несносную необходимость. А если представить, сколько времени он провёл в дороге, его нынешнее состояние было совершенно неудивительно.

Надо сказать, что Драонн, несмотря на весь этот запах, с восхищением смотрел на сидящего перед ним толстяка, понимая, каких трудов стоило человеку в этом возрасте и с подобной комплекцией преодолеть те сотни миль, что отделяли Кидую от Шедона. И каким важным, вероятно, было то, ради чего он приехал.

– Вы – принц Драонн Доромионский? – осведомился человек мягким приятным голосом.

– Да, – ответил принц, стараясь говорить кратко, чтобы заглатывать меньше зловонного воздуха.

– Я – Делетуар, второй канцлер, – просто представился

его собеседник.

– Мне весьма приятно видеть вас, милорд, – наклонил голову Драонн.

– И мне также, ваше высочество, – улыбнулся Делетуар. – Простите, что не встаю – проклятые колени!.. Прошу вас, присядьте также, а то мне будет неловко вести дальнейший разговор.

Драонн присел за стол. Рядом стояло два трёхсвечных подсвечника, от горящих свечей исходил запах расплавленного воска, и это несколько спасало от смрада немывтого человеческого тела.

– А вы – храбрец! – улыбка Делетуара затерялась в колышающихся щёках. – Признаюсь, я не слишком-то верил в то, что вы придёте.

– Признаюсь, я долго сомневался, – ответил Драонн. – Слишком уж подозрительно всё выглядело.

– Согласен, признаю. Но у меня не было выбора. Важно, чтобы как можно меньше лиц знало о нашей встрече. По крайней мере, пока.

– Что ж, предлагаю начать наш разговор.

– О, теперь я ясно вижу, ваше высочество, как ошибаются те, кто недооценивает вас! – одобрительно закивал Делетуар. – И рад, что сделал верный выбор. Располагаете ли вы достаточным временем, или вас кто-то ожидает?

– Меня ожидают, но я располагаю достаточным временем, милорд.

– Отлично! – обрадовался Делетуар. – Тогда, быть может, ваше высочество соблаговолит разделить со мной трапезу?

– Я не голоден, – покачал головой Драонн, нисколько не кривя душой – эта вонь отбивала у него всякий аппетит. – И, кроме того, я попросил бы вас не обращаться ко мне «ваше высочество». Наши титулы не имеют юридического статуса в империи, поэтому из уст человека, а уж тем более из уст второго канцлера это звучит как издёвка.

– Прошу простить меня! Клянусь, и в мыслях не было оскорбить вас! Хорошо, я буду обращаться к вам как к лорду – уж это звание вам не оспорить. Право же, лорд Драонн, я не перестаю поздравлять себя со столь удачным выбором! Вы идеально мне подходите!

– Для чего?

– Спросите лучше сперва – почему! – весело предложил Делетуар.

Человеку, незнакомому со вторым канцлером, показалось бы, что он не очень удачно разыгрывает из себя добрячка и балагура, старательно улыбается и шутит, но это было не так. Делетуар был именно таким добряком и балагуром, поэтому подобные манеры были ему совершенно свойственны. Однако же Драонн как раз не входил в число лично знавших канцлера, а потому сейчас никак не мог избавиться от ощущения, что тот просто издевается над ним. Именно поэтому принц всё больше мрачнел.

– Ну и почему? – хмуро буркнул он.

– Обычно лиры представляют такими высокомерными зазнайками, гордыми и вспыльчивыми. И, будем честны, чаще всего это соответствует истине. Но вы не такой. Вы сдержанны и мудры не по годам. Вы ни словом не обмолвились, что здесь дурно пахнет. Да-да, я знаю об этом, хотя сам совершенно ничего не чувствую. Уверен, большинство ваших сородичей, войдя сюда, тут же своротили бы нос. Но вы оказались достаточно вежливы и сдержанны. Кроме того, вы отказались от того, чтобы я титуловал вас принцем, хотя бесспорно имеете на это право.

– Хорошо, – сухо кивнул Драонн. – Благодарю вас за похвалы, хотя некоторые из них звучат весьма похоже на те претензии, что то и дело высказываются мне. Но дело не в этом. Я хотел бы знать, зачем вам понадобился.

– Вижу, вы не склонны к светской беседе, – без тени осуждения или обиды произнёс Делетуар. – Что ж, пусть будет так. Итак, лорд Драонн, вы, конечно, знаете, что идёт война.

– Да, я заметил, – без тени иронии ответил принц.

– Уверен, что вам хотелось бы, чтобы она поскорее закончилась?

– Смотря что вы имеете в виду, – подозрительно прищурился Драонн. – Как мы понимаем, есть разные пути завершения войны, и один из них – полное истребление моего народа. Такого исхода я не желаю.

– Это само собой разумеется! – тут же заверил канцлер. – Поверьте, я не изверг и не дурак. Я прекрасно понимаю тот

вклад, который вносили и вносят лирры в наш мир. Вы, быть может, знаете, что я был одним из немногих при дворе, кто всеми силами пытался предотвратить конфликт.

– Я знаю это и благодарю вас, милорд, – Драонн вновь слегка склонил голову. – А также преклоняюсь перед вашей смелостью, ведь это, должно быть, было совсем непросто.

– Ещё как, – охотно подтвердил канцлер. – Кое-кому я буквально встал поперёк горла. Со мною и так не слишком-то приятно иметь дела, – усмехнулся он, делая шуточный жест, будто разгоняет ладонью воздух перед носом. – А уж когда я вступился за этих проклятых лирр, – Делетуар с ироничной улыбкой слегка поклонился, чтобы дать понять Драонну, что это не его слова. – На меня и вовсе взъелись почти все. Сам не знаю, как император меня тогда не выпер к свиньям. Но всё же мне удалось настоять на своём. Ради этого пришлось в течение двух недель мыться через каждые два дня!

Делетуар весело захохотал и Драонн неожиданно для самого себя тоже вдруг рассмеялся. Всё-таки молва не врала – со вторым канцлером можно иметь дело. Конечно, когда притерпишься к его ароматам.

– Поэтому, лорд Драонн, когда я говорю о скорейшем завершении войны, то имею в виду такой исход, который будет выгоден обеим сторонам конфликта, – утерев слезящиеся от смеха глаза, вновь заговорил толстяк.

– Если это так, то я готов выслушать ваши предложения,

милорд, – вновь посерьёзнул Драонн.

– Прежде сверим наши позиции, – Делетуар внимательно посмотрел в глаза принцу. – Согласны ли вы, что виновниками всего этого инцидента являются Лейсиан и Волиан?

– Это довольно сложный вопрос, милорд, – чуть поразмыслив, осторожно заговорил Драонн. – У меня, конечно, не так много личного опыта в подобного рода делах, но зато у меня достаточно опыта, почерпнутого из книг. Поэтому я думаю, что в подобных войнах нет виноватых. Точнее, каждый считает, что он прав. Ну а в конечном итоге, конечно, виноваты все.

– Полностью с вами согласен, лорд Драонн! – затряс своими бесчисленными подбородками Делетуар. – Разумеется, это так и есть. Когда я ещё был молоденьким юристом, то во время суда над одним убийцей-бедняком я подумал: а кто же виноват в том, что он зарезал своего соседа? Наверное, он был обозлён на то, что ему изменила жена с этим вот соседом. Тогда виновата жена? Но жена изменила ему потому, что он был беден и не приносил домой достаточно денег. Значит, виноват его работодатель? Или же сам убийца был лентяем и неумехой? Или же это экономическое положение в стране привело к тому, что работодатель вынужден платить гроши своим работникам? И я так увлёкся этими рассуждениями, что в итоге свёл всё к тому, что в данном убийстве виноват наш император! Поверите ли? – канцлер вновь искренне и легко рассмеялся.

– Но ведь если отбросить всю эту немыслимую диалектику, если посмотреть фактам в глаза, то убийца-то всё равно – этот самый бедняк, – толстяк вновь был абсолютно серьёзен. – Так и здесь. Вы можете сказать, что правда за этим колченогим крикуном Лейсианом, что люди издревле помыкали лиррами и что это *мы* вынудили *вас* к этой войне. Но, отбросив диалектику, мы увидим, что первые призывы к насилию прозвучали от Лейсиана. Что первым от слов к делу перешёл Волиан. Что первыми загорелись хаты людей, живших на землях Волиана. Станете ли вы отрицать это, лорд Драонн?

– Глупо отрицать очевидное, милорд Делетуар, – у Драонна по-прежнему имелись кое-какие возражения, но сейчас они действительно казались ему неуместными.

– Как вы правы, лорд Драонн! – воскликнул канцлер. – Значит, мы оба согласны, что причиной этого конфликта являются Лейсиан и Волиан?

– В некотором смысле – да, – вынужден был признать принц.

– Вот именно – в некотором смысле! – толстяк обрадовался так, словно Драонн сказал нечто донельзя глубокомысленное. – Лишь только в некотором смысле, и никак иначе! Но если рассматривать нашу историю в разрезе именно этого смысла, как вы полагаете – закончится ли война, если эти двое перестанут её подогревать?

– К чему вы клоните? – вновь сощурился Драонн. – Вы

говорите об убийстве?

– А разве убийство называют убийством на войне? – тут же спросил Делетуар.

– Убийство называют убийством везде, – отрезал Драонн. Манера второго канцлера вести беседу начинала действовать ему на нервы даже больше его воня.

– Ах, почему все не могут быть такими философами как вы, лорд Драонн! – с горьким сожалением воскликнул Делетуар. – Как хорошо бы жилось нам всем в таком мире! Но успокойтесь – я не предлагаю убийства.

– Тогда чего же вы хотите? – принц понемногу начал выходить из себя. – Вы позвали меня для того, чтобы состязаться в словесной перепалке? Прошу прощения, но за городом меня ждут мои илиры, и мы должны до темноты вернуться в замок. Вы знаете, что я здорово рискую, находясь сейчас в городе – *ваши* законы лишили меня даже этого права.

– Этот упрёк весьма справедлив, несмотря даже на то, что лично я голосовал против этого глупого указа, – кивнул второй канцлер. – Но я ещё надеюсь дожить до того времени, когда и этот и все другие подобные указы будут отменены, а между людьми и лиррами воцарится мир и взаимное уважение. Если, конечно, мой жир не убьёт меня раньше, что весьма возможно. В любом случае знайте, лорд Драонн, что я пригласил вас сюда именно затем, чтобы положить скорейший конец этой нелепой войне.

– И я в очередной раз говорю, что готов выслушать ваше

предложение, милорд.

– Что ж, приступлю к сути, – наконец бесформенное лицо Делетуара приняло сосредоточенное выражение. – Я вижу корень проблемы в том, что немногие лирры-предатели имеют своих предводителей, а вот лиррийское большинство, которое хочет жить в мире с людьми, таковых не имеет.

– Вы предлагаете мне стать предводителем лоялистов? – изумился Драонн.

– Ну что вы, – всплеснул руками канцлер. – Я прекрасно понимаю, что в вашей среде иерархия играет не меньшее, а то и большее значение, чем у людей. Никто не пойдёт за юным и пока что малоизвестным принцем, какими бы замечательными достоинствами он не обладал. Нет, лорд Драонн, у меня другая печаль – я знаю много достойных лирр, которые могли бы стать предводителями, и некоторым из них уже сделаны предложения, но... Всё это илиры смелые, гордые, решительные. В каком-то смысле они все похожи на Волиана, словно его зеркальные отражения. И если просто возглавить партию лоялистов одним из таких деятелей, то они с Волианом только ещё крепче упрутся друг в друга лбами, и мы получим лишь междоусобицу в вашем народе. Это, возможно, было бы весьма интересно многим царедворцам, но не мне. Я хочу примирить лирр и людей, а не натравить одних лирр на других.

– И какую же роль вы предлагаете мне? – растерялся юный принц.

– Роль дипломата. Когда я стал интересоваться, кто из лирр способен создать условия для диалога, мне называли разные имена. Но ваше звучало чаще других. Я знаю, что среди недалёких людей и лирр вы слывёте правителем слабохарактерным и нерешительным, но, хвала богам, среди моих советчиков таких нет. И вот я приехал сюда из Кидуи, чтобы предложить вам стать тем, кто закончит эту войну.

– Вы хотите, чтобы я попытался договориться с Лейсианом?..

– Нет, конечно! – усмехнулся Делетуар. – Разве возможны переговоры с этими радикалами? Они выставят вас за порог, а всего вернее – просто убьют или бросят в один из каменных мешков под замком Волиана.

– Тогда чего вы хотите? – озадаченно осведомился Драонн.

– Я не случайно сказал, что корнем проблемы являются эти двое. Они – наконечник стрелы, застрявший в ране. Если наконечник не извлечь, рана будет гноиться и кровоточить, пока не сделает всю кровь в теле ядовитой. Чтобы излечить рану сперва надобно извлечь наконечник. А уж без него всё вскоре заживёт.

– Простите, милорд, но я снова не понимаю ваших аналогий, – нахмурившись, произнёс Драонн. – Я что-то не пойму – это я должен вынуть наконечник?

– В некотором роде, – благодушно улыбнулся канцлер и поспешно заговорил дальше, видя, что принц вновь собира-

ется возражать. – Но не воспринимайте аналогию чересчур буквально! Я не предлагаю вам убрать Лейсиана и Волиана. Ваша задача куда важнее – убрать от них одураченных лирр. Убедить ваших сородичей отступить от губительных идей этой парочки.

– С чего вы взяли, что меня станут слушать?

– О, поверьте мне, лорд Драонн, обязательно станут. Ваши сородичи уже достаточно хлебнули горя, так что их держат на той стороне лишь гордость да страх, что здесь никто к ним не прислушается. Они будут рады слушать и переубеждаться.

– Вы плохо знаете лирр, милорд, – покачал головой Драонн. – Вы говорите, что их держат гордость и страх. Нет. Их держит только гордость. Мы, лирры, болезненно горды. Я говорю об этом без бахвальства – лично мне совсем не нравится данная черта. Но я уверяю, что пока лидеры восстания будут возглавлять их, те, кто пошли за ними, никуда не уйдут. Быть может – единицы...

– Нам и нужны единицы! – тут же подхватил канцлер. – Важно ведь не количество, а качество. Если мы отвертим от Лейсиана нескольких знатных и влиятельных лирр – за ними потянутся их вассалы, их фермеры, их друзья.

– О, тут вам точно ничего не светит, милорд! – горько усмехнулся Драонн. – Ни один принц, пошедший за Лейсианом, не оставит его. Переубедить их – всё равно что заставить солнце садиться на юге. Даже понимая, что Лейсиан ве-

дёт их на погибель – они будут слишком горды, чтобы признать это и, тем более, нарушить данное слово.

– Значит, мы вновь возвращаемся к тому, с чего начали, – Делетуар облизнул свои пухлые лоснящиеся губы. – Всё-таки Лейсиана и Волиана нужно устранить.

– А я уже говорил, что в этом я вам не помощник! – решительно ответил Драонн.

– В этом – нет, – согласно кивнул канцлер. – Но если Лейсиан всё-таки исчезнет – могу ли я рассчитывать на вас в процессе налаживания отношений с вашим народом?

– Я сделаю всё, что не пойдёт вразрез с моей совестью или интересами моей расы.

– Это ровно то, что я хотел услышать от вас, лорд Драонн! – обрадованно проговорил Делетуар. – И поскольку я по своей натуре оптимист, как и все толстяки-обжоры, то предчувствую, что ваша помощь нам скоро очень понадобится. Готовы ли вы будете приехать тогда в Кидую на какое-то время?

– Если у меня будет разрешение на это, – едко усмехнулся Драонн.

– О! – взмахнул руками второй канцлер. – Клянусь вам, что не попрошу вас приехать до тех пор, пока этот постыдный указ не будет отменен!

– Что ж, тогда по рукам! – лиррийский принц протянул свою. – Если вы отмените унизительные ограничения для лирр, я прибуду по первому вашему зову, хотя и не слыш-

ком-то верю в то, что могу быть вам полезен.

– Вы слишком скромны, – толстяк, кряхтя, подал руку. – Это не лирийская черта.

– Боюсь, вы недостаточно хорошо знаете лирр, милорд.

– Возможно. Ну что же, тогда я не смею более вас задерживать, лорд Драонн. Полагаю, вам не терпится поскорее выбраться из этой комнаты, – усмехнулся Делетуар.

– Людей вашего масштаба, милорд, не оценивают по запаху или внешности. Сделайте то, что обещали, и мир будет вечно вам благодарен.

– Вечно – это слишком долго, – вновь рассмеялся канцлер. – Я не претендую на это. Довольно будет, если меня успеют как следует отблагодарить при жизни.

– О, в этом я нисколько не сомневаюсь! – вставая, произнёс Драонн.

– В наше время ни в чём нельзя быть уверенным, лорд Драонн, – Делетуар даже не сделал попытки привстать. – Что ж, прощайте! Приятно было пообщаться с вами. Буду ждать нашей новой встречи.

– Надеюсь, она будет довольно скоро, – кланяясь, ответил Драонн. – Всего доброго, милорд!

Когда принц открыл дверь в коридор, на него буквально обрушилась волна свежего воздуха. Он казался настолько вкусным, что Драонн боялся, что захлебнётся им, пытаясь надышаться. И действительно, он так ненасытно дышал, что у него начался кашель. Юноша не удивился бы, если бы сей-

час у него изо рта стали вываливаться куски вонючего воздуха комнаты, похожие на комья свалявшейся шерсти. Борясь с кашлем, он спустился по лестнице. Ему навстречу уже шёл дворецкий, услышавший, что гость вышел.

– Всего доброго вам, сударь, – проводив лирру до выхода, старик распахнул дверь на улицу.

– Спасибо, приятель, – Драонн уже набросил на голову капюшон, тем более уместный, что снаружи, оказывается, моросил дождь.

Ещё раз вздохнув полной грудью, принц быстрым шагом направился в портовый посёлок.

Глава 4. Ратуша

Остаток зимы не принёс ничего особенного. Красноверхие больше не появлялись у стен замка, а из магистрата прибыл мелкий судейский чиновник, который, скорбно кивая и делая пометки в какой-то небольшой книжечке, выслушал рассказ Драонна. Затем он сам что-то говорил, но принц не понимал и половины сказанного.

Драонна всегда восхищал язык судейских. Кажется, он был придуман специально для того, чтобы вуалировать свои мысли потоком непонятных терминов. Это было целое искусство – говорить бессмыслицу, и при этом в любой момент суметь её истолковать так, что ты начинал себя чувствовать полным идиотом оттого, что не понял этого раньше.

В данном случае, кое-как продираясь сквозь дебри слов, монотонно высыпавшихся изо рта чиновника, принц понял, что магистрат очень сожалеет о случившемся, что он предпримет все меры, что виновные будут наказаны, что принц Драонн – уважаемый гражданин империи... Ну и всё такое прочее. Слушая этого крючкотвора, владелец Доромиона отчётливо понимал две вещи.

Первое – им несколько не жаль. Никому, начиная от этого тихоголосого чиновничка и заканчивая председателем магистрата. Им плевать, и если красноверхие сожгли бы замок, они вряд ли сильно огорчились бы. Ну а второе – то, что этот

представитель магистрата приехал в Доромион сам, было во-все не знаком особого расположения и уважения, как бы не уверял его этот судейский в обратном. Просто Драонну не захотели выдать пропуск.

Когда чиновник уехал, принц долго сидел в одиночестве у камина, и мрачность его мыслей красноречиво отражалась на хмуром лице. После инцидента с красноверхими Ливейтин уже приказал удвоить караулы, а всем фермерам строго-настрого было велено отправить домочадцев в замок, да и самим обязательно возвращаться к ночи, благо особых дел на фермах сейчас всё равно не было. Но Драонн понимал, что этого недостаточно. Власти дали понять, что они смотрят на происходящее сквозь пальцы, а это значит, что в следующий раз вновь придётся рассчитывать лишь на себя.

Главное – не поддаваться на провокацию. Сами по себе красноверхие замку были не страшны. Даже троекратно большее войско не сумеет взять замок штурмом – в этом принц был абсолютно уверен. Хуже будет, если в следующий раз эти подонки спровоцируют нападение – пожгут фермы, захватят заложников. Драонн был уверен, что если он прольёт хоть каплю их поганой крови – вскоре ему придётся иметь дело уже с регулярной армией. А тогда уже расклад будет совершенно иным.

Пока же Драонн понимал одно – скоро наступит весна, а это значит, что кровь польётся с новой силой.

Когда в Доромион пришла новость о том, что Лейсиан и Волиан схвачены, Драонн сперва в это не поверил. Месяц весны¹⁰ подходил к концу, но, несмотря на пессимистические ожидания, красноверхие так и не появились больше на его землях, хотя из Ревии приходили смутные вести о новых столкновениях. Кажется, императору всё это порядком надоело, и он решил как можно скорее покончить с мятежниками.

Драонн слышал, что в Ревии устраивают облавы на беглых предводителей восстания, что замок Волиана разрушен придворными магами до основания, что схвачен Терадиан, стремянный и правая рука мятежного принца. Что из этого соответствовало действительности, а что нет – понять было невозможно. Для этого нужно было иметь куда более разветвлённую сеть шпионов, или куда более крепкие связи.

И всё же одно дело схватить какого-то стремянного, и совсем иное – пленить вожаков восстания, которых Драонн уже начал считать неуловимыми. Сложность для императорской армии состояла в том, что Ревия была почти сплошь покрыта древними лесами, в которых лирры чувствовали себя не в пример вольнее людей. Найти среди этих лесов небольшой летучий отряд было не проще, чем отыскать иголку в стоге сена.

¹⁰ Месяц весны – один из месяцев календаря Кидуанской империи. Первый месяц весны, соответствует нашему марту.

Однако вскоре новости подтвердились. Из магистрата прибыл гонец, доставивший запечатанный пакет. В этом пакете оказалось короткое послание, в котором извещалось о поимке опасных государственных преступников. Письмо было неперсонифицировано – судя по всему, этот текст был размножен трудолюбивыми писцами и разослан сразу всем лирийским принцам, проживающим в Сеазии.

Текст, написанный аккуратным каллиграфическим почерком, не мог передать эмоции, однако Драонн буквально ощущал, каким самодовольством и злорадством истекают эти строки. После воспевания оды императору и его доблестным войскам, после описания гнусности преступления, свершённого неблагодарными представителями лирийского народа, а также после ликования по поводу того, что оные теперь понесут заслуженную кару, магистрат приглашал представителей лирийской знати прибыть в Шедон в двадцать шестой день месяца весны. Зачем – не уточнялось, но это было ясно и так.

Принц Драонн понимал, что теперь его, а также его товарищей-лоялистов ожидает самая унижительная процедура. Очевидно, их заставят подписать какие-то бумаги, осуждающие схваченных мятежников, а возможно – ходатайствующие об их скорой и по возможности мучительной казни. В тот миг, когда лоялисты отказались поддержать лейсианцев, они прошли лишь первый этап испытаний на преданность короне. Сейчас их ждал второй, и куда более неприятный.

При всём этом ехать было нужно. И ради будущего своего народа нужно было сделать всё, что потребуют люди. А люди, как известно, не отличаются особенным великодушием.

Уже почти у самых ворот Шедона Драонн, который скакал на своём любимом жеребце во главе небольшого отряда в полдюжины илиров, заметил ещё одного лирийского принца, чей надел находился неподалёку от его собственного. Это был Перейтен Бандорский, по возрасту примерно равный его отцу и бывший с Астевианом во вполне дружеских отношениях.

Драонн не виделся с принцем Перейтеном со времён похорон отца, но питал к нему уважение. Тот же, в свою очередь, тоже вполне дружески поклонился молодому принцу, когда заметил его.

– Не составите ли мне компанию, друг мой? – после взаимных приветствий обратился Перейтен к юноше.

– Почту за великую честь, милорд, – Драонн и в самом деле был обрадован и польщён подобным предложением – ему было не по себе, и общество умудрённого опытом илира было как никогда кстати.

– Как думаете, какие унижения они для нас придумают? – тон Перейтена был вроде бы легкомысленным, но глаза оставались суровы, а складки у переносицы глубоки.

– Не думаю, что они посмеют, – покачал головой Драонн,

хотя сам, конечно, считал с точностью наоборот.

– О, ещё как! – горько усмехнулся Перейтен. – Ведь если не сейчас, то потом, возможно, им ещё долго придётся ждать удобного случая. Как только жизнь вернётся в привычное русло, мы вновь станем вельможами империи, пусть и принадлежащими к иной расе. Тогда уже эти чернильные лягушки не смогут глядеть на нас свысока. Так что они постараются насладиться моментом. Это же люди, – с нескрываемым презрением добавил он.

– А вы думаете, что жизнь вернётся в прежнее русло?

– А куда же ей ещё деваться? Нас с вами пока что не убили, а это значит, что скоро придётся договариваться и, наверное, делать вид, будто ничего и не было. Лично я приложу все силы, чтобы забыть всё произошедшее как можно крепче.

Их разговор был прерван лейтенантом городской стражи, который остановил кавалькаду, чтобы проверить пригласительные бумаги. Даже сейчас запрет на въезд в город для лирр всё ещё действовал. Оба принца предпочли сделать вид, что это их нисколько не задело, спокойно протянули свои приглашения, устно указав количество илиров, сопровождавших их, после чего лейтенант довольно небрежно махнул рукой в сторону ворот: проезжайте.

– Вот вам и подтверждение моих слов, друг мой, – криво улыбнулся Перейтен. – Даже самая мелкая шавка стремится куснуть нас за пятку.

– Нужно терпеть, – глухо произнёс Драонн. – Сейчас, когда есть надежда, что война вот-вот закончится, нельзя дать им лишний повод.

– Вы правы. Увы, большинство наших сородичей посчитали бы нас трусами за такие слова. Я знаю, что частенько говорят у вас за спиной.

– О, мне говорили это и в лицо, милорд, – усмехнулся Драонн. – А если уж за спиной – так и пусть себе! Мне это даже несколько льстит – коли перешёптываются за спиной, значит не смеют сказать в глаза.

– Отличные слова! – одобрительно кивнул Перейтен. – Сказать по правде, я думаю, что вы – самый смелый илир из всех, кого я знаю. И уж, во всяком случае, куда смелее меня.

– Ну тут уж вы явно преувеличили, милорд! – рассмеялся Драонн.

– Вовсе нет. Храбрость ведь бывает двух сортов. Первая несёт тебе доблесть, почёт и уважение. Такая храбрость легка и приятна. Другая же приносит тебе презрение и насмешки. Это – храбрость идти против мнения большинства. Это – храбрость казаться трусом в глазах глупцов, не умеющих отличить трусость от мудрости. И именно этой храбростью обладаете вы, и, увы, её начисто лишён я, хотя и прожил на свете втрое дольше вас.

– Мне весьма лестны ваши слова, милорд, – серьёзно проговорил юный принц. – И я рад, что вы не судите обо мне так опрометчиво, как другие.

– Таких илиров как мы, друг мой, судить будет история. И уж она-то расставит всё по своим местам. В этом невидимом никому музее каждый из нас будет стоять на своей полочке, и у каждого будет табличка, где будет правдиво написано, что это за экспонат.

Драонн улыбнулся столь живописному сравнению. Кавалькада тем временем пробиралась не слишком широкими улочками Шедона к центру, к ратуше. Лирры то и дело ловили недобрые, а иногда и откровенно враждебные взгляды горожан. Очевидно, не будь за спинами принцев дюжины вооружённых илиров, одними взглядами дело могло бы и не ограничиться. Всё-таки сломанное единожды вновь починить уже непросто.

Теперь, под этими тяжёлыми взглядами прохожих разговоры сами собой затихли. Лирры ехали молча и настороженно, то и дело озираясь по сторонам. Лишь врождённая гордость не давала им ещё и оборачиваться на всякий случай.

Уже неподалёку от ратуши Драонну и Перейтену попала ещё одна делегация. Это был принц Телеонн Паэлийский, чьи владения узкой полоской лежали прямо вдоль побережья Западного¹¹ океана. Телеонн, будучи лишь немного моложе Перейтена, весьма отличался от него характером. Он был болезненно горд и вспыльчив, однако при этом и несколько трусоват, что ещё сильнее обостряло его чувство

¹¹ Западный океан – один из четырёх океанов, омывающих Паэтту. Позднее этот океан назовут Загадочным.

собственного достоинства.

Телеонн никогда не входил в число почитателей нового владельца Доромиона, да и с Перейтеном они были не в ладах, поэтому сейчас он ограничился лишь довольно небрежным кивком издали, и даже не произнёс обычных приветственных слов. Собственно, это не слишком-то задело парочку принцев, поэтому они так же холодно кивнули в ответ, и этим и ограничились.

– Как бы не натворил он сейчас дел, – обеспокоенно шепнул Драонн.

– Не отважится, – так же тихо ответил Перейтен. – Если бы у него хватило смелости, он ушёл бы в Ревию ещё прошлым летом. Я больше опасаюсь за Делийона – вот у кого язык без костей и кровь не жидка.

Делийон Тенедорионский был одним из семи принцев Сезии, и по возрасту он едва превосходил Драонна. Молодой и горячий, он не ввязался в авантюру Лейсиана лишь благодаря лорду Тавиану, своему дяде по материнской линии, который заменял ему отца. И сейчас дерзкий принц вполне мог что-нибудь такое ляпнуть, что, попав на незажившую рану, может вновь её разбередить. Особенно если Тавиана, его дяди, не будет рядом.

Драонн и Перейтен прибыли загодя – до обозначенного в приглашении времени оставалось ещё около часа. Однако, в ратуше уже было движение людей, явно несвойственное для провинциального города. Более того, оказалось, что они

прибыли не первыми. Когда какой-то клерк провёл их в зал заседаний, Драонн увидел там ещё двух принцев.

Одним из них был Гайрединн Кассолейский, старейший из всех принцев Сеазии и пользующийся среди них заслуженным уважением. Гайрединн вполне успешно разменял уже двадцать четвёртый десяток, но всё ещё был полон сил и величия.

При виде второго Драонн непроизвольно внутренне сжался и на мгновение почувствовал холодную сосущую боль в груди. Принц Глианн Палторский как раз был тем самым илиром, что убил на той злосчастной дуэли его отца. С тех пор Драонн видел его лишь однажды – во время похорон.

Виновником дуэли был отец, а точнее – его грубое чувство юмора и вспыльчивость. Дуэль проводилась честно и по всем правилам. Более того, Глианн клялся, что не хотел убивать своего соперника. И действительно – роковой удар, разрезавший сонную артерию, был нанесён случайно – меч Глианна скользнул по лезвию Астевиана, когда рука последнего дрогнула при неловком парировании. И рана оказалась слишком глубока, чтобы смог помочь даже присутствовавший при дуэли лекарь.

В общем, претензий к Глианну быть не могло, да и сам Драонн неоднократно заверял, что не винит принца в смерти отца, но... Положа руку на сердце, разве в силах разумного существа не винить того, кто убил его близкого илира? Поэтому, хоть юноша и пытался всеми силами это скрыть, но

вид Глианна был ему неприятен.

Тот, заметив среди вошедших Драонна, тут же встал и направился к нему, чтобы поприветствовать. Это было весьма учтиво, поэтому Драонн постарался ответить с не меньшей учтивостью. Было видно, что Глианн до сих пор сожалеет о случившемся, и это отчасти искупало содеянное.

Поскольку в зале было полным-полно судейских, никаких особенных разговоров лирры не вели. поприветствовав друг друга, Гайрединн и Перейтен завели какую-то светскую беседу, Глианн с видимым облегчением стал о чём-то переговариваться с Телеонном. Драонн же, пользуясь тем, что от него на время все отстали, уселся в уголке и о чём-то задумался.

Через какое-то время появился упоминаемый ранее Деллийон, к счастью, в сопровождении дяди, а последним явился Веилион Честнорский, чьи владения граничили с землями Драонна, но при этом они оба взаимно избегали общения друг с другом. Теперь все лиррийские принцы провинции были в сборе, а поскольку секретариат магистрата также присутствовал в полном составе, то заседание было начато несколько ранее со всеобщего одобрения.

– Милорды, благодарю за то, что приняли приглашение и явились сюда, – начал первый секретарь магистрата. – Уверен, вы знаете о причинах, что повлекли ваше приглашение. Я предлагаю сразу перейти к делу, чтобы не задерживать вас сверх необходимого.

– От имени всех моих сородичей я принимаю ваше предложение, секретарь Дарги, – величаво произнёс Гайрединн Кассолейский.

– Ни для кого из вас не секрет, что восстание мятежников Лейсиана и Волиана захлебнулось, – кивнув в ответ, продолжил секретарь. – Оба они схвачены и теперь направляются в Кидую, если уже не доставлены туда. Конечно, кое-какое сопротивление ещё имеет место быть, но теперь это уже вопрос времени. В связи с этим его величество император Родреан предлагает вам, главам знатных лиррийских домов, подписать ходатайство.

– Ходатайство на предмет чего? – вновь от лица всех спросил принц Гайрединн, хотя по его собственному лицу было видно, что он уже знает ответ.

– Ходатайство о применении к мятежникам смертной казни с остражкой, милорд, – спокойно и сухо проговорил секретарь Дарги.

В лице этого чиновника не было ни спеси, ни ненависти к лиррам. Он просто хотел поскорее и как можно добросовестнее покончить с возложенным на него делом.

– Разве его величеству нужно наше ходатайство? – насмешливо спросил Делийон прежде, чем дядя успел предупреждающе схватить его за предплечье.

– Вы правы, не нужно, – не меняя ни голоса, не выражения лица произнёс секретарь магистрата. – Изменников будет судить королевский суд, и вынесет то решение, какое по-

считает заслуженным для них, но...

– Но вы хотите повязать нас кровью наших собратьев, – неожиданно для всех тяжело проговорил принц Глианн.

Все присутствующие буквально уставились на него. Гром ударил оттуда, откуда никто не ждал. Глианн никогда не слыл илиром, бросающим необдуманные слова. Особенно после злополучной дуэли с Астевианом Доромионским. Да и тогда роковые слова были сказаны вовсе не им.

– Его величество лишь хочет, чтобы вы продемонстрировали ему свою лояльность, милорд Глианн, – не извиняясь, а лишь констатируя факт произнёс Дарги.

– А разве мы не продемонстрировали свою лояльность, отказавшись встать под знамёна Лейсиана? – сверкнув глазами, спросил принц, повышая голос.

– Это было благородно и... умно с вашей стороны, – впервые первый секретарь позволил себе укол. – Но лояльность проявляется не единожды свершённым поступком, это состояние, перманентно присущее подданным.

Кровь бросилась в лицо не только Глианну. Почти все присутствующие лирры восприняли слова человека как намёк на их трусость. Ситуация грозила выйти из-под контроля. Железные пальцы Тавиана стискивали облачённую в кольчугу руку Делийона так, словно он собирался передать её пополам, но юноша, кажется, не собирался молчать.

– Когда монарх начинает выпрашивать у подданных проявление повиновения... – начал он, но дядя не дал ему до-

говорить, изо всех сил ударив кулаком в плечо.

– *Советую* вам послушать лорда Тавиана и не заканчивать предложения, милорд Делийон, – нехорошо прищурившись, предупредил Дарги. – Император никогда и ничего не спрашивает, и уж тем более – у своих подданных. Речь идёт о том, чтобы проявить свою принципиальную гражданскую позицию, милорды. Она ровным счётом ничего не будет значить, как уже было верно подмечено. Так или иначе, но изменники будут казнены. Однако его величество *хочет быть уверен*, что измена в империи умрёт вместе с ними.

Эта завуалированная угроза была более чем ясна. Первый секретарь почти прямо давал понять, что те, кто откажется подписать прошение, в будущем могут сами оказаться под следствием.

– Позвольте спросить, секретарь Дарги, – с предельной вежливостью произнёс Гайрединн Кассолейский. – То, что вы сейчас сказали – это ваше личное мнение, или же это официальная позиция государственного чиновника?

– Это *личное мнение государственного чиновника*, милорд Гайрединн, – внушительно произнёс секретарь. – И к тому же, хорошо осведомлённого человека.

– Благодарю вас, первый секретарь, – спокойно кивнул старейшина. – Вы всегда хорошо относились к нашему народу, и мы это весьма ценим. И ваше мнение для нас особенно значимо.

Драонн хорошо понимал, о чём говорили эти двое. Сек-

ретарь Дарги либо знал, либо с уверенностью предполагал, что вскоре начнутся чистки и репрессии, в жернова которых могут попасть и те, кто благополучно пересидел войну. Он вспомнил давний визит канцлера Делетуара и подумал, станет ли он достаточной защитой для него, молодого лиррийского принца? В любом случае, лишь глупец не внял бы увещаниям секретаря магистрата. Он ведь прав – бумажка эта будет лишь простой формальностью, которая никак не повлияет на судьбу осуждённых.

Однако Драонн видел, что не все за этим столом готовы поставить свою подпись. Делийон и Глианн, а также и Телеонн сидели, насупившись, и оставалось уповать лишь на дядю первого, благоразумие второго и трусость третьего.

– Разрешите мне высказаться, господин секретарь? – поднялся Гайрединн.

– Разумеется, милорд, – с облегчением произнёс Дарги, своим чутьём уловивший, что нашёл могущественного союзника.

– Я хочу обратиться к благородным принцам, находящимся сейчас за этим столом. Когда год назад Лейсиан и Волиан начали войну против людей – разве не говорили вы о том, что они предали также и нас, нанеся удар в спину? Разве не выступили мы тогда с резким осуждением их действий? Разве не противопоставили себя им? Да, мы отказались воевать со своими собратьями – это было наше принципиальное решение. Но люди его приняли! – Гайрединн говорил твёрдо,

хотя все присутствующие здесь слишком хорошо знали, насколько условным было это принятие. – Его величество не объявил тотальную травлю лирр, хотя мог бы и имел на это право. Более того, я хочу сказать, что мир наш хрупок ещё и сейчас. Он шатается на самом кончике иглы, и малейшее дуновение ветерка может нарушить это равновесие. Так неужели мы допустим это? Если для того, чтобы обеспечить будущее нашего народа, нужно всего-то подписать какую-то бумажку – разве мудро отказываться от этого? Пришла пора слегка поступиться ложной гордостью во имя мира. Господин секретарь, подайте мне эту бумагу, я подпишу!

Дарги тут же подал знак мальчишке-писарю, который мгновенно подбежал к нему и, взяв лист пергамента и обмакнутое в чернила перо, поднёс всё это пожилому лиррийскому принцу. Одним махом, практически не глядя, Гайрединн поставил свою размашистую подпись и почти с вызовом оглядел остальных шестерых лирр, особо остановившись взглядом на Делийоне и Глианне.

– Передайте, пожалуйста, бумагу мне, – своим тихим голосом попросил Драонн, видя колебание на лицах некоторых сородичей.

Как только принц Доромиона поставил свою подпись, знак подойти мальчику сделал Перейтен. Лёд был сломлен – следом подписался Телеонн, спеша примкнуть к намечающемуся большинству, затем бумага оказалась в руках Тавиана, который подсунул её под нос племяннику. Юноша, судо-

рожно взяв перо, сломал его. Небольшая чернильная клякса упала на стол рядом с документом, запачкав самый краешек. Но никто не обратил на это внимания. Тот же мальчишка быстро принёс новое перо.

В душе Делийона, кажется, проходила нешуточная борьба – Драонн видел слёзы, вскипевшие на его глазах, а также красные пятна, покрывшие его лицо. Но Делийон пока что ещё не дорос до того, чтобы посметь перечить своему дяде, а потому в конце концов неловко расписался, царапая пергамент.

Глианн поставил свою подпись без малейшего драматизма – он полностью владел собой, и если даже испытывал какие-то чувства, то тщательно скрывал их. Веилион Честнорский расписался последним, но не из каких-то соображений, а просто потому, что бумага дошла до него после всех.

– Благодарю вас, господа! – обрадованно сказал Дарги, когда ходатайство вернулось к нему. – Заверяю вас, что власти Шедона и Сеазии никогда не имели ни малейшего повода подозревать вас в измене, и об этом неизменно докладывалось его величеству. Так же будет и в этот раз. Его величество император Родреан получит этот символ вашей лояльности, в которой он, конечно же, нисколько не сомневается. Со своей стороны хочу сказать, что никогда не питал к вам неприязни, и впредь буду льстить себя надеждой на вашу дружбу.

– Но ограничения для лирр вы пока не снимаете? – небрежно поинтересовался Глианн.

– Увы, милорд, здесь мы бессильны, – с сожалением развёл руками секретарь. – Дозволение на это мы можем ждать лишь из Кидуи. Впрочем, уверен, что это лишь вопрос времени. В самом ближайшем будущем, убеждён, эти нелепые запреты будут сняты, и тогда я безмерно буду рад видеть вас в своём городе!

– А красноверхие? – задал вопрос Драонн.

– О, не извольте беспокоиться! – презрительно скривился Дарги. – Они больше вас не потревожат. Думаю, в скором времени мы разгоним это отребье по их жалким лачугам, из которых они выползли. Я жду приказа об их разоружении со дня на день.

– Что ж, – проговорил Гайрединн. – Мы вполне удовлетворены ответами, господин первый секретарь. Если вы более не имеете ничего сказать нам, разрешите откланяться. Мне предстоит ещё неблизкий обратный путь.

– Не смею больше задерживать вас, господа! – тут же вскочил с кресла Дарги. – Ещё раз благодарю за то, что нашли время посетить нас!

– Мы сделали то, что должны были сделать, – уже стоя на площади возле ратуши, проговорил Гайрединн, оглядывая унылые выражения лиц спутников.

– С их стороны это было низостью, а с нашей – трусостью! – яростно возразил Делийон, который всё ещё не мог

окончательно прийти в себя.

– Прошу вас, друг мой, не нужно, – мягко попросил старейшина Тавиана, который, не сдержавшись, дал племяннику крепкого подзатыльника за столь резкие слова. – На то она и юность, чтобы быть горячей и бескомпромиссной. Я и сам был таким же в своё время. Принц Делийон озвучил то, что мы не рискнули бы сказать себе сами. Однако времена сейчас таковы, что придётся проглотить эту горькую микстуру, раз уж она лечит. Знаете что, милорды? Дабы нам всем немного отвлечься от мрачных дум, приглашаю вас всех ко мне в Кассолей. Мы так редко собираемся вместе, и это непростительная оплошность!

– А как же запрет на передвижения? – напомнил Драонн.

– Уверен, что сейчас это уже не столь актуально, – отмахнулся Гайрединн. – Война закончилась, пришла пора возвращаться на прежний путь. Но вы правы, милорд, я сейчас же вернусь к первому секретарю и истребую для всех вас дорожные грамоты. Не думаю, что это станет проблемой.

– Отличная идея, милорд Гайрединн! – подхватил Перейтен. – Лично я не прочь немного развеяться. Когда же вы будете ждать нас?

– Предлагаю через неделю, – подумав мгновение, ответил Гайрединн. – Этого времени мне хватит, чтобы подготовиться как следует.

– Великолепно! – чуть наигранно воскликнул Тавиан. –

Значит, на третий день империя¹²! В котором часу?

– Для некоторых из вас путь будет довольно долог, поэтому давайте договоримся на восемь вечера. Готовьтесь к тому, что проведёте у меня не менее двух-трёх дней! И не стесняйтесь в выборе компаньонов – пусть с вами приезжают не только ваши домочадцы, но и те из благородных вассалов, чьё общество будет вам приятно. Я хочу, чтобы праздник стал незабываемым!

¹² Империй – один из месяцев календаря Паэтты, соответствующий нашему апрелю. Назван в честь империи Содрейн.

Глава 5. Аэринн

Замок Кассолей располагался приблизительно в сорока милях от Доромиона, поэтому, чтобы поспеть к означенному сроку, Драонн со своей скромной свитой выехал задолго до полудня, намереваясь передвигаться в комфортном темпе и сделать хотя бы одну остановку для отдыха.

Сопровождало юного принца Доромионского всего трое илиров, не считая десятка охранников. По своей молодости Драонн не успел ещё обзавестись собственной семьёй, родители его умерли, а дядья и тётки жили в собственных имениях, поэтому в качестве приглашённых он избрал неизменно Ливейтина, а также двоих наиболее приближенных вассалов.

В Сеазии, особенно здесь, в её северной части, начало месяца империя всё ещё более походило на зиму, чем на весну. Снега было в достатке, хотя он уже порядком посерел и осел, кое-где обнажая проплешины чёрной земли. Нередки ещё были и морозы, хотя теперь они были совсем не так суровы, а весеннее солнце, поднявшись достаточно над горизонтом, уже имело довольно сил, чтобы изгнать их хотя бы до ночи.

Прекрасное время года! Драонн особенно любил импирий – оживающая природа наполняла сердце безотчётной радостью. Принц знал, что весна, как обычно, наступит вне-

запно – одна-две недели, и от этого снега не останется и следа, из ещё совсем безжизненной, казалось бы, земли моментально проступит зелёная щетина свежей травы, а на деревьях начнут набухать почки. Это будет самое блаженное время – тепло, которое ещё не успеет превратиться в жару, отсутствие комаров и другой гнуси, аромат весны, который ни с чем не спутаешь...

Сейчас, думая об этом, Драонн незаметно для самого себя улыбался. Та гнетущая тревога, в которой он жил со времён неудачного нападения на Доромион, требовала теперь исхода, и принц был счастлив удачному поводу, чтобы наконец избавиться от неё. Драонн давно не бывал нигде дальше Шедона, а потому сейчас его пьянило сладостное чувство свободы, ощущение того, что в ближайшие дни он перестанет быть правителем и главой дома, получив возможность побыть просто молодым.

Дороги были довольно пусты – когда весна вступит в свои права, они заполнятся жизнью, но пока лишь редкие путники и ещё более редкие всадники попадались небольшой группе лирр. И это было весьма кстати – здесь, в Сеазии, в отличие от Лиррии или Ревии, лиррийские владения были лишь вкраплениями в пространства, обжитые людьми, поэтому ощущение передвижения по вражеской территории так до конца и не отпускало юного принца.

Владения принца Гайрединна находились почти на самой северо-восточной границе Сеазии, и буквально через ка-

кие-нибудь десять-двенадцать миль начинались дикие земли палатийцев. Естественно, что здесь пока ещё не было крупных населённых пунктов, а значит, чем ближе они подъезжали к Кассолею, тем безлюднее становилась местность, и это тоже было приятно.

Поскольку выехали с запасом времени, Драонн не гнал своего скакуна, не желая без нужды утомлять животное. Кроме того, небольшой отряд устроил часовой привал на весьма уютном постоялом дворе, для хозяина которого золото значило куда больше расовой солидарности, а двое или трое постояльцев не рискнули вслух выражать недовольство, поглядывая на одноручные мечи, красноречиво ударяющиеся о бёдра лирр.

Кассолей неожиданно показался из-за леса, когда солнце уже касалось верхушек деревьев. Было около шести вечера, так что представители Доромиона были вполне безукоризненны в своей пунктуальности. Им как раз хватило времени, чтобы оглядеть отведённые им покои, немного отдохнуть и привести себя в порядок. Без четверти восемь слуга постучал в комнату Драонна и спросил, готов ли тот следовать за ним.

По меркам сеазийских лирр это был весьма крупный приём – едва ли не пять десятков илиров обоих полов, представителей высшего общества, собрались в огромном банкет-

ном зале Кассолейского замка. Драонн не мог припомнить, когда в последний раз он видел подобное собрание высшего света. Наверное, лишь на похоронах отца.

Принц Гайрединн, как радушный хозяин, лично встречал каждого гостя у входа, одинаково горячо пожимая руку и принцам, и их вассалам, и галантно целуя руки дамам. В центре залы уже стоял огромный, великолепно сервированный стол, возле которого происходила приятная взору возня – слуги нескончаемым потоком несли подносы и блюда с яствами, однако никто из гостей к столу покамест не спешил. Здесь происходило своеобразное кружение, в которое включился и Драонн. Он подходил то к одному илиру, то к другому, обращаясь с учтивыми, хоть и ничего не значащими фразами, расшаркиваясь с дамами и пожимая руки мужчинам.

Весьма тепло он поздоровался с принцем Перейтеном – после недавнего заседания в Шедоне он чувствовал глубокую привязанность к этому илиру. Затем они взаимно представили друг другу своих спутников. Драонн не скупился на рекомендации, представляя Ливейтина, и при этом ему практически не приходилось ни привирать, ни даже преувеличивать.

Затем всеобщее круговое движение привело его к Глианну Палторскому. Он стоял под руку со своей женой, которая, как поговаривали, не так давно наконец принесла ему долгожданного наследника. Глианн сдержанно улыбался. Каза-

лось, он начисто позабыл историю с подписанием петиции. Заметив, что к нему приближается Драонн, он лишь слегка изменился в лице, но тут же взял себя в руки.

– Милорд Драонн, – проговорил он, мягко освобождаясь от супруги и делая шаг навстречу принцу. – Я очень рад видеть вас!

– Я тоже, милорд Глианн, – как ни странно, но сейчас юноша почти не кривил душой. – Принцу Гайрединну пришла в голову на редкость удачная идея.

– И то верно! Познакомьтесь с моей женой. Её зовут Биалинн, и она семь месяцев назад подарила мне самый великолепный подарок, какой только может пожелать мужчина.

– Да, я слышал, что у вас родился сын, милорд, – Драонн был польщён тем, что Глианн сообщил ему новость, не бывшую, судя по всему, достоянием общест­венности, и это было явным признаком глубокой симпатии. – Примите мои самые искренние поздравления, а вы, госпожа Биалинн, примите моё восхищение.

– Благодарю вас, милорд, – изячно присела в реверансе госпожа Биалинн. – Я льщу себя надеждой однажды увидеть вас в Палторе. Мы с мужем будем счастливы принять вас.

– Вы оказываете мне невероятную честь, госпожа, – низко поклонился Драонн. – Даю слово, что обязательно воспользуюсь вашим любезным приглашением. Увы, мы так редко выбираемся друг к другу в гости, а ведь нам как никогда нужно держаться вместе.

– Поверьте, милорд, я ничего так не желаю, как иметь честь называться вашим другом, – произнёс Глианн совершенно искренним тоном.

– Заверяю вас, милорд Глианн, что питаю к вам лишь дружеские чувства.

– Вы – благородный юноша! Я, вслед за своей женой, хочу ещё раз пригласить вас к нам в гости.

– Непременно буду у вас в ближайшее время! – заверил Драонн, раскланиваясь.

Круговое движение продолжалось. Тренированная множеством прочитанных книг память молодого принца без особых проблем удерживала десятки лиц и имён, большинство из которых он либо видел впервые, либо позабыл, что видел ранее. Он не проходил мимо ни одной из небольших групп, а его малочисленная свита следовала за ним по пятам.

Дошла очередь и до Делийона Тенедорионского. Юный принц всеми силами стремился показать, что прибыл сюда не по своей воле. Он стоял рядом с любезно улыбающимся лордом Тавианом и кривился так, словно только что хлебнул кошачьей мочи. Завидев приближающегося Драонна, он скис ещё больше – очевидно, что у Делийона было собственное, и крайне нелестное мнение о принце Доромиона. Его дядя, напротив, заулыбался ещё радушнее, и, судя по всему, это радушие не было напускным.

– Приятно видеть вас здесь, милорд Драонн, – проговорил он, протягивая руку.

– И это взаимно, лорд Тавиан, – улыбнулся Драонн.

Он демонстративно не замечал племянника, предпочитая вести диалог с дядей. Делийон отвечал ему тем же презрительным пренебрежением, лишь изредка фыркая на те похвалы, что расточал Драонну Тавиан. Будь здесь прежний хозяин Доромиона, он бы вряд ли стерпел такое отношение к себе, и дело, вероятно, закончилось бы дуэлью, но новый владелец был совсем из иного теста. Поэтому, пару минут поговорив с лордом Тавианом, он, вежливо поклонившись последнему, невозмутимо двинулся дальше.

– Жаль, что моя сестрица не сумела родить кого-то вроде него, – услышал он реплику Тавиана, и едва сумел сдержать смешок.

Что ответил дяде раздосадованный Делийон, Драонн уже не расслышал – гул от голосов в зале стоял довольно громкий.

Была едва ли не половина девятого, когда хозяин дома пригласил всех к столу. К этому времени как раз все успели поздороваться и переговорить со всеми. У стола стояли слуги, которые тут же указывали гостям их места за столом. Было видно, что Гайрединн весьма тщательно продумал рассадку, дабы максимально угодить всем и не создавать ненужных трений. Так Драонн оказался бок-о-бок с принцем Перейтенном, чему был несказанно рад. Как и тому, что делегация Тенедориона разместилась на дальнем конце стола, так что можно было есть, не боясь испортить пищеварение со-

зерцанием кислой физиономии Делийона.

Лишь тогда, когда каждый прибор, каждое блюдо, каждая салфетка заняли своё место на столе, равно как и последний гость занял своё место за столом, появились хозяйки этого торжества, которые до последней секунды следили за тем, чтобы всё было как должно.

Пожилая женщина, чью гордую стать не сумели сломить прожитые годы, царственно двигалась в ореоле белоснежных волос. Мало кто даже из лирр в столь преклонном возрасте рискнули бы иметь столь вызывающую причёску. Но Олива Кассолейская, супруга Гайрединна, даже в эти годы обладала шикарными волосами, которые, потеряв свой первоначальный вороновый цвет, стали ещё удивительнее, отливая лунным серебром.

Рядом шла юная девушка, глядя на которую можно было представить, какова была госпожа Олива в молодости. Та же гордая благородная красота, те же неистовые иссиня-чёрные волосы, та же изысканная стройность и осанка, которые никогда не будут доступны людям.

Девушка везла перед собой кресло на колёсиках, в котором сидела ещё одна женщина. Шея, искривлённая под неестественным углом, так что казалось, будто несчастная пытается рассмотреть что-то, расположенное сверху и позади неё, а также руки, которые, казалось, пытался связать узлами какой-то жестокий великан, сразу давали понять, что эта лирра была магией. Драонн тут же припомнил, что ко-

гда-то слышал о том, что дочь Гайрединна действительно была магиней, только вот имени её вспомнить не сумел.

Признаться, сейчас его внимание было занято отнюдь не этой искалеченной женщиной. Юноша не мог отвести глаз от прекрасной девушки, которая, казалось, единственная осталась существовать на всей земле.

Тем временем, обе женщины учтиво поклонились собравшимся гостям, на что те ответили восторженными приветствиями. Несколько илиров из тех, что сидели неподалёку от мест хозяек, тут же вскочили, чтобы сопроводить их за стол. С особой осторожностью они подкатили кресло к специально пустовавшему для этого месту.

– Кто эта девушка? – слегка задыхаясь от волнения, спросил Драонн у Перейтена, который уже приступил к трапезе и обгладывал сейчас фазанье крылышко. – Внучка милорда Гайрединна?

– Что вы, – промакнув рот салфеткой, ответил тот. – У милорда Гайрединна нет внучек. Это – его младшая дочь Аэринн.

Лишь сейчас Драонн понял, что спросил очевидную глупость. Магини были бесплодны, а это значит, что Аэринн не могла быть дочерью той женщины в кресле. Но дочь... На вид девушка была едва ли старше него самого, тогда как Гайрединн годился в отцы его отцу. Конечно, старость щадила лиррийский организм куда больше, чем человеческий, но всё же... Драонн поглядел на пожилого принца и особенно его

супругу с невольным восхищением.

Но довольно быстро он сосредоточился на другом. Аэринн явно не замужем – иначе она не жила бы в отцовском доме. Возможно, у неё кто-то есть, но даже если это так, то этот ухажёр (Драонн уже ненавидел его, даже не зная кто он и существует ли вообще) не принят ещё семьёй, поскольку в противном случае он сидел бы сейчас рука об руку с девушкой. Следовательно, она свободна.

Драонн никогда не считал себя излишне романтической натурой. До сих пор он не слишком-то интересовался девушками и всеми этими нежными чувствами. В читаемых им книгах о великих полководцах, когда изредка в них случились-таки описания неких любовных походов, он обычно просто с досадой пролистывал эти неинтересные страницы, чтобы вновь углубиться в описания тактик и стратегий.

Он прекрасно понимал, что как глава древнего правящего рода он обязан будет рано или поздно озаботиться продолжением рода, но втайне надеялся, что эта необходимость возникнет как можно позднее. В общем, до сего дня Драонн считал себя неуязвимым для романтических чувств.

Однако теперь он буквально пожирал взглядом прекрасную дочь хозяина, при этом едва прикасаясь к блюдам, хотя лишь за минуту до начала обеда он, казалось, умирал от голода. Принц весьма рассеянно отвечал на вопросы Перейтена, и тот, быстро поняв причину такой рассеянности, с доброй усмешкой переключился на другого собеседника.

Когда взгляд Аэринн впервые скользнул по Драонну, он, казалось, даже не остановился на юноше, и тем не менее принц почувствовал, как у него перехватило дыхание и пересохло в горле. Он спешно схватил бокал с вином, чтобы смочить нёбо, но пальцы плохо слушались, так что он лишь толкнул почти полный бокал, и тот, звякнув о соседние блюда, опрокинулся.

Это вызвало небольшой переполох вокруг – тут же подбежали слуги, гости инстинктивно отпрянули, боясь, что красное вино испортит их дорогие наряды. А Аэринн вновь посмотрела на того недотёпу, что стал виновником всей этой кутерьмы. Она овладела с лицом, но Драонн увидел, как смешинки запрыгали в её огромных прекрасных глазах.

Как мы знаем, юный принц был и так довольно застенчив, хотя, конечно, несколько лет во главе своего дома немного исправили этот недостаток. И всё же он окончательно смешался от подобного фиаско, и ему страшно захотелось куда-нибудь убежать. Естественно, сделать этого он не мог, поэтому пришлось притвориться, что он страшно увлечён едой, хотя кусок едва лез ему в горло.

Однако теперь он, к своему удивлению, гораздо чаще стал ловить на себе взгляды юной насмешницы, и теперь они уже были не столь мимолётны. Она словно дразнила, иногда подолгу глядя на него до тех пор, пока не ловила его чуть испуганный взгляд. А сам Драонн никак не мог решить – радует ли это его, или пугает. Всё-таки жизнь, которую он вёл, была

слишком приятна, чтобы так легко расстаться с нею, пусть даже ради такой великолепной девушки.

В общем, долгий ужин показался Драонну ещё длиннее, и как только стало можно выйти из-за стола, он тут же едва ли не бросился к тёмной нише окна, где, усевшись на холодный мрамор подоконника, надёжно укрытый сумраком, стал наблюдать за Аэринн.

Теперь, после ужина, многие подходили, чтобы лично поблагодарить хозяек дома. Всякий раз, как к Аэринн подходили мужчины, он невольно скрипел зубами – ему казалось, что все присутствующие без памяти влюблены в неё и борются за её внимание. Драонн видел, что молодая хозяйка – весьма бойкая девушка, которая без труда поддерживала разговор, непринуждённо смеялась и находилась с ответом для любого, кто бы к ней не подошёл. Принцу же одновременно и до безумия хотелось подойти, чтобы также сказать ей какую-нибудь чепуху, и не менее мучительно хотелось держаться подальше, отдавая себя на растерзание невесть откуда взявшейся ревности.

Дилемму разрешил хозяин дома. Молодой слуга вежливо подошёл к Драонну и сообщил, что милорд Гайрединн ищет его, чтобы поговорить. Густо покраснев, принц двинулся следом за посыльным.

– Милорд Драонн, – радушно воскликнул Гайрединн, заметив обречённо подходящего принца. – Позвольте представить моих домочадцев.

Первой, естественно, была представлена госпожа Олива, и здесь Драонн вполне искренне рассыпался в восхищённых эпитетах. Затем настала очередь магини, которую, как выяснилось, звали Дайлой. Тут уже принцу пришлось тяжелее – говорить с волшебниками всегда нелегко, а уж когда приходится обращаться даже не к лицу, а к уху и сведённой вечной судорогой шее, то это и вовсе превращается в едва решаемую задачу.

Однако же Драонн сумел произнести какие-то фразы, услышав в ответ глухой и надтреснутый голос, больше похожий на голос простуженного маленького мальчика. Лишь огромным усилием воли он заставлял себя не отводить взгляда от этой гротескно исковерканной фигуры. И, надо сказать, этому немало помогали горящие выше глаза Аэринн, которые, казалось, не мигая, неотрывно следили за его лицом. Смотреть на магиню казалось не столь страшным, как взглянуть в эти смеющиеся глаза.

Тем не менее, это пришлось сделать, когда Гайрединн произнёс:

– А это – моя младшая дочь, Аэринн.

– Я счастлив познакомиться, госпожа... – кое-как выдавил Драонн, заставив себя взглянуть в столь близкое лицо девушки.

С такого расстояния она казалась ещё прекраснее и восхитительнее. Казалось, все черты доведены в ней до совершенства. Быть может, казалось так только одному лишь Дра-

онну, но сути это не меняло – он был ослеплён и оглушён.

– Не облились ли вы вином? – лукаво улыбаясь, поинтересовалась Аэринн.

– Как-то не успел... – невпопад ляпнул Драонн и едва не поперхнулся, поняв, что сморозил страшную глупость.

Аэринн, не сдерживаясь, фыркнула в кулачок, и, к огромному удивлению принца из инвалидного кресла послышалось какое-то покашливание, которое не могло быть ничем иным, как смехом.

– Аэринн! – строго одёрнула дочь госпожа Олива, хотя Драонну показалось, что и у неё слегка дёрнулся уголок рта.

– Извините мою дочь, милорд! – тут же заговорил Гайрединн. – Она – моя любимица, ни в чём не могу её ограничить. Если бы не супруга – совсем от рук отбилась бы!

– Не стоит извинений, милорд, – Драонну немного удалось взять себя в руки. – Право же, я сам сплеховал, сказав очевиднейшую чушь. Кто угодно рассмеялся бы над этим.

– Милорд Драонн – один из лучших вельмож нашей провинции, а быть может – и всей империи! – обращаясь к женщинам, произнёс Гайрединн. – Он оказал мне неоценимую помощь в магистрате, да и вообще я восхищён его взвешенной политикой. Убеждён, его ждёт великое будущее, и его правление послужит не только славе Доромиона, но и славе всего нашего народа!

– Вы заставляете меня краснеть, милорд Гайрединн, – смущённо проговорил Драонн, опуская глаза.

– Да вы и так уж красны как варёный рак! Куда уж дальше? – тут же воскликнула Аэринн, вызвав новый приступ веселья у своей старшей сестры.

– Аэринн! – на сей раз Олива совершенно серьёзно прикрикнула на дочь. – Что ты себе позволяешь?

– Простите, мой принц, – сделав насмешливый книксен, пролепетала Аэринн, всем своим видом изображая раскаяние, хотя никто из присутствовавших не поверил этому ни на оэр.

Это окончательно выбило Драонна из колеи, так что он не сумел найтись с ответом.

– Прошу вас, милорд Драонн, идите и развлекайтесь, пока эта хищница не проглотила вас целиком! – выражение лица Гайрединна было несколько сконфуженным, но одновременно в нём читалась и отческая гордость, и бесконечная любовь к дочери.

Неловко поклонившись, принц воспользовался предложением и быстро направился к Ливейтину, стоящему неподалёку. Он нисколько не винил стариков за подобную снисходительность к проделкам Аэринн – они получили дочь в том возрасте, когда многие уже с нетерпением ждут правнуков. Да и на самом деле он нисколько не сердился на девушку. Скорее наоборот – в его груди разливалось какое-то блаженное тепло, какого он никогда раньше не ощущал.

Однако он по-прежнему чувствовал неловкость, поэтому, подойдя к своему начальнику стражи, так и не нашёлся, о

чём с ним заговорить, а потому, чуть потоптавшись возле почтительно притихших вассалов, вновь отправился в спасительный мрак оконной ниши.

Какое-то время он бессмысленно глядел в окно, но там не было видно ничего кроме крошечной тьмы да слабого отражения того, что происходило позади него. Но это было и неважно – Драонну сейчас хотелось думать, а не смотреть. Очевидным для него было то, что он без памяти влюбился в Аэринн. Конечно, принц не мог определить – глубокое ли это чувство или же сиюминутная страсть, вызванная пробуждением его мужского естества, но в данный момент времени это и не имело никакого значения.

Драонн понимал, что он – принц, что по своему происхождению он вполне ровня роду Аэринн, и что нет никаких причин для него не попытаться добиться её согласия на брак. Более того, он был убеждён в том, что Гайрединн, без сомнения, поддержит этот союз, да и сам он – далеко не худшая партия для замужества. Но природная робость, а также полная неопытность в подобного рода делах словно парализовали волю Драонна, заставляя мысли бешено скакать в одном и том же кольце, раз за разом проживая события их краткой беседы.

– Вот вы где спрятались! – раздался совсем рядом такой уже знакомый голос.

Аэринн стояла рядом, опираясь плечом на шершавую стену.

– Я не спрятался, – краснея, пробормотал Драонн, поспешно поворачиваясь к девушке.

– Понятно, – насмешливо кивнула она. – Просто в это время дня из наших окон самый прекрасный вид.

– Вроде того, – смущённо усмехнулся он в ответ.

– Вы простите, что я насмеялась над вами, – в её голосе не слышалось и капли раскаяния.

– Разве? Я даже не заметил, – Драонн осознавал, что выглядывает в глазах Аэринн всё глупее и глупее, но ничего не мог с собой поделать.

– Значит, в следующий раз буду стараться лучше, – с очаровательным изяществом фыркнула она.

– Зачем? – не нашёл ничего умнее спросить Драонн.

– Да что с вами такое? – рассмеялась Аэринн. – Вы что же – ничего не поняли?

– Простите, сударыня, но...

– Нас собираются поженить, мой принц! – как о каком-то незначущем пустяке заявила Аэринн.

– Что??? – Драонн был настолько удивлён, что решил, что ему просто послышалось.

– А вы думали – зачем мой отец организовал этот вечер? – пожалала плечами девушка. – Не знаю, что там насчёт вас, но я уже была заранее предупреждена, что сегодня меня познакомят с весьма выгодной для меня партией. Я, кстати, представляла вас чуть повыше ростом.

– Что вы хотите сказать?..

– Что вы не такой высокий, как я думала, – вновь хихикнула Аэринн.

– Я не об этом, – Драонн, казалось, даже не осознал последних слов. – Ваш отец пригласил меня сюда, чтобы выдать вас замуж?

– Вас это смущает?

– Да, признаться... Немного... – мысли принца путались. – Просто это как-то неожиданно.

– Какой же вы смешной! – рассмеялась Аэринн, но как-то совершенно не обидно, а скорее даже приятно. – Я и не знала, что в наше время ещё бывают столь застенчивые юноши, а уж тем более – принцы. Что же, мой принц, мне уже пора. Я слышала, вы задержитесь у нас на несколько дней. Значит – мы ещё увидимся.

Резко повернувшись, она быстрой походкой направилась к родителям, а Драонн так и остался ошеломлённо глядеть ей вслед.

Глава 6. Помолвка

Утро напоминало о бессонной ночи приглушённой головной болью. Драонн так и не смог уснуть, а если даже и задремал ненадолго, то облегчения это не принесло. Хвала богам, по обычаям знатных лирр завтрак никогда не проходил в компании других – даже семьи не завтракали вместе. Конечно, на простых илиров это не распространялось – у них зачастую не было ни времени, ни возможностей барствовать. Здесь же, в замке Кассолей, слуги, конечно, разнесли подносы с лёгким завтраком по комнатам гостей.

Драонн думал, что переживания отбили у него не только сон, но и аппетит, но ошибся. Молодой организм требовал энергии, так что юноша съел всё без остатка, усмехнувшись про себя, что он не очень-то похож на страдающего романтического принца из глупых книжек.

Теперь нужно было подготовить себя к встрече с Аэринн. Он понимал, что вечно бегать и прятаться не получится, тем более, если её родители действительно задумали женитьбу. Кстати, несмотря на сладостную истому, что неизбежно возникала в груди, как только Драонн думал о возможном браке с Аэринн, он чувствовал также и лёгкую досаду – почему-то ему всегда казалось, что в данном вопросе право выбора будет предоставлено всё-таки ему. Успокаивало лишь то, что сам он при всём желании не сделал бы лучшего выбора.

Вчера вечером принц Гайрединн объявил о том, что сегодня состоится охота на кабана, который в изобилии водился в окрестных лесах. Драонн понимал, что с его стороны будет довольно глупо отказаться, тем более что никаких видимых причин для этого не было. Выходит, нужно было собираться на охоту. Юноша готов был заложить голову, что там обязательно будет Аэринн, и это наполняло его сердце одновременно трепетом ожидания и тревоги.

Выйдя из своей комнаты, Драонн намеревался спуститься вниз, в общую залу, где уже должны были собраться будущие участники охоты, однако первое, что он увидел, была Аэринн, сидящая в проёме окна в изящном охотничьем костюме. Она забралась на подоконник с ногами, обхватив руками колени и прислонясь спиной к оконному откосу.

До встречи с людьми лирры не знали такого понятия как этикет. Их взгляды на приличия строились на естественном и рациональном понимании жизни. Лишь много позже, начав жить совместно с людьми в их тесных деревянных и каменных городах, лирры стали усваивать то множество странных условностей и правил, которые зачем-то ввели в свой обиход люди.

Тем не менее, на многие вещи лирры по-прежнему смотрели куда проще людей. Так Аэринн, допустим, даже не потрудилась, чтобы найти предлог для встречи с Драонном. Любая девушка из людей наверняка постаралась бы сделать вид, что она случайно проходила мимо, ведь этикет яростно

порицал женщину, делающую первый шаг. Но Аэринн не было никакого дела до этого, и раз уж ей захотелось повидаться с Драонном, то она не видела причин этого не сделать.

– Ну вы и соня! – насмешливо проговорила она, мягко, словно кошка, спрыгнув с подоконника. – Другие вон уже давно собрались!

– Я не спал! – покраснел Драонн. – Если хотите знать, я вовсе не спал этой ночью!

– Наши постели недостаточно мягкие для вас, мой принц?

– Дело вовсе не в этом! И вообще, может уже хватит постоянно насмеяться надо мной?

– О, сегодня вы уже не мямлите! – Аэринн с интересом заглянула ему в глаза.

Хоть она и говорила, что представляла себе Драонна выше ростом, тем не менее, сама была почти на голову ниже него, так что теперь, подойдя почти вплотную, глядела снизу-вверх.

– Я и вчера не мямлил.

– Вероятно, мы по-разному понимаем это слово, – улыбнулась Аэринн. – Ну так что, вы собираетесь на охоту?

– Конечно! – как можно бодрее ответил Драонн.

– А скольких кабанов вы уже убили, мой принц?

– В наших местах кабаны редки, сударыня, – чуть смутился Драонн. – Кроме того, я совсем не охотник.

– А я люблю охоту! Когда мы поселимся в Доромионе, мне будет её не хватать.

Не ожидавший подобного Драонн от неожиданности поперхнулся слюной и закашлялся. Аэринн же звонко рассмеялась.

– Я вновь смутила вас, мой принц?

– Признаться, да, – пытаюсь побороть кашель, выдавил Драонн. – Вы можете представить, насколько вы удивили меня последними новостями, так что, я думаю, мне прости-тельно быть слегка смущённым.

– Простите, я не хотела...

– Разве нет? А мне кажется, что вы играете со мной с той самой минуты, как заметили меня за столом.

– По-вашему, я играла с вами и за столом? – хитро стрельнула глазами Аэринн.

– Ваши пристальные взгляды мешали мне ужинать.

– Какие ужасные впечатления у вас останутся от Кассо-лея! Сперва вы плохо поели, затем – дурно спали... Осталось ещё свалиться с коня на охоте для полного комплекта!

– Поверьте, на лошади я держусь вполне сносно.

– Ну тогда на вас может напасть раненый вепрь, – не рас-терялась девушка.

– Я сделаю всё возможное, чтобы этого не произошло, – заверил Драонн. – Как я уже говорил, охотник из меня ни-кудышный, так что я постараюсь держаться подальше от ва-ших кабанов.

– Застрелите кабана для меня, мой принц, – тон, которым Аэринн произнесла эти слова, а также взгляд, которым она

их сопровождала, заставили сердце юноши затрепетать.

– Простите, сударыня, но я противник убийства из одного интереса, – всё же произнёс он, уже сожалея о сказанном. – Звери не виноваты в том, что нам бывает скучно.

– А как же азарт, доблесть? – вскинулась Аэринн.

– Не много доблести в том, чтобы нескольким мужчинам верхом на лошадях расстрелять издали несчастного кабана, – возразил принц.

– Ну так оставайтесь дома! – выпалила девушка и, резко повернувшись, яростно зашагала прочь, оставив Драонна в полнейшем смятении.

Через некоторое время Драонн на обмякших ногах спустился к остальным гостям. Принц Гайрединн тоже был здесь, а вот Аэринн видно не было.

– Составите нам компанию, милорд? – подходя к юноше, предложил пожилой принц.

– С удовольствием, милорд Гайрединн, – кое-как поклонился тот. – Когда выступаем?

– Жду знака от своих егерей. Надеюсь, в течение часа выдвинемся. Покамест можете выбрать себе подходящее оружие, или вы предпочтёте свой лук?

– Извините, милорд, – тихо, но решительно возразил Драонн. – Я отправляюсь лишь развеяться и подышать лесным воздухом. Мне не доставляет удовольствия убивать ни в чём не повинных животных.

– Воля ваша, друг мой, – юноше показалось, или принц

бросил на него какой-то странный взгляд, хотя никакого осуждения или насмешки в нём не было. – Поедем развеяться. Я тоже не планирую принимать участия в охоте. Боюсь, в моём возрасте мне уже не поспеть за молодёжью.

– Почту за честь составить вам компанию, милорд.

Драонн был довольно рассеян – он постоянно искал глазами юную охотницу, но не находил, отчего чувствовал одновременно и облегчение, и досаду. Наконец в дверях возник старший егерь замка, объявивший, что загнаны сразу три крупных кабана, ближайший из которых должен быть не более чем в четверти часа хода рысью.

– По коням, господа! – возбуждённо воскликнул Гайрединн. – Это будет славная охота!

Около двух десятков илиров, радостно галдя, высыпали во двор, где их ждали осёдланные лошади. Здесь Драонн увидел Аэринн, уже гарцующую на горячем нетерпеливом скакуне. Девушка весьма ловко обращалась с лошадыю, так что та буквально танцевала под ней, изнемогая от желания рвануть в галоп. Заметив Драонна, Аэринн одарила его вызывающим, насмешливым взглядом, который он выдержать не сумел.

Кавалькада шумно сорвалась с места, предвкушая удовольствие. Драонн же пустил свою лошадь вскачь так, чтобы не терять из виду охотников, но при этом и не быть в этой шумной толпе. Сейчас ему вообще хотелось одиночества. Ещё вчера, узнав о возможной женитьбе, он почувство-

вал страх. Страх того, что его жизнь круто изменится, что придёт конец его необременительному одиночеству. Однако теперь, потеряв эту, пусть эфемерную, возможность, Драонн почувствовал самую настоящую пустоту внутри.

Это было довольно странно – ведь, по существу, он ничего не потерял. Ну разве можно потерять то, чего не было? Однако именно эта вот пустота говорила о том, что – да, оказывается, можно. Он знал Аэринн меньше суток, за это время успел несколько раз выставить себя дураком, затем и вовсе вывести её из себя, а то, быть может, и оскорбить, но сейчас ему казалось, что он знает её давным-давно и что ровно столько же и любит её.

Как только зазвучали рожки егерей, Гайрединн, по-видимому, совершенно забыл, что не собирался участвовать в охоте. Так что Драонн, отстав шагов на сто от остальных, был в полном одиночестве. Его вассалы, также не особенно привычные к охоте, поскольку в окрестностях Доромиона крупного зверья не водилось уже много десятилетий, решили остаться в замке, так что никто не мешал молодому принцу размышлять.

В лесу Драонну приходилось ориентироваться уже, в основном, только на звук да на взрытый множеством копыт ноздреватый снег, перемешанный с оттаивающей постепенно землёй. Охота ушла вперёд, то там то здесь раздавался лай егерских псов. Вкупе с отличной солнечной погодой и густым хвойным ароматом это могло бы взбодрить даже леген-

дарного короля Полла¹³, однако впервые испытывшему любовные муки юноше всё было не в радость.

Выбравшись на поляну, он застал уже самый конец кровавой драмы. На испятнанном кровью грязном снегу дёргался в агонии истыканный стрелами вепрь. На безопасном удалении с полдесятка егерей едва удерживали на поводках остервенелых от запаха крови псов. Благородные охотники, держа свои луки в руках, весело смеялись, глядя на кабана, всё ещё пытающегося подняться на ставшие непослушными ноги. Вместо истошного визга он издавал теперь лишь хрюкающие хрипы, да звуки, слишком уж похожие на стоны.

Вид этой мучительной смерти заворожил Драонна, и он не мог отвести взгляда, пока кабан не издох. Тогда разгорячённые охотники пососкакивали с лошадей. Главный егерь Кассолея подошёл к застывшей груди мяса. Тут же подоспели другие егеря. Тяжеленную тушу не без труда повернули, уложив на спину.

Несколькими уверенными надрезами главный егерь вскрыл брюшину, вывалив на снег внутренности. Он достал из заплечной сумки оправленный в серебро рог и зачерпнул дымящуюся, почти чёрную кровь. Это был древний как мир

¹³ Король Полл – мифическая личность из древней истории империи Содрейн. По легенде, король Полл был правителем небольшого народа задолго до создания империи. У него было одиннадцать сыновей и шесть жён, и он всегда называл себя счастливейшим из людей. Однажды Асс решил отомстить ему и наслал ядовитых змей, которые умертвили всех детей и жён короля. Узнав об этом, король Полл повредился в рассудке и остаток своей жизни плакал, не переставая.

обычай – охотники выпивали немного крови своей жертвы.

Первым окровавленный рог поднесли самому принцу Гайрединну, и он с удовольствием пригубил его. Было видно, что принц – страстный охотник, и что сейчас он буквально опьянён происходящим. Егерь стал обносить кровавой чашей всех, кто принимал участие в убийстве кабана, и почти все они хотя бы коснулись её губами. Отказались лишь двое.

А Драонна мутило. Он отвернулся, но даже не потому, что вид илиров, пьющих кровь, вызывал тошноту. Просто принц вдруг понял, сколь много лирры переняли от людей, и как далеко ушли в слепом желании им уподобиться. Неужели именно об этом говорил Лейсиан?..

– Господа, этим славным кабанчиком займутся другие, а мы отправляемся за следующим! – провозгласил Гайрединн, вскакивая на коня. Он довольно небрежно отёр кровь со рта, поэтому кое-где эта уже запёкшаяся тонкая корочка окаймляла его верхнюю губу.

Только сейчас Драонн заметил, что среди стрелков нет Аэринн. Он стал оглядываться с растерянным изумлением, но нигде не замечал ни её стройную фигурку, ни её светло-серого скакуна. Тем временем охотники стали покидать поляну, оставив на ней егерей, которые стали разделывать тушу, а точнее – просто отрезать задние окорока. Принц понял, что бóльшая часть убитого вепря так и останется лежать тут на радость волкам и лисицам. И от этого вновь стало тошно.

Теперь Драонн спешил ещё меньше. Отряд помчался прямо сквозь лес вслед за главным егерем, а юноша, подумав, развернул свою лошадь обратно к замку. Ему совершенно расхотелось участвовать в охоте, и даже этот великолепный день в великолепном реликтовом лесу не прельщал его больше.

Медленным шагом брела лошадь назад, словно разделяя уныние хозяина. Драонн уже сам не знал, что причиняет ему большую боль – недавняя сцена, или разрыв с Аэринн. Или, быть может, эти раны усугубили одна другую.

Принц обернулся, услышав топот копыт, хотя тот и приглушался снегом. И совершенно опешил, увидев, что его догоняет Аэринн. Он настолько растерялся, что даже не подумал о том, чтобы остановить свою лошадь. Лишь глядел на приближающуюся девушку, рискуя вывихнуть себе шею.

– Вы настолько обиделись на меня, что не можете даже подождать? – поравнявшись с Драонном, спросила Аэринн. – Вы, кажется, пытаетесь избавиться от меня?

– Ни в коем случае, сударыня! – горячо возразил Драонн, чувствуя прилив необъяснимой радости. – Просто я был очень удивлён, увидев вас здесь, тогда как полагал, что вы сейчас там, куда умчалась охота.

– А вы сами почему не там?

– Простите, сударыня, но я уже говорил, что не вижу большого удовольствия в травле зверя, – в груди Драонна враз стало холодно и пусто. Он понимал, что каждое его слово

сейчас воздвигает непреодолимую стену между ним и Аэринн, но его словно несло – он не мог не сказать этого. – Мне хватило того, что я уже увидел. Кстати, я почему-то также не увидел вас среди охотников.

– Вы именно такой, как говорил отец, – девушка посмотрела прямо в глаза Драонну, и он удивился, не прочтя в её взгляде ни обиды, ни презрения. – У вас есть собственные принципы, и вы не готовы отступить от них даже ради собственной выгоды. Вы понимали, что ваши слова могут вызвать мой гнев, но всё равно сказали их.

– Благодарение судьбе, сударыня – она ещё никогда не ставила меня в столь жёсткие рамки, чтобы мне приходилось поступаться своими взглядами. Но не заблуждайтесь на мой счёт – я не такой уж нестигаемый. Просто пока не приходилось сталкиваться с силой, перед которой пришлось бы согнуться.

– А вот сейчас было обидно, мой принц! – Аэринн состроила печальное личико. – Значит я для вас – недостаточно могущественная сила, чтобы заставить вас согнуться?

– Ах, госпожа Аэринн, вы неверно поняли мои слова! – вспыхнул Драонн. – Я совсем не то имел в виду. Конечно, именно вы – та сила, перед которой я готов преклониться без рассуждений!

– Однако вы этого не сделали! – резонно заметила девушка. – Что, если я сейчас попрошу вас вернуться на охоту и пустить стрелу в кабана?

– Увы, я откажусь, моя госпожа, – внутренности Драонна сжались от ощущения неизбежной катастрофы, и он сейчас почувствовал себя уже летящим в пропасть, так что кривить душой было бессмысленно. – Я готов склониться лишь перед той силой, что станет уважать и меня. То, что вы предлагаете, больше похоже на игру кокетки, которая из одной своей прихоти заставляет преданного ей илира совершать безумства. Я не стану поощрять вас в этом. Уж лучше я уеду от вас сегодня же.

– Уедете?

– Так будет лучше всего, сударыня. Уже совершенно ясно, что я не тот, кто нужен вам, а потому мне будет лучше вернуться в Доромион, чтобы поскорее забыть.

– Забыть что, мой принц? – впервые в этом её обращении к нему не было скрытой насмешки.

– Забыть вас, Аэринн, и те чувства, что вы во мне пробудили, – решив, что хуже уже не будет, Драонн бросился в омут с головой.

– И что это за чувства?

– Прошу вас, довольно смеяться надо мной, сударыня! – лишь воспитание не позволило принцу пустить своего коня вскачь, чтобы избежать этого тягостного разговора.

– Вы хотели знать, почему меня не было там, среди охотников? – спросила вдруг Аэринн. – Я никогда не убивала животных, мой принц. Мне это столь же противно, как и вам. Я поспешила прочь, как только мы догнали кабана.

– Но вы же говорили... – растерялся Драонн.

– Я хотела проверить – настолько ли вы хороши, как говорил о вас отец! Будете ли стоять на своём, или же решите подлизаться ко мне, как сделало бы большинство. Я кое-что разузнала о вас, поэтому знала, что вы не терпите охоты ради развлечения.

– Так это была проверка?..

– И вы её прошли, мой принц! Теперь я вижу, что вы именно такой, как о вас говорят.

– Обо мне говорят, что я – трус и слабак, – усмехнулся Драонн, но сердце его уже пело от счастья.

– Одни лишь глупцы! – отмахнулась Аэринн. – Что мне до их слов?

– Вы сделали меня счастливейшим из смертных, Аэринн! – воскликнул Драонн, соскакивая с медленно идущей лошади.

Он тут же оказался рядом с девушкой, которая также спешила. Взяв её руку, облачённую в изящную перчатку, он нежно поцеловал её.

– Знаете, Аэринн, я намерен просить у ваших родителей вашей руки! – едва не задыхаясь от счастья, проговорил Драонн.

– Знаете, мой принц, я намерена проследить, чтобы вы не передумали! – рассмеявшись, ответила Аэринн.

В тот же вечер Драонн попросил частной аудиенции у принца Гайрединна. Судя по всему, тот уже вполне ясно предполагал, о чём именно пойдёт речь, поскольку принял главу дома Доромионов в компании госпожи Оливы и Аэринн. Глаза девушки лучились радостью, и эта радость, подобно солнечным лучам, оживляла лица её престарелых родителей.

– Я рад, что здесь присутствуете также и вы, госпожа Олива, и вы, сударыня, – поклонившись обоим женщинам, произнёс Драонн. – То, что я скажу, касается всех вас.

– Мы выслушаем вас очень внимательно, милорд Драонн, – улыбаясь, произнесла Олива.

– Благодарю, госпожа, – вновь поклонился Драонн, а затем, собравшись с духом, начал говорить. – Вы знаете, милорд Гайрединн, что род принцев Доромионских ни в чём не уступает вашему роду.

– Это так, милорд, – важно кивнул Гайрединн. – Наши рода одинаково древние и благородные.

– И одинаково славные, милорд, – продолжил Драонн. – Этот факт, а также те лестные слова, которыми вы удостоили меня вчера, дают мне право надеяться, что моя последующая просьба не покажется вам ни заносчивой, ни оскорбительной.

– Об этом даже излишне говорить! – заверила Олива. – Ваша учтивость известна всем, и ни у кого не вызовет сомнений.

– Благодарю вас, госпожа! Увы, я не очень-то знаю, какие слова приличествует говорить в подобные моменты, а потому просто скажу как есть. Милорд Гайрединн, госпожа Олива, я прошу у вас руки вашей дочери Аэринн.

– Вы оказываете нам великую честь, принц! – степенно поклонился Гайрединн, хотя на лице его явно блеснула радость. – Но прежде, чем мы дадим вам свой ответ, надобно спросить у самой Аэринн – согласна ли она стать вашей женой.

– Мне нужно подумать денёк или два, – жеманно улыбаясь, произнесла девушка.

– Аэринн! – строго и с явной досадой произнесла Олива. – Можешь ты хотя бы раз обойтись без этих своих шуточек?

– Да, мама, – с комичным смирением склонилась Аэринн. – Что ж, если требуется говорить серьёзно, то... Я согласна.

– Ну тогда и нам нет причины отказывать вам, милорд! – обрадованно произнёс Гайрединн. – Мы даём вам наше родительское благословение. Отныне вы, Драонн Доромионский и Аэринн Кассолейская, связаны общим обетом!

Глава 7. Кидуа

О состоявшейся помолвке двух великих родов было объявлено тем же вечером, так что ужин, само собой, превратился в праздничный. Драонн и Аэринн сидели теперь рядышком, так что принц Доромионский, который вчера ещё сидел поодаль, теперь восседал во главе стола рядом с Гайрединном.

Кажется, и без того кислая мина Делийона Тенедорионского выглядела сейчас ещё более вытянутой и несчастной. Судя по всему, он тоже целился на то место, где сейчас блаженно восседал Драонн. Однако последний сегодня, казалось, ничего не замечал кроме своей возлюбленной. И уж подавно он не готов был посочувствовать своему менее удачливому собрату.

Естественно, всех присутствующих тут же пригласили на свадьбу, хотя точной даты пока ещё никто не назначал. Изнывающий от нетерпения Драонн предложил провести церемонию через месяц, но куда более рассудительный Гайрединн, более сведущий в делах подготовки подобных мероприятий, сказал, что лучше рассчитывать на начало лета. «Ведь вы же не хотите свадьбу как у провинциальных мещан!» – резонно заметил он.

Последующие два дня превратились в один сплошной праздник. Гости чествовали новый союз и предвкушали

громкое веселье на предстоящей свадьбе. Драонн внезапно для себя оказался в самом центре внимания. Намечавшееся переплетение ветвей генеалогических древ Кассолеев и Доромионов могло означать оживление событий здесь, в Сесзии, вдали от основных мест обитания лирр.

Но вся эта политика сейчас впервые волновала юного Драонна меньше, чем дела любовные. Удивительно, но он, кажется, начисто позабыл и о Лейсиане, и о войне, и о красноверхих. Сейчас в его мире существовала лишь Аэринн, а всё остальное казалось лишь теньями или отражениями.

Лирры приносят потомство куда реже людей, поэтому для них рождение каждого ребёнка – счастье и едва ли не чудо. Именно поэтому среди них обычно не соблюдаются придуманные людьми правила о запрете совместной добрачной жизни. Для лирр официально объявленная помолвка имеет не меньшую ценность, чем брачная церемония, так что Драонн совершенно не таился, выходя утром из спальни Аэринн.

В глазах окружающих они уже были всё равно что муж и жена, а если бы каким-то чудом Аэринн удалось понести ребёнка даже до венчания – и Гайрединн, и Олива сочли бы это величайшим счастьем. Надо сказать, что хотя Аэринн выглядела совсем ещё юной, она оказалась на четыре года старше Драонна, так что при определённой удаче уже вполне могла зачать.

Нужно ли говорить, что домосед-Драонн теперь ужасно

не хотел возвращаться домой? Дни пролетали для него как одно мгновение. Он задержался ещё на два дня после отъезда гостей, всё не находя в себе сил расстаться с Аэринн, которую он уже не любил, а боготворил. В те моменты, когда они отрывались наконец друг от друга на какое-то время, юноша обычно встречался с Гайрединном, а иногда и с Оливой, чтобы обсудить какие-то моменты, касаемые предстоящей свадьбы.

Хотя слово «обсудить» здесь не очень-то подходило, поскольку от самого Драонна толку было немного – он обычно соглашался со всем, что ему говорили, при этом, наверняка, не воспринимая и половины из сказанного. Все его мысли витали лишь вокруг одной Аэринн.

Иногда принц осознавал, насколько он теперь смешон, и с каким насмешливым презрением отнёсся бы к нему Драонн недельной давности, но, сказать по правде, ему было глубоко на это наплевать. Он готов был выглядеть и смешно, и глупо, лишь бы Аэринн была рядом.

Но в какой-то момент расставание всё же подступило с неумолимой неизбежностью. Драонн всё ещё оставался принцем Доромионским, главой дома, поэтому не мог позволить себе слишком надолго оставлять свои земли из одной лишь личной прихоти. Разбитое сердце юноши слегка излечил Гайрединн, пообещавший, что через недельку-другую они пожелуют в Доромион с ответным визитом, и что Аэринн на правах его будущей хозяйки, возможно останет-

ся в замке на несколько недель. Поскольку было решено, что свадьба пройдёт в Доромионе, она там может быть даже весьма кстати, чтобы лично следить за приготовлениями, ибо надежд на Драонна в этом было довольно мало.

Выехав за ворота Кассолея, доромионцы какое-то время ехали молча – мрачное настроение принца было заметно невооружённым глазом. Он был полностью погружён в свои мысли, так что его илиры сочли за благо помалкивать и не мешать своему сюзерену. Но в какой-то момент желание говорить об Аэринн возобладало, так что Драонн, поравнявшись с Ливейтином, спросил:

– Ну что, друг мой, одобряешь ли ты мой выбор?

Драонн обычно обращался к старому служаке на «ты» лишь в крайнем случае – когда был слишком уж встревожен или взволнован.

– Может ли вассал одобрять или не одобрять выбор своего сеньора? – усмехнулся Ливейтин.

– Вассал – нет, друг – да.

– Тогда я думаю, ваше высочество, что это – отличный выбор. Дом Кассолеев – один из могущественнейших и уважаемых домов нашего края. Породниться с ним – большая честь и удача.

– Сразу видать старого холостяка! – фыркнул Драонн. – Что ты мне тут говоришь про дома и про честь? Послушать тебя, так я женюсь на Гайрединне!.. Как тебе моя невеста?

– Она прекрасна, ваше высочество, – почти отчески улыб-

нулся Ливейтин. – Вы будете отличной парой!

– Я не могу поверить своему счастью! Даже немного страшно – ещё пару недель назад всё было так плохо, а теперь вдруг стало так хорошо... А ведь путь с вершины один – вниз...

– Не волнуйтесь, милорд, – усмехнулся старый воин. – Не думаю, что вы уже на вершине.

– Выдержу ли я столько счастья? – Драонн осознавал, что подобные речи могут сделать его смешным в глазах его илиров, но ничего не мог поделать.

– На этот счёт не волнуйтесь, ваше высочество. Я бы молил богов, чтобы они всю жизнь испытывали вас лишь таким вот бескрайним счастьем... Но увы...

– Старый ворон! Довольно каркать нам беды!

Уныние Драонна внезапно сменилось какой-то эйфорией, поэтому он пришпорил своего коня и помчал его во весь опор, разбрызгивая перемешанную с остатками снега грязь.

Мысли о предстоящей женитьбе так завладели разумом молодого принца, что известие о том, что запреты на передвижение для лирр официально сняты, едва не прошло мимо него. Точнее, оно, наверняка, так и прошло бы незамеченным, если бы не голубь из магистрата, что принёс в Доромион эту благую весть.

Прочитав строки, написанные на тонком пергаменте, Дра-

онн задумался, и чело его, вопреки отличным, казалось бы, вестям было сумрачно. Юноша вспомнил слова канцлера Делетуара о том, что тот призовет его в столицу, как только это станет возможным. И теперь принц очень боялся, что толстяк исполнит сказанное.

Больше всего на свете ему не хотелось тащиться в Кидую сейчас, когда вскоре должна была приехать Аэринн. Драонну совсем не улыбалось торчать в пыльной столице, снося нападки одновременно и от людей, и от лирр, вместо того чтобы наслаждаться любовью своей невесты, днями не вылезать из постели и вообще жить в своё удовольствие.

В общем, Драонн горячо надеялся, что Делетуар либо забудет о нём, либо решит, что вполне обойдётся без его услуг. Увы, но голубь из Кидуи отстал от своего шедонского собрата всего на несколько часов...

– Меня вызывают в Кидую, – вызвав Ливейтина, мрачно произнёс Драонн.

– Толстый канцлер вспомнил о вас? – сразу понял начальник стражи.

– К сожалению...

– И когда выезжаем?

– Боюсь, вам придётся остаться здесь, Ливейтин, – покачал головой Драонн. – Неизвестно, на какой срок мне придётся покинуть Доромион, и нельзя, чтобы он остался без присмотра.

– Но милорд, есть много других илиров, которые могли

бы заняться этим! – возразил старый воин.

– И никому из них я не доверяю так, как вам. Простите, друг мой, но это не обсуждается. Мне и самому горько от этого. Я возьму с собой кого-то другого.

– И когда *вы* выезжаете? – Ливейтину отказали дважды, и он был слишком предан и слишком солдат, чтобы настаивать дальше.

– В письме сказано приезжать так скоро, как смогу, – Драонн бросил записку на стол перед Ливейтином, предлагая самому прочесть её.

– Стало быть – завтра?

– Сегодня.

– Но скоро вечер... К чему такая спешка? Или... Вы отправитесь не в Кидую? – догадался старик.

– Придётся сделать крюк и отправиться сперва в Кассолей. Аэринн собиралась вскоре приехать, я не могу допустить, чтобы она напрасно моталась по людским землям. И через гонца объясняться не желаю.

– Это достойное решение, ваше высочество, – одобрительно кивнул Ливейтин. – Я распоряджусь, чтобы подготовили всё к вашему отъезду. Через полтора часа вы сможете выехать. Однако придётся передвигаться ночью...

– Меня это не смущает. Кроме того, на сей раз я постараюсь двигаться максимально быстро, так что, возможно, ещё до утра буду на месте.

– Вы планируете проделать весь путь до Кидуи верхом? –

изумлённо поднял брови Ливейтин.

– Надеюсь, у моего будущего тестя найдётся лишний экипаж для меня, – криво ухмыльнулся Драонн. – А если нет – что ж, можно и верхом. Хвала богам, я ещё молод и вынослив!

– Что ж, тогда начнём собираться в дорогу, мой принц!

При последних словах Драонн едва не подпрыгнул и уставился на Ливейтина. Это обращение «мой принц» – оно, конечно, было общеупотребительным, и вассалы не раз обращались так к самому Драонну, однако теперь для него эти слова прочно ассоциировались лишь с Аэринн. В устах же других илиров они казались едва ли не грубой насмешкой. Однако было очевидно, что начальник стражи употребил это обращение не с какими-то задними мыслями, да и вряд ли вообще он мог знать об этой их с Аэринн особенности.

По реакции Ливейтина было ясно, что он удивлён подобным поведением Драонна. Он остановился, выжидая. Однако принц, невольно усмехнувшись воспоминаниям, лишь отрицательно помотал головой, жестом отпуская верного слугу.

Как и обещал Ливейтин, не прошло и двух часов, как кавалькада из полутора десятков всадников, выехав из ворот, отправились на северо-восток. Драонн решил не мелочиться на сопровождении – путь был неблизкий, да и страсти вблизи Кидуи могли быть накалены куда сильнее, чем здесь, на отшибе империи, поэтому каждый меткий лук, каждая

твёрдая рука могли пригодиться.

Отъезжая, принц слышал, как скрежещет, наматываясь на деревянный барабан, цепь, удерживающая мост, и сердце его сжималось от внезапной тоски. Когда в следующий раз он увидит родовое гнездо?.. И как скоро теперь эти ворота украсятся свадебными ленточками?..

Гайрединн, в отличие от своей дочери, был вполне доволен известием об отъезде будущего зятя в Кидую. Конечно, это вносило некоторую сумятицу и неопределённость в планы по предстоящей женитьбе, но, с другой стороны, будущий муж его дочери внезапно оказывался илиром едва ли не государственным, водящим дружбу с имперским канцлером. И это был вполне приятный довесок ко всем тем достоинствам, которыми, несомненно, обладал Драонн.

Аэринн же, вполне естественно, сильно огорчилась. Драонн застал её в приятных хлопотах – она готовилась к поездке в Доромион, предвкушая несколько недель рядом с любимым, а теперь вдруг оказывалось, что они разлучаются, причём на совершенно неопределённый срок.

– Я вернусь сразу же, как только смогу! – заверял её Драонн, лаская тонкие, словно паутина, волосы. – Не думаю, что Делетуар задержит меня там надолго. Война окончена, вот-вот осудят и казнят Лейсиана. Думаю, что это остудит все горячие головы, и всё вернётся на круги своя. Тогда я боль-

ше не буду нужен в Кидуе.

– Я так хотела побыть с тобой... – жалобно пробормотала Аэринн.

– У нас впереди ещё много-много лет. Успею ещё и надо-есть тебе.

– Вот тогда мог бы и ехать в эту свою Кидую! – несмотря на грусть, Аэринн всё-таки улыбнулась.

– Я больше не расстанусь с тобой, клянусь! – Драонн тоже улыбнулся. – Это – последний раз. Я напишу тебе из Кидуи, и ты приедешь в Доромион как раз к моему приезду. Всегда мечтал, чтобы по возвращении из похода меня встречала любимая женщина на стене.

– Да ты выдумал это только что! – фыркнула Аэринн. – Я ведь знаю – до недавнего времени ты о женщинах даже и не мечтал!

– Это правда, – тут же согласился Драонн. – Но всё же будь добра встретить меня на стене у ворот.

– Может быть, ещё и махать тебе заплаканным платочком? – ехидно поинтересовалась Аэринн.

– Детали продумай сама, – принц изо всех сил сохранял серьёзный вид. – Главное, чтобы последняя собака, которая это увидит, поняла, что мы – жених и невеста.

– Слушаюсь, мой принц! – и они оба не выдержали и расхохотались.

– Мы поженимся этим летом, обещаю! – проговорил он, отсмеявшись.

– Попробуй только обмануть! – шутливо пригрозила Аэринн. – Я приеду в Кидую, и тогда плохо будет и тебе, и этому твоему Делетуару!

– Придётся исполнять обещание, – с притворным сожалением вздохнул Драонн. – Не хочется, чтобы мою невесту обвинили в государственной измене...

– Вот-вот, подумай об этом! Когда ты уезжаешь? – немного помолчав, спросила Аэринн.

– Через пару часов, – нехотя ответил принц.

– Не останешься на ночь? – со смесью горечи и разочарования воскликнула девушка.

– Мне нужно спешить, я и так потерял больше суток, чтобы приехать к тебе.

– «Потерял»? – теперь уже по виду Аэринн не было понятно – шутит ли она, или действительно обижена. – Не стоило так утруждаться, мой принц. Государственные дела выше какой-то там невесты! Надо было ехать немедленно.

– Аэринн, прости, я не то хотел сказать... Просто...

– Значит, у нас всего два часа? – внезапно перебила его Аэринн.

– Около того...

– Так зачем мы теряем время на разговоры?

Поразмыслив, Драонн всё же решил путешествовать верхом. Это было куда быстрее, а кроме того, началась весенняя

распутица, так что многие из дорог, которыми предстояло передвигаться, были бы теперь непроходимы для экипажа.

Несмотря на весеннюю грязь, Драонн предпочёл перемещаться не самыми торными путями, стараясь избегать людных трактов и крупных поселений. Не хотелось привлекать к себе излишнего внимания, а на столь крупный и хорошо вооружённый отряд лирр неприветливо косились даже здесь, в Сеазии.

Путь был неблизок и непрост. Больше трёхсот миль нужно было проделать по не самым удобным для этого дорогам Сеазии, чтобы добраться до устья залива Дракона. Там предстояло найти судно, способное перевезти через пролив полтора десятка илиров, чтобы попасть в портовый городок Кинай – морские ворота столицы. Оттуда уже оставалось всего пара миль и до самой Кидуи. В общем-то, вся загвоздка заключалась, главным образом в том, чтобы нанять судно. Шанс найти судовладельца-лирру был ничтожно мал, а далеко не каждый из людей захочет иметь дело с лиррами.

Путешествие до залива Дракона заняло девять дней. Конечно, летом можно было бы добраться на три-четыре дня быстрее, но теперь, когда в Сеазии начали массово сходить снега, лошади иной раз едва-едва преодолевали те топи, в которые превратились дороги. Пропитанная водой грязь с недовольным чавканьем выпускала из своих объятий лошадиные копыта, так что несчастные животные очень выдыхались, отчего отдых приходилось давать чаще обычного.

Конечно, так было не везде, и на более ухоженных трактах можно было пускать лошадей вскачь, но лирры не делали и этого, не желая понапрасну тратить силы своих скакунов. Драонн решил не спешить, поскольку в данной ситуации спешка могла привести к куда бóльшим задержкам в пути.

Вопреки мрачным ожиданиям, небольшую рыбацкую шхуну найти оказалось довольно просто. Сейчас, пока ещё потоки купцов не заполнили дороги империи, рыбакам приходилось перебиваться старыми запасами, не имея возможности сбывать рыбу в больших объёмах. По ту сторону пролива были свои рыбаки, так что местных там никто не ждал. Ну а горсть золотых монет с изображением дуба¹⁴ давала шанс запастись необходимым в том же Кинае – купить новые сети, домашнюю утварь, иные мелочи.

К счастью для Драонна, не очень хорошо переносившего качку, залив был гладким как зеркало. Небо было прозрачно голубым, лишь редкие облачка нарушали эту глубокую синеву, а солнце светило щедро и жарко, предвещая скорое пробуждение природы. Небольшая команда шхуны, сплошь состоящая из людей, не проявляла к своим пассажирам ни агрессии, ни дружелюбия. Впрочем, лиррийского принца это вполне устраивало – чем меньше слов будет произнесено

¹⁴ Белый дуб в окаймлении шести белых четырёхконечных звёзд на красном поле – герб Кидуанской империи. Звёзды означают количество провинций империи.

между ними, тем меньше вероятность неприятностей.

Пролив Дракона не так уж широк, однако при почти полном отсутствии ветра шхуне потребовалось двое суток, чтобы достичь Киная. Здесь Драонн с видимым удовольствием вновь ступил на твёрдую землю, предварительно сполна расплатившись с рыбаками.

Кинай был довольно крупным портовым городом, судя по всему – достаточно богатым. Причалы, тянущиеся вдоль скалистого побережья, обширные рыночные ряды, множество каменных домов, среди которых попадались и трёх-, и четырёхэтажные – всё говорило о том, что этот город отнюдь не прозябает в тени величественной столицы, а напротив – полными горстями гребёт к себе все преимущества, которые дают как близость моря, так и близость Кидуу.

Здесь лиррам пришлось уже вплотную столкнуться с неостывшим ещё недружелюбием людей – прямо на причале они подверглись нападкам обитателей порта. Напрямую задирать вооружённых и решительных лирр никто не решался, но это не мешало отпускать обидные насмешки за их спинами, свистеть и выкрикивать угрозы.

Надо отдать должное его илирам – все они внешне оставались совершенно невозмутимы, даже не поворачивая голов в ответ на сыплющиеся оскорбления. Сомкнувшись плотной группой, они направились к выходу из порта в надежде, что на улицах Киная на них будут обращать меньше внимания.

Но не тут-то было. Местные обитатели, вероятно, приня-

ли спокойствие и гордость лирр за трусость и нерешительность, а потому стали вести себя всё наглее. Сперва один, за ним другой, а затем и многие стали выкрикивать оскорбления уже в лицо лиррам, видя, что те никак на это не реагируют. Кроме того, каждый чувствовал и численное превосходство – что смогут сделать полтора десятка пусть и вооружённых лирр против сотни с лишним крепких парней?

И вот миг настал. Кто-то из обступивших лирр портовых рабочих ухватил одного из илиров за полу плаща, грубо потянув её на себя. Тот попытался высвободиться, но когда это не получилось, ударил по держащей плащ руке. Раздался целый рёв проклятий, исходящих из десятков глоток, сразу несколько рук потянулось к полностью окружённым лиррам.

Холодно звякнувшая сталь освободившихся из ножен мечей слегка охладила пыл – люди отпрянули на пару шагов, но теперь на их лицах читалась такая ненависть, что стало ясно, что они уже не отступят.

– Лупоглазые недобитки! – прокричал тот, что получил удар по руке. – Поглядите-ка – не успели мы надрать им задницы, как они уже опять ходят по нашему городу и вновь чувствуют себя тут хозяевами! Смотрите-ка, дай им волю – они порежут нас как щенят.

– Его величество был слишком добр к этим мразям! Нужно было вырезать их всех, до последнего вшивого детёныша, – немедленно поддержал его другой.

Восторженный рёв одобрения прокатился по толпе, кула-

ки сжались крепче, а на искажённых злобой лицах появилась решимость идти до конца.

– Дайте нам пройти, мы не желаем никому зла! – произнёс Драонн, понимая тщетность своих усилий. Он уже горько жалел о том, что согласился на эту поездку. Теперь он понял очевидную глупость затеянного. Жаль, что было уже поздно...

– Что здесь происходит? – словно металлический плуг, сквозь толпу пробирался отряд закованных в сталь городских стражников.

– Ублюдочные лирры нападают на порядочных людей! – послышалось в ответ. – Глядите-ка на них – они вот-вот упадут!

– Оружие в ножны! – скомандовал командир отряда, при этом сам доставая меч. Четверо его подчинённых сделали то же самое. – Что вам здесь нужно?

Поскольку последние слова очевидно относились именно к лиррам, Драонн, поспешив исполнить приказ стражи, выступил вперёд:

– Мы прибыли сюда по срочному делу, но подверглись нападению этих людей. Мы никому не причинили вреда и хотели лишь пройти, однако были вынуждены защищаться, учитывая, что на нас собирались напасть.

– Что за срочное дело может быть здесь у лирр? – судя по всему, капитан, хотя и был при исполнении, но вполне разделял общую неприязнь к лиррийскому народу.

– Я прибыл сюда по просьбе второго канцлера Делетуара, – Драонн справедливо рассудил, что сейчас было не место и не время для скрытничанья. – У меня есть письмо от него.

Он достал из-за пазухи записку, посланную канцлером. Конечно же, на ней не было печати, так что она не могла служить достоверным доказательством, но капитан стражи призадумался. Будь эти лирры диверсантами, вряд ли они действовали бы так открыто, да и в таком случае они наверняка имели бы при себе более веские доказательства вроде поддельных пропусков и бумаг.

Авторитет канцлера Делетуара был высок, и это было одно из тех имён, что заставляли людей вроде этого капитана произвольно брать под козырёк. Конечно, сейчас ничего подобного не случилось, но решение он всё-таки принял верное.

– А ну расходись, шпана! – рявкнул он, давая сигнал своим подчинённым.

Те тут же начали спокойно, но настойчиво теснить людей, отжимая их от лирр. Поняв, что стража оказалась в этот раз не на их стороне, обозлённые рабочие стали понемногу расходиться, не рискуя ввязываться в неприятности с законом. Не прошло и пяти минут, как толпа полностью рассеялась.

– Благодарю вас, капитан, – искренне поблагодарил Драонн.

– Не стоит, – сухо бросил тот.

Было очевидно, что начальник стражи любит лирр не больше тех отморозков, и что ему самому не очень-то приятно было невольно оказать им услугу, но лиррийскому принцу было на это плевать. Если они помогут ему невредимым добраться до Делетуара – он готов стерпеть и не такое.

– Могу я попросить вас об одолжении? – обратился Драонн к капитану. – Не могли бы вы сопроводить нас до Кидуи?

– Мы – стража Киная, – процедил тот. – Мы сопроводим вас до ворот города, поскольку это входит в круг наших обязанностей, но дальше вы пойдёте сами. Советую обратиться к привратной страже Кидуи, чтобы не попасть в новую переделку там.

– Благодарю, – вежливо поклонился Драонн.

Сказать больше, действительно, было нечего. Стражники, взяв отряд лирр в полукольцо, сопроводили их до ворот Киная. Принц то и дело замечал злобные взгляды прохожих, причём, что удивительно, куда больше злобы исходило даже не от мужчин, а от женщин. Также он заприметил в толпе прохожих трёх или четырёх горожан в красных беретах, но те, вопреки ожиданию, не проявили особого внимания к своим врагам. Возможно, вид решительно настроенных стражников действовал достаточно отрезвляюще.

Сопроводив лирр за городские ворота, капитан не считал нужным даже попрощаться.

– Кидуа там, – махнул он в южном направлении.

Впрочем, его указания были не так уж и необходимы –

отличная мощёная дорога и так вела именно в этом направлении, а поскольку Кинай стоял на чуть возвышенном скалистом берегу, то столица империи, находящаяся в низине, была видна как на ладони. Не более четверти часа быстрой ходьбы – и Драонн оказался у величественных ворот Кидуи.

Глава 8. Дипломатия

Стражники столичных ворот быстро загородили проход. Сперва их было всего двое, но по короткому свисту, изданному одним из них, из караулки высыпало с десятков солдат, вооружённых алебардами.

– Какого дьявола вам надо? – грубо спросил старший по караулу, тыча своей алебардой едва ли не в лицо Драонну.

– У нас дело ко второму канцлеру Делетуару, – принц решил сразу заходить с козырей, чтобы не тратить много времени.

– Чем докажете?

– Вот его пригласительное письмо, – Драонн с готовностью протянул свою бумажку.

– Что это за обрывок? – повертев её в руках, раздражено спросил охранник. – Просто клочок бумаги. Такое мог написать кто угодно.

– Однако же написал её лорд Делетуар.

– С каких пор канцлер якшается с лиррами? – едва ли не кривясь от отвращения, процедил начальник караула.

– Спросите его об этом сами, – мило улыбнулся Драонн. – Я заметил ту теплоту, с какой встречают нас здесь, поэтому был бы признателен вам, если бы вы сопроводили меня и моих илиров к имперской Канцелярии.

– Может ещё и опахалами над вами помахать? –

взъярился начальник стражи. – Сдайте оружие!

– На каких основаниях?

– На тех, что ты – лирра! – прошипел стражник, до побелевших пальцев стискивая древко алебарды.

– По рескрипту императора Теанора от две тысячи шестьсот пятьдесят второго года *все* свободные граждане империи вольны появляться в городах при личном оружии, – отчеканил Драонн. – Оружие необходимо нам, поскольку нашей жизни может угрожать опасность, поэтому мы не станем сдавать его, тем более что ваши требования незаконны.

– Тогда я прикажу арестовать вас тут же! – рявкнул командир. – За неповиновение страже.

– Хорошо, – ровным голосом произнёс Драонн, хотя зубы его скрипнули, а лицо побелело от ярости. – Арестовывайте. Только не забудьте доложить об этом лорду Делетуару. А потом молитесь Арионну, чтобы я оказался столь же всепрощающ, как и он.

– Угрожаешь? – голос начальника стражи звучал зловеще, но в глазах мелькнула неуверенность, подмеченная Драонном.

– И в мыслях не было, – улыбнулся Драонн, у которого вдруг родилась идея. – Более того, я предлагаю вам следующее: мы останемся здесь, в вашей караулке под вашей охраной, а вы пошлёте в Канцелярию человека, который передаст вот этот клочок бумаги кому-нибудь из людей лорда Делетуара. И если в ближайшие три часа за нами не пришлют, мо-

жете арестовать нас, мы сопротивляться не станем.

Начальник караула уже видел, что этот проклятый надменный лирра не блефует, а это означало для него большие неприятности по службе, если он продолжит чинить им препятствия. Предложенный вариант позволял ему сохранить лицо, и одновременно с этим сохранить своё тёпленькое местечко.

– Давайте сюда, – буркнул он, протягивая руку.

Драонн отдал ему ту самую записку, что прислал ему Делетуар, а затем, не спрашивая и не ожидая указаний, направился в караулку. За ним двинулись его илиры, держа руки на эфесах, а за ними понуро поплелись стражники, которые сразу почувствовали, что вдруг перестали быть хозяевами положения.

Ждать, правда, пришлось довольно долго – едва ли не те самые три часа, что указал Драонн. Возможно, посланный в Канцелярию караульный не слишком-то спешил, возможно, возникли какие-то проволочки уже там. Делетуара могло не оказаться на месте, посланцу могло оказаться трудно пробраться сквозь паутину бюрократии. Да и Кидуа была городом крупным, так что, быть может, до обиталища канцлера было неблизко.

Так или иначе, но времени прошло много, и тянулось оно очень медленно. Однако лирры ни словом, ни жестом не дали понять, что ожидание это хоть как-то их тяготит. Они сидели неподвижно, с непроницаемыми лицами, словно впад

в какой-то транс. Ёрзали и перетаптывались лишь охранники-люди, со злобной завистью поглядывая на невозмутимых лирр.

Наконец в караульное помещение вошёл явно сконфуженный начальник охраны.

– За вами прибыли... – только и мог, что сказать он. Лицо и шея несчастного шли красными пятнами – видимо, ему было сказано немало неприятных слов.

– Спасибо, – Драонн не захотел злорадствовать и добивать поверженного врага.

На главной улице, прямо сразу у ворот стояло три больших открытых экипажа, в которые без всяких проблем могли поместиться худощавые лирры. В одном из экипажей кроме возницы сидел надменного вида человек с абсолютно лысым черепом насыщенного медного цвета, что сразу выдавало в нём южанина. Рот его был плотно сжат, превратившись в едва заметную щёлку, а узковатые глаза смотрели внимательно и холодно.

Заприметив лирр, входящих в ворота, человек скупым жестом поднял руку, дав понять, чтобы они подошли к нему.

– Принц Драонн Доромионский? – голосом, лишённым каких бы то ни было эмоций, осведомился он.

– Это я, – вышел вперёд Драонн.

– Мне велено доставить вас и ваших илиров в особняк.

Признаться, Драонн не имел ни малейшего понятия, что это за особняк такой. Ему казалось, что его должны будут

отвезти в имперскую Канцелярию, но спорить не приходилось. Тем не менее, он решил уточнить:

– Вас послал милорд Делетуар?

– Да, – просто ответил медноголовый. – Прошу, располагайтесь.

Илиры с относительным комфортом расселись по трём экипажам, которые тут же двинулись в недра города довольно быстрой рысью, не особенно заботясь о народе, запрудившем улицы.

– Вы всё-таки прибыли, лорд Драонн? – не покидая роскошного мягкого кресла, проговорил Делетуар.

– Вы словно удивлены этому, милорд, – войдя в комнату, принц вновь окунулся в столь памятное ему зловоние.

Надо отдать должное Делетуару, на сей раз пахло от него всё же не так сильно – очевидно, близость императорского двора заставляла его время от времени проводить неприятную процедуру купания.

– А что, собственно, связывало вас, кроме слова, данного без свидетелей?

– Как правило, этого бывает достаточно, милорд.

– Далеко не для всех, и не при нынешних временах, – покачал головой Делетуар. – Но тем больше моя радость от того, что я вижу вас.

– Я тоже рад вас видеть, милорд, – в изящном поклоне

склонился Драонн. – Хотя должен сказать, что ожидал более тёплой встречи. Мне кажется, вам стоило предупредить привратников о том, что мы можем приехать.

– Каюсь, не подумал об этом, – с обезоруживающей улыбкой развёл руками канцлер. – Но вы, я вижу, преодолели эти препятствия. Уже познакомились с Суассаром, полагаю?

– Кто это?

– Мой помощник. Тот, что доставил вас сюда.

– А, эта движущаяся статуя? – усмехнулся Драонн. – Кажется, он также невзлюбил меня с первого же взгляда, как и прочие обитатели этого чудесного города.

– Невзлюбил? – захихикал Делетуар. – Это точно не про Суассара. Сомневаюсь, что он может возлюбить или невзлюбить кого-нибудь. Более того, я крайне сомневаюсь, что он хоть раз в жизни употребил это слово. Даже будучи младенцем, в отношении собственной матери. Вы верно заметили, он – ходячая статуя. Бесценный помощник. Я бы даже сказал – советник. Дело в том, лорд Драонн, что он – евнух. Я приобрёл его как-то в Саррасе. Выиграл в карты, не поверите, поскольку его прежний хозяин не хотел расставаться с ним ни за какие деньги.

– Что же поставили на кон вы, милорд? – против воли любопытствовал Драонн.

– Простите, ваше высочество, но я не могу вам этого сказать. Но вы правы – это было нечто столь же значительное. Могу сказать, что был бы безутешен до конца своих дней,

проиграй я тогда. Как, должно быть, безутешен теперь прежний хозяин Суассара.

– Он так мудр, этот ваш помощник?

– Без сомнения. Но главное его достоинство – то, что он лишён мужского естества, которое, как мы знаем, зачастую заставляет нас делать необдуманные поступки. И поскольку я не столь безупречен в этом плане, как он, то зачастую нахожусь всего в шаге от того, чтобы вляпаться куда-то. И тогда он даёт мне советы, которые неизменно являются правильными. Право же, лорд Драонн, иной раз я совершенно искренне жалею, что сам не являюсь скопцом! Вот почему великими правителями часто становятся молодые, но поистине мудрыми – лишь те, кого оскостило само время!

– Довольно сомнительный вывод, милорд, – усмехнулся принц.

– Быть может, – легко согласился Делетуар. – Простите, ваше высочество, я веду тут глупые разговоры вместо того, чтобы предложить вам отдохнуть и перекусить. Я немедленно распоряжусь.

– На сей раз я не откажусь, милорд, – благодарно кивнул Драонн. – Признаться, я довольно давно не ел, а все эти волнения и вовсе пробудили во мне голод.

– Расскажите об этом, друг мой, пока не принесут обед. Говорить о делах на пустой желудок – кощунство!

И хотя у Драонна были свои представления о кощунстве, он, тем не менее, охотно отложил серьёзный разговор на по-

том. Он кратко рассказал о том, как добрался в столицу, и особенно о том, с каким «радушием» встретили их в Кинае и самой Кидуе. Делетуар слушал молча, с какой-то полуулыбкой на лице.

– Долгая же нам предстоит работа, – произнёс он, когда Драонн закончил. К тому времени им уже принесли отличный обед, чьи дивные ароматы не смогли до конца заглушить даже миазмы самого канцлера. – Нелегко будет восстановить мир в государстве.

– А возможно ли? – с сомнением произнёс принц. Обед заканчивался, так что, кажется, пришла пора переходить к делам.

– Почему нет? – с великолепной небрежностью пожал плечами второй канцлер. – Не в первый раз, и, боюсь, не в последний. Или вы думаете, что наши народы впервые вцепятся друг другу в глотки?

– Но таких войн ещё не было.

– Помилуйте, ваше высочество, это ещё не война! – утирая жирные губы белоснежным полотенцем, проговорил Делетуар. – То количество крови, которое делает дальнейшее совместное существование невозможным, пролито не было. Да и сомневаюсь, что есть вообще такое количество. Мир так же неизбежен и неотвратим, как и сама война. А в этой, с позволения сказать, войне красная черта пересечена не была.

– Наверное, у нас разные представления о красной черте,

милорд, – чувствуя, как в нём вскипает гнев, заговорил Драонн. – Но убитые красноверхими сотни, если не тысячи моих соплеменников – это ли не за красной чертой? Сожжённые селения, разрушенные замки, дети, которые остались сиротами, а также дети, которым даже не дали шанса остаться хотя бы сиротами...

– Вы правы, лорд Драонн, – примирительно поднял руки канцлер. Однако его следующие слова совершенно противоречили миролюбивости жеста. – Но тогда давайте не забудем и о разорённых людских селениях Ревии, и о человеческих детях, которых бросали под копыта лиррийской конницы.

– Об этом и речь, – принц с силой вонзил ногти в ладони, чтобы сохранить спокойствие. – Мы все наделали слишком много того, что нельзя простить.

– Простить можно всё, – возразил Делетуар. – Обычно это вопрос либо времени, либо цены. И меня, признаться, немного смущает ваш пессимизм. Нам с вами предстоит сотворить небольшое чудо, что, пожалуй, приведёт в трепет всех жрецов Арионна. Не стоит приступать к нему с таким настроением.

– Хорошо, милорд, я попробую смотреть на вещи... гм... менее пессимистично.

– Я бы предпочёл, чтобы вы сказали «более оптимистично», ну да ладно. Итак, что вы предлагаете?

– Я? – изумился Драонн. – По-моему, это вы меня вызвали. Я думал, у вас есть какой-то план.

– Мой план заключался в том, чтобы узнать ваше мнение, – тонко улыбнулся Делетуар, и нельзя было понять – насмехается он или говорит серьёзно.

– Хотите знать моё мнение, милорд? Я думаю, что нужно отменить казнь Лейсиана и Волиана. Заменить её на ссылку куда-нибудь в Прианурье, может быть даже на гномские рудники, но не казнить.

– Хотите верьте, лорд Драонн, хотите – нет, но я полностью разделяю вашу точку зрения. Но должен сказать, что это совершенно исключено. Его величество никогда не пойдёт на это. Разжигатели мятежа будут казнены, и это уже не изменить. Суд уже подходит к концу.

– Тогда хочу заметить, что существуют разные способы казни, и одни из них менее позорны и мучительны, нежели другие.

– Боюсь, я недостаточно чётко выразился, ваше высочество. Забудьте об этой парочке, тут вы уже ничего не сможете сделать. Надо думать дальше, о тех из ваших сородичей, что ещё не до конца освободились от этих опасных лейсианских иллюзий.

– Но ведь эти вещи прямо связаны между собой!

– И я уже сказал вам, что целиком и полностью согласен с вами. Решай здесь я – я, несомненно, сделал бы так, как говорите вы. Но решаю не я.

– Хорошо, – смирился наконец Драонн. – Тогда что вы хотите от меня?

– В нашем случае нет какого-то магического способа вдруг сделать всё так, как было раньше. Поэтому нам предстоит кропотливая и неблагодарная работа, лорд Драонн. Ездить, говорить, убеждать, возможно даже запугивать.

– Не уверен, что имею достаточный авторитет для этого, милорд, – с сомнением покачал головой принц.

– Авторитет – вещь наживная. Я имею полномочия создать некий коалиционный орган, что-то вроде департамента примирения при Канцелярии его величества. И я предлагаю вам должность его председателя. Полагаю, это добавит вам политического веса, не так ли?

– Стать имперским чиновником? – в голосе Драонна в равной мере слышались и удивление, и определённая брезгливость, и даже некоторый испуг.

– Почему нет?

– Кажется, до сих пор его величество как-то обходился без нас.

– И к чему это привело? – резонно заметил Делетуар. – Вот они, те самые шаги навстречу лиррам, о которых вы говорили.

– Но будет ли что-то значить эта должность? Или же это будет ширма, прикрывающая грядущие репрессии против моего народа?

– Репрессий не будет, даю вам слово. Что же касается должности... Вы будете советником советника императора. Для начала. Посмотрим, как пойдёт дальше, и тогда, возмож-

но, удастся сократить эту цепочку ещё на одно звено.

– Кто будет набирать членов этого совета?

– Вы. И я. И более никто. Туда войдут лишь те люди и лирры, в которых будем уверены мы оба.

– Но мне придётся поселиться в Кидуе... – внезапно осе-
нило Драонна. – А как же мой замок?

– Согласен, чем-то придётся пожертвовать, – не смуща-
ясь, согласился Делетуар. – Но я уверен, что у вас найдётся
илир, которому вы доверяете, и который сможет стать отлич-
ным управляющим. Будете навещать родовое гнездо время
от времени, словно свою загородную резиденцию. Впрочем,
вполне возможно, что через год или два надобность в вашем
департаменте исчезнет, и тогда, если у вас не будет опреде-
лённых карьерных амбиций, вы всегда сможете вернуться в
родные края, которые, несомненно, обладают определённым
суровым северным очарованием.

– Если честно, – Драонн невольно покраснел. – Есть ещё
кое-что... Дело в том, что я планировал сыграть свадьбу в
начале лета...

– Надо же! – искренне удивился Делетуар. – Какие пере-
мены! Насколько я знаю, при прошлой нашей встрече подоб-
ных планов у вас не было и в помине?

– Всё верно, милорд. Мы познакомились недавно, неза-
долго до того, как мне пришлось уехать.

– И кто же ваша избранница, позвольте полюбопытство-
вать?

– Аэринн из дома Кассолеев.

– Дочь Гайрединна Кассолейского? – одобрительно закивал канцлер. – Великолепный союз! Он пойдёт на пользу вашим домам!

– Мы женимся не только для этого, – против воли улыбнулся Драонн.

– Понимаю, – усмехнулся Делетуар. – Любовь – главный недуг молодости и, пожалуй, куда более тяжёлый и неприятный, чем подагра или недержание. Вот оно, лишнее свидетельство превосходства над нами людей вроде Суассара. Хотя, хвала богам, в вашем случае чувства сыграли на общую пользу. Что ж, почему бы тогда вам не сыграть свадьбу здесь, в Кидуе? Это придаст ей необходимый лоск, превратив из провинциальных посиделок в настоящее событие.

– Я обдумую ваше предложение, милорд, – Драонн знал, что Аэринн будет счастлива приехать в столицу хотя бы даже из любопытства.

– Какое из них? – лукаво улыбнулся канцлер.

– То, что касается свадьбы.

– Значит первое предложение...

– Я принимаю его, милорд.

– Великолепно! Я и не ждал иного ответа от вас, лорд Драонн! И в доказательство могу сказать, что уже приказал подготовить для вас один небольшой, но вполне уютный особнячок всего в четырёх кварталах от Канцелярии. Полагаю, со временем вы и ваша молодая жена обставите его по своему

вкусу, благо жалование государственного чиновника такого ранга может позволить вам самые разнообразные изыски. Но не думайте, что я пытаюсь поразить вас материальными благами, или же, не приведи боги, купить! Вы получите лишь то, что вам причитается, и не более того!

– Надеюсь, мне удастся оправдать хотя бы эти, уже вложенные в меня средства, – рассмеялся Драонн. – Признаюсь, я до сих пор не до конца верю, что смогу быть хоть чем-то полезен.

– Не беспокойтесь, вскоре я сумею вас переубедить! А пока что вам нужно отдохнуть и выспаться. Суассар проводит вас в ваш новый дом. Увидимся завтра в моём рабочем кабинете.

«Небольшой особнячок» оказался на деле вполне представительным двухэтажным домом, построенным, как видно, уже довольно давно и отличающимся той помпезной основательностью, что уже не встретишь в нынешнюю эпоху, когда функциональность ценится превыше изысканности. Огромные окна, широкое каменное крыльцо (не имеющее особого назначения, ибо фундамент был низок и вход находился ненамного выше уровня улицы), призванное лишь ещё раз показать спокойную роскошь дома, наконец барельефы, и даже небольшая, не лишённая изящества башенка на крыше – всё это призывало прохожих с самой величайшей по-

чтительностью относиться к хозяину данного дома.

Единственное, чего не хватало особняку – небольшого дворика, засаженного аккуратно стриженными кустами и цветочными клумбами, но с этим приходилось мириться: земля здесь, почти в самом центре города, была непомерно дорога и слишком востребована, чтобы тратить её столь расточительно. Так что прекрасное крыльцо упиралось прямо в мощёный небольшими плоскими булыжниками тротуар.

Дверь лирийскому принцу открыл предупредительного вида лакей – человек преклонного возраста с удивительно красивой шевелюрой почти белых волос. Распрощавшись с Суассаром, который лишь сухо кивнул ему в ответ, Драонн в сопровождении илиров вошёл в своё новое жилище.

Оглядывая изнутри этот огромный, чисто убранный и хорошо обставленный особняк, юноша внезапно задумался о том, как же так получилось, что он, который ещё несколько часов назад был полон решимости поскорее покончить с делами и уехать к любимой, внезапно оказался здесь, накрепко привязанный к своей новой должности и этим домом, и этим лакеем, и этими обезоруживающими улыбками Делетуара.

Канцлер – очень опасный человек. Тем более опасный тем, что не несёт никакой опасности. Он оказался из той породы людей, которым нельзя ни в чём отказать. Ему не было нужно принуждать своих собеседников к чему-то, угрожать им, подкупать их. Ему просто не получалось твёрдо и однозначно ответить «нет». Он будто очаровывал тех, с кем раз-

говаривал, словно его потные сальные складки выделяли какой-то особый феромон, лишаящий разумных существ воли к сопротивлению.

Внезапно на Драонна накатила тоска. Этот большой и пустой дом, в котором ему придётся коротать долгие дни в компании лишь седовласого лакея да своих илиров, этот город, разбрызгивающий свою ненависть словно яд, эта должность, которая грозила ему стать изгоем как среди людей, так и среди лирр – всё это выглядело как тупая и бесхитростная ловушка, в которую он попался, прекрасно понимая, что идёт в западню.

И как ни мучительно было об этом думать, но принц понимал, что вызвать сюда Аэринн сейчас было бы полнейшим безрассудством. Его положение пока слишком шатко, чтобы рисковать поставить под удар ещё и её. Сосущая пустота, казалось, прожигает дыру в его груди. Больше всего на свете сейчас хотелось уснуть, чтобы хоть на время забыть о происходящем.

– Покажите мне мою спальню, а после разместите моих друзей, – внезапно надломившимся голосом попросил он лакея.

Тот лишь поклонился в ответ и рукой указал на лестницу, ведущую наверх. Неужели он был столь же бесстрастен и нем, как и Суассар? Может, болтун и жизнелюб Делетуар намеренно окружал себя подобными людьми? Но пока что Драонну было на это наплевать.

Илиры, видя состояние своего сеньора, без лишней суеты и шума разбрелись по дому, выискивая себе комнаты для ночлега. Позже, наверное, когда (или если) сюда приедет Аэринн, им придётся подыскать другое жильё, но пока что юный принц был очень рад подобному соседству. Но не теперь. Теперь ему хотелось побыть одному.

Глава 9. Лейсиан

Драонн проснулся вскоре после полуночи и понял, что больше уже не уснёт. Сон немного освежил его мысли, так что принц, нащупав на столе кресало, зажёл свечи. Подходил к концу месяц импирий, и ночь была мягкая и тёплая, словно бы даже прозрачно-синяя. Здешние вёсны были куда ласковее тех, к которым он привык. Но Драонн, тем не менее, совершенно рассеянно глядел в окно, напротив которого сидел, и мысли его витали совсем в другом месте.

Взяв лист пергамента, он стал писать Аэринн. Однако мысли не шли, путались и спотыкались. Он точно знал, что сказал бы ей, глядя в глаза, но понятия не имел, как перенести это на бумагу. Пару раз он с досадой сминал желтоватый лист, раздражённо отбрасывая его в сторону, но вскоре понял, что так ничего не выйдет, поэтому стал лишь нервно зачёркивать непонравившиеся строки.

Постепенно Драонн сумел войти в ритм письма, так что буквы полились неиссякающим потоком. К рассвету он написал своим убористым почерком четыре листа. В письме принц умолял невесту простить его за задержку и немного подождать. Он рассказал, что Делетуар предложил сыграть свадьбу в столице, но не умолчал и о своих переживаниях на этот счёт. Он обещал, что призовет её в Кидую при первой же возможности.

Значительная часть письма являлась описанием путешествия. Драонн знал, что Аэринн будет очень интересно об этом читать, поэтому довольно скрупулёзно описал то, что с ним случилось. Однако же он умолчал и о стычке в порту Киная, и о перепалке с кидуанской стражей. Также, к своему сожалению, он пока мало что мог рассказать о самой Кидуе. Поездка в экипаже с Суассаром вспоминалась теперь лишь как череда мелькающих зданий, поэтому Драонн ограничился пока лишь описанием собственного дома. *Их* собственного дома, как он особо подчеркнул в письме.

Когда принц запечатал наконец письмо, уже забрезжил рассвет. Ложиться уже не имело смысла, поэтому он тихонько спустился вниз. Поразительно, но вчерашний седовласый лакей уже не спал – вероятно, он услышал, что новый хозяин бодрствует, и потому бодрствовал тоже.

– Почему вы не спите, друг мой? – мягко спросил его Драонн.

– В мои годы сон похож на пугливую птаху, ваша милость, – улыбнулся лакей. – Его не так-то легко поймать, а спугнуть – проще простого.

– Простите, что разбудил вас. Как вас зовут?

– Баррет, ваша милость.

– Вы давно служите в этом доме, Баррет?

– Всего несколько дней, ваша милость.

– А до тех пор?

– До тех пор я был дворецким в особняке милорда Деле-

туара.

Ого! – подумалось Драонну. Делетуар был настолько мил, что одолжил собственного дворецкого? Или его приставили шпионить? Так или иначе, а канцлер не водит знакомств со случайными людьми, и это значит, что перед ним был человек явно незаурядный.

– Есть ли ещё слуги в доме?

– Разумеется, ваша милость. Одиннадцать человек, включая садовника.

– Но для чего нужен садовник, если нет сада? – недоумённо спросил Драонн.

– Плох тот дом, в котором нет садовника, ваша милость, – хитро улыбнулся Баррет. – Это не мои слова.

– Да я уж понял, – усмехнулся Драонн. – Ваш прежний хозяин – тот ещё сибарит.

Баррет лишь поклонился в ответ.

– А как вы думаете, кто-нибудь на кухне уже не спит? – поинтересовался принц. – Признаться, я был бы не прочь позавтракать.

– Завтрак будет через четверть часа, ваша милость. Куда прикажете подать его?

– Всё равно, лишь бы он был сытным и вкусным.

– За это я вам ручаюсь, ваша милость.

И действительно, не позднее, чем через четверть часа Драонну, который сидел в гостиной у разгорающегося камина, поднесли несколько блюд. К этому времени большая

часть его илиров уже проснулась, так что принц уселся за стол вместе со всеми, чтобы хорошенько позавтракать. После этого он, взяв с собой на всякий случай трёх товарищей и не забыв накинуть капюшоны, направился в Императорскую канцелярию. Принц сомневался, что Делетуар будет там к этому времени, но делать всё равно было нечего – юноше хотелось немного развеяться, так как после бессонной ночи голова была не совсем ясной.

Как и предвидел Драонн, ему пришлось ожидать второго канцлера более двух часов. Видно, тот любил понежиться в постели.

– Как вам ваше новое жилище, друг мой? – первым делом поинтересовался толстяк, вливаясь в светлый просторный кабинет, где всё было подстать хозяину – массивные кресла, способные выдержать его вес, громадный стол и поистине огромный камин.

– Благодарю, милорд, оно великолепно, хотя пока ещё несколько пусто.

– Ну так это ведь дело наживное, не так ли?

– Да, но я всё же думаю повременить пока со свадьбой. Надо решить дела поважнее. Зато я подыскал уже кандидата в наш совет.

– Принц Гайрединн, не так ли? – без тени усмешки осведомился Делетуар.

– Да, – смутился Драонн. – Мне кажется, что он отлично справится с этой задачей...

– Не говоря уж о том, что это сразу прибавит нам веса, во всяком случае, в Сеазии, – перебил канцлер. – Не стоит оправдываться, лорд Драонн. Это – ваш выбор, и, как я уже сказал вчера, вы вольны сами решать, кто станет помогать вам. Если вы считаете, что Гайрединн Кассолейский достоин этого предложения, я – обеими руками за.

– Вот как раз поэтому я написал ему письмо с приглашением, – всё ещё смущаясь и краснея произнёс принц. – Не знаете ли, почтовое сообщение с Шедоном уже открыто?

– Стоит ли доверять подобное почте? Прошу меня простить, друг мой, но хорошие дороги никогда не были сильной стороной вашей провинции. Почтовое сообщение, конечно, уже открыто, но ваше послание завязнет в пути на две, а то и три недели. Дайте мне письмо, я тотчас же пошлю его нарочным.

– Если так, милорд, я лучше отошлю его с кем-то из своих илиров.

– Вы действительно полагаете, что по нынешним временам лирра будет лучшим посланцем, нежели человек?

– Тогда я пошлю нескольких, – решительно ответил Драонн. – В бою полдесятка илиров будут стоить четырёх десятков разбойников, а от прочих их надёжно защитит грамота, которую вы напишете.

– Воля ваша, друг мой, – развёл руками Делетуар. – От-

правьте письмо сами, коль уж не доверяете императорским курьерам. Тем более что я вижу краешек ещё одного конверта, который вы не захотели мне показывать.

– Это письмо моей невесте, – покраснел Драонн.

– О, тогда я полностью с вами соглашусь – подобные письма не доставляют государственными гонцами, – усмехнулся Делетуар.

– Ну что, может быть, пора уже заняться делами? – поспешил перевести разговор принц. – Что у нас сегодня на повестке?

– Есть одно наиважнейшее дело, ваше высочество, но, полагаю, оно вам не понравится.

– Я уже догадываюсь... – помрачнел Драонн.

– И верно. В качестве председателя вновь созданного комитета примирения вы должны теперь присутствовать на судебных заседаниях. Более того, вам нужно будет выступить. Всего несколько общих слов, ничего страшного.

Драонн не стал даже спрашивать – возможно ли как-то избежать столь отвратительного ему дела. Согласившись на предложение Делетуара, он осознавал, что впереди его ждут немало таких вот моментов, и хотя полностью подготовиться к этому было невозможно, он всё же сделал всё возможное, чтобы попытаться принять это. Поэтому сейчас он, дав себе несколько секунд на то, чтобы взять себя в руки, лишь спросил:

– И когда же начнётся это заседание?

– В три часа пополудни, – махнул рукой канцлер. – У нас ещё полно времени. Позвольте, если сейчас ничем не заняты, обговорить кое-какие мелочи.

И он действительно говорил о каких-то мелочах – лишь ради того, чтобы отвлечь Драонна от горьких мыслей. Но кроме того он перечислил нескольких людей, которым, по его словам, можно было доверять в лиррийском вопросе. Никого из них юноша не знал, об одном или двух лишь, вроде бы, что-то слышал, а потому полностью положился на канцлера.

Более того, он не особо представлял, кого из лирр он мог бы пригласить. Сама собой напрашивалась кандидатура Перейтена Бандорского, но ведь не перетаскивать же из Сеазии в Кидую всех глав лиррийских домов! И тем не менее Драонн твёрдо решил чуть позже поговорить с Делетуаром по поводу Перейтена.

Затем был обед, привычно обильный для обжоры-канцлера, хотя Драонну едва лез кусок в горло. А после, немного отдохнув, они отправились в Палату суда.

Суд над Лейсианом и Волианом был открытым – очевидно, император давал возможность черни всласть поглумиться над своими личными врагами. Однако открытыми были не все заседания, а чаще всего лишь те, на которых присутствовали сразу оба обвиняемых. Сегодня же предстояли

лишь какие-то следственные процедуры в отношении Лейсиана, так что проходили они в небольшом помещении, где кроме коллегии суда в этот раз не было больше никого. Для Драонна это было явно на руку – он и без того чувствовал себя паршиво, и весьма не хотел бы, чтобы свидетелями его падения были бесчисленные толпы озверевших людей.

Они с Делетуаром прибыли в здание суда примерно за полчаса до начала заседания, но судьи решили, что второй канцлер – не такой человек, чтобы просто ожидать полчаса, так что тут же послали за обвиняемым.

Лейсиан вошёл в помещение, сильно хромя, однако, насколько мог судить Драонн, это не было следствием применяемых к нему пыток – во всяком случае, на открытых участках его тела никаких следов побоев видно не было. Правда, его лишили посоха, объясняя это соображениями безопасности, так что Лейсиан был вынужден опираться всем весом на больную ногу, что доставляло ему серьёзные страдания.

Несмотря на очевидную боль, которую причиняла ему искалеченная нога, мятежный проповедник старался сохранять на лице маску спесивого презрения. Правда, ему не удалось совладать с собой, когда он заметил лирру в помещении – его лицо на секунду вытянулось от изумления, но затем он вновь взял себя в руки.

– Ещё на лестнице я учуял, что здесь сегодня вновь будет этот вонючий боров, – своим звучным голосом, слегка дрожащим от испытываемой боли, проговорил он, не глядя при

этом ни на Делетуара, ни на Драонна.

– Заткнись, – конвойный хотел ударить заключённого, но не успел.

– Не нужно! – тут же воскликнул Делетуар. – Поверьте, я тоже скучал по вам, ваше хромоножество. И кстати, я мылся всего одиннадцать дней назад!

– Валяться пьяным в луже собственной мочи – это ещё не значит мыться! – тут же парировал Лейсиан.

Со стороны это больше походило на дружескую пикировку давнишних приятелей. Делетуар и вовсе улыбался и говорил нарочито шутливым тоном. И это превращало ситуацию в абсолютно сюрреалистическую и даже жутковатую.

– Не беспокойтесь, друг мой, мы не задержим вас надолго, – едва ли не ласково проговорил Делетуар. – Впрочем, в вашем положении даже какие-нибудь четверть часа – уже весомая потеря...

За этими дурашливыми ужимками Делетуара Драонн внезапно почувствовал жгучую ненависть и удивился. Он и не думал, что толстый добряк может кого-то так сильно ненавидеть. Значит, и он не избежал всеобщей истерии... Впрочем, юноша понимал, что не может судить человека за это.

– Что вы имеете сообщить мне? – переключаясь с канцлера на судью, спросил Лейсиан, которому даже не предложили сесть. – Признаюсь, я предпочёл бы поскорее покончить с делами – эта вонь меня убивает.

Гордый илир промолчал о том, что убивает его не толь-

ко вонь, но и горящая жгучим пламенем нога. Очевидно, он скорее лишился бы чувств от боли, чем попросил стул.

– Я уполномочен сообщить, – взглянув на Делетуара и получив от него одобрительный кивок, заговорил судья. – Что следующее открытое слушание состоится через четыре дня. До тех пор вам будет устроена очередная очная ставка с Волианом, а также с ещё девятью лиррами, которые обвиняют вас в прямом подстрекательстве к мятежу...

– Можем упростить нам обоим задачу, – насмешливо заговорил Лейсиан. – Эти очные ставки ни к чему – я и не скрываю, что подстрекал к мятежу, так что...

– Кроме того, – как ни в чём не бывало, продолжил судья. – Получено дозволение его величества о применении к вам дознавательных методов второй степени.

На сей раз Лейсиан заметно вздрогнул и побледнел. Даже Драонн понимал, о чём идёт речь. Дознавательные методы второй степени – так на канцелярском языке судебных именовались пытки. И он вновь понял, что все люди, присутствующие здесь, наслаждаются ситуацией.

Конечно, все эти нелепые очные ставки были совершенно ни к чему – мятежный проповедник охотно сознавался во всём сам. Им хотелось измучить, измотать его всеми этими «следственными процедурами» – заставить калеку без опоры ходить по лестницам, часами стоять перед судьями, обливаясь холодным потом от боли... А теперь вот ещё и пытки...

– Что ж, – выговорил наконец Лейсиан, немного совладав

с собой. – Теперь хоть будет чем заняться между допросами, а то скучно в камере...

Однако побелевшие губы, дрожащий голос и навернувшиеся на глаза невольные слёзы показывали, насколько он испуган. И Драонну вдруг стало невероятно жаль этого искалеченного илира. Ужасно захотелось хоть чем-то помочь ему – да хотя бы даже просто предложить сесть. Но юноша не смел сказать ни слова. Он вновь чувствовал себя как тогда, когда Денсейн при всех отчитывал его за нерешительность.

– Думаю, дальнейшую беседу вы проведёте и без нас, – словно прочитав мысли принца, проговорил Делетуар. – Но прежде, чем мы удалимся, я хотел бы дать слово лорду Драонну Доромионскому, председателю совета по примирению людей и лирр при Императорской канцелярии.

Судьи с почтительностью склонили голову в знак согласия, хотя до сегодняшнего дня даже не слышали о подобном комитете. И наконец они сумели найти ответ на вопрос, мучащий их с того самого момента, как Драонн в сопровождении Делетуара появился в палате суда. Естественно, они не решались задать вопрос второму канцлеру, но не могли не теряться в догадках по поводу того, что делает здесь этот лирра.

– Драонн Доромионский? Никогда не слышал о таком... – внезапно заговорил Лейсиан, словно только что заметив лиррийского принца. – Откуда вы, юноша?

– Из Сеазии, – едва шевеля сухим языком в сухом рту,

проговорил Драонн.

– А... Тогда понятно... – небрежно протянул хромец.

Это прозвучало как пощёчина.

– Что вам понятно? – резко спросил Драонн. Вся робость вдруг куда-то улетучилась, равно как и жалость.

– Судя по вашей реакции, то же, что и вам, – равнодушно пожал плечами Лейсиан. – Что ж, вы нашли себе достойное местечко, друг мой. Лижите эту жирную руку в надежде, что она ударит вас последним.

– Я не искал этого места! – кровь ударила принцу в голову. – И я согласился лишь потому, что хочу попытаться исправить всё то, что вы натворили.

– Исправить *что*? – огненный взгляд Лейсиана вонзился в Драонна, словно копьё. Он словно преобразился – исчез страх, боль и усталость. Сейчас перед ними вновь стоял тот самый проповедник, что сумел увлечь за собой сотни, если не тысячи лирр. – Исправить нашу попытку избавиться от ярма? Исправить наше желание не жить в тени людей? Мы пытались построить лучший мир, мальчик. Мир, в котором тебе не придётся постоянно стыдиться того, что ты – не человек. И это ты хочешь исправить?

– Я никогда не стыдился того, что я – не человек, – твёрдо ответил Драонн. – И исправить я хочу тот раскол, что вы спровоцировали между нами и людьми. Мир велик, и в нём достаточно место и для людей, и для лирр...

– Ошибаешься, мальчик, мир не так уж и велик. Пройдёт

какое-то время – сотни, а может даже и тысячи лет, но однажды люди решат, что в нём больше нет места для лирр. Так и будет – уж если в чём-то я убеждён, так именно в этом. Людям не хватит благородства и величия души, чтобы вечно терпеть нас рядом. Они плодятся словно насекомые, и вскоре им будет тесно даже самим с собой. Они делают нечистым всё, к чему прикасаются, они заражают наш мир. И, глядя на тебя, я с прискорбием вижу, что они заражают и нас. Что ж, пусть так... Может быть, лирры действительно не достойны того, чтобы их спасали...

– Ты спасаешь нас от каких-то фантомов, что существуют лишь в твоей голове! – в ярости Драонн тоже перешёл на «ты», хотя Лейсиан был куда старше его. – Но во имя победы над этими фантомами ты льёшь реальную кровь! Ты – просто безумный фанатик, заставляющий других расплачиваться за своё безумие!

– Желать счастья своему народу – это безумие?

– Бросать свой народ на копья красноверхих ради иллюзии – это безумие!

На мгновение в зале суда воцарилась тишина. Оба илира, раскрасневшиеся и сверлящие друг друга взглядами, остановились, чтобы перевести дыхание и собраться с мыслями. Остальные молча наблюдали за спором: судьи – с каким-то казённым равнодушием людей, повидавших на своём веку всякого, Делетуар – с искренним интересом, словно учёный, изучающий повадки животных.

– Свобода – это не дар, это трофей, который достанется сильнейшему! А слабейший должен будет пресмыкаться и лизать пыль с его сапог! – уже более спокойным и даже несколько пафосным тоном произнёс Лейсиан.

– По-твоему, многого стоит свобода, купленная жизнями детей? – слюна брызнула изо рта Драонна, хорошо заметная в потоках жёлтого света, льющегося из окон. Он оказался менее искущён в риторике, поэтому ему было сложнее взять себя в руки.

– Слыхали ли вы, лорд Драонн, о некоторых любопытных обычаях прианурских племён? – по-змеиному улыбаясь, вкрадчиво произнёс Лейсиан.

– Нет, – ответил принц, сбитый с толку столь внезапной сменой разговора.

– В Прианурье живёт племя, именуемое бака. Спросите после у милорда канцлера, он подтвердит, что я не лгу. Так вот у племени бака есть весьма интересный обычай: они почитают Зимнего Волка Батту, некое полубожество, которое якобы приносит с собой зиму. И если зима особенно лютая и снежная, если над деревнями бака нависает угроза голодной и холодной смерти, они приносят жертву Зимнему Волку. И знаете, лорд Драонн, кого они выбирают в жертву? Детей. Детишек от годика до трёх лет. Их вывозят в лес, подальше за пределы деревни, и оставляют там. Бака верят, что Батта насытится нежным мясом детей и отступится. За раз в жертву могут принести до десяти детей, в основном – девочек.

А потом, если холода не отступают, они могут повторять это ещё и ещё раз. Знали вы об этом?

Принц лишь покачал головой, подавленный представившейся ему страшной картиной.

– Я долго думал – почему в жертву выбирают именно младенцев, и именно девочек, – продолжал Лейсиан. – Ведь этот дикий ритуал должен иметь под собой какую-то рациональную почву. И почему матери этих детей терпят подобное? И я понял. Это, лорд Драонн, такой способ контролировать количество едоков. Если зима будет слишком долгой и суровой, многие погибнут от голода, ведь провизии на всех может не хватить. Так пусть уж лучше погибнут бесполезные дети! Главное – выживут мужчины, способные добывать пищу, а также женщины, которые вскоре нарожают ещё. Так вы всё ещё будете говорить мне о свободе, купленной жизнями детей, юноша? Жизнь детей – такая же разменная монета, как и всё остальное! И все эти люди вокруг нас, несмотря на свои пышные наряды, каменные дома и придуманные ими законы, не так уж далеко ушли от этих диких бака. В этом – вся суть человечества. Вот почему мне нисколько их не жаль. Вот почему я даже оказал бы им большую услугу, избавив от нескольких лишних ртов.

А вот Драонну теперь было нисколько не жаль Лейсиана. Потому что впервые он воочию увидел в нём не ослабленного заключением калеку, а разрушителя, сеющего вокруг смерть. Он опасен, и опасен вдвойне, поскольку дей-

ствительно умеет убеждать. И да – он должен умереть. Это будет более-менее надёжной гарантией того, что его страшные мысли умрут вместе с ним. Он должен умереть, потому что иначе умрёт неизмеримо больше людей. И лирр.

– Я счастлив, что вас поймали, – дрожа от волнения и ненависти, произнёс он. – И счастлив, что вы скоро умрёте. И я хочу, чтобы вы умирали, зная, что я сделаю всё возможное, чтобы восстановить мир между лиррами и людьми.

– Ты и подобные тебе – позор нашего народа. И если таких как ты большинство – я тоже счастлив, что скоро умру, ибо мне тошно жить среди вас!

– Мы постараемся удовлетворить ваше пожелание наилучшим образом, – внезапно заговорил Делетуар нарочито громко и весело. – Смею вас заверить, господин Лейсиан, что это – последняя весна в вашей никчёмной жизни, а уж грядущего лета вам не увидеть! Пойдёмте, лорд Драонн, нам здесь больше нечего делать. А вы, господа, продолжайте заседание.

Если, входя в зал суда, Лейсиан делал вид, что вовсе не замечает Драонна, то теперь он, напротив, не отводил от него своего огненного взгляда. Принцу казалось, что он чувствует этот взгляд затылком и лопатками, словно там пробегали туда-сюда полчища муравьёв.

– Удовлетворены? – хмуро спросил он улыбающегося Делетуара, когда они уже спускались по лестнице.

– Более чем, – жизнерадостно ответил тот.

Глава 10. Совет по примирению

– Вы ведь подстроили всё это специально? – уже позже, в экипаже, спросил канцлера Драонн, всё ещё погружённый в тяжёлые мысли. – Это заседание – оно ведь было проведено специально для меня?

От Палаты суда до Императорской канцелярии было не так уж и далеко – вполне можно добраться пешком за полчаса, но, конечно, толстый канцлер был бы неспособен на такой подвиг. Поэтому они ехали в открытом экипаже. Однако лошади двигались почти шагом – погода была отличная, поэтому Делетуару, видимо, захотелось насладиться тёплым весенним ветерком и ласковым солнцем.

– Признаюсь, вы меня раскусили, – улыбнулся канцлер. – Вы вчера говорили какую-то ерунду по поводу отмены казни и прочее, и мне захотелось показать вам, что же на самом деле за фрукт этот Лейсиан.

– А что такое дознавательные методы второй степени? – во рту принца была неприятная горечь, и слова будто пачкали язык ещё больше.

– пытки, – просто ответил Делетуар. – Такие, при которых не происходит необратимых изменений функциональности тела. После них при должном уходе человек или лирра вполне смогут более или менее сносно ходить, пользоваться своими руками, питаться, думать... В отличие от методов пер-

вой степени, когда...

– Довольно, – резко перебил Драонн. Ему вовсе не хотелось выслушивать лекцию о пытках, а также знать, сколько степеней имеется у дознавательных методов в Кидуанской империи.

– Если вы думаете, что в моей власти отменить эти пытки, или, тем паче, что это я дал указание о них – вы глубоко заблуждаетесь, – заметил Делетуар.

– Зачем пытать того, кто и так ни в чём не запирается, и кого всё равно вскоре казнят?..

– Вероятно, его величество так и не сумел придумать достаточно мучительной казни, чтобы утолить свою жажду мести.

– Он очень жестокий человек? – прямо спросил принц.

– Он – император, – сухо ответил канцлер. – Этим, по-моему, сказано всё. Впрочем, вскоре вы получите возможность составить личное впечатление. Думаю, что в ближайшие дни я договорюсь об аудиенции для вас.

– Меня представят императору? – юношу прошиб холодный пот.

– Вы, друг мой, должно быть, ещё не совсем поняли, сколь высокий пост вы теперь занимаете. Быть личным советником второго канцлера – это значит быть фигурой, многим не равной. Я бы даже сказал, что вы теперь вполне претендуете на место в ближнем круге императора.

– Даже будучи лиррой? – горько скривил рот Драонн.

– Если мы поведём себя правильно – особенно будучи лирой!

– Вы столь уверенно говорите о вещах настолько несбыточных, что я иной раз начинаю подозревать вас либо в су-масшествии, либо во владении какой-то необычайно мощной магией, способной в один миг перевернуть мир с головы на ноги.

– А вы, друг мой, переоцениваете мыслительные способности большинства представителей человеческого рода, – усмехнулся канцлер. – Вам кажется, что люди теперь будут вечно лелеять ненависть к лиррам, но это не так. У большинства из них настолько много забот, что они забудут об этой войне уже к осени. Конечно, некий уровень неприязни останется всё равно, но все чрезмерно острые углы сгладятся сами собой. Люди просто выбросят их из головы. Это, друг мой, небольшое, но важное преимущество краткого жизненного срока – умение забывать о несущественном и сосредотачиваться на насущном.

– Не уверен, что лирры так же легко забудут о зверствах красноверхих, – глухо проговорил Драонн.

– Если будут достаточно умны – забудут. Иногда прошлое следует оставить в прошлом ради будущего. Может несколько позже, когда улягутся основные страсти, мы проведём несколько показательных процессов против лидеров красноверхих из числа тех, что наиболее запятнали себя невинной кровью. Кроме того, в этом-то теперь и будет заключаться

наша с вами работа, лорд Драонн – похоронить прошлое.

Экипаж плавно остановился у величественной лестницы, ведущей в громоздкое здание Императорской канцелярии.

– Не желаете отобедать? – предложил Делетуар.

– Мы же не так давно обедали, – удивился Драонн, чей аппетит был окончательно уничтожен недавней встречей.

– Обедов никогда не бывает слишком много, друг мой. Впрочем, если вы не голодны, можете отправляться к себе домой. Сегодня, я думаю, вам следует отдохнуть. Завтра вплотную займёмся подбором кадров.

Драонн не стал спорить – он действительно чувствовал себя разбитым и уставшим, словно целый день провёл в седле. Поэтому, благодарно кивнув, он направился в свой особняк.

Несколько следующих дней были скучными и монотонными. Драонн выслушивал рекомендации Делетуара по поводу тех или иных кандидатов, которых он предлагал в так называемый совет по примирению. Увы, юноша с трудом воспринимал такой большой поток устной информации. Наверное, будь перед ним листы бумаги, на которых было бы изложено всё то, о чём говорил канцлер, он, возможно, куда лучше оценил бы достоинства этих людей. А так он просто кивал всякий раз, как Делетуар задавал ему вопросы.

Более того, ровно то же происходило и с кандидатурами лирр. Драонн, прибыв из дремучей провинции, в которой

было всего семь лиррийских домов и проживало от силы тысяча лирр, совершенно не знал принцев из других провинций. Делетуар предлагал ему то одно, то другое имя, но все они ровным счётом ничего не говорили юноше, так что и здесь он мог лишь кивать, словно болванчик.

В конечном итоге он стал ощущать себя всё глупее и бесполезнее. С самого начала, как только он приехал в Кидую, да даже и раньше – с той самой памятной встречи в Шедоне, Драонн никак не мог избавиться от ощущения какой-то абсурдности всей этой ситуации. Он, илир без имени и славы, едва вступивший в эпоху зрелости, внезапно возносится на самую вершину. За какие такие заслуги? Этот вопрос давно не давал покоя юному принцу, и теперь он, кажется, нашёл на него ответ.

Он нужен лишь в качестве декорации. Делетуар вполне способен справиться с этим сам, и ему нужен тот, кто не станет, да и не сможет ему мешать. Кто-то настолько ничтожный, чтобы не сметь даже оспорить решений канцлера. И это очень походило на ловушку. Вдруг император замыслил что-то страшное на пару с этим елейно улыбающимся добрячком, и он, Драонн, станет ширмой, за которой всё это будет сотворено?

Тошнота подступила к горлу принца. Он действительно сейчас ощущал себя ничтожной букашкой, на которую катился неотвратимый валун. Он понятия не имел, что ему делать. Впервые он оказался в сложной ситуации, буквально

припёртый к стенке, и при этом не имея никого, на кого он мог бы опереться. Как кстати был бы здесь сейчас Ливейтин! Верный друг, он, быть может, сумел бы распознать измену и помочь выпутаться из этой паутины, если он, Драонн, ещё не запутался в ней окончательно.

Ощущение слепого прохода над бездонной пропастью не отпускало. Драонн понимал, что каждый его шаг может оказаться началом падения в бездну. И Делетуар, который за этой добродушной физиономией и сладкими речами вполне мог прятать звериный оскал, внезапно стал пугать почти до физической дрожи. Юный принц вдруг вспомнил, как в детстве он поражался тому, что стоит схватить разыгравшегося котёнка за загривок, и на него нападает какая-то странная оторопь. Он сейчас ощущал себя именно таким котёнком.

Но сквозь это оцепенение едва просачивалась робкая мысль о том, что он теперь не имеет на это права. Он больше не котёнок, он – глава Доромионского дома! И даже больше – он сейчас тот, от которого зависит судьба двух народов. И как ни хотелось пугливо закрыть глаза, чтобы не видеть того, что будет дальше, он *не имел на это права*.

– Для чего я вам нужен? – стараясь говорить спокойно, он прервал Делетуара прямо на середине его очередной тирады.

– Простите? – канцлер настолько увлёкся, что поначалу не понял вопроса.

– Почему вы выбрали именно меня? Вы же видите, что я ни на что не способен.

– Кажется, мы обсудили это ещё при первой нашей встрече.

– Нет. Тогда вы не сказали, что планируете сделать меня чиновником имперского масштаба. Да и тогда вы толком не объяснили ничего. Я просто никак не могу понять одного. Вы назвали мне уже с полдесятка весьма достойных на ваш взгляд илиров. Почему не один из них?

– Я понимаю, о чём вы думаете, лорд Драонн, – лицо канцлера вдруг стало совершенно серьёзным. – Вам кажется, что я веду какую-то нечистую игру, и что мне нужен слабый и безгласный компаньон, который не мог бы помешать мне? Это совершенно не так. Я понимаю, что вам может быть довольно сложно поверить мне, но всё же хочу заверить вас, что у меня нет никаких задних мыслей. Я действительно стараюсь ради взаимного блага наших народов.

– Мне кажется, когда собираются делать какое-то большое дело, то и помощников себе подбирают подстать. Почему вы избегаете ответить на мой вопрос? Почему именно я?

– Я вовсе не избегаю. Всё очень просто. Настолько просто, что для вас это может звучать неправдоподобно. Этого я и опасаясь.

– Но всё же попробуйте, потому что ваше молчание ещё подозрительнее.

– Когда всё это завертелось, я уже думал о том, что рано или поздно эту кашу придётся расхлёбывать. И стал наводить справки о том, кто из лирр мог бы мне в этом по-

мочь. При этом я понимал, что искать в Лиррии или Ревии бессмысленно – они либо откажутся, либо согласятся, но тогда уже я не смогу доверять им. Здесь же лирры, по-моему, стали слишком похожи на людей. Ими движут деньги, корысть. Не поверите, но некоторые из них вполне неплохо устроились на торговле контрабандой с Лиррией, и, думаю, кое-кто из них сейчас даже жалеет, что всё уже закончилось. И стало ясно, что искать нужно именно в Сеазии, где лирры всегда были лояльны и понимали ценность взаимного сотрудничества с людьми.

Я наводил справки о главах сеазийских домов. Многие первым делом называли Гайрединна Кассолейского, но поговаривали, что характер у него довольно крут и что (простите, что говорю так о вашем будущем тесте), он бывает слишком упрям. Подобные Гайрединну не годятся для дипломатической работы.

– Странно, я ничего такого не заметил! – покачал головой Драонн. – Принц Гайрединн показался мне взвешенным и умным.

– Взвешенность и гибкость – не одно и то же, друг мой. В общем, я отказался от его кандидатуры почти сразу же. Следующими мне называли уже ваше имя, а также пару других имён, от которых я отказался ровно по тем же самым причинам. Так я и остановился на вас. А все те громкие имена, что я называл тут недавно – они хороши лишь для того, чтобы добавить нашему совету авторитетности, без чего

вряд ли кто-то станет всерьёз с нами разговаривать, сколько бы мы не тыкали им в нос императорскими бумажками. Думаю, большинство из них будут принимать участие в совете лишь постольку-поскольку. Приготовьтесь к тому, что весь этот воз тянуть придётся нам двоим.

– Когда прибудет милорд Гайрединн, уверен, он тоже возьмётся за дело! – убеждённо проговорил Драонн. – И раз уж большинство лирр будут предложены вами, я бы просил со своей стороны добавить ещё одного моего хорошего знакомого – Перейтена Бандорского. Уверен, что он тоже был в вашем списке.

– Его имя называли столь же часто, как и ваше, а может даже и чаще, – ответил канцлер. – И если он согласится, я буду рад видеть его. Почему не предложили его сразу?

– Признаться, постеснялся, – улыбнулся Драонн.

– И напрасно. И если к нему у вас не будет второго, тайного конвертика, быть может, в этот раз доверим послание курьеру? Уверяю, не пройдёт и недели, как он получит письмо.

– Согласен, – рассмеялся воспоминаниям Драонн. – Кстати, если всё будет в порядке, через неделю-другую стоит ждать принца Гайрединна.

– Очень на это рассчитываю, – Делетуар внимательно взгляделся в глаза лирры. – Полагаю, я сумел развеять ваши сомнения?

– Отчасти, – улыбнулся Драонн. – Я больше не подозреваю вас в коварстве, но по-прежнему сомневаюсь в правиль-

ности вашего выбора.

– О, ну вот уж на этот-то счёт вы можете быть абсолютно спокойны! – заверил канцлер.

Созыв совета затягивался – не было никаких вестей от Гайрединна. Драонн полагал, что если принц принял приглашение, то должен быть уже где-то в пути, вероятно – неподалёку от Залива Дракона. Меньше чем через неделю стоило ожидать возвращения гонца, пущенного к Перейтену, и тогда стало бы ясно – ждать ли его.

Вообще большинство из тех, кого Драонну рекомендовал Делетуар, уже прибыли в Кидую, или же проживали здесь. Совет было решено сделать небольшим – кроме юного принца и второго канцлера было решено ввести туда по пять людей и лирр. Делетуар непременно полагал, что кроме двух представителей Сеазии, приглашённых лично председателем совета, по одному лирре должны быть от Лиррии, Ревии и Кидуи.

С этими кандидатурами как раз было всё куда сложнее. Несмотря на то, что Делетуар назвал с полдюжины достойных на его взгляд илиров, было весьма сложно убедить их принять в этом участие. Каждый понимал, что, уезжая в столицу для заседаний в каком-то непонятном совете, он оставляет в Ревии или Лиррии земли, замок и главное – семью. Что бы там не объявляли официальные лица, убеждая, что

война уже полностью стихла, Драонн от Делетуара знал, что сопротивление, пусть и порядком ослабленное, всё ещё продолжается в некоторых районах Ревии. Да и в Лиррии ситуация была далека от спокойной.

И тем не менее, на приглашение второго канцлера откликнулся принц Беалест Тенейдинский из Лиррии, а также принц Кайлен Брокорианский из Ревии. Правда, последний вместе с семьёй с начала войны проживал неподалёку от Кидуи, поскольку его идеи примирения с людьми тогда находили не самый лучший отклик у соплеменников. По некоторым данным его замок теперь лежал в руинах после того, как его штурмом взяли войска Волиана. Однако среди определённой группы лирр он по-прежнему пользовался уважением.

Представителем от Кидуи был весьма богатый купец, владелец нескольких торговых судов, принц Лиарон Эрастийский. Он чаще других появлялся в здании Императорской канцелирии, где обычно в обществе Делетуара проводил время Драонн.

Однако юноша почему-то сразу же проникся некоторой неприязнью к этому илиру. Всё дело было в том, что он слишком мало вопросов задавал по поводу урегулирования отношений, и слишком много – по поводу различных предпочтений, которые могут получить лирры вообще и он в частности. Вскоре стало понятно, что он согласился на участие в совете сугубо по личным и вполне меркантильным сообра-

жениям. Будь у Драонна альтернатива – он тут же попросил бы канцлера убрать этого торгаша из совета, но был вынужден молчать, потому что предложить взамен ему было некого.

Что касается людей, то все они были кидуанцами, поскольку Делетуар не видел причин набирать их по всей империи. «Люди везде одинаковы», – говаривал он, усмехаясь своей маслянистой улыбкой. И тем не менее, чутье у канцлера оказалось отменное – все пятеро оказались располагающими к себе людьми, начисто лишёнными расовых предрассудков. С некоторого времени их общество стало Драонну едва ли не приятнее общества своих именитых соплеменников.

Особенно сложились отношения у него с дородным грубоватым мужчиной лет сорока по имени Корк. Почти всю свою жизнь Корк провёл в море – начинал юнгой на корабле своего отца, затем наследовал судно уже в качестве капитана. Удача улыбалась дерзкому моряку – вскоре под его началом было уже два, а затем и три корабля, занимающиеся грузоперевозками вдоль западного побережья Паэтты.

В Корке Драонна подкупало то, что он сделал своё состояние собственными руками, много и тяжело работая. У него было грубоватое и прямое мировоззрение трудяги и морского волка, однако временами он умел быть удивительно тонок в суждениях, что выдавало в нём натуру интересующуюся и думающую не только о насущном.

Судя по всему, Драонну не хватало именно такого общения. Юный принц познал в жизни многое благодаря книгам, которые прочёл в великом множестве, но простые, точные, даже грубоватые фразы Корка относительно разных вещей казались ему порою гораздо мудрее любых изречений.

Наконец на двенадцатый день месяца арионна Драонну сообщили, что прибыл принц Перейтен в сопровождении небольшого отряда илиров. И поскольку Гайрединна Кас-солейского, которому приглашение было послано почти на неделю раньше, до сих пор не было, это могло означать лишь одно – он не принял приглашения Драонна. Правда, несколько странным было то, что он не прислал хотя бы короткой ответной записки.

Тем не менее, юный принц был ужасно рад видеть своего друга и соседа.

– Вы удивили меня, друг мой! – воскликнул Перейтен, обнимая юношу. – Я толком не успел ещё свыкнуться с тем, что вы стали зятем самого милорда Гайрединна, как вдруг выясняется, что вы ещё и советник канцлера Делетуара! И когда только вы всё это успеваете?

– Простите, милорд, что не сказал вам раньше о своей встрече с Делетуаром. Это была не моя тайна. Но вообще мы встречались ещё осенью, и уже тогда он взял с меня слово, что я приеду по первому его зову.

– Я рад, что он оценил вас по достоинству! Говорю вам это совершенно искренне: я не знаю никого, кто больше под-

ходил бы на это дело!

– Но мне потребуется ваша помощь, милорд Перейтен. Дело предстоит сложное.

– Потому-то я и приехал так быстро, как только смог, бросив все дела.

– Я бесконечно признателен вам за это, милорд. Но скажите – нет ли у вас каких-нибудь вестей о принце Гайрединне?

– Он не в Кидуе? – изумился Перейтен. – Возможно ли, чтобы вы пригласили меня, не пригласив его?

– Я пригласил его в первую очередь, – признался Драонн. – Однако его почему-то до сих пор нет.

– Вы думаете, что он не захотел приехать?

– Я боюсь, что дело не в этом, – мрачно ответил принц. – Уверен, что если бы он решил остаться, то обязательно послал бы гонца, чтобы уведомить меня. Стало быть, либо с этим гонцом что-то случилось, либо...

– О, поверьте, принц Гайрединн не из тех илиров, что могут попасть в переделку! – поняв опасения юноши, воскликнул Перейтен. – Наверняка он отправился бы с хорошей охраной. Вполне возможно, какие-то дела задержали его в Кассолее...

– Не так давно я послал ещё одного гонца. На всякий случай...

– Вы поступили верно, друг мой. Но прошу вас не беспокоиться ни о чём. Поверьте, всё будет хорошо.

– Что ж, в любом случае ждать больше не имеет смысла. Вы приехали, и это главное. Теперь можно активизировать нашу работу.

– И что предстоит делать?

– Признаться, сам толком не знаю. Будем проповедовать мир.

– Звучит не слишком убедительно, – с сомнением покачал головой Перейтен.

– Это потому, что вы слышите эти слова от меня, а не от Делетуара. Поверьте, в его устах это звучит куда более убедительно.

– Он действительно такой толковый, как о нём говорят?

– Поверьте, молва частенько преувеличивает его размеры, но почти всегда преуменьшает остроту его ума! – рассмеялся Драонн. – Ну вскоре вы познакомитесь лично. А пока... У вас есть где остановиться?

– Увы, ни разу не был в Кидуе, – пожал плечами Перейтен. – Вообще я надеялся, что меня обеспечат жильём...

– Разумеется! – заверил юноша. – А пока поживите у меня! В моем особняке столько спален, что я до сих пор ещё не видел их все!

– Что ж, охотно принимаю ваше предложение, друг мой!

Драонн вызвал было одного из мелких служек, чтобы попросить проводить Перейтена в свой особняк, но затем передумал и решил лично сопровождать его – всё равно, несмотря на довольно громкое название, совет его пока не был

слишком уж обременён работой, а если быть до конца честным, так и вовсе особо ничего не делал. Может быть, Делетуар ждал, пока соберётся полный состав, но скорее всего он чутко следил за настроениями при дворе, а главное – за предстоящей казнью мятежников. Так или иначе, но юный принц был очень рад приезду своего друга. Он словно долгое время плыл, захлёбываясь, в мутной и бурной воде, и вдруг наконец сумел коснуться твёрдого дна пальцами ног.

Первое заседание совета по примирению людей и лирр прошло на удивление скучно и бессмысленно. Делетуар заливался соловьём о том, какой сложный путь им предстоит пройти, как важна их общая миссия, как многого он ждёт от их работы, но при всём этом не было сказано ни одного конкретного слова, ни одного существенного предложения, ничего такого, что заставило бы глаза присутствующих здесь мужчин загореться жаждой действия.

После высказались и остальные члены совета, в том числе и сам Драонн, но их короткие речи были весьма однообразны и банальны. Сам Драонн хотел бы сказать что-то вдохновляющее и важное, но в итоге, по сути, повторил основные тезисы Делетуара, причём сделал это куда менее виртуозно. Ну а затем всё те же слова в несколько разных вариациях повторили и остальные – множество громких слов о оказанной чести, о долге, о вере в светлое будущее...

Драонн уже давно задумывался о том, почему Делетуар, который сам был вдохновителем и создателем этого совета, на деле относился к нему с явной прохладцей – не торопил с открытием, не ставил практических и амбициозных задач, да и вообще он словно тянул какое-то тягло, а не делал дело, ради которого не так давно не поленился протащиться через половину империи.

Собственно говоря, Делетуар не особенно и скрывал, что ему не очень-то нужен этот совет. Точнее, он нужен лишь в качестве декорации. Вероятно, такова была воля императора, стремящегося навести порядок в империи и желающего, чтобы обидчивые лирры не сочли, что их снова оставили на обочине.

Драонн вполне ясно понял, как дальше будет работать этот, с позволения сказать, «совет». Периодически будут проводиться столь же пустые совещания, на которые со временем, ссылаясь на занятость, перестанет ходить большинство из членов, а дальше хитрый канцлер будет заправлять всем в одиночку, приправляя собственные решения громкими подписями лирийской знати.

Вновь проснулись подозрения относительно его роли в совете. Вот почему Делетуар остановил выбор на нём, вот почему потащился по непролазной грязи Сеазии в Шедон. Канцлеру нужна марионетка – юный и неопытный партнёр, который будет помалкивать да кивать. Вот почему не сгодился ни Гайрединн, ни Перейтен. Вот она, та гибкость, которая

требовалась коварному толстяку.

Но быть или не быть такой марионеткой – решать самому Драонну. Он знал, что вполне может положиться на Перейтена. Со вздохом он взглянул на пустующее кресло рядом с собой – то, что пока что предназначалось для Гайрединна. Ясно, что Делетуар вскоре найдёт, кого посадить в него, а это значит, что в совете будет ещё один илир, на которого Драонн не сможет положиться.

Из присутствующих лирр Драонн совершенно определённо не доверял принцу Лиарону, и не знал, как относиться к бывшему себе на уме Беалесту. Лишь ревиец Кайлен, многое потерявший в этой войне, казался тем, кому действительно важно закончить всё наилучшим образом, но и это могло быть лишь видимостью. Как раз именно он, Кайлен, был более всего уязвим для Делетуара, ведь именно он был наиболее нуждающимся из всех.

Что же касается людей, то, конечно же, Драонн ни минуты не сомневался, что в случае чего все они примут сторону хитроумного толстяка. Даже Корк.

Вдвоём против десятерых, один из которых – второй канцлер империи. Расклад паршивый. И Драонн совершенно не знал, что ему делать. Пока, судя по всему, стоило лишь ожидать, пытаясь понять, насколько чистоплотен в этом деле Делетуар. Если он действительно желает добра, то юноша охотно уступит ему и место, и славу.

Тем не менее, какая-то интуитивная тревога всё росла в

Драонне. Он чувствовал какой-то подвох, но не мог понять, что же именно его так беспокоит. Но было похоже, что он втянут в какую-то игру, которая ему не по зубам, и итогом которой могут стать новые несчастья для его народа.

Глава 11. Аудиенция

С тех пор, как Делетуар заикнулся о том, чтобы представить Драонна императору, прошло довольно много времени. Сам канцлер после ни единым словом не напомнил об этом, а Драонн, признаться, не слишком-то горел желанием предстать перед его величеством. И вот буквально на следующий день после первого созыва совета Делетуар с самого утра пришёл в кабинет, который был выделен для Драонна, и где тот предавался ничегонеделанию.

– Нет, это никуда не годится! – прямо с порога заявил он.

– Что вы имеете в виду? – удивился Драонн, поскольку в этот конкретный момент он завтракал мягкой булкой с маслом и ароматным кофе, то есть делал то, о чём толстяк никогда не отозвался бы в подобном роде.

– Ваш внешний вид, – едва ли не с брезгливостью ответил Делетуар. – Что это на вас надето? Или у вас в Сеазии жители не знакомы с понятиями изысканности и вкуса?

– На мне та же одежда, что и вчера, и неделю назад, – юноша был растерян и слегка обижен. – Что же касается вкуса, то поверьте мне, носить на работе шитый золотом халат и мягкие туфли – тоже не признак изящества.

– Вот именно! Какой уже день носите вы этот кафтан? Или он прирос к вашей коже? – Делетуар проигнорировал вторую часть реплики. – Неужто благородному юноше нужно давать

урок моды? Я понимаю, что рядом с таким неряхой как я вы могли опустить планку требований к себе, но сегодня вам надлежит выглядеть безупречно! Мы отправляемся на полдничную аудиенцию к его величеству!

Если бы в этот момент Драонн пил свой обжигающий кофе – он наверняка бы поперхнулся. А так он лишь застыл, едва ли не с ужасом глядя на канцлера. Его и без того большие лирийские глаза стали теперь просто огромными.

– Не вздумайте сегодня стоять перед его величеством с таким же видом! – усмехнулся Делетуар. – А то он ещё, чего доброго, сочтёт меня некомпетентным в подборе советников.

– Мне нужно в платяную лавку! – справившись с шоком, выпалил юный принц, вскакивая со своего кресла.

– Вне всякого сомнения, – важно кивнул Делетуар.

Затем, не дожидаясь, пока Драонн стрелой выскочит из кабинета, он подошёл к столику и без малейшей брезгливости затолкал в рот остатки недоеденной булки, запив её дымящимся напитком из оставленной чашки.

– Всё ещё несколько провинциально, но уже гораздо лучше, – канцлер оценивающе окинул взглядом Драонна. – С другой стороны, чего ещё ждать от лавок с готовым платьем! По крайней мере, вы сделали всё, что от вас зависело.

– И это всё, что вы мне скажете? – юноша, казалось, вол-

новался всё больше с каждым часом, что приближал аудиенцию. – Может лучше дадите пару советов о том, как держать себя с его величеством?

– Ведите себя как всегда, – отмахнулся канцлер. – К вашему поведению, в отличие от вашего внешнего вида, у меня никогда не было претензий. Главное – не стоит слишком раболепствовать, и ещё хуже – стоять с тем глупым и растерянным видом, что был у вас сегодня утром. Его величество не такой уж плохой человек... для императора, – с улыбкой прибавил он.

Драонн досадливо поморщился – не хватало ему сейчас ещё этих подначиваний. Фигура императора всегда казалась для него чем-то далёким и недостижимым. Не то чтобы он представлялся каким-то божеством, но всё-таки вызывал определённый трепет. А уж теперь, когда встреча с ним стала неизбежной, он по-настоящему пугал.

– Значит ли это, что я могу говорить всё, что думаю? – тем не менее, спросил он.

– А как, по-вашему, я стал его советником? – самодовольно ухмыльнулся Делетуар. – Конечно, если вы планируете задержаться при дворе на долгий срок, вам придётся научиться искусству говорить что думаешь, но словами императора, так чтобы у него не возникло подозрений, что мысли эти не его, а ваши. Иногда приходится делать так, но в целом его величество вполне поощряет тех, кто может мыслить независимо. В определённых рамках, конечно же.

– И как мне увидеть эти рамки?

– Увидете. Но довольно разговоров, нам пора собираться.

– Но ведь ещё нет и двух часов пополудни! – заметил Драонн. – До аудиенции ещё далеко!

– Вы плохо знаете придворные обычаи, друг мой. Полдничная аудиенция случается у его величества тогда, когда он велит подавать ему полдник. А это может случиться в совершенно разное время. Поэтому если мы не хотим опоздать – лучше выйти пораньше. Поверьте, при дворе немало бездельников, которым всегда что-нибудь нужно от его величества. Многие из них, словно стервятники, часами ожидают в приёмной, в надежде попасться на глаза императору и быть приглашёнными к полднику. Нам нужно опередить их.

– Но разве его величество не назначил нам?.. – озадаченно спросил принц.

– Назначил, – усмехнулся Делетуар. – Как и ещё двум или трём десяткам придворных. А мест за полдничным столиком всего шесть.

– А почему император не назначил мне обычную, рабочую аудиенцию? – подозрения Драонна в отношении Делетуара и кидуанского монарха вновь оживились. – Разве мы встречаемся не по официальному поводу?

– Запомните, друг мой, даже официальные поводы лучше всего разрешаются в неофициальной обстановке. Попадите за полдничный столик к императору – и никто при дворе уже не посмеет бросить на вас косой взгляд. Разве не это нам

нужно?

– Хорошо, я понял. В этом вопросе я полностью доверяюсь вашему опыту, милорд.

– Надеюсь, вы будете достаточно мудры для того, чтобы полностью доверять мне *во всех* вопросах, лорд Драонн, – сладко улыбнулся Делетуар. – Поверьте, если уж я, как советник, достаточно хорош для императора Кидуи, то, наверное, смогу сгодиться и для принца Доромионского.

Драонн не нашёлся, что на это ответить – и возразить сложно, и соглашаться сложно. Поэтому он полу-кивнул, полу-поклонился канцлеру, спросив лишь:

– Ну что, пойдём?

– Да, пора, – понимающе усмехнулся Делетуар.

Дворец императора, на удивление, не производил какого-то особенного впечатления. Тот же особняк Делетуара, по мнению Драонна, не сильно отличался от него в худшую сторону. Ни величины, ни величественности в этом замке, чем-то напоминающем крепость, не было. Из книг он знал, что это – своеобразный урок, вынесенный из гибели империи Содрейн. Дворец императора должен в случае чего вынести длительный штурм.

Внутреннее устройство дворца ещё больше укрепляло понимание того, что это было хорошо продуманное оборонительное сооружение. Драонн, оказавшись он тут без сопровож-

дающего, заблудился бы в этих переходах и комнатах в течение считанных минут. Узкие проходы с множеством закоулков и поворотов, в которых небольшим группам воинов легко противостоять крупным отрядам противника, паутиной разбегались в разные стороны, часто не освещённые ничем, кроме небольших масляных светильников. Однозначно, Доромион выглядел куда более уютным и приспособленным для жизни.

Хвала богам, что Делетуар чувствовал себя в этом лабиринте вполне уверенно. Его огромная фигура, облачённая в свободные, колышущиеся при ходьбе одежды, маячила перед вконец оробевшим лирийским принцем спасительным ориентиром. Довольно многочисленные придворные и слуги, снующие в этих переходах словно мелкие рыбёшки среди атоллов, моментально расступались, едва завидев эту медленно ступающую гору жира.

Наконец они пришли в какой-то светлый зал, где было особенно людно. Надо сказать, что на Драонна старались не смотреть вовсе, не зная, как себя с ним вести. Придворные подобны былинкам, что клонятся в ту сторону, в какую дует ветер. Сейчас политический ветер, вроде бы, дул навстречу лиррам, но, с другой стороны, до сих пор не завершился суд над главарями мятежа, поэтому люди, искушённые в дворцовых интригах, не знали пока, стоит ли заводить разговор с лиррой. С одной стороны, рядом с этим лиррой громоздилась необъятная фигура второго канцлера, и это был весо-

мый аргумент. Но с другой – все эти люди не раз слышали те слова, что в запале гнева бросал его величество в адрес лирр, и это покамест тоже не стоило сбрасывать со счетов.

Драонн же старался держаться невозмутимо, однако было видно, что он очень бледен, а на висках выступили мелкие бисеринки пота, заставляющие тонкие чёрные волосы липнуть к коже. Он понимал, что ему нужно привыкать ко всему этому; также он понимал, что его нынешний статус позволяет глядеть на большинство этих людей свысока, однако пока ничего не мог с собой поделать. Он лишь благодарил богов, что рядом находился Делетуар, и его зловоние казалось сейчас приятнее аромата роз.

Вскоре стало понятно, что все эти люди собрались здесь не просто так. Каждый из них пытался выглядеть непринуждённо, разговаривая о каких-то пустяках, посмеиваясь и перемещаясь по залу. Здесь стоял лёгкий непрекращающийся гул, словно на цветочном поле собирал нектар рой пчёл.

Но за всей этой кажущейся бестолковой расслабленностью был виден чёткий расчёт. Каждый из этих придворных то и дело непроизвольно бросал короткие взгляды на большую двустворчатую дверь, пока что плотно прикрытую. Драонн понял, что именно за ней находится либо сам император, либо та самая гостиная, в которой он любит давать «полдничные аудиенции».

– Чего хотят все эти люди? – шепнул принц блаженно улыбающемуся Делетуару.

– А чего хочет цветок, поворачиваясь вслед за солнцем? – пожал плечами тот. – Внимания. Им всем нужно императорское внимание, иначе они захиреют.

– То есть у них нет никаких особенных дел?

– Друг мой, из всего этого сонмища шаркунов и бездельников, что ежедневно наполняют императорский дворец, найдётся от силы лишь два или три десятка людей, которые имеют какие-то дела. И лишь трое или четверо из них имеют дела, связанные с интересами государства. Остальные же живут подобно канарейкам в клетках – чирикают и едят, едят и чирикают.

– Вы, однако, не слишком-то высокого мнения об этих людях, – усмехнулся Драонн.

– Пожив столько лет при дворе – чудо, что я ещё не разочаровался во всём человечестве, – с брезгливой улыбкой мизантропа проговорил Делетуар.

Шелест пролетел по пёстро одетой толпе, и Драонн в этом шёпоте уловил слова «его величество». Все, словно по команде, повернулись к той самой двери, которая привлекала столько их внимания. Теперь обе створки её торжественно распахнулись, и в дверном проёме возникла фигура императора.

Это был здоровенный дородный человек, ростом превосходящий даже Драонна, а своими размерами ненамного уступающий Делетуару. Причём было видно, что далеко не всё из этой массы – жир. Вероятно, в молодые годы его ве-

личество Родреан был невероятно силён. Небрежно запахнутый на груди халат, седые волосы, схваченные в простой хвост, никаких украшений, за исключением золотой императорской печати на пальце – таков был император Кидуи.

Все черты его лица были очень крупными и теперь выглядели не слишком-то приятно, но, вероятно, лет двадцать назад он был достаточно привлекателен некоей особой, почти варварской красотой. Большой, похожий на брюкву нос, обвисшие от возраста губы, мочки ушей – огромные и отвисшие так, словно его всю жизнь тянули за них. Несмотря на то, что сейчас в моде были гладко выбритые лица, Родреан, словно подчёркивая, что он – человек другой эпохи, носил бороду, хотя она и не была особенно густа или ухожена.

– Вороньё уже здесь... – гудящим голосом проговорил он, и было непонятно, чего в этом голосе больше – насмешки или досады.

Однако же придворные тут же с готовностью рассмеялись, действительно став похожими на стаю каркающих ворон.

– От ваших рож у меня снова сделается изжога... – вновь проворчал император, и снова вызвал этим очередной приступ неуместного и насквозь искусственного веселья.

– Принимает ли ваше величество тот бальзам, что я советовал вам недавно? – тяжело поднимаясь с кресла, спросил Делетуар.

– А, и ты здесь, старый кашалот? – несмотря на грубость слов, лицо Родреана на миг разгладилось. – Я не заметил те-

бя, хотя должен был почувствовать, что ты где-то поблизости. Я принимал твой бальзам два дня, пока он не закончился!

– Того что я дал, ваше величество, должно было хватить на два месяца! – рассмеялся Делетуар. – Но по счастью я, хорошо зная вас, догадался прихватить ещё бутылочку.

– Вот это дело! – наконец император, пребывавший до этого в довольно скверном расположении духа, улыбнулся. – Твой бальзам – это единственное, что я хотел бы видеть сейчас! Ты должен открыть мне его изготовителя. Клянусь богами, я сделаю этого человека герцогом!

– Ему это не нужно, ваше величество, он уже и так принц, – мягко поклонился канцлер.

– Так это – лирийское питье? – догадался император. – А это, стало быть, и есть его автор?

– Увы, нет, ваше величество. Но этот илир вскоре станет автором чего-то большего, чем простая наливка в бутылке!

– Стало быть, он и есть тот самый принц Доромионский, ваш протеже?

– Вы очень проницательны, ваше величество, – тонкое ухо лирры уловило нотку сарказма в этой фразе, произнесённой Делетуаром. – Это действительно он.

– Что ж, пойдёмте со мной в голубую гостиную. Сегодня я велел накрыть там.

Вздых разочарования пронёсся по толпе собравшихся. Голубой гостиной император называл небольшой балкончик.

Он любил говаривать, что там у него всего одна стена серая, а три остальные – голубые. Очевидно, что там мог поместиться лишь небольшой столик, за которым будет тесновато и троим, не говоря уж о том, что двое из них огромны, словно небольшие горы. Столпившимся придворным стало понятно, что сегодня его величество будет полдничать в совсем узком кругу – в компании лишь второго канцлера и этого лирийского выскочки.

Худой, словно тростинка, Драонн шёл позади двух этих громадин и чувствовал себя рыбацкой шхуной, попавшей между плавучими льдинами, которые, по рассказам путешественников, во множестве водились к северу от Келлийских островов. Рядом шли два стража, каждый из которых ничем не уступал в размерах императору, разве что жира под их кожей было куда меньше.

Голубая гостиная оказалась недалеко. Увы, вид с неё разочаровал Драонна. Балкон находился на высоте примерно тридцати футов от земли, так что не мог похвастаться каким-то особенным видом на Кидую. Более того, прямо у дворца здесь росли деревья – обычные липы и клёны, чьи ветви с распутившимися уже листьями образовывали непроницаемый зелёный полог, скрывающий не только город, но и добрую часть неба, так что, по мнению Драонна, эта гостиная скорее заслуживала названия зелёной, а не голубой.

Однако здесь было свежо, нежный ветерок, смягчённый

зелёными ветвями, омывал их лица, унося прочь неприятный запах, исходящий от второго канцлера. Кроме того, на столике стояли блюда с угощениями, причём их количество соответствовало скорее ужину, нежели полднику.

Император, подойдя к столику, первым делом схватил большой серебряный бокал, который предупредительный слуга буквально за мгновение до этого успел наполнить густым бордовым вином. Не переводя духа, Родреан выпил не менее двух третей, после чего шумно выдохнул и поставил бокал на стол.

– Проклятая мигрень! – проворчал он, буквально падая в кресло. – Сводит с ума! Я сегодня почти не уснул.

– Вам надобно похудеть, мой император, – проговорил Делетуар, пытаясь втиснуть своё жирное тело в кресло. – От лишнего веса у вас высокое давление крови, а от этого и мигрень.

– Уж кто бы говорил! – совсем не по-императорски фыркнул Родреан.

– Мне мой вес не доставляет проблем, – конечно, канцлер слегка покривил душой, но, сказать по правде, его действительно не мучали недуги, обычные для толстяков. – Я живу, наслаждаясь жизнью.

– Всё к дьяволам! – рявкнул император, выплёскивая остатки вина из своего бокала за парапет балкона. – Налейте-ка этого вашего бальзама! Клянусь честью, это настоящий чудодейственный эликсир! После него я чувствую себя,

словно младенец!

Делетуар с готовностью достал из складок своих необъятных одежд бутылку из такого тёмного стекла, что оно казалось почти чёрным.

– Я вновь повторюсь, что его нельзя принимать в столь больших дозах, – предупредил он, передавая бутылку слуге, чтобы тот срезал сургуч с горлышка. – Это может быть опасно.

Император лишь досадливо поморщился. Когда слуга, откупорив бутылку, стал наливать тягучую тёмную жидкость в бокал, в какой-то момент Делетуар предупреждающе поднял руку, показывая, что этого достаточно. Слуга метнул вопрошающий взгляд на императора и тот нехотя кивнул.

– А вы? – недовольно спросил он, заглядывая в бокал и явно находя объём содержимого недостаточным.

– Я воздержусь, – улыбнулся Делетуар.

– А вы, принц? – император впервые дал понять, что он не забыл о существовании Драонна.

– Благодарю, ваше величество, – срывающимся от волнения голосом ответил юноша. – Но я тоже откажусь.

– Вы отказываетесь от того, что предлагает император? – голос Родреана прозвучал надменно, а огромное обрюзгшее лицо внезапно затвердело в маске царственного гнева.

– Бросьте, ваше величество! – усмехнулся Делетуар, заметив, как побледнел Драонн. – Оставьте этот тон для тех ничтожеств, что остались там, позади. С лордом Драонном вы

можете говорить так же, как и со мной.

– Вы заслужили это право своей многолетней службой, – заметил император, но всё же сбросил с себя пугающую маску. – Хотя я готов сделать скидку тому, кого вы рекомендуете. Итак, лорд Драонн, я вновь предлагаю вам этого божественного эликсира.

– И я вновь откажусь, ваше величество, – принц, кажется, разгадал игру, ведущуюся за столом, а потому чувствовал, что отвечает правильно.

– Хорошо, – одобрительно хмыкнул Родреан. – Вы, по крайней мере, не собираетесь лизать мне задницу. Это радует.

– О, ваше величество, дайте ему немного обвыкнуться, и вы натерпите от него ещё больше, чем от меня! – заверил Делетуар.

– Очень в этом сомневаюсь. Вряд ли у кого-то ещё может достать столько беспардонности, сколько у вас! Кроме того, лорд Драонн производит впечатление юноши скромного и воспитанного.

– Дайте срок, ваше величество, дайте срок... – усмехнулся Делетуар.

– Что же, если вам не хочется пить, то уж наверняка захочется есть. Особенно тебе, старый кашалот.

– В тот день, когда я откажусь от еды, можете смело заворачивать меня в саван – значит, я умер, – рассмеялся канцлер, запуская пальцы в какое-то блюдо с незнакомым для

Драонна содержимым. – Лорд Драонн, попробуйте вот это. Саррассанцы называют это блюдо бахла-нва, и оно невероятно жирное и сладкое. Заметьте, что есть его нужно непременно руками, как это делают на его родине.

– Я не голоден, – возразил Драонн, и это было правдой.

– Воля ваша, – пожал плечами Делетуар, облизывая пальцы, по которым медленно стекало нечто янтарное, похожее на мёд.

– Итак, лорд Драонн, как вам Кидуа? – без всякого интереса осведомился император, зачерпнув причудливо сложенной тонкой лепёшкой какой-то соус. – Вы бывали здесь раньше?

– Я впервые в столице, государь, – ответил Драонн. – Признаться, пока не слишком обвыкся. Я – провинциал до мозга костей. Мне ближе леса Сеазии.

– Каково отношение к мятежу у лирр в Сеазии? – вдруг напрямик спросил Родреан, так и не донеся лепёшку до рта.

– К нему отнеслись с осуждением, государь.

– Лирры нанесли мне удар в спину, понимаете ли вы это, принц? – император раздражённо швырнул лепёшку на стол.

– Но... – сглотнув тягучую слюну, промямлил Драонн.

– И я говорю не об этой парочке крикунов. Прежде всего я говорю о тех тысячах лирр, что последовали за ними. Да, не все они подняли руку на своего государя, но они сочувствовали, укрывали, снабжали. И вот это – предательство!

Драонн молчал, не зная, что сказать. Молчал и Делетуар,

как ни в чём ни бывало продолжая поглощать бахла-нву. То ли он решил устроить экзамен своему протезе, то ли действительно не рисковал возражать императору в его порыве гнева.

– Знаете, к чему я это говорю, принц? – лицо Родреана стало по-настоящему злым. – Если бы была возможность раз и навсегда покончить с лиррами, я бы это сделал.

Последняя кровь отлила от лица Драонна. Он смотрел на сюзерена расширившимся глазами, в которых одновременно можно было прочесть и страх, и злость.

– Да, я бы, не колеблясь, повелел бы уничтожить всех – и женщин, и детей, и стариков, если бы это было возможно, потому что мир в империи стоит любой цены. Но... Я не могу этого сделать... Невозможно уничтожить одним махом целый народ – большинство избежит удара, уйдёт в леса, укроется в горах, зароеется в норы. И тогда начнётся долгая и изматывающая партизанская война, которая настолько ослабит империю, что сперва мы лишимся наших окраинных провинций, а затем нас растопчет Саррасса. Я не хочу, чтобы вы заблуждались на мой счёт, поэтому говорю вам открыто – вот почему мне нужен мир между лиррами и людьми. Я не испытываю к вашему народу ни ненависти, ни любви. Я просто хочу защитить мир в моей империи.

– Я ценю вашу прямоту, государь, – заговорил Драонн, хотя язык всё ещё плохо слушался его. – И я понимаю, зачем вы это сказали. Признаюсь, у меня были подозрения, что

этот совет, который организовал канцлер Делетуар, может сделаться западней, в которую попадёт мой народ. Теперь я понимаю, что это не так. И гарантией тому служит не ваше честное слово, а наша, если можно так выразиться, живучесть. Люди будут терпеть лиры до тех пор, пока не смогут их уничтожить. Что ж, хвала богам, это случится ещё не скоро. А до тех пор наши чаяния совпадают – я тоже хочу, чтобы в *нашей* империи был мир. Нам удавалось хранить его достаточно долго, так что я не вижу причин, чтобы это было невозможно впредь.

– Отличные слова, лорд Драонн! – лицо императора вновь разгладилось. – И я рад, что вы верно поняли мою мысль. Теперь вы понимаете, что я буду хорошим правителем и для вашего народа, как и для народа людей. Не потому, что так этого хочу, а потому что *должен*.

– Мы с вами висим на двух концах перекинутой через сук верёвки, – уже спокойнее произнёс Драонн. – И как бы нам не хотелось перерезать чужой конец, чтобы низвергнуть соперника вниз, мы не сделаем этого, потому что в таком случае рухнем вслед за ним. Поверьте, ваше величество, это полностью совпадает с тем, во что верю я. Более того, меня вполне устраивает именно такое положение вещей, и именно поэтому я был противником восстания Лейсиана.

– Что ж, лучше и не скажешь, – кивнул Родреан. – Раз мы поняли друг друга, я даю вам и Делетуару все необходимые полномочия, чтобы выправить ситуацию. Делайте, что

посчитаете нужным. Можете считать, что я заранее одобряю все ваши решения.

– Тогда, ваше величество, я бы просил проявить некоторое снисхождение к осуждённым и приговорить их к простому повешению вместо тех мучительных казней, которые вы, как я понимаю, уже готовите для них, – Драонну стоило огромного мужества сказать это, но он чувствовал, что если для подобного ходатайства вообще есть подходящее время, то оно – именно сейчас.

– Но вы не станете переубеждать меня относительно необходимости казни? – глаза императора вновь опасно сузились.

– Нет, ваше величество, – не отводя взгляда, ответил принц. – Канцлер Делетуар предоставил мне возможность познакомиться с Лейсианом, и я понял, что его нельзя оставлять в живых. Но лирры оценят ваше благородство, если вы позволите лидерам восстания умереть с достоинством.

– Обещаю подумать над этим, – тяжело кивнул Родреан. – Но не рассчитывайте на многое! Эти мятежники – мои личные враги!

– Я понимаю это, ваше величество.

– О, неужели ваш повар наконец-то научился готовить тушёную морковь! – воскликнул Делетуар.

Очевидно, тем самым он решил прервать «разговор о делах», который, по его мнению, подошёл к своему логическому завершению. Возможно, канцлер просто побоялся, что Драонн переступит через какие-то границы, если его вовре-

мя не заткнуть.

Так или иначе, но оставшаяся часть полдника прошла за пустой болтовнёй. Делетуар и Родреан то и дело перешучивались, при этом канцлер иной раз позволял себе быть излишне фамильярным, по мнению лиррийского принца. Но, кажется, эти двое действительно были давними и добрыми друзьями, так что император совершенно никак не реагировал на подобные вольности. Что же касается самого Драонна, то он промолчал до конца этой аудиенции, так не проглотив и кусочка.

Глава 12. Неожиданность

Весна в этом году была хороша как никогда. Может быть, Драонн просто привык к сезийским вёснам, заметно более сдержанным. Здесь же весна бушевала множеством красок и запахов. Небо, в Сеазии имеющее какой-то сероватый, стальной оттенок, здесь было ясно-голубым с редкими пушинками облаков тут и там. Зелени в Кидуе, конечно, было не слишком много, но та, что была, наполняла зловонный городской воздух упоительными ароматами. Уже зацвели вишни, а кое-где даже и яблони, что в родных краях принца происходило на неделю, а то и две позже.

Природа праздновала торжество жизни, победу над белой смертью зимы. Природа, напоённая талыми водами, готовилась породить свои плоды. Природа ликовала, наслаждалась солнцем, ветром, нечастыми короткими ливнями. Казалось бы, посреди такой благодати – как могут возникнуть такие вещи как голод, ненависть, война?..

Однако именно в это время в прошлом году вспыхнул мятеж. Всего через два дня, в двадцать второй день месяца Арионна, месяца, благословлённого самим Белым богом, Кидуанская империя с содроганием отметит годовщину лейсианского восстания.

И, конечно, вполне предсказуемо было, что именно к этой дате император приурочит казнь заговорщиков. Аудиенция

у императора была четыре дня назад, и с тех пор Драонн почти не говорил о ней с Делетуаром. Сразу после ухода из дворца канцлер в свойственной ему шутовской манере похвалил юношу, сказав, что он сделал всё правильно. Вот, пожалуй, и всё.

Спрашивать о том, какой казни подвергнут зачинщиков мятежа, было бессмысленно. Всякий раз толстяк отговаривался, что не интересовался, не знает, ему не сообщают. В конце концов Драонн бросил попытки. Было похоже, что Делетуар действительно не знал, чего ожидать от императора.

И вот сегодня с самого утра на всех городских площадях раздаются крики глашатаев, объявляющих, что послезавтра состоится казнь изменников Волиана и Лейсиана, а также нескольких наиболее фанатично преданных их сторонников. Никаких подробностей не сообщалось, но толпа гудела в предвкушении зрелища.

Лиррийский принц прекрасно понимал, что ему придётся участвовать в этом последнем акте судилища, более того – он должен будет настойчиво просить присутствовать при этом и остальных лирр – членов совета. И пусть он не испытывал тёплых чувств к Лейсиану и Волиану, но знал, что вид их мучительной смерти не доставит ему особо приятных ощущений.

Тем не менее он попытал счастья, спросив у Делетуара, обязательно ли ему присутствовать при экзекуции.

– А вы сами-то как думаете? – только и ответил канцлер,

и было ясно, что дальнейший разговор совершенно бесполезен.

Драонну до сегодняшнего дня казалось, что он полностью смирился с судьбой мятежников, но вдруг оказалось, что это не так. Ощущение чего-то мерзкого, бессмысленного в своей чудовищности, не покидало его. Ночью юноша едва спал, то и дело просыпаясь от кошмаров, которые почти тут же выветривались из памяти, оставляя лишь набор неясных образов. Также и аппетит, казалось, начисто покинул его, так что еда иной раз вызывала почти отвращение.

Накануне казни состоялось новое заседание совета. Вопрос, естественно, был лишь один. Удивительно, но лирры отнеслись к необходимости присутствовать на казни довольно равнодушно, разве что Перейтен насупил свои брови. Возможно, дело было в различии менталитетов – южной скрытности и северном прямотушии, но Драонн подозревал, что причина здесь иная. Всё-таки, что ни говори, а война для них, сеазийцев, была лишь отголоском того, что испытывали лирры здесь, а особенно юго-восточнее, в Лиррии и Ревии.

Почему Кайлен Брокорианский, чей замок лежал в руинах, а земли, готовые принять зёрна будущего урожая, порастали бурьяном, должен сожалеть о судьбе тех, кто обрёл его на это? Почему это должно волновать Лиарона Эрастийского, чьи мысли наверняка больше были заняты делами его судоходной компании и не так давно наступившей навигацией? Или Беалест Тенейдинский, чьи владения война обо-

шла лишь чудом, прольёт слёзы о Волиане, который призывал уничтожить лирр-«предателей» паче людей?

Правда была в том, что он, юный романтик, был сейчас отстранённым наблюдателем за происходящим. Он лизнул немного прогорклых сливок с этого отвратительного гнилого пирога, но не откусил полным ртом его смердящего нутра. Он считал ужасным лишением невозможность отъехать далеко от своего замка, или лишний раз наведаться в Шедон. И очень редко задумывался о тех, кого лишили всего – крова, близких, самой жизни... И внезапно Драонну стало стыдно за свой максимализм, за свой детский идеализм, за то, что считал себя лучше этих илиров.

– Будут ли на казни присутствовать другие лирры, что проживают сейчас в окрестностях столицы? – спросил один из людей – купец по имени Баред. – Это могло бы показать людям, что ваш народ готов двигаться навстречу миру.

– Плохая идея, – покачал головой Делетуар, тогда как присутствующие лирры нахмурились. – Ничем, кроме нового столкновения это не закончится. Рана ещё слишком плохо затянулась, так что любое резкое движение вновь откроет её.

– Не говоря уж о том, что это будет унижением для лирр, если их силком будут сгонять на казнь их сородичей, – хмуро добавил Перейтен. – Не думаю, что наше унижение необходимо, чтобы показать вам, что мы готовы идти на мир.

– Не беспокойтесь, лорд Перейтен, как я уже сказал, этого не будет! – заверил канцлер. – Довольно будет вашего при-

сутствия, как членов совета. Вы будете представлять весь лирийский народ.

– Надеюсь, нам не нужно будет выступать с речами? – произнёс Драонн, понимая, как жалко это звучит и выглядит, учитывая, что он – формальный глава совета.

– Разумеется нет! – тут же ответил Делетуар. – Всё, что должно быть сказано, скажут император и распорядитель казни. От вас требуется лишь молчаливое присутствие.

– Да будет так! – произнёс принц Кайлен. – Лично я ни за что не пропущу казнь этих подонков.

– Это не должна быть ваша личная месть, лорд Кайлен, – заметил канцлер. – Это – всего лишь торжество справедливости, это – правосудие, это – осуждение не только от имени императора, но и от всего рода людей, а главное – от всего рода лирр.

– Так оно и будет, – неожиданно для самого себя вдруг сказал Драонн.

Драонн придирчиво рассматривал себя в зеркале. Казнь была назначена на полдень, а теперь было без четверти десять. На самом деле юный принц был обычно довольно небрежен во всём, что касалось внешнего вида, поэтому сейчас эта внимательность была скорее способом отвлечься от мрачных мыслей.

На Драонне был строгий чёрный сюртук безо всякого ши-

тья – вполне траурное одеяние. Он очень хорошо сидел на худой долговязой фигуре, придавая принцу какое-то утончённое величие. Вполне вероятно, мрачность наряда была своеобразным вызовом злорадной толпе, а может он просто выбрал тот костюм, который был ему к лицу.

– Наденьте шляпу, ваше высочество, сегодня дождливо, – подал голос стоящий неподалёку дворецкий Баррет.

– Что?.. – Драонн был погружен в свои мысли, поэтому не понял слов, обращённых к нему.

Баррет почтительно сделал шаг вперёд и повторил:

– Наденьте шляпу, ваше высочество, сегодня дождливо.

– А... Да, пожалуй... – рассеянно кивнул юноша, проводя пальцами по своим длинным чёрным волосам. – Спасибо, Баррет. Я так и сделаю. Что скажете, надеть ли мне что-то из украшений?

– Мне кажется, это будет лишним, ваше высочество.

– Я тоже так думаю. А шпагу?

– Шпага – истинное украшение любого мужчины, и уж давным-давно она является важным атрибутом такого вельможи, как вы.

– Может, лучше взять меч? – невесело усмехнувшись, спросил Драонн.

Баррет понял, к чему клонит молодой господин. Площадь и прилегающие улицы будут полны народом, жаждущим лиррийской крови.

– Уверен, что шпаги будет достаточно, ваше высочество, –

вежливо улыбнулся он.

– Долгой ли будет казнь? – лицо принца вновь помрачнело.

– Не могу сказать, ваше высочество. Тут всё будет зависеть от изобретательности его императорского величества и мастерства распорядителя казни.

– Вы думаете, над ними станут издеваться?

– Через два часа вы это узнаете, ваше высочество, – поклонился Баррет, давая понять, что ему больше нечего сказать по данному вопросу.

– Хорошо, Баррет, можете идти, – Драонн вновь начал с неестественной внимательностью оглядывать свой наряд.

Дворецкий молча поклонился отражению в зеркале и вышел. Оставшись один, юноша провёл ладонью по горячему лбу. Это будет долгий и тяжёлый день, нужно собрать все силы. Оставив наконец зеркало, принц почти повалился в кресло и замер в нём, стиснув пальцами виски. Он закрыл глаза и погрузился в некий транс, когда голова его словно очистилась от мыслей. Блаженное состояние, которое, увы, не продлится долго.

– Прошу прощения, ваше высочество, – тихонько постукав, в комнату вновь вошёл Баррет.

– Что ещё? – чуть сварливо спросил Драонн, с неохотой отнимая руку от лица.

Сколько прошло времени с ухода слуги – он не имел понятия. Неужели уже пора?.. По внутренним ощущениям юно-

ши прошло совсем немного времени – едва ли больше четверти часа. Но, с другой стороны, он находился в какой-то прострации, а быть может – даже и задремал на какое-то время, так что большой уверенности в этом не было.

– К вам посетитель.

Что ещё за посетитель?.. За всё время, что Драонн находился в Кидуе, к нему ни разу не приходили даже в рабочий кабинет, не говоря уж о посещениях на дому. Очевидно, что это был кто-то незнакомый, иначе дворецкий отрекомендовал бы его по имени. Вероятно, это как-то связано с предстоящей казнью... У юноши засосало под ложечкой от недоброго предчувствия.

– Где же он? Зовите его сюда.

Какая-то неприятная слабость овладела принцем, так что даже встать с кресла ему сейчас казалось невозможным. Он почему-то нисколько не сомневался, что вошедший сейчас в эту дверь принесёт дурные вести.

– Я уже здесь, друг мой, – послышался голос, который показался Драонну очень уж знакомым.

С радостным недоверием юноша вскинул глаза на дверь, и действительно на пороге возникла фигура принца Гайрединна.

– Милорд, вы ли это! – вскричал Драонн, мгновенно вскакивая с места.

– Собственной персоной, друг мой! – Гайрединн шагнул к нему, протягивая руку.

Крепко пожимая руку будущему тестю, Драонн вдруг осознал, что к радости, которую он сейчас испытывал, примешивалось неожиданное лёгкое чувство стыда и досады. Он словно был одновременно и рад, и не рад приезду принца Кассолейского. Впрочем, именно так оно и было.

Действительно, с того момента, как Драонн смирился с тем, что Гайрединн не приедет, он не столько переживал на этот счёт (хотя, разумеется, присутствие принца сильно укрепило бы его дух), сколько радовался тому, что старейшему представителю сеазийских домов не придётся участвовать в той пародии на какой-то там совет, которую организовал Делетуар. Юноше казалось, что для него это будет слишком уж унижительно. Так что в глубине души он даже радовался, что Гайрединн не приехал. И вот теперь он уже предвкушал чувство стыда, которое неизбежно возникнет у него, как только принц Кассолейский поймёт, для чего на самом деле его пригласили в столицу и в каком фарсе ему надлежит поучаствовать.

Но всё это будет потом, а сейчас, и именно в данный момент, Драонн был страшно рад видеть принца Гайрединна. Радость была так велика, что на какое-то мгновение он даже забыл о предстоящей казни.

– Что же вы так долго добирались, милорд? – воскликнул он после долгого и крепкого рукопожатия. – Случились какие-то неприятности в пути?

– Нет, путь был довольно приятен, – улыбнулся Гайре-

динн. – Просто очень много времени ушло на сборы.

– Сборы? – удивился Драонн. – Вы что – решили осесть в Кидуе? Вот уж не думал я, что вам на сборы потребуется больше трёх часов!

– Мне – нет, – ещё шире заулыбался Гайрединн. – Но вот кое-кто всё никак не мог собрать свои чемоданы.

– Кое-кто – это я, мой принц, – из-за двери раздался голос, от которого у юноши едва не встало сердце.

– Аэринн! – вмиг забыв о приличиях, Драонн оставил старика, бросившись навстречу любимой. – Что ты здесь делаешь?

– Нормальный илир сказал бы что-то вроде «как я рад тебя видеть», – с деланой обидой произнесла девушка, но тут же рассмеялась.

– Я очень рад тебя видеть! – и правда, юноше казалось, что он задыхается от счастья. – Но это так неожиданно...

– По-твоему, я с детства мечтала состариться, ожидая своего жениха, покуда тот соблаговолит наиграться в большую политику? – язвительно поинтересовалась Аэринн. – Когда ты сообщил отцу, что у вас тут какие-то дела, я поняла, что обещанной свадьбы в начале лета можно больше не ожидать. Значит так поступают принцы Доромионские – пообещают бедной девушке жениться, а затем сбегают в столицу?

– От тебя сбежишь!.. – с гордостью усмехнулся Гайрединн. – Она буквально вцепилась в меня, словно борзая. Как ни уговаривал её остаться – всё без толку!

– После того, как мой принц описал мне наш особняк, ничто не могло удержать меня в Кассолее! – фыркнула Аэринн. – Хотя я представляла его больше и шикарнее.

– А мне он всё это время казался чересчур огромным, – признался Драонн. – Милорд, у вас не возникло проблем при въезде в город?

– Никаких. Грамота за подписью второго канцлера вмиг прекращала все вопросы. Я уже знаю о том, что сегодня случится, – добавил он, заметив выражение лица юноши. – Об этом твердят, наверное, даже лошади и ослы. С прискорбием замечаю, что люди одинаково не умеют ни проигрывать, ни выигрывать. Если бы не наш эскорт в два десятка хорошо вооружённых илиров, думаю, было бы несложно влипнуть в историю.

– Вот почему я и не хотел, чтобы Аэринн пока приезжала. Надеюсь, после сегодняшней казни всё наконец начнёт успокаиваться...

– Я так понимаю, что все члены этого вашего совета должны присутствовать? – с гримасой отвращения спросил Гайрединн.

– Боюсь, что так... – виновато пожал плечами Драонн.

– Тогда будем считать, что я ещё не прибыл! – заговорщически усмехнулся Гайрединн.

– Отличная идея, милорд. Тем более что вам нужно обустроиться и отдохнуть с дороги. Баррет проводит вас в комнаты и распорядится насчёт остального.

– Что значит «в комнаты»? – возмутилась Аэринн. – Разве мы с тобой будем спать в разных комнатах?

Драонн растерянно взглянул на свою непритязательную и, что важнее, совсем неширокую кровать и после небольшой заминки проговорил:

– Я распоряжусь заменить здесь постель...

– Не утруждайся, мой принц, теперь у этого дома появилась хозяйка, – улыbnулась Аэринн. – Я всё сделаю сама.

– Я мечтал услышать эти слова всю свою жизнь, – он привлёк её к себе и поцеловал так страстно, что даже выдавший виды Гайрединн смущённо отвернулся и потопал к выходу, где его ожидал бесстрастный как всегда Баррет.

Погода сегодня удачно соответствовала настроению Драонна – небо было пасмурным с самого утра, а теперь и во все зарядил дождик. Он был тёплым и даже приятным – уже совсем летним, и уж конечно не мог стать помехой для разыгрывания последнего акта драмы, затянувшейся на целый год...

...Ровно год назад хромой лирийский мессия прискакал на взмыленном, издыхающем на ходу коне к воротам замка Силейдин, вотчине принца Волиана. Он знал, что погоня отстала совсем ненадолго, что ищейки императора идут по горячему следу, и что, попади он им в руки, ему не миновать каменного мешка. И главное – он знал, что здесь ему помо-

гут.

Принц Волиан всегда имел репутацию человеконенавистника. Те отдельные арендаторы из числа людей, что от безысходности были вынуждены арендовать у него куски земли, стонали от непомерного оброка: он втрое превосходил оброк с лирр, и почти во столько же – здравый смысл. А крепостных Волиан не держал никогда, вероятно, брезговал. Кормился он, главным образом, за счёт арендаторов-лирр, среди которых как раз слыл отличным сеньором.

Бросив поводья, и не оглядываясь более на коня, Лейсиан что было сил захромал к подходящему Терадиану, стремянному принца Волиана.

– Заприте ворота! – срывающимся от усталости и боли голосом прохрипел он. – Скорее!

Терадиан, не привыкший подчиняться кому-то кроме своего господина, нахмурился и голосом, не обещавшим ничего доброго, осведомился:

– А ты кто, милейший?

– Меня зовут Лейсиан, друг мой, и мне нужна помощь твоего господина.

– Лейсиан? – удивлённо, но с почтением воскликнул Терадиан.

Здесь, в Силейдине, Лейсиана знали очень хорошо, правда, лишь по слухам и легендам. Вживую, естественно, его никто не видел. Однако Терадиан знал, с каким уважением относился к мятежному проповеднику его хозяин, да и сам он

не мог не восхищаться им, так что раздумий больше не осталось.

– Запереть ворота! Поднять мост! – заорал он.

Приказы стремянного принца исполнялись в Силейдине почти с той же быстротой, что и приказы самого Волиана, так что не прошло и минуты, как загремела по барабану цепь. Ворота же, за которыми, судя по всему, отменно ухаживали, закрылись без малейшего скрипа, словно это были не огромные дубовые, обитые металлом створки, а дверцы ларчика, в котором дама хранит свои ожерелья.

Тем временем сам Терадиан, осторожно поддерживая отчаянно хромящего Лейсиана под руку, отвёл его к Волиану.

– Меня хотят схватить, – первое, что сказал Лейсиан принцу, едва назвав своё имя.

– Пусть попробуют, – растянув губы в волчьей улыбке, прошипел тот.

– Готовы ли вы начать войну? – испытующе глядя на Волиана, спросил хромец.

– Война уже началась, разве нет? – оскалившись ещё больше, ответил принц таким тоном, что у Лейсиана не осталось ни малейших сомнений в том, что он наконец прибыл туда, куда нужно.

Когда отряд, состоящий примерно из дюжины кавалеристов, прибыл к воротам замка, его просто расстреляли. Лиррийские стрелы – тяжёлые и не знающие промаха – в одно мгновение пробили тела всадников, а также некоторых ло-

шадей. Не было сказано ни одного слова – людям даже не дали объяснить, для чего они прибыли. Медный рожок, который один из солдат достал, чтобы оповестить о своём появлении, расплющился, когда на него сверху рухнул, дёргаясь в судорогах, его хозяин. Всё было кончено в какие-то четверть минуты, и в этой быстроте и безмолвии было нечто страшное.

– Оттащите эту падаль от ворот и бросьте в лесу, – распорядился Волиан. – Авось не всех волков я ещё перебил в окрестностях! А нет – так пусть барсуки да лисы пообгложут! Срочно разослать илиров по людским фермам и выставить их вон! Пусть собирают свои вонючие пожитки и проваливают куда хотят! Сроку им – неделя. Передайте, что через семь дней я собственноручно убью любого человека, что попадётся мне в пределах моей земли.

– Вы – великий илир, друг мой! – произнёс Лейсиан, всё ещё жадно вглядываясь в сваленные внизу трупы. – Я знал, что именно отсюда, из этих древних лесов Ревии, что когда-то стали колыбелью нашего народа, вновь воссияет заря лирийского величия! Мы всколыхнём гнев наших братьев, что устали терпеть гнёт грязного людского племени, и вновь, как встарь, станем хозяевами нашей земли!

– Я буду рвать их собственными руками и зубами, если прикажете! – огонь фанатизма вспыхнул в глазах принца. – Так или иначе, но я не стану больше жить с этим народом на одной земле! Либо я уничтожу последнего из них, либо они

уничтожат меня!

Глава 13. Казнь

Морозящий дождик был не то чтобы сильно уж неприятным, но Драонн с благодарностью вспомнил Баррета, напомнившего захватить шляпу. Площадь, на которой обычно казнили, располагалась далеко от центра города, почти на окраине, так что юноша направлялся покамест в Канцелярию, откуда вместе с Делетуаром и другими членами совета должен был отправиться к месту казни.

Но даже и здесь, вдали от площади, миролюбиво именуемой Сельской, несмотря на то что рубили на ней исключительно головы, сегодня было многолюдно. Плотные группы людей целенаправленно двигались к восточным воротам, туда, где сегодня должно было свершиться невероятно любопытное и зрелищное событие. В отличие от Драонна, они должны будут пройти весь путь пешком, поэтому теперь они очень спешили.

Именно сегодня возбуждённый предстоящей казнью народ был особенно болезненно нетерпим к лиррам. Драонн предусмотрительно прихватил с собой пятерых хорошо вооружённых илиров, хотя идти до места было всего несколько минут. Однако косые взгляды, а также желчные комментарии, что то и дело отпускались на их счёт, не оставляли сомнений в правильности такого выбора. Признаться, в глубине души юноша всё же сожалел, что нацепил на бедро шпа-

гу, практически бесполезную в схватке, вместо того чтобы взять с собой короткий меч, которым так хорошо орудовать в густой толпе.

– Чернь почуяла кровь, – понимающе хмыкнул Делетуар, когда принц, не скрывая досады, от души захлопнул за собой дверь, словно отгораживаясь от мира. – Ничего, завтра они вновь станут нормальными.

Действительно, Драонн замечал, что люди, по-видимому, действительно неспособны долго удерживать в голове что бы то ни было – хоть любовь, хоть ненависть. В последнее время он уже ходил в Канцелярию и обратно домой, не беря с собой охрану. Более того, некоторые прохожие из числа тех, что ежедневно встречались ему на этом пути, уже начали здороваться с ним – вполне вежливо и дружелюбно. Кажется, жизнь действительно возвращалась в мирное русло, и для этого, судя по всему, не требовались даже какие-то особые усилия его декоративного совета.

– Могу представить, что будет твориться на площади!.. – проворчал он в ответ. – Надеюсь, наши трибуны будут отделены от зевак?

– Вы будете рядом с императором, друг мой.

Это отчасти успокоило Драонна, но также и раздосадовало. Очевидно, что тем самым он превращался из простого зрителя в некоего актёра, которому надлежит сыграть свою роль, пусть даже эта роль будет целиком заключаться в молчаливом восседании рядом с монархом.

– Наверное, нам уже пора? – нехотя спросил принц. – Улицы сейчас полны народом, как бы нам не застрять в этой толпе.

– Помилуйте, ваше высочество! – с великолепной самоуверенностью воскликнул Делетуар. – Чтобы второй канцлер империи и его советник застряли в толпе? Это невозможно!

Драонн на это лишь пожал плечами – мол, воля ваша. Сказать по правде, если они опоздают к казни, он будет этому только рад.

– Ваш тесть приехал-таки? – хитро блеснув глазами, осведомился Делетуар.

– Вы уже знаете... – с неким неприятным чувством проговорил принц. – Да, но он...

– Я всё понимаю, – тут же перебил его канцлер. – Разумеется, это будет наша маленькая тайна. Ему вовсе необязательно присутствовать на экзекуции. Тем более что ещё нужно разместиться самому и разместить дочь.

– У вас хорошие агенты, милорд, – у Драонна почему-то вновь сжались внутренности, словно Делетуар не просто упомянул Аэринн, а коснулся её своими жирными пальцами.

– Профессиональная необходимость, друг мой, – рассмеялся канцлер. – Вы даже представить себе не можете, как я устал от этой необходимости всё знать! Клянусь богами, когда-нибудь я брошу всё это и уеду к вам в Доромион, наслаждаться тишиной и сосновым воздухом.

– Буду ждать, милорд! – юноша невольно усмехнулся по-

добной бесцеремонности, которая была иногда столь вопиющей, что становилась почти очаровательной. – Может быть, рванём прямо сейчас?

– Увы, друг мой, но сегодня нас ждёт другая поездка...

От здания Канцелярии отправился целый кортеж – несколько крытых экипажей сопровождало два десятка всадников, вооружённых мечами. Делетуар был прав – казалось, никакая толпа не может остановить их. Кортеж двигался небыстро – вполне достаточно, чтобы люди успевали прижаться к домам и отёрнуть с дороги ребятню. Кроме того, два дюжих кавалериста, скачущих шагах в пятидесяти впереди, непрерывно надсаживали глотки криками «Дорогу!». Одного этого слова было достаточно, чтобы люди повиновались – было ясно, что едет некто, имеющий право приказывать.

По мере приближения к Сельской площади толпа становилась всё гуще. Без преувеличения весь город и его окрестности спешили сейчас сюда, чтобы посмотреть на казнь тех, кто обрёк страну на кровопролитную войну. Благо площадь была предусмотрительно велика, так что на ней вполне могло уместиться много тысяч людей. Очевидно, что большинство из них за всё время экзекуции увидят лишь затылки стоящих впереди, но сама причастность к этому событию для многих была важнее зрелища.

Но несмотря на это сдавленное многолюдье, широкая расчищенная дорога, словно просека, пролегла от улицы, по которой на площадь въехал экипаж Делетуара, к трибунам, обитым синими и красными тканями – цветами империи. Двойное оцепление легионеров охраняло это пространство для его императорского величества и других высших лиц государства, которым посчастливилось получить места в ложе.

Драонн глядел на это колышущееся море лиц через зашторенное окно экипажа и думал – а хватило бы у него смелости пройти мимо этих людей, пусть даже их разделяла бы двойная цепь солдат? Также он подумал об Аэринн и о том, каково ей будет жить в городе *людей*, ходить по улицам *людей*, и при этом быть *лирой*.

Всё-таки она должна будет уехать отсюда, потому что он никогда не будет спокоен, пока она среди них. Сейчас, глядя на эти искажённые злобой и ожиданием кровавого зрелища лица, он и позабыл, как совсем недавно полагал, что проблема уже решена. Люди – как солома. Они быстро гаснут, но так же быстро и загораются вновь. И нельзя, чтобы Аэринн оказалась в эпицентре нового пожара.

Тягучее течение мрачных мыслей было прервано остановкой экипажа. Они были на месте. Казалось бы, тонкие дверцы кареты были слабым препятствием для шума, но когда они распахнулись, гул многотысячной толпы буквально обрушился на Драонна. На секунду он испытал детское желание захлопнуть дверцу и просидеть в этом уютном полумраке.

ке, пока всё не закончится. Однако же, тяжко вздохнув, он вышел наружу. Пыхтящий, словно кит, канцлер уже осторожно выбирался с другой стороны.

Толпа, заметив небольшую группу лирр, злорадно заворчала. Отдельные голоса тонули в общем шуме, да и Драонн старался не вслушиваться в глумливые крики. Те, кто стоял поодаль, и не понимал в чём дело, зашумели из солидарности. Солдаты вяло успокаивали передние ряды, но старались больше для проформы.

– Не обращайте внимания на них, друг мой, – Перейтен, ехавший в следующем экипаже, подошёл и мягко взял принца под руку. – Пусть себе глумятся. Это – их единственная радость. Через час казнь закончится, и они вновь вернутся к своему серому, унылому существованию, тогда как мы с вами продолжим жить полной грудью. Оставьте им это невинное развлечение.

– Я справлюсь, милорд, – кивнул Драонн, бледный как смерть. – Пойдёмте вслед за канцлером. Никогда бы не подумал, что так сильно захочу поскорее оказаться на этих отвратительных трибунах.

– Его величества ещё нет, – заметил Делетуар, когда два принца нагнали его. – Но я уверен, что он появится с минуты на минуту.

С трибуны площадь была как на ладони. Огромное пространство – около трёх акров¹⁵ – она скорее походила на пу-

¹⁵ Акр – мера площади, равная 0,4 гектара или примерно 4000 м².

стырь, чем на городскую площадь. Одним своим боком она упиралась в городскую стену, а с трёх других была окружена лачугами бедноты. Однако среди этих лачуг выделялось большое каменное здание, прислонившееся к крепостной стене. Это была городская тюрьма, где содержались наиболее опасные государственные преступники. Очевидно, что и Лейсиан, и Волиан сейчас были там. Не исключено, что они слышали и видели происходящее сейчас на площади через мелкие окошки-бойницы своих камер, если, конечно, их не держали в каменных мешках.

Торжествующий вой отвлёк Драонна от его мыслей. Взглянув в ту сторону, откуда он доносился, принц невольно закусил губу едва ли не до крови. В передних рядах толпы, заметив лирр, разместившихся в ложе, с полтора десятка мужчин демонстративно достали и надели на себя кроваво-красные береты, и это именно их толпа встретила таким приветствием.

После официального окончания войны отряды красноверхих были распущены согласно специальному указу, изданному императором Родреаном. Формально власть всегда сохраняла нейтральное отношение к этим ополчениям, хотя все знали, что при дворе весьма много людей, явно сочувствующих и помогающих карателям.

Однако после ареста лидеров мятежа красноверхие стали мешать власти налаживать контакт с лиррами – кровавый след, что тянулся за этими безжалостными убийцами, кос-

венно падал и на государство, с чьего молчаливого согласия творились зверства. Именно поэтому указ императора был предельно строг – отряды распустить, символику запретить, героизацию прекратить.

Более того, два предводителя отрядов, действующих в Ревии с особой жестокостью, были арестованы, и хотя они содержались в куда лучших условиях чем Лейсиан и Волиан, судьба их была совершенно неопределённой, ведь мы помним, что Делетуар не исключал возможности показательных процессов над некоторыми красноверхими.

Нужно отметить, что людское население империи встретило этот указ, мягко говоря, без особого понимания. И хотя красный берет открыто носить было запрещено, любой красноверхий всегда держал его припрятанным за пазухой. В любой таверне, в любом самом заплёванном кабаке, стоило только показать этот берет, хоть на минуту достав его из-под одежды, как у стола тут же выстраивалась очередь из желающих бесплатно угостить героя войны.

Более того, если это видела городская стража, она, как правило, закрывала глаза, либо, в крайнем случае, вяло окрикивала нарушителя и тут же исчезала. В сознании людей красноверхие были настоящими героями, сделавшими для победы куда больше, чем императорская армия. А все разговоры о заживо сжигаемых лирийских детях пусть ведут книжные черви, перечитавшие глупых книг о свободе, равенстве и братстве.

Неясно, готовились ли сегодня эти люди, нацепившие береты, к чему-то подобному, или же это стало душевным порывом при виде заклятых врагов, которые станут лицезреть казнь одесную императора. Но так или иначе, а толпа приветствовала красные береты восторженным рёвом. Более того, то тут, то там появились и другие такие же береты, которые извлекли желающие приобщиться к славе.

Солдаты, стоящие в оцеплении напротив группы красноверхих, смотрели с явной растерянностью и даже страхом, не зная, что предпринять. С одной стороны, это было вопиющим нарушением закона. С другой – их было всего две-три сотни человек против многих тысяч, и никому не хотелось сейчас задирать раззадорившуюся толпу. Да и, сказать по правде, большинство солдат явно в тайне поддерживали этих людей, сочувствовали им, одновременно презирая в душе указ, что запретил ношение красных беретов.

Делетуар, сразу заметивший этот инцидент, быстро взглянул на бледного как полотно Драонна, судорожно вцепившегося пальцами в перила. Одним движением пальца он подозвал капитана, командующего стражниками. Ему не понадобилось даже ничего говорить – один кивок в сторону красноверхих.

Капитан опрометью бросился туда, выкрикивая на ходу угрозы. Солдаты, почувствовав хоть какую-то определённость, встряхнулись. Теперь хоть было понятно, как действовать. Они начали требовать снять головные уборы, но

ветераны лишь насмешливо стояли, с издёвкой поглядывая на них. Толпа позади на все голоса выказывала поддержку красноверхим и посылала проклятия солдатам, прислуживающим лиррам.

Было очевидно, что ситуация вот-вот готова выйти из-под контроля. Капитану страшно не хотелось начинать активные действия, тем более что перевес был явно не на их стороне. Солдаты как бы нехотя замахивались на толпу мечами, но подходить пока не решались.

Внезапно на будущей арене казни – свободном от людей пространстве между толпой и трибунами – появился ещё один отряд примерно из сотни солдат. Очевидно, власти ожидали подобных инцидентов, так что рядом предусмотрительно дежурили резервные отряды. Теперь численное преимущество перешло на сторону военных – сотня хорошо вооружённых и защищённых воинов легко могла управиться с безоружной и неорганизованной толпой.

Солдаты из оцепления с облегчением расступились, и в толпу врезался бронированный кулак. Моментально все, кто был в красных беретах, были весьма грубо схвачены и выдернуты из толпы. Более того, солдаты прорезали людское море на добрых тридцать шагов, схватив ещё двух или трёх мужчин в красных беретах. Остальные подобные головные уборы тут же стали исчезать, словно по волшебству.

Задержанных сразу уволокли, а оставшиеся солдаты, не растягиваясь в цепь, продолжали стоять, зорко выглядывая

нарушителей. Эта решительность охладила самые буйные головы, так что даже негодующие крики почти смолкли – люди предпочитали выкрикивать вполголоса, обрывая себя на полуфразе, едва к ним обращался озлобленный взгляд кого-нибудь из солдат.

– Начало многообещающее, – процедил Перейтен, сидящий рядом с Драонном. – Надеюсь, у них в запасе есть и ещё солдаты, а то как бы нас тут не порвали.

– Не порвут, – услышав эти слова, тут же заверил Делетуар. – Сотни солдат достаточно, чтобы рассеять весь этот сброд. Но не беспокойтесь, лорд Перейтен, у нас есть ещё запасы на непредвиденный случай.

Новый шум покотился над толпой, и у Драонна вновь обрвалось сердце – он решил, что где-то вновь вспыхнули беспорядки. Но на сей раз Делетуар предупредил его страху улыбкой:

– Его величество пожаловали.

И действительно, на улице, ведущей к площади, показался кортеж императора. Десятки сопровождающих его кавалеристов заметно рассеяли переживания юноши. Кроме того, само присутствие этого человека было неплохой гарантией того, что теперь всё будет чинно и мирно. Простонародье, ещё способное показывать зубы в присутствии канцлера, вряд ли решились бы на то же самое на глазах своего императора.

Император Родреан появился с большой помпой – как

только раззолоченная карета возникла на площади, взревели десятки труб и забили барабаны. Народ громким тысячеголосьем славил своего правителя. Кorteж императора состоял из двух десятков экипажей, из которых высыпали придворные и чиновники. Вскоре трибуны заполнились, и казнь можно было начинать.

Распорядитель казни вышел на специальное возвышение и, поднеся ко рту медный рупор, начал говорить. Тишина повисла над площадью – народ внимал долгому перечню обвинений, выдвинутых против осуждённых. Голос распорядителя, усиленный медью, раскатывался над головами людей, отражался от крепостных стен, и был подобен голосу самого Асса, осуждающего и наказующего.

Однако Драонн с трудом улавливал смысл произносимых слов. Он находился в какой-то прострации, глядя на раскинувшееся перед ним море людских голов, но видя лишь какое-то серое размытое месиво.

Вновь тревожно забили барабаны, вырвав юношу из его состояния. На площади показались приговорённые. Толпа взревела, полная ненависти и глумливого злорадства. В несчастных полетели гнилые овощи, тухлые яйца, даже небольшие камни. Зашевелились ряды оцепления, пытаясь как-то восстановить порядок, но тут они были бессильны.

Драонн сразу узнал Лейсиана по его пританцовывающей хромой походке. Хотя хромали все осуждённые, а троих стражники и вовсе волокли под руки – их ноги были обмо-

таны кровавым тряпьем. Видимо, к ним применили те самые методы дознания первой степени.

Всего осуждённых было семь илиров. Драонн знал лишь Лейсиана, Волиана и Терадиана. Кто были остальные – он не имел ни малейшего понятия. Более того, он вдруг осознал, что ни разу даже не спросил у канцлера о том, кого же будут казнить.

Наконец преступники оказались напротив императорской ложи. Сам Родреан встал, крепко ухватившись за перила, и, не отрываясь, глядел со своей высоты на врагов. До сих пор он лично не видел никого из них. По лицу императора нельзя было прочесть ничего – оно было бесстрастным, словно маска. Но Драонн знал, как этот мощный старик ликует сейчас в своём сердце.

Илир, идущий рядом с Лейсианом и поддерживающий его под руку, вдруг заметил пятерых лирр, сидящих на трибуне. Его взгляд зажегся такой ненавистью и презрением, что Драонн испытал страх, даже несмотря на то, что вокруг было полно солдат, а илир был в кандалах. Очевидно, что это и был принц Волиан.

– Трусливые продажные шавки! – рявкнул Волиан, хотя голос его был довольно слаб от пережитых пыток. – Прибежали сюда, поджав свои хвосты, чтобы выказать своё подбострастие этим животным? Вы хуже всех! Вы хуже самого последнего завшивленного ублюдка из этой толпы! Вам придётся жить с этим проклятием!

Один из стражников ткнул Волиана в живот тупым концом своего копья, заставив того сложиться пополам и захрипеть. Лейсиан в продолжение всей этой сцены не проронил ни звука, лишь насмешливо глядя прямо на Драонна, которого он, конечно же, сразу узнал. И это внезапно оказалось куда хуже, чем проклятия и угрозы Волиана.

– Начинайте казнь! – прозвучали слова императора.

– А как же последнее слово осуждённых? – воскликнул Лейсиан.

Его лицо внезапно изменилось – он и впрямь, похоже, ожидал, что ему дадут высказаться, и, кажется, для него это было действительно важно. Вероятно, он надеялся излить на людей остатки своей желчи, а может просто хотел проповедовать до конца. Скорее всего, всё последнее время, лёжа на гнилой соломе или же прямо на каменном полу, он оттачивал эту свою последнюю в жизни речь. И теперь, кажется, именно то, что ему не дадут слова, пугало несчастного больше самой казни.

Судя по всему, Родреан предполагал нечто подобное, потому что на мгновение он позволил себе явить истинные чувства. Его лицо исказилось злорадным торжеством. Это была месть.

– Твой холоп уже всё сказал! – ответил император. – Да и ты в своё время наболтал достаточно. Начинайте! – кивнул он распорядителю.

– Не имеете права! – начал было Лейсиан. – Вы должны

выслушать...

На этот раз удар древком копья пришёлся в зубы. Хромой проповедник захлебнулся своими словами, густо смешанными с кровью и осколками зубов.

– Граждане Кидуи, – меж тем заговорил в свой рупор распорядитель. – Гнусные преступления этих лирр уже известны вам, и они переполнили чашу терпения богов и людей. Потому императорский суд вынес всем им смертный приговор. Преступники Балион, Вилейтин, Пайсиан, Праонн и Терадиан приговариваются к казни через повешенье. Благодарите императора за эту милость! Преступники Волиан и Лейсиан приговариваются к расчленению лошадьми.

Толпа, приунывшая было при известии о том, что приговорённых всего лишь банально повесят, радостно взвыла. Расчленение лошадьми – весьма зрелищная и мучительная казнь. Конечно, многое в ней зависит от мастерства палачей – жертву можно привязать к лошадям на длинных ремнях, или же на коротких.

Ежели ремни будут достаточно длинны, лошади успеют взять разгон, и тогда рывок будет поистине разрушителен – вплоть до полного отрыва конечностей. Если же хочется продлить мучения, можно привязать короткие ремни, и тогда лошади будут тянуть более равномерно, без рывка, медленно разрывая ткани.

Вывели лошадей. На несчастных, что повели к длинной общей виселице, уже никто и не смотрел. Все оценивали ло-

шадок – сильны ли, горячи ли, а также длину кожаных ремней, концы которых заканчивались прочными цепями. Более искушённые любители казней с сожалением замечали, что ремни, пожалуй, длинноваты, так что всё вполне может кончиться одним заездом.

Лейсиан и Волиан стояли бледные словно мел, но достаточно спокойные. Лицо проповедника, искорёженное ударом копья, было похоже на какую-то застывшую смертную маску. Оба словно оцепенели, лишившись остатков воли.

Подбежали помощники палачей и стали сноровисто подцеплять ремни к браслетам кандалов на руках и ногах обречённых. Но вдруг вздох глубокого разочарования прокатился по первым рядам – помощники накинули на шеи лирр ремни с затягивающейся кожаной петлёй на конце.

Судя по всему, Родреан, так и не сумев отказать себе в наслаждении увидеть мучительную смерть личных врагов, всё же проявил хотя бы некое подобие благородства и милосердия, и сделал их казнь максимально быстрой. Ещё одна лошадь будет тянуть за ремень, обвитый вокруг шеи, а это значит, что смерть наступит весьма быстро от перелома шейных позвонков. Драонн подозревал, что император не сам принял такое решение, и что в этом наверняка замешан толстый канцлер. Умеющие смотреть вглубь лирры должны были прочесть в этом послание мира.

Ремни подцепили к сбруе лошадей, причём палачи поставили всех четырёх лошадей, что были привязаны к конечно-

стям, рядом – они должны были тянуть в одну сторону. В другую сторону смотрела лишь та лошадь, к которой была привязана петля. То же самое было и с теми лошадьми, что должны были растерзать Волиана.

Лишившись главного представления, толпа жадно впитывала те крохи зрелища, которое всё-таки ей перепало. Хорошо закрепив все ремни, обоих осуждённых положили на землю. Лошади стояли в трёх-четырёх шагах от них, хотя ремни имели не меньше двадцати шагов в длину. По команде палачи, сидящие верхом на лошадях, пустили их в галоп.

Страшный, непередаваемый хруст раздался секунду спустя. Рывок был так силён, что обе головы отделились от своих тел. Голова Волиана, описав дугу, шлёпнулась в десяти шагах от притихшей толпы и покатилась вдоль неё, разбрызгивая кровь. Голова Лейсиана с остатками шеи, охваченной туго затянувшейся петлёй, волочилась за скачущей лошадью, подскакивая на ухабах и оставляя кровавый след. Обезглавленные тела, не сбавляя темпа, утащили другие лошади.

Конечно, это было не совсем то, чего желала толпа, но и это привело её в бурный восторг. Передние ряды неподалёку от того места, где упокоилась голова Волиана, колыхнулись, словно люди хотели броситься к ней и растоптать, растерзать её. Однако солдаты, тут же плотнее сбившиеся плечом к плечу, отрезвили буйные головы.

Тут зеваки с некоторым разочарованием наконец заметили, что остальные пятеро лирр уже болтаются на верёвках,

и не подают никаких признаков жизни. Их казнили быстро и тихо, и за этим Драонн вновь увидел хитрую ухмылку Делетуара.

Не тратя больше ни минуты, его величество император тут же сошёл вниз, где ему уже был подан экипаж. Вслед за ним потянулись и другие. В их числе были и члены совета по примирению. Верноподданные благодушно провожали своего правителя и его свиту. Даже в отношении лирр не было никаких выкриков. Собственно, Драонну было бы наплевать, даже если бы чернь кричала и смеялась. Ему хотелось лишь поскорее забраться в карету, чтобы как можно быстрее оказаться дома в объятиях Аэринн.

Глава 14. Ещё одна неожиданность

Уже подъезжая к дому (канцлер любезно довёз его до особняка), Драонн понял, что сейчас ему не хочется видеть даже Аэринн, а хочется побыть одному. Он чувствовал себя так, словно был покрыт грязью, кровью, слюной, брызгавшей из разъявленных ртов черни. И отмыться от всего этого можно было лишь тишиной. Хотя, конечно, ласки Аэринн помогли бы, наверное, даже больше, но он словно боялся, что она запачкается от него.

Он тихонько проскользнул в дом, полушёпотом попросив Баррета не сообщать госпоже о его возвращении. Он надеялся, что она, быть может, спит после долгой дороги. И внезапно юноша сообразил, что у него больше нет собственной комнаты, и что Аэринн почти наверняка там. Из гостиной доносились голоса его илиров.

– Дайте мне побыть одному, – попросил он, войдя туда.

Илиры, не задавая лишних вопросов, тут же повиновались. Баррет, тенью следующий за хозяином, тихонько спросил, не нужно ли чего-нибудь.

– Разожгите камин и принесите подогретого вина.

Драонн вдруг ощутил, что его знобит, хотя ни дома, ни снаружи не было холодно. Слуга, почувствовав состояние хозяина, тут же направился к камину, где уже были сложены дрова и растопка. Пара ловких ударов кресалом – и трут

затлел. Ещё минута – и в камине уже трещал слабый огонёк, облизывая сухие тонкие щепки и кору.

Когда занялись поленья, Баррет тут же отправился на кухню, чтобы лично подогреть принцу вино. Сам же Драонн уселся в кресло, подтащив его почти к самому огню, и застыл, глядя на разгорающееся пламя.

– Всё было так плохо? – раздался тихий голос Аэринн.

Драонн, невольно вздрогнув, обернулся. Девушка стояла в дверях, держа в руках чашу с подогретым вином. Лицо её было печально и полно сострадания.

– А разве казнь бывает хорошей? – горько проговорил Драонн.

– Хочешь побыть один? – Аэринн поднесла ему чашу.

Отхлебнув тёплого сладкого вина, Драонн медленно покачал головой:

– Останься со мной.

– Хорошо.

Аэринн оглянулась, в поисках места, куда бы сесть, а затем вдруг мягко, словно котёнок, уселась прямо на колени принцу. Она удобно и уютно устроилась так, что Драонну было совсем не тяжело. Более того, он ощутил невыразимое блаженство, обняв её тёплое, мягкое тело. Так они и сидели – молча, обнявшись, глядя на огонь и по очереди делая небольшие глотки из чаши.

– Ты должна уехать, – наконец произнёс Драонн.

– Вот ещё! Хорош жених – гонит прочь из дома, едва я

успела приехать!

– Ты не видела того, что там творилось. Эти люди, они ещё не скоро научатся не ненавидеть нас. Я не хочу, чтобы с тобой что-то случилось. А в Доромионе ты будешь в безопасности.

– Я буду в безопасности рядом с тобой. Да и кто сможет что-то сделать невесте лучшего друга второго канцлера? Не говоря уж о том, что у нас в доме чуть ли не три десятка лучших бойцов.

– Аэринн, дело ведь не в этом, – устало произнёс Драонн. – Просто это – *не наша* земля. И люди не дадут тебе об этом забыть.

– Ты говоришь так, словно сам не веришь в то дело, ради которого сюда приехал.

– Я и сам уже не знаю, во что верю... Просто после сегодняшнего у меня нет сил верить в хорошее...

– Тогда я буду верить за нас двоих, – улыбнулась Аэринн. – А точнее – за нас троих.

– Что ты имеешь в виду? – по лукавому выражению лица девушки Драонн понимал, что последние слова имеют какой-то особый смысл, но этот смысл до него не доходил.

– По-моему, я беременна, тугодум! – рассмеялась Аэринн, предусмотрительно забирая у него почти пустую чашу и ставя её на столик рядом. – Не знала, как тебе это сказать, ну и...

– Ты уверена?... – Драонн чувствовал себя так, будто на

него упал мешок с мукой.

– Почти, – Аэринн упивалась его растерянностью. – Я ещё никому не говорила, хотела, чтобы ты узнал первым. А так нужно будет обратиться к какой-нибудь повитухе или лекарю, они скажут точнее. Но я чувствую, что права.

Драонн не мог поверить в услышанное. Большинство лирр многими годами и даже десятилетиями ждали благословения Арионна, чтобы он ниспослал им дитя. Возможность такого скорого зачатия казалась почти невероятной.

– Ну скажи уже что-нибудь! – с шутливой обидой толкнула она его в плечо. – А то я начну думать, что ты размышляешь, как бы от меня отделаться.

– У меня будет дочь!.. – глупо улыбаясь, прошептал Драонн.

– Почему сразу дочь? Думаешь, я неспособна родить тебе сына?

– Просто я хочу, чтобы это была дочь. И чтобы она была похожа на тебя, – оцепенение наконец стало отпускать юношу, так что он порывисто прижал к себе Аэринн, целуя её волосы.

– Ваше приказание понятно, мой принц! – церемонным голосом произнесла девушка, и оба они рассмеялись.

В этот миг Драонн позабыл и о минувшей казни, и о совете, и о войне. Всё его сознание было заполнено сейчас лишь Аэринн и их будущим ребёнком. Сейчас он любил эту женщину, как никогда прежде. Ему хотелось пасть перед ней на

колени, целовать ноги и молиться на неё. Но вместо этого он дрожащими пальцами стал распускать шнуровку на её блузе.

– Ты же понимаешь, что теперь тем более должна уехать? – спросил Драонн позже, когда любовный пыл уступил место сладостной истоме.

– Вот ещё! – возразила Аэринн. – С чего бы мне уезжать?

– Наш ребёнок будет в большей безопасности в Доромионе, чем здесь.

– Наш ребёнок родится ещё почти через год. Возможно, к тому времени мы вернёмся в Доромион оба.

Действительно, в отличие от людей, лирры вынашивали своих детей на два месяца дольше, так что Аэринн не слишком-то погрешила против истины. Кроме того, её аргумент был вполне весомым. Конечно, Драонн не знал до конца, какие всё-таки планы были у Делетуара на его счёт, но полагал, что в любой момент сможет бросить всё и вернуться в Сеазию, если на то будут причины.

– Твой отец пробудет здесь долго?

– Столько, сколько потребуется, мой принц. Пока ты будешь в нём нуждаться.

– Что ж, – сдался Драонн, и, несмотря на некоторую тревогу, это всё же была приятная капитуляция, которая сулила ему много таких вот прекрасных дней в будущем. – Оставайся.

– Спасибо, что позволили мне это, мой принц, – шуточный тон девушки ясно давал понять, что эти слова следовало понимать как «иначе и быть не могло».

– Тогда, быть может, сыграем свадьбу как и предполагали – в начале лета?

– Ты хочешь, чтобы я за неделю подготовила церемонию? – воскликнула Аэринн. – Какой же ты всё-таки чурбан, мой принц!

– Хорошо, – сразу же сдался Драонн. – И сколько времени тебе нужно?

– Если очень постараться – можно уложиться в месяц, но лучше в два.

– Тогда назначим её на первый день пириллия – что скажешь?

– Что твоя мудрость просто безгранична, мой принц!

– Перестань смеяться надо мной! Я кажусь тебе настолько тупым?

– Не беспокойтесь, мой принц! У нас впереди целая жизнь, чтобы сделать из вас приличного илира!

И они вновь рассмеялись.

Делетуар тактично не беспокоил Драонна целых два дня. То ли давал возможность отойти от созерцания казни, то ли – побыть в обществе любимой, но скорее всего – и то и другое разом. Но на третий день от него прибыл гонец, передавший,

что второй канцлер ожидает юного принца. Насчёт срочности ничего сказано не было, так что юноша с лёгким сердцем закончил завтрак в постели с Аэринн, и лишь затем, когда солнце было уже высоко, отправился в Канцелярию. Он полагал, что никаких особых дел у толстяка к нему не было, и что тому просто надоело сидеть в одиночестве.

– Рад видеть вас, друг мой! – приветствовал его Делетуар. – А я уж боялся, что вас поместили под домашний арест!

Судя по запаху в комнате, а точнее – по отсутствию такового, канцлер совсем недавно был вынужден вымыться и сменить одежду. Для Драонна это было явно на пользу – как выяснилось, окончательно притерпеться к этому невозможно, а уж после столь долгого перерыва контраст и вовсе мог стать губительным.

– Да нет, милорд, – усмехнулся принц. – Просто я не думал, что наша работа столь срочная, чтобы меня тут так скоро хватились.

– И напрасно, друг мой! – наставительно заметил Делетуар. – Во-первых, я до сих пор не имел удовольствия быть представленным вашему будущему тестю, принцу Гайрединну. А во-вторых, вы напрасно иронизируете по поводу нашей работы. Теперь, после недавних событий, у нас её даже прибавится.

– Правда? – юноша всё же чуть нахмурился при упоминании о минувшей казни. – И какой же важный вопрос мы должны решить прямо сейчас?

– Наследство почившего в бозе принца Волиана, – ехидно усмехнулся Делетуар. – Хоть надельчик у него был и не из великих, но желающих разинуть на него роток хватает.

– А разве замок Волиана не был разрушен до основания? – удивился Драонн.

– Я вас умоляю, друг мой, не будьте таким наивным! – всплеснул руками канцлер. – Замок Силейдин, поверьте мне, не хуже Доромиона. Как думаете – можно ли снести ваш замок так, чтобы прямо до основания? Да на это потребуются десяток лучших магов, которым придётся потеть много недель. Кому это нужно? Зачем пропадать такому добру? Да и потом – кроме замка у Волиана было не менее шестисот акров сельских угодий, не считая лесов. Это довольно лакомый кусочек! Так что новый владелец Силейдина, потратив, разумеется, некоторое количество рехт¹⁶ на залатывание дыр, оставшихся после осады, получит весьма интересный феод. Именно поэтому вокруг него уже начинают виться падальщики.

– Ясно. Ну а что с наследством остальных казнённых?

– Наследством!.. – фыркнул Делетуар. – Лейсиан был гол как сокол – его семья разорилась уже довольно давно, кажется, даже до его рождения. Сомневаюсь, что у него был хотя бы собственный угол. Остальные же были вассалами Волиана.

¹⁶ Рехта – крупная золотая монета Кидуанской империи. Одну рехту составляют двести сорок серебряных стравинов, в каждом из которых – двести сорок медных оэров.

на, так что их надельны входят в состав рассматриваемых земель.

– И когда же заседание совета?

– Ждали только вас, друг мой, – улыбнулся Делетуар. – Ну и, разумеется, принца Гайрединна.

– Я пошлю за ним, – сделав кислое лицо, пробормотал юноша.

Заседание было недолгим. Судя по всему, Делетуар всё же преувеличивал желание других лиррийских принцев завладеть землями Волиана. Во всяком случае, принц Кайлен, чьи владения располагались не так уж далеко от Силейдина, сразу сказал, что он бы не стал претендовать на наследство мятежного принца.

– Слишком рискованно, – покачал головой он. – У мятежников осталось много сторонников, так что любой, кто займёт Силейдин, словно бы повесит огромную мишень себе на спину.

– Вы преувеличиваете, лорд Кайлен, – возразил Делетуар. – Я знаю по крайней мере о трёх илирах, объявивших себя соискателями этого надела.

– Среди них нет ни одного принца, милорд, – ответил Кайлен.

– Владение Силейдином даёт право на этот титул.

– Вы ополчите против себя всех принцев Ревии! – вос-

кликнул Кайлен. – А также и Лиррии. Никто не станет служить такому *принцу*! Возможно, милорд, у людей это было бы нормально, но лирры не терпят выскочек.

– Однако такое случается, милорд Кайлен. – тихо произнёс Драонн. – Когда я только-только стал главой дома, один из моих вассалов едва не низверг меня, потому что считал, что я нанесу интересам своего рода непоправимый ущерб.

– Что убеждает меня в том, что он был недалёковидным болваном, и только-то! – парировал Кайлен. – Вы ведь не хотите сказать, что, случись это на самом деле, кто-то из сеазийских принцев поддержал бы его? Здесь присутствуют милорды Гайрединн и Перейтен, можно спросить у них. Или его скорее бросили бы на съедение свиньям?

– Возможно, но я лишь хочу сказать, что история знает случаи, когда главами домов становились не члены династии. Более того, в последние четыреста лет возникло целых два новых дома, и вы не можете не знать этого, милорд Кайлен. Вы же не станете отрицать, что они возникли на пустом месте, а их главы не были принцами по рождению? Так что из любого правила бывают исключения.

– Не в этом случае! – убеждённо ответил Кайлен. – Тот, кто рискнёт завладеть Силейдином, должен иметь поистине безграничное уважение и силу. Этот илир, по сути, бросит вызов довольно могущественным силам, так что за его спиной должны быть силы ещё более непобедимые. Знаете ли вы кого-то, кто подходит под это описание? Вряд ли! И уж

подавно я готов дать руку на отсечение, что ни один из подобных илиров не пойдёт на такой шаг!

– А что скажет принц Гайрединн, о чьей мудрости я так много наслышан? – елеиным голосом осведомился Делетуар.

– Благодарю за лестные слова, милорд, – степенно наклонил голову Гайрединн. – Должен сказать, что я полностью согласен с милордом Кайленом. Должны пройти десятилетия, прежде чем эти земли можно будет возродить. Это произойдёт не раньше, чем изгладятся все воспоминания о минувшей войне. А до тех пор, я считаю, они должны принадлежать короне.

– Но ведь и люди не смогут заселить эти земли!

– Само собой! Так пусть они станут памятником этой войне. Пусть бурьян, который забьёт поля и виноградники, плющ, что раскрошит кладку замка, зверьё, что выроет свои норы у самых стен, будут грозным напоминанием всем, у кого когда-либо появится желание совершить нечто подобное.

– Великолепные слова, лорд Гайрединн! – воскликнул Делетуар. – Признаюсь, что у меня у самого было точно такое же мнение на этот счёт, но я исходил из того, что эти дела касаются лишь лирр, а потому и решать их должны лирры. Мне лестно от того, что мои взгляды на этот вопрос совпали с вашими.

– Ещё раз благодарю вас, милорд.

– Что вы! Не стоит благодарности! Ну что ж, если мы всё решили, то осталось лишь скрепить подписями документ,

а затем, господа, вы можете быть свободны до завтрашнего утра. Думаю, что нашему председателю не терпится вернуться к своей невесте, – как-то совсем по-детски хихикнул он.

Однако Драонн, несмотря на шуточный тон и несерьёзность фразы, заметил совсем другое – секретарь поднёс им уже начисто написанную бумагу, чернила на которой давно просохли. То есть это значит, что составлена она была загодя, ещё до того, как состоялось совещание. Он заметил, что и остальные члены обратили на это внимание, и видел, как затуманилось чело у Гайрединна и Перейтена. Однако ни тот ни другой ничего не сказали, и молча подписали предложенный документ.

– Не окажете ли мне честь, лорд Гайрединн, остаться буквально на пару минут, – попросил Делетуар, когда члены совета уже встали из-за стола. – Уверяю, это не займёт у вас много времени. Принц Драонн обождёт вас в прихожей. Просто не могу отказать себе в удовольствии наконец пообщаться с вами лично.

– Разумеется, милорд, – вновь сядя на место, ответил принц.

– Не желаете ли вина? У меня есть великолепнейшее вино из Загорья – такой мягкий букет, словно его готовили духи полей.

– Не откажусь, – благодарно кивнул Гайрединн.

Гайрединн действительно вышел не более чем через десять минут. Они вместе спустились на улицу. Погода стояла отличная, поэтому возвращение домой больше напоминало небольшую приятную прогулку.

– Ну и как вам канцлер? – любопытно спросил Драонн, видя, что Гайрединн сам ничего не собирается говорить.

– Вроде неплохой человек, – пожал плечами тот. – Но скользковат.

Драонн усмехнулся. Он и не сомневался, что прямолинейному и упрямому Гайрединну гибкий и легко идущий на компромиссы Делетуар покажется скользким. Ему же эти качества, напротив, импонировали, поскольку он и сам в этом был весьма похож на второго канцлера империи.

Гайрединн так потом ни разу и не обмолвился, о чём же они тогда разговаривали с Делетуаром. Скорее всего, ничего важного там сказано и не было – обычная светская болтовня, при помощи которой хитрый толстяк пытался прощупать лирийского принца.

Практически на входе в особняк оба принца столкнулись со странной незнакомой женщиной – полной и неопрятной, которая, однако, держала в руках небольшой и явно недешёвый саквояж, весьма контрастирующий с её общим видом. Неопределённо кивнув обоим лиррам, она прошмыгнула дальше, не сказав ни слова.

– Это ещё кто? – с неприятным недоумением поинтересовался Гайрединн.

– Спросим об этом у Аэринн, – Драонн сразу понял, кем была эта женщина. – Думаю, что она приходила к ней.

– Какие дела у неё могут быть с моей дочерью? – Гайрединн вновь окинул взглядом быстро удаляющуюся фигуру и особенное внимание уделил саквоюжу. И тут его осенило. – Это повивальная женщина? Так Аэринн ждёт ребёнка?

– Вам будет лучше услышать всё от неё, – Драонн зашагал быстрее, надеясь избежать допроса.

И тут входная дверь открылась, а на пороге появилась сама Аэринн. Вероятно, она заметила приближающихся отца и жениха, поэтому поспешила сама открыть им дверь. Уже при взгляде на неё Драонн всё понял – девушка буквально светилась изнутри.

– Да, у меня будет ребёнок! – она услышала последние слова отца.

Не в силах что-либо сказать, Драонн просто бросился к возлюбленной и, подхватив её, закружил в объятиях. Гайрединн стоял рядом и хохотал от счастья, словно ребёнок, а влюблённая пара вторила ему.

Эта сцена на долгое время запомнилась Драонну. Он вспоминал её многие-многие годы спустя, даже тогда помня каждую чёрточку лица Аэринн, каждый лучик солнца, падающий на стену особняка, каждую пылинку, танцующую в воздухе. Этот тёплый солнечный день однажды станет единственным светлым пятном в беспроглядном и безнадежном мраке.

Глава 15. Вояж

Когда Гайрединн узнал о ребёнке, его известили и о надвигающейся свадьбе. Старый принц вполне с удовольствием принял тот факт, что его дочь будет выходить замуж не в провинциальном замке, а в столице империи. Было вполне закономерно, что эту свадьбу посетит канцлер Делетуар, а там (честолюбие Гайрединна не заходило так далеко, но мечты, как известно, не знают границ), быть может, и его величество пожалует хоть на минутку. В любом случае, это мероприятие уже приобретало совсем другой лоск.

Недостатка в средствах ни Драонн, ни Гайрединн не испытывали. Будучи, по сути, лишь провинциальными дворянами, они, тем не менее, являлись довольно крупными помещиками, а главное – государственная должность приносила весьма нескромный доход. Очевидно, что Аэринн могла воплотить в жизнь практически любые свои мечты, чем она, собственно, и занялась.

Весьма скоро Драонн понял, что все эти предсвадебные хлопоты ему совершенно неинтересны; более того – они явно были ему в тягость. Когда Аэринн два дня катала его в карете по городу, чтобы найти подходящий храм Арионна для венчания, он с этим ещё мирился, поскольку за всё время пребывания в Кидуе он почти не видел города, и теперь совмещал приятное с полезным.

Однако когда разговор пошёл о платьях, закусках и цветах, юноше стало окончательно скучно. Из любви к невесте он всячески пытался делать вид, что с интересом просматривает альбомы, в которых были вшиты множество лоскутов ткани для свадебного платья, а также пытался всерьёз задумываться о том, стоит ли везти более привычных им северных устриц из залива Алиенти, или же довольствоваться устрицами из залива Дракона. Но Драонн был никудышным актёром, а Аэринн – весьма проницательной девушкой.

– Кажется, над нашим браком уже сгущаются тучи! – поллуштуливо говорила она, однако небольшая складочка у переносицы говорила о том, что в этой фразе кроме шутки есть и другое. – Я хочу, чтобы это решение было нашим общим, а ты, кажется, думаешь о чём-то своём. Неужели тебе не важно, в каком платье я предстану с тобой пред служителем Арионна?

– Мы с Арионном предпочли бы, чтобы ты была вовсе без платья, – пытался отшутиться юноша, но тут же пожалел об этом.

– Драонн Доромионский, предупреждаю вас, что у женщин из дома Кассолеев бывает весьма тяжёлый характер! Если тебе совсем не интересно, так и скажи, но не насмехайся над тем, что важно для меня!

– Мне совсем не интересно, – смиренно признался Драонн.

Сейчас он даже немного желал ссоры, потому что она

влекла за собой временное избавление от этого бремени. Вообще они ещё ни разу до сих пор всерьёз не ссорились, и кто бы мог подумать, что вероятной причины их первой ссоры станет подготовка к свадьбе?

– Какой же ты балбес! – вдруг рассмеялась Аэринн. – У тебя не хватает ума даже притвориться! Ладно, иди отсюда, но потом не удивляйся, если на свадьбе тебе придётся щеголять в зелёном кафтане и саррассанской чалме!

– Не буду! – пообещал обрадованный Драонн, и быстро, пока девушка не передумала, сбежал из комнаты, поцеловав её в знак признательности.

Удивительно, как в последнее время тянуло его в тихое спокойное здание Канцелярии, как переставали казаться скучными и бесполезными редкие заседания совета! Вот и сейчас юноша сразу же направился к выходу, чтобы провести пару часов в обществе канцлера, чей запах, кстати, в последние дни также перестал казаться столь уж непереносимым. Ближе к вечеру, когда свадебная лихорадка у Аэринн не излечится, но хотя бы притихнет, он вернётся, чтобы вновь быть с ней и наслаждаться её обществом и её ласками.

Временами Драонн ловил себя на мысли: а что если такова вся совместная жизнь в целом? Что если и после свадьбы у Аэринн будут возникать подобные вот лихорадки? Ведь через некоторое время родится ребёнок. А готов ли он вообще к предстоящей семейной жизни?

До сих пор он думал о браке лишь с позиций, которые

обычно описывались в тех глупых книжках, которые он пролистывал, почти не читая – прекрасный принц и прекрасная принцесса, поженившись, жили долго и счастливо. Но то, что происходило уже сейчас, мало напоминало эту идиллию.

В такие моменты Драонн как никогда чувствовал себя почти ребёнком. Он с ужасом осознавал, что совершенно не готов стать ни отцом, ни мужем. То, что он по воле судьбы в последние годы был принуждён играть роль взрослого, ровным счётом ничего не значило. Даже нападки Денсейна, даже война, даже последующее его участие в совете и близко не сделали его по-настоящему возмужавшим.

Всякий раз, даже ощущая на себе ответственность за судьбу своего дома, он в глубине души оставался мальчишкой. Он мыслил какими-то отрывками умных высказываний, почерпнутых в книгах, он знал, что за его спиной всегда есть кто-то, кто может подхватить, помочь, поддержать – будь то Ливейтин или Делетуар.

Здесь, на этом поприще, Драонну предстояло встать лицом к лицу с новым, пугающим миром. И ответственность, которую он вот-вот возложит на свои плечи, уже не получится перекинуть на кого-то другого. Нельзя оставаться ребёнком, имея собственное дитя. Надо учиться быть мужчиной. И внезапно юноша вспомнил своего отца.

Принц Астевиан был ненамного старше, чем теперь был его сын, когда взял в жёны мать Драонна. Неужели он тогда чувствовал то же? Был ли он с юности таким мужественным

и решительным, каким Драонн его помнил? Или его сделала таким семейная жизнь?

Наверное, лишь так можно по-настоящему стать мужчиной, подумалось вдруг юноше. Лишь когда ты полностью, безоговорочно и безусловно несёшь за кого-то ответственность, когда ты перестаёшь мыслить категориями «я» и начинаешь думать «мы» – только тогда ты можешь считать себя действительно возмужавшим.

И он, глава одного из древнейших лирийских домов Сеази, глава государственного совета по примирению лирр и людей, внезапно сильно засомневался, что способен на это. Если бы прямо сейчас к нему подошла Аэринн и сказала, что свадьбу нужно отменить, он был бы счастлив и, скорее всего, незамедлительно согласился бы на это. Но, по счастью, в этот момент это было никак невозможно, поскольку он уже шёл шумной, залитой солнцем улицей в имперскую Канцелярию.

– Вы были женаты, милорд? – поинтересовался он у Делетуара, которого предсказуемо застал за поглощением какой-то колышущейся субстанции, напоминающей молочный пудинг.

– В некотором смысле я и теперь женат, – захватив полную ложку студенистой массы, усмехнулся Делетуар. – Моя жёнушка благополучно живёт где-то в Шеаре, а может быть – в его окрестностях. Точнее сказать не могу, ибо не имел от неё вестей лет уж как двадцать.

– Вы разведены?

– Вот ещё! – фыркнул Делетуар. – Будто у меня есть время на подобную ерунду! Ирония судьбы, друг мой: у меня никогда не было времени ни на сам брак, ни на его разрыв. Так что мы до сих пор живём в браке, и, я уверен, оба довольны положением вещей.

– Вы не шутите милорд? – Драонн изумлённо глядел на канцлера, явно ожидая подвоха.

– Ни в коем случае. Не верите – справьтесь у того же Суасара. Через него я ежегодно отсылаю любимой жёнушке триста рехт, дабы она и дальше меня не беспокоила. И поверьте – это совсем небольшая цена за комфорт! Но, коль вы об этом заговорили, значит, и ваш корабль любви царапает бортом по скалам?

– Вовсе нет! – покраснел Драонн. – У нас всё в порядке. Небольшая размолвка по поводу подготовки к свадьбе.

– Понимаю, – усмехнулся Делетуар. – У молодых часто не сходятся вкусы. Это поправимо – пара лет в браке, и у вас будут до отвращения общие привычки.

– Дело не в этом. Просто, как оказалось, мне не так интересно заниматься всеми этими приготовлениями...

– А! – рассмеялся канцлер. – Тогда всё ясно! Я вам так скажу, друг мой: это – безоговорочная вотчина женщин, и всё, что они от вас потребуют – согласно кивать и доставать монеты из кошелька. Для них это – наслаждение. Мне кажется, любая девочка начинает планировать свадьбу, едва выучится держать головку. Нам с вами этого не понять, а пото-

му не принимайте близко к сердцу. Впрочем, что вы скажете на то, что я могу помочь вам решить эту проблему?

– Это каким же образом? – напрягся Драонн, ожидая подвоха.

– Вы, мой друг, всего два или три дня как начали готовить свою свадьбу, а поглядите-ка, уже хмуритесь и заводите со мной странные разговоры. А что будет через неделю? Через месяц? Положительно, я просто обязан спасти ваш брак! А потому завтра же мы уезжаем!

– Куда? – действительно нахмурился юноша.

– По делам государства, разумеется! Разве вы – не глава совета по примирению? Пришла пора примирять!

– Кого и с кем? И самое главное – где? – внезапная необходимость отъезда тут же отодвинула былые проблемы на второй план.

– То там, то здесь, – улыбнулся Делетуар.

– Довольно, милорд, вы же видите, что я не в настроении для шуток! – пожалуй, несколько резковато одёрнул Драонн.

– Простите, друг мой. Мы едем в Ревию. А потом, возможно, придётся прокатиться и в Лиррию. Увы, мир в нашем добром государстве наступил лишь в воображении недалёких обывателей. В Ревии вновь произошло нападение на людское селение. Несколько домов сожжено, два десятка крепостных погибло.

– Но что можем сделать мы? – беспомощно спросил юноша. – Разве можем мы отловить повстанцев?

– Повстанцам кто-то помогает. И этот кто-то – явно не из последних илиров. Мы должны убедить всех принцев, а также всех мало-мальски значимых феодалов Ревии, что время войн закончено. Кто это делает лучше нас?

– Разумно ли нам, кого повстанцы считают предателями, соваться туда, где они хозяйничают? Поверьте, милорд, мои проблемы на личном фронте не настолько серьёзны, чтобы из-за них совершать самоубийство!

– Никто не говорит о самоубийстве! Мы будем под надёжной охраной. Кроме того, ревийские принцы знают, чем они рискуют, если с нами что-нибудь случится. Думаю, они сами станут для нас достаточной защитой.

– Селян они не слишком-то защитили! – с сомнением про-
бормотал Драонн.

– Тем хуже для них! Но ведь мы-то с вами – не селяне! И потом – быть может, это и не лучшая из идей, но вот попытка разрешить эту задачку отсюда выглядит ещё более нелепой. Мы должны встретиться с каждым из них, понять их чаяния, нащупать их слабые места. Этого нельзя сделать на расстоянии.

– Надолго ли затянется эта поездка? – поняв, что отвертеться не получится, уныло поинтересовался юноша.

– Не беспокойтесь, вполне достаточно, чтобы ваша невеста успела прийти в себя от всей этой свадебной лихорадки. Но и ко свадьбе своей, разумеется, успеете. Так что прошу – не благодарите меня, будем считать это моим свадебным

подарком.

– Да я и не собирался благодарить... – без доли юмора пробурчал Драонн. – Принц Гайрединн едет с нами?

– Разумеется! Так же, как и другие члены совета из числа лирр. Важен каждый голос, ведь никогда не знаешь, какой подход потребуется к тому или иному собеседнику.

– Что ж, пойду готовиться к путешествию, – юноша уже позабыл, что лишь какие-нибудь четверть часа назад сбежал из дома.

– Не переусердствуйте! – предупредил Делетуар. – Придётся путешествовать быстро и налегке, если не хотим пропустить вашу свадьбу.

– Если это случится, Аэринн жестоко убьёт сперва меня, а затем вас, милорд!

– Тем больше поводов нам поспешить!

По мере удаления от Кидуи всё более мощные леса вставали вдоль хорошо проторённой широкой дороги. Леса эти были столь же могучи, сколь и леса Сеазии, но всё же отличались от них. Они выглядели более зелёными, более сочными, и одновременно – куда более глухими. Казалось невероятным, что то тут, то там посреди этих почти бескрайних чащоб разбросаны великие города, такие как Шеар, Зашир, Беруя. Казалось невероятным, что человек способен подчинить себе эту неистовую стихию.

Пейзаж вполне соответствовал меланхоличному настроению Драонна. Расставание с Аэринн получилось довольно драматичным – девушка устроила настоящий скандал, неприятно поразив принца. Наверное, всему причиной было её взвинченное по поводу предстоящей свадьбы настроение, но теперь юноша никак не мог отделаться от мысли, что он ведь, по сути, совсем мало знает свою будущую жену. До сих пор они купались в лучах любви друг друга, не имея поводов для конфликтов. Даже отъезд Драонна в Кидую, казалось, никак не повлиял на их отношения.

Но теперь Драонн, казалось, видел другую сторону своей возлюбленной. Судя по всему, она была довольно вспыльчива и, кажется, слегка эгоистична. Естественно, юный принц умом понимал, что идеальных лирр не существует, да и сам за собой он знал множество как мелких, так и значимых недостатков, которые, кстати, тоже не спешил проявлять при Аэринн. Но всё же получалось, что тот образ, который нарисовало его влюблённое мальчишеское воображение, не вполне соответствовал оригиналу. Очевидно, будь Драонн старше, он принял бы это куда спокойнее, но будучи совсем ещё юношей по лиррийским меркам, он страдал в том числе и юношеским максимализмом.

На лице юного принца, очевидно, разыгрывалась целая гамма чувств, так что Делетуар, который находился в одном экипаже с Драонном, то и дело усмехался полуулыбкой, поглядывая на него. При этом он лишь отчасти пытался скры-

вать свои усмешки.

Другой спутник несчастного влюблённого, Суассар, сидел с абсолютно непроницаемым лицом и абсолютно пронизательным взглядом. Драонн сомневался, что сердцем евнух вообще понимал, что с ним происходило, но умом – наверняка. Тем не менее, в отличие от своего хозяина, он никак не давал понять, что имеет какие-то мысли на этот счёт, или что это вообще хоть сколько-нибудь ему интересно.

За исключением личных переживаний, в целом дорога была довольно приятна. Отличная погода, сопутствовавшая им, весьма недурная дорога, делающая честь Кидуанской империи, а также просторный и комфортабельный экипаж – всё это при других обстоятельствах привело бы юношу в восторг. Как мы уже упоминали, здешние места были одновременно и похожи, и непохожи на окрестности Доромиона, так что поглядеть было на что.

Дорога, захватывая северо-восточную Лиррию, уходила через Ревию к озеру Прианон. Драонн много слышал об этом чудесном озере с водой насколько прозрачной, что поговаривали, будто в хорошую погоду вполне можно разглядеть дно на глубине пятидесяти футов. Юноша, правда, подозревал, что это весьма сильное преувеличение, но, тем не менее, вполне готов был без боя отдать Прианону титул прекраснейшего озера на Паэтте.

Правда, добраться до великого озера им было не суждено – так далеко ехать не было никакой нужды, поскольку там, у

озера, были земли людей – что-то схожее с Сеазией, где лирры составляли явное меньшинство и потому не лезли на рожон. Там была уже провинция Пелания, которая на данный момент, пока ещё не покорено Прианурье, являлась восточным рубежом Кидуанской империи. Кроме того, она была и самой крупной по площади, раскинувшись от Прианона до палатийских земель, вытягиваясь вдоль могучего Труона.

Но всё же мысли Драонна то и дело возвращались к их ссоре с Аэринн. Каждое такое воспоминание больно сжимало внутренности, заставляя принца морщиться. Наконец, когда пейзаж за окном (надо признать, довольно однообразный) окончательно наскучил, Драонн решил отвлечься беседами с канцлером, который также хранил блаженное молчание, слегка улыбаясь каким-то своим мыслям.

– К кому мы направляемся сейчас? – поинтересовался он.

– Вряд ли вам его имя что-то скажет, – пренебрежительно сморщился Делетуар. – Принц Бейлан Таргорский.

– И кто он?

– Я бы сказал – никто. Насколько мне известно – довольно ничтожный тип, но скользкий, словно речной угорь. Во время войны ему не хватило духу открыто примкнуть к лейсианцам, но исподволь он помогал повстанцам, на этот счёт у меня нет сомнений. Однако, в отличие от прямолинейного и честного дурачка Волиана, Бейлан никогда не делал ход, не удостоверившись, что позади есть по крайней мере два-три пути к отступлению, и поэтому теперь у нас на него, по

большому счёту, ничего нет.

– Но вы думаете, что он продолжает что-то предпринимать?

– Селение, на которое напали повстанцы, находилось меньше чем в четырёх милях от границы его владений.

– Это ещё ничего не доказывает, – возразил Драонн.

– Есть сведения, что он поддерживает связь с повстанцами. В массе своей это простые фермеры, и теперь, после окончания войны, они полностью отрезаны от своих земель и своих ресурсов. Однако же продолжают действовать. Ну не поверю я в то, что лирры способны питаться одними сосновыми шишками! Очевидно, что кто-то из сочувствующих им феодалов продолжает помощь. И я *знаю*, что одним из главных снабженцев является принц Бейлан.

– Но это никак не вяжется с тем, что вы о нём говорили. Хорошо, в период войны он действительно мог поддерживать лейсианцев – это и был его отходной путь. Но теперь, когда армия Лейсиана разгромлена, а зачинщики казнены – какой резон ему теперь продолжать поддерживать оставшиеся горстки повстанцев? Это идёт вразрез с той жизненной философией, что вы ему сами же и приписали!

– Теперь это другое, – терпеливо объяснял Делетуар, тогда как смуглый евнух, казалось, мирно дремал в своём уголке. – Теперь его держит страх.

– Вы думаете, повстанцы угрожают ему, заставляя помогать им?

– Главным образом – да. Их отряды действуют вблизи его наделов, так что даже если они не смогут убить его самого, то вполне могут случайно сжечь в следующий раз его деревню, тем более что он, в отличие от многих других лиррийских феодалов, не гнушается иметь крепостных из людей.

– Но что же вы можете предложить запуганному илиру, если предположить, что он действительно запуган? Запугать его ещё сильнее? Угрожать?..

– Угрозы – признак беспомощности, друг мой, – усмехнулся Делетуар. – К ним мы прибегнем лишь в случае крайней необходимости.

– Что же тогда?..

– Мы пригласим его вместе со всем почтенным семейством на вашу свадьбу.

– Что??? – Драонн понимал, что не мог ослышаться, но всё это звучало так нелепо, что он не мог не переспросить.

– Вы – публичная персона, друг мой. Неужели вы планировали сыграть свадьбу в портовом кабаке в присутствии десятка гостей?

– Конечно нет, но я и не думал, что придётся созывать на неё всё королевство!

– Не всё, а лишь самых дорогих гостей, – при этом Делетуар улыбнулся какой-то змеиной улыбкой, так что юноша тут же заподозрил неладное.

– Вы что – готовите им ловушку? – обмирая от страха услышать ответ, спросил он. – Вы собираетесь воспользо-

ваться моей свадьбой, чтобы заманить неугодных илиров в Кидую и расправиться с ними?

– Какого вы обо мне всё-таки нелестного мнения, – расмеялся канцлер. – Причём я сейчас имею в виду не то, что вы, по сути, обвинили меня в жестокости, а то, что вы обвинили меня в глупости. Ну посудите сами – если я сделаю то, о чём вы говорили, то неизбежно настрою против короны всех лирр, даже самых преданных лоялистов. Конечно же, я этого не сделаю! Но всё же отчасти вы правы. Ваша свадьба неожиданно стала отличным поводом на время выдернуть всех этих бейланов из их привычной среды, разорвать корни, что связывают их с недобитками-лейсианцами.

– То есть, вы хотите сделать их заложниками?

– Если честно – да. Но не только. Подумайте, друг мой, разве не оказываю я услугу тому же принцу Бейлану, давая ему возможность выпутаться из той передраги, в которую он попал по собственной глупости? Оказавшись вместе с родными в Кидуе, он уже не будет уязвим для угроз повстанцев, да и угрожать ему будет совершенно бессмысленно – ведь даже испугавшись до икоты, он всё равно ничем не сможет им помочь. А уж доблестные войска его величества постараются, чтобы в отсутствие принцев на их землях был наведён должный порядок.

– С вашей стороны это не очень-то и по-дружески – связывать мою женитьбу с грязными политическими интригами! – обиделся Драонн.

– Вы правы, друг мой, и именно поэтому я хочу сразу сказать, что идея была не моя!

– Неужели вы хотите сказать, что это его величество предложил подобное? – спросил юноша, хотя в подобном предположении не было ничего невероятного – насколько он успел узнать Родреана, тот вполне был способен и не на такое.

– О, не зазнавайтесь, друг мой! – рассмеялся Делетуар. – Не думайте, что его величество только и делает, что размышляет о вашей свадьбе! Идея была его, – канцлер кивнул в сторону безмятежно сидящего с закрытыми глазами Суассара.

Наперсник канцлера если и слышал разговор, то виду никак не подавал. Может он действительно дремал, но Драонн сильно в этом сомневался.

– План, достойный евнуха! – только и нашёлся, что сказать принц, ощущая крайнюю досаду.

– Вот именно! – иронично улыбаясь, кивнул Делетуар. – Он просто гениален, я же говорил вам!

– Значит, мы объездим всю Ревию, приглашая принцев? Не слишком ли много времени это займёт?

– До вашей свадьбы почти два месяца, управимся, – усмехнулся канцлер, но видя, что юноше не до смеха, сменил тон. – Не беспокойтесь, мы не станем объезжать всех. Только тех, в чьей лояльности не уверены. Им будет предложено отправляться немедленно. Остальные же получат письменные приглашения.

– Не будет ли оскорблением для верных короне принцев,

если их пригласят простой бумажкой, тогда как предателей позовёт лично жених? – спросил Драонн и заметил, как слегка приподнялся уголок рта Суассара в почти невидимой глазу ухмылке.

– Не будет, если их пригласит лично его величество император, – заверил Делетуар.

– Император? На мою свадьбу? – глаза Драонна вновь округлились.

– Не будьте так наивны, друг мой! Разумеется, его величеству нет дела до вашей свадьбы, и он ничего не будет подписывать. Мы разошлём голубей от его имени – это будет торжественно, и одновременно ни к чему не обязывающе. Кого удивит отсутствие императорской подписи на маленькой писульке?

– Бьюсь об заклад, что и это придумал Суассар! – в сердцах отвернувшись к окну, буркнул Драонн.

– Я же говорил – он просто незаменим! – восторженно воскликнул Делетуар.

Глава 16. Свадьба

Принц Бейлан вполне предсказуемо встретил гостей не слишком-то радушно. Даже не пытаясь спрятать мрачное выражение лица, он наблюдал, как во двор его цитадели вкапываются экипажи и вливается несколько десятков конников.

– Кажется, он не очень-то рад нас видеть, – невесело усмехнулся Драонн.

– Если вас это задевает, вы всегда можете угостить его таким же выражением лица на собственной свадьбе, – весело улыбнулся Делетуар.

– Какая честь для меня, – похоронным голосом произнёс Бейлан, подходя к карете второго канцлера. – Сам милорд Делетуар пожаловал в моё скромное жилище. И я тщетно ломаю голову, силясь понять – чем я заслужил подобную *честь*?

При этом хозяин довольно выразительно поглядел на кавалеристов, которые, соскочив с сёдел, уже принялись заботиться о своих скакунах.

– Ваша слава, дорогой друг, дошла до самого императорского дворца, – столь же двусмысленным тоном отвечивал канцлер. – А потому мы с лордом Драонном решили начать свой вояж именно с вас, как с одного из самых прославленных сеньоров Ревии.

– Прошу, проходите в мой дом, – кисло махнул рукой Бейлан в сторону дверей своего замка. – Вас ждут здесь отдых и обед. Надолго ли вы почтили меня своим визитом?

– Пожалуй, нам нужно будет заночевать у вас, любезный друг, чтобы завтра с утра отправиться в дальнейший путь.

– Я велю приготовить комнаты, – Драонну показалось, или принц при этом явственно скрипнул зубами.

Некоторое время Делетуар, казалось, наслаждался замешательством принца и тревогой, читаемой на лице его супруги. Но во время обеда он сжалился над ними.

– Вы, друг мой, спросили недавно, с какой целью мы пожаловали сюда в подобной компании? – начал он. – Вы, верно, знаете о совете, созданном при Канцелярии его величества, задача которого вновь примирить людей и лирр, разведённых бессмысленной войной. Вам ли не знать о всех тех бедах, что приносит война, ведь вас она коснулась непосредственно! Да вот не тут ли неподалёку не так давно сторела деревенька?

Драонн, внимательно наблюдавший за хозяином, заметил, как тот побледнел. Он явно причастен к тому, что произошло, – понял юноша. И он знает, что мы это знаем. И потому он сейчас страшно напуган.

– Вы, лорд Бейлан, всегда были на отличном счету у его величества, – продолжал меж тем канцлер. – Никто из присутствующих не сомневается в вашей лояльности короне. Не далее как пару часов тому назад я ровно об этом говорил

принцу Драонну. И он был столь тронут вашей преданностью империи, что попросил меня об одной услуге, в которой я не могу ему отказать. Прошу вас, лорд Драонн, скажите принцу Бейлану то, что собирались!

Делетуар произнёс эту тираду с торжественно-серьёзным выражением лица, но Драонн готов был биться об заклад, что в душе он сейчас хохочет над той ситуацией, в которую поставил юношу.

– Имею честь объявить вам, милорд Бейлан, – вставая, заговорил Драонн. – Что в первый день месяца пириллия я сочетаюсь узами брака с достойнейшей дочерью присутствующего здесь принца Гайрединна Кассолейского Аэринн. Для меня будет великой честью видеть вас, представителя древнего и славного рода, в числе моих гостей. Естественно, в сопровождении вашей прекрасной супруги и детей.

– Я... Это большая честь для меня, милорд Драонн, – от неожиданности Бейлан стал даже слегка заикаться. – Разумеется, мы будем на вашей свадьбе и поднимем немало бокалов за ваше здоровье и здоровье вашей молодой жены!

У ревийского принца был вид илира, которого наградили дворянским титулом, хотя он ожидал смертного приговора. Однако по растерянности в его глазах Драонн понял, что до конца его обмануть не удалось – он явно чувствовал какой-то подвох подобно крысе, что чует опасность.

– А в ожидании этого чудесного события вы сможете пожить в небольшом уютном особнячке, пожалованном вам на

время от щедрот его величества, – как что-то само собой разумеющееся произнёс Делетуар.

– Ах, благодарю вас, милорд канцлер, но право – не стоит, – смешался Бейлан. – У меня есть старинный приятель, живущий совсем рядом с Кидуей. Я знаю, что он уже вернулся в своё имение после... известных событий. Мы поживём у него.

– Воля ваша, принц Бейлан, – пожал плечами Делетуар. – Если вы не боитесь стеснять своего приятеля всё это время.

– Какое ещё время, милорд? – растерянно переспросил принц.

– Его величество сетует на то, что из-за удалённости вашего поместья он нечасто имеет удовольствие видеть вас, а потому, пользуясь случаем, просил передать его пожелание, чтобы вы поспешили с отъездом в столицу и отправились тотчас же, как мы с принцем Драонном покинем вас.

– То есть... завтра?.. – окончательно смешался Бейлан. – Мы должны выехать завтра?

– Ну почему сразу должны? – добродушно улыбнулся канцлер. – Просто это было бы желательно. Я даже готов дать в сопровождение четверых кавалеристов, чтобы вы могли избежать различных неприятностей в пути.

Теперь у принца Бейлана не осталось ни малейших сомнений в том, что приглашение на свадьбу – не более, чем фикция, а его просто хотят арестовать.

– Не думаю, что мне потребуются ваши кавалеристы, ми-

лорд, – побелевшими губами произнёс он. – Мои илиры сопровождают меня. И так я буду в большей безопасности.

– К чему утруждать этих достойных мужей? – теперь в голосе Делетуара не осталось и налёта ложного добродушия. Он говорил спокойно и холодно. – Кто-то ведь должен остаться в Таргоре, чтобы присмотреть за ним. Мало ли, что может случиться с ним в ваше отсутствие... Но, впрочем, не беспокойтесь – прямо сейчас в Ревию движется четыре тысячи отборных имперских легионеров. И хоть они будут весьма заняты поимкой оставшихся на свободе лейсианцев, но при случае могут уделить некоторое внимание и вашим владениям.

Очередной прозрачный намёк кинжалом вонзился в самое сердце принца Бейлана. Сказанное Делетуаром не оставляло пространства для воображения. Но при этом ситуация оставалась неопределённой. Он не мог ничего возразить или попытаться опротестовать излишне жёсткие действия второго канцлера, который, по сути, арестовал знатного лирийского принца среди бела дня, да ещё и со всем семейством. Потому что формально никакого ареста не было, а было лишь приглашение на свадьбу, не принять которое было просто невыносимо. Едва ли не впервые Бейлан Таргорский оказался зажат в ситуацию, из которой не было путей к отступлению.

– Спасибо за заботу, милорд, – только и проговорил он. – С вашего позволения, я вас оставляю. Нужно отдать распоря-

жения о подготовке к поездке.

– Не смею вас задерживать, друг мой, – улыбка канцлера была какой-то льдистой, словно предупреждающей. – И заранее прошу простить моих солдат-остолопов. Сколько не муштруй их, они всё равно хороши лишь на плацу да на поле боя. Боюсь, они сейчас бестолково разбрелись по вашему прекрасному замку, и поди их теперь собери! Так что старайтесь не обращать внимания, если нечаянно наткнётесь на кого-то из них. Они не причинят вам особенных неудобств. Можете считать, что их и вовсе там нет!

Когда принц Бейлан вышел из-за стола, его заметно покачивало, хотя за время обеда он едва ли сделал несколько глотков вина.

– Не мало ли вы отрядили солдат в сопровождение Бейлану? – спросил Драонн, когда их экипаж выезжал из ворот Таргора. – Без обид, но в сравнении с людьми лирры обычно куда лучшие бойцы. Если принц уделял хотя бы какое-то время тренировкам, он без проблем справится с четырьмя охранниками.

– Всё так, друг мой, но вы не учли одного. Бейлан ни за что не сделает ничего такого, что могло бы стоить ему жизни. Сейчас он крепко напуган и думает, что его в Кидуе ожидает арест, но всё же ему не хватит духу бежать, ведь он знает, чем это обернётся и для него, и для его близких, и для его

имущества. Он не убежит, даже если его попытаются отбить сообщники. Даже если бы кто-то из конвоя предложил ему бегство, он бы отказался. Так что в данном случае мы можем быть совершенно спокойны. Но если потребуется, я, конечно, усилю конвой для других ваших гостей.

– И скольких из них мы ещё должны пригласить лично?

– Немного, хвала богам. Не более десяти. Большинство из них проживает не слишком далеко, и дороги должны быть неплохими. А уж как доберёмся – проблем никаких ждать не приходится. Этот прохиндей Суассар придумал действительно стоящую штуку с вашей свадьбой!

– И я ему этого не забуду! – пообещал Драонн, хотя угроза в его голосе была явно наигранной.

На сей раз евнух не делал вид, что дремлет, поэтому растянул свои тонкие губы в ухмылке, однако промолчал. Вообще в присутствии Драонна он почти никогда не произносил ни слова. Очевидно, что с Делетуаром он был куда более влечлив, раз уж давал такие советы, но при юноше, как правило, помалкивал. Драонн подозревал, что саррассанец вообще презирает его, либо просто не считает достойным собеседником. И, признаться, его это задевало.

– Кажется, будет дождь, – поглядывая на нахмурившееся небо, проговорил Делетуар. – По счастью, впереди пока лишь хорошая мощёная дорога.

Вскоре, как и предсказывал канцлер, первые капли застучали по стенкам кареты, а ещё через несколько минут небеса

разверзлись, и на землю хлынул настоящий ливень. Глядя на струи дождя, бегущие по стеклу, Драонн внезапно ощутил приятное чувство уюта и покоя. Экипаж мчался, слегка покачиваясь на неровностях дороги, внутри было тепло, но не жарко, приятный шум дождя убаюкивал.

И юноша вдруг понял, что ему ужасно нравится находиться именно здесь, и что досада на канцлера и императора, так неожиданно придумавших эту поездку, полностью исчезла. Хотелось ехать и ехать вот так вот, прислонившись лбом к прохладному стеклу; хотелось, чтобы этот восхитительный дождь никогда не заканчивался, чтобы его мерный стук и ровный шелест сопровождали их всю поездку. Правда, у скачущих позади экипажей и промокших до нитки кавалеристов наверняка было на сей счёт собственное мнение, но юный принц о них, признаться, даже и не вспоминал.

Нет большого смысла описывать всё путешествие. Даже для жадного до знаний и новых впечатлений Драонна оно постепенно слилось в некий непрерывный поток. Замки ревийских принцев были похожи один на другой, равно как и сами принцы, при всей их несхожести, имели между собой что-то общее. Сцены, разыгрывавшиеся в замке Бейлана Таргорского, с достаточной степенью точности повторялись и в других замках.

Очевидно, что все принцы Ревии, имеющие стальной хре-

бет и твёрдость взглядов, в решающий момент оказались либо в воинстве Лейсиана, или же столь же твёрдо заявили о своей поддержке короны, а потому те, кого навещали теперь посланцы императора, были илирами того же сорта, что и Бейлан. Так что и разговор вёлся всегда примерно один и тот же, и выражение их лиц, и затравленность взглядов были очень похожими.

В целом Драонну неожиданно понравилась такая вот кочевая жизнь, когда почти весь день проводишь в экипаже и ночуешь на постоянных дворах или в замках лиррийской знати. Месяц бесогон¹⁷ приближался к концу, и до свадьбы оставалось всего около пяти недель. Время летело приятно и незаметно, несмотря на некоторые дорожные неудобства, комаров и постоянный тяжёлый смрад от неделями немытого тела Делетуара.

И с каждым днём Драонн всё больше скучал по своей невесте. Сейчас ему казались нелепыми те мысли, с которыми он покинул Кидую. Как глупо и смешно было дуться на Аэринн, обвинять (естественно, не вслух) её в эгоизме и вздорности. И иной раз юноша ловил себя на том, что не мо-

¹⁷ Бесогон – один из месяцев календаря Кидуанской империи. Первый месяц лета, соответствует нашему июню. Вероятно, назван был так из-за того, что в этом месяце самые короткие ночи в году, а в северных широтах полной темноты и вовсе не наступало, поэтому по народному поверью бесы в эти ночи не могли появляться на земле. Позже, уже на закате существования Кидуанской империи, месяц будет переименован в дистритий в честь императора Дистрита Златоглавого, правившего империей примерно через шестьсот пятьдесят лет после описываемых событий.

жет поверить в то, что именно так всё и было – что он едва ли не бежал из столицы, размышляя при этом о том, стоит ли вообще ему жениться.

Да, Делетуар был прав, назвав эту поездку свадебным подарком. Она многое прояснила в его голове, многое расставила по местам. И теперь он точно знал, где в его душе находится место Аэринн. Там, откуда её уже не изгнать безболезненно. Теперь Аэринн можно было лишь выдрать из его души – с кровью, с корнями, с ошмётками мяса. И ни малейшего сомнения в необходимости для него этой свадьбы больше не оставалось.

Конечно, иной раз Драонн задумывался над тем, что все эти мысли, возможно, являются продуктами его долгой разлуки. А иногда он называл это ещё честнее – они появились лишь тогда, когда успокоились его разбережённые ссорой чувства, и не факт, что подобное благодушие мыслей сохранилось бы у него, если бы он остался в Кидуе и ежедневно выбирал столовое серебро для банкета и цвет свечного воска. Но эти размышления юноша гнал от себя прочь безо всякого стеснения.

Вообще читатель, кажется, уже понял, что никаких происшествий во время их путешествия по примирению не происходило – оголтелые повстанцы не пытались атаковать многочисленный и хорошо вооружённый кортеж, не горели деревни, причём как человеческие, так и лиррийские. Если в Ревии действительно было так спокойно, как говорил Де-

летуар, то это, по крайней мере, совершенно не бросалось в глаза.

Правда, при всей своей сердобольности на словах, канцлер ни разу даже не заикнулся о том, чтобы заехать в одно из тех селений, что пострадали от войны. Более того, он тщательно избегал любых мест, которым был нанесён существенный урон, ведь это, в свою очередь, могло сказаться на его личном комфорте, а подобного Делетуар допустить никак не мог.

В общем, Ревия выглядела вполне себе мирно – добропорядочная, верноподданническая провинция империи, где никогда и слыхом не слыхивали ни о какой гражданской войне. Впрочем, Драонна это более чем устраивало.

Наконец, в десятый день месяца жаркого¹⁸ кортеж с членами совета вернулся в Кидую. До свадьбы оставалось три недели, и Драонн дал себе слово, что не упустит ни единой обязанности, что выпадет на его долю в оставшийся срок.

Увидев Аэринн, он ощутил такой прилив нежности, что едва совладал со своими эмоциями, однако слёзы всё равно навернулись на глаза. Девушка, завидев своего суженого, бросилась к нему на шею, покрывая его лицо поцелуями. Ни он, ни она в этот момент не помнили всех тех горячих слов, что бросали друг другу перед расставанием.

¹⁸ Жаркий – один из месяцев календаря Паэтты, соответствует нашему июлю.

– Тебя так долго не было, мой принц! – приятно щекоча дыханием его ухо, шептала Аэринн, скрепляя поцелуем едва ли не каждое из произнесённых слов.

– Я так соскучился! – бормотал он, зарываясь пальцами в её волосы. – Прости, что так вышло.

– Всё нормально, – заверила она. – И ты меня прости. Не стоило говорить многое из того, что я сказала.

– Чепуха! Я уже и забыл, что ты говорила! – слегка покривил душой Драонн.

– Спасибо, мой принц! Но чтобы загладить свою вину, я хочу сказать, что сделала все необходимые приготовления к свадьбе, так что не потревожу тебя больше ничем!

– Жаль! А я собирался активно помогать тебе с этими приготовлениями!

– Даже проведя месяц в обществе канцлера Делетуара, ты так и не научился искусно лгать! – рассмеялась Аэринн.

– Ну это была не вина учителя, просто ему попался туповатый ученик, – Драонн рассмеялся в ответ.

– Ну пойдём скорее в нашу комнату! – Аэринн призывно потянула его за руку.

– А может мне сперва обмыться? Признаюсь, в последнее время мне нечасто удавалось принять ванну...

– Хвала богам, что ты это предложил! – рассмеялась девушка. – А то уж я боялась, что мне придётся обматывать лицо душистым полотенцем, чтобы не чувствовать этого ужасного запаха!

– Иди в комнату, я приду не позже, чем через полчаса! – пообещал Драонн, на ходу стаскивая с себя грязную одежду.

Последняя неделя выдалась просто сумасшедшей. В особняке Драонна, когда-то таком тихом и спокойном, теперь было постоянное движение – какие-то непонятные люди, изредка – лирры, то приходили, то уходили, то бродили по коридорам и комнатам, поднимая страшный шум. Сам Драонн начисто позабыл клятву, данную себе в день возвращения, и при всяком удобном случае сбегал в Канцелярию, где можно было провести несколько часов в тишине и покое.

Наконец из Кассолея прибыли госпожи Олива и Дайла. Появление последней вызывало определённую оторопь среди мечущихся по дому портных, бакалейщиков и столяров. Магиня, скрюченная в своём громоздком кресле, одетая во всё чёрное, походила на ворона, внезапно ворвавшегося в стайку воробьёв. Принцесса Олива же, напротив, внесла новое оживление во всё это собрание. Её властный голос то и дело перекрывал весь этот гвалт, а одна белошвейка и во все вскоре выбежала в слезах, получив нагоняй от принцессы Кассолейской.

Драонн, который почтительно подошёл, чтобы приветствовать будущих свояченицу и тёщу, тут же получил от последней ровно два вопроса, причём один хлеще другого.

– Изволит ли лорд Делетуар принять ванну перед церемо-

нией, или гостям придётся дышать его вонюю? – это был первый вопрос.

Признаться, он поставил юношу в тупик. Зная Делетуара, он не мог пообещать госпоже Оливе, что канцлер озабочится избавиться от запаха даже ради столь значимого события. Более того, он не мог даже представить себе, как вообще сможет задать подобный вопрос Делетуару. А зная неукротимый нрав Оливы, который в значительной степени передался и его невесте, бедняга не мог полностью исключить того, что та не отчитает второго канцлера империи за нечистоплотность на глазах пяти сотен гостей.

– Я вижу, вы затрудняетесь ответить на этот вопрос, – прошептала Олива. – Что ж, тогда позвольте узнать – его величество уже подтвердил вам своё присутствие на церемонии?

Учитывая, что Драонн не имел случая даже пригласить императора, ответить на второй вопрос было не проще, чем на первый. Кажется, его будущая тёща решила, что коль уж непутёвый зятьёк бросил невесту ради решения государственных дел, то, по крайней мере, добился при дворе такого положения, что позволяло ему ходить к императору Кидуи как к себе домой.

– Его появление возможно, – осторожно ответил он.

– Мне кажется, мы приехали слишком поздно, дорогая, – проговорила Олива. – Непонятно, чем они вообще тут занимались вместо того, чтобы готовиться к свадьбе!

– Что ж, каждый имеет ту свадьбу, которую заслуживает, –

своим каркающим голосом произнесла Дайла, скривив рот в подобии улыбки.

– Какие глупости! – вскипела Олива. – Разве это свадьба Драонна и Аэринн? Нет, это свадьба Доромионского и Кас-солейского домов, и она должна пройти так, чтобы вся империя поняла их мощь и влияние!

– Иногда свадьба – это всего лишь свадьба, мама. И иногда она бывает важна сама по себе, без дополнительных политических смыслов.

– Что ж, поздравляю, принц Драонн, вы завербовали себе ещё одного союзника! – нахмурившись, отчеканила Олива. – Пойду, пожалуй, к принцу Гайрединну. Быть может, у него найдутся ответы на мои вопросы!

И, резко повернувшись, она вышла.

– Не волнуйтесь, принц Драонн, – криво усмехнулась Дайла. – Мама сейчас слишком взвинчена предстоящей свадьбой. Позже, когда вы узнаете её получше, вы поладите!

– О, я нисколько не в обиде на вашу матушку, сударыня, – заверил Драонн. – Я её прекрасно понимаю. Более того, теперь мне окончательно ясно, в кого пошла Аэринн.

– Что, сестрёнка тоже успела уже показать свои зубки? – вновь раздался тот спазматический кашель, что заменял Дайле смех. – Предупреждаю, милорд, вам достанется не пушистая домашняя кошка, а своенравная рысь!

– Не пугайте меня, сударыня, потому что я уже и так испуган дальше некуда! – рассмеялся Драонн.

Сегодня он впервые разговаривал с магией, и был поражён тем, что она совсем не похожа на тот образ злой колдуньи, который обычно приписывала им молва. Было видно, что Дайла очень страдает, причём не только телесно. Кажется, именно сейчас её очень больно ранило, что ей самой никогда не испытать того, что дано Аэринн. Но, на удивление, это вовсе не обозлило её ни против сестры, ни против самого Драонна.

И внезапно юноша почувствовал к ней глубокую симпатию. Если ещё несколько минут назад его едва ли не кидало в дрожь при виде этой зловещей искорёженной фигуры, то теперь ему вдруг захотелось побольше пообщаться с магией. Он неожиданно почувствовал себя вполне уютно в компании Дайлы. Во всяком случае, куда уютнее, чем в компании госпожи Оливы.

– Не бойтесь, милорд, всё будет хорошо. Я уже знаю про ребёнка, что носит под сердцем Аэринн. Свадьба эта скоро пройдёт, и тогда впереди у вас будет долгая и счастливая жизнь. Я так чувствую, а ведь я, как вы знаете, довольно сильная магия, так что моим предчувствиям можно верить.

Очень много лет спустя Драонн с горькой и злой усмешкой будет вспоминать эти слова.

Драонн смутно запомнил саму церемонию. В голове хоро- водом проносились какие-то образы, отдельные фрагменты,

которые никак не хотели потом складываться в единую картину. Кажется, всё прошло хорошо, и он, вроде бы, вполне достойно выдержал испытание. Он помнил, как перешучивался с принцем Перейтеном, как ловко подхватил кончиком шпаги прекрасный венок, подброшенный вверх невестой – ещё один добрый знак того, что супружеская жизнь молодожёнов будет долгой и счастливой.

Он помнил разодетого и благоухающего какими-то восточными благовониями Делетуара, который участвовал в церемонии и даже подавал Драонну первый бокал обрядового вина, коим тот угостил свою теперь уже невесту, а полноправную жену Аэринн во время благословения Арионна.

Он помнил ободряющее карканье Дайлы, на которое он отвечал какими-то шутивными словами, но какими – припомнить уже не мог. Он помнил слёзы на глазах принцессы Оливы, столь поразившие его, что он сперва даже решил, будто ему это почудилось. Он также помнил и гордое, довольное выражение лица принца Гайрединна, стоящего по левую руку от второго канцлера империи на глазах собравшихся гостей.

Кстати, о собравшихся. Как и планировал Делетуар, приглашения были высланы всем без исключения главам лирийских домов, которые прибыли в Кидую вместе со всеми своими домочадцами. Были также некоторые представители знати из людей, но их было немного, и почти все они так или иначе имели отношение к совету.

Подавляющее большинство гостей Драонн видел в первый и, вероятно, последний раз. Каждый из них считал своим долгом лично поздравить молодого мужа, а также сказать несколько льстивых слов в его адрес и выразить восхищение невестой. И юноша, кажется, вполне достойно выдержал эту процедуру.

Во многом ему, конечно, помогала Аэринн. В платье невесты она была прекрасна как никогда, и вряд ли даже принц Бейлан Таргорский из Ревии или принц Телеонн Паэлийский из Сеазии смогли бы сохранить свои унылые мины при взгляде на неё. Кстати говоря, те из принцев, которые были приглашены Драонном лично, теперь особенно пресмыкались перед ним, кажется, до сих пор не веря своему счастью, что они сейчас находятся здесь, в этом зале, а не в казематах императора.

К слову, об императоре. Он хранил интригу до последнего дня, и даже Делетуар не брался с уверенностью предсказать – почтит ли он своим посещением данное мероприятие. Сам толстый канцлер приложил уйму усилий для того, чтобы это состоялось, и не только из личной приязни к жениху и невесте, а исходя из чисто политических соображений, но проблема заключалась в том, что Родреан довольно тяжело заболел. И хотя, как заверял Делетуар, жизнь его была вне угрозы, немолодой уже государь тяжело переносил болезнь, целыми днями проводя в постели.

И всё же он нашёл в себе силы прийти. Буквально на ми-

нута, только чтобы обозначить своё присутствие. Родреан пробормотал несколько слов Драонну и довольно галантно поцеловал руку Аэринн, после чего тут же удалился. Но и этого было достаточно, чтобы принц Гайрединн и принцесса Олива разомлели от счастья, а все гости дружно разразились приветствиями и здравницами в честь своего императора, причём более всего надсаживали глотки опять же лирры, подобные Бейлану и его собратьям по несчастью.

Они, кстати говоря, естественно, так и не повидались до этого с императором, хоть Делетуар в своё время и убеждал их в горячем желании государя приветствовать своих славных подданных. Но, признаться, ни один из них не был за это в обиде. Они грели себя надеждой, что теперь, когда свадьба закончится, им разрешат наконец отправиться домой.

Само присутствие императора Родреана на этом мероприятии как бы подводило определённую черту под всеми случившимися событиями, и давало понять всем подданным империи, что лирры отныне вновь восстановили своё положение в государстве людей.

В общем, свадьба получилась ровно такой, какой её хотели видеть Аэринн и её родители, и какой совсем не желал сам Драонн – то есть шумной, помпезной и блистательной. Наверное, именно поэтому она и не запомнилась – юноша был просто оглушён и ослеплён происходящим. Даже их первая брачная ночь растворилась в его памяти среди множества других таких же ночей, бывших как до, так и после.

Но всё же Драонн был счастлив. Теперь он был не один в этом мире, и будущее представлялось ему в самых радужных красках.

Глава 17. Биби

Супружеская жизнь оказалась совсем неплохой штукой. Это был тот золотой период, когда новобрачные ещё не могли насытиться друг другом, ища каждое мгновение, чтобы побыть вдвоём. Свадебная лихорадка Аэринн прошла, и отношения двух влюблённых уже не омрачались стычками из-за пустяков. Напротив – в их семейной жизни воцарился настоящий мир и покой.

Каждый день Драонн, сидя в кабинете Делетуара и давая ему какие-то советы, когда он их просил, всё-таки думал лишь о том, как бы поскорее вернуться домой. Туда, где его ждала любимая женщина.

Сразу после свадьбы канцлер распорядился выпустить опальных принцев обратно в свои владения, не упустив, однако, возможности поговорить с каждым из них лично и с глазу на глаз. На этот раз ему уже не нужно было маскировать свои намерения, так что разговор обычно получался довольно жёсткий и неприятный. Хитрый толстяк, казалось, отлично знал все болевые точки своих оппонентов, так что каждый из них выходил из кабинета канцлера с глазами, полными ужаса и одновременно благодарности Арионну и самому Делетуару, что судьба на этот раз смилостивилась над ними.

Канцлер всё чаще заговаривал с Драонном о вопросах, напрямую не находящихся в его компетенции. Кажется, Деле-

туар проникся к юноше неподдельным уважением, так что его мнение было действительно важно для него, причём не только в том, что было связано с примирением лирр и людей.

– Его величество планирует создать отдельный департамент по делам лирр при Императорской канцелярии, – как-то объявил Делетуар. – Я полностью разделяю эту идею, и уже предложил вашу кандидатуру в качестве главы этого департамента. Что скажете?

Драонн прекрасно понимал, что инициатором этой идеи был не Родреан – старик всё ещё не оправился окончательно от своей болезни, и ему было пока что наплевать на лирр вкупе со всей остальной империей. Сейчас именно канцлеры, и в немалой степени именно Делетуар были негласными правителями государства.

– В плане создания такого органа – я скажу, что это отличная идея, – осторожно заговорил Драонн. – При всём стремлении лирр быть добропорядочными подданными императора людей, нужно понимать, что некоторые особенности нашей расы следует более тщательно учитывать при планировании государственных решений. Но буду ли я достойным занять столь важную должность – вот тут я не уверен. Мне кажется, что будет куда лучше поговорить об этом с лордом Перейтеном. Я ручаюсь за него больше, чем за самого себя.

– Что ж, посмотрим, – неопределённо пожал плечами Делетуар, словно тут же потеряв интерес к разговору. – А не воспримут ли люди болезненно создание такого департамен-

та? Ведь челядь и так ропщет на то, что у лирр всегда было много преимуществ в сравнении с людьми. Некоторые тупицы из окружения его величества до сих пор тычут мне в глаза Дейским эдиктом, который, по их мнению, грубо нарушается в отношении лиррийских подданных.

Канцлер любил подобный приём в разговоре – забросив какую-то мысль, он вдруг резко и без предупреждения начинал её критиковать, будто бы сомневаться в ней, представляя возможность собеседнику (будь то Драонн, Суассар или кто-то ещё) защищать эту идею так, будто бы она изначально принадлежала именно ему. То ли он таким образом выискивал слабые места, то ли проверял, насколько понравилась его идея на самом деле.

– Это настолько старая песня, что уже не хочется и говорить по этому поводу, – покачал головой Драонн, включаясь в игру. – Пресловутые нарушения Дейского эдикта остались лишь в головах твердолобых фанатиков. Имперский язык уже давно стал основным языком лирр даже в самых потаённых районах Лиррии. Звание принца сейчас уже не несёт в себе хоть сколько-нибудь серьёзной политической составляющей, и превратилось не более чем в один из дворянских титулов. А уж что касается налогов – те жалкие гроши, что перепадают главам домов из общего потока, направляемого в Кидую, могут вызвать лишь столь же жалкий смех. Лирры давно уже живут по Дейскому эдикту, но людям почему-то выгоднее этого не замечать.

– Вы говорите о жалких грошах, друг мой, но посмотрите-ка: ни один феодал из числа людей не имеет возможности припадать к этой благословенной реке налогов, что течёт напрямик мимо них в императорский карман. Они живут лишь ленными доходами, что часто ставит их в жёсткую зависимость от благосостояния и количества людей на их землях. Вы же берете себе по два оэра с каждых двенадцати, собранных для казны на вашей земле. Может быть, я не слишком хороший математик, но мне кажется, что это – не такие уж плохие деньги.

– Вы клоните к тому, чтобы лишить нас нашего права на удержание части налога, милорд? – нахмурился Драонн, понимая, что разговор принимает не самый лучший оборот.

– Что вы, друг мой, об этом речи не идёт! Пока что... Я просто хочу быть уверенным в том, что все лирры осознают те привилегии, что дарованы им империей, и что они будут более благодарными подданными, чем Лейсиан и его шайка.

– Вы только что беспокоились о том, как воспримут это люди, а теперь...

– Что мне за дело, как воспримут это люди? – презрительно фыркнул Делетуар. – Чернь додумается заговорить об этих вещах лишь в том случае, если о них заговорит знать. А уж со знатью-то я знаю, как обращаться, чтобы она не болтала лишнего.

– Подобное отношение может привести к тому, что следующий Лейсиан родится от человеческой женщины, – неодоб-

рительно покачал головой Драонн. – Я, милорд, вижу нашу миссию в том, чтобы не раскачивать лодку ни в одну, ни в другую сторону, ведь, как ни крути, а с обеих сторон – вода, которая может вмиг заполнить трюмы. Пусть все наши решения будут взвешены на самых точных ювелирных весах, и взвешены не единожды.

– Вот почему я хочу, чтобы не лорд Перейтен, а именно вы возглавили этот департамент, если он будет создан! – с довольной улыбкой учителя, похваляющего способного ученика, произнёс Делетуар. – Если вы сумеете верно направлять лирр, а я – людей, империя забудет о склоках и получит наконец давно заслуженный покой.

– Хорошо, я посоветуюсь с женой, – засмеялся Драонн.

Когда настала осень, в облике Аэринн наконец-то стали заметны те перемены, что являлись обычными признаками беременности – животик округлился, а грудь стала наливать-ся. Одновременно с этим пришли и проблемы – девушку часто тошнило, то и дело накатывала слабость. Она часто жаловалась, что ей душно, просила открыть окно, несмотря на то что за окошком была уже осень – хотя пока ещё очень тёплая по меркам Сеазии, но всё же осень.

Ни медикусы, ни повитухи, ни маги-целители не могли толком объяснить причину происходящего. Чаще всего успокаивали – мол, все переносят беременность тяжело,

нужно потерпеть. Но было видно, что они сами растеряны, и что происходящее с Аэринн ненормально. Будь тут госпожа Олива и Дайла, они бы ни на секунду не отходили от больной, но они уехали назад в Кассолей через неделю после свадьбы.

Аэринн пыталась скрывать своё самочувствие от Драонна, но это у неё плохо получалось. Она теперь всегда была бледна, а вокруг глаз запали глубокие тени.

– Мне душно, – то и дело повторяла девушка и требовала от служанки приоткрыть окно.

Та, в свою очередь, причитала о том, что барыня застудится и застудит дитя, но видя, как всё больше бледнеет её госпожа, как кожа её приобретает почти синюшный оттенок, в конце концов выполняла просьбу, впуская в комнату зябкий осенний воздух. Так Аэринн становилось немного легче, и она запрещала закрывать окно до тех пор, пока не начинала постукивать зубами.

Драонн страшно переживал за свою жену, а потому, конечно, поделился этими переживаниями с Делетуаром. Канцлер живо воспринял эту проблему и пообещал помочь чем сможет. Поскольку после этого разговора к теме болезни Аэринн они ни разу не возвращались, юноша решил, что старик просто позабыл о своём обещании.

Каково же было изумление Драонна, когда спустя примерно три недели он встретил в своём кабинете долговязого седого илира в том нелепом и смешном одеянии, которое сра-

зу выдаёт академика. И верно – илир представился мэтром Силеанином, членом Шеарской медицинской академии.

Шеар был признанной столицей научной мысли, городом учёных, академий и академиков, куда стекались лучшие умы империи. А поскольку он был ещё и столицей Лиррии, то, конечно же, среди учёных и магов, населяющих его, было много лирр. Если что и удивляло немного, так это то, что Делетуар обратился за помощью именно к лирре, а не к человеку. Однако это же косвенно подтверждало то, что этот мэтр Силеанин – лучший в своём деле.

За последний месяц в доме Драонна перебивало с полтора десятка всевозможных специалистов, которые в итоге отделялись лишь общими фразами, однако он был не в том положении, чтобы с ходу отрицать помощь. Поэтому он тут же повёл мэтра Силеанина в особняк, чтобы тот смог лично осмотреть Аэринн.

Целитель терпеливо выслушивал сбивчивые рассказы служанки и скупые фразы Аэринн, которая вновь лежала в постели, жалуясь на духоту и дурноту. Тонкие пальцы врача-вателя словно жили своей жизнью – пока он сосредоточенно кивал в такт произносимым словам, они бегали по рукам и шее больной, то задерживаясь не некоторое время, то вновь ощупывая одним им ведомые точки.

– Вы ведь не так давно в Кидуе, не так ли? – мягко спросил он, воспользовавшись тем, что потоки слов, изливаемые служанкой, на время иссякли.

– Уже несколько месяцев, – за Аэринн ответил Драонн, понимая, что ей сейчас не очень-то хочется говорить. – Она приехала в конце весны.

– Но недомогание началось позднее? – благодарно кивнув, вновь спросил медикус.

– Примерно месяц назад, в начале осени.

– Сколько тогда уже было вашему плоду? Полгода?

– Около пяти месяцев, – слабым голосом ответила Аэринн и скривилась – её вновь мутило.

– Время интенсивного развития плода, – кивнул Силеанин. – Время, когда он требует от материнского организма почти чрезмерного. А прежде, полагаю, вы жили где-то довольно далеко отсюда?

Иногда Драонну в его юношеской гордыне казалось, что если не каждый подданный империи, то, по крайней мере, каждый лирийский подданный знали о нём, ведь он был теперь далеко не последним илиром. Но оказалось, что этот учёный из Шеара, судя по всему, ничего о нём раньше не слышал. Хотя, возможно, это было обычной рассеянной отстранённостью от этого мира, столь присущей учёным мужам.

– Мы жили в Сеазии, неподалёку от Шэндора, – с некоторым раздражением произнёс он.

– О, великолепное место! – как-то неуместно просиял целитель. – Солёный морской воздух, как следует замешанный на хвойном аромате лесов... Вы никогда не замечали, что на

севере океан даже пахнет иначе, чем здесь? В общем, вот вам и ответ, милостивый государь. Именно в этом кроется причина хвори, поразившей вашу прелестную супругу. Здесь ей попросту сложно дышать, ведь в Кидуе и её окрестностях так мало хвойных деревьев. Пока зародыш не требовал большого количества воздуха, это было не критично, но теперь... Боюсь, единственное лекарство, которое я могу вам посоветовать – уехать обратно на родину. Убеждён, госпоже тут же станет легче. Если хотите знать моё мнение – ребёнка нужно рожать там.

– Но мой муж здесь!.. – в отчаянии возразила Аэринн. – Как я могу уехать без него?

– А вы уверены, что не ошибаетесь? – спросил Драонн. – За последнее время здесь перебывало множество лекарей и магов, но никто из них не говорил ничего подобного, а ведь это, казалось бы, так просто.

– Вот именно поэтому и не говорили. Сложнее всего бывает отыскать самые простые решения. И потом, всем этим достойным господам, возможно, не хотелось выглядеть некомпетентными, а потому они наверняка сыпали терминами, делали умные лица и напускали туману. Когда охотник ищет уток, он смотрит в небо, и не каждый опустит глаза на прибрежный камыш. Я привык искать везде, и прежде всего – в наиболее вероятных местах. Если утка живёт в камыше – отчего бы не поискать для начала там?

– Но ручаетесь ли вы за свой диагноз? Не получится ли

так, что Аэринн, несмотря на своё недомогание уедет, а ей станет лишь хуже?

– Мудрый илир никогда не станет полностью ручаться за что бы то ни было. Мы живём в мире, подвластном Хаосу, так что здесь может быть всё, что угодно. Но я сделаю больше – вместо того, чтобы бросать слова на ветер, я лично отправлюсь с госпожой в Сеазию, сопровождая её в пути. Если моё предположение окажется неверным, я сделаю всё, чтобы определить хворь и справиться с нею.

– Но я не хочу рожать ребёнка вдали от мужа!.. – слёзы показались на воспалённых глазах Аэринн.

– Этого не будет! – горячо заговорил Драонн. – Я клянусь тебе, что когда придёт время, я буду рядом и лично приму дитя из твоего лона! Но если причина твоего недомогания так проста – неужели ты откажешься от лечения? Ведь когда тебе прописывали горькие микстуры – ты принимала их, хоть они и оказывались бесполезными. А здесь тебя просто просят вернуться на родину! Обещаю, что в начале следующей весны я приеду к тебе!

– Хорошо, я согласна, – сдалась Аэринн.

– Уверен, что вскоре вы почувствуете себя куда лучше! – воскликнул лекарь.

– Что мы будем должны вам, мэтр? – спросил Драонн.

– О, ровным счётом ничего! – улыбнулся Силеанин. – Милорд канцлер расплатился со мною сторицей. Кроме того, надоело просиживать днями в тёмном кабинете и нюхать

книжную пыль. Давненько я не был в Сеазии, а ведь это мои родные края.

– Не знаю, как вас и благодарить, мэтр! – растроганно проворкотала Аэринн.

– Поправляйтесь поскорее, и это будет лучшей благодарностью! – тепло усмехнулся медикус.

После этого он засобирался и ушёл, пообещав вернуться на следующий день, чтобы отправляться в путь. Драонн, проводив целителя, отдал распоряжения о подготовке отъезда госпожи, а сам отправился к Аэринн.

– Жаль, что твои мама и сестра уже уехали, – зайдя в комнату, заговорил он. – Пожалуй, следует попросить лорда Делетуара позволить твоему отцу сопровождать тебя. Не думаю, что он откажет. А может и позволит ему остаться в Кассолее. Сейчас уже всё равно для нас нет особой работы.

– Почему ты решил, что я отправлюсь в Кассолей? – приступ тошноты миновал, и Аэринн выглядела лучше. – Я – принцесса Доромионская, и моё место в Доромионе. Стану его хозяйкой до твоего возвращения.

– Ты будешь его хозяйкой навеки, любовь моя, – Драонн не удержался и поцеловал девушку.

– Его хозяйкой и твоей рабой, мой принц, – проворковала Аэринн, обвивая руками его шею.

– Кажется, тебе уже лучше? – рассмеялся принц, падая на постель рядом с женой.

– Намного. Но не так хорошо, как будет через несколько

минут...

Мэтр Силеанин оказался прав – вскоре после возвращения в Доромион Аэринн значительно полегчало. Конечно, совсем без проблем, присущим всем беременным, не обошлось, но странные приступы удушья действительно прекратились, да и в целом самочувствие было вполне нормальным. По крайней мере, она больше не чувствовала себя больной.

Доромион оказался непаханым полем для деятельной девушки. Замок уже давно существовал, не зная женской руки, а потому Аэринн со всей энергией, что была ей присуща, взялась за обустройство. Ливейтин, поначалу посмеиваясь втихаря, позволял новой хозяйке делать всё, что заблагорассудится, считая, что ей быстро надоест. Однако он недооценил твёрдость характера своей госпожи – Аэринн начала методично, комната за комнатой, приводить замок в порядок.

Теперь, побывав в столице и пожив поистине вельможной жизнью, Аэринн подмечала тысячи провинциальных недостатков, которые были незаметны ей прежде. То, что когда-то казалось милым, теперь раздражало и казалось воплощением безвкусия.

В одном из порывов раздражения Аэринн едва не отдала приказание повыбрасывать всю старую мебель, но сдержалась, причём остановили её не затраты и не страх перед недовольством Драонна – она просто поняла, что в Шедоне

она сможет заказать лишь точно такую же безнадёжно провинциальную мебель. Так что теперь всю свою кипучую деятельность она направила лишь на наведение порядка.

Тем временем осень понемногу стала превращаться в зиму. Небо заснежило мелкой крупой, которая пока ещё не в силах была укрыть собой мир, но вскоре должны были прийти настоящие холода и настоящий снег.

Эта зима была невыносимой для Аэринн, вынужденной коротать долгие зимние вечера лишь в компании матери, приехавшей из Кассолея специально, чтобы ухаживать за дочерью, да мэтра Силеанина. И эта зима была невыносимой для Драонна, который маялся в своём опустевшем особняке в Кидуе, не находя себе места.

Они писали друг другу длинные письма, но поскольку сообщение с Сеазией сейчас было неважным, то письма эти просто складывались в ларчик, чтобы затем передать их уже при личной встрече. При всей странности этих действий они были очень важны для обоих – написание и постоянное перечитывание этих посланий стали для них настоящей потребностью. Самое интересное, что они додумались до этого, не сговариваясь и не зная, что другой делает то же самое.

Кстати, Делетуар всё-таки довёл дело до конца и в один из унылых зимних дней объявил Драонну, что тот теперь – самый настоящий государственный чиновник, глава вновь созданного департамента по делам лирр, находящегося в подчинении у Императорской канцелярии (читай – у самого Де-

летуара).

Юный принц воспринял эту новость без особого энтузиазма. С одной стороны, он стал опасаться – отпустят ли его в Доромион, как он обещал Аэринн; с другой – новая должность пока не принесла особых перемен в его деятельности. Может быть, она была столь же дутой, как и предыдущая, а может это было связано с непрекращающейся болезнью императора Родреана, которая никак не желала отпускать старика.

При дворе уже шептались, оглядываясь, как бы никто не услышал, что его величество может не пережить эту зиму. Конечно, официально всё преподносилось как временное недомогание, но Драонн по озабоченному лицу Делетуара видел, что всё совсем не так хорошо. Сам канцлер ничего не опровергал и не подтверждал, просто отказываясь говорить на эту тему. И эта молчаливость обычно болтливого толстяка говорила Драонну больше, чем осмелился бы сказать ему сам Делетуар.

Когда наступил вьюжный и студёный месяц слидий¹⁹, стало ясно, что спасти его величество может лишь чудо. Об этом никто не говорил, но Драонн догадывался, что канцлеры уже готовят наследного принца Деонеда к правлению. Юноша

¹⁹ Слидий – один из месяцев календаря Кидуанской империи, соответствует нашему февралю, но имеет в составе те же 30 дней, что и другие месяцы. Назван в честь древнего полубогини человеческого мага Слидия, жившего в эпоху третьей Руны Кда, и заложившего многие основы человеческой магической школы.

почти не видел Делетуара – тот почти всё время проводил во дворце.

Само собой разумеется, что все прочие дела теперь отошли на задний план, так что его департамент простаивал без какой бы то ни было работы, равно как и вся Канцелярия. Точнее, теперь здесь было такое движение, как никогда прежде – гонцы, писари, адъютанты так и мельтешили туда-сюда кто с пакетами, кто с целыми ворохами бумаг, но вся эта масса обслуживала сейчас лишь одно дело – наследие престола.

Потому не было ничего удивительного в том, что Делетуар отпустил Драонна в Доромион, чтобы тот смог, как и обещал, присутствовать при рождении ребёнка. Он, правда, задумался о чём-то на мгновение – возможно о том, что в случае кончины Родреана столь важному чиновнику, каким стал Драонн, стоило бы находиться в столице, но затем всё же махнул рукой и тут же удалился, словно бы начисто позабыв о только что состоявшемся разговоре.

Всё ещё опасаясь, что канцлер может передумать, Драонн решил уехать незамедлительно. Кроме того, зима выдалась снежная, и это значило, что путь будет долгим и нелёгким. Таким образом принц, взяв с собой всех своих илиров, направился на восток, ведь залив Дракона был сейчас несудоходен, а это значило, что его придётся огигать, делая огромный крюк.

И тем не менее Драонн, спеша изо всех сил, прибыл в До-

ромион на двадцать четвёртый день слидия. По его подсчётам до рождения ребёнка оставалось ещё около двух недель.

Приятным сюрпризом для Драонна стал тот факт, что мэтр Силеанин до сих пор находился в замке, приглядывая за здоровьем Аэринн. Особой нужды в этом, пожалуй, не было – беременность протекала вполне обычно, но всё-таки это вселяло определённую уверенность.

Аэринн, несмотря на подраспльвшиеся черты, показалась юноше ещё прекраснее, чем прежде. Особенно грело его осознание того, что внутри неё находится его дитя. Точнее – *их* дитя, что было ещё приятнее.

Они впервые поговорили о имени будущего ребёнка. И Аэринн сама предложила для мальчика имя Астевиан, а для девочки – Билинн. Это были имена родителей Драонна, и стоит ли говорить, насколько он был растроган этим. Надо сказать, что мэтр Силеанин по некоторым признакам определил, что должна родиться девочка, поэтому всё чаще Аэринн называла своё не родившееся пока дитя Билинн, разговаривая с ним или о нём. А вскоре она стала называть его просто Биби, и Драонн буквально таял, слыша это имя из её уст.

В восьмой день месяца весны, совсем ранним утром, скорее даже ночью, Аэринн разрешилась от бремени. Драонн, как и обещал, находился рядом и, как только мэтр Силеанин

обрезал пуповину, тут же принял своего первенца. Девочку.
Билинн. Биби.

Глава 18. Перемены

После рождения дочери Драонн был на седьмом небе от счастья. Все другие события, когда-либо случившиеся с ним, внезапно отошли далеко на задний план, став совершенно неважными в этот отрезок времени, когда во всём мире для него остались лишь Аэринн и Билинн.

Биби родилась совершенно здоровой девочкой, и хотя пока что она была больше похожа на синюшного сморщенного старичка, для счастливого отца она была самым прекрасным ребёнком на свете.

Аэринн светилась от счастья, и от того казалась в тысячу крат прекрасней, чем обычно. По лирийскому обычаю для Биби тут же была найдена подходящая кормилица, которая забрала девочку, принося её молодым родителям по их просьбе. А просили они об этом весьма часто.

Увы, эта идиллия продлилась всего два дня. Вообще Драонн твёрдо решил пробыть в Доромионе как можно дольше – в идеале до конца месяца весны, когда на заливе Дракона начнётся навигация и можно будет здорово сократить путь. Это соображение казалось ему отличным аргументом для Делетуара, ежели он вообще хоть раз вспомнит об отсутствии главы новоиспечённого департамента.

Как уже было сказано выше, судьба в лице второго канцлера подарила Драонну всего два дня. Ранним утром тре-

тьего дня в Доромион прилетел голубь из Кидуи. Его величество император Родреан скончался в первый день месяца весны. Таким образом упрямый старикан всё-таки утёр нос тем, кто пророчил, что ему не пережить зиму. Так или иначе, а в империи был теперь новый правитель – император Деонед Третий, и этот правитель призывал Драонна Доромионского на службу.

Естественно, голубь был не от императора, а от Делетуара, но это, по сути, ничего не меняло – не повиноваться юноша не мог. С тяжким вздохом он поцеловал Аэринн, осторожно коснулся губами огромного лобика Биби, едва прикрытого жиденькими чёрными волосиками, после чего отправился в Кидую в сопровождении своих верных илиров. Загадывать, когда произойдёт их следующая встреча, он не стал, да Аэринн и не спрашивала, прекрасно понимая всё сама.

Выдержав положенный двенадцатидневный траур, император Деонед собрал Большой совет. Хотя это название не должно ввести в заблуждение читателя – несмотря на то, что его именовали «большим», в нём заседало не более полутора десятков человек – кроме членов так называемого Малого совета, куда входили лишь сам император и пять канцлеров, здесь присутствовали все министры, а также главы иных ведомств.

Очевидно, что в столь немногочисленной компании

скрыть чьё-либо отсутствие было невозможно, особенно если отсутствовал единственный лирра. Делетуар, конечно, уже послал голубя в Доромион, но прекрасно понимал, что Драонну не поспеть к совету. Зная резкий нрав нового государя, второй канцлер заблаговременно предупредил его об отсутствии главы департамента по делам лирр. Император, на лице которого всё ещё читалась печать скорби, которую он носил в сердце, лишь угрюмо кивнул.

Нужно оговориться, что несмотря на то, что мы здесь именуем Деонеда императором, формально он таковым ещё не являлся, поскольку коронация была запланирована лишь на первый день месяца со знаковым именованием импирий²⁰. А до тех пор он именовался принцем-регентом, а императором по-прежнему оставался почивший Родреан, чьи останки всё это время лежали незахороненными в специально отведённом для этого зале дворца. Все указы, издаваемые до первого дня империя, имели две подписи – подпись принца-регента и подпись императора Родреана, которую всё равно ставил наследник, но от данной традиции отказываться не спешили.

– С тяжёлым сердцем начинаю я заседание Большого совета, – заговорил принц-регент. – И чувствую я сейчас не только боль от утраты родителя, но и собственную ничтожность, ибо он был гигантом, сотрясавшим небеса, тогда как я – жалкий карлик, не годный даже просто сидеть на троне.

²⁰ Импирий – один из месяцев календаря Кидуанской империи, соответствует нашему апрелю. Назван, вероятно, в честь империи Содрейн.

Но в этот скорбный час я согрет надеждой, что вы поможете своею мудростью мне так же, как помогали моему отцу, и со временем я научусь быть достойным правителем.

Конечно, эта фраза несла в себе куда больше неких обрядовых условностей, нежели истинных мыслей Деонеда. Естественно, он совсем не думал так, как только что выразился. Разумеется, на протяжении последних месяцев, с тех самых пор как прогнозы насчёт болезни Родреана ухудшились, Деонед под чутким руководством канцлеров уже пробовал себя в руководстве государством. Уж кто-то, а император Деонед вряд ли всерьёз мог называть себя ничтожным карликом.

Внешне он был очень похож на молодую копию своего отца – такой же громадный, словно медведь, с той же буйной шевелюрой и бородой, только цвет их пока ещё был ярко-каштановым, почти переходящим в рыжину. Более того, характер у него тоже был отцовским – довольно резким, грубоватым. По большому счету, из него вполне мог получиться второй Родреан, и в целом это, наверное, был скорее плюс, нежели минус.

– И осознавая себя не более, чем бледной тенью своего покойного родителя, я приложу все свои скромные силы для того, чтобы хотя бы не сбиться с того пути, которым он вёл наше великое государство, – продолжал Деонед. – Я продолжу все его начинания и, коли будут благосклонны ко мне боги, возможно, сумею и приумножить их.

Делетуар, при всей своей едва помещающейся в кресло

необъятности, слегка подался вперёд, так что его сидение жалобно заскрипело – он понял, что предисловие закончилось.

– На смертном одре, давая мне последние наставления, император Родреан потребовал от меня клятвы служить на верность отечеству и делать всё, чтобы наша империя стала ещё могущественнее. И он обозначил для меня наиболее важные направления. О них я и хочу поговорить с вами. Во-первых, вновь присоединённые территории. Мы уже достаточно давно присоединили себе северные окраины Паэтты, но до сих пор не уделяли им должного внимания. А между тем они весьма богаты и лесом, и пушным зверьём, и, как считают многие – серебром. Отец мой видел решение проблемы в переселении подданных империи на север, строительство новых городов. Пока эти территории заселены лишь палатийскими варварами, мы не сможем получать с них должного дохода.

Четвёртый канцлер, в чью политическую вотчину заглянул принц-регент, важно закивал, всем своим видом демонстрируя готовность немедленно заселять северные территории.

– Но меня, признаться, больше, чем проблемы палатийских земель беспокоит Прианурье. От палатийцев хотя бы нет особых проблем, тогда как дикари Прианурья то и дело беспокоят наши восточные границы. И пусть даже их владения не имеют для нас особенной экономической ценности,

мы должны кроме того ведь заботиться и о безопасности государства. Именно поэтому я бы поставил решение прианурского вопроса во главу угла. Я не хочу передать эту проблему своему преемнику, а потому сделаю всё, чтобы Анурские горы стали естественной стеной на границе империи. А там можно будет подумать и о Загорье.

Одобрительные воинственные возгласы приветствовали подобную внешнюю политику нового государя. В последнее время империя не вела каких-то крупных внешних войн – отношения с Саррассой вполне можно было бы назвать дружескими, последние очаги незначительного сопротивления палатийцев были подавлены уже довольно давно, а на восточных рубежах всё ограничивалось огрызанием на набег прианурцев. В общем, по мнению многих, державе не мешало немного размять косточки.

– Но чтобы заниматься делами за пределами государства, надобно сперва навести порядок внутри, – продолжил Деонед. – Мы не должны допустить новой гражданской войны в стране! И в этом я вижу задачу не только отсутствующего здесь принца Драонна, и не только присутствующего здесь канцлера Делетуара. В этом я вижу задачу для всех нас, и для меня в первую очередь. Мы должны крепко подумать о причинах, вызвавших восстание, и постараться сделать так, чтобы подобного больше не происходило. В империи будет мир – так или иначе!

Последнее «так или иначе» явно не понравилось Делетуа-

ру – он заметно поморщился и заёрзал, поудобнее усаживаясь в кресло. Канцлер знал, что, в отличие от отца, Деонед не отличался чрезмерной лояльностью к лиррам. Более того, во время войны по дворцу бродили робкие слухи о том, что наследник втайне поддерживает красновержих и относится к их деятельности с куда меньшей брезгливостью, нежели император.

Делетуар понимал, что Драонну придётся заново отлаживать отношения с вертикалью власти сейчас, после смены правителя. И он понимал, что теперь юноше будет вдвойне тяжело это сделать. Канцлер поставил себе в уме заметку подготовить к будущей встрече как принца-регента, так и лирийского принца, причём если в последнем он был уверен, то насчёт первого имелись серьёзные сомнения.

Конечно, вряд ли Деонед решится на новую конфронтацию с лиррами, и особенно теперь, когда шаткий мир только-только был достигнут. Но вот это «так или иначе» не давало канцлеру покоя. Что ж, тем больше у него теперь будет резонов поскорее занять при новом императоре то место, которое он занимал при прошлом.

Хотя, признаться, теперь Делетуар беспокоился не только за лирр. Он понимал, что его положение также становится куда более шатким. В отличие от Родреана, с Деонедом его не связывали дружеские отношения, и под большим вопросом оставалось само его нахождение в Малом совете и на посту второго канцлера. Может именно поэтому толстяк те-

перь регулярно мылся и менял одежду, дабы не раздражать лишней раз своего нового государя.

В общем, хоть Делетуар и не хотел признавать это даже перед самим собой, но, кажется, всех их ждали большие перемены.

До приезда Драонна Делетуар лишь дважды сумел пообщаться с императором наедине. И оба раза не вполне удачно. Нельзя сказать, что Деонед выказывал к толстому канцлеру какую-то особенную неприязнь – скорее он вёл себя как человек, которому скучно. При том, что Делетуар говорил о перспективах лирийской политики, возможностях выхода из кризиса, которые выдавались за их совместные с Драонном наработки, хотя по сути своей это были измышления лишь самого канцлера.

Результатом каждой беседы были заверения императора, что он уделяет проблеме большое внимание и всегда готов обсуждать её, но при этом тон, которым это произносилось, говорил об обратном. Более того – пресловутое «так или иначе», брошенное Деонедом на первом заседании Большого совета, в том или ином виде всплывало в каждой беседе.

Вернувшийся Драонн застал Делетуара в заметном унынии. Канцлер не стал скрывать ситуацию, но при этом пытался приободрить юношу, заверяя, что новый вожак стаи просто покусывает других самцов и рычит только чтобы заявить

о себе. Он пообещал добиться аудиенции для принца, но уже на следующий день пришёл к Драонну и сообщил, что того ждут лишь на очередном заседании Малого совета. Юноша понял, что император не спешит лично встречаться с ним.

Совет, что состоялся через четыре дня, был расширенной версией Малого совета – кроме пятерых канцлеров там присутствовали ещё трое людей, а также Драонн. Те трое были лично незнакомы юноше, хотя, конечно, он видел их раньше, и обычно в близком окружении наследного принца. Судя по хмурым лицам канцлеров, они сразу поняли, для чего сюда явилась эта троица. Деонед начал строить государство под себя.

– Рад лично встретиться с вами, лорд Драонн, – произнёс император, хотя сам принц не заметил на его лице особой радости по этому поводу. – Примите мои поздравления по поводу рождения дочери.

– Благодарю, ваше величество, – поклонился юноша. – Прошу простить меня, что отсутствовал на заседании Большого совета. И примите мои глубокие соболезнования по поводу кончины вашего отца. Я скорблю о вашей утрате.

– Так же, как и все мы, лорд Драонн, – кивнул Деонед. – Ну что ж, приступим к делам. Прежде всего хочу пояснить, что делают здесь эти господа. Уверен, все они не нуждаются в представлении и вам хорошо известны.

Все канцлеры неохотно кивнули, не скрывая кислых выражений лиц. Драонн счёл за благо кивнуть вслед за ними.

– Все вы честно и самоотверженно служили моему отцу, – продолжил император. – И благодарность моя не знает границ. Однако я понимаю, как тяжёлый груз государственной ответственности, и сколь многим вы пожертвовали ради нашей державы. А потому я считаю, что некоторым из вас пришло время пожить ради себя, отдохнуть от забот. Это не значит, что я удаляю вас от двора! Каждый из вас получит должности, которые будут необременительны и вместе с тем почётны. И уж подавно это никак не скажется на вашем благосостоянии.

Гробовое молчание отвечало словам императора. Все пятеро канцлеров напряжённо ждали – кого же из них попросят за дверь, а кого покамест оставят.

– Господин Белон, вы, если не ошибаюсь, уже восемь лет верой и правдой служили короне. Ваши советы по поводу палатийских владений были ценны и очень полезны. Однако теперь, я считаю, пришло время сменить нашу политику в этом направлении, сделать её более активной. И потому место четвёртого канцлера теперь займёт господин Солти. Вы же получите весьма почётную должность помощника казначея.

Бывший четвёртый канцлер, сильно побледнев, молча склонил голову в знак того, что принимает отставку.

– Загорье превратилось для нас в одну сплошную проблему, – продолжал Деонед. – Оно стало подобно гноящейся ране, что постоянно беспокоит и грозит осложнениями. К со-

жалению, при моем отце этот вопрос не решался должным образом. Я думаю, что и в этом направлении нам необходима свежая кровь, которая вдохнёт новую жизнь в нашу армию. А потому я назначаю пятым канцлером господина Деони, тогда как вы, господин Стейлон, будете отправлены в качестве нашего посла в Саррассу. На этом посту ваше миролюбие придёт к месту.

Последняя фраза прозвучала как пощёчина, так что канцлер Стейлон закусил губу, а в глазах блеснули слёзы, которые он постарался скрыть, склонив голову.

– Ну а вы, милорд Делетуар, были с моим отцом долгих двадцать два года. Вы вели его дорогами невзгод и дорогами благоденствий, через успехи и через неудачи. То, что вы сделали для империи, переоценить невозможно. Да будет вам известно, что я уже подписал указ о награждении вас орденом Белого Дуба. Я знаю, что у вас уже есть такой, но не моя вина, что в нашем государстве нет более высоких наград. Но я знаю, как вы подорвали своё здоровье, служа отечеству, и потому принял решение снять наконец с вас это непосильное ярмо. Теперь вторым канцлером будет ваш давний знакомый, господин Шавьер. Вы же сможете более полно отдать себя тому делу, которое было для вас наиболее важным в последнее время. Мне кажется, что в таком деликатном деле как управление делами лирр, необходим взгляд человека, подобного вам. А потому вы вместе с лордом Драонном теперь будете отвечать за лиррийскую политику. Я не приду-

мал ничего лучшего, чем назначить вас ещё одним главой департамента, равноправным лорду Драонну. Такого в нашем государстве прежде не случалось, но вы – настолько неординарный человек, что делаете неординарным всё вокруг себя.

– Благодарю, ваше величество, – Делетуар оказался единственным, кому хватило воли или смелости что-то произнести. – Я постараюсь доказать вашему величеству, что ещё не настолько слаб, как вы думаете. Вы можете положиться на нас с принцем Драонном.

Наверняка Делетуар специально назвал Драонна принцем, а не лордом – титулом, который люди весьма неохотно признавали за главами лиррийских домов. Может быть, это был последний беззубый оскал старого волка в адрес молодого вожака. Однако Деонед отреагировал на это вполне спокойно, как и следовало реагировать молодому, сильному волку на вялый выпад старика.

– Должен добавить, господа, что в будущем у каждого из вас остаётся право членства в Малом совете по приглашению, – добавил император.

Это тоже звучало почти как насмешка, особенно для Стейлона, которому надлежало отбыть в Шатёр, да и для остальных, поскольку было ясно, что приглашения придётся ждать очень долго. Кроме того, слегка акцентированное уточнение «в будущем» давало понять, что в настоящем император хотел бы остаться наедине со своими новыми советниками. Это было слишком понятно, а потому трое низверг-

нутых канцлеров встали и, поклонившись, вышли. Драонн не знал, как поступить ему, но Делетуар, вставая, слегка дёрнул его за рукав, подавая недвусмысленный сигнал, так что он также, откланявшись, вышел вслед за другими.

– Это опала? – тревожно спросил Драонн бывшего канцлера, как только они остались наедине.

– Вот ещё! – фыркнул тот, хотя в глазах читалась неуверенность и становилось ясно, что бравада эта – напускная. – Это было неизбежно. Когда в лесу падает громадное дерево, оно неизбежно влечёт за собой соседние деревья. Они должны падать, чтобы давать пространство молодой поросли. Это естественный ход вещей. Наконец-то смогу как следует отдохнуть!

– А как же наш департамент? – напомнил юноша. – Если вы не забыли, то теперь мы оба отвечаем за лирийскую политику.

– Не так уж сложно отвечать за то, чего нет, – скривил губы Делетуар. – Я уже представляю, какую политику станет вести наше новое начальство... Этот Шавьер – надутый индюк. Уверен, что он уже возомнил себя великим политическим деятелем, а потому вряд ли доверит нам сейчас даже штопать его подштанники!

– Но мы же можем...

– Ничего мы не можем без санкции Канцелярии! – с доса-

дой перебил Делетуар. – Когда я создавал ваш департамент, это не казалось такой уж проблемой. Эх, надо было тогда давить на императора и выбить вам целое министерство! Но кто же мог предвидеть!..

– Это значит, что мы...

– Почти безработные, друг мой, – невесело усмехнулся толстяк. – Причём, самый глупый сорт безработных – безработные при имеющейся работе. Боюсь, что теперь нам придётся лишь имитировать деятельность.

– Но вопрос противоречий между лиррами и людьми так и не решён!..

– У его величества свои взгляды на решение этого вопроса, – тяжело вздохнул бывший канцлер. – И, боюсь, они вам не очень-то понравятся.

– И что же – мы ничего не можем сделать? – в отчаянии спросил принц.

– Поживём – увидим, друг мой...

Предчувствия не подвели бывалого политика – недавно созданный департамент по делам лиррийских подданных действительно превратился в ничего не значащий орган. Когда после двух недель бездействия Делетуар отправился к канцлеру Шавьеру, чтобы прояснить ситуацию, вернулся он ещё в более мрачном настроении, чем вышел.

– Вам, друг мой, должно быть не терпится повидать

дочь? – буркнул он Драонну, выжидательно глядящему на него из кресла. – Так поезжайте! Здесь вы покамест не нужны.

– Наше ведомство закрывают? – юноша испытал странную смесь облегчения и досады.

– Хуже, – бывший канцлер порывисто плюхнулся в своё необъятное кресло и потянулся к графину с вином, стоящему рядом на столике. – У Канцелярии пока нет для нас поручений.

Он явно процитировал своего нового начальника – это было видно по скорченной физиономии и изменённому, нарочито глупому голосу.

– И сколько же продлится это «пока»?

– Думаю, достаточно долго, чтобы вы успели выдать свою дочь замуж! – в сердцах бросил Делетуар, залпом опорожня бокал.

– Надеюсь, император Деонед не задумал ничего плохого? – с тревогой спросил лирийский принц.

– Не беспокойтесь, – отмахнулся Делетуар. – У нового императора сейчас все помыслы в Загорье, а это значит, что он не захочет потрясений внутри страны. Думаю, они выбрали самую глупую из всех стратегий – замолчать проблему, сделать вид, что ничего не было и жить как ни в чём не бывало. То есть просто ничего не делать и ничего не менять. А значит – и наш департамент им ни к чему.

– Может, это и не худшее из решений, – философски по-

жал плечами Драонн, против воли уже устремившийся мыслями в Доромион, где его ждали две самые дорогие женщины на свете. – Так уж точно ничего не выйдет испортить.

– Ещё как выйдет, – поморщился бывший канцлер. – Сколько не накладывай корпию на плохо обработанную рану – она всё равно рано или поздно загниёт. Император Родреан решил проблему просто и жёстко – подавил выступления лирр. Но ведь они выросли не на пустом месте, а это значит, что рано или поздно нас опять может ждать нечто подобное. Да и не все люди готовы забыть то, что случилось. Нет, это очень глупо.

– Вы собираетесь сказать об этом императору?

– Вот ещё! Это было бы большей глупостью, чем сесть голым задом на осиное гнездо. Деонед только-только сделался императором, и он весьма болезненно воспримет поучения от кого-либо, особенно если этот кто-то – из прошлого поколения, которое, по его мнению, всё делало не так. Нет уж, нам придётся ждать, пока дитя не набьёт собственных шишек и не прибежит к нам жаловаться. Не беспокойтесь, друг мой, мы ещё поборемся! А покамест – езжайте в Доромион!

– Но если его величество вдруг потребует меня к себе?.. – с сомнением пробормотал Драонн.

– Не беспокойтесь! Ручаюсь вам, что этого не случится ещё очень и очень долго...

Глава 19. Отставка

Для Драонна начались золотые деньки. Теперь он практически не выезжал из Доромиона, проводя время с Аэринн и Биби. Дни его принадлежали им обеим, ночи же – лишь одной Аэринн. Все переживания, которые были у него накануне свадьбы, оказались неоправданными. Казалось, молодые супруги были единым целым – мысли и желания одного были словно бы продолжениями мыслей и желаний другого.

На время Драонн просто забыл и о Кидуе, и о Делетуаре, и о императоре, и вообще обо всём, что не касалось его семьи. Сейчас ему хотелось одного – никогда больше не возвращаться к той жизни, не видеть ни низвергнутого канцлера, ни Деонеда, ни вообще кого бы то ни было из тех, кто напомнил бы об этой не самой приятной странице его прошлого. Однако он знал, что пока это невозможно – по договорённости с Делетуаром он понимал, что в любой момент можно ожидать голубя, который сорвёт его с места.

И всё же юному принцу удалось на время выбросить из головы все былые заботы и наслаждаться тем, что рядом с ним были жена и дочь, что он вновь был в замке своих предков, на своей земле, где всё казалось как-то проще, честнее чем в этой коварной и вероломной столице.

Время от времени до него доходили вести из Кидуи – изредка это был почтовый курьер с пространном посланием от

Делетуара, чаще – голуби с короткими записками, в которых скупым и сжатым языком бывший канцлер вводил Драонна в курс дела. В остальном же принц Доромионский жил отшельником – не бывая ни в Шедоне, ни в окрестных замках. В общем, он жил так, как это было до встречи с Делетуаром.

Что же касается вестей, то они были не слишком радужными. Как и ожидалось, императору не хватило терпения – вместе со своими новыми советниками он решил всерьёз взяться за Прианурье. Поводом послужила очередная волна набегов – лето выдалось довольно засушливым, так что, вероятно, прианурцы испытывали особенную потребность грабить восточные пределы Пелании, отбирая последние жалкие крохи у местных жителей.

Деонед объявил о невозможности более терпеть подобные выходки и начал спешно готовить военную кампанию. Однако «спешно» оказалось тут ключевым словом – подготовка была проведена из рук вон плохо.

Конечно, силы империя могла позволить себе бросить совсем немалые – сразу несколько легионов было отправлено на восток, чтобы раз и навсегда избавить подданных Кидуи от этой напасти. Но просчёты стали заметны почти сразу же.

Во-первых, конечно же, непродуманным оказалось снабжение войск. Слабозаселённые, пострадавшие от засухи и набегов земли не в состоянии были кормить двадцать тысяч солдат. Небольшие деревеньки, разбросанные тут и там, не могли разместить воинов и обеспечить их необходимым, а

ни одного мало-мальски крупного города в окрестностях не было. На самом деле, в тех краях вообще не было городов.

Легионы разбивали лагерь в максимальной близости от границ. Делалось это согласно требованиям верховного командования. Но сами эти требования также оказались непродуманными – зачастую к местам дислокации войск вели лишь едва протоптанные колеи, которые, в особенности после сильных дождей, часто становились непроходимыми для обоза. Таким образом были сорваны попытки снабжать войска из центра.

Однако, плохое снабжение оказалось не единственной проблемой кидуанской армии. Перед ней оказался весьма необычный и непривычный враг – коварный, хитрый, зачастую беспринципный. Прианурцы были, по сути, не более чем несколькими относительно связанными друг с другом племенными союзами, не имеющими привычной государственной структуры. У них не было столиц, да и просто городов. Они жили небольшими племенами в поселениях, затерянных среди дебрей.

Стальные легионы Кидуи оказались столь же малоэффективны против этих воинов, как боевой топор неэффективен в борьбе с воробьями. Отлично знающие лес небольшие отряды прианурцев, с их извечными волчьими шкурами, наброшенными на плечи, и волчьими головами на странных мохнатых головных уборах, нападали молниеносно, словно рой диких пчёл, и столь же быстро растворялись среди дере-

вьев, подобно утреннему туману.

Манипулы и когорты, столь неповоротливые в условиях леса, становились отличной мишенью для атак. Конечно, оружие дикарей не шло ни в какое сравнение с имперским вооружением – они использовали луки и стрелы с костяными наконечниками, а также дубинки, утыканные острыми осколками камней, но в руках прианурцев это было грозным оружием, особенно когда стрелки, абсолютно невидимые, начинали обстрел с ветвей деревьев.

Победить эти отряды не было никакой возможности – они протекали сквозь пальцы стальных кулаков имперских легионов словно вода. Ещё непостижимее были нравы дикарей. Несколько раз бывало так, что имперцы, наткнувшись на одну из деревень, находили её почти обезлюдевшей. Почти – потому что в ней не оставалось ни одного взрослого человека. Мужчины и женщины уходили, но (и это повергало легионеров в шок) оставляли в деревне совсем маленьких детей – тех, что могли бы стать обузой для всех, а также немощных стариков.

Этот циничный прагматизм не укладывался в головах солдат. Очевидно, что прианурцы предпочитали пожертвовать собственными детьми, лишь бы не поставить под угрозу выживание всего племени. Эта почти нечеловеческая простота, с какой они относились к собственным жизням, ставила в тупик цивилизованную логику.

Страшнее всего был тот нравственный выбор, который

прианурцы словно бы оставляли за завоевателями. Как правило, легионеры выжигали все деревни, которые попадались им. Но что было делать с теми, в которых оставались дети?..

Здесь, как правило, всё зависело от исполнителей. Кто-то, более суровый, отправлял солдат по брошенным хижинам на поиски детей. После этого их, всех кого удалось отыскать, помещали в одну из хат на окраине деревни, которую оставляли в целости. Правда, те детишки, что уже умели ходить, обладали прямо-таки звериной способностью прятаться, поэтому бывало так, что какой-нибудь двух-трёхлетний малыш выскакивал из уже горящего дома – если, конечно, успевал. Возможно, после ухода имперских солдат, жители деревни возвращались на пепелище и забирали своих детей. А возможно и нет...

Но бывало и так, что обозлённые и напуганные центурионы, уставшие от постоянных внезапных нападков прианурцев, просто отдавали приказ жечь деревню, не обращая внимания на вопли младенцев внутри пылающих хат. Это была война, и на ней вели себя как на войне.

Все понимали, что покорение Прианурья не случится за один год, а это значит, что через восемь-десять лет эти самые младенцы уже станут полноценными врагами. Действительно, среди убитых в схватках дикарей то и дело попадались трупы десяти-двенадцатилетних детишек, которые к этому возрасту уже вполне ловко управлялись с луком.

Не говоря уж о том, что в лесу прианурцам вообще не бы-

ло равных. Теперь, когда они знали, что к ним в дом пришла война, они быстро и умело сумели к ней приноровиться. Эти дикари умели создавать тайники, засады, целые подземные ходы в лесу. Они обладали неистощимым терпением и выносливостью – могли обходиться по нескольку дней без пищи и воды.

Иногда сразу с десятков прианурцев мастерски маскировались на какой-нибудь опушке, находя неприметные берложки под корнями, выкапывая для себя секретные укрытия, а иногда и вовсе – скрываясь прямо в густых кронах. Так они могли выждать день, а то и два или три. В двух шагах от них мог быть разбит лагерь какой-нибудь манипулы или даже центурии, и солдаты по десять раз могли ходить чуть ли не по своим врагам, может быть даже мочиться на них. А затем, когда бдительность кидуанцев притуплялась, когда какой-нибудь неосторожный легионер отходил зачем-то всего лишь на какие-то двадцать-тридцать шагов от лагеря – он уже больше не возвращался. И тела его найти не удавалось никогда.

То, что военная кампания обречена на провал, здесь, в Прианурье стало ясно уже давно, а вот в императорском дворце это признали лишь в конце лета, заплатив за это понимание жизнями примерно полутора тысяч солдат. Потери прианурцев, естественно, никто не подсчитывал, и даже они сами.

Запоздало император Деонед понял, почему его покой-

ный родитель оставил на время решение восточного вопроса – очевидно, что простыми методами решить его было нельзя. Завоевать Прианурье только лишь силами легионов было попросту невозможно – точно так же, как нельзя было подчинить своей воле зверьё, живущее в прианурских лесах.

К началу осени пришёл долгожданный приказ отводить легионы на запад – вот-вот могли начаться дожди, которые сделали бы переброску войск трудновыполнимой задачей. Бойцы с облегчением покидали эти хмурые чащобы, которые стали могилой для многих из их товарищей. Однако все понимали, что рано или поздно сюда придётся вернуться.

Для разбора итогов император вновь собрал Большой совет, и вновь на нём не оказалось Драонна. Делетуар снова прикрыл юного принца и сослался на то, что тот был вынужден спешно уехать по делам. Впрочем, Деонеду, кажется, и не было до этого никакого дела, тем более что разбираемые вопросы были не в компетенции Драонна. Главное, что был Делетуар, который в данной ситуации стоил их обоих.

После тяжёлого и довольно взвинченного разговора, в котором Деонед пытался переложить ответственность за неудачи на всех присутствующих, тем не менее, сложилась определённая картина происходящего, а также некоторое понимание того, что следует сделать.

Было решено, что завоевание Прианурья возможно лишь единственным способом – физическим захватом этих земель, полноценная их колонизация. Необходимы были горо-

да, которые станут контрольными пунктами на завоёванной территории, нужны дороги, по которым можно будет перебрасывать войска, нужны множественные поселения на расчищенных от леса территориях, чтобы эти самые войска прокормить.

Но для этого необходимо было сперва как следует обжить восточные земли самой империи, а именно – приграничные области Пелании, огромные территории от палатийских равнин до самых границ Саррассанской империи.

Уже будущей весной император повелел начать ставить четыре города-крепости вдоль границ. Работа будет долгой и кропотливой – пройдут годы, прежде чем встанут эти города. Тогда уже можно будет строить селения вокруг них, которые смогут чувствовать себя в относительной безопасности под защитой городских гарнизонов.

В общем, стало понятно, что покорение Прианурья – дело не одного десятилетия, и Деонед явно поспешил утверждать, что его преемник уже не столкнётся с этой проблемой. Совершенно очевидно, что масштабы данной кампании совершенно не позволяли уделять достаточное количество ресурсов ещё и для освоения относительно спокойных палатийских территорий. Их решили оставить на потом, прекрасно понимая, что «потом» это будет ещё очень нескоро.

Делетуар пережил императора Родреана всего на три с

небольшим года. Из них больше двух лет ушло на борьбу с тяжёлой и мучительной болезнью. Как и многие очень тучные люди, бывший канцлер обладал целым букетом заболеваний. В последнее время у него начались серьёзные проблемы с почками – жесточайшие колики, которые неделями держали его прикованным к постели.

Возможно, понимая, что конец близок и неизбежен, Делетуар не делал ни малейших попыток как-то лечиться. Точнее, он лечил симптомы, и в первую очередь – боль. Для этого медикусы прописывали ему различные пилюли и порошки, большинство из которых имели ярковыраженное наркотическое действие. В конце концов страдающий от страшнейших болей Делетуар стал принимать средства на основе кашаха. Увы, это сказалось на его личности – временами Делетуар почти терял связь с реальностью, находясь в дурмане наркотических грёз.

Драонн нечасто виделся с бывшим канцлером. Пользуясь тем, что про него, судя по всему, все забыли, большую часть времени он проводил дома, приезжая в Кидую несколько раз в год на одну-две недели, редко – на месяц. То подвешенное положение, в котором он находился, угнетало его всё сильнее. Поначалу юношу так и подмывало попросить аудиенции у Деонеда, чтобы подать в отставку со своей странной должности. Однако Делетуар всякий раз убедительно уговаривал его этого не делать.

– Кто знает, как повернутся дела в дальнейшем, – увеще-

вал он. – Неужели эта должность столь обременительна для вас? Живите своей жизнью, друг мой, но имейте в рукаве хотя бы такой, плохонький козырь. Я здесь и всегда могу взяться за дело, если оно представится.

– Но император платит мне жалование, которого я не заслуживаю, – морщась, проговорил Драонн.

– О, боги! – фыркнул бывший канцлер. – Стоит ли об этом волноваться? В государстве сотни и сотни бездельников, которые получают жалование из казны, не делая ничего взамен! Зайдите во дворец – каждый второй, которого вы там встретите, живёт за счёт его величества, при этом зачастую даже толком не зная, за что же он отвечает. Прошу вас, ваше высочество, не стоит считать деньги императора! То жалование, что он выплачивает вам, вполне возможно – одно из наименее бесполезных его вложений. Тем более что вы уже успели заслужить все права на благодарность со стороны империи!

И Драонн смирился, оправдываясь тем, что возможности встретиться с императором у него нет – ни его, ни Делетуара не звали на заседания Малого совета, а просить о личной аудиенции юноша не смел. Он положился на опыт человека, много лет прошедшего на вершине власти. Если Делетуар говорил, что всё будет нормально – значит, так оно и будет.

Так и вышло, что с тех пор Драонн бывал в Кидуе наездами, а потому для него разрушительные перемены, что происходили с Делетуаром, были ещё более заметны. И он на-

блюдал их с глубокой печалью.

Сперва у бывшего канцлера стали отказывать ноги, не в силах больше носить его необъятные телеса. В один из приездов принц не обнаружил Делетуара в его кабинете, который оставался за ним даже после столь масштабного понижения в должности. Суассар, который был на месте, объяснил, что хозяин уже около двух недель не встаёт с постели из-за жутких болей в коленях. Драонн тут же бросился в помпезный особняк, в котором много лет проживал канцлер.

Как и сообщал Суассар, Делетуар лежал в кажущейся бескрайней кровати. Выглядел он лучше, чем напредставлял себе юноша – во всяком случае не корчился и не стонал от боли. При этом бросалось в глаза и то, что он заметно увеличился в объёмах. Объяснение этому долго искать не приходилось – рядом с кроватью стоял стол, буквально уставленный яствами.

Тогда разговор получился недолгим – Драонн отчего-то испытывал чувство неловкости, глядя на Делетуара. Он словно смотрел на немощного и беспомощного отца, который когда-то казался огромным и таскал его за вихры, а теперь едва мог поднять от подушки трясущуюся голову. Да и говорить особенно было не о чем. Ни в жизни Драонна, ни в жизни империи ничего особенного не происходило.

Пробыв в столице несколько дней, юноша вновь уехал в Доронион. А когда он приехал спустя пару месяцев, в самом начале осени, то Делетуар уже был неизлечимо болен страш-

ной почечной болезнью. Конечно, болезнь эта возникла не вдруг, и медикусы давно предупреждали канцлера, что периодические тянущие боли в спине когда-то выльются в нечто большее, однако беспечный толстяк и не подумал хоть что-то поменять в своём образе жизни и привычках.

Вот и теперь он стал, кажется, ещё толще, возвышаясь на мягкой перине громадной бесформенной кучей, укрытой тонким одеялом. И снова – большое количество сладостей и вина. Только на этот раз вид у старого канцлера был откровенно неважный – желтизна кожи, выдававшая проблемы ещё и с печенью, отёчность, синяки под глазами. И почти не сходящая с лица гримаса боли.

Однако Делетуар всё ещё бодрился и в разговоре с Драонном намеренно говорил больше о делах государственных – обсуждались вопросы освоения восточной Пелании и те проблемы, что доставляли в этом прианурские племена. При этом всё, что было связано с их прямой деятельностью, намеренно оставалось за скобками разговора. Как однажды метко сказал сам канцлер – нетрудно заниматься тем, чего нет. И если и можно было что-то сказать об имперской политике в отношении лирр, то это то, что её не было. Точнее, она оставалась ровно такой же, какой была и до мятежа.

С каждым следующим приездом Драонн заставлял Делетуара всё в более худшем состоянии. Было очевидно, что ему уже не выкарабкаться. И довольно скоро юноша понял, что старик принимает какие-то очень сильные обезболивающие

вещества. Собственно, Делетуар этого и не скрывал. Во время одного из визитов юноши, вероятно, устав от всё нарастающей боли, он в конце концов попросил принца удалиться.

– Не думаю, что со мной будет о чём поговорить после кашаха, – горько усмехнулся он.

В следующую встречу (она была предпоследней) Делетуар уже с трудом ворочал языком, а его слезящиеся глаза словно не могли больше долго фокусироваться на чём-то одном. Визит оказался коротким – Драонн вышел уже через четверть часа в совершенно подавленном состоянии. За это время бывший канцлер едва ли произнёс несколько фраз, причём половина из них были лишь какими-то обрывками мыслей, не имеющими ни начала, ни конца.

Для Драонна куда непереносимее чем смотреть, как погибает тело его друга, было видеть, как потухает его могучий ум. Казалось невероятным, что этот колосс, эта глыба так легко рухнул под действием наркотиков и боли. Глядя на нынешнего Делетуара, уже нельзя было поверить, что ещё каких-то полгода назад это был один из величайших и умнейших людей империи.

Также стало ясно, что теперь их департамент по делам лирр оказался вовсе без руководства. Два главы, один из которых был в постоянных отъездах по личным делам, а другой не выпадал более из наркотического бреда, теперь вряд ли могли сойти даже за одного полноценного. Ясно, что продолжаться так больше не могло. Поэтому Драонн отправил за-

писку второму канцлеру Шавьеру с просьбой об аудиенции.

Ответ пришёл – хотя и с явным запозданием, но положительный. В назначенный час юноша прибыл в кабинет канцлера, который находился не так уж далеко от кабинета Делетуара. Шавьер принял своего непосредственного подчинённого вежливо, но явно холодно.

Драонн решил поговорить с этим человеком начистоту. Он признал, что в последние годы не уделял никакого внимания своей работе, полностью полагаясь на Делетуара. Он понимал, что для Шавьера это не было каким-то откровением – тот скорее был удивлён, что Драонн пришёл к нему теперь, чтобы поговорить об этом.

– Для чего вы рассказали мне всё это, сударь? – наконец спросил канцлер.

– Чтобы сказать, что отныне я буду здесь и стану исполнять свои обязанности как должно.

– И что же входит в круг ваших обязанностей? – чуть искривив верхнюю губу, осведомился Шавьер.

– Обеспечение благополучия моего народа... – чуть замешкавшись, ответил Драонн.

– Вовсе нет, лорд Драонн. Ваша обязанность заключается в том, чтобы исполнять *мои* распоряжения, если они касаются вашего народа. Однако, будь здесь милорд Делетуар, он бы подтвердил, что подобных распоряжений от меня ни разу не поступало. Так что вы можете с чистой совестью ехать к своим жене и дочери. Здесь всё хорошо.

– О какой чистой совести может идти речь, если я получаю плату за то, чего не делаю? – возразил Драонн, которому большого труда стоило сохранить видимость спокойствия.

– И почему вы озаботились об этом именно сейчас, спустя несколько лет? – уже с неприкрытой насмешкой поинтересовался канцлер.

– Я озаботился этим, как вы изволили выразиться, с первого дня, когда вы стали канцлером, милорд! – отчеканил Драонн вдруг поняв, что ему больше нечего терять. – Я видел, что вы вовсе не заинтересованы в работе нашего департамента. Я не стану сейчас комментировать ваши приоритеты, поскольку это не моё дело и не моё право, но я хочу сказать, что не желаю больше служить куклой, которая существует лишь для того, чтобы убеждать других, будто империю заботят чаяния лирр. Я шёл сюда, чтобы сообщить о том, что я остаюсь и готов работать, но теперь я прошу отставки, милорд.

– Отставку вам может дать лишь его величество, сударь.

– Уверен, что за этим дело не станет, милорд.

– Вы правы, – как-то по-змеиному улыбнулся Шавьер. – За этим дело не станет. Ожидайте известий, я не думаю, что это займёт много времени.

Молча поклонившись, Драонн вышел из кабинета. Действительно, уже на следующий день курьер принёс в его особняк скреплённую гербовой печатью бумагу, в которой сообщалось, что лорд Драонн Доромионский освобождён от

должности главы департамента по делам лирр с назначением ему ежегодного пенсионного пособия в шестьдесят рехт.

Юноша едва сдержался, чтобы в сердцах не разорвать бумагу. Эта пенсия, что была ему выделена – с одной стороны, она была обычным делом в подобных делах, но с другой... Он ни секунды не сомневался, что Шавьер с особым удовольствием вписал это условие. Шестьдесят рехт в год – не бог весть какие деньги, но второй канцлер прекрасно знал, сколько досады эта подачка доставит гордому принцу.

Что ж, по крайней мере, он более не был связан никакими обязательствами, кроме обязательств в отношении Делетуара, и мог со спокойной душой возвращаться в Доромион – теперь уж навсегда. Но перед отъездом он зашёл в особняк Делетуара и попросил Суассара, чтобы тот дал знать ему, когда хозяину станет совсем плохо. Драонн понимал, что никогда не простит себе, если не успеет проститься с этим человеком.

И вот тот голубь, которого ждал Драонн, прилетел. Суассар сообщал, что Делетуар стал совсем плох, и что медикусы очень сомневаются, что он проживёт больше трёх недель. Принц, не мешкая, собрался в дорогу. Благо, ещё только начинался месяц пириллий и можно было рассчитывать добраться до Кидуи по сухим хорошим дорогам.

Драонн очень спешил. Он мчался, едва не загоняя лоша-

дей, поскольку боялся не успеть, и уже на восьмой день он был у порога особняка Делетуара, весь покрытый пылью и жутко уставший.

Увы, в некотором смысле спешка оказалась ненужной. Старик был ещё жив, но вошедшего Драонна он, кажется, уже не узнал. Умиравший лежал, тяжело дыша и почти не открывая глаз, похожий на громадного кита, выброшенного на берег. Выглядел он ужасно – грязно-жёлтая кожа, отёки, настолько сильные, что почти до неузнаваемости исказили лицо бывшего канцлера, но главное – совершенно бессмысленный взгляд. Драонну подумалось, что совсем не таким он хотел бы запомнить этого великого человека.

Лиррийскому принцу отвели комнату прямо в особняке Делетуара, так что он, несмотря на какой-то почти детский страх и даже некоторую брезгливость, частенько заходил к умирающему канцлеру, чтобы просто посидеть рядом немного. Нельзя сказать, что он постоянно вспоминал при этом былые деньки и скорбел по лежащему перед ним человеку – чаще его мысли уходили вообще далеко-далеко от этого места, ища спасения от всего этого кошмара в Доромионе.

Канцлер уже больше не мог самостоятельно вдохнуть порошок кашаха, а потому медикус, едва Делетуар начинал стонать и дышать ещё тяжелее обычного, нисколько не стесняясь присутствующего здесь илира, периодически вводил раствор наркотика прямо в вену через специальную золотую

трубочку. В комнате стоял весьма тяжёлый запах, густо замешанный на поте, моче и испражнениях, и всегда царила полутьма. В общем, всё это позже вспоминалось юноше как один сплошной смрадный кошмар.

И всё же Делетуар, как и почивший ранее император Родреан, был из той породы титанов, что всё реже встречаются в наше время. И так же, как и Родреан, старый канцлер цеплялся за жизнь с упорством, заслуживающим удивления и уважения. Вместо отведённых ему трёх недель он прожил почти два месяца – два самых долгих месяца в жизни Драонна, как ему тогда казалось.

Погребение бывшего второго канцлера империи было обставлено очень пышно, даже помпезно. Сразу двенадцать носильщиков, потев, несмотря на весьма прохладную осеннюю погоду, несли огромный саркофаг, по размерам своим совсем чуть-чуть не дотягивающий до настоящего мавзолея. Кроме того, что тело Делетуара весило все шестьсот фунтов, сам саркофаг был из толстого драгоценного дерева, да ещё и покрыт щедрым слоем позолоты.

По распоряжению императора Деонеда Делетуара захоронили на погосте рядом с центральным храмом Арионна, в подвалах которого стояли каменные саркофаги с останками императоров Кидуи. Это была великая честь, которой достаивался не каждый член императорской семьи. Однако Драонн, глядя на всё это благолепие, с горечью думал, что окажи император своему канцлеру хотя бы толику этих по-

честей при жизни, тот, возможно, до сих пор был бы жив.

В тот же вечер принц Драонн покинул Кидую, надеясь больше уже никогда в неё не вернуться.

Глава 20. Магиня

В последующие годы Драонн окончательно превратился в провинциального помещика. Ни он, ни Аэринн никогда не жалели об упущенной столичной жизни. Доромион стал для них самым счастливым местом на земле. Они лишь изредка выезжали в Кассолей, чтобы навестить родителей Аэринн, но и то принц к своему удовольствию заметил, что его жена уже не воспринимает родной замок как свой дом. Она так и говорила «погостить», «в гости», и, находясь там, говорила, что следует возвращаться «домой».

Вообще нельзя не заметить, что при новой молодой хозяйке Доромионский замок заиграл новыми красками. Стало меньше паутины в углах коридоров, зато больше клумб и цветов. Там, где раньше на каменном полу лежали разве что волчьи шкуры, а то и вовсе не лежало ничего, теперь стелились искусно сотканые саррассанские ковры. Да что ковры! На одни только свечи Драонн теперь ежегодно тратил немислимые шесть рехт, поскольку принцессы Аэринн и Билинн терпеть не могли тёмных комнат, а от чада факелов у малыотки начинался кашель и головные боли.

Однако Драонн готов был бы тратить на свечи не то что шесть, а и все шестьдесят рехт, если бы это потребовалось. Он не чаял души в обеих своих «девочках», как он обычно теперь совокупно именовал жену и дочь. В деньгах недостат-

ка не было, поэтому принц охотно удовлетворял любые прихоти жены.

К счастью, при всей лёгкости и весёлости нрава, Аэринн не слишком-то жаловала шумные светские мероприятия, поэтому за всё время, что минуло с отставки Драонна, они лишь дважды собирали у себя приёмы, и также лишь дважды сами выезжали на таковые к соседям.

Жизнь Драонна была наполнена счастливой гармонией – он мог часами отдаваться чтению книг, коих он закупил очень много в Кидуе. Иной раз он делал пометки в специальном журнале из настоящего пергамена в дорогом переплёте, который подарила ему жена. Юноше очень нравилось, насколько плавно и гладко скользит перо по тончайшей коже. Ему нравилась благородная желтизна страниц, то, как они лоснились на изгибе в свете свечей. И особенно ему нравилось вписывать туда особо понравившиеся мысли мудрых авторов.

Как раз в тот год, когда умер Делетуар, Биби наконец начала самостоятельно ходить. В этом не было ничего необычного – мы уже знаем, что лирры развивались медленнее людей, так что начать ходить в трёхлетнем возрасте – это было вполне нормально. В общем, Биби стала понемногу ходить сама, и у Драонна всякий раз сладостно сжималось сердце от восторга и счастья, когда он слышал этот drobный топот у дверей своего кабинета. Ему очень нравилось, когда его отвлекали от чтения именно так.

Или же Аэринн, пользуясь тем, что Билинн уводила кормилица, пробиралась в его обитель. В такие минуты ему нравилось делать вид, что он не замечает приближения жены. Аэринн охотно включалась в игру – она осторожно, на цыпочках подходила к Драонну сзади и, нежно положив обе своих тонких прохладных ладошки ему на голову, некоторое время стояла за спиной и вместе с ним читала из книги, или же, приятно шепча себе под нос, зачитывала те цитаты, что он выписал в свой журнал. Этот шёпот особенно возбуждал юношу, так что он быстро бросал чтение, подхватывал девушку и нёс её на отличный диван, стоящий здесь же, в комнате.

Шли годы. Биби начала лопотать свои первые слова уже к четырём годам, а в шесть лет её уже могли понять не только родители и кормилица, но и бабушка с дедушкой, когда молодое семейство навещалось к ним ненадолго. Девочка росла очень бойкой и всё больше напоминала свою маму. И конечно же, она была предметом не только отцовской гордости.

Даже хмурый обычно Ливейтин не умел сдерживать улыбки, когда видел свою любимицу. Старый воин, который куда чаще держал в руках лук и меч, нежели какие-то другие инструменты, внезапно открыл в себе талант настоящего резчика по дереву. Особенно хорошо ему удавались лошади, так что стоило ли удивляться, что вся комната Билинн была заставлена деревянными фигурками лошадок и других живот-

ных!

Ну а принц Драонн, живя в этом раю, боялся лишь одного – спугнуть счастье. Всё было настолько хорошо, что невольно в душе поселялась тревога – раз уж лучше быть не могло, то, вероятно, рано или поздно должно было стать хуже. Он упорно гнал от себя подобные мысли, но они неизменно возвращались подобно назойливым мухам.

Собственно, беды пока совсем ничто не предвещало. Неизвестно, насколько хороша была стратегия нового императора – делать вид, что никаких размолвок между людьми и лиррами не было – однако же она худо-бедно работала. В свои редкие наезды в Шедон Драонн вновь видел привычные улыбающиеся лица встречаемых людей.

Он вновь мог обсудить со старым рыбаком Калло дурные ветры, то и дело теперь дующие с севера и, по уверению старика, гонящие рыбу прочь из залива. Хотя лиррийский принц подозревал, что старый пройдоха просто пытается таким образом набить цену на свой товар, он не подавал виду и исправно платил ту плату, что заламывал рыбак. Не за рыбу платил, а за эту вот непринуждённую болтовню.

И галантерейщица Тарсс, плотно сбитая баба средних лет, никогда не отпускала его из лавки без цветной ленточки или дешёвой медной брошки – для малышки Биби. А уж если принцу случалось бывать в ратуше, заметно постаревший секретарь Дарги не отпускал его добрых полчаса, рассказывая всё и обо всём, и неизменно пытаясь угостить дорогого

гостя кружкой эля, который он варил сам и которым весьма гордился. Юноша, никогда не переносивший вкуса эля, неизменно отказывался, чем приводил добрейшего секретаря в полное уныние.

В общем, жизнь Драонна была прекрасна, и, как ни странно, именно это его и беспокоило. Однажды он даже поделился этими мыслями с Аэринн. Девушка рассмеялась абсурдности этих страхов, а затем обняла мужа и прошептала:

– Ты заслужил право просто быть счастливым. Арионн милостив, и он вознаградил тебя за всё, что ты сделал и пережил. Прими это с благодарностью.

Признаться, Драонн не находил подобный аргумент слишком уж убедительным, но вот ласки Аэринн, конечно, позволяли ему отвлечься от своих переживаний хотя бы на время.

Первая весточка грядущих перемен произошла много позже, когда Билинн исполнилось двенадцать. Она выросла на загляденье – умная и красивая девочка, которая действительно всё больше походила на Аэринн не только характером, но и внешне. В целом она была совершенно обычным ребёнком – в меру шаловливая, в меру капризная, но при этом склонная к той самой задумчивости, что была так свойственна её отцу.

Тем летом у них гостило семейство Кассолеев, причём на сей раз приехала и Дайла. Магиня была в неизменно чёрном

одеянии, скорченная в своём кресле. Надо признать, Биби явно недолюбливала свою тётку. Во время поездок в Кассолей она вообще старалась избегать Дайлу и заметно нервничала в её присутствии. Здесь же, в стенах своего дома, она была чуть смелее, но всё же не могла скрыть отвращения, когда ей пришлось подойти и поцеловать восковый лоб магии. Впрочем, если Дайлу это как-то и задевало, она не подавала виду.

Вот и теперь, когда Билинн быстро чмокнула её, тут же отдёргнувшись, словно коснулась губами раскалённого котла, Дайла сохранила ту же невозмутимую мину, с какой она обычно и восседала в своём кресле. Однако буквально через несколько секунд это равнодушие вдруг растаяло на её лице, и магия внимательно вгляделась в девочку. Этот странный взгляд заметили все, в том числе и сама Биби, которая тут же юркнула за надёжную мамину спину. Наверное, она показала бы сейчас колдунье язык, если бы посмела.

Дайла быстро совладала с собой, и уже через минуту ничто не напоминало об этом странном инциденте. И он на какое-то время вылетел из головы Драонна, который сейчас больше думал о том, как бы достойно принять нагрянувшую родню.

Тему вновь подняла уже Аэринн – ночью, когда они оба были в постели и готовились ко сну.

– Ты заметил, как странно смотрела сегодня Дайла на Биби?

– Ну а кому понравится, когда собственная племянница шарахается от тебя, как от огня? – пожал плечами Драонн, но эта мысль, брошенная Аэринн, внезапно ноющей занозой засела и в его мозгу.

– Вряд ли дело в этом, – озабоченно покачала головой Аэринн. – Здесь что-то другое. Она словно что-то увидела в Биби.

– Ты хочешь сказать?.. – во рту Драонна внезапно пересохло и стало очень мерзко.

Аэринн не отвечала, лишь сидела, насупившись, машинально проводя гребнем по своим тонким волосам. Видя, что она молчит, Драонн был вынужден сам закончить свой вопрос.

– Думаешь, она чувствует, что Биби может стать магической?..

– А разве они способны такое чувствовать? – вскинулась Аэринн.

Конечно, все знали, что угадать в девочке будущую магию практически невозможно – по крайней мере, если такой способ и существовал, то пока ещё был неизвестен. Магия для лирр была даром, граничащим с проклятием. Угадать предрасположенность к работе с *возмущением* было сложно и у людей, и у гномов. Но это было всё-таки возможно, и опытный маг мог, потратив известное количество времени, довольно точно определить – стоит ли дальше тратить силы и время на обучение того или иного претендента. У лирр всё

было куда сложнее.

В отличие от людей и гномов, лирры изначально были существами, если так можно выразиться, магическими. То есть их чувствительность к *возмущению* изначально гораздо выше, чем у других рас. Причём это касается как мужчин, так и женщин. Казалось бы, они изначально созданы для волшебства, но это было не так.

В Сфере всё так или иначе подчиняется закону равновесия. Это не только непреложный закон – это основа самого существования Сферы, защита от неизбежного Хаоса. И этот жестокий, но справедливый закон означал, что если лиррам будет много дано в одном, то непременно взыщется в чём-то другом, чтобы компенсировать это отклонение от равновесия. И одним из таких ограничений было то, что лирры-мужчины, ощущая *возмущение* всеми порами души и тела, не имели возможности использовать его – подобно курицам, имеющим крылья, но не могущим летать.

Второе ограничение было куда хуже первого – женщины-лирры, которые имели предрасположенность к магии, платили за это страшную цену. Возможность работать непосредственно с *возмущением* каким-то образом воздействовала на весь организм – становясь магиней, женщина претерпевала тяжкие телесные трансформации. По-видимому, это было очередное проявление закона равновесия – чем больше духовных, говоря условно, сил приобретала магиня, тем ужаснее были потери сил телесных.

Мы уже говорили, что Дайла, например, претерпела существенные изменения в скелете – её конечности словно пытались скрутить узлом, да и позвоночник, особенно в шейном отделе, был искривлён совершенно противоестественным образом. Совершенно очевидно, что всё это причиняло женщине чудовищную боль.

Взамен, правда, лирийские магини получали магию более мощную и свободную, нежели у других народов. Правда, не все знали, что потом с этой магией делать. Конечно, многие поступали в обучение к другим магиням, пытаясь постичь премудрости работы с *возмущением*, ведь сама по себе склонность к колдовству не делала ещё их настоящими волшебницами. У каждого разумного существа есть руки, но далеко не каждый с помощью этих рук может поставить дом или бить без промаха из лука. Так и здесь – боги давали несчастным лишь условные магические «руки», но учиться пользоваться ими нужно было самостоятельно.

Некоторые – такие как Дайла, например, не имея то ли честолюбия, то ли силы воли, вообще пускали всё на самотёк. Старшая сестра Аэринн, будучи достаточно сильной волшебницей, тем не менее отказалась покинуть родной замок и отправиться учиться, хотя вначале ей делались подобные предложения от нескольких довольно известных магинь.

Для многих это казалось несусветной глупостью – если уж у тебя многое отняли, то следует, по крайней мере, компенсировать это чем-то иным. Но Дайла неизменно отвечала на

подобные слова одно и то же – «я потеряла много, и не хочу потерять ещё больше», имея в виду, конечно, свою семью. Правда, таких как Дайла было явное меньшинство.

Нельзя не отметить, что физические увечья были не самой страшной проблемой для потенциальных магинь. Примерно одна девочка из семи погибала в страшных муках от внутренних кровоизлияний, разрывов органов или просто болевого шока. Многие великие магини работали над созданием эликсиров и снадобий, которые могли бы как-то помочь несчастным, но пока особенных успехов достигнуто не было, поскольку непонятым оставалась главное – сама природа происходящего.

Так что несложно понять, почему эта мысль вызывала такой ужас у Драонна и Аэринн. Последняя вообще не понаслышке знала о том, что такое быть магиней – хотя она и была гораздо моложе Дайлы, так что не могла видеть её ни до её превращения, ни во время него, но по скучным рассказам сестры и по подавленным вздохам матери она могла представить, насколько это страшно.

Вообще, конечно, риск был велик. По неким необъяснённым пока причинам магинями становились только девочки-первенцы. Случаев, когда старшая дочь осталась обычной, а последующая внезапно претерпевала магические изменения, было так мало, что хватило бы и пальцев одной руки, чтобы сосчитать их все. И ни один из них не был со счастливым концом – все они не выживали.

И хотя склонность к магии, кажется, не была наследственной, однако множество неблагоприятных факторов сплотилось вокруг Биби, так что можно было бы ожидать худшего. И для Аэринн, и для Драонна этот исход был определённо худшим – здесь они отличались от многих честолюбивых родителей, которые очень радовались, если их дитя становилось магиней.

– Поговори завтра с Дайлой, – как можно мягче и спокойнее сказал Драонн, понимая, что его жена на взводе. – Может быть мы просто напридумывали себе чего-то.

– Хорошо, – устало произнесла Аэринн и, отбросив наконец гребень, откинулась на подушки.

Какое-то время они лежали молча, не туша свеч. Ни он, ни она не смыкали глаз, глядя в тьму, сгустившуюся под потолком.

– Я пойду сейчас, – резко скидывая с себя одеяло, вновь села Аэринн. – Иначе я не усну.

– Но Дайла, возможно, уже спит... – робко возразил Драонн.

– У неё вечная бессонница, – поморщилась словно от боли Аэринн. – Уверена, что она не спит.

Встревоженная девушка не взяла даже свечи – за столько лет она изучила уже каждый уголок замка, а кроме того, не хотелось потревожить кого-нибудь случайным отблеском света.

– А я всё гадала – придёшь ли, или вытерпишь до утра, – глухим, скомканным страданиями голосом прокаркала Дайла из своего кресла.

Аэринн с болью, к которой теперь добавились и новые переживания, смотрела на искорёженное тело сестры, которое даже ночью не покидало своего громоздкого узилища, поскольку Дайла не могла без жуткой боли лежать в постели из-за неестественных изломов её позвоночника и членов. Неужели и её Биби будет обречена на подобное?

– Ты что-то почувствовала? – без обиняков спросила Аэринн, уже зная ответ – сам факт того, что магиня ждала её прихода, говорил о многом.

– Почувствовала, только сама не знаю – что. В Билинн что-то есть, но станет ли она магиней – этого я не знаю.

– У тебя в детстве были какие-то признаки? – Аэринн вдруг стало зябко и неуютно стоять на холодном полу, так что она с ногами забралась на всё равно пустующую кровать.

– Кто знает? – слегка повела торчащим кверху плечом Дайла. – Рядом со мной не было магинь, которые могли бы что-то почувствовать...

– А ты сама?

– Я была ребёнком. Что я могла почувствовать? А если и чувствовала – как я могла понять, что это ненормально?

– А мама никогда не замечала в тебе ничего?

– А ты что-то заметила в Билинн? – вопросом на вопрос

ответила Дайла.

– Ничего, – покачала головой Аэринн, чувствуя, что ей очень хочется расплакаться. – Она – совершенно обычный ребёнок! Она абсолютно нормальна!

– Не переживай раньше времени, Айри. Вполне вероятно, что твоя дочь вырастет обычной лиррой, такой же, как ты. Я клянусь тебе, что не знаю её судьбы. Да, сегодня на мгновение я что-то ощутила, но сама не знаю – что. Может, это тот стакан молока, который я выпила у фермера по дороге к вам, – неловко попыталась пошутить магиня.

Аэринн сделала попытку улыбнуться – столь же неловкую, надо сказать. На девушку сейчас жалко было смотреть.

– Если рассуждать философски, то переживать вообще бессмысленно. Ведь ты ничего не сможешь изменить. Если ты вобьёшь это в свою голову, то обречёшь себя на десять-двенадцать лет постоянных страхов, которые – вне зависимости от того, подтвердятся ли они – отравят тебе жизнь. Мой тебе совет – постарайся забыть об этом.

– Да как об этом можно забыть?! – слёзы покатались по щекам Аэринн.

– Прости меня, – судорога пробежала по лицу Дайлы. – Это я виновата. До сего дня у тебя и мыслей таких не было. И это было правильно – каков шанс, что именно Билинн станет магиней? Один к тысяче? Или ещё меньше? В любом случае, это очень маленькая вероятность.

– Однако ты стала этой одной из тысячи!

– Тогда как девятьсот девяносто девять других остались нормальными! Ты сама знаешь – попасть из лука в створ крепостных ворот куда проще, чем в подброшенный оэр. Нет никаких причин думать, что Билинн сумеет это сделать!

– Но твои ощущения...

– К дьяволам мои ощущения! – скомканные связки магии не были предназначены для того, чтобы говорить на повышенных тонах, так что Дайла тут же поперхнулась кашлем. – Кто я такая? Калека с даром волшебства и неспособностью применить этот дар! Величайшие магии не способны определить тех девочек, кому суждено пройти *перерождение*, а ты всерьёз думаешь, что я вдруг сумею это сделать!

– Я не знаю, сумела ли ты убедить меня, – помолчав и осушив слёзы, вновь заговорила Аэринн. – Но советом твоим я воспользуюсь. Я приложу все силы, чтобы не думать об этом и жить так, как мы жили до этого дня.

– И это будет мудро. Более того, я думаю, что через несколько дней, когда ты немного успокоишься, ты сама гораздо лучше меня сумеешь убедить себя в том, что нет повода для беспокойства. Ступай к Драонну и скажи, что ему не о чем волноваться. Да и меня уже морит сон.

Последние слова были явной ложью, но Аэринн не стала спорить. Ей действительно стало немного легче, и она поспешила к мужу, чтобы, в свою очередь, вернуть спокойствие ему.

– Спасибо, Дайла! – благодарно произнесла она и вышла.

И уже здесь, за дверью, она вдруг подумала, что ей даже не пришло в голову поцеловать Дайлу, как это, казалось бы, было принято между сёстрами. И очень остро поняла, что, несмотря на всю свою любовь к старшей сестре, она всё равно всю свою жизнь считала её немного чужой, даже чуждой. И может быть впервые в жизни её стрелой пронзила мысль о том одиночестве, на которое Дайлу обрекла судьба помимо всех прочих страданий.

Никто в здравом уме не станет спорить с тем, что попасть стрелой в створ крепостных ворот несоизмеримо проще, чем в подброшенный медный оэр. Но иногда даже наугад пущенная стрела способна это сделать.

Билинн было почти двадцать три, когда у неё случилась первая менструация. И этот день стал для неё рубежом, переломившим жизнь на до и после.

Аэринн, находившаяся в своей комнате, услышала истошный, надрывный крик дочери. Выронив книгу, которую она читала (жизнь с Драонном привила ей столь же страстную любовь к чтению, что и у него), Аэринн, смертельно бледная и страшно напуганная, бросилась в комнату Биби. Туда же уже мчался не менее бледный Драонн, который находился внизу, в гостиной.

Билинн лежала на полу в луже собственной крови. Кровь эта текла, казалось, отовсюду сразу – из глаз, ушей, носа и

рта. Большое кровавое пятно расплывалась в её промежности. Юная девушка билась в конвульсиях. Её голова громко и страшно стучала о пол. Кровь пузырилась на губах, и крики постепенно тонули, захлёбывались в ней.

За минувшие годы и Аэринн, и Драонн сумели подавить в своей памяти страхи за судьбу дочери. Подобно тому, как кошмар, приснившийся ночью, утром становится совсем нестрашным в силу своей нереальности, так и подозрения обоих родителей, вызванные странными взглядами Дайлы, постепенно растаяли под бесконечными самоубеждениями в том, что они не имеют под собой никаких оснований. Они действительно сумели убедить себя, что ничего страшного не случится. И вот теперь, вбежав в комнату дочери, они на мгновение застыли в бессильном ужасе.

Драонн вышел из оцепенения первым. Он подскочил к Биби и обхватил ладонями её мокрый от крови затылок, не давая ему биться о твёрдый паркет. Затем подросла и Аэринн. Она перевернула дочь на бок, чтобы кровь изо рта спокойно вытекала наружу, не то Билинн просто захлебнулась бы ею. Что делать дальше – ни он, ни она не знали. Было ясно, что девочка теряет много крови, но совершенно непонятно было, как это предотвратить. Здесь не было открытых ран, которые можно было бы зажать руками.

Подхватив Биби на руки, Драонн перенёс её на кровать, совершенно не заботясь, что бельё будет безнадёжно испачкано. Кровь, кажется, текла теперь не так сильно, хотя поте-

ри уже были устрашающие. От боли или слабости девушка лишилась сознания. Теперь Драонн заметил, что вся кожа дочери покрылась красными точками лопнувших капилляров. Скорее всего, у неё было сильное внутреннее кровотечение, которое вполне могло привести к гибели.

Абсолютная беспомощность сводила с ума. Драонн уже послал одного из перепуганных слуг за знахаркой, что жила на одной из соседних ферм, но сомневался, что та сможет хоть чем-то помочь. Судя по всему, оставалось лишь уповать на то, что всё закончится более или менее благополучно. Принц знал, что от этой хвори на земле не существует лекарства – девушка, которая переживает *перерождение*, либо выживет, либо умрёт вне зависимости от усилий окружающих.

И действительно, через некоторое время кровотечение прекратилось, а Билинн затихла – по-видимому, судороги тоже отступили. Тем не менее, девушка находилась в глубоком забытии – она не приходила в себя даже после того, как Аэринн поднесла к её носу нюхательную соль. Явившаяся знахарка лишь с сожалением развела руками – здесь она была бессильна.

Больше суток Биби была без сознания. Она едва дышала и, если бы не многочисленные мелкие кровоподтёки под кожей, была бы бледнее самой смерти. И всё это время оба родителя не отходили от неё ни на минуту. Они осторожно обмыли дочь мягкими тряпками, смоченными в тёплой воде,

и переодели в чистую одежду, а также сменили испачканное кровью постельное бельё. Это было всё, на что они сейчас были способны.

Когда Билинн наконец в первый раз пошевелилась, оба тут же оказались рядом, стараясь улыбаться, хотя в душе оба корчились от горя. Но им хотелось, чтобы Биби увидела, что они совершенно не испуганы происходящим. Увы... Эта мера оказалась ненужной. Когда девушка кое-как всё же сумела приподнять веки, Аэринн, не сдержавшись, вскрикнула.

В глазах Билинн полопались все сосуды, и теперь там не было видно ни белков, ни зрачков – одна сплошная краснота. Биби ослепла, и было неясно – восстановится ли зрение. Надо сказать, что напрасно Аэринн душила в себе крик, прижав ладони ко рту – её дочь всё равно не могла её услышать, хотя надежда на то, что уши заживут, ещё оставалась.

Такова была плата, которую Билинн пришлось заплатить за возможность прикоснуться к магии.

Глава 21. Император Рион

Зрение к Билинн так и не вернулось. Краснота со временем ушла, но глазные яблоки уже не восстановились. Зрачки были мутными, словно их затянуло какой-то болотной жижей. К счастью, частично вернулся слух, хотя на это и потребовалось несколько месяцев. Внутренние органы, хвала богам, кажется, были не повреждены – во всяком случае, таких сильных кровотечений больше не наблюдалось.

Очевидно, что магические возможности, которые обрела Биби, были более чем скромными и не шли ни в какое сравнение со способностями, данными её тётё Дайле. Однако, в отличие от неё, Билинн сразу решила, что постарается научиться всему, что только сможет из себя выжать. И это решение стало очередным ударом для родителей, и особенно – для Аэринн. Мысль о расставании с дочерью казалось ей совершенно невыносимой.

Однако вскоре, к огорчению Билинн и тщательно скрываемой радости Аэринн выяснилось, что вероятность найти кого-то, кто стал бы обучать малоперспективную магиню, крайне мала. Если за Дайлой поначалу разве что не выстраивалась очередь из желающих передать ей магические умения, то здесь в тех трёх или четырёх случаях, когда Драонн имел возможность просить за дочь, он неизменно получал вежливый, но твёрдый отказ.

Вскоре после того, как Билинн почувствовала себя лучше, она на какое-то время уехала в Кассолей, поближе к Дайле. Племянница раньше не слишком-то благоволила к своей тётке, но времена изменились, и внезапно эта зловещая калека стала едва ли не самым близким для неё илитором.

Надо сказать, что Дайла не навязывала Биби свою точку зрения. Более того, она даже попыталась помочь, зная, что вызовет этим неизбежную ярость Аэринн. Но и скудные связи кассолейской магини не привели ни к каким результатам. Единственное, чем смогла помочь невольная наставница – книги. У неё хранилось несколько небольших книг, объясняющих самые простые основы – никаких тайн и секретов, лишь самые очевидные и базовые вещи.

Эти книги Дайла читала своей племяннице, а та жадно вслушивалась, иногда просила повторить какой-то фрагмент, словно пыталась вызубрить наизусть. Книги учили сосредотачиваться на *возмущении*, и именно этому Билинн теперь отдавала почти всё свободное время.

Она вернулась в Доромион спустя пять месяцев и с гордостью показала отцу, как она научилась метать небольшие огнешары, оставив пару подпалин на крепостной стене. Собственно говоря, это было почти всё, чему сумела научиться Биби, но об этом она, естественно, умолчала. Драонн же был настолько счастлив видеть дочь, что ему было совершенно наплевать – чем там она умеет теперь бросаться. Главное, что она уже не была так подавлена, как по отъезду в Кассолей.

Стало ясно, что с этим нужно учиться жить – и с тем, что случилось с Билинн, и с тем, что она собирается посвятить себя магии. И если Аэринн едва ли не каждый день внутренне благодарила Арионна за то, что дочь довольно легко пережила своё перерождение и её потери оказались достаточно нетяжёлыми, то на словах она полностью поддерживала Билинн, причём в какой-то момент она сумела добиться такой внутренней гармонии, что совершенно искренне делала и то, и другое.

В то же время в империи происходили очень значимые события, которые, собственно, и положили начало всем последующим катаклизмам.

Император Деонед оказался на удивление неплохим правителем, хотя поначалу у Драонна складывалось совершенно противоположное впечатление. Конечно, не всеми направлениями его политики он был доволен, в особенности тем, что касалось его народа, но, с другой стороны, между лиррами и людьми вновь был налажен хрупкий мир, события войны многолетней давности постепенно истёрлись если не из памяти его сородичей, то из более короткой памяти людей. С той войны прошло больше двадцати лет, и большинство из тех, кто воевал тогда, нахлобучивая на голову мерзкие красные береты, теперь уже гнили в земле. Ну а лирры, которые, возможно, помнили всё и далеко не всё простили, кажется,

не собирались разжигать новый пожар. Хвала богам – Лейсианы появляются не каждый год!

Конечно, нельзя не отметить сложное положение на востоке империи. Грандиозная кампания по освоению восточных пределов – главное дело жизни Деонеда – откровенно застопорилась. За минувшие двадцать с лишним лет из обещанных когда-то четырёх больших приграничных городов более-менее отстроены были лишь два – Бейдин и Колион, да и те назвать большими можно было лишь с огромной натяжкой.

На переселение требовалось большое количество денег, которых в казне явно не хватало. Изначально Деонед предполагал заселить приграничье добровольными переселенцами из других провинций – главным образом из Лиррии и Ревии, где людское население, особенно из числа бедноты, не чувствовало себя так уж комфортно. Колонистам выдавались единоразовые подъёмные в полрехты на душу, а также их освобождали от податей на пять лет. Уже одно это создало непомерную нагрузку на казну, так что вскоре подъёмные сперва сократили вчетверо, а затем и отменили вовсе.

Это значительно уменьшило поток желающих. Тогда император попытался было ввести указ, по которому каждый сеньор обязан был выделить по одному крепостному из каждых двадцати для переселения на восток с одновременным дарованием свободы последнему, но это вызвало такое брожение в умах знати, что до подписи скандального указа дело

так и не дошло.

Первоначально Деонед объявлял, что через десять лет в восточной Пелании будет жить до сорока тысяч человек – вполне достаточно, чтобы окончательно застолбить эти территории за собой и создать прочный задел на будущее покорение Прианурья. Однако прошло уже больше двадцати лет, а, с учётом местного населения, в тех краях по-прежнему проживало не более пятнадцати-двадцати тысяч.

Возможно, именно это и не позволило Деонеду проводить более блистательную политику – все его ресурсы, всё его внимание, все его мысли раз и навсегда завязли в комариных топях востока. Палатийцы, предоставленные сами себе, кажется, понемногу стали помышлять о возвращении независимости. До большого восстания дело пока не доходило, но отдельные небольшие стычки уже случались. Поскольку Доромион, и особенно Кассолей, находились не так уж и далеко от палатийских земель, в будущем это могло представлять немалую опасность.

Хвала богам – на протяжении всех этих двадцати лет у Кидуи сохранялись неизменно ровные и дружелюбные отношения с Саррассой. Непоседливый южный сосед всю свою энергию направил на освоение северных берегов Калуи, в надежде в скором времени создать грандиозную по размерам и богатству колонию. Однако же саррассанцы столкнулись с той же проблемой, что и Деонед, так что обе великие империи теперь одинаково топтались на собственных задворках

с упорством хотя и похвальным, но не приносящим совершенно никаких плодов.

В году 2864 Руны Хесс случилось одно из тех событий, что меняют ход истории. У пятидесятишестилетнего императора Деонеда внезапно умер двадцатичетырёхлетний сын – первенец и наследник трона. Обычная увеселительная прогулка по морю закончилась внезапным кораблекрушением – океан был неспокоен, и в трюме открылась сильная течь. До берега оставалось всего каких-то пара кабельтовых²¹, когда небольшая фелука окончательно ушла под воду, зачерпнув волну сильно накренившимся боком.

Родреан, принц-наследник, был человеком ловким и сильным – и он, и трое матросов, и пара его друзей без проблем добрались до берега на шлюпке. Однако сильный ветер поднимал брызги так высоко, что до суши все добрались промокшими до костей и ужасно замёрзшими.

Обычная, казалось бы, простуда вскоре приковала принца к постели, из которой он уже так и не выбрался. Обширное воспаление лёгких привело к тому, что однажды Родреан просто задохнулся во сне. Так империя лишилась наследника трона, а император Деонед – сына.

У Деонеда было ещё трое детей – две дочери и сын, Рион, которому на тот момент исполнилось пятнадцать. Именно на его хрупкие (в прямом смысле слова) плечи теперь рано или поздно должно было лечь бремя власти. Однако Родреан и

²¹ Кабельтов – морская мера длины, примерно равная 185 метрам.

Рион были полными противоположностями друг другу.

Старший очень напоминал отца и деда – здоровенный медведь, решительный и смелый, предпочитающий кулаки любым другим аргументам в споре. В неполные шестнадцать он уговорил отца разрешить ему отправиться в приграничье на целых два месяца. Причём выбрал он не более или менее обустроенный Бейдин, а направился напрямик в Колион – убогий городишко, затерявшийся среди многовековых дубрав.

Он полностью поддерживал отца в его решениях, иногда проявляя в этом почти религиозную убеждённость. За четыре года до смерти он уже самостоятельно возглавил один из походов против прианурцев, когда те особенно стали досажать колонистам. В общем, отец был абсолютно убеждён, что после его смерти государственные дела попадут в правильные руки, мало чем отличающиеся от его собственных.

Другое дело – Рион. В раннем детстве мальчик перенёс тяжёлую болезнь, которая сделала его слабым и болезненно худым. Обычные мальчишеские забавы были ему недоступны ещё и в силу того, что Рион был удивительно неуклюж. В девять лет он едва не отсёк себе четыре пальца на правой руке отцовским кинжалом, который он, взяв поиграть без спросу, нечаянно выронил из рук и попытался поймать на лету, ухватившись за лезвие. В итоге было очень много крови и криков, а мизинец и безымянный пальцы на правой руке принца так и не смогли полностью восстановиться, так

что он ими почти не владел.

И так у младшего принца было всегда и во всём. В общем, трудно было представить себе двух более непохожих друг на друга братьев, чем Родреан и Рион. И если старший тяготел к сражениям и свершениям, то младший ничего так не любил, как забиться под одеяло с книгой. Причём книги он выбирал себе не по возрасту – никаких приключений, походов и войн. Риона привлекала религиозная философия. А ещё (и это нередко приводило отца в бешенство) он живо интересовался историей лиррийского народа, и особенно – его культурой.

Внезапная смерть принца Родреана моментально пошатнула кажущееся вполне определённым будущее Кидуанской империи. Уже весьма немолодой император Деонед вряд ли проживёт достаточно долго, чтобы завершить всё задуманное. Он уже и теперь довольно часто недужил – особенно подвели императора желудок (доставшийся, видимо, по наследству от отца) и ноги. Но именно теперь было ясно, что умирать в ближайшее время он просто не имеет права.

Долгие годы Деонед практически не замечал принца Риона – тот редко выбирался из своих покоев, а отец, хотя и любил младшего сына, однако же нечасто уделял ему внимание. Можно сказать, что на мальчика просто махнули рукой – поскольку быть императором ему было не суждено, то его занятия и взгляды мало кого волновали. Более того, для единоличной власти императора слабый и безвольный млад-

ший брат даже на руку – меньше вероятность заговоров и переворотов. Однако теперь всё изменилось, и отец, оплакав старшего сына, всерьёз взялся за младшего.

Увы, но внезапный наследник трона, бесцеремонно выдернутый суровой отцовской рукой из мира своих фантазий, не слишком-то поддавался перевоспитанию. В этом тщедушном, кажущемся полупрозрачным тельце таился на удивление крепкий дух, не страшщийся вступать в противоборство с человеком, подобным императору.

На каждое поучение Деонеда у Риона было своё возражение, высказываемое с непосредственностью человека, привыкшего к отсутствию дисциплины. С максималистской безапелляционностью молодости принц то и дело брался пояснять своему родителю и монарху, в чём тот был неправ. И это неизменно выводило императора из себя. Деонед ни разу не произнёс этого вслух – он даже боялся признаться в этом самому себе, однако же где-то глубоко в душе он, вероятно, сожалел, что Чёрный Асс отнял у него толкового старшего сына и, словно в насмешку, оставил младшего, бестолкового.

Император Деонед скончался в почтенные для людского племени шестьдесят семь лет. Отцовский трон достался двадцатилетнему принцу Риону. Минувшие одиннадцать лет не прошли бесследно – Деонед сумел-таки вбить в голову наследника кое-какие идеи, позволявшие надеяться на то,

что государство не рухнет в пучину хаоса тут же после его смерти.

Надо сказать, что наследство молодому императору доставалось не самое простое, хотя, справедливости ради нужно отметить, что отец его получил страну в ещё более сложном положении. Однако же лишь слепец не замечал, что восточное приграничье превратилось в бездонную яму, в которую империя ежегодно выбрасывала огромное количество средств.

Однако же на палатийских холмах было ещё беспокойнее чем прежде, и два мятежных вождя прибрежных племён уже объявили о неповиновении завоевателям, а вскоре к ним вполне могли присоединиться и другие. Увы, но экономика огромной империи была истощена, так что несколько лет назад пришлось пойти на беспрецедентную меру – снизить вес золотой рехты и, главное, серебряного стравина²².

Предполагалось, что это никак не скажется на стоимости монет, но на деле всё оказалось совсем иначе. Сперва саррассанские купцы отказались принимать новые монеты по прежнему курсу, требуя надбавки примерно в десять процентов от прежней цены, а затем и собственные торговцы принялись активно поднимать цены. Не помогали никакие меры – когда государство попыталось было силой и устраше-

²² Стравин – серебряная монета Кидуанской империи. В одном стравине 240 медных оэров. В свою очередь, 240 серебряных стравин складываются в одну золотую рехту.

нием заставить купцов держать прежние цены, то добилось лишь того, что товар стал просто исчезать с рыночных прилавков. Последствия могли бы быть гораздо катастрофичнее, если бы денежная реформа коснулась ещё и медных оэров, но медь, по счастью, не была в таком дефиците.

В конечном итоге власть была вынуждена смириться и с повышением цен, и с недовольным ропотом подданных. Амбиции Деонеда, считавшего проблемы в Пелании личной неудачей, заставляли его и дальше продолжать невыгодную для бюджета империи политику. Он бесконечно говорил о всех тех преимуществах, что даст Кидуе контроль над Прианурьем, однако всем было очевидно, что преимущества эти коснутся в лучшем случае их детей, а то и внуков.

Таково было наследство, оставленное императору Риону. И теперь, не чувствуя более между лопаток тяжёлого неодобрительного отцовского взгляда, он вдруг стал смотреть на ситуацию иначе чем раньше.

Первым же серьёзным указом он приостановил выделение средств на благоустройство приграничных территорий, считая, что эти деньги больше пригодятся здесь. С востока были отозваны сразу пять легионов, оставив охрану границы на попечении всего четырёх оставшихся, да и те располагались вблизи более-менее освоенных Колиона и Бейдина. Значительная часть границы империи вновь оказалась почти незащищённой.

Те немногие переселенцы, что рискнули осваивать эти

земли, почувствовали себя брошенными. И дело даже было не в том, что теперь их некому было защищать – многие хутора и так располагались в местах, куда не ступала нога легионеров. Просто новый государь как бы давал понять, сколь мало интересуется его Прианурье вкупе со всеми теми, кто там жил.

Исход колонистов не был массовым – многие уже худо-бедно обжились на новых землях, а большинству просто некуда было возвращаться. Однако же кто-то возвращался, и теперь городские улицы полнились слухами о жестоких прианурцах, топящих своих детей в водах священного для них озера Симмер, о бескрайних лесах – не величественных дубравах, подобных тем, что покрывали Лиррию, а гнилых топях, в которых словно не росло ничто живое, а главное – о том, как, благодаря последним переменам, они лишились всего, что имели.

Несмотря на то, что предпринятые меры позволили сэкономить значительные средства, которые были пущены на оздоровление экономики, население империи восприняло их отрицательно. В глазах большинства это была самая настоящая измена, которую сын позволил себе, едва похоронив отца.

Длинный и тощий император не вызывал симпатии. Народ привык совсем к иному типу правителя – пусть более грубому и жестокому, но при этом более простодушному. Этот же словно нарочно облакал самые простые мысли в

столь заумные фразы, что, бывало, слуги, боясь переспросить, выполняли что-то прямо противоположное тому, что от них требовалось. Что уж говорить о том, как Рион вещал о государственных делах! Канцлеры на заседаниях Малого совета сидели со сконфуженными кислыми лицами, стремясь выцедить из этого бурного потока слов крупинцы полезной информации.

Но больше всего недоумения среди придворных вызывал совершенно неподдельный интерес, который император испытывал к лиррам. Причём слово «интерес» использовалось исключительно из осторожности, поскольку здесь больше подошло бы слово «симпатия». И действительно, доходило до того, что, ещё будучи принцем, Рион тратил кучу времени на то, чтобы спрямить свои жёсткие и волнистые, как у всех представителей его династии и вообще почти у всех людей, волосы, чтобы они хоть немного походили на тонкую переливчатую паутину лиррийских волос.

Принц прилежно изучал лиррийский язык по книгам, поскольку отец категорически запрещал допускать к сыну учителей-лирр. Это привело к тому, что он весьма неплохо читал и писал по-лиррийски, хотя при этом имел чудовищный выговор. Также он жадно интересовался лиррийским фольклором, приданиями, легендами.

В своё время император Деонед пытался дознаться, кто же был тот доброхот, что привил его сыну столь странную страсть, но, конечно же, ничего не добился. Рион упрямо

молчал, даже ребёнком осознавая, что его болтливость может очень дорого кому-то стоить.

И вот теперь, став императором, Рион вдруг объявил о воссоздании департамента по делам лирийских подданных. Более того, он повысил его статус до отдельного министерства, чего в своё время не додумался сделать Делетуар. Это было очень значимое событие – в империи было не так много министерств, поэтому создание каждого из них означало, что государство собирается уделять данному вопросу повышенное внимание.

Со времени, когда действовало ведомство Драонна, прошло уже слишком много времени, так что подавляющее большинство подданных-людей даже не помнило, что такое вообще когда-либо существовало, тем более что и существование это было довольно-таки номинальным. Тем более ошарашивающими были известия о создании подобного министерства.

Как мы уже говорили, между людьми и лиррами теперь существовал шаткий мир, но взаимной приязни по-прежнему было немного. Привечание лирр новым государем казалось людям весьма странным и даже подозрительным. Большинство людей были убеждены в том, что империя и так слишком уж щедра и снисходительна к этому народу. В миллионный раз поднимались давно набившие оскомину вопросы о Дейском эдикте. Об этом судачили люди, весьма далёкие от политики, а потому их нелепые рассуждения порой пре-

вращались в полнейшие фантазии, однако чем фантастичнее было то, что они говорили, тем охотнее этим словам верили слушатели.

Но брожение в народе пока было вполне ещё не критичным, так что, возможно, разобравшись и привыкнув, он вскоре вновь позабыл бы о существовании лирр – ведь мысли большинства этих работяг сейчас были больше заняты поисками хлеба насущного. В конце концов, какая разница, какие там министерства создаёт император – лишь бы было что поесть и чем накормить детей, да ещё, по возможности, чтобы не было войны.

Возвращаясь к вновь созданному министерству, необходимо отметить, что император Рион, подыскивая себе подходящего министра, первым делом подумал как раз о Драонне. Естественно, юноша никогда не видел лиррийского принца, но, как оказалось, при дворе ещё не все позабыли давно почившего канцлера Делетуара и давно укрывшегося в провинции принца Драонна. Собственно, эту историю знал и сам Рион.

Именно поэтому он послал голубя в Доромион.

Глава 22. Лиана

Этот хмурый осенний день для Драонна оказался богат на события, хотя с утра ничего не предвещало перемен. Был обычный день довольно поздней осени, когда утром земля хрустит под ногами, а с мрачного низкого неба сыплет неприятная снежная крупа, больно хлещущая по лицу во время скачки. Было холодно, поэтому принц намеревался свой день провести в уютном кабинете у камина с бокалом подогретого сарраассанского в одной руке и томом «Северных холмов» легата Киррена в другой.

Дайр Киррен, командир Двенадцатого сводного легиона империи, живший около семидесяти лет назад, прославился как один из покорителей «палатийских пустошей», как он сам называл эти земли в книге. Однако же не меньшую славу он стяжал на литературном поприще. В отличие от большинства полководцев, начисто лишённых дара сочинительства и пишущих мемуары лишь с целью потешить самолюбие, легат Киррен обладал великолепным слогом. Даже само название – «Северные холмы», разительно отличалось от опусов других военачальников, обычно именующих свои труды как-то вроде «Осада Бриесса», или «Краткая история Саррассо-Кидуанской войны».

Драонн наслаждался живописными описаниями северной природы, рассказами об обычаях местных жителей, которых

Киррен ни разу не назвал дикарями. Да и батальные описания легату удавались на славу – погрузившись в чтение, принц то и дело слышал звон тетивы, шелест белых оперенных палатийских стрел, звон легионерских мечей. Впрочем, наверное, это свистел ветер и билась в стёкла твёрдая ледяная крошка. Так или иначе, но чтиво было преувлекательнейшее, так что Драонн планировал провести с книгой весь день.

В комнату вошла Аэринн. Он, как обычно, заметил скользнувшую тень краешком глаза, но продолжал делать вид, что углублён в чтение. Вскоре такие же нежные и мягкие, как и двадцать с лишним лет назад, ладошки привычно легли ему на голову, а тонкие пальцы тут же вплелись в волосы, лаская их. И, как и давно уже было заведено в их ритуале, он взял эти ладони в свои и нежно поцеловал каждый пальчик.

– Как там Биби? – наконец спросил Драонн.

– Не знаю. Она сегодня ещё не выходила из комнаты. Вся в отца...

– Ну в такую-то погоду всё равно заниматься больше нечем...

– Всегда можно найти себе занятие, – возразила Аэринн.

– Я понял, – заговорщически улыбнулся Драонн. – Ты придумала нам занятие на ближайшие полчаса?

– Ты же знаешь, что я всегда не прочь, но сейчас я пришла сообщить новость.

– И, кажется, эта новость – добрая, учитывая, что ты вся светишься, – Драонн встал с кресла и обнял жену.

– У меня сегодня была Орана. Она только что ушла, – улыбаясь, сообщила Аэринн.

Орана была знахаркой с одной из соседних ферм, и приходила в замок по просьбе своих сеньоров, если в этом была нужда. Она была весьма слабенькой магией, однако в сочетании со знаниями ведовства и алхимии, а также большим опытом, Орана вполне могла соперничать со многими столличными медикусами.

– У Биби улучшение с глазами? – обрадовался Драонн.

Это было единственное объяснение столь странной логической связки визита знахарки и сияющего лица Аэринн.

– Нет, она была не по этому поводу, – лёгкое облачко пробежало на счастливое лицо женщины, но тут же исчезло. – Она приходила ко мне.

– Зачем? – недоуменно спросил принц. – Ты же, вроде бы, и так не болела...

– Какой ты всё-таки тупица!.. – хихикнула Аэринн и тут же поцеловала Драонна в щёку, чтобы смягчить шутливый упрёк. – Надеюсь, наш сын не будет в этом на тебя похож!

– Наш сын? – в этот момент лицо Драонна было действительно совершенно глупым от смеси изумления и счастья. – Ты беременна?

– Хвала Арионну, наконец ты понял! – шутливо закатила глаза Аэринн, но тут же прикрыла их, поскольку муж впился

в её губы страстным поцелуем.

– Орана сказала, что будет сын? – оторвавшись наконец от своей любимой, спросил Драонн, не переставая ласкать её руками.

– Нет. Я просто чувствую, – Аэринн отвечала на ласки так, как любил Драонн, поэтому разговор на некоторое время прервался.

От любовных игр Драонна отвлѣк деликатный, но при этом одновременно и настойчивый стук в дверь.

– Милорд! – послышался голос Ливейтина. – Это важно, милорд!

Досадливо поморщившись, принц встал с размѣтанной постели, на ходу натягивая хотя бы штаны. Аэринн проворно юркнула под одеяло, укрывшись до самого подбородка.

– Что случилось, Ливейтин? – открывая незапертую дверь, спросил Драонн, неосознанно становясь так, чтобы закрыть собой кровать.

– К нам только что прибыл милорд Гайрединн Кассолейский в сопровождении принца Глианна Палторского, – сообщил начальник стражи, не ведя и бровью на то, что его хозяин стоял перед ним с голым торсом и распущенной шнуровкой на штанах. – Они просят ваше высочество спуститься вниз.

– Отец? – изумлѣнно воскликнула Аэринн и села на кро-

вати, прижимая одеяло к груди. – Почему он приехал?

– Он не сообщил. Просил лишь милорда Драонна как можно скорее спуститься вниз.

Аэринн было отчего взволноваться. Принц Гайрединн был уже в весьма почтенных даже по лиррийским меркам летах, и хотя он по-прежнему чувствовал себя и выглядел моложе своих лет, однако же такая вот внезапная поездка, да ещё и в столь неудобное время года, могла означать лишь то, что Гайрединна привело сюда очень важное дело. Поэтому Драонн, не мешкая, оделся и быстро спустился вниз.

– Они, похоже, очень спешили, – доброй рассказывал Ливейтин. – Лошади были взмылены, и от них шёл пар. Кажется, их почти загнали...

Это было всё более странным. Само появление Гайрединна выглядело необычным и тревожным, а уж если престарелый принц при этом ещё мчался во весь опор, загоняя лошадь... В животе Драонна засосало от плохого предчувствия.

– Милорды, я очень рад вас видеть! – входя в большую гостиную, произнёс он.

Оба илира были тут. Их походные плащи были раскинуты неподалёку от большого камина, и сами они сидели тут же, блаженно отпивая горячий грог из больших кружек. Услышав голос хозяина, оба тут же встали и поспешили навстречу. Драонн отметил ещё одну странную деталь – столь знатные вельможи прибыли к нему вдвоём, без свиты и даже

без охраны.

– Спасибо за тёплый приём, милорд, – проговорил принц Глианн. – Признаюсь, я мечтал об огне и подогретом вине последние несколько часов. Этот проклятый снег, кажется, исцарапал мне всё лицо.

– С каких это пор вы стали таким неженкой, друг мой? – усмехнулся Гайрединн.

Эта четверть века, что минула со дня их встречи в Шедоне, не слишком сильно отразилась на внешности старого принца. Даже в столь преклонном возрасте кожа на его лице почти не имела морщин, и ей вполне мог бы позавидовать любой сорокалетний человек. Да и осанка оставалась почти столь же величавой и прямой. Разве что волосы лишились последних признаков пепельного оттенка, став столь же белыми, как и снег, на который сетовал Глианн.

– С тех самых пор, как мне приходится делать в день по двадцать лиг, да ещё и по столь мерзкой погоде! Надеюсь, мы хоть успели...

– Успели куда? – поинтересовался Драонн.

– Вы не получали вестей из Кидуи, друг мой? – вместо ответа поинтересовался Гайрединн.

– Нет, а что? – молодой принц вновь ощутил неприятное чувство в животе.

– Хорошо, значит мы успели, – удовлетворённо произнёс Глианн. – Не напрасно мчались в такую пургу!

– Нам достоверно известно, что в ближайшее время вы по-

лучите сообщение от императора, – заговорил Гайрединн. – Это будет предложение вернуться на службу. И, признаюсь, у меня были серьёзные опасения, что вам достанет легкомыслия отказаться.

– На службу? – недоумённо переспросил Драонн. – Что вы имеете в виду?

– То, что вы – без пяти минут имперский министр, друг мой.

– Я что-то не понимаю... – пролепетал Драонн, по очереди обводя взглядом то одного илира, то другого, словно гадая, кто из них рассмеётся первым.

– Его величество император Рион воссоздаёт министерство по делам лирр и хочет, чтобы вы возглавили его. Мы знаем, что вам уже послан голубь, и что в сообщении есть требование отправить ответ тем же голубем. И поскольку, повторяюсь, мы опасались, что вы откажетесь, то нам пришлось мчаться сюда сломя голову, что довольно-таки затруднительно в мои годы.

– Но как вы могли узнать об этом прежде меня, раз мой голубь ещё не прилетел? – Драонн, кажется, всё ещё ожидал какого-то розыгрыша.

– У нас есть свои средства. Вы, должно быть, знаете, что некоторые чернокнижники продвинулись в вопросах зачарования животных. Зачарованный голубь летит почти вдвое быстрее обычного, хотя, конечно, добравшись до места, он погибает. Но в данном случае это было неважно.

– Вы говорите какими-то загадками, милорд, – покачал головой Драонн. – Всё, что здесь происходит, кажется мне каким-то спектаклем. Ваше внезапное появление, ваши таинственные слова о зачарованных голубях, о своих средствах... Кто такие эти «мы», о которых вы всё упоминаете? Вы говорите словно о каком-то тайном обществе!

– Именно о тайном обществе я и говорю, – без тени улыбки проговорил Гайрединн. – Приготовьтесь, друг мой, сегодня вам предстоит узнать нечто очень важное. Давайте только пройдем туда, где никто не сможет нас услышать.

– Признаюсь, теперь вы немного пугаете меня, милорд, – криво улыбнулся Драонн, а под ложечкой засосало ещё сильнее. – Что ж, пройдемте в библиотеку. Там никто нас не услышит и не потревожит.

Оба илира направились вслед за Драонном, но почти тут же столкнулись с одевшейся уже и приведшей себя в порядок Аэринн.

– Отец! – воскликнула она. – Что случилось? Надеюсь, всё в порядке с мамой?

– Всё в полном порядке, Айри, – улыбнулся Гайрединн, целуя дочь в щёку. – У нас с милордом Глианном возникло неотложное дело к твоему мужу, вот и всё. И теперь, прости, нам нужно с ним поговорить о весьма важных вещах. А с тобой мы поболтаем после.

– Но ты хоть останешься на ночь? – от Аэринн не укрылось встревоженное выражение лица Драонна, поэтому и она

почувствовала сильное волнение, хотя и не могла пока понять его причину.

– Разумеется останемся, дорогая! После того пути, что мы с милордом Глианном преодолели сегодня, мне понадобятся сутки, чтобы прийти в себя. Не будь у меня неотложных дел, я бы уже лежал в постели с грелкой в ногах! Поверь, мы пробудем здесь не только ночь, но и, скорее всего, несколько последующих дней.

– Вы привезли дурные вести? – напрямик спросила Аэринн отца.

– Надеюсь, что нет, – и тем не менее, Гайрединн отвёл глаза, говоря это. – Не переживай, дитя моё! Иди лучше распорядись, чтобы нам накрыли стол и приготовили комнаты. А ещё я бы не отказался от горячей ванны.

– Так же, как и я! – добавил Глианн.

– Иди, дорогая! Через полчаса мы будем готовы съесть и выпить все ваши припасы! – попытался отшутиться Гайрединн, но прозвучало это почему-то тягостно.

Библиотека замка Доромион была небольшим уютным помещением без единого окна. Не менее трёх сотен томов содержала она, что было очень крупным собранием для того времени. И уж подавно ничего подобного не было нигде в окрестностях сотни миль вокруг. Да, пожалуй, разве что в Кидуе нашлись бы вельможи, которые могли бы похва-

стать подобной библиотекой. Разумеется, в Шеаре встречались коллекции и обширнее, но то был город учёных и мудрецов.

Драонну пришлось убрать со стола несколько раскрытых фолиантов, чтобы разместить гостей. Оба илира предусмотрительно прихватили с собой кружки с грогом и теперь удобно расположились вокруг стола, освещённого сразу восемью свечами.

– Здесь нас никто не услышит, милорды, – произнёс Драонн, плотно закрывая за собой дверь. – Прошу вас, объяснитесь теперь, потому что от множества вопросов у меня лопаётся голова.

– Вы слышали когда-нибудь об обществе Лианы? – кивнув, заговорил Гайрединн.

– Никогда не слышал, – покачал головой Драонн.

– Разумеется. Это лирийское тайное общество, как вы уже верно заметили недавно. Оно было основано лет пятнадцать тому назад одним кидуанским илиром по имени Вейезин. Быть может, вы слышали о нём?

– Честно признаться, не припомню...

– Ну он ведёт довольно закрытый образ жизни, так что ничего удивительного нет. Так вот, он создал общество Лианы через несколько лет после восстания Лейсиана, видя, что минувшая война ничему не научила людей, и они по-прежнему не готовы видеть в нас полноценных граждан империи. Очевидно, что политика государства диктуется его верхуш-

кой, а коли вся она состоит из людей, то не стоит и удивляться тому, как мало прав имеют другие народы.

– Так вы думаете, что если я стану министром, это что-то изменит? – с лёгкой горечью воскликнул Драонн.

– Да, иначе мы бы не затевали всего этого предприятия, – сухо кивнул Гайрединн. – Но если вы полагаете, что мы настолько наивны, что всерьёз верим в возможность того, что вы будете обладать какой-то реальной властью, то ошибаетесь. Наши цели куда амбициознее и масштабней. Читали ли вы когда-нибудь «Под пологом джунглей» Куэртаса?

– Мне никогда не был особенно интересен Куэртас, поскольку он описывает главным образом природу. Я же предпочитаю читать о мыслящих существах. Поэтому из всех исследователей Калуйи я предпочитаю труды Бароса.

– Я спросил не для того, чтобы вести научный диспут, – улыбнулся Гайрединн. – Просто у Куэртаса в этой его книге описано одно очень интересное растение. Сам я, правда, не читал, поэтому перескажу со слов Вейезина. Так вот, путешествуя по северной Калуе, Куэртас обратил внимание на один вид лиан, весьма распространённый в тех краях. Он заметил, что молодая поросль имеет корни, которыми она питается от почвы. Но в какой-то момент, когда растение становится старше, корень отсыхает, и лиана более не имеет связи с землёй. При этом она благополучно растёт дальше, всё больше опутывая дерево. Она запускает свои отростки, подобные корням, прямо в древесину. Затем её ствол, понача-

ду гибкий и зелёный, начинает грубеть и темнеть. К этому моменту лиана в значительной степени оплетает ствол дерева, на котором она растёт, и вновь достигает земли. И тогда от неё начинают расти отростки, которые становятся новыми корнями. А дерево-носитель к тому времени погибает, поскольку лиана за несколько лет высасывает из него все соки, проникая своими корешками в самую сердцевину. Куэртас видел много таких необычных деревьев, словно сотканных из множества стволов, а внутри – пустота. Эти необычные деревья – и были те самые лианы.

– Я верно понимаю, что за всем этим стоит некая аналогия, и что название вашего общества совершенно не случайно?.. – Драонн понимал, что ему сейчас страшно оттого, что его, кажется, собираются втянуть во что-то очень нехорошее.

– Белый дуб²³ очень разросся и считает себя непобедимым, – заговорил Гайрединн. – В гордыне своей он не заметит тонкие корни, которые мы вонзим в его гниющую сердцевину. А позже, когда мы высосем из него все соки, на его месте будет уже *наше* дерево.

– Значит я – один из этих ваших корней? – внезапно Драонн начал злиться. – Вы являетесь сюда и втягиваете меня в какую-то тёмную историю, даже не спросив моего согласия! Вы хотите, чтобы я бросил семью и вновь отправился в Кидую, чтобы стать кукольным министром, да ещё и для

²³ Принц Гайрединн имеет в виду символ Кидуанской империи – Белый дуб, который изображён на её гербе.

того, чтобы способствовать какому-то вашему заговору? Да как вы вообще попали в эту компанию, милорд? Мы ведь с вами вместе помогали канцлеру Делетуару восстанавливать мир в империи!

– И чего мы добились? – также повысил голос Гайрединн. – Эти жалкие людишки как плевали нам вслед, так и продолжают это делать. Они никогда не примут нас, потому что завидуют. И они уничтожат нас при первом же удобном случае. Разве вы не видите, что мы проигрываем эту войну, милорд Драонн? Люди уже заполонили мир! Они плодятся как крысы и вскоре смогут задавить нас просто числом. Что будете делать вы, когда они придут, чтобы забрать ваши земли? Как защитите мою дочь, когда очередные красноворхие придут, чтобы изнасиловать и убить её?

– Эти разговоры я слышу всю свою жизнь! – яростно возразил Драонн. – Тысячелетия мы живём бок-о-бок с людьми, и, я думаю, всё это время были подобные разговоры. Но мир до сих пор существует! Да, он хрупок и ненадёжен. Ну так, быть может, не нужно постоянно испытывать его на прочность? То, что вы сейчас говорите, милорд – самая настоящая измена. Рано или поздно этот ваш Вейезин будет схвачен, а под пытками он назовёт всех вас. Думали ли вы о дочери в тот момент, когда становились на путь измены?

– Какой-нибудь глупец на моём месте сейчас сказал бы, что это – речь труса, – видимым усилием воли Гайрединн принудил себя успокоиться. – Но я хорошо знаю вас, поэто-

му понимаю, что это речь умного и рассудительного илира, но отнюдь не труса. Именно это мне всегда в вас и нравилось – умение всё взвешивать. Ну так попробуйте взвесить вот что: наша славная империя обширна, но значительная часть её мало пригодна для жизни. Даже если не брать палатийские пустоши и прианурское пограничье – даже земли в центре Кидуи в значительной степени покрыты непроходимыми лесами. Земель, пригодных для возделывания не так уж и много, а население всё увеличивается, причём исключительно за счёт людей. Если так будет продолжаться дальше (а я лично думаю, что дальше будет ещё хуже), то вскоре свободных земель не останется вовсе, и людям придётся выбирать – убирать леса, или убирать нас. Как думаете, что они выберут?

Драонн скрипнул зубами, поскольку не знал, что отвечать. Вообще он считал, что старый принц сгущает краски и рисует чересчур мрачный сценарий, но при этом он понимал, что если сейчас сказать об этом, то он будет выглядеть восторженным идиотом, страдающим излишним оптимизмом. Именно сейчас, именно в этом разговоре любые его доводы только так и будут восприняты.

– И какую же роль вы отводите мне? – пытаюсь сохранять спокойный тон, поинтересовался он. – Я должен буду вонзить кинжал в сердце императора? Но что это решит? Убив императора, мы лишь развяжем войну, из которой уже не будет иного выхода, кроме полного уничтожения одной из

сторон. Да и, насколько я слышал, император Рион вполне лоялен к лиррам.

– Никто не говорит об убийстве, милорд Драонн! – впервые заговорил Глианн, видимо, не выдержав этой стены непонимания со стороны принца Доромионского. – Вы просто станете министром и будете на совесть исполнять свою работу – помогать своему народу. А вместе с тем искать способы привлечь как можно больше лирр ко двору. Вы, боюсь, воспринимаете слова милорда Гайрединна чересчур буквально. Речь совсем не идёт ни об убийстве императора, ни о гибели рода человеческого. Мы должны лишь как можно плотнее переплестись с людьми, сделать так, чтобы нас уже нельзя было бы безболезненно выдрать из тела этого мира. Повернуть интересы империи на пользу себе. Именно поэтому так удачно выбрано время – новый император вполне готов к тому, чтобы расширять контакты. И этим нужно воспользоваться!

– Но почему именно я? Дождитесь, когда император найдёт кандидата, и поговорите с ним так же, как говорили со мной. Если речь не идёт ни о чём противоправном – не вижу, почему бы вам таиться.

– О, тут вы не правы, милорд! – возразил Глианн. Гайрединн теперь молчал, видимо, доверив продолжение разговора оказавшемуся более дипломатичным товарищу. – Это вы поняли, что никакой измены в наших словах нет, но узнай об этом кто-то менее мудрый, и нам конец. Сама идея о ра-

венстве людей и лирр для большинства покажется крамолой и изменой. И мы сообщили вам об этом лишь потому, что милорд Гайрединн полностью ручался за вас.

– Я не могу пойти на это и поставить под удар судьбу моей семьи, – собравшись с духом, решительно произнёс Драонн. – Должен заметить, что вы поступили неблагородно, втянув меня в ваши дела, не испросив даже простого согласия. Я не хочу иметь ничего общего с этим вашим обществом Лианы. Я ответственен за свою жену и дочь, и не хочу, чтобы им пришлось однажды пострадать из-за меня.

Как мы видим, Драонн не упомянул о ребёнке, что рос сейчас в чреве Аэринн – слишком уж неподходящим был момент.

– Должен отметить, что даже если Аэринн не станет женой изменника, она *уже* является дочерью изменника, – заметил Гайрединн. – Если деятельность нашего общества вскрыется, у неё и так будут проблемы независимо от того, как поступите вы. Вопрос в другом – готовы ли вы осторожничать, зная, что это может стать причиной гибели всего вашего народа?

– Вы не находите, что возлагаете на меня слишком большую ответственность, милорд?

– Эту ответственность возлагает на вас само время, друг мой! – несколько высокопарно ответил Гайрединн. – Подумайте как следует! Боги редко дают второй шанс для того, чтобы изменить историю! У вас не вышло ничего с императором Родреаном, но внук его – человек совсем иного рода.

У него верные мысли в голове, и не хватает лишь доброго советника, чтобы в империи наконец воцарился настоящий мир.

– Дадите ли вы мне клятву, что в случае моего согласия ни вы, ни кто бы то ни было из вашего общества, никогда не потребуете от меня совершить преступление против государства, императора или моей собственной совести? – задумавшись на несколько секунд, тяжело произнёс Драонн.

– Клянусь вам в этом, – протягивая руку, произнёс Гайрединн.

– Я должен подумать, – нехотя проговорил Драонн, пожимая руку своего тестя.

– У вас есть время до появления голубя.

Глава 23. Голубь

Обед получился довольно тягостный. Драонн и Аэринн оба молчали, лишь глядя друг на друга время от времени. Гости ели и тоже молчали – ни у кого не было настроения заводить беседу. Аэринн понимала, что в библиотеке произошло что-то не очень хорошее, поэтому буквально буравила пристальными взглядами то мужа, то отца. Но и тот, и другой старательно не замечали этих взглядов, разве что Драонн слегка покачивал головой в ответ – мол, ничего страшного, всё в порядке.

Естественно, в подобной атмосфере речь о будущем ребёнке так и не зашла. Гайрединн и Глианн, которым треволнения явно не подпортили аппетит, налегали на блюда, как и положено путешественникам, много часов проведшим в тяжёлой дороге. Ни хозяин, ни хозяйка к еде почти не притронулись – Аэринн машинально крутила в руках вилку, а Драонн угрюмо ковырял своей в блюде с жарким, погружённый, судя по всему, в свои мысли.

Наконец гости поднялись из-за стола.

– Благодарствуем, любезные хозяева, – проговорил Глианн. – Теперь я чувствую себя воскресшим.

– Если желаете отдохнуть – комнаты уже приготовлены, – тут же предложила Аэринн.

– Это то, что нам сейчас нужно, Айри, – благодарно кив-

нул Гайрединн. – Мы с тобой поболтаем завтра, а сегодня я чувствую, что мне необходим отдых.

Оба илира, сопровождаемые служанкой, поднялись наверх, а Драонн остался за столом с Аэринн.

– Что случилось? – спросила она, как только шаги стихли.

Всё это время Драонн мучительно думал – что и в каком объёме он может рассказать жене. Должна ли она знать всё, или напротив – лучше ей вообще ничего не знать. Если он всё равно собирается отказать Гайрединну – то зачем вообще что-то говорить Аэринн и волновать её понапрасну? Но собирается ли он отказываться?..

Бремя этих решений было слишком тяжело, и он, признать, с удовольствием разделил бы его с Аэринн. Но он понимал также и то, сколько беспокойства и тревог он доставит жене, а ему совсем не хотелось волновать её, и особенно сейчас, когда она носила под сердцем его ребёнка. Однако в любом случае нужно было что-то сказать – молчание только ещё сильнее напугало бы Аэринн.

– Император Рион хочет сделать меня министром, – эта часть истории сейчас была наиболее безопасной. – Твой отец и принц Глианн приехали, чтобы сообщить мне это.

– Вот это новость! – воскликнула Аэринн, и на лице её отобразились самые смешанные чувства. – Значит, ты опять уезжаешь в Кидую?

– Я ещё не решил...

– А у тебя есть выбор?

– Кажется, да... Насколько я понимаю – решать мне.

– Очень мило со стороны его величества, – лицо Аэринн понемногу разгладилось. – Значит, он не обидится, если ты откажешься?

– Не имею понятия, – немного нервно ответил Драонн.

– Ты хочешь туда?.. – Аэринн вновь нахмурилась. – Ты собираешься принять приглашение?

– Всё очень сложно... – принц сдвинул виски ладонями, словно пытаясь собрать разбегающиеся мысли обратно в черепную коробку. – Мне нужно подумать.

– Что ж, думай, – кажется, Аэринн слегка обиделась. – Надеюсь, ты не забудешь сообщить мне о том, какое решение примешь!

– Не дуйся, – попросил Драонн. – Просто всё действительно очень сложно. И это решение я должен принять один, хотя мне страшно хотелось бы попросить твоего совета...

– Да не дуюсь я, – усмехнулась Аэринн.

Видя, каким несчастным выглядит Драонн, она действительно тут же забыла обиды. Вместо этого она подошла и обняла его, уныло облокотившегося на стол.

– Главное, чтобы всё было хорошо, – проговорила она.

– У нас будет ребёнок, – напомнил Драонн. – У нас уже всё хорошо.

– Ну значит – главное, чтобы не было хуже, – прозвучало это несколько мрачновато, и оба они это поняли.

– Я постараюсь сделать всё правильно, – пообещал принц,

постаравшись придать голосу максимум уверенности.

Была уже глубокая ночь, но Драонн не мог уснуть. Он не знал – спала ли сейчас Аэринн; хотелось надеяться, что – да. Сам же он сидел в своей любимой библиотеке и размышлял.

Ещё вечером принц приказал отправить мальчишку в голубятню, чтобы тот сразу же предупредил его, пусть даже посреди ночи, если прилетит голубь. Но уже спустя час он послал слугу, чтобы тот отослал парнишку. Драонн понял, что ему нужно время, что ему нужна эта ночь, и что самым глупым будет опрометью бросаться к письму и тут же писать ответ.

Потрескивали свечи – воск оплыл уже достаточно, и фитили, скрутившись, почти плавали в расплавленных лужицах. Ещё полчаса, быть может – час, и свечи вновь придётся менять. Только это и давало ему некий отсчёт времени – он знал, что этих свечей хватает примерно на три часа.

Небольшой камин почти погас, оставив лишь жаркие угли, озаряющие угол комнаты багровым светом. Заворожённо глядя на танец теней в колышущемся свете свечей, Драонн пытался найти ответ. Он нутром чувствовал, что этот ответ, возможно, станет самым важным в его жизни, а потому ошибиться было нельзя.

Однако мысли отскакивали от этой проблемы, словно стрелы от крепостной стены. Вместо этого Драонн никак не

мог отделаться от другого вопроса – как Гайрединн попал в эту странную организацию с глупым названием и ещё более глупыми целями? Принц Кассолейский всегда слыл весьма разумным и осторожным илиром. Что повлияло на него, что он так резко переменялся?

Или же он и раньше был себе на уме? Драонн вдруг понял, что никогда, собственно говоря, не разговаривал с тестем на политические темы. Даже тогда, когда они вместе заседали в нелепом совете, созданном Делетуаром, их общение редко касалось его деятельности. Драонн списывал это на то чувство беспомощности, что испытывал и он сам, но, быть может, дело было совсем в другом.

Нет, конечно же угадать мотивы старого принца не представлялось возможным. Быть может, когда-нибудь они поговорят об этом. Собственно, Драонн не сомневался, что Гайрединн расскажет ему всё хоть завтра, но пока спрашивать не хотелось. Он испытывал определённую опаску, словно боясь отдёргнуть этот полог, чтобы не увидеть чего-то неприятного для себя.

Усилием воли принц вернул свои мысли к главной проблеме. Нет, он однозначно не станет исполнителем воли никакого общества Лианы. Более того, он не станет иметь с ним ничего общего и запретит Гайрединну даже упоминать о нём. Если, конечно, он вообще согласится на приглашение императора.

Новый император действительно слыл человеком, гото-

вым на сближение с лиррами. Даже сюда, в медвежий угол империи, эти слухи доходили довольно давно. Возможно, перед Драонном действительно открывался уникальный шанс окончательно перевернуть страницу и положить начало новому миру – миру, в котором люди и лирры наконец заживут без взаимных претензий. Если такой шанс есть, пусть даже и мизерный – имеет ли он право его упустить?

Такой мир должен существовать. Наверняка он будет существовать столетия спустя – рано или поздно и люди, и лирры станут достаточно цивилизованны, чтобы прийти к согласию. И если первый шаг можно сделать уже сейчас – разве это не замечательно?! Конечно, Драонну очень комфортно и уютно жилось в их тихом Доромионе, рядом с женой и дочерью; конечно, вскоре у них должен появиться малыш, который привнесёт в их жизнь новый смысл. Но иногда нужно уметь пожертвовать чем-то ради достижения более великой цели.

Нет, смущало Драонна не это. Разумеется, он понимал, насколько тяжело будет пережить расставание с родными (ведь не тащить же через половину заснеженной империи слепую дочь и беременную жену!), но к этому он мог подготовиться. Опасение стать пешкой в чужой игре – вот чего он боялся больше всего!

Мысли пошли по новому кругу, и от этого становилось почти физически тошно. Свечи почти догорели, и принц зажёл новые, поставив их прямо на стол, накапав на столеш-

ницу расплавленного воска. Полночь осталась далеко позади, всего через несколько часов наступит поздний зимний рассвет. Голова была тяжёлой, словно доверху набитой ветошью, в глазницах всё сильнее разгорался пожар. Драонн потёр глаза, но стало лишь хуже – он словно растёр под веками крупный речной песок.

Нужно ложиться – всё равно в таком состоянии он не сможет принять взвешенное решение. Он вдруг понял, что подобные решения вообще можно принять лишь по наитию, спонтанно, именно в тот самый миг, когда он будет наконец поставлен перед выбором. Лишь тогда чаша весов явно качнётся либо в одну, либо в другую сторону. Принц решительно задул только что зажжённые свечи, а также те, что окончательно оплывали в подсвечниках, оставив лишь одну, чтобы осветить себе путь.

Уже поднимаясь по лестнице, Драонна внезапно охватило непреодолимое желание проверить – прилетел ли голубь. Почему-то он был почти уверен, что птица уже здесь. Повинуясь порыву, он, небрежно набросив на себя меховой плащ, не потрудившись даже завязать все шнурки, вышел из дома и направился к голубятне, которая прижималась к одной из крепостных стен.

Драонн не стал никого будить, да это было и ненужно – дверь голубятни запиралась на простой засов. Войдя внутрь, он долго вглядывался в непроглядную тьму, лишь едва-едва разгоняемую тусклым светом умирающей свечи. Недоволь-

но заворковали встревоженные голуби – всего с полдюжины птиц, которые держались здесь скорее по привычке, чем по нужде. Давно уже перестав быть государственным чиновником, Драонн не имел необходимости рассылать срочные депеши.

Наконец он увидел то, что искал. Крупный сизый голубь, явно не знавший недостатка в пище, сидел совсем недалеко от слухового оконца, через которые влетали птицы. Из-за того, что голубь сидел, нахохлившись от морозного воздуха, принц поначалу и не разглядел лёгкого медного кольца на его лапке. Что ж, Гайрединн и Глианн были правы – вот оно, послание от императора Риона.

Подойдя к голубю, Драонн протянул руку. Хорошо вышколенная птица даже не сделала попытки отстраниться, легко давшись в руки. Осторожно сняв полое внутри кольцо, принц прямо здесь, трясущимися от волнения и холода руками вскрыл его, чтобы извлечь небольшой клочок тончайшего пергамента. Не имея сил потерпеть, он стал читать прямо здесь, при неверном свете мерцающего огонька.

Послание оказалось кратким и сухим, что вполне естественно для голубиной почты. Всего две строчки мелким, идеально ровным почерком.

«Принцу Драонну Доромионскому от императора Риона. Предлагаю лорду Драонну занять пост министра по делам лирр с наделением широкими полномочиями. Ответ послать незамедлительно с тем же голубем.»

Всё как и говорил Гайрединн. Значит, при дворе действительно есть кто-то весьма приближенный к императору, кто имеет сношение с этим обществом Лианы. И очень похоже, что этот кто-то – маг. То есть, став министром, он окажется под пристальным вниманием этого человека, а возможно, что тот станет постоянно вмешиваться в его дела. Но что же это за человек, настолько благоволяющий к лиррам, что согласился помогать илирам, болтающим всякую чушь о деревьях и лианах?

Теперь, когда послание было у него в руках, лихорадка внезапно отпустила принца. Он по-прежнему не знал, что ему ответить, но решил, что это подождёт до утра. Потому что ему вдруг очень захотелось спать – настолько, что, казалось, он вот-вот рухнет прямо здесь же, на небольшие горки замёрзшего голубинового помёта.

Осторожно сложив тонкий листочек, он сунул его глубоко в карман штанов, а затем направился в спальню. Измученный Драонн уснул, кажется, ещё до того, как его голова коснулась подушки...

Утром Драонн встал уже довольно поздно. Голова всё ещё была тяжела – сон его был тревожным и больным. Тем не менее, он встал и, не завтракая, направился к гостям.

– Кто тот человек, что послал вам сообщение? – первым же делом спросил он.

– Мы не знаем его настоящего имени, – признал принц Гайрединн. – Вейезин знает лишь то, что он – весьма высокопоставленное лицо при дворе, кто-то из ближнего окружения императора. Судя по всему, именно он воспитал в Рионе уважение к нашему народу.

– Но ведь он – человек. При дворе нет ни одного лирры!

– Да, он – человек. Вероятно – человек весьма широких взглядов.

– Или же он использует вас в каких-то своих целях! – возразил Драонн.

– Полагаете, мы не думали об этом? – усмехнулся Гайрединн. – Может и так. Но это – наш шанс, и нельзя упускать его из-за излишней осторожности. Уж не глупее же мы какого-то там человека!

– Я думаю, что он – маг, – заметил Драонн.

– Мы в этом практически убеждены! – подтвердил Гайрединн. – Вейезин знает его под вымышленным именем Ворониус.

– И вы готовы стать марионетками в руках какого-то неизвестного человеческого мага?

– Вы смотрите на ситуацию лишь под одним углом, друг мой, – вновь заговорил Глианн. – Взор ваш застилает подозрительность, которая окрашивает всё в мрачные тона. Но представьте на секунду, что этот Ворониус действительно хочет того же, чего и мы – мира, в котором люди и лирры будут жить рядом, ничего не деля. Представьте, что он вынуж-

ден действовать инкогнито, поскольку его взгляды чересчур радикальны для нынешних людей. Он сделал благое дело – воспитал наследника должным образом. Он, видя, что наш народ угнетён и разобщён, создал общество Лианы. И сейчас именно он, я уверен, способствует тем благотворным переменам, что происходят в государстве.

– Но если теперь сам император повернулся лицом к либрам – к чему же этому Ворониусу по-прежнему скрывать себя. Почему бы не раскрыться, хотя бы перед теми, кто ему доверился? – продолжал гнуть свою линию Драонн.

– Возможно, он ждёт именно вас, друг мой. В послании, что было прислано нам, было чётко сказано, что необходимо добиться вашего согласия... – ответил Гайрединн.

– Любой ценой? – криво усмехнулся Драонн, договорив то, что само напрашивалось на язык.

– Вы – надежда нашего народа, – избежав ответа, произнёс Гайрединн.

– Надежда на что? – не удержавшись, воскликнул Драонн. – Никогда ваша пресловутая лиана не высосет соки из белого дуба! Никогда нам не возвыситься над людьми и не подчинить их! Если иметь такие планы – лучше вовсе не начинать, поскольку сама идея обречена на провал! Если мы хотим жить в мире с людьми, нельзя начинать с попыток уничтожить их государство!

– Возможно, до этого и не дойдёт... – начал было Глианн, но молодой илир тут же оборвал его.

– Хватит! Довольно лицемерия! Впредь, милорды, я попрошу вас более не возвращаться со мной к этому разговору! Решение принято! Голубь из Кидуи прилетел сегодня ночью, и теперь я точно знаю, что ответить императору. Пусть этот ваш Ворониус ищет себе другую марионетку!

С этими словами Драонн решительно развернулся и направился вон из комнаты.

– Милорд! – окликнул его Глианн, но принц даже не обернулся.

Драонн вернулся примерно десять минут спустя – взбешённый и растерянный одновременно.

– Где голубь, что прилетел вчера? – рявкнул он, слишком близко подходя к своему тестю.

– Я пытался сказать вам, друг мой, но вы слишком быстро ушли, – старик пытался говорить спокойно и с достоинством, но было видно, что он стухнул. – Голубь уже на пути в Кидую.

– Что??? – Драонн не вскричал – он взревел, словно раненый зверь. – Что вы натворили? Как вы посмели?

– Вы не оставили нам выбора, милорд, – заговорил Глианн, и Драонн тут же понял, что это была именно его идея. – Мы не могли рисковать.

– Я немедленно пошлю другого голубя императору и всё объясню! – прорычал взбешённый принц, тыча дрожащим

пальцем едва ли не в глаз тестю.

– Ваш голубь прилетит слишком поздно, когда о вашем согласии будет уже объявлено. Выйдет огромный скандал.

– Какое мне до этого дело? Не я заварил эту кашу!

– Но вам придётся её расхлёбывать, – резонно заметил Гайрединн. – И потом – неужели вы доверите объяснение с императором клочку пергамента? Вам необходимо ехать в Кидую, друг мой. Простите за эту вынужденную меру, я понимаю, что мы поступили подло. Но у нас есть оправдание – мы сделали это во имя общего блага.

– Какую только гнусность не оправдывали в разные времена этими самыми словами! Если вы думаете, что этим заслужите моё прощение – вы жестоко ошибаетесь. То, что вы сделали, милорд, нельзя простить! Вы нанесли удар в спину не только мне – вы так же обошлись и со своей дочерью!

Лицо старого принца передёрнуло, словно от болезненного удара, но он промолчал.

– Я хочу, чтобы вы покинули мой дом как можно скорее, – отчеканил Драонн. – То, как вы поступили, освобождает меня от всяческих законов гостеприимства.

– Могу я увидеться с дочерью перед отъездом? – Гайрединн кусал нижнюю губу, пытаясь скрыть волнение.

– Более того, я оставляю за вами возможность объяснить ваш скорый отъезд. И делаю я это не ради вас, а ради неё, – жёстко добавил принц.

Он повернулся, чтобы уйти.

– Ещё одно, милорд, – остановил его голос Глианна.

Драонн нехотя повернулся и пристально, почти не мигая, уставился прямо в глаза принца, заставив его отвести взгляд.

– Я понимаю, какую чудовищную подлость мы совершили... Я совершил, – после заминки продолжил Глианн. – Признаю, что это – целиком моя идея, и принц Гайрединн пытался меня отговорить. Итак, я понимаю, что совершил подлость, а потому я не смею ни о чём просить вас. Я и не стану этого делать, целиком отдавшись на вашу волю. Вы можете рассказать всё императору, если пожелаете. Только хочу отметить, что тем самым вы обвините меня и принца Гайрединна в государственной измене. Да, именно в измене, поскольку здесь имел место не простой подлог. Нас схватят и будут судить. Будут пытаться, и возможно приговорят к казни. Молодой император – пока ещё тайна для всех, а потому сложно предугадать, как он с нами поступит. Более того, это вновь бросит тень на лирр, всколыхнёт старую муть со дна. Подумайте об этом, милорд.

– Я простил вам смерть своего отца, лорд Глианн, – помолчав немного, тяжело проговорил Драонн. – Я простил вам, поскольку вы были в ней неповинны. Но теперь запомните: за это я вас не прощу никогда! Надеюсь, мы с вами больше не увидимся. Прощайте, господи!

И не сказав больше ни слова, он стремительно вышел из комнаты.

– Что произошло? – встревоженная и огорчённая Аэринн вошла в библиотеку, где молча, глядя на огонёк единственной свечки, сидел Драонн. – Что у вас произошло с отцом? Почему он уехал?

– А он не объяснил? – апатично спросил принц, не отрывая взгляда от свечи.

– Ничего такого, что могло бы меня удовлетворить. Я же вижу, что между вами что-то случилось. Это точно связано с твоим возможным назначением, я это знаю! Ты должен объяснить мне всё.

– Айри, мне придётся уехать...

– Ты согласился на предложение императора? – воскликнула Аэринн с горестным потрясением в голосе. – Я всё же думала, что ты откажешься.

Драонн наконец сбросил с себя апатию и, вскочив с кресла, бросился к жене, крепко обняв её.

– Я собирался, но потом кое-что случилось, и... – принц не находил слов, поскольку объяснить всё так, как оно было на самом деле, он, естественно, не мог. – Теперь мне нужно ехать. Быть может ненадолго, а может... Прости, я не могу тебе объяснить... Поверь, я не говорю ничего потому, что хочу тебя защитить...

– Защитить от чего? Что за странности творятся тут в последнее время? Это связано с моим отцом? Поэтому он так внезапно уехал? Между вами явно что-то произошло. Что

он сделал?

– Он ничего не сделал, – и Драонн почти не кривил душой. – Но обстоятельства сложились так, что я не могу не ехать в Кидую, не рискуя навлечь при этом гнева императора. Я постараюсь вернуться как можно скорее. Вы останетесь здесь с Биби и нашим сыном. Скучать тебе не придётся!

– Всё будет хорошо?.. – жалобно спросила Аэринн, на глазах которой стояли слёзы. Весь её запал куда-то вышел, осталась лишь беспомощность и тоска.

– Всё будет просто замечательно, – пообещал Драонн, целуя её мокрые от слёз щёки.

Глава 24. Министр

Драонн въехал в заснеженную Кидую с глубоким вздохом, вырвавшимся из груди помимо его воли. Город встретил его не как старый друг, а как ростовщик, помнящий о том, что за ним остался ещё непогашенный долг. Много раз за это нелёгкое путешествие принц горько сожалел об оставленном позади замке и его обитателях. Немного облегчал боль тот факт, что на сей раз рядом с ним был постаревший, но по-прежнему верный Ливейтин. У Доромиона теперь была хозяйка, которая могла следить за замком, и которую слушались едва ли не более беспрекословно, чем старого ворчуна.

Ливейтин впервые был в столице, но держал себя с великолепным холодным презрением ко всему. Он ехал, глядя только перед собой, ни разу не повернув голову, чтобы разглядеть что-то. Справедливости ради нужно отметить, что в этот холодный и даже немного выюжный день Кидуа действительно выглядела не особенно презентабельно.

Драонн понятия не имел о судьбе своего бывшего особеняка – числился ли он всё ещё за ним, или же был передан кому-то ещё. А потому он направил своего коня напрямик во дворец.

На протяжении всей долгой дороги в молодом принце боролись две мысли, и ни одна из них не могла окончательно победить другую. Признаться ли императору, что ответ-

ная депеша была послана не им, наплевав на судьбу, которая, возможно, ждала Гайрединна и Глианна? Или же принять предложенную должность, постаравшись завершить то дело, что начали они с Делетуаром?

Почему-то Драонн вообразил себе, что ещё по приезде в столицу с ним обязательно постарается связаться тот самый Вейезин, формальный главарь общества Лианы. Принц уже заочно невзлюбил этого илира, представляя себе этакого порочного пройдоху, который станет, отвратительно тыкаясь губами почти в самое ухо, шептать какие-нибудь гнусности и призывать к перевороту. В мыслях Драонна Вейезин очень походил на Лейсиана, только был гораздо отвратительнее.

Однако, вопреки ожиданиям, ни Вейезин, ни пресловутый Ворониус не попытались перехватить своего протеже до встречи с императором. Это вселяло некую надежду на то, что и впредь они не станут пытаться пасти его подобно зримым или незримым пастырям.

Подсознательно Драонн готовился к встрече с неким двойником императора Родреана, хотя он и знал, что внук совсем не похож на деда. И тем не менее первое впечатление вполне можно было назвать шокирующим. Тщедушный юнец, тонущий в троне своих предков – болезненно худой, бледный с большими тёмными глазами, которые казались ещё больше оттого, что были подведены чёрной краской. Это было нечто новенькое. Драонн знал, что палатийские вожди наносят краску на лицо, но никогда ранее не видел ничего

подобного в империи – до сих пор это было прерогативой исключительно женской.

Это было заметно сразу – император Рион старался максимально походить на лирру. Искусственно прямые чёрные волосы (скорее всего – тоже подкрашенные, поскольку оба известных Драонну предка Риона имели каштановые, уходящие в рыжину, патлы), искусственно увеличенные глаза, и даже строгость наряда – тёмные тона, ткань плотно облегает тело, тогда как люди предпочитали свободный покрой. Вряд ли подданные императора были в восторге от всего этого.

Хотя здесь же, в тронном зале, кроме нескольких чинных немолодых людей было трое хлыщей того же возраста, что и сам император, выраженные и накрашенные так же, как и он. Драонн с неким неприязненным опасением подумал было, что это – новые канцлеры империи, но вскоре понял, что ошибся. Судя по всему, это были всего лишь друзья государя, его фавориты, миньоны. И эта традиция также была необычна для того двора, который он когда-то знал.

– Принц Драонн, как я рад видеть вас! – тонким неприятным голосом воскликнул император.

Однако же, он именовал Драонна принцем, что было совершенно невозможно при его предшественниках, когда к главам лиррийских домов официально обращались лишь как к лордам, и это лучше многих других слов говорило о переменах в империи. По крайней мере, о переменах в отношении власти к лиррам.

– Благодарю вас, ваше величество, – изящно поклонившись, ответил Драонн. – Для меня было невероятной честью получить приглашение от вас.

– Вот, болваны, полюбуйтесь, какая грация! – чуть гнуса-во проговорил Рион накрашенной троице. – Рядом с принцем я ощущаю себя богомолем с переломанными конечностями. Нам так не доставало лирр при дворе! Но теперь всё будет иначе, не так ли, принц Драонн?

– Всё это лишь в воле вашего величества, – осторожно ответил Драонн, краем глаза поглядывая на немолодых придворных, пока сидящих молча.

Илир догадался, что это, судя по всему, и есть канцлеры империи, а потому не хотел сказать или сделать нечто, что будет неоднозначно ими трактовано. Пока он видел лишь, что за видимой бесстрастностью их лиц прячется тщательно скрываемое недовольство. Никого из этих людей Драонн не знал – совершенно очевидно, что все те, кого он мог видеть во время своих прошлых визитов ко двору, давно уже гнили в земле.

– Я считаю, что пришло время убрать все препоны на пути к объединению наших народов, – пафосно заговорил император. – И потому я объявляю о создании нового и чрезвычайно важного министерства по делам лиррийского народа, возглавить которое согласился принц Драонн Доромионский. Хочу отметить, что эта должность даёт ему право заседать в Малом совете.

Драонн понял, что черта невозврата пройдена. Разговор пошёл совсем не так, как он ожидал – почему-то он рассчитывал на личную аудиенцию, во время которой он, возможно, и признался бы во всём императору. Но то, как всё внезапно повернулось, делало невозможным подобное признание. За Драонна вновь приняли решение. Теперь он точно стал имперским министром...

– Благодарю за честь, ваше величество, – только и смог поклониться он.

– Вы не слишком устали в дороге? – поинтересовался Рион. – Мы могли бы провести ваше представление двору сегодня же.

– Простите, ваше величество, но я действительно очень устал и хотел бы привести себя в порядок, – Драонн понял, что Рион – не тот император, который не терпит отказов. – С вашего позволения, я бы хотел просить вас дать мне день на то, чтобы отдохнуть.

– Разумеется, милорд! – тут же согласился император. – Представим вас завтра. Будьте у меня в полдень!

Драонн вновь против воли покосился на находящиеся здесь канцлеров. И, конечно, заметил, как те поморщились, когда Рион титуловал его милордом. Кажется, ещё не приступив к работе, он уже успел нажить себе врагов благодаря политической неуклюжести этого юнца... И тем не менее он вновь изящно поклонился:

– Я буду у вас, ваше величество.

– Хорошо, а теперь можете идти, – милостиво кивнул Рион.

– Спасибо, ваше величество. И в связи с этим хотел бы спросить вас. Когда я служил вашему славному деду, у меня был особняк на Щитовой улице. После того, как я уехал, я больше не знаю его судьбы – принадлежит ли он мне ещё, или нет.

– Право же, не знаю... – растерялся Рион. – А почему бы он не должен более принадлежать вам?

– Дело в том, что вообще-то это был не совсем мой особняк. Он принадлежал бывшему второму канцлеру Делетуару, который любезно предоставил мне его.

– С вашего позволения, ваше величество, – откашлявшись, заговорил один из тех, кого Драонн счёл канцлерами. – Думаю, что я могу ответить на этот вопрос.

– Прошу вас, канцлер Дойт, – важно кивнул император. – Просветите же нас.

– Данный особняк теперь принадлежит графу Пайтену из Западной Пелании, ваше величество.

– Но как же так вышло? – нельзя было не отметить, что внук сердился куда менее царственно и величественно, нежели его дед.

– Насколько мне известно, милорд Делетуар завещал всё своё имущество короне, – пожал плечами канцлер Дойт.

– Экая досада! – Рион негодуяще фыркнул, ещё больше став походить на обиженного ребёнка. – Канцлер, пошлите

графу мой приказ освободить особняк до завтрашнего утра!

– Можно ли?.. – всплеснул руками Дойт. – Это будет весьма необдуманное решение, ваше величество!

– Не стоит, ваше величество! – Драонн понял, что должен вмешаться. – Я нисколько не привязан к тому особняку! Подыщу себе что-нибудь другое, а покамест могу пожить и в гостинице!

– Вот ещё! Чтобы министр империи жил в гостинице? Этого не будет! У меня идея получше, милорд. Я распоряжусь выделить вам и вашим илирам покои здесь, во дворце. Это будет великолепно! Вы будете рядом всегда, когда мне понадобится!

Хоть Драонн и почти не бывал в императорском дворце, но прекрасно понимал, что место это малопригодно для жизни. Неуютные помещения, постоянный шум. В общем, честь была довольно сомнительная.

– Его высочество может пожить в Южном флигеле! – подал голос один из накрашенных юнцов. – Там гораздо уютнее и есть ещё несколько свободных комнат!

– А ведь это идея! – обрадованно воскликнул Рион. – Молодец, Визьер! И всё же ты – порядочный пройдоха! Отнял у меня принца Драонна и сам сделался его соседом!

Троица засмеялась вслед за их императором, а Драонн с внезапной тоской понял, что ему придётся делить флигель с компанией этих паяцев. Вряд ли они станут хорошими соседями... Но выбирать не приходилось – отказаться он не мог,

поскольку это было бы невежливо. Со вздохом он поблагодарил и императора, и этого Визьера.

– Проводите принца в его покои! – распорядился Рион. – И тут же возвращайтесь! Мне скучно одному!

– Мы будем через полчаса! – заверил второй из миньонов, отвечивая шутовской поклон.

Чем больше находился здесь Драонн, тем меньше ему нравилось всё происходящее. Особенно это было заметно на контрасте – в свой прошлый визит во дворец он наблюдал совсем другого государя и совсем других приближенных.

Однако пока ему ничего не оставалось делать, как идти за этой троицей. Один из них дал распоряжение слуге отвести илиров принца к Южному флигелю.

– Позвольте представиться, ваше высочество, – произнёс тот же, что только что кланялся императору. – Меня зовут граф Доссан, но его величество обычно не утруждает себя произнесением титулов, так что и вы можете звать меня просто Доссаном. Это – граф Ливвей, ну а графа Визьера вы уже знаете. Довольно сложно объяснить роль, что мы играем при дворе... Мы не министры, не канцлеры... Скорее – просто друзья его величества.

– Видишь, Доссан, не так уж и сложно было это объяснить, – хохотнул Визьер. – И поверьте, милорд, наша работа порой не менее сложна, чем у тех надутых стариков, которых вы видели.

– Охотно верю, – процедил Драонн, которому нужно было

что-то ответить.

– Вижу, милорд, вам не по нутру то, что происходит сейчас при дворе? – внезапно прямо спросил Визьер, пронизательно взглянув на шагающего рядом принца.

– Признаюсь, что во время моего прошлого пребывания при дворе он был иным, – ответил Драонн, стараясь не выказывать прямой неприязни.

– Вы, должно быть, считаете нас королевскими шутами, не так ли? – продолжал Визьер. – Все эти подведённые чёрным глаза, перекрашенные волосы... Уверен, что вы представляете нас полными ничтожествами, чванливыми паяцами. Не так ли?

– Вы словно ищете со мною ссоры, граф, – осторожно проговорил Драонн, запоздало жалея, что на нём нет кольчуги, и что меч свой он отдал Ливейтину при въезде во дворец.

– Напротив, милорд, я желаю объясниться, – совершенно серьёзным тоном ответил Визьер. – Поверите ли вы, если я скажу, что мы лишь вынуждены носить эти скоморошьи маски? Что нам самим не очень нравится то, что происходит при дворе. Но что поделать – его величество в душе совсем ещё ребёнок. Пока что он не правит – он играет в правление, причём в силу своей образованности и недюжинного ума считает, что делает всё правильно. А мы находимся рядом, чтобы проследить, как бы он не натворил чего лишнего.

– Но если вы всё это понимаете и видите – почему не попытаетесь вразумить императора? – воскликнул Драонн. –

Ведь он же далеко не ребёнок, и нельзя *играть* в управление столь огромной империей! Эти игры могут дорого стоить, как, например, в Восточной Пелании.

– В восточной Пелании он поступил несколько резко, но разве вы не согласитесь, что сама идея была верной? – спросил Доссан, у которого даже изменился тембр голоса, когда он бросил свой шутовской тон. – Нищая империя последние крохи тратила, чтобы создавать этот памятник тщеславию императора Деонеда! Чернь твердит об измене, хотя должна бы благословлять государя за то, что теперь у них есть кусок хлеба, чтобы накормить детей!

– С этим трудно спорить, но зачем же было разрушать уже то, что есть?

– Потому что Восточная Пелания превратилась в вечно голодного зверя, которому сколько не кидай костей – всё мало. Будь моя воля – я вовсе отсек бы эту заражённую гангреной конечность от империи!

– Не слушайте его, принц, иногда он говорит невероятную чушь, – вмешался Визьер. – Оставь приграничье – и через десять лет там будут жить прианурцы. Этак мы доотсекаемся до того, что восточная граница подпрёт стену Кидуи!

Драонн слушал эту перепалку и понимал, что перед ним находятся действительно умные люди, а не ряженные куклы. Однако же и император был умён! Более того – он был слишком умён, по мнению большинства. Однако же это не мешало ему делать глупости и вести себя с детской безрассудно-

стью. А эта троица, будь они хоть трижды мудрецами, ничего не сделали для того, чтобы образумить своего государя.

Из всех троих лишь граф Ливвей пока не проронил ни слова, что в одинаковой степени могло означать как его ум, так и глупость. Принц был склонен скорее предполагать первое, исходя из того, что глупец вряд ли оказался бы в компании умных людей. А раз так, то он мог быть опаснее остальных, поскольку считал нужным скрывать свои мысли.

– Я лщу себя надеждой, что мы станем друзьями, милорд, – проговорил Визьер. – А это станет возможным лишь если вы отринете своё предубеждение против нас.

– У меня нет никакого предубеждения против вас, господа, – слегка покривив душой, ответил Драонн. – И я также ищущу дружбы, поскольку я здесь совсем никого не знаю, а люди, как правило, не очень-то склонны к общению с лиррой.

– Это правда, ваше высочество, – кивнул Доссан. – Но, хвала Арионну, теперь наступают иные времена. Его величество весьма благосклонен к вашему народу. Создание министерства – лишь первый шаг. Уверен, вскоре многие главы лиррийских домов займут полагающееся им место подле императора, а ваши титулы будут признаны официально.

– Это было бы замечательно, но до тех пор я бы просил называть меня просто лордом, – заметил Драонн. – Я видел, какое недовольство испытали господа канцлеры, когда его величество именовал меня принцем и милордом. Мне очень не хотелось бы начинать свою деятельность с того, чтобы на-

жить себе могущественных врагов.

– Да, это правда. Не все так лояльны к лиррам, как император. Люди всё ещё живут прошлым.

– Так же, как и лирры, – против воли нахмурился Драонн. – А откуда у его величества такой интерес к нашему народу? Это довольно странно, учитывая атмосферу, в которой он рос.

– Да, это верно, – заговорщически улыбнулся Визьер. – Покойный батюшка нашего императора не очень-то жаловал вас. И он потратил много времени, чтобы выяснить, кто же сбил его неразумное чадо с верного пути. И так и не сумел. Но сам император Рион сообщил нам эту тайну, и теперь уж я не вижу большого смысла её скрывать, тем более от вас. Есть у нас хранитель императорской библиотеки Тирни – старый чудак. Вот он и стал втихаря рассказывать мальчику-принцу разные истории, когда тот приходил за книгами.

– Но как же император Деонед не распознал его с самого начала? – изумился Драонн. – Это же было так очевидно!

– Старый пройдоха на всех углах кричал о том, что он был сержантом отряда красноверхих во время восстания лирр, – рассмеялся Визьер. – И, надо отдать ему должное – он был весьма убедителен в своей роли. А может и впрямь служил в красноверхих – кто знает? Он такой старый, что это вполне может быть правдой.

– Ну в любом случае мой народ должен быть ему благодарен. Он жив ещё?

– А чего с ним сделается? – довольно пренебрежительно фыркнул Доссан. – Он ещё всех нас переживёт, старый ма-разматик!

– Я бы хотел увидеться с ним.

– Да он, наверное, совсем мозгами скис уже! – весело отмахнулся Доссан. – Зарылся в свои фолианты как книжная моль и носа не кажет из библиотеки!

Драонна несколько покоробили слова графа, но, с другой стороны, это было типичное пренебрежение цветущей юности к дряхлой старости. И тем не менее он сделал себе пометку на память разыскать этого Тирни и поговорить с ним, если он, конечно, не совсем ещё впал в маразм. Судя по всему, человеком он был явно необычным.

Тем временем четверо собеседников выбрались из дворца и шли через небольшой садик к флигелю. Летом здесь, наверное, было чрезвычайно хорошо и уютно, но сейчас деревья стояли голые, покрытые лишь инеем. Правда, дорожки были аккуратно очищены от снега, что и не удивительно, коль уж по ним ходили любимцы самого императора!

И сам флигель оказался вполне уютным. В нём было два крыла, и, по словам продолжавшего болтать Доссана одно из них полностью пустовало, так что места должно было хватить и самому принцу, и всей его свите. Визьер же не преминул похвастать тем, что им здесь готовит собственный повар, и готовит преотменно, и что отныне он будет готовить также и на лирр.

– Живём здесь, милорд, как в собственном небольшом государстве, – сладко улыбнулся Визьер. – Если заумная болтовня его величества начинает вызывать у нас мигрень – мы тут же скрываемся здесь на сутки, а то и двое. Ищем тут, так сказать, политического убежища.

Все трое разразились хохотом – видимо, подобные подтрунивания над собственным сюзереном среди них были делом обычным. Собственно, даже после столь непродолжительного знакомства с Рионом принца это нисколько не удивляло.

– Вот мы и пришли, милорд, – сделал широкий жест Визьер, распахивая дверь перед Драонном. – В вашем распоряжении будет всё левое крыло, располагайтесь там, где сочтёте удобным. Несмотря на то, что флигелёк небольшой, но стены толстые и смежных комнат нет, так что наше соседство вас не побеспокоит. Да и сами мы – соседи не шумные.

И все трое вновь многозначительно рассмеялись. Однако теперь, после краткой беседы, они уже не казались столь ничтожными и раздражающими.

– Благодарю, господа, – учтиво поклонился Драонн. – С вашего позволения, я оставлю вас, чтобы обустроиться и привести себя в порядок. Можно ли здесь попросить наполнить ванну горячей водой?

– Отчего бы и нет? Здесь полным-полно слуг. Прикажете любому, и через час ванна будет готова!

– Ещё раз благодарю вас. Увидимся завтра!

И Драонн отправился в свою половину флигеля – выбрать комнату по душе.

За полчаса до обозначенного срока Драонн в сопровождении Ливейтина, а также ещё нескольких наиболее знатных своих вассалов, изящно одетый и отдохнувший, предстал перед императором. Он дружески кивнул уже находившейся подле Риона тройце и склонился в глубоком поклоне перед государем.

– Вы весьма пунктуальны, милорд, – похвалил его император. – Полагаю, что всё уже готово к вашему представлению. Весь двор собрался в большой церемониальной зале. Все ждут лишь нас.

– Тогда не будем заставлять их ждать, ваше величество.

В церемониальной зале и правда было многолюдно. Здесь не было огромных каминов – лишь несколько металлических жаровен, чтобы обогреть помещение, но сейчас это особенно и не требовалось – воздух был нагрет дыханием многих людей. Все они жадно смотрели на лирийского принца, который для них был живым воплощением легенды, казалось бы, давно уже умершей. Они глядели на илира, который лично разговаривал с дедом нынешнего императора, а особо тонкие ценители истории припоминали ещё и знаменитого некогда канцлера Делетуара.

– Вам выпала честь попасть в историю, господа! – своим

тонким голосом начал Рион, и в зале наступила тишина. – Сколь ни антагонистичным казалось нам всегда сосуществование лирр и людей, нельзя не признать, что в этом было больше замысла смертных, нежели богов. Все мы – дети Белого Арионна, и он любит нас одинаково. Когда люди пришли в этот мир – беспомощные и слабые, словно младенцы, исторгнутые из материнского чрева, именно лирры помогли нам стать теми, кто мы есть теперь. Именно лирры научили нас тому, что мы знаем, ну а мы, в свою очередь, позже многому научили их. Лишь кознями Асса-лиходея можно объяснить ту вражду, что вспыхнула позднее между нашими народами. Логика бессильна истолковать причину этой вражды – корни её глубоко погрязли в нелепых предрассудках и взаимных претензиях...

Его величество явно любил поговорить, а также, судя по всему, любил себя слушать. Уже через четверть часа Драонн заскучал, окончательно потеряв нить витиеватых рассуждений монарха, а тот, похоже, столь высоко вознёсся на крыльях своего красноречия, что окончательно ушёл от первоначального плана и говорил по вдохновению, недостатка в котором явно не испытывал.

Подданные, как видно, уже вполне привыкли к многомудрым и одновременно бестолковым речам своего государя, поэтому наиболее стойкие или же наиболее подобострастные всё ещё сохраняли выражение восторженного внимания на лице. В задних же рядах уже поднимался лёгкий гул, скла-

дывающийся из перетоптываний, шуршания и перешептываний, так что в конце концов одному из вельмож в передних рядах пришлось даже призвать людей к порядку.

В какой-то момент император Рион всё-таки сумел вынырнуть из хитросплетений своих речей и перейти к представлению Драонна. Было объявлено о великих – реальных или мнимых – заслугах достойного принца перед короной, причём выходило так, что четверть века назад именно Драонн, едва ли не лично, сумел остановить пагубную войну. Вряд ли, конечно, начитанный император действительно так плохо знал историю – скорее всего его просто опять понесло. В любом случае, поделаться с этим Драонн ничего не мог, а потому оставалось лишь стоять и выслушивать всю эту чушь с максимально беспристрастным лицом.

– С этого дня начинается новая эра! – провозгласил Рион, которому до этого пришлось отпить воды из-за пересохшего горла, что на время оборвало его поток мыслей и позволило вернуться к главному. – Убеждён, что милорд Драонн Доромионский послужит нам не хуже, чем он служил моим отцу и деду! Заявляю со всей ответственностью: пока в моём государстве не наступит полный мир и равноправие между лирами и людьми, для меня не будет министра важнее и ответственнее, чем принц Драонн!

Это был, конечно, уже явный перебор, и Драонн, стоя лицом к присутствующим, не мог не видеть, как перекошились их лица, даже несмотря на то, что все, похоже, прекрасно

осознавали, чего стоит трёп императора. Рион словно специально старался подставить будущего министра как можно сильнее.

– Да наступит вечный мир между лиррами и людьми! – столь патетической нотой император наконец закончил свою речь.

По его сигналу вперёд вышел один из канцлеров (не Дойт, а других легкомысленный правитель представить Драонну не удосужился), держа на вытянутых руках белую, шитую зелёными нитями широкую ленту. Эта лента была символом министров, которую они надевали по торжественным случаям. На неё же прикреплялись ордена, ежели хозяин ленты был этого достоин. У лиррийского принца она, разумеется, пока ещё была пустой.

Под нестройные аплодисменты министерская лента была надета Драонну через левое плечо, после чего он низко поклонился сперва императору, а затем вельможе, вручившему ленту – так требовал этикет. По счастью, говорить ответного слова не требовалось – считалось, что к сказанному императором добавить нечего.

Третий поклон был адресован уже всем присутствующим, и он послужил сигналом к окончанию церемонии. Несколько подхалимов бросились к Драонну поздравлять с назначением, чувствуя, что при дворе появился новый фаворит. Большинство же просто вышли из зала, чтобы направиться по своим делам.

«Вот и сбылось ваше желание, милорд», – с невольной внутренней улыбкой подумалось Драонну, и на мгновение ему показалось, что он услышал ответное ободряющее хихиканье Делетуара.

Глава 25. Гайрединн

Очень скоро Драонн смог убедиться в том, что молодой император был, если так можно выразиться, профессиональным мечтателем. В первые дни после вступления в должность лиррийский принц по многу часов проводил в обществе государя, и тот весьма охотно говорил о самых разных прожектах, при этом, что характерно, почти не интересуясь мнением самого новоиспечённого министра. Однако и эти слова в итоге оставались не подкреплёнными никакими делами. Император Рион «намечал стратегию», и было всё более очевидно, что с размахом его ума до «тактики» дело может и не дойти.

Сам Драонн довольно ясно представлял свой первый шаг. Необходимо было законодательно закрепить особый статус лиррийских провинций, вывести их из-под действия пресловутого Дейского эдикта. Фактически они и так уже, как мы знаем, жили, не слишком-то соблюдая неукоснительные для других правила, но, по мнению Драонна, именно в этом и заключался корень зла – многие люди просто бесились от сложившейся ситуации, справедливо полагая, что лиррам-де закон не писан. Так вот этот самый закон и нужно было изменить.

Однако принц трезво смотрел на вещи и понимал, что в этом деле у него вряд ли найдутся весомые союзники при

дворе. И дело было даже не в личном консерватизме тех же канцлеров – поближе узнав их, он понял, что с ними можно иметь дело. Вопрос был в том, что любой, кто поддержит подобные преобразования, неизбежно войдёт в круг непопулярных, а рисковать репутацией ради лирр никому не хотелось. Что же касается троицы его новых соседей, то они были слишком уж себе на уме.

Драонну они напоминали трёх домашних котов – ухоженных и обласканных. Такой кот всегда действует лишь по собственному разумению, в случае чего искусно притворяясь спящим и лишь изредка зыряка своими лукавыми глазами.

Так и эти трое – они неизменно были приятны и располагающи, но, повинувшись какому-то своему внутреннему чувству, тут же исчезали, стоило Драонну лишь подумать о том, чтобы заручиться их поддержкой, либо же с великолепной придворной непринуждённостью мягко, но неуклонно переводили разговор в совершенно постороннее русло.

Поэтому никто, кроме самого Драонна, не мог помочь ему противостоять мощным потокам слов, которые ежедневно извергал император, и пока, надо признать, он с этим не слишком-то справлялся. Со всё нарастающим отчаянием принц начал осознавать, что его новая должность, хоть и называется пышнее предыдущей, но по сути своей такая же декоративная.

Однако отчаиваться было рано – император явно действовал не из злого умысла, как это было при его отце. Он дей-

ствительно верил в то, что говорил, а потому можно было надеяться, что однажды он наговорится достаточно, чтобы начать действовать.

– Я хочу, чтобы при моём дворе было как можно больше лирр! – вдохновенно вещал Рион. – Они внесут в придворную жизнь так необходимое нам изящество. Ах, милорд, я надеюсь дожить до тех времён, когда лирры и люди будут жить вольно, не задумываясь, кто из них кто! И тогда никто не станет косо смотреть на собственного государя лишь потому, что он имеет одновременно и счастье, и несчастье обладать более тонкой душевной организацией...

– Да, ваше величество, – в последние дни это была самая частая и почти единственная фраза, которую произносил Драонн.

– Кого из своих соплеменников вы пригласите на работу прежде всего? Я полагаю, что этой чести следует удостоить вашего тестя, принца Кассолейского? Насколько я знаю, это весьма достойный илир, обладающий всеми задатками государственного мужа.

– Принц Гайрединн уже слишком стар, – стараясь говорить как можно более бесстрастно, ответил Драонн. – Он уже много лет сидит в своём родовом гнезде, никуда не выезжая. Вряд ли ему будет по силам приехать в столицу.

– Очень жаль, – похоже, император был искренне огорчён. – Я надеялся лично поприветствовать столь выдающегося илира. Тогда кого же вы призовёте себе в помощь?

И тут Драонн задумался. А ведь действительно – он понятия не имел, кому может довериться. Конечно, на ум тут же приходил его старый соратник Перейтен Бандорский, но Драонн не мог поручиться, что и его не заманили в тайное общество Лианы. Теперь уже поздно было сожалеть о том, что не сообразил как следует расспросить Гайрединна. Увы, теперь любой лирра потенциально был членом общества, и в первую очередь те, кто был с ним в прошлом комитете.

– Это очень ответственное решение, ваше величество, и мне нужно его обдумать, – уклончиво ответил Драонн. – Я отправлю сообщения тем, с кем работал в прошлый раз.

Так он и сделал. Ничего другого он придумать всё равно не мог – доверяться совсем уж незнакомым илирам не хотелось, тем более что и это не было гарантией того, что они никак не связаны с Лианой. Поэтому он послал самых лучших голубей к Перейтену, а также к тем трём лиррам, что входили в комитет.

Первым пришёл ответ от Лиарона Эрастийского, что было неудивительно, коль он жил совсем рядом со столицей. Точнее, ответ пришёл не именно от него, а от его сына. В коротком сообщении говорилось, что лорд Лиарон скончался от алой лихорадки больше десяти лет назад. Нельзя сказать, что для Драонна это стало сильным ударом – как мы помним, он и так не до конца доверял этому торгашу.

Кайлен Брокорианский из Ревии прислал вежливый, но решительный отказ. Во время прошлой войны он лишился

земель и имения, которое было сожжено лейсианцами. Видимо, сейчас он был озабочен лишь восстановлением собственного дома, и не желал лезть в политику. Лишь Беалест Тенейдинский из Лиррии высказал готовность прибыть на службу.

Ответа от Перейтена пришлось ждать дольше других, и, признаться, именно его Драонн ожидал с самым большим волнением. Он одновременно и хотел, чтобы старый друг согласился, и боялся, что его согласие лишь раздует пламя недоверия в груди.

Наконец голубь из Сеазии прилетел. Принц с трепетом развернул тонкую полоску пергамента. «Скоро приеду» – всего два слова были выведены на ней рукой, не привыкшей к перу. И всё же Драонн испытал явное облегчение. Даже если Перейтен примкнул к Лиане – он всё же верный и преданный друг, а потому можно было надеяться, что он не нанесёт удар в спину.

Перейтен приехал не так скоро, как обещал. Зима выдалась очень снежная, вьюги почти непрестанно терзали землю своими острыми когтями. Сугробы в Сеазии поднялись едва ли не в человеческий рост, да и здесь, в Кидуе, простолюдины выбивались из сил, пытаясь справиться с завалившими город массами снега.

Тракты заметало и переметало, в иных местах редкие путники неделями не могли добраться из одной деревни в другую. Но тем, кто оказался хотя бы на постоянных дворах или

нашёл кров у селян, ещё очень сильно повезло. То и дело приходили сообщения о заживо замёрзших в дороге купцах, ямщиках, курьерах – они погибали, попав в снежный плен.

Всё это время Драонн страшно переживал за принца Бандорского, судьба которого была ему неизвестна, и узнать её он пока не мог. Оставалось лишь ждать...

Лишь спустя почти четыре недели после возвращения голубя, когда тучи наконец убрались куда-то на запад, за горизонт Западного океана, дав возможность населению империи тяжким трудом расчистить пути, Перейтен объявился в Кидуе. По давнишнему распоряжению Драонна его тут же отправили в Южный флигель. Там ему пришлось обождать, покуда министра оповестят, и он явится лично встретить старого друга.

Войдя в гостиную, где слуги расположили Перейтена, Драонн с удивлением обнаружил, что тот был в ней не один. При появлении высокопоставленного чиновника скоро и почтительно вскочил с кресла совсем юный илир – едва ли тридцати лет от роду. Явная схожесть в чертах лица не оставляла сомнений.

– Рад видеть вас, старый друг! – с искренней теплотой воскликнул Драонн, раскрывая объятия былому соратнику. – А это, должно быть, ваш сын?

– Вы угадали, милорд, – усмехнулся Перейтен, горячо обнимая принца. – Это мой сын, Дайвиан. Он очень уж просил взять его с собой. Он хоть и совсем ещё зелен, но амбиции

уже совсем не детские.

– Что ж, я рад знакомству, Дайвиан. Амбиции – это хорошо. Думаю, мы найдём им достойное применение. А насчёт незрелости... Вспомните, друг мой, намного ли старше я был, когда милорд Делетуар притащил меня сюда? А то, что у вашего сына, в отличие от меня, уже есть желание, или амбиции, как вы выразились – это и вовсе даёт ему немалое преимущество. Вполне возможно, он у вас далеко пойдёт, милорд!

– Благодарю вас, ваше высочество, – без особого стеснения поклонился юноша. – Я не льщу себя надеждой, что вы тут же предложите мне высокую должность в вашем министерстве. Я готов быть писарем, курьером, даже уборщиком. Для меня это шанс вырваться из провинциального болота, на которое я был обречён.

– Юная кровь – что игристое вино, – усмехнулся Перейтен. – Её трудно удержать в бутылке. И хотелось бы отчитать шалопаю, да припоминаю, каким сам был в его лета.

– Что ж, для меня это отличное приобретение – там, где я надеялся найти одного соратника, неожиданно нашёл сразу двух. А в моём положении каждый верный илир – на вес золота!

– Многих ли из нашей прошлой компании вы уже завербовали? – ностальгически усмехнувшись, поинтересовался Перейтен.

– Увы, кроме вас, друг мой, здесь лишь Беалест Теней-

динский. Принц Лиарон, к сожалению, уже давно на Белом Пути, а Кайлен Брокорианский, видимо, устал от политики.

– А что же ваш тесть, принц Гайрединн?

Драонн внимательно посмотрел на Перейтена, пытаясь понять, что именно ему известно, но тот либо действительно был не осведомлён, либо отлично умел владеть лицом.

– Принц Гайрединн уже очень стар, и в последнее время совсем не покидает Кассолея. Кажется, ему нездоровится.

– Жаль, – сочувственно кивнул Перейтен. – Его ум очень пригодился бы нам.

Этот разговор ровным счётом ничего не значил. Принц мог с тем же успехом разыгрывать свою неосведомлённость, равно как и действительно ничего не знать. Во втором случае это означало бы, что он непричастен к заговору, в первом – наоборот. Но спрашивать в лоб Драонн не хотел. Оставалось уповать на время, которое даст ответы на всё.

– Располагайтесь, отдыхайте, – ещё раз пожав руку Перейтену, проговорил Драонн. – Мне нужно вернуться к его величеству. Увидимся вечером.

Встреча с хранителем библиотеки Тирни, признаться, разочаровала Драонна. По тому, что он уже знал о нём, принц понимал, что это был человек неординарный. Увы, даже самый могущественный разум склонен к увяданию... Может быть, когда-то Тирни действительно был крайне неза-

урядной личностью, но теперь он стал лишь жалкой пародией самого себя.

Замшелый старикашка с отвратительными гроздьями волос из ушей и носа, сморщенный, словно сушёная слива, и шамкающий беззубым ртом. Но хуже всего было то, что он, несмотря на то что до сих пор числился хранителем библиотеки, судя по всему, действительно впал в слабоумие, как и говорил Доссан. Тирни, кажется, не проявил ни малейшего удивления или интереса, хотя стены библиотеки в последний раз видели лирру уже много-много лет назад.

Скрипучим блеющим голосом он невпопад отвечал на вопросы Драонна, так что тому не удалось получить ни одного вразумительного ответа. А ведь всего каких-нибудь десять-пятнадцать лет назад (совсем немного по лирийским меркам) он, судя по всему, был во вполне здравом уме – ведь именно тогда он внушил будущему императору приязнь к лирийскому народу.

Удивительно, но стоило Драонну заговорить о книгах, как в глазах Тирни словно что-то засветилось, а речь стала сразу более внятной, а суждения – ясными. Несчастный разум, проведя всю свою жизнь среди древних фолиантов, словно заблудился в них и принёс себя им в жертву. Вероятно, собственная жизнь старика была куда менее яркой, чем то, о чём он читал долгие годы, поэтому она уже успела изгладиться из памяти, тогда как прочитанное всё ещё держалось в ней.

Увы, это выглядело ещё более жалко. Тирни едва ли не

целыми абзацами цитировал великих философов, причём делал это вполне осознанно, в русле беседы, но при этом вновь утрачивал всякую нить повествования, стоило Драонну немного уйти от темы к тому, что действительно его интересовало.

Тем не менее, принц пробыл в библиотеке больше часа, из которых не менее трёх четвертей часа он провёл в беседе с хранителем. Затем он отобрал себе несколько томов, которые его заинтересовали и, попрощавшись со стариком, направился к выходу. Уже возле дверей он ещё раз обернулся и, поклонившись, произнёс:

– Спасибо вам за всё, милорд.

– Надо же – милорд... – заскрежетал гнусавым безумным смехом старик.

Время шло своим чередом. Постепенно Драонн втянулся в придворную жизнь, и если и не смирился с ней, то научился обходить острые углы и неприятности. Придворные всех миров и всех времён одинаковы – они всегда ищут внимания тех, кто обласкан правителем, и так же быстро отворачиваются от них при опале. Но лирийский принц не был в опале, и пока ничего не предвещало подобного развития событий, а потому у него теперь не было отбоя от желающих набиться в друзья.

Новая тенденция была подхвачена сперва двором, но к ле-

ту она докатилась и до простых обывателей. Это лето запомнилось многим жителям столицы в первую очередь небывалым наплывом лирр. Надо сказать, древний народ никогда особенно не жаловал эти земли, предпочитая селиться юго-восточнее, в своих роскошных реликтовых лесах. Даже когда Кидуа стала столицей, сюда приезжали лишь те илиры, которых соблазняла торговля, а таковых было немного.

Однако этим летом многие знатные лирры прибыли в Кидую. В некоторых гостиницах проживало сразу по пять-шесть вельможных илиров, причём с каждым из них был минимум один сопровождающий. Никто из них толком не мог сказать – зачем именно они приехали, как и мотыльки не могут объяснить, для чего им необходимо лететь на свет пламени. Просто лиррийский народ, возможно, даже раньше людей почувствовал приближение каких-то перемен.

И население Кидуи как-то вдруг приняло новое положение дел. На иноплеменников особо не косились на улицах, а уж сцен, подобных той, что произошла с Драонном четверть века назад, когда он только прибыл в Кинай, и вовсе уже не случалось. Складывалось ощущение, что и люди, и лирры только и ждали удобного повода, чтобы позабыть распри.

Лиррийская тематика внезапно вошла в моду. Всё чаще можно было видеть на улицах столицы молодых щёголей, одетых в лиррийские камзолы. Конечно, позволить себе это могли лишь весьма стройные люди, поскольку облегающий покрой платья беспощадно выставлял напоказ любые изъя-

ны телосложения.

Вряд ли во всём этом была заслуга Драонна и его министерства – признаться, тут принцу похвастать пока было нечем. Он по-прежнему ежедневно окунался в поток фантазий своего сюзерена – столь же грандиозных, сколь и бесплотных. Главный вопрос – Дейский эдикт – оставался нерешённым. Император словно не слышал предложений Драонна, заменяя их собственными прожектками. Однако в целом обстановка менялась явно в нужную сторону, так что лирийский министр особо не переживал на этот счёт. Прожитые годы в значительной мере охладили его юношеский максимализм, так что сейчас он уже не терзался теми мыслями, что не давали ему покоя в прошлый раз.

Теперь при дворе было уже около десятка лирр, причём не все они даже служили в министерстве Драонна. Неугомонный Доссан уже несколько раз прилюдно пошутил на тему того, что скоро одним из канцлеров будет назначен лирра. Конечно, эти слова старались расценивать лишь как несколько неуклюжие шутки, но Драонн видел за ними нечто большее – это были пробные камни, а быть может даже и подготовка общественного мнения. Вода камень точит, и каждый раз эти шутки казались людям уже чуть менее абсурдными, нежели в прошлый раз. Может быть, если его величество проживёт достаточно долго, принц Доромионский действительно доживёт до того, что увидит на посту имперского канцлера лирру. А может и сам займёт это место...

Общество Лианы на протяжении всех этих месяцев никак не давало о себе знать. Он не получал ни единой весточки из Кассолея, не давал о себе знать Вейезин, никак не проявлял себя загадочный Ворониус. Временами Драонн и вовсе забывал об их существовании, а когда вспоминал, то мысли эти уже не вызывали такой болезненной реакции. Хотелось надеяться, что так будет и впредь.

К лету Драонн переехал в собственный особняк, расположенный всего в квартале от того, что в своё время подарил ему Делетуар. Южный флигель оказался не таким уж плохим местом, а Визьер, Доссан и Ливвей – вполне сносными соседями, однако собственный дом – это всегда собственный дом. Принцу нужно ведь было подумать и о том, что сюда, возможно, переедут его домочадцы.

Правда, Аэринн с непонятым Драонну упорством не хотела приезжать в столицу, хотя он несколько раз приглашал её, как только у них появился свой угол. Зато Биби внезапно загорелась надеждой, что в столице кто-то всё-таки возьмётся её обучать волшебству, тем более что отец теперь был не из последних лиц государства. Аэринн мягко, но настойчиво пыталась отговорить дочь, давя больше не авторитетом, а жалостью. Однако упрямая Билинн была неумолима.

В конце концов Аэринн сдалась, но поставила условие, чтобы дочь непременно сопровождал в пути Ливейтин, коль

уж Драонн не может этого сделать. Старый воин, несмотря на годы сохранивший почти юношескую статью, безропотно отправился в дорогу – всё равно жизнь в столице пришлась ему не по нутру, да и своему принцу он был покамест без надобности, так что он с удовольствием ухватился за возможность немного развеяться.

Увы, но мечтам Биби не суждено было сбыться – в Кидуе не жили магини, да и вряд ли они согласились бы взять бесперспективную ученицу, а волшебники из людей не могли ничему научить лирру на данном этапе – ведь ей, по сути, необходимо было познавать почти самые азы волшебства, которые у людей и лирр различались. Конечно, будь Билинн опытной колдуньей, ей нашлось бы чему поучиться у человеческих магов, но теперь все те, к кому обращался Драонн, лишь разводили руками. Ему было очень горько оттого, что придётся разочаровать дочь, но поделаться он ничего не мог.

И хотя Билинн, приехав, стоически перенесла это известие, он понимал, насколько она огорчена. Незрячая девушка не могла даже полюбоваться красотами Кидуи, увидеть своими глазами императорский дворец... Она всё своё время проводила дома, где по-прежнему была лишена радости общения с отцом, который много времени проводил во дворце.

Драонн общался с Аэринн так часто, как только мог. Раз

в несколько дней он посылал короткие послания голубиной почтой, и не реже одного раза в неделю отправлял гонцов. Он мог бы делать это и за казённый счёт, но совесть не позволяла так злоупотреблять служебным положением, поэтому и курьерам, и за голубей он платил из собственного кармана. Такой стиль общения, конечно, не мог заменить полноценных встреч, но всё же это был максимум, который был возможен в данной ситуации.

Аэринн сообщала, что беременность протекает очень хорошо, что она не испытывает никакого дискомфорта, что за ней отлично ухаживают, и что целительница Орана предрекает благополучные роды здорового малыша. По её словам, Аэринн должна разрешиться от бремени в конце месяца жатвы или начале месяца дождей²⁴.

Драонн заблаговременно испросил у императора позволения уехать на пару месяцев в Доромион, чтобы присутствовать при рождении ребёнка. Рион, разумеется, тут же согласился. Он даже заговорил о том, как было бы чудесно ему, государю, выехать наконец из столицы и увидеть, чем и как живёт его империя. Со всё большим воодушевлением он начал строить планы совместной поездки в Сеазию, едва ли не предлагая себя в качестве нарекателя²⁵ для новорождённого.

²⁴ Месяц жатвы и месяц дождей – осенние месяцы календаря Кидуанской империи, соответствующие нашим сентябрю и октябрю.

²⁵ Нарекатель (заступник перед Арионном) – тот, кто внесёт младенца на двенадцатый день после рождения в храм Арионна для благословления и наречения именем. По традиции не может быть кровным отцом или матерью.

Троица извечных миньонов поначалу хихикала, но когда они осознали, что поездка в холодную далёкую Сеазию всё больше превращается в реальность, то, спохватившись, стали отговаривать юного монарха. В конце концов Рион передумал к вящему облегчению своих друзей, узнав, что ехать придётся осенью, и что месяц жатвы, достаточно тёплый и ласковый в этих краях, куда менее приятен на берегах залива Алиенти.

Так или иначе, но Драонн уехал в самом начале осени, чтобы возможные дожди и другие неприятности не заставили бы его пропустить столь важное событие. Но дорога благоприятствовала принцу, так что он прибыл почти за две недели до рождения ребёнка. Вместе с ним домой вернулась и Билинн, окончательно уверившаяся в том, что её судьба – всю жизнь просидеть в четырёх стенах Доромионского замка.

Однако во второй день месяца дождей все разочарования и горести позабылись – в семье принцев Доромионских произошло пополнение. Как и предсказывала Аэринн, у неё родился крепкий и здоровый мальчик, наследник Доромионского и, вероятно, Кассолейского домов. Радости Драонна не было предела – он не мог налюбоваться на этот крошечный комочек, уютно устроившийся на руках у обессиленной, но счастливой Айри.

– Как ты хочешь назвать своего наследника, мой принц? – чуть позже поинтересовалась Аэринн.

Младенца к тому времени уже унесли, и они смогли немного побыть вдвоём. Естественно, Айри было не до любовных утех, так что она просто положила голову на грудь мужа, обвив его руками.

– Я думал об имени Гайрединн, – поглаживая волосы жены, проговорил Драонн.

– Гайрединн? – Аэринн была настолько изумлена, что, приподнявшись на локте, пристально поглядела на принца. – Но мне казалось, что...

– Тебе казалось, – мягко поцеловав любимую в лоб, произнёс Драонн. – Всё хорошо. Твой отец – великий илир, и любой почтёт за честь носить его имя. Тем более что мы назвали дочь в честь моей матери, а потому будет справедливо назвать сына в честь твоего отца.

– Мне очень приятно это слышать, – улыбнулась Аэринн. – Но если ты делаешь это только ради меня, то не стоит...

– Я делаю это также и для себя, – улыбнувшись, возразил Драонн и вновь нежно коснулся её волос губами.

Глава 26. Ворониус

Драонн тянул с возвращением столько, сколько это было возможно. Пользуясь тем, что император не назначил конкретного срока возвращения, принц решил пробыть дома как можно дольше. Главное – успеть в Кидую до тех пор, пока снега не сделают дорогу непроходимой. Таким образом он пробыл дома целый восхитительный месяц, купаясь в любви жены и детей.

Это действительно была удивительная пора – все печали были позабыты на время. Аэринн не вспоминала о том, что её муж вскоре уедет на неопределённый срок; Биби, кажется, и думать забыла о своих рухнувших надеждах, а Драонн попытался забыть все свои переживания разом. Они просто радовались тому, что они вместе, и отдавались этой радости так неистово, словно пытались запастись ею впрок. Словно предчувствовали какую-то большую подступающую беду.

В конце концов Драонн решил отправиться назад морем. Конечно, все разумные сроки навигации давно прошли, однако всегда можно найти самоубийцу, любящего деньги больше жизни. Зато это позволяло побыть с семьёй ещё несколько лишних дней.

Так и вышло. Драонн отправился в обратный путь в на-

чале постремия²⁶, когда с неба уже то и дело падал снег. Западный океан был довольно бурным в это время года, но заплатив какие-то немислимые деньги, принц отыскал в Шедоне отчаянного смельчака, готового рискнуть. У него была небольшая шхуна, которая должна была справиться с этим маршрутом, совершенно несложным в другое время года.

Надо сказать, что несмотря на качку, принц не сожалел о принятом решении. Даже несмотря на противный ветер он добрался до Кидуи в шесть дней, что было бы совершенно невозможно в это время года, вздумай он путешествовать посуху.

Столица приняла принца Доромионского весьма радушно. Император закатил знатный банкет – почти настоящий королевский праздник – в честь рождения Гайрединна Доромионского, наследника двух великих домов Сеазии. Были приглашены все мало-мальски значимые при дворе лица, и большинство из них выражало вполне искреннюю симпатию, когда рассыпались в поздравлениях и здравницах Драонну.

Отдельно нужно отметить, что его величество озаботился тем, чтобы пригласить всех окрестных знатных лирр. При-

²⁶ Постремий – последний месяц осени календаря Кидуи, соответствует нашему ноябрю. Название является адаптированным переводом наименования данного месяца в империи Содрейн. Там это название происходило от слова «последний». Как язык империи Содрейн являлся мёртвым языком во времена Кидуанской империи, хотя на нём говорила значительная часть учёных и духовенства, так и в нашем мире таковым языком является латынь. Поэтому для адаптации названия было использовано латинское слово «postremus» – «последний».

глашения были разосланы также и в Лиррию, и в Ревию, но оттуда желающих посетить торжество было слишком мало. То ли виной тому были зимние дороги, хотя и более ухоженные, нежели дороги Сеазии, но всё-таки не слишком-то уютные. То ли провинциальные лирры понимали, что зовут их больше для проформы, поскольку сроки были установлены весьма жёсткие – праздник состоялся через неделю после возвращения Драонна. Но вполне вероятно, что принцы из этих провинций всё ещё помнили пресловутую свадьбу Драонна, на которую они оказались приглашены в добровольно-принудительном порядке, а потому и сейчас могли опасаться чего-то подобного.

В любом случае их опасения были напрасны. Это торжество показало, какой большой путь проделали два великих народа навстречу друг другу всего за какой-то год. Те представители лиррийского народа, что ответили-таки на приглашение, вовсе не чувствовали себя изгоями на этом празднестве. Глядя на происходящее, Драонн не мог отделаться от чувства, что всё это – не более чем сон. Таким невероятным казалось то, что вражде между лиррами и людьми положен конец.

Настала весна 2877 года – последняя весна прежнего мира. Словно чувствуя свою значимость, она сильно припозднилась, так что даже в Кидуе снег окончательно сошёл лишь

в месяце империи. Почки на деревьях распускались позже обычного, будто опасались, что холода могут вернуться.

А затем внезапно наступила жара. Уже к концу месяца империя столицу накрыл жар, куда более характерный для разгара лета. И это ощущалась ещё более оглушающе на фоне того, что всего три недели назад стояли почти зимние холода.

Жара ушла так же внезапно, как и возникла. Первые же дни месяца арионна принесли тучи с востока, которые сперва словно пробовали силы мелким дождиком, а после обрушили настоящие весенние ливни с грозами, вымыв напрочь остатки духоты со столичных улиц.

А затем в ночном небе появилась комета. Несколько ночей подряд одна и та же огненная точка становилась всё ярче, пока наконец не превратилась в хвостатое чудовище, растянувшее свой хвост вдоль горизонта. Вскоре она стала видна даже днём, напоминая причудливое облако на голубом небе.

Уже тогда многие сочли её провозвестницей грядущих бед. Простонародье ринулось в храмы Арионна, моля Белого бога заступиться и отвлечь несчастья. Каждую ночь люди ложились, опасаясь не проснуться следующим утром.

Но комета ушла так же неспешно, как и появилась, а в мире ровным счётом ничего не случилось. Вскоре чернь уже высмеивала собственные страхи и готовилась к тяжёлой борьбе за будущий урожай.

И вот в одну из тихих ночей поздней весны, уже ничем

не отличающейся от раннего лета, в дверь особняка Драонна внезапно постучали. Разбуженный дворецкий-лирра открыл без опаски – неподалёку спали больше десятка воинов, так что будь за дверьми даже лихие люди, господину ничего бы не грозило. Но в ночном мраке был всего лишь посыльный из дворца.

– Пакет для его высочества, – сказал он и действительно протянул конверт, запечатанный императорской печатью.

Теперь уж все нижние чины во дворце именовали Драонна не иначе как его высочеством. При нынешнем дворе это не только не осуждалось, но и весьма приветствовалось, добавляя определённую оригинальную пикантность в разговор.

Дворецкий хорошо знал привычки хозяина, а потому понимал, что бумагу, скреплённую печатью императора, следует нести ему незамедлительно в любое время дня или ночи. Драонн же спал очень чутко, потому проснулся, лишь только слуга осторожно вошёл в комнату, осветив её слабым светом свечи.

– Что случилось, Сайнин? – резко садясь, спросил он.

– Письмо от его величества, ваше высочество.

Такого ещё не было, чтобы письма императора доставлялись в ночное время, а это означало, что случилось нечто совершенно из ряда вон выходящее.

– Зажги свечи, Сайнин, – дрогнувшим голосом попросил Драонн, протирая глаза.

Он принял пакет из рук слуги и, пока тот зажигал свечи, взломал печать и достал лист пергамента, на котором было всего несколько строк, написанных, однако, не рукой императора.

«Милорду принцу Драонну Доромионскому надлежит к вечеру сего дня прибыть в Готьедский замок. Все разъяснения будут даны на месте. Писано Четвертым канцлером империи Пиеффом по личному распоряжению его императорского величества Риона Первого в двадцать пятый день месяца Арионна в четверть второго ночи».

Готьедский замок – одна из императорских резиденций, расположенная на побережье залива Дракона милях в пятидесяти пяти восточнее Кидуи. Драонн знал, что император не любил это место – замок действительно был довольно мрачноват. Что могло заставить его отправиться туда – было совершенно неясно. Насколько было известно принцу, минувшим вечером не случилось ровным счётом ничего такого, что могло бы привести к подобным странностям.

Однако следовало поторапливаться. За окном уже начал брезжить ранний летний рассвет, а до Готьедского замка было довольно далеко. Учитывая, что письмо было совершенно неконкретным, ситуация не была критической, хотя, бесспорно, выглядела очень странно. Однако же Драонн решил, что не стоит брать с собой большой отряд, ограничившись сопровождением верного Ливейтина и ещё двух илиров.

Быстро собравшись и наскоро перекусив, принц отправился в дорогу, когда солнце, ещё не появившись над горизонтом, уже окрасило половину неба в багрянец и золото. Город спал, даже ночная стража не попалась илирам в пути, и это в очередной раз доказывало, что ничего страшного, вроде бы, не произошло. Тем более неясным становилось всё это дело. Однако же Драонн решил покамест не забивать этим голову – впереди у него много часов скачки, так что время подумать ещё будет.

Разумеется, в Готьедский замок вела вполне приличная дорога, вдоль которой располагались и постоянные дворы, и деревушки. Несколько раз Драонн останавливался то в придорожном трактире, то в намного раньше города просыпающихся селениях, чтобы узнать – не было ли какого-то движения из столицы в последнее время. Однако заспанные трактирщики лишь горестно качали головой – при новом императоре редко кто из столичных ездил по этой дороге, так что постоянные дворы терпели убыток.

Это было всё страннее и страннее. Отправься император в свою резиденцию, он не проскользнул бы туда незамеченным. Значит, его там не было. Но для чего же тогда он так спешно послал туда его, Драонна, и почему указание было написано канцлером Пиеффом?

Это дело было настолько непонятным, что становилось даже слегка пугающим. Иной раз Драонн подумывал – не повернуть ли ему коня и не отправиться ли во дворец, поскольку

ку складывалось ощущение, что его просто постарались удалить из столицы.

Однако тут же он понимал, сколь глупый и нелепый вид будет иметь, оказавшись совсем не там, где ему было велено быть. Всё же Драонн был птицей не того полёта, чтобы от него нужно было избавляться таким вот странным образом.

Да и для чего? Упразднить министерство? Вряд ли император стал бы проводить подобные махинации там, где достаточно было простого указа. Кто-то хочет его подставить? Но у него на руках письмо от четвёртого канцлера империи, а также пакет с гербовой печатью, в котором письмо это было доставлено. Даже если это окажется лишь чьей-то глупой шуткой – никто не посмеет посмеяться над ним.

Самое логичное, что напрашивалось в данной ситуации – Рион собирается вести какие-то секретные переговоры. Очевидно – с главами лиррийских домов. И не хочет, чтобы это до поры стало достоянием общественности. Косвенно это подтверждал тот факт, что письмо от имени императора написал канцлер Пиефф – то есть именно тот из канцлеров, что лояльнее всех относился к замыслам императора относительно лирр. Значит, дело наконец сдвинулось с мёртвой точки. Неужели он победил, и вскоре действительно будет отменен Дейский эдикт – этот камень преткновения меж лиррами и людьми?

Конечно, Драонну не слишком нравилась эта обстановка секретности, в какой всё проходило. Не хотелось бы, чтобы

они собирались где-то в забытом богами месте, будто заговорщики, замышляющие против интересов государства. Он понимал, что большинство воспримет это именно так. Но, с другой стороны, это было вполне в духе императора, который обожал таинственность, видя в этом нечто вроде игры, а потому, что бы там ни думал про себя его министр – он мог только лишь исполнять государеву волю, и по возможности делать это хорошо.

Нельзя сказать, что дорога была очень уж приятной. Тракт шёл всё больше лесом, а год этот выдался жутко комариным, так что остановиться, да и просто ехать неспешно не было никакой возможности – проклятые насекомые атаковали с такой яростью, что казалось – остановись хоть на пять минут, и останешься полностью обескровленным.

Не лучше было и на постоянных дворах – даже в продымленных залах под потолком вились целые тучи этих насекомых, порождая действующий на нервы гул. Поэтому илиры старались подолгу нигде не задерживаться, а Драонн горько сожалел, что не озаботился захватить плащ, поскольку погода была жаркой и солнечной.

Тем не менее, пару раз приходилось останавливаться в придорожных гостиницах, чтобы отдохнуть самим и дать отдых лошадям. Правда, и для тех, и для других этот отдых становился настоящим мучением. Особенно, конечно, страдали лошади. Несмотря на то, что конюхи по приказу Драонна набрасывали на животных попоны, комары находили ве-

ликое множество мест, которые можно было жалить совершенно беспрепятственно. Да и сами илиры беспрестанно почёсывались и хлопали себя, совершенно не стесняясь в выражениях. В общем, когда четверо илиров прибыли в замок около семи часов вечера, то все они были явно не в духе.

Готьедский замок был типичным примером давно ушедшей архитектуры, когда для владельцев главнее было создать хорошо защищённую крепость, нежели уютный дом. Именно поэтому, должно быть, он был так мил сердцу предыдущих двух императоров и совершенно отвратителен нынешнему. Грозное сооружение стояло на невысокой прибрежной скале, всем своим видом источая такую мощь и такое величие, что у видевшего его впервые Драонна даже захватило дух. Должно быть, штурмовать такую твердыню было бы делом совершенно пустым.

Поразило Драонна также и то, что ворота замка были закрыты, и даже мост поднят. Складывалось ощущение, что здесь совсем не ждут гостей. Более того, ни на башнях, ни на стенах не было дозорных, так что взбешённому этим фактом, а также роящимися полчищами гнуса Ливейтину пришлось изо всех сил дуть в рожок, оповещая о своём присутствии.

Наконец из-за зубца барбакана появилась чья-то физиономия.

– Чего угодно? – хмуро осведомился стражник, очевидно, отвлечённый от каких-то куда более приятных занятий.

– Открывай ворота, болван! – рявкнул Ливейтин, яростно хлопнув себя по щеке, где сидел незамеченный до этого надувшийся кровью комар.

– Это с каких ещё хренов? – даже там, на стене, комарье, должно быть, кусалось безбожно, поэтому стражник тоже был не в духе.

Ливейтин издал сдавленное рычание, словно волк, готовящийся к прыжку. Драонн, опасаясь, что может случиться неразбериха с самыми непредсказуемыми последствиями (а ну как сейчас десяток приятелей этого лежебоки придут на подмогу с луками!), положил руку на плечо верного товарища, пытаясь его успокоить, и заговорил сам.

– Я – министр империи Драонн Доромионский. У меня бумага от четвёртого канцлера империи Пиеффа, в которой мне предписывается прибыть в Готьедский замок сегодня вечером.

– Зачем? – буркнул было стражник, но тут же спохватился, что теперь его препирательства уже пахивают трибуналом. – Прошу прощения, ваша милость! Сию же минуту!

Голова исчезла, а вскоре послышался грохот разматывающихся цепей, и мост стал медленно опускаться. Сквозь этот грохот слышался и скрежет поднимаемой решётки. Через некоторое время (слишком долгое, по мнению снедаемых гнусом илиров) ворота наконец открылись.

– Простите, ваша милость! – это был тот же стражник. – Но мы тут не знали ни о каких приказах. К нам никаких рас-

поряжений не поступало... Вот и приняли вас... – и несчастный вновь прикусил язык, испугавшись едва не сорвавшихся с него слов.

– Где комендант? – холодно осведомился Драонн, словно не слыша оправданий.

– Послали за ним, – не переставал кланяться стражник. – Сейчас будет.

– Примите наших лошадей, да проследите, чтобы комары не обглодали их до костей! – Драонн спешил, бросая вожжи солдату.

– Всё сделаем, ваша милость!

И, радуясь возможности улизнуть, он тут же повёл лошадей в конюшню. Илиры же быстрым шагом направились к дверям цитадели, отступая перед превосходящими силами противника, наполняющего воздух отвратительным звоном. Драонн всё больше хмурился, не понимая совершенно, что происходит.

Вскоре подоспел пожилой уже комендант замка с помятым лицом – видимо, он уже успел улечься спать, несмотря на непозднее ещё время. Хотя, собственно говоря, чем здесь ещё заниматься-то?

– Ваша светлость, прошу извинить, – раскланиваясь, залезбил он. – Никаких указаний о вашем приезде не поступало.

– Это весьма странно... У меня есть письмо от канцлера Пиеффа... – Драонн полез за пазуху не столько для того,

чтобы продемонстрировать бумагу старику, сколько чтобы убедиться самому, что она ему не приснилась.

Нет, всё верно, письмо было написано сегодняшней ночью и требовало быть в Готьедском замке именно этим вечером. Однако полная неосведомлённость гарнизона и коменданта вызывала слишком много вопросов. Может ли быть, чтобы письмо было подмётным? Но на нём была императорская печать, и принёс его посыльный из дворца...

Тогда что же – это было вопиющее разгильдяйство? Но Пиефф разгильдяем не был. Для чего же вызвали его в этот замок? *Вызвали*, или, быть может, *заманили*? Уж не решили ли его арестовать без лишнего шума? Здешние подвалы стали бы превосходной темницей и для более могущественного узника.

Драонн внутренне усмехнулся – кажется, он становится параноиком. Глядя на простодушное и чуть испуганное лицо коменданта, сложно даже предположить, что он может быть замешан в чём-то подобном. Кроме того, их не арестовали сразу же. Хотя, могло быть так, что их просто разделили, чтобы схватить без лишних хлопот... Против воли его ладонь сжалась на рукояти меча, и это движение, кажется, не осталось незамеченным.

– Выделите нам одну комнату на всех, – стараясь говорить как можно более властно, произнёс Драонн. – И принесите туда ужин. Мы пробудем здесь до утра, а завтра я решу, что делать. Есть ли у вас голуби, чтобы снести со столицей?

– Разумеется, ваша светлость! Мы содержим голубятню в полнейшем порядке!

– Распорядитесь принести мне пергамент и чернила. Я напишу сообщение, а вы отошлите его с самым сильным и быстрым голубем, что у вас есть! Надеюсь, завтра я буду понимать во всём это гораздо больше...

– Сию же минуту, ваша светлость!

И комендант, несмотря на свою должность, лично бросился исполнять приказания министра. Сам же принц, поразмыслив секунду, отправился следом – лучше ему всё-таки держаться поближе к своим илирам, хотя никакого подвоха со стороны старика он не чувствовал.

Ливейтин и двое других илиров уже сидели у огня и, морщась, мелкими глотками попивали вино из щербатых глиняных кружек. Очевидно, что в любой другой ситуации они ни за что не стали бы пить подобное пойло, но комары порядком опустили их боевой дух. Возможно, они хотели, чтобы хмель хоть немного приглушил страшный зуд по всему телу.

– Что-то не так, ваше высочество? – обратился к Драонну Ливейтин, с явной брезгливостью отставляя кружку.

– Пока не знаю, – чуть рассеянно ответил тот. – Поглядим. Сегодня заночуем в замке, а завтра видно будет.

– Надеюсь, в спальнях у них не будет комарья... – проворчал старый воин, который, похоже, комариных укусов боялся больше, чем вражеских стрел.

– Не извольте беспокоиться, сударь, – раздался голос. –

Перед сном комнату можно окурить дымом волчьей травы, и комары подохнут.

Все обернулись на этот голос. В комнате было довольно темно, так что Драонн не сразу разглядел вошедшего, а, разглядев, невольно воскликнул от изумления. Этот человек очень уж был похож на старого библиотекаря Тирни, хотя выглядел несколько моложе и явно здоровее как физически, так и душевно. И поскольку это совпадение не могло быть случайностью, он сразу же понял, что перед ним, должно быть, младший брат хранителя библиотеки.

– Вижу, вы узнали меня, милорд, – хитро усмехнулся старик, подходя ближе и вступая в более светлый круг исходящего от свечей света.

– Узнал?.. – опешил Драонн. – Мы с вами виделись?..

– Надо же, – хихикнул старик. – Подумать только, а люди ещё меня считают слабоумным! Неужто вы забыли? Хотя и немудрено – прошло уж больше года. Кстати, вы так и не возвратили те книги, что взяли почитать. Не то чтобы я сильно беспокоюсь на сей счёт, просто вспомнилось вдруг...

– Так вы – хранитель библиотеки?.. – недоуменно воскликнул принц. – Но как же?.. Я хочу сказать...

– Я понимаю, – заверил Тирни. – В прошлый раз я произвёл на вас более удручающее впечатление, не так ли?

– Кто же вы?.. – понимание пронзило сердце иглой.

– Вы ведь уже поняли, разве нет? – хитро ухмыльнулся старик. – Ну же, произнесите это имя сами!

– Вы – Ворониус, – не спрашивая, а утверждая проговорил Драонн.

Глава 27. Хитросплетения

– Ни на секунду не сомневался в вашей проницательности, – чуть дурашливо поклонился Тирни-Ворониус. – Можем ли мы поговорить? Наедине.

Трое встревоженных илиров смотрели на своего господина, явно не радуящегося внезапному гостю, ожидая команды.

– Хорошо, поговорим, – нехотя кивнул Драонн.

– Вот перо и пергамент, ваша светлость! – в комнату вошёл запыхавшийся от усердия и лишнего веса комендант, но тут же остановился, увидев незнакомого старика.

– Перо и пергамент подождут, милейший, – тоном, не терпящим возражений, воскликнул Ворониус. – А после нашего с милордом разговора они, наверное, и вовсе не понадобятся.

Несчастный комендант лишился дара речи, недоумевая, откуда взялся этот странный старик, и по какому праву он распоряжается тут в присутствии столь влиятельного лица. Потому он замер, не сводя глаз с Драонна, словно надеясь, что тот всё ему немедленно разъяснит.

– Проведите нас в какое-нибудь помещение, где мы сможем поговорить наедине, – распорядился принц. – А вы будьте здесь и будьте готовы. Возможно, нам придётся уехать уже сегодня.

Всё ещё почёсывающиеся илиры кисло кивнули, представляя себе перспективу поездки по лесу в тёмное время суток. До ближайшего постоянного двора было миль семь. Ворониус же лишь ухмыльнулся на эти слова и как-то неоднозначно кивнул головой.

– Что вам от меня нужно, и для чего вы притащили меня сюда? – Драонн решил сразу начать с главного, чтобы побыстрее разделаться с этим делом.

– На первый вопрос довольно сложно ответить в двух словах, а оттого и ответ на второй вопрос становится сложным, – Ворониус окинул взглядом бедно обставленную комнату и с видимой неохотой сел на грубо сколоченную лавку, поскольку больше ничего подходящего здесь не было. – Дабы вам всё стало понятным, дайте мне возможность рассказать обо всём подробно.

– Это займёт много времени, а у меня его нет, – сухо ответил Драонн, не садясь, несмотря на приглашение жестом. – Я планирую возвращаться в Кидую.

– Поверьте, если дадите мне возможность всё объяснить, то увидите, что у вас есть время, и что вам не стоит возвращаться в Кидую, – несколько зловеще проговорил старик.

– Что это значит? – нахмурился принц.

– Дайте мне рассказать всё по порядку, ваше высочество, и вы всё поймёте, – упрямо повторил библиотекарь.

– Хорошо, – раздражённо бросил Драонн, прислоняясь плечом к закрытой двери. – Говорите. Но предупреждаю сра-

зу, что все ваши глупости про лианы и заговоры мне неинтересны. Можете не тратить на уговоры ни время, ни силы.

– Благодарю за предупреждение, – улыбнувшись, кивнул Ворониус. – Итак, начну со второго вопроса. Вы уже поняли, что это я пригласил вас сюда, а никакой не Пиефф.

– Но как вы это сделали? Подделали императорскую печать?

– Вот ещё! – фыркнул старик. – Печать была самая что ни на есть настоящая. Даже воск – настоящий, тот самый, которым запечатывает свои послания император.

– Как такое возможно? Вы похитили печать?

– К чему бы мне это делать? – пожал плечами Ворониус. – Всего-то и нужно, что отдать пакет нужному человеку, который его запечатает.

– Кто-то из слуг?

– Все мы – слуги императора, разве нет, – широко улыбнулся Тирни, и Драонн вдруг заметил, что в его рту вполне достаточно зубов. – Но в данном случае я говорю о нашем общем знакомом Визьере.

– Визьер? Так он участвует в вашем заговоре? – вскричал поражённый Драонн.

– И он, и Доссан, – подтвердил Ворониус. – Правда, они не знают, что это *мой* заговор.

– Как так?

– О, это презабавнейшая история, ваше высочество! – с явным самолюбованием воскликнул старик. – Дело в том,

что личность моя известна сейчас лишь двум лиррам. Один из них – вы, а другой...

– Вейезин, – догадался принц.

– Вот именно, Вейезин, – кивнул библиотекарь. – Но эти двое фанфаронов – Визьер и Доссан – именно его считают Ворониусом. Признаюсь, в том моя вина – я сделал всё, чтобы убедить их в этом. Меня же они принимают за старого дурачка, годящегося лишь затем, чтобы передавать им послания – что-то вроде большого бескрылого голубя. Так что для императорских миньонов Вейезин – это сам Ворониус, для вашего тестя и других немногочисленных адептов моего общества он является главой заговора, хотя на самом деле он ровным счётом ничего из себя не представляет. Это лишь мои уста, которыми я общаюсь с лиррами. Что-то вроде куклы чревовещателя.

– А вы, если я правильно понимаю, являетесь магом?

– И весьма сильным, ваше высочество, – самодовольно подтвердил Ворониус.

– Но как же придворные маги не распознали вас ещё много лет назад? – с недоумением спросил принц.

– А как бы им это сделать? Я ведь не лиррийская магия, по которой сразу видно, что она – волшебница! Магия не пахнет, мой юный друг, не имеет вкуса или цвета. Чем отличается человек, который видит духов, от того, который их не видит? Если он не станет беспричинно шарахаться или наоборот пытаться схватить их за хвост – то ничем. Вы ни-

когда не определите, кто из них кто. Так и с магией. Если быть осторожным, то можно скрыть своё мастерство от кого угодно.

– Но чего вы хотите? – прямо спросил Драонн. – Для чего весь этот маскарад?

– Вы не поверите, но он ради вас, милорд, – неожиданно серьёзно произнёс Ворониус. – Исключительно ради вас я провёл в этой богами забытой библиотеке больше сорока пяти лет.

– Ради меня? – натужно усмехнулся Драонн. – И с чего бы мне такая честь?

– Потому что вам суждено стать мессией, ваше высочество, – теперь фиглярский совсем ещё недавно голос мага звучал торжественно и почтительно.

– Вы, верно, шутите, – недоверчиво помотал головой принц.

– Вовсе нет. Я послан сюда кое-кем настолько могущественным, что вы сейчас пока не сможете вообразить степень его мощи, даже если очень постараетесь. И этот некто говорит вам, что он ждёт вас. Ждёт, чтобы выковать из вас клинок для своей руки. Клинок, что обрушит царство людей и возведёт лирийский народ на почитающееся ему по праву место.

– Что за вздор вы несёте? Я не собираюсь быть клинком ни в чьей руке!

– Что предначертано – не изменить. Стрела уже пущена,

и что бы она сама о себе не думала – ей суждено лишь одно. Вонзиться в цель.

– Вы – безумец! – в сердцах воскликнул Драонн. – Верно о вас говорят!

– А вы выслушайте меня, и тогда уж решите – так ли я безумен! – вкрадчиво проговорил старик.

– Но почему нельзя было поговорить во дворце? Для чего было вызывать меня в эту глушь?

– Вы узнаете это в свой черед, ваше высочество. Итак, готовы ли вы выслушать свою судьбу?

– Что ж, несите свой бред, я послушаю ради смеха, – стараясь говорить как можно более желчно, произнёс принц. – Но после либо вы покинете этот замок, либо это сделаю я. Хоть безумие и не заразно, я не желаю оставаться с вами ни лишней минуты.

– Благодарю, ваше высочество. О большем я и не прошу, – улыбка старого мага вышла какой-то зловещей.

– Вы ведь знаете про земли, лежащие по ту сторону Западного океана? – начал Ворониус.

– Эллор? Конечно знаю.

– Почти сто лет тому назад первые корабли кидуанцев пристали к этому странному берегу. Пустынный и полный жизни, отталкивающий и притягательный одновременно – таким предстал Эллор перед мореплавателями. И особенно

удивительно, что путешественники не встретили там ни единой разумной души. В прибрежной зоне проживает много животных – можно сказать, что они водятся там в огромном изобилии, но вот ни людей, ни лирр, ни гномов они так и не встретили. А дальше к западу благословенный край уступает место каменистой пустыне, безжизненному нагромождению голых скал, среди которых нечасто встретишь и ящерицу.

Но необычнее всего Эллор своей особой магией. Она там совершенно особенная, не такая как здесь, на Паэтте, словно у неё какая-то другая природа. И это весьма интересовало учёных и волшебников из Шеара. В ту пору я был молодым начинающим магом, только-только завершившим своё ученичество. Я узнал, что Академия набирает добровольцев для путешествия в Эллор, и тут же записался в экспедицию.

Путешествие было долгим и тяжёлым, но я не стану утомлять вас излишними подробностями. Скажу лишь, что мы в конце концов добрались до таинственного материка. Моих коллег всё больше интересовала прибрежная полоса всего в несколько миль шириной, где чувствовались весьма странные волны *возмущения*. Меня же отчего-то сразу стала манить зловещая пустыня. Она словно звала меня.

В какой-то момент случилась беда. Странная болезнь поразила вдруг всех магов и тех матросов, что были на берегу. В страшных мучительных судорогах они умирали, жутко воя от боли. Те матросы, что оставались на судне, поспешили поднять якоря и уплыли, оставив меня на берегу среди

умирающих. Я даже не пытался звать их – я стоял и ждал, когда же меня настигнет агония.

Но настала ночь, затем утро – а я был всё ещё жив. Один из всех. Я стоял среди скрюченных трупов, не зная, что делать дальше. В порыве отчаяния я схватился за кинжал, но у меня не достало духу перерезать себе горло. И мне пришлось жить, благо пищи и воды было вдоволь.

А уже на следующую ночь мне было видение. Громадный орёл, затмевающий небо, говорил мне, что я должен идти к нему. Этот сон повторялся снова и снова, пока я не понял, что мне действительно нужно идти дальше на запад – в эту скалистую пустыню, что и раньше так привлекала меня.

Путь был тяжёл. Думаю, если бы не воля призвавшего меня, я умер бы от иссушения. Там не было чудовищной жары, но за все дни пути я не встретил даже пересохшего русла ручейка. Я пил лишь то, что взял с собой, позволяя себе лишь один глоток каждые четыре тысячи шагов. Да, милорд, я, словно помешанный, считал каждый свой шаг, и это спасало меня от отчаяния и сумасшествия. Затем я заставил себя пить через пять тысяч шагов, затем – через шесть. Повторюсь, ни один смертный не выдержал бы этого, но меня вела могучая воля, которая поддерживала во мне жизнь.

И наконец я пришёл. Огромный амфитеатр среди скал – идеально круглый, словно сотворённый даже не людьми, а самими богами. И в центре этого амфитеатра – колоссальная скала. Будь на небе хоть облачко – вершина скалы скры-

лась бы за ним. Но небо было безоблачным, потому я видел самый пик этой громады. И там, на игольчатой вершине, я разглядел гнездо совершенно непостижимых размеров. А в гнезде я увидел величественный силуэт орла, распростёршего крылья. Я упал на колени – и от физической слабости, и от осознания собственного ничтожества.

А орёл, узрев меня, широкими кругами спустился на землю. Он был огромен – расправив крылья, он превзошёл бы размерами и императорский дворец. Я чувствовал себя букашкой рядом с ним. Он убил бы меня, просто случайно зацепив своим чудовищным когтем. Но я знал, что он не причинит мне вреда.

Он заговорил со мною, но заговорил мысленно, прямо в моей голове. Он назвал себя Баракандом – древнейшим из существ в нашем мире, и самым могущественным. Он сказал, что всё, что случилось на побережье – его дело, и что он призвал меня, поскольку я должен для него кое-что сделать.

Поскольку он сам не может покинуть Эллор, я должен стать его посланцем на Паэтту. Он взял меня в свои ученики и научил очень многому из того, о чём не имели понятия величайшие маги Паэтты. Я прожил на Эллоре около двадцати лет, пока наконец не вернулся к побережью, где к тому времени возникла колония поселенцев.

Моё появление вызвало огромный ажиотаж – меня даже сперва приняли за аборигена. Я несколько месяцев прожил среди колонистов, пока не сумел отправиться на Паэтту со

следующим судном. И вот я вернулся в Кидую, какое-то время занимался магическими практиками, но вскоре понял, что люди не готовы принять мудрость Бараканда, и что моя магия вызывает всё больше нездорового интереса. Тогда я на некоторое время исчез, отправившись в Саррасту, а после вернулся и сделался хранителем императорской библиотеки. Это было почти полвека тому назад. И вот наконец я дождался вас...

– Вы хотите убедить меня в том, что всё это – правда? Что существует гигантский орёл, и что он хочет призвать меня к себе? Именно *меня*? – последнюю фразу Драонн произнёс с нескрываемым сарказмом. – Только вот ведь какая неувязка – по вашим же словам это случилось почти столетие назад. Мне сейчас шестьдесят семь. То есть я родился спустя тридцать лет после того, как этот ваш Бараканд якобы меня позвал. Кажется, вы немного просчитались, сударь!

– Ничего подобного, милорд, – Ворониус улыбнулся, но теперь это не была улыбка снисходительного превосходства. Драонн отметил, что сумасшедший чародей стал говорить с ним куда почтительнее, чем вначале разговора, словно он сам постепенно поверил в собственное враньё. – В моих словах нет ошибки. Просто ваше рождение было предрешиено задолго до этих событий. Так давно, что вы даже не сможете себе этого вообразить!

– Неужели? – с явной издёвкой спросил принц. – И кто же я, по-вашему, такой, что моё рождение является столь

важным для таких могущественных существ, как этот ваш орёл?

– Вы – мессия, ваше высочество, – Драонну послышалось, или голос старика действительно дрогнул? – Вы тот, кто спасёт ваш народ от ярма.

– Право же, ваш бред становится всё изощрённее! Я оказываю вам большое снисхождение, продолжая слушать весь этот вздор!

– Поверьте, ваше высочество, вам суждено стать мессией! Бараканд открыл мне, что вы станете одним из величайших магов этого мира и сотрясёте тем самым его основы!

– Удивляет, что вы не знаете самых очевидных вещей, – едко усмехнулся Драонн. – Лиррийские мужчины не способны владеть магией.

– Другие, но не вы! – с какой-то даже экзальтированностью вскричал Ворониус. – Именно потому вы и нужны Бараканду, что вы – особенный. И появление ваше было предопределено ещё на заре этого мира. Я мог бы рассказать вам об этом, но боюсь утомить.

– Что ж, развлеките меня, это даже забавно.

– Бараканд возник в нашем мире вскоре после его зарождения, – начал Ворониус. – Он был соткан из *возмущения*, и не сразу принял физический облик. Сперва он был просто силой. Трудно объяснить – кто такой Бараканд нам, обычным смертным, которые никогда не видели богов, а только лишь магов. Бараканд – не бог, хотя во многом его возмож-

ности кажутся божественными. Он и не маг. Он – магия.

Боги, которые должны были следить за равновесием и не допускать резких перекосов силы, решили, что Бараканд не может быть единственным подобным существом в нашем мире, поэтому решили создать ещё одно, в противовес. Но это, в свою очередь, само по себе было вмешательством, способным всколыхнуть ткань бытия и усилить хаос.

Чтобы избежать тяжких последствий, боги должны были чем-то уравновесить своё вмешательство. Поэтому они даровали Бараканду право одного воздействия, но такого, что не могло бы напрямую изменить баланс сил. Ему было дано право видеть будущее, но не вмешиваться в него.

И тогда после долгих раздумий он дал ответ. Он попросил, чтобы спустя многие тысячи лет одна конкретная лирийская девушка, которой суждено было стать магинею, не прошла бы *перерождения*. Боги, разумеется, видели последствия этого условия, но оно было поставлено в рамках заключённого договора, поэтому они ничего не смогли сделать.

Так в нашем мире появилась ещё одна великая сила, хотя и значительно уступающая в своём могуществе Бараканду. Она пока ещё дремлет, постепенно набираясь сил, но когда-нибудь заявит о себе. А жизнь на Паэте пошла своим чередом. До определённого срока, когда свершилось то, что задумывал Бараканд.

Лирийская девушка из весьма знатной семьи почувство-

вала недомогание во время своей первой менструации, но на этом всё и закончилось, поэтому родители решили, что это было лишь случайностью. А спустя какое-то время она встретила с человеческим юношей – обычным странствующим торговцем, и между ними вспыхнула страсть. В те годы к отношениям между лиррой и человеком относились не менее нетерпимо, чем сейчас, поэтому они скрывали свою любовь, довольствуясь лишь редкими встречами.

Конечно, тайну недолго удалось держать вдали от любопытных глаз. Отец девушки прознал об этом страшном позоре. Молодой любовник едва унёс ноги, и судьба его дальше осталась неизвестной. Девушка же, оказавшаяся уже опороченной, осталась в одиночестве, проклятая собственным отцом. А спустя время у неё родился мальчик-полукровка.

Так в нём смешалась кровь нераскрытой магини и человека. Получившаяся смесь обладала весьма уникальными свойствами, но ей нужно было дозреть. И она передавалась из поколения в поколение, всё больше разбавляясь чистой лирийской кровью, но сохраняя частицу той самой первоосновы, что делала её бесценной.

Чтобы окончательно дозреть, этой крови пришлось протечь по жилам четырёх поколений, чтобы в пятом явить себя во всём своём могуществе. Думаю, вы уже поняли, милорд, что та самая девушка была вашей пра-пра-прабабкой. И теперь вы являетесь носителем той искры, которую Бараканд заронил тысячелетия назад.

– Никогда не слыхал ничего подобного о собственных предках, хотя весьма скрупулёзно изучал генеалогию рода, – возразил Драонн.

– Ну ещё бы! – не слишком почтительно фыркнул старик. – Доромионский дом гордится чистотой крови, а этот эпизод ронял тень на неё. Когда ваш дед взял в жёны дочь того самого полукровки, эта история уже была похоронена. После смерти отца девушка и её сын, оказавшиеся единственными наследниками, вернули себе имя – несмотря на все угрозы и проклятия, гордый принц постарался не выносить сор из избы, а кроме того, не решил лишиться дочь наследства. Её объявили вдовой, чтобы объяснить существование ребёнка, при этом не особенно распространяясь о том, кто же был её мужем.

– И всё это рассказал вам Бараканд? С такими подробностями?

– Нет, многое я узнал уже, вернувшись сюда. По крупичкам собирал информацию. И приглядывал за вами с тех самых пор. Зная, что придёт момент, когда мне будет нужно подтолкнуть вас к действиям. Я ведь понимал, что приди я к вам домой и расскажи всё – вы просто приказали бы вытолкать меня взащей. Поэтому я должен был сделать так, чтобы у вас не осталось выбора. Как я уже говорил, когда стрела спущена – у неё остаётся лишь один путь.

– То есть вы хотите сказать, что именно вашими стараниями я попал в Кидую?

– Разумеется! А кто, по-вашему, навёл на вас Делетуара? Уж не думаете ли вы, что слава о тридцатилетнем сеазийском принце была столь широка, что достигла Кидуи? Но толстяк-канцлер всё же узнал о вас, причём узнал не от меня, а от десятка разных людей, с которыми он пообщался в десяти разных местах. И все они без запинки называли ваше имя. Так вы и оказались в Кидуе, ваше высочество.

Драонну хотелось бы не верить тому, что говорил старик, но это было слишком уж похоже на правду. Признаться, это наконец-то объясняло то, что до сих пор лиррийский принц не мог постичь. Действительно, подобная трактовка была куда логичнее того, что второй канцлер империи случайно узнал о молодом и неопытном принце из глухой провинции.

– И почему же вы не связались со мной в прошлый раз? – стараясь тщательно изображать испаряющееся понемногу недоверие, спросил он.

– Вы были ещё не готовы.

– Кровь не созрела? – хмыкнул Драонн.

– Нет, просто не созрели обстоятельства. Стрела ещё была не пущена. До тех пор, пока вы не будете загнаны в угол, вы будете избегать неизбежного.

– Если под неизбежным вы подразумеваете поездку в Эл-лор – то вы правы. Я туда не отправлюсь.

– Увидим, – улыбнулся Ворониус, и улыбка эта внезапно испугала принца.

– Перестаньте морочить мне голову этими стрелами! Что вы имеете в виду, что стрела пущена?

– Что всё теперь обернулось так, что вам *придётся* отправиться к Бараканду. Быть может, вы не будете этого хотеть, но всё же сделаете это.

– Вы хотите отвезти меня туда силой? – вскричал Драонн, невольно сжимая кулаки.

– Охрани меня боги! – рассмеялся маг. – Вы отправитесь туда сами. Как я уже сказал, для этого нужно всего лишь лишить вас выбора.

– И как вы это сделаете?

– Я уже сделал это. Причём давно. Ещё во время вашей прошлой службы.

– Неужели? Хотите сказать, что вы уже тогда знали, что я вернусь?

– Ещё бы мне этого было не знать, когда я сам это устроил!

– Ах, да! Притворяясь безумным библиотекарем, вы вбили малолетнему принцу приязнь к лиррам... – Драонн скроил презрительную мину, хотя всего год назад он благодарил Тирни ровно за это.

– О, это была лишь половина дела! – отмахнулся Ворониус. – Куда важнее было сделать так, чтобы этот мальчишка потом стал императором!

– Что?.. – Драонн пристально поглядел на собеседника, словно пытаясь отыскать в его глазах те искорки безумия, что позволят ему понять, что перед ним – обычный фанта-

зёр.

– Император Родреан при всей широте своей души был человеком недалёким и неспособным на широкие жесты. Уже тогда, когда я сделал так, чтобы Делетуар пригласил вас, я понимал, что в тот момент мне сложно будет организовать всё как должно. Не было у меня надежд и на Деонеда – этот взял всё худшее от своего отца, позабыв прихватить его добродетели. Да и старший сын его должен был лишь продолжить эту нисходящую линию. В отличие от малыша Риона, которого в детстве немного недолюбили, и потому он не так рьяно стремился быть похожим на своего родителя. Какой отсюда вывод? Всё очень просто – Рион должен стать императором, а для этого Родреан должен умереть.

– Так смерть наследника...

– Моих рук дело, да, – просто, словно речь шла о потерянном носовом платке, согласился Ворониус. – Всё было рассчитано – морская прогулка в нужный момент, течь, которая так кстати открылась (скажу сразу – тут мне пришлось применить магию, хоть я всеми силами старался никогда этого не делать), ненастная погода... Но этот остолоп сумел выбраться, добравшись до берега на уютной лодчонке, которая по капризу богов не разлетелась в щепки от ударов волн. Но всё же удача не совсем от меня отвернулась – наследник хотя бы простудился, и дальше уже не было какой-то серьёзной проблемой незаметно подать ему отвар ягод волчьей травы (той самой, что так хорошо помогает от комаров). Все реши-

ли, что удушье стало следствием воспаления лёгких, никому и в голову не пришло, что у этой смерти могли быть какие-то иные причины.

– Вы осознаете, что только что признались в государственной измене и убийстве наследника трона? – потрясённо спросил Драонн. – Даже если всё это – лишь плод вашей больной фантазии, уже за одни эти разговоры вам грозит смерть.

– О, поверьте, это уже не имеет значения, – отмахнулся старик.

– Уж *поверьте*, для вас это будет иметь значение, как только я вернусь в Кидую! – зловеще пообещал принц.

– Вы не вернётесь туда, – спокойно улыбнулся Ворониус. – Вы отправитесь в Доромион, и как можно скорее.

– Отчего же сразу не на Эллор? – насмешливо спросил Драонн.

– Туда вы отправитесь позже, не беспокойтесь. Когда стрела пущена, у неё остаётся лишь один путь – вонзиться в цель.

– Я устал от этого вашего бреда, – решительно сказал Драонн. – Вы тут наговорили достаточно, чтобы я понял, что вы – не простой сумасшедший, а ещё и преступник. Я вернусь в столицу и сразу же буду ходатайствовать о вашем аресте. А ещё лучше – я прикажу своим илирам схватить вас и доставить прямиком императору.

– О, не утруждайте ни себя, ни своих илиров, – усмехнулся хранитель библиотеки. – Потому что император уже

мёртв.

Глава 28. Полёт стрелы

– Кого там дьяволы притащили в такой час? – проворчал Доссан, вставая.

Было уже полночь, и трое придворных, уйдя от императора уже часа два назад, коротали свой вечер за картами и вином. Особого азарта не было, играли по-маленькой – скорее повод выпить, нежели поиграть. И вдруг в дверь, ведущую к чёрному ходу, постучали.

Это не мог быть кто-то из слуг – им нечего делать в такое время на чёрной лестнице. Однако же никто из троицы особо не удивился – именно таким путём обычно попадали сюда куртизанки, торговцы дурной травой и прочая шваль. Другое дело, что сейчас никто из них не ждал никого подобного.

– Какого дьявола? – удивлённо прошипел Доссан, отворяя дверь, и тут же шагнул во мрак, не забыв закрыть за собой.

Потому что он увидел там сморщенное, слабо освещённое свечкой лицо Тирни.

– Ты чего припёрся сюда, старый дурак? – яростно прошептал Доссан. – Тут же Ливвей.

– Письмо, милорд, – глупо улыбаясь, прошамкал старый библиотекарь, протягивая плотный и довольно объёмный конверт.

– Давай сюда, – Доссан чуть ли не рывком забрал пакет из рук старика. – Что за спешка? Неужели не могло подождать

до утра?

– Было велено передать немедленно... – всё с той же глупой улыбкой отвечал Тирни.

– Ладно, а теперь проваливай! – миньон суетливо стал расстёгивать крючки на камзоле, чтобы запихнуть пакет за пазуху. – Или тебе велено ждать ответа?

– Нет, милорд. Я уже ухожу.

И старый библиотекарь стал неуклюже спускаться по лестнице, танцующей под его ногами в дрожащем свете свечи. Доссан же, запихав пакет за пазуху и застегнув камзол, вернулся в комнату. Он не видел, как изменилась походка старого библиотекаря, как преобразилось его лицо. Нет, Ворониус не прибегал к магии, чтобы замаскировать внешность. Он просто в совершенстве умел владеть мышцами лица, так что без труда мог придать себе вид дряхлой беззубой старости.

Теперь ему нужно было спешить в Готьедский замок. Нужно было подгадать время так, чтобы, с одной стороны, не опоздать, а с другой – не прибыть раньше Драонна. Ведь тогда он оказался бы в весьма неловком положении, пытаясь что-то объяснить страже замка, тогда как потом ему достаточно было бы одной фразы: «Меня ждёт милорд принц». Старик решил отправляться немедленно – годы уже не те, так что быстро и долго скакать он уже не мог. Ну а если прибывает слишком рано – всегда можно обождать немного на постоялом дворе.

Тем временем Доссан вернулся в комнату.

– Что там? – поинтересовался Визьер.

– Да эта дура Лула припёрлась... – притворяясь раздражённым, буркнул Доссан.

– Надо же, уже оклемалась, – хохотнул Визьер. – Я слышал, как она стонала у тебя пару дней назад. Я думал, ты её убьёшь. Смотри, доиграешься! Если Беръез узнает, что ты охаживаешь его жену, тебе и его величество не поможет! Будешь потом в театре скопцов играть до конца дней!

– Поэтому и отослал её обратно, – криво ухмыльнулся Доссан.

– Давай, твой ход, мы уже заждались!

– Что-то у меня желания нет доигрывать... Да и карта не идёт... Пойду спать лучше.

– С Лулой? – хитро подмигнул Визьер.

– Один, – отрезал Доссан. – До завтра!

– Спокойной ночи, – ответил Визьер, но тут же слегка изменился в лице и незаметно кивнул в ответ, увидев, что приятель сделал ему тайный условный знак, о котором было договорено давным-давно.

Он был в спальне Доссана уже через пять минут.

– Отделался от Ливвея, – садясь прямо на разостланную кровать, сообщил Визьер. – Что случилось?

– Тирни принёс письмо.

– Что в нём?

– Ещё не знаю. Сейчас увидим.

Камзол был уже расстёгнут, так что Доссан вынул пакет и разорвал его. Внутри оказался лист пергамента и ещё два конверта поменьше, один из которых был запечатан, а другой – нет.

– Незапечатанный конверт необходимо сразу же после получения этого письма запечатать императорской печатью и дворцовым посыльным тотчас же отослать принцу Драонну. Запечатанный конверт вскрыть лишь после этого, – прочёл Доссан, поднося пергамент к свече.

– Что за дьявольщина? – пробормотал Визьер.

– Убей меня Асс, если я понимаю... Интересно, что в незапечатанном конверте?

– Открой – и узнаешь, – резонно заметил Визьер.

– А можно ли?.. – с сомнением спросил Доссан.

– Было бы нельзя – об этом было бы упомянуто в письме.

Доссан кивнул, соглашаясь с логикой приятеля, и достал уже знакомый нам листок.

– Интересно, зачем они усылают принца Драонна в эту глухомань?.. – прочтя строчки вслух, спросил он.

– Может, об этом говорится в запечатанном письме? Сделай, что велено, тогда узнаем.

Нужно отметить, что никому из них и в голову не пришло послушаться приказа и вскрыть второй конверт до срока, хотя здесь не было никого, даже этого старого дурака Тирни. Но благоговейный страх перед могущественным лиррийским магом (старый библиотекарь наплёл им, что тот, ко-

го они знали как Ворониуса, а Драонн – как Вейезина, и был тем самым мессией, который лишь ждёт пока своего часа) был настолько силён, что прикажи он им прочесть второе письмо, забравшись нагишом на вершину арионнитского храма, они почти наверняка сделали бы, как он велел.

– А почему это я должен идти? – возмутился Доссан. – Ты же – главный любимец императора. Никто не удивится, если ты вдруг вернёшься зачем-то.

– Да и шут с тобой! – с досадой махнул рукой Визьер. – Схожу. Лишь бы печать была на месте.

– Да куда она денется! На вот, – оглянувшись по сторонам, он взял со стола какую-то книжку. – Если что, скажешь, что его величество просил тебя занести ему. Но лучше бы тебе не показываться никому на глаза... Это ж государственное преступление...

– А то я не знаю! – огрызнулся Визьер. – Ладно, седи и жди меня тут!

– Всё прошло как надо? – Доссан бросился навстречу Визьеру. Было видно, что он уже весь извёлся и даже пожалел, что не отправился сам – ожидание было хуже всего.

– Посыльный отправлен с запечатанным письмом, – коротко ответил Визьер. – Ну что, вскрываем второй конверт?

Доссан осторожно разорвал пакет и достал из него испи-
санный почти полностью лист.

– Под любым предлогом сделайте так, чтобы этим вечером, желательно около семи часов, император остался наедине с вами, – прочёл он. – На это же время назначьте от имени его величества частную аудиенцию отцу и сыну Бандорским. Затем, когда они некоторое время подождут, пошлите к ним кого-то с сообщением, что с принцем Драонном случилось какое-то несчастье, пусть они спешно удалятся. Было бы хорошо, чтобы эта поспешность была отмечена позднее часowymi. Вы же... – внезапно Доссан побелел и едва не выронил лист.

– Что там? – с тревогой спросил Визьер, предчувствуя худшее.

Вместо ответа Доссан протянул ему бумагу, не имея сил произнести вслух написанные в ней слова.

– Вы же должны будете... – Визьер инстинктивно оглядел комнату, хотя точно знал, что в ней никого нет, кроме их двоих. Затем, собравшись с духом, осипшим голосом прочёл. – Должны будете... убить императора, а также Ливвея... и обставить всё как нападение лирр...

Визьер остановился, не в силах больше читать. Он задышался, а в горле пересохло так, что туда, казалось, не проникал даже воздух. Естественно, в комнате Доссана была бутылка вина и бокалы. Визьер схватил бутылку и стал пить прямо из горлышка судорожными тяжёлыми глотками, пока не закашлялся. Вино изо рта хлынуло на одежду, несколько капель попало и на пергамент. Доссан выхватил бутылку из

рук кашляющего приятеля и тоже приложился к ней. Онпил, пока хватало дыхания, но, по крайней мере, не поперхнулся.

– Читай дальше... – прохрипел он, утирая рот рукавом, не обращая внимания, что он пачкает вином дорогое белоснежное кружево.

– Затем поднять народ против лирр, организовать массовое убийство всех лирр, что находятся в Кидуе... При этом непременно указывать на то, что сам принц Драонн непричастен к заговору, что он был хитростью удалён из дворца, поскольку подозревал нечто подобное и даже говорил с вами об этом. Перейтена и Дайвиана Бандорских непременно схватить и казнить прилюдно. Остальные инструкции получите в дальнейшем по мере развития событий...

После этого оба заговорщика несколько минут молча сидели и почти безумными взглядами глядели друг на друга. Их выражения можно было бы назвать комичными, если бы не глубокий ужас, который сквозил из каждой чёрточки их лиц. Никогда с тех пор, как года три-четыре назад они оказались посвящены в тайны общества Лианы, они даже помыслить не могли, что подобное может случиться. Убийство императора – это само по себе ужасно и даже чудовищно, но куда страшнее убийство друга.

А император Рион действительно был им если и не другом, то уж точно хорошим приятелем. Они искренне были привязаны к нему, знали его с самого детства, вместе росли на одних и тех же легендах, вместе мечтали построить новый

мир... Так же и Ливвей – пусть он не был связан с остальными такой многолетней дружбой, пусть он всегда был самым замкнутым и молчаливым из всех, но всё же их связывала искренняя взаимная симпатия.

Всё то время, что они состояли в заговоре, идея установления царства лирр казалось весьма далёкой и утопической. Каждому из них казалось, что с воцарением Риона всё и так достигло гармонии и главное – сохранять всё в том же состоянии как можно дольше. И уж подавно им в голову не могло прийти, что придётся убивать едва ли не самого главного почитателя лирр в империи. А то, что они не осознавали смысла и цели данного приказа, делало его ещё более диким. Однако послушаться они не могли – за всё это время Тирни исподволь так застрашал обоих, что они видели в Ворониусе едва ли не полубога. Его приказ не подлежал ни обсуждению, ни, тем более, возражениям.

– Я возьму на себя Ливвея, – просипел наконец Визьер.

– Это почему ещё? – так же слабо возразил Доссан. – Я не хочу убивать... его...

– Разыграем в монетку, – эта фраза прозвучала столь буднично на фоне разворачивающейся трагедии, что Визьер внезапно расхохотался диким истерическим смехом, а спустя секунду ему уже вторил и Доссан.

Хохот вскоре перешёл в нервные всхлипывания, хотя ни тот, ни другой не плакали.

– У тебя есть при себе монета? – поинтересовался Визьер,

когда нездоровый этот смех наконец затих.

– Сейчас пошарю, – Доссан подошёл к секретеру, выдвинул пару ящичков, и действительно обнаружил в одном из них потускневший от времени серебряный стравин. – Дуб или венок²⁷?

– Венок... – не задумываясь, ответил Визьер.

Доссан подбросил монету, но дрожащие руки не смогли её поймать, так что она, ударившись, отскочила к самой двери. Оба осторожно, словно к затаившемуся зверю, подошли к лежащему стравину. Даже не поднимая его было видно, что выпал именно венок. Доссан вновь нервно хихикнул, но тут же всхлипнул. На этот раз он действительно плакал.

Принц Перейтен в сопровождении сына уже с десять минут ожидали в небольшой комнатке, примыкающей к той, в которой им была назначена аудиенция. До означенного в записке времени было ещё добрых полчаса, но оба илира предпочли явиться заранее. Это был первый раз, когда они удостоились подобной чести, и, как ни ломали они голову, но никак не могли представить, для чего бы могли понадобиться его величеству.

Естественно, получив приглашение, Перейтен тут же от-

²⁷ На аверсе имперских монет располагался венок из дубовых листьев, обрамляющий номинал, а на реверсе – изображение Белого дуба. Так что выражение «Дуб или венок» аналогично нашему «Орёл или решка».

правился к Драонну, и также совершенно естественно не застал того дома. Дворецкий рассказал и о ночном визите, и о письме от императора, и о внезапном отъезде барина. Конечно же Перейтен, как умел, объединил обе новости в одну, и пришёл примерно к тем же выводам, что и Драонн – вероятно, император в тайне даже от своих канцлеров повёл какую-то собственную игру, и что в игре этой лиррам уделено весьма существенное место.

Поэтому и Перейтен, и его сын Дайвиан были настроены весьма оптимистично, полагая, что с нынешнего дня жизнь их круто поменяется, и что они превратятся из мало кому известных провинциальных дворян в персоны, о которых станет судачить вся империя. Увы, именно в этом они были совершенно правы.

Между тем настало время аудиенции, а обоих илиров пока никто не вызывал. Собственно, в этом не было ничего необычного – бывало так, что и особы поважнее часами ожидали, пока о них вспомнит августейший монарх. Здесь, в этой части дворца было весьма малоллюдно, да и вообще двор императора Риона не был похож на двор императора Родреана, когда он служил центром притяжения всех мало-мальски честолюбивых проходимцев. Новый император был куда избирательнее в общении и более замкнут, так что большого оживления во дворце теперь почти и не случалось.

Здесь же принцы Бандорские были и вовсе одни. До них не доносилось даже голосов других придворных. Император

любил эти комнаты – здесь он частенько скрывался пусть даже и не от слишком назойливого шума. Отец и сын тихо переговаривались, не сводя разговоры к теме предстоящей аудиенции, но тон этих бесед всё же был окрашен в самые радужные цвета.

С назначенного времени минуло почти полчаса, но за ними по-прежнему никто не приходил. И вдруг почти камерную тишину комнаты, нарушаемую лишь тихими голосами отца и сына, потревожил дробный и нервный стук шагов. Не такими шагами обычно приближаются слуги, чтобы пригласить на аудиенцию.

В комнату вбежал Визьер. Он был блее мела, лишь два лихорадочно-алых пятна горели на щеках. Выражение глаз было такое, будто он не видел ничего перед собой. Губы заметно тряслись.

– Вы здесь? – срывающимся голосом воскликнул он.

– Что с вами, сударь? – тревожно спросил Перейтен. – На вас лица нет. Что стряслось?

– У вас кровь на манжете, – проговорил Дайвиан, указывая на манжету правой руки.

– Действительно, кровь, – ещё более тревожно произнёс Перейтен. – Не случилось ли что с его величеством?

– Принц Драонн... – выдохнул Визьер. – На него напали... Он опасно ранен... Он должен быть уже в своём особняке. Спешите туда, он хочет вас видеть!

– Что произошло? – побледнев, вскричал Перейтен.

– Нет времени, там всё узнаете! – замахал руками Визьер. – Торопитесь, или вы можете не успеть!.. Я предупрежу его величество, что вы не сможете присутствовать.

Оба илира, не теряя времени на пустые разговоры, ринулись вон из комнаты. По счастью, эта часть дворца была не слишком запутанной, так что они вполне смогли сориентироваться и направиться к выходу.

Подождав, пока топот двух пар сапог затихнет, Визьер пошёл следом. Вскоре он встретил Доссана, который прятался в одной из тёмных ниш, баюкая окровавленную правую руку.

– Пора? – кратко спросил он, выходя из своего укрытия.

– Подождём ещё минуту, – мотнул головой Визьер. – Они могут быть ещё слишком близко.

И они словно оба оцепенели на некоторое время, не шевелясь и не разговаривая, почти даже не дыша.

– Теперь пора, – наконец произнёс Визьер, и что есть мочи закричал. – Тревога! Тревога! На императора напали! Тревога!

Они оба бросились бежать, крича во всё горло, пока не столкнулись со спешившими навстречу стражниками.

– Что случилось? – вскричал офицер.

– Срочно найдите и задержите Перейтена и Дайвиана Бандорских! Они должны быть ещё неподалёку! Они напали на его величество! Император убит!..

– Да что за срочность, Доссан? – сварливо гнусавил император Рион. – Что такого ты хочешь сказать, что не может подождать какие-нибудь полтора часа? Я же говорю, у меня скоро встреча с третьим канцлером, а я ещё не прочёл докладную записку, что он оставил позавчера!..

– Это не займёт много времени, ваше величество, – уговаривал бледный как полотно Доссан, на негнущихся ногах идущий рядом с монархом, тогда как Визьер с Ливвеем шли в нескольких шагах позади. – Мне непременно нужно поведать кое-что, и это не терпит отлагательств. Прочтёте свою записку завтра!

– Я встречаюсь с Песантой сегодня, болван! – капризно воскликнул Рион. – У меня встреча через три часа. Он снова будет выскребать мне мозг мелкой ложкой! Но почему от тебя разит как от матроса? Что за дрянь тыпил? Да и выглядишь ты, дружок, не краше покойника! Что с тобой такое?

– Вы узнаете всё, ваше величество, – гнул свою линию Доссан. – Давайте отойдём в Лиловую комнату, там я буду чувствовать себя спокойнее. И тогда я всё вам расскажу.

– Тогда хоть держись от меня подальше! Право слово, я словно иду рука об руку с портовым грузчиком! В каком поиле ты плавал?

– Это ром, ваше величество, – язык у Доссана действительно заметно заплетался.

– Ром??? – вскричал Рион. – Ты сошёл с ума, Доссан! Ты, наверное, сжёг себе всё небо!

– Всё в порядке, ваше величество! У меня был повод.

– Может ли быть повод у разумного человека выпить рому? – брезгливо скривился Рион.

– Сейчас вы сами узнаете, ваше величество. Вот мы и пришли.

– Да тебя трясёт как в лихорадке! Уж не болен ли ты, часом?

– Вряд ли, ваше величество... А может... Кто знает?.. – немного бессвязно отвечал Доссан, бледневший всё больше, хоть это и казалось невозможным.

– Ну что ты там хотел сказать, болван? – чуть смягчившись, спросил Рион. – Давай, говори, да иди в постель! Сегодня уж больше не пей ничего, разве что отвара липового!

– Отойдём, ваше величество, – Доссана трясло так, что было слышно, как стучат его челюсти. – Не хочу, чтобы эти двое нас слушали.

– Да и не очень-то нужно! – Визьер держался увереннее, хотя и он был бледен. – Как будто мы что-то такого о тебе не знаем, да дружище? – и он, приобняв Ливвея, слегка потормошил его за плечо.

Ливвей, как обычно немногословный, лишь хмыкнул в ответ.

– Погляди-ка лучше, какой клинок я прикупил сегодня на улице Фальшивомонетчиков²⁸, – Визьер достал из ножен

²⁸ Своим странным названием улица обязана тому, что давным-давно на ней действительно были раскрыты трое менял, промышляющих обрезкой монет. С

кинжал из гномской стали с богатой рукоятью.

Он поднял оружие якобы для того, чтобы Ливвей смог его получше рассмотреть в весьма скупом свете пары свечек, но, донеся его до уровня груди приятеля, внезапно быстрым движением перехватил кинжал и с силой вогнал лезвие ему между рёбер. Опытный охотник, Визьер без труда попал прямым в сердце. Ливвей лишь сдавленно хрюкнул и, тяжело и хрипло дыша, стал оседать на пол, поддерживаемый рукой своего убийцы.

Фраза про улицу Фальшивомонетчиков была условным сигналом. Услышав её, Доссан должен был нанести свой удар. Однако он чуть замешкался, оглянувшись на своего соучастника. Увидев, что тот сделал своё дело, Доссан плохо слушающимися пальцами выхватил свой кинжал и почти вслепую нанёс удар, попав Риону в левый бок пониже рёбер.

Император не закричал. Вероятно, он даже не почувствовал боли, столь велико было его изумление. Он ошеломлённо смотрел на упавшего к ногам Визьера Ливвея, на нож, всё ещё торчавший из его бока, поскольку ослабевшие пальцы Доссана не смогли удержать рукоять. Рион словно не мог понять, что же всё-таки происходит, а точнее – не мог принять этого. Наверное, ему казалось, что всё происходящее – какой-то дурной сон. Именно поэтому он был не в силах про-

тех пор умерли уже и внуки этих менял, а название так и закрепилось за злополучной улицей в народной молве. Что же касается её истинного названия, то оно давно уже забыто, и именование «Улица Фальшивомонетчиков» стало уже вполне официальным.

ронить ни звука.

Доссан же с ужасом и отчаянием смотрел на своего государя и друга, осознавая неотвратимость и невозвратность свершённого. Его словно парализовало, и он не мог даже пошевелиться, лишь переводя взгляд то на тёмное пятно, расплывающееся под кинжалом, то на глаза Риона.

Так и не говоря ни слова, император начал медленно пятиться от своих убийц, не отрывая от них взгляда – по-прежнему не затравленного, не испуганного, а именно изумлённого. Доссан всё так же стоял, парализованный горем и ужасом одновременно, не в силах даже пошевелиться. И тогда Визьер, сжимающий кинжал в окровавленной руке, быстрым шагом направился к Риону, который продолжал молча пятиться назад, лишь отрицательно мотая головой, словно пытаясь отогнать наваждение.

Комната была не очень велика, так что Визьер довольно быстро оказался рядом с несопротивляющимся государем. Сейчас раскаяние и горе уступили место страху быть раскрытыми, потому он не колебался ни секунды. Не желая рисковать, он нанёс колющий удар в горло, целясь в сонную артерию. Сила удара была такова, что лезвие кинжала насквозь прошло плоть, выйдя с противоположной стороны. Из ран фонтанами брызнула кровь, окропив стены и пол, но по счастливой случайности почти не попав на руки убийцы.

Эта же сила удара швырнула тело императора на ближайшую стену, задрапированную фиолетовым бархатом. Уже

бесчувственное, оно сползло вниз, оставив тёмную полосу с веером брызг. Несколько судорог пробежало по рукам и ногам Риона, а затем он затих.

– Он мёртв? – посиневшими губами прошептал Доссан.

– Мёртв, – бесцветным голосом ответил Визьер.

Он, не отрываясь, глядел на дымящееся кровью лезвие кинжала в своей руке, а затем с брезгливым отвращением отбросил его. Орудие упало в шаге от своей жертвы.

– А Ливвей?

– Тоже.

– Что теперь?..

– Нужно немного успокоиться, а затем я пойду к лиррам.

Ты пока останешься здесь.

– Я не останусь здесь, – с истерическими нотками в голосе пробормотал Доссан.

– Ладно, пойдём вместе. Только сперва давай как договаривались... Подними руку.

Возможно, не до конца понимая, для чего он это делает и плохо помня, о чём они договаривались, Доссан послушно поднял правую руку. Визьер, с явной неохотой подняв кинжал, который отбросил всего минуту назад, тут же резко полоснул сообщника по предплечью. От шока Доссан даже не почувствовал боли, хотя рана была довольно глубока.

– Обмотай пока чем-нибудь, – распорядился Визьер, который явно сохранил больше присутствия духа, нежели его товарищ. – Надо обмыть руки и идти к лиррам. Нельзя те-

рать время. Пойдём. Уже всё кончено...

Глава 29. «Да здравствует мессия!»

– Никто не поверит, – потрясённо проговорил Драонн, когда Ворониус кратко посвятил его в свой план. – На частную аудиенцию не допускают с оружием!

– Помилуйте, ваше высочество! – фыркнул старик. – Вы словно дитя! Да кому какое дело? Станет ли кто-нибудь вообще разбираться, когда им предъявят не просто убийц, а ещё и вероломных лирр? Да даже если бы были бы доказательства их невиновности – вы думаете, что кто-то стал бы принимать их во внимание? Да и потом – так ли уж сложно пронести кинжал? Стража ведь не производит обыска знатных особ!

– Подлец! – ошеломление постепенно уступало место ярости. – Я тотчас же прикажу гарнизону замка взять вас под стражу и затем лично препровожу в Кидую, где вы во всём сознаетесь!

– Положительно, вы – самый наивный илир из всех! – с восхищённой улыбкой воскликнул Ворониус; восхищение это, впрочем, скорее всего носило насмешливый характер. – Отдайте приказ о моём аресте, и увидите, что будет! Вы же понимаете, какую историю поведаю я – коварный лиррийский заговор, тайное общество, и всё в том же духе. Неужели вы думаете, что добряк-комендант поверит вам, *лирре*, а не мне – *человеку*? Да бросьте вы! Вы тут же будете схвачены и

в кандалах отправлены в Кидую, где вас будет ждать плаха. Если добрые подданные не растерзают вас раньше.

– Тогда я убью вас прямо здесь! – вскричал взбешённый принц, и действительно выхватил из ножен меч. – Вы сдохнете как собака!

– Вы не сделаете и этого, – маг и бровью не повёл, хотя Драонн стоял всего в трёх шагах, направив на него остриё меча. – Во-первых, вы просто не сможете убить безоружного. Да и потом – убив меня, вы уничтожите одного из трёх людей, которые знают правду. Кроме того, если вам от этого станет легче, то могу сообщить вам, что я и так весьма скоро умру, и, вероятнее всего, самым неприятным образом.

– Что вы имеете в виду? – удивился Драонн.

– Что я должен умереть, чтобы завершить придуманную мною комбинацию. Умереть на эшафоте, на виселице, на костре – это уж я не знаю точно, но почти наверняка распорядитель казни попытается придумать нечто болезненное.

– Я не понимаю...

– Всё очень просто – сразу же после нашего приятного разговора я, насколько позволит мне мой ревматизм, изо всех сил мчусь в столицу, где меня уже, вероятно, будут с распростёртыми объятиями ждать сыщики, а затем и палачи. Это необходимо, чтобы раскрыть страшную паутину заговора лирийского общества Лианы. Можно было бы, конечно, обойтись и без излишнего драматизма, но моя поимка, без сомнения, прибавит достоверности и необходимого колори-

та. Конечно, хватило бы и клочка бумаги, и даже просто одного-двух ничем не подтверждённых шепотков, но я хочу, чтобы всё было красиво. Да и, признаться, зажился я уже на этом свете.

– Вы наговорите на себя?.. – не поверил Драонн. – Но для чего? Зачем тогда вообще всё это? Ради чего вы ждали сто лет? Я думал, Бараканд пообещал вам что-то особое.

– И вы правы, – улыбнулся Ворониус. – Но его долг передо мной уже оплачен с лихвой. Я получил достаточно долгую жизнь, а главное – знания и могущество.

– Которые вы даже не могли пустить в дело?

– А разве скупец собирает золото, чтобы покупать на него что-то? Нет, он лелеет сами монеты, наслаждается их блеском, прохладой, восхитительным запахом... Так и я – мне вполне довольно было лишь осознания того, что я вполне мог бы потягаться и с самими прославленными и могучими магами нашего времени. Кроме того, кое-что я всё-таки использовал. Ещё тогда, после возвращения, я разработал несколько весьма интересных практик. Вы знаете, должно быть, что сейчас некоторые маги могут зачаровывать животных, например – голубей, чтобы те мчались с невероятной скоростью. Теперь вы можете догадаться – кто был первопроходцем на этом пути. А ведь это – лишь вершина! Я начал работы по демонологии, некромантии... Их пришлось забросить, поскольку наше ханжеское общество к этому пока не готово. Когда-нибудь, я уверен, даже магу средней ру-

ки будет вполне по силам создать голема, который один заменит десять рабов или полсотни солдат. Если доживёте до этих времён – сделайте одолжение, вспомните, что всё это свершилось благодаря вашему покорному слуге! Так что Бараканд сполна вознаградил меня, и я не боюсь умереть.

– Вы – безумец!.. – прошептал Драонн, чувствуя, как его охватывает отчаяние, подобно липкой паутине, что сковывает движения.

– Нет, просто вы пока ещё не можете понять меня. Думаю, позже всё изменится.

– Так вы хотите начать новую войну между лиррами и людьми?..

– И, поверьте, это война не затихнет так скоро, как предыдущая. В этой войне уже не получится кому-то отсидеться в лоялистах, ведь каждого будут подозревать в участии в обществе Лианы. Даже вы, боюсь, недолго сможете пользоваться неприкосновенностью, которую я для вас создал. Конечно, поначалу будет подчёркиваться, что всё это свершилось не только без вашего ведома, но и против вашей воли, что вы были жестоко обмануты теми, кого считали друзьями. Эти два шута – Визьер и Доссан – сделают всё для этого. Но как долго продержится это убеждение, учитывая, что в Лиане состоит даже ваш собственный тесть?.. Увы, этого я не знаю. Поэтому-то и советовал бы вам как можно скорее мчаться в Доромион, чтобы защитить близких, насколько это возможно.

– Но для чего вам эта война? Вы хотите, чтобы она вынудила меня отправиться на Эллор? Я не сделаю этого!

– Даже чтобы защитить семью?

– Можно укрыться в Лиррии, на севере, в Прианурье... В мире полно мест, где нас никто не найдёт, и для этого не нужно плыть за океан, тем более к вашему чудовищу!

– Волиан и Лейсиан, помнится, тоже пытались укрыться в непроходимых ревийских дебрях. Напомните-ка, сильно ли это им помогло? Да и потом – сможете ли вы до конца жизни прятаться в сырых комариных болотах, словно мышь, что целый день, дрожа, сидит под корягой, в то время, когда ваши собратья будут погибать здесь? Сможете ли вы, не сходя с ума, каждый день гадать – остановятся ли однажды люди, насытив свою кровожадность, или же не успокоятся до тех пор, пока будет жив хоть один представитель вашего народа? И зная при этом, что можете остановить это? Можете вернуться грозным сокрушителем, сметающим царство людей, или же милостивым миротворцем, который своей силой и авторитетом положит конец вражде...

Драонн стоял и беспомощно смотрел на этого ненавистного старика. Теперь слова о пущенной стреле внезапно стали ему очень понятны, практически до слёз. Он чувствовал себя такой стрелой, которую пустили неизвестно куда, и теперь она может лишь лететь, пока не вонзится в цель, выбранную стрелком. Он был загнан в угол, метался, пытаясь найти выход, но каждый раз этот выход оказывался тупиком.

– Будьте вы прокляты!.. – с бессильной ненавистью про-
бормотал он.

Принц ещё несколько секунд смотрел на рокового старика, который внезапно стал причиной скорой гибели его близких друзей, а также тысяч и тысяч других ни в чём неповинных людей и лирр, словно не зная, что предпринять дальше. Меч давно уже был бессильно опущен остриём к полу, да и прав был Ворониус – Драонн не воспользовался бы им. Да и чем можно запугать, какую боль можно причинить человеку, который сам себя обрёл на мучительную казнь ради каких-то пока ещё совсем эфемерных планов?

Разве что сломать, испортить ему этот план? О да, Драонн внезапно понял, что это действительно способно морально уничтожить это чудовище, сломать его и растоптать, убить даже вернее, чем сталь или огонь. Другое дело, что принц не мог даже представить – каким образом это можно сделать, не подставив при этом под удар ни себя, ни свою семью. Он понимал, что не готов заплатить за крушение планов безумного старика жизнями жены и детей. А это означало, что Ворониус прав – он ничего не может поделаться, кроме как опрометью мчаться в Доромион, пока его обитателям ещё ничего не угрожает.

Терять время дальше не имело смысла, поэтому, ничего не говоря, принц резким движением вогнал меч назад в ножны и направился к двери.

– Ещё одно, ваше высочество, – остановил его оклик Во-

рониуса. – Внизу у скалы есть небольшой причал. Там вас ждёт фелука. Это скорее даже рыбацкая лодка, но в это время года залив спокоен как зеркало, так что вы без труда доберётесь до противоположного берега. Если будете двигаться строго к северу, то увидите селение Лозовое, где можно будет раздобыть лошадей. Удачи вам!

Не произнеся в ответ ни слова, Драонн быстрым шагом покинул комнату.

Трудно описать словами то, что творилось во дворце в ночь на двадцать шестой день месяца Арионна. Лейб-лекарей долго не могли сыскать, а когда они всё-таки явились, то лишь подтвердили, что его императорское величество Рихон Первый действительно скончался от ножевого ранения в шею, при том что и вторая рана оказалась довольно опасной и вполне могла бы привести к смерти. Естественно, во всей этой суматохе убитому Ливвею досталось куда меньше внимания – его тело унесли куда-то, укрыв каким-то покрывалом.

К Визьеру и Доссану поначалу и вопросов особых не было – империя пыталась понять, как ей жить дальше и кого слушаться. Спешное заседание Малого совета постановило передать трон двоюродному брату погибшего императора Теотену, внуку императора Родреана и сыну сестры императора Деонеда. Правда, на данный момент Теотен был губернато-

ром провинции Бехтия – небольшой, но крайне богатой земли, узким языком тянущейся вдоль Западного океана южнее Кидуи. Туда тотчас же был послан голубь, но ожидать нового монарха стоило лишь через несколько дней. Пока же именно императорская канцелярия перехватила упавшую было корону, чтобы вручить её новому государю.

Когда вопрос престолонаследия был решён, вернулись к обстоятельствам убийства. Перейтен и Дайвиан Бандорские были схвачены ещё по горячим следам – они всё-таки слегка заплутали в путаных коридорах дворца, так что посланная вдогонку стража схватила их менее чем в квартале от дворца. Поначалу лирры решили, что произошло какое-то недоразумение, которое вскоре разрешится, но затем, когда им стало ясно, что они арестованы по обвинениям, воздвигнутым Визьером – они поняли, что их просто подставили.

Однако же, как и предсказывал Ворониус, стража была абсолютно глуха к их доводам и обращениям, и лишь когда Перейтен, горячась, начал угрожать им, эта глухота прошла. Правда, последствия были совсем не таковы, как ожидали илиры – Перейтена просто стали избивать, а когда Дайвиан бросился на помощь отцу, то попало и ему. Затем окровавленных илиров бросили в один из казематов городской тюрьмы.

К ночи Доссан и Визьер наконец остались одни. В сотый раз рассказав историю о том, как они, войдя в Лиловую комнату, где планировали найти императора, застали кровавую

драму, при попытке предотвратить которую был убит Ливвей и опасно ранен Доссан, они достигли того уровня рассказа, когда из него исчезают последние шероховатости, а необходимые подробности делают его достоверным. Ужас содеянного и вконец расшатавшиеся нервы привели к тому, что временами они уже и сами начинали верить в свою ложь.

Они знали, что к схваченным илирам уже направлены следователи, и что скоро туда отправятся и палачи-дознаватели. Они осознавали, что оклеветанные ими принцы будут говорить совершенно обратное, что они станут обвинять именно их в убийстве, но это несколько не беспокоило обоих убийц. Так же как и Ворониус, они прекрасно знали, что никто из следователей не прислушается к этим обвинениям. А пыточники со временем сумеют выбить эту дурь из их голов.

На главном храме Арионна пробило полночь, но оба заговорщика по-прежнему лежали без сна. Они даже не разошлись по своим комнатам, завалившись на диваны в главной гостиной своего флигеля. Оба не проронили ни слова с тех пор, как вернулись к себе. Они просто лежали и немигающим взглядом смотрели в потолок. Оба они, очевидно, ждали Тирни, чтобы получить обещанные дальнейшие инструкции. Однако мы знаем, что в это время библиотекарь был лишь на пути из Готьедского замка.

Но едва лишь затих далёкий звук колокола, как в дверь гостиной постучали. Несколько секунд оба миньона с какой-то удивительной смесью облегчения и страха глядели на дверь,

но затем Визьер всё же встал и открыл её. Однако там был не Тирни, а всего лишь один из слуг, но в руке его действительно был бумажный пакет.

– Прошу прощения, господин, этот конверт принесли сегодня поутру, и на нём написано, что передать его вам нужно ровно в полночь. Курьер на словах добавил, что если я сделаю это раньше или позже – вы сами снимете мне голову...

– Давай сюда, – Визьер почти вырвал пакет из рук слуги. – И пошёл вон!

Гостиную освещала всего одна свечка на столе, поэтому Визьер тут же подошёл к ней. Он не стал зажигать других свечей, чтобы не привлекать лишнего внимания. Трясущейся рукой разорвав оболочку, он вытащил сложенное вчетверо письмо.

– Я горжусь вами, – слабым голосом прочёл он строки. – Наша цель близка как никогда. Для её достижения осталось сделать последний шаг. Утром вы направитесь к следователям и сообщите, что неоднократно видели убийц в обществе Тирни. Не беспокойтесь, он вас не выдаст, в этом я вам ручаюсь. Он нужен для того, чтобы выдать меня. Да, не удивляйтесь, но для торжества нашей идеи необходимо, чтобы я был схвачен и казнён... – оба заговорщика переглянулись долгим изумлённым взглядом. – Вам будет явлена сила божественного провидения, когда погибший было мессия восстанет вновь. Тогда вы поймёте, что выбрали правильную сторону в этой войне. Не забудьте о том, что я писал раньше –

необходимо направить волну народного гнева на всех лирр в городе и государстве, за исключением принца Драонна. Уверен, вы с этим вполне справитесь!

Несколько минут они молча осмысливали прочитанное.

– Это слишком опасно, – пробормотал Доссан. – Старый идиот может выдать нас.

– Более опасно, чем перечить Ворониусу? – резонно заметил Визьер. – Мессир пообещал, что старик нас не выдаст. Значит – не выдаст. Не могу поверить, что Ворониус должен умереть...

– Он пишет, что потом воскреснет... Возможно ли такое?..

– Не знаю... Стал бы он тогда идти на верную гибель, если бы не был уверен?

Визьер поднёс пергамент к пламени свечи и сжёг его так же, как сжигал до этого все письма Ворониуса. Следом в огонь отправился и конверт.

– Ну что ж, надо ложиться... – несколько неуверенно проговорил он.

– Сегодня я точно не усну! – скрипнул зубами Доссан. – Не уверен, что вообще когда-нибудь смогу теперь спокойно спать...

– Во всяком случае – попытайся, – отрезал Визьер.

– Попытаюсь... – вяло ответил Доссан.

Он оглядел комнату, заметил на столике у камина бутылку вина и, прихватив её, направился к себе. И уже не видел, что

Визьер взял с собой вторую бутылку.

Утром столица уже гудела. За ночь весть о смерти монарха разнеслась по городу, как бы тщательно её не пытались скрыть. Также уже было известно, что убийцы – лирры. Народ выходил на улицы с мрачными лицами и сжатыми кулаками. Былая ненависть к древнему народу моментально вспыхнула с новой силой. Визьеру и Доссану не нужно было даже особенно стараться – народ уже искал виноватых и горел жаждой мщения.

Около девяти утра глашатаи официально объявили о подломе и вероломном убийстве горячо любимого императора. Естественно, было объявлено, что убили его два лиррийских принца. При этом было подчёркнуто, что действовали они самостоятельно, и что это не было ударом со стороны всех лирр. Отдельно отмечалось, что сам министр принц Драонн стал жертвой коварства принцев Бандорских. Кстати, тут же объявлялось, что Бандорский дом лишён всех наделов и титулов.

Несмотря на официальные заявления, народ всё равно продолжал винить лирр вообще. Передавая горестную новость из уст в уста, никто не говорил «императора убили два лиррийских принца», все говорили просто «императора убили лирры». Уже утром произошло несколько нападений на лирр, которые проживали теперь в городе. Уже было трое

убитых – один лирра и двое людей, и было понятно, что это лишь начало.

Как и было велено, утром Визьер и Доссан сообщили о Тирни следователям. Старый библиотекарь был тут же арестован – его, как и ожидалось, разыскали в императорской библиотеке, которую он не покидал уже, наверное, много лет. Выживший из ума маразматик мало что мог сказать, но зато в его грязной комнатухе обнаружилось огромное количество прелюбопытнейших бумаг. Бумаги эти дали такую обильную пищу для ума всем, кто расследовал убийство, что лишь к вечеру стал ясен истинный масштаб заговора.

Общество Лианы, о котором вдруг стало известно, представлялось теперь какой-то чудовищной сетью, наброшенной на империю. В тех письмах, что нашлись у Тирни, фигурировало лишь несколько имён, но из контекста становилось ясно, что это – весьма разветвлённая организация с большим количеством заговорщиков, стремящихся задушить царство людей, выпить из него все соки и построить лирийский мир.

Незамедлительно был дан приказ об аресте этого самого Ворониуса или Вейезина, возомнившего себя лирийским мессией. Его небольшой домик находился милях в шести от Кидуи, так что стража добралась туда быстро. Судя по всему, Вейезин ожидал их появления, и не сделал даже попытки сбежать или защищаться. Он спокойно сдался, лишь презрительно улыбаясь в ответ на обвинения, которые ему предъявили.

Лучшие маги империи пытались оценить магический потенциал Вейезина, чтобы понять – действительно ли он обладает магией, недоступной прочим мужчинам его племени. Однако же никаких, даже самых косвенных признаков этого не находилось. В конце концов следователям стало ясно, что перед ними – либо обыкновенный шарлатан, либо безумец. Но поскольку он, даже не обладая сверхъестественными способностями, оказался способен на организацию убийства императора, всё прочее уже казалось совершенно неважным.

Уже утром следующего дня подданным империи было объявлено о коварстве лирр и о тайном обществе, которое поставило целью уничтожение либо порабощение человечества. И это окончательно обрушило тот хрупкий мир, что ещё сохранялся в Кидуе.

Люди объявили войну лиррам – войну беспощадную и жестокую. Войну на выживание. На улицах столицы появились люди с красными головными уборами на голове. Конечно, со времён прошлой войны красные береты если и сохранились у кого-то, то в крайне плачевном состоянии, поэтому все, кто разделял всеобщую ненависть к лиррам, цепляли на голову хоть что-то красного цвета, чтобы продемонстрировать свою позицию. Чаще всего это вообще были просто лоскуты красной ткани, повязанные на голову на манер матросских платков.

Другим символом стало изображение Белого дуба империи. Люди находили изображение герба, а затем, как уме-

ли, подрисовывали у его подножья нечто зелёное, что должно было символизировать порубленные на куски ветви лианы. Поскольку подавляющее большинство населения столицы понятия не имело, что такое лиана, то рисовали просто некую зелёную массу, и все и так понимали, что это.

Буря народного гнева обрушилась сперва на тех лирр, что проживали в самой Кидуе. Кто-то из них попытался выбраться из города, предполагая худшее, но кое-кто не сумел, или же не захотел этого сделать. И теперь они должны были расплатиться своими жизнями за предательство, которого не совершали.

Избиение лирр приняло совершенно чудовищные формы. Озверелые толпы, врываясь в дом, не желали удовольствоваться простым убийством. Несчастных жертв, которых выискивали в подвалах, на чердаках, под кроватями сперва долго и мучительно истязали, выдумывая самые изощрённые зверства, на которые только хватало фантазии у убийц. Женщин и даже девочек непременно насиловали. Одного младенца просто топтали ногами, пока от него не осталось бесформенное кровавое месиво...

Пощады не давали никому – ни старику, ни ребёнку. Уже к вечеру двадцать седьмого дня месяца Арионна в городе было убито почти полторы сотни лирр. Трое были арестованы – их имена значились в письмах Ворониуса. Лишь единицам удалось спастись, выбравшись за городские стены. В тот же день, несмотря на то что принц Драонн официаль-

но был объявлен невиновным, толпа попыталась штурмовать его особняк, ведь там находилось около дюжины илиров.

Илиры Драонна не желали сдаваться без боя и оказали ожесточённое сопротивление, убив по меньшей мере три десятка нападавших. Затем появилась городская стража, которая с огромным трудом отогнала разбушевавшуюся толпу от особняка министра. Однако это лишь отсрочило кровавый финал. Когда стража попыталась вывести лирр, чтобы переправить их во дворец, где они могли бы быть в относительной безопасности, толпа вновь напала с ещё большим ожесточением, сминая ряды отчаянно сопротивлявшейся стражи, попавшей в весьма незавидное положение.

В итоге было убито восемь гвардейцев, с полсотни горожан и, к сожалению, все вассалы Драонна, чьи тела толпа после разметала на кровавые лоскуты.

План Ворониуса пока работал безупречно. И без каких-то специальных мер со стороны Визьера и Доссана погромы в тот же день выплеснулись за пределы столицы. В любой точке, куда достигала весть об убийстве императора, люди реагировали одинаково. И если там были лирры – участь их всегда была незавидна. Вновь, как и четверть с лишним века назад, повсеместно создавались отряды красноверхих, вооружавшиеся на пожертвования населения. И на сей раз люди были настроены куда более решительно. Только война до конца! Только победа! Только полное истребление лиррийского отродья!

Следствие по делу заговорщиков-лирр оказалось недолгим. Несмотря на то, что Перейтен и Дайвиан, даже не взирая на пытки, по-прежнему отказывались признать свою вину, это мало кого волновало, поскольку глава заговора, Вейезин, заливался соловьём. К нему даже не требовалось применять пристрастные методы допроса (хотя их всё равно применяли) – он охотно называл всех, кто состоял в его заговоре, подписывал любые бумаги, которые ему давались, подтверждал всё, о чём его спрашивали.

Он сразу же признался, что именно по его поручению принцы Бандорские совершили убийство. Он в деталях описал план покушения, не забыв упомянуть и то, что для успешного его осуществления потребовалось хитростью удалить верного соратника императора – принца Драонна. Вполне невозмутимо выдержал он и очную ставку с Перейтеном, который, напротив, тут же вышел из себя, проклиная и грозя илиру, которого он, естественно, видел впервые в жизни.

Меж тем по всей стране шли аресты. Правда, чаще всего взять живыми илиров, объявленных заговорщиками, не получалось – повсеместно императорским отрядам оказывалось сопротивление. Был отдан приказ и об аресте Гайрединна Кассолейского, тестя принца Драонна. Было рекомендовано провести этот арест без лишнего шума, не привлекая

особого внимания. Кстати, сам Драонн так и не объявился в столице, что тоже наводило на самые разные мысли в отношении министра, однако Визьер и Доссан, как могли, оберегали репутацию принца Доромионского. Правда, было ясно, что надолго их не хватит.

Всего через двенадцать дней после ареста принцев Бандорских было объявлено о казни, которая случилась ещё через шесть дней. Всего на площадь было выведено одиннадцать лирр и один человек, безумно улыбающийся беззубой (теперь, после стараний палачей, по-настоящему беззубой) ухмылкой. Тройное оцепление гвардейцев в полном доспехе и с боевым оружием ограждало приговорённых от беснующейся толпы.

Уже новый император Теотен лично зачитал приговор всем заговорщикам, среди которых, к слову, не было ни принца Гайрединна, ни принца Глианна, хотя заочно они также были приговорены к смерти. Отдельно, конечно, выделялись в приговоре лишь трое – двое убийц и самозванец-мессия. Им были уготованы самые жестокие казни – сдирание кожи заживо. Остальных надлежало повесить, предварительно перебив конечности металлическими прутами.

Принц Перейтен и Дайвиан, истерзанные множеством допросов, едва держащиеся на ногах, уже даже и не заикались о своей невинности. Они, опираясь друг на друга, стояли рядом, пытаясь набраться достаточно мужества, чтобы

встретить смерть. Вейезин выглядел куда лучше, поскольку из него не приходилось выбивать показаний, и теперь имел вид вполне безмятежный. Он то и дело бросал взгляды на что-то бессвязно лепечущего Тирни и это, казалось, придавало ему сил.

Троицу главных злодеев оставили напоследок, начали же с тех, кто был мало интересен зрителям. И первым на казнь повели именно Тирни – единственного человека среди всех преступников. Казалось бы, это должно было вызывать к нему утроенную ненависть собравшихся, но этого не было. Напротив, многие жалели безумного старичка, полагая, что грязные лирры просто использовали безобидного библиотекаря, пользуясь его слабоумием.

Когда Тирни уже возвели на эшафот, он внезапно распрямился и неожиданно громким голосом воскликнул:

– Да здравствует мессия!

На это толпа ответила злобным язвительным смехом – тот самый якобы мессия стоял в двадцати шагах, окровавленный и избитый, а через полчаса ему и вовсе предстояло умереть. Кто бы мог подумать, что этот старик славил сейчас совсем другого илира – того, кто никак не мог его услышать...

Глава 30. Кэйринн

Никто из четверых илиров ни разу не ходил самостоятельно под парусом, но нужда может научить всему. Небольшое судёнышко, всего лишь один парус, руль и четыре пары вёсел – вот и всё, что было в распоряжении Драонна и его спутников. К сожалению, ветер пока был противным – бриз дул со стороны моря. Быть может, более опытные моряки и сумели бы совладать с ветром и парусом в этой ситуации, но илиры, немного помаявшись, с неохотой взялись за вёсла.

Фелука была невелика, так что шестеро бывалых гребцов легко заставили бы её двигаться, пусть и небыстро. Но четверо воинов гребцами не были, поэтому, промучившись больше часа, так и не отошли на достаточное удаление от берега. Драонн не мог оторвать взгляда от почти не отдаляющегося силуэта замка – ему всё казалось, что Ворониус насмешливо смотрит со стены на их неуклюжие потуги. Но, конечно, это была не более чем игра расстроенного воображения – как мы знаем, старый маг тотчас же помчался обратно в Кидую, чтобы поспеть к своему аресту.

Хвала богам, с наступлением ночи ветер стал меняться и подул от берега, что позволило илирам, успевшим набить кровавые мозоли несмотря на кожаные перчатки, немного отдохнуть, кое-как выставив парус. Залив в этом месте не особенно широк, но было понятно, что подобными темпами

путь может занять целые сутки, а то и больше. Драонн вдруг спохватился, что они не озаботились запастись ни водой, ни пищей.

К счастью, Ворониус позаботился о них сам. Никаких гастрономических изысков он не предоставил – хлеб, мясо, сыр, репчатый лук и вода. Но, по крайней мере, всего этого было в изобилии, так что можно было не опасаться смерти от голода и жажды в ближайшую неделю. Хотелось надеяться, что и смерть в мрачных пучинах залива Дракона тоже минует их стороной...

Как и предсказывал Ворониус, путешествие оказалось несложным даже для непривычных к этому беглецов. Ближе к вечеру следующего дня показался берег. Увы, никто из четверых не владел навыками навигации, так что было неясно, насколько чётко они двигались строго к северу. Во всяком случае, никаких поселений на побережье видно не было. В этой ситуации оставалось лишь одно – забирать левее, к западу, где вероятность жилья была куда выше.

Наконец, незадолго до сумерек на берегу показались домишки. Было ли это то самое Лозовое – уже не имело значения. Драонн направил судёнышко туда. Через полтора часа фелука, подгоняемая бризом, пристала наконец к каменистому берегу. Сюда, в эту богом забытую деревушку, конечно же, ещё нескоро докатятся новости из столицы, так что внезапно появившихся лирр приняли хоть и настороженно, но вполне нормально. А уж когда Драонн назвал себя, мест-

ные рыбаки и вовсе обомлели от присутствия столь великого гостя.

Увы, это было не Лозовое, и здесь не было ни постоянных дворов, ни барских усадеб. Лошади были, но немного, да и те – понурые лошадки, всю свою несладкую жизнь таскавшие бочки с солёной рыбой да охапки сена. Неподкованные, с набитыми репъём кургузыми хвостами и гривами, они, казалось, меньше всего на свете подходили для гордых илиров. Однако, как оказалось, до ближайшего поселения было около трёх миль, и шанс найти хороших лошадей там был точно таким же, а до того же Лозового были все двадцать миль к востоку.

В общем, до ближайшей сносной лошади было не менее пятнадцати миль, и преодолевать их пешком казалось абсолютно невозможным. Пришлось брать тех лошадей, что имелись. У Драонна почти не было с собой денег – он ведь не планировал долгого вояжа, отправляясь в Готьедский замок. Того, что нашлось в карманах илиров, не могло хватить на оплату четырёх лошадей – пусть несчастные животные и не были эталоном скакунов, но для местных жителей они были единственными помощниками, так что запросили за них втридорога.

Драонн вышел из положения, отдав бывшим владельцам лошадей фелуку. Поскольку она, вероятно, так или иначе принадлежала Ворониусу, его нисколько не волновало, что с нею станется.

Сёдел у селян, разумеется, не водилось, но это не было существенной проблемой для таких великолепных наездников. Однако, вскочив на лошадь и оглядев своих спутников, Драонн, даже несмотря на мрачное настроение, не оставляющее его со времени разговора с Ворониусом, не смог не расхохотаться, настолько комичным было зрелище. Да и его спутники также не удержались от смеха. Но нужно было привыкать, что в таком виде им придётся проскакать довольно продолжительное время.

Вообще впереди была проблема посерьёзнее. Если на берег Драонн сошёл всемогущим имперским министром, то было очевидно, что вскоре всё изменится. Он не мог знать, как скоро доберутся до этих мест новости, но понимал, что это вопрос максимум двух-трёх дней. Конечно, в небольших деревушках люди ещё неделями смогут жить в счастливом неведении, но в более-менее крупных населённых пунктах вскоре любой лирра будет восприниматься как смертельный враг. А это значило, что придётся избегать людских поселений (а других тут, собственно, и не было), и путь домой может стать очень долгим и опасным.

Ночёвки в лесу превратились в сущее мучение. Полчища комаров исчезали на несколько часов в самый разгар ночи, чтобы с ещё большей яростью наброситься на несчастных путников на заре. С едой тоже возникали проблемы. Пару раз илиры рискнули зайти в небольшие деревушки, чтобы купить какого-нибудь продовольствия, но в один из по-

следующих визитов (это случилось на третий день после их высадки) обитатели очередного селения бросились на них с дубьём. Всё-таки новости об убийстве императора (а в том, что на него было совершено покушение Драонн уже не сомневался) распространялись куда быстрее прочих.

Для охоты у путешественников не было луков. Ливейтин, чьи способности в резьбе по дереву уже были нам известны, сумел смастерить и плохонькие луки, где вместо тетивы была обычная бечёвка, приобретённая у селян. Конечно, в качестве оружия такой лук не годился, да и крупную дичь подстрелить им было невозможно, учитывая, что стрелы представляли собой лишь заострённые палочки. Но вот птицу и даже мелкого зверька вполне можно было если и не убить, то слегка оглушить, чего бывало достаточно для поимки. Так что питались главным образом дичью, ягодами, зеленью и кореньями. Драонн до сих пор и не подозревал, сколько всего съедобного, и даже вполне сносного на вкус, можно раздобыть в лесу!

Если в наличии были небольшие лесные тракты – двигались по ним, благо край был немногочисленный. Подъезжая к селениям, огибали их широкой дугой. Несчастные лошадки, конечно, ужасно страдали от непривычного им режима, но поделаться всадники ничего не могли. Они и рады были бы приобрести верховых лошадей, да где их было взять?

В общем, дорога, которая даже осенью занимала у Драонна в его прошлые поездки всего несколько дней, на сей раз

растянулась почти на две недели. В конце неё лошадей пускали чуть ли не шагом, опасаясь, что они просто падут.

Наконец Ливейтин отметил, что они оказались в родных местах. До Доромиона было ещё неблизко, но зато всего в нескольких часах пути был замок Тенедорион. Драонн не виделся с Делийоном Тенедорионским, наверное, с того самого памятного ужина в Кассолее, когда он познакомился с Аэринн. Они никогда не были друзьями или даже приятелями, однако же Драонн предполагал, что в замке он сможет хотя бы раздобыть лошадей. Если, конечно, с его обитателями ещё ничего не случилось...

Драонн почти не знал здешние земли – он никогда не бывал здесь, лишь понаслышке зная о некоторых населённых пунктах. Милях в шести от Тенедориона находилось крупное селение. Илиры предусмотрительно объехали его стороной, для чего пришлось сделать лишний круг почти в милю, чтобы остаться в кромке леса и не попасться на глаза многочисленным земледельцам, копающимся сейчас на своих полях.

Дальше от села шла просёлочная дорога, по которой можно было добраться и до замка. Принц и его спутники двинулись вдоль этой дороги, но на достаточном удалении, чтобы в случае чего скрыться в кустарнике – по этому тракту то и дело проезжали телеги или проходили путники.

Через некоторое время они добрались и до первого лиррийского хутора. Лирры даже в этом отличались от людей –

если вторые всегда предпочитали жить сообща, жаться друг к другу в поисках поддержки, то первые испокон веков были индивидуалистами, ценящими свободное пространство. Именно поэтому лирры редко строили крупные поселения и всё-таки в массе своей неохотно жили в крупных городах, за исключением двух-трёх городов на юге. Вот и здесь, в Сеазии, немногочисленное лиррийское население селилось небольшими хуторами по четыре-пять семей.

Увидев хутор, Драонн до боли стиснул зубы. Там, где совсем ещё недавно жили и трудились его сородичи, теперь было пепелище. Люди в своей бессмысленной жестокости сожгли всё – дома, хозяйственные постройки, даже фруктовые деревья. Всё, что не могло сгореть, было сломано. Был разбит колодец, и можно было даже не проверять – наверняка он был завален различным мусором, а также, вполне возможно – трупами.

Хутор, очевидно, сожгли уже несколько дней назад. Нигде не курился дымок, пепел давно остыл и частью был размётан ветром по окрестностям. Вокруг стояла тишина – не было слышно даже обычного квохтанья кур. Очевидно, что если кто и выжил из местных жителей – они ушли. Во всяком случае, хотелось верить, что они успели обратиться подобру-поздорову под более надёжные замковые стены.

Не было смысла огибать погибший хутор, поэтому илирры проехали сквозь него. От колодца действительно исходил слабый запах падали, и хотелось надеяться, что там разлага-

ются лишь трупы дворовых собак. С потемневшими от горя и гнева лицами четверо илиров ехали, вглядываясь в эти свидетельства смерти и разрушения, в надежде разглядеть что-то живое. Но среди развалин не мелькнула даже кошка.

– Наверняка и дальше будет то же самое... – проворчал Ливейтин. – Эти ублюдки пожгли все фермы и хутора. Всё, до чего смогли дотянуться.

– Интересно, цел ли Тенедорион?.. – озабоченно пробормотал Драонн.

– Конечно цел! – с абсолютной уверенностью ответил Ливейтин. – У этих деревенщин зубов не хватит на наши замки! Жечь хутора – вот предел их возможностей!

– У этих-то, конечно, не хватит... Но вот армия...

– Армия, будем надеяться, доберётся до сюда ещё не скоро! – по голосу было слышно, что самоуверенности у Ливейтина поубавилось.

– Сможем ли мы организовать оборону Доромиона при длительной осаде?

– Ах, кабы не проторчали мы столько времени в этой проклятой Кидуе!.. – с досадой воскликнул Ливейтин. – Я, начальник стражи, теперь даже не знаю, насколько наш замок готов к обороне! Надеюсь, этот олух Пийтин сделал всё по уму! Малый он, конечно, толковый, да вот с фантазией у него туговато!.. Но если он сделал всё, что должно, то три-четыре месяца Доромион простоит без особых проблем. А там уж и до зимы недалеко. Не станут же солдаты морозить себе зад-

ницы под нашими стенами!

– Но без ферм нам неоткуда будет взять новых припасов... Если придёт армия, нам в любом случае будет плохо. Даже если Доромион выстоит до зимы – что нам делать дальше? Помирать с голоду?

– Как только вернёмся – незамедлительно начнём приготовления. Я постараюсь набить замок зерном по самую крышу!

– Если нам дадут такую возможность... – мрачно покачал головой Драонн. – Сам видишь – враг уже рядом...

Словно в подтверждение его слов вдали послышались звуки – натужный скрип колёс и голоса. Должно быть, очередная телега какого-нибудь селянина везла первые урожаи сена, или ещё что-то в том же роде. Правда, звук раздавался с той стороны, куда направлялись путешественники, то есть со стороны замка. Вполне вероятно, что это были какие-нибудь мародёры, которые пытались пополнить своё нехитрое добро чем-то, найденным на пепелищах лирийских поселений. Так или иначе, а четверо илиров поспешили свернуть с дороги и укрыться за густым кустарником, в изобилии разросшимся у подножья древних сосен.

Вскоре показался и источник шума. Лошадь, немногим отличающаяся от тех, которых держали под уздцы илиры, не без труда тащила грубо сколоченную массивную телегу, чьи несмазанные цельнодеревянные колеса и издавали такой душераздирающий скрежет. На телеге сидело двое немолодых

мужиков. Однако везли они не свежескошенное сено, и не какие-то другие жалкие пожитки.

Почти всё пространство телеги занимала грубая деревянная клетка. Кое-как ошкуренные ветки, толщиной в запястье среднего подростка, были стянуты тонкими кожаными ремнями в достаточно прочную конструкцию. В таких клетках, наверное, могли бы перевозить мелкую скотину вроде коз или овец, но илиры сразу поняли, что предназначалась она совсем не для этого.

Мужики, что посмеивались меж собой, прислонясь спиной к прутьям решётки, обвязали свои седеющие курчавые головы красными тряпицами. Были они, очевидно, простыми местными колонами, и средств на целый красный берет у них пока не было, вот и обошлись подручными материалами – возможно, разрезали подол жениного платья, или собственные выходные рубахи. Они были не вооружены, лишь пара дубин валялась рядом с ними.

Они ехали, ничего не таясь и не опасаясь, как победители по завоёванной территории. Они понимали, что здесь уже нет никого, кто мог бы дать им отпор. Красноверхие, которых поманила на войну не только высокая идея торжества людского мира, но и вполне себе земная корысть – с чисто мужицкой рачительностью они, удовлетворив свою жажду крови, пытались затем не дать пропасть добру. А для этих двоих таким добром были сами лирры.

Работорговцы – вот кто были эти двое в красных повяз-

ках. Такая же проблема была и в прошлую войну – были люди, промышлявшие торговлей лиррами. Причём спросом пользовалась лишь одна категория пленников – девушки. Лирры – никчёмные работники, слишком свободолюбивые и не слишком сильные и выносливые. Они не годились практически ни на что. Но вот юные лиррийские девушки пользовались большим спросом у владельцев борделей и богатых, пресытившихся жизнью вельмож. Многих людей возбуждала эта запретная связь, и они готовы были платить за таких рабынь солидные деньги.

С позиции, которую заняли илиры, было неясно – пуста ли клетка, или в ней кто-то есть. Ворох соломы, устилающий её дно, вполне мог скрывать лежащую фигуру. Ливейтин и Драонн лишь переглянулись. Старому воину не потребовалось спрашивать, а молодому принцу не нужно было отвечать. Плавно выскользнули из ножен три меча – Драонн не обнажил своего. Трое лирр заняли более удобные позиции за стволами деревьев, хотя было ясно, что неуклюжей тяжёлой повозке не ускользнуть, даже если люди прямо сейчас завидят затаившихся врагов.

Голоса и скрежет приближались. Вскоре до телеги осталось не более трёх десятков шагов. Быстрые и бесшумные, словно тени, трое илиров метнулись к ней. Когда пара возниц заметила опасность, было уже слишком поздно – они не смогли бы даже схватить свои дубины. Умоляющие вскрики тут же затихли, резко оборвавшись. Драонн не успел, да и

не захотел дать приказа не убивать красноверхих. Никакой жалости у него к ним не было.

Принц быстрым шагом подошёл к остановившейся повозке. Его илиры уже стащили оба трупа и отволокли их на несколько шагов от дороги. И по их лицам Драонн уже понял, что в клетке кто-то есть.

Подойдя ближе, он невольно отвёл глаза. На грязной соломе лежала бесчувственная лиррийская девушка. Совсем юная, вряд ли старше Билинн. И её внешний вид красноречиво говорил о тех ужасах, через которые ей пришлось пройти. На девушке была лишь изодранная сорочка, не достигающая даже до пояса. Ниже пояса она была обнажена, и не нужно было много ума, чтобы понять – зачем.

Конечно, в изысканные бордели или для особых гурманов-сладолюбцев этот товар уже больше не годился. Но здесь, в провинции, вероятно не было столь привередливых клиентов. Эти двое подонков вряд ли планировали везти свою добычу туда, где её могли бы оценить по достоинству. Вероятнее всего, эта девушка закончила бы свои дни довольно быстро в одном из местных кабаков, где её пускали бы по кругу пьяные посетители, куда она не умерла бы. А потому работоторговцы не видели причин, чтобы самим не вкушать прелестей лиррийской красавицы. Попробовать товар, так сказать.

Очевидно, что несчастная находилась в бессознательном состоянии не просто так. И обморок этот был вызван даже не

побоями, хотя на лице девушки было несколько кровоподтёков. Вероятнее всего пленница была опоена отваром дурной травы – работорговцы сплошь и рядом использовали это простое и дешёвое средство, позволяющее резко сократить количество проблем со своими жертвами.

Тем временем один из илиров ударом рукояти сбил примитивный, но надёжный замок и открыл дверцу клетки. Драонн, стянув с себя плащ, набросил его на девушку, прикрыв её наготу, а заодно и хотя бы немного защитив от множества комаров, облепивших её ноги.

– Что будем с ней делать? – преувеличенно грубым тоном спросил Ливейтин, и принц понял, что старик пытается скрыть смущение и гнев.

– Возьмём с собой, – вероятно, голос Драонна звучал сейчас очень похоже. – Не оставлять же её здесь! Судя по всему, она с одной из близлежащих ферм. Отвезём её в Тенедорион. Посмотри, удастся ли привести её в чувство?

Ливейтин, кряхтя куда громче обычного, забрался в клетку и потормошил лежавшую без чувств девушку:

– Эй, дочка, просыпайся! Всё уже закончилось!

Однако несчастная не очнулась. Если отвар ей дали недавно – она вполне могла провести без сознания ещё пару-тройку часов. Старый илир ещё пару раз попробовал привести её в чувство, но стало ясно, что это бесполезно. Драонн, забравшись в клетку вслед за Ливейтином, осторожно завернул её в плащ, а затем они вдвоём вытащили бедняжку из

телеги. Один из сопровождающих принца тем временем выпряг из повозки лошадь, совершенно безучастную ко всему происходящему. Она могла пригодиться в пути, поэтому не стоило оставлять её тут.

Освобождённую девушку осторожно посадили на лошадь впереди Драонна, и они вновь отправились в путь, соблюдая ещё больше предосторожностей, чем прежде – судя по всему, поблизости могли быть дружки тех двух работорговцев, и встреча с ними не входила в планы путешественников.

И действительно через некоторое время им вновь пришлось убраться с дороги вглубь леса – отряд примерно из полутора десятков человек двигался им навстречу. И хотя вряд ли эти деревенщины могли бы представлять сколько-нибудь серьёзную опасность для четверых вооружённых воинов, но Драонн не хотел с ними связываться. Вполне возможно, что поблизости могли находиться и другие красноверхие, да и не все они могли быть вооружены не только дубинами.

К счастью, Ливейтин неплохо ориентировался здесь, поэтому решили до Тенедориона добираться не по дороге. По подсчётам старого воина до замка оставалось не больше часа езды. Главное – чтобы он не был осаждён, хотя Драонн сомневался, что красноверхие станут заниматься бессмысленными вещами. Скорее всего, они жгли и грабили только хутора, оставив замки императорской армии.

Действительно, чуть больше чем через час полоса леса внезапно оборвалась, предусмотрительно вырубленная хозя-

евами Тенедориона ещё поколения назад. Дальше, примерно в четверти мили, возвышались крепкие стены лиррийского замка. Пара ферм, находящихся неподалёку, также были сожжены, но сам замок, кажется, не пострадал. Мост был поднят, а ворота – закрыты.

Илиры не менее четверти часа внимательно осматривали окрестности, пытаясь заметить опасность, но здесь, кажется, было тихо. Рядом с Тенедорионом не было ни единой души. Наконец они рискнули выбраться из спасительной сени леса и медленным шагом, чтобы лишний раз не нервировать защитников замка, направили лошадей к воротам.

Их заметили, вероятно, почти сразу же. Острые глаза лирр уловили движение на стенах – несколько воинов наблюдали за ними. Вероятно, довольно скоро обитатели замка поняли, что к ним приближаются лирры, потому что никаких рожков или других сигналов тревоги не прозвучало.

– Кто идёт? – окликнули путников сверху, когда они подъехали на сотню ярдов ко рву.

– Принц Драонн Доромионский, – отозвался Драонн.

– Подъезжайте к воротам, – после небольшой заминки пришёл ответ.

Спустя десять минут четверо мужчин, один из которых прижимал к груди бесчувственную девушку, въехали во двор Тенедорионского замка. Сам глава дома уже ожидал их.

– Милорд, как вы здесь оказались? И почему в таком виде? – воскликнул принц Делийон.

– Я возвращаюсь из Кидуи в Доромион, друг мой, и мне нужны хорошие лошади вместо этих кляч, – Драонн спешился и обнял хозяина замка. – Прошу вас, примите эту девушку. Мы отбили её у работорговцев неподалёку отсюда. Позаботьтесь о ней.

Несколько слуг тут же с готовностью подхватили спасённую и осторожно понесли куда-то в дом.

– Что за глупости натворили вы там, в Кидуе? – вскричал Делийон, едва ответив на ритуальное объятие. – Принц Перейтен убил императора? Да как такое возможно?

– Принц Перейтен никого не убивал. Его подставили, чтобы развязать новую войну между нами и людьми. Вижу, вы здесь держитесь. Тяжело пришлось?

– Ещё бы! Все хутора в округе сожжены. Я потерял около тридцати пяти илиров – те, кто не успел укрыться в замке. Сидим теперь тут на осадном положении. Пару дней назад ко мне наведались из Шедона – несколько судейских и четыре десятка солдат. Зачитали какое-то нелепое обвинение, якобы я состою в дьявол знает каком тайном обществе, и объявили, что я арестован. Требовали открыть ворота.

– И что же?

– Я сказал, что первый, кто приблизится ко рву ближе, чем на три шага, будет истыкан стрелами. Они потоптались-потоптались и ушли, но обещали, что так этого не оставят. Вот теперь ждём гостей... Но что же там в столице произошло?

– Сперва скажите – есть ли у вас новости из Доромиона?

– Новостей нет, но говорят, что ваш домен красноверхие не трогают. Эти каналы, что пришли меня арестовывать, говорили, что якобы вы, милорд, чуть ли не в одиночку противостояли заговорщикам, и что чуть ли не вы лично арестовывали их всех.

– Всё это ложь. Я узнал о заговоре слишком поздно, и мне оставалось лишь, бросив всё, мчаться домой так быстро, как только я мог. Почти все мои илиры остались в Кидуе, и я боюсь, что участь их незавидна... Так что я теперь – беглец и преступник.

Как мы видим, Драонн старался не распространяться о том, что произошло, хотя не мог не понимать, что Делийон стораёт от любопытства. Но сказать правду он не мог – она звучала слишком дико и невероятно, да и не хотелось объявлять всем, что народ лирр истребляют сейчас потому, что какой-то безумец признал в нём, Драонне, лиррийского мессию.

– Значит, это будет война похлеще прошлой?..

– Боюсь, что так, друг мой... Может быть, со временем правда откроется, но я очень сомневаюсь в этом. Нас подставили, и люди с радостью ухватились за эту ложь. Так что, как это ни прискорбно, я думаю, что нам надлежит драться за свою жизнь. Время переговоров если и настанет, то ещё очень нескоро, и надо бы попытаться дожить до него. Потому, друг мой, сделайте всё возможное, чтобы выжить и сохранить как можно больше ваших илиров. Готовьтесь к боль-

шой войне – кажется, в этот раз нас действительно хотят уничтожить всех до единого...

– Что ж, в этом я разбираюсь лучше, чем в дипломатии, – хищно ухмыльнулся Делийон – кажется, множество прожитых лет не так сильно охладили его юношескую горячность.

– Что же – могу я рассчитывать на четырёх лошадей? – напомнил Драонн.

– Разумеется! Не желаете ли пообедать? Судя по всему, в последнее время вы здорово изголодались!

– Нет, благодарю, – борясь с искушением, покачал головой принц Доромионский. – Лучше мы не будем терять времени. Если отправимся сейчас, к утру можем быть дома.

– Лишний час ничего не решит, – решительно возразил Делийон. – А вы, как я вижу, буквально валитесь с ног. Вам нужен отдых и еда.

– Ну хорошо, – сдался Драонн, окинув взглядом спутников. – Вы правы, милорд, отдых и еда нам сейчас очень нужны. Но мы не задержимся дольше чем на час!

– Не лучше ли переночевать здесь, а с рассветом отправиться дальше? Нынче небезопасно на славных дорогах Сесазии.

– Как и везде. Ночью мы, по крайней мере, будем под защитой темноты. А Ливейтин ориентируется в этих лесах не хуже дикого зверя. Кроме того, вы ведь понимаете, как я спешу поскорее оказаться рядом с родными, тем более в нынешние времена.

– Вы правы, милорд, и я больше не стану вас уговаривать! – согласился Делийон. – Пойдёмте, не станем терять время. Вам подготовят лучших лошадей.

– А этих я оставлю вам, – мотнул головой Драонн. – Понимаю, что обмен неравноценный, но может быть и они на что-то сгодятся.

– Сгодятся! – заверил Делийон. – Может статься, что настанет день, когда жёсткое мясо этих коняг покажется нам сладким и нежным...

Драонн прикусил губу, понимая, что слова принца вполне могут оказаться пророческими. Они направились в трапезную, где получили роскошный по меркам последних дней обед. Привыкшие питаться едва ли не подножным кормом, четверо илиров с жадностью набрасывались и на простой ржаной хлеб.

Во время обеда принц Делийон всё пытался завести разговор о том, что же случилось в Кидуе, но Драонн отвечал осторожно и скупно, чаще всего ссылаясь на то, что его не было в городе, когда всё произошло. Он старался не умалчивать ни о чём, что могло бы повлиять на судьбу самого Делийона, но всё, что касалось Ворониуса, Лианы и прочих подобных вещей, то они, кажется, касались лишь его одного, и принц не находил в себе достаточно мужества, чтобы говорить об этом.

Делийон, впрочем, оказался достаточно деликатным для того, чтобы, заметив неловкость гостя, стараться не доку-

чать ему вопросами. Вместо этого он сам рассказывал о том, что творилось теперь на его землях, а также на землях соседей-лирр. Правда, сведения его были довольно отрывочны, особенно относительно положения дел у соседей, однако же Делийон вполне определённо полагал, что они бедствуют не меньше, чем он.

Самое главное – это было понимание того, что эту войну не выиграть. На этот раз люди, кажется, не склонны были делить лирр на «своих» и «чужих», и одинаково били и тех, и других. Так что выходило, что отдельные лиррийские дома, не имея достаточно сил для объединения, были вынуждены в одиночку биться, по сути, со всей империей.

В общем, обед прошёл мрачно, даже несмотря на то, что путешественники впервые за много дней вдоволь наелись настоящей еды. Как и обещал Делийон, обед и короткий отдых заняли не больше часа, после чего все вновь вышли во двор, где уже ожидали четыре осёдланные лошади.

– После того, как мы столько дней тряслись без седла на этих клячах, я чувствую себя будто на троне! – заявил Драонн, вскакивая в седло, и его спутники одобрительными возгласами подтвердили слова своего сеньора.

Какой-то шум послышался из дверей, а затем оттуда почти выскочил слуга.

– Ваше высочество, девушка, которую вы привезли, пришла в себя, – проговорил он, быстро подходя к Драонну.

– Это добрая весть, я рад, – кивнул принц.

– Но она учинила настоящий переполох, ваше высочество. Кричит, бросается на всех. Требует, чтобы её пустили к вам. Говорит, что хочет ехать с вами...

– Вот как... – усмехнулся Драонн.

Конечно, первой мыслью его было отказать – ему сейчас было никак не до спасённых девушек. Однако ему внезапно пришла в голову довольно нехорошая мысль. Этот замок был сейчас далеко не лучшей защитой. Во всяком случае, Доронион казался более надёжным укрытием. И коль уж он спас эту девушку – стоило ли останавливаться на полпути? Спасти её, чтобы неделей или месяцем позже она оказалась заперта в осаждаемой крепости?.. Если у него есть возможность спасти хоть одну лирру – мог ли он ею пренебречь?

– Милорд, найдётся ли у вас ещё одна лошадь?

– Что поделать, – беспечно улыбнувшись, ответил Делийон. – Вы доставили мне пятерых лошадей, придётся мне отдать вам столько же. Справедливый обмен, – насмешливо добавил он.

– Я не забуду этого, – пообещал Драонн. – Что ж, ведите её сюда.

Слуга исчез в доме, и вскоре оттуда вышла та самая жертва работорговцев. Теперь она была одета в какие-то женские платья – вероятно, одна из служанок пожертвовала ей кое-что из собственного гардероба. Одежда была чуть не в пору, но это было всё же лучше, чем путешествовать нагишом.

– Вы точно хотите ехать со мной, сударыня? – осведомил-

ся Драонн.

– Вы спасли мне жизнь, милорд, и я надеюсь однажды отплатить вам тем же, – серьёзно ответила девушка, хотя и была она ещё почти девочкой. – А для этого мне нужно всегда быть поблизости.

– Что ж, возможно, вам вскоре представится такая возможность... – мрачно пошутил принц. – Сейчас вам подадут лошадь. Умеете ли вы ездить верхом?

– Я с детства в седле, милорд.

– Отлично! Что ж, моё имя вам наверняка уже известно. Назовите своё, коль уж нам предстоит «всегда быть поблизости», – с улыбкой произнёс Драонн.

– Меня зовут Кэйринн, милорд.

– Я безмерно рад нашему знакомству, госпожа Кэйринн! – поклонился в седле принц.

Глава 31. Лихие времена

Дорбгой Драонн начал своё знакомство с новой спутницей. Кэйринн держалась с большим достоинством, так что принц даже поначалу решил, что она принадлежит к какому-то знатному роду, но это оказалось не так. Лаконично и сухо девушка рассказала о своей семье – они были фермерами, арендовавшими земли у принца Тенедорионского. Увы, её родители погибли от рук красноверхих, а её саму схватили. Кэйринн не забыла отметить, что ранила двоих нападающих, причём одного – вилами в живот.

– Надеюсь, он сдох, – кратко и бесстрастно проговорила она.

Вообще Кэйринн держалась весьма необычно. Она была необычайно серьёзна – почти картинно серьёзна, так что Драонн поначалу решил, что это лишь наигрыш. Но через некоторое время он понял, что ошибался – девушка действительно была не по возрасту серьёзна и сосредоточенна. Она словно постоянно концентрировалась на чём-то очень важном внутри себя.

При этом её хладнокровие, конечно, было отчасти напускным. Драонн чувствовал её боль и по поводу гибели родителей, и по поводу случившегося с ней. Последнее, кстати, очень сильно угнетало Кэйринн, и несколько дней спустя, когда они стали уже достаточно близки, однажды прорвалось

наружу.

– Если окажется, что я забеременела, – сказала она тогда. – Я сделаю всё, чтобы избавиться от этого ребёнка! Если потребуется, я выскребу его стрелой! Я скорее вспорю себе живот, чем рожу!..

И Драонн ни на секунду не сомневался, что она говорит это не для красного словца. Пожалуй, из всех, кого он знал, в отношении Кэйринн он менее всего сомневался в том, что она на такое способна. Именно поэтому, кстати, принц в тот же день тихонько послал за знахаркой Ораной, которая, естественно, теперь жила в самом замке. К счастью, опасения Кэйринн оказались необоснованными – Орана с полной уверенностью заявила, что её чрево свободно от плода.

Но всё это случится чуть позже, а пока Драонн понемногу узнавал Кэйринн и всё больше поражался ей. Будучи дочерью простолюдинов, она интуитивно обладала всеми повадками знатной дамы. Но ещё больше поражала её внутренняя сила, которая проявлялась во всём – от любви до ненависти.

Когда речь заходила о людях, у девушки почти не менялось ни выражение лица, ни голос, но каждый из её спутников буквально ощущал волны неистребимой ярости, едва не сбивающие с ног. Драонн не знал, что случится, если они вдруг наткнутся на человека, но мог предположить, что Кэйринн вполне способна на всё, что только он смог бы вообразить. Хотелось надеяться, что в критический момент он сумеет её удержать.

Потому что преданность Кэйринн Драонну довольно быстро приняла почти экзальтированные формы. Это также не выражалось в её поведении, её жестах, горячности слов. Но это чувствовалось. Драонн буквально ощущал, что девушка готова ради него на всё, что она исполнит любой его приказ, любую прихоть. И что переломить это не получится. Кэйринн принадлежала к тому сорту илиров, что отдаются без остатка и своим тёмным мыслям, и светлым.

Она стоически сносила все перипетии пути – долгие переходы, скудную еду, полчища комаров, которые доставали не только на коротких привалах, но и в движении. Конечно, теперь они путешествовали верхом на великолепных скакунах, так что и скорость, и комфорт увеличились многократно, но даже такое путешествие было испытанием даже для мужчины, не говоря уж о совсем юной девушке.

Радовало то, что Доромион теперь быстро приближался, и что на пути они не встречали никаких проблем. Ливейтин, словно старый волк, чуял опасность за многие мили, ведя небольшой отряд сквозь самые дебри, где любой другой давно заблудился бы даже днём, не то что ночью. Это, конечно, замедляло движение, но то была плата, которую стоило заплатить за безопасность. Ведь чем ближе они были к Доромиону, тем ближе был и Шедон, да и другие человеческие поселения, среди которых встречались и довольно крупные. Так что рисковать понапрасну не стоило.

Как и предполагал Драонн, к рассвету они уже находились

недалеко от родового замка. Здешние дороги он уже знал хорошо, и то и дело припускал своего коня, словно не в силах совладать с собственными чувствами, гнавшими его домой. Однако же, не мог он отделаться и от тревоги – а ну как сведения Делийона были недостоверными, и его земли пострадали не менее других? Что если что-то случилось с его семьёй?

Наконец они достигли замка. У принца вырвался вздох облегчения – пара ферм, которые они проехали, были нетронуты, хотя и, кажется, необитаемы. Но это значило, что Аэринн и дети в безопасности, во всяком случае – пока. А вскоре показался и сам Доромион, и выглядел он до того мирно и уютно, что у Драонна на мгновение замерло сердце.

Замок уже не спал, а потому приезд хозяина был замечен сразу же. Ещё гремели цепи, опуская мост, а на барбакане уже возникла фигурка Аэринн. Она так низко склонилась за стену, словно хотела спрыгнуть, чтобы поскорее оказаться в объятиях мужа. К счастью, она этого не сделала.

Наконец пятеро всадников оказались внутри. Драонн ещё успел отметить, что мост поднимать не стали, но ворота закрыли сразу же, а это значило, что здесь никто не собирался расслабляться. А затем на него налетела Аэринн, едва не повалив на землю.

– Жив! Жив!.. – всё, что могла сказать она, покрывая лицо

принца поцелуями и слезами.

Это так растрогало Драонна, что у него тоже выступили слёзы. Он представил себе, *что* за последнее время претерпела Аэринн – его собственное волнение по поводу безопасности семьи можно смело было умножать на сто, ведь он хотя бы знал, что они находятся под надёжной защитой стен, тогда как для Аэринн он просто исчез в самый разгар травли и в самом опасном для лирр городе.

Во дворе появилась Биби – она уверенно шла безо всяких провожатых, поскольку изучила уже каждый камень родного замка. Она держалась сдержаннее, но по судорожной крепости объятий Драонн понял, что и дочь очень переживала за него. Гайрединна не было – вероятно, он ещё сладко спал, ведать не ведая ни о каких переворотах, войнах и прочей ерунде.

Как только объятия жены и дочери ослабли, Драонн смог наконец представить Кэйринн, которая по-прежнему сидела в седле, напустив на себя самый невозмутимый вид. Драонн был слишком взволнован и счастлив, чтобы заметить взгляды, которыми обменялись две женщины. Однако же ни та, ни другая ничего не сказали, лишь обменялись стандартными приветствиями. После этого вновь воссоединившаяся семья наконец направилась в дом завтракать. Остальные, включая и Кэйринн, прошли в гостиную, где и для них накрыли стол.

Конечно же, все разговоры за столом были сейчас только о произошедшем. Со слезами в голосе Аэринн сообще-

ла, что арестован её отец – единственный из всех принцев Сеазии, который добровольно согласился сдаться, тогда как все остальные повели себя так же, как и принц Делийон. Аэринн сказала, что принц Гайрединн был отправлен в Кидую. Мама и сестра умоляли судейских разрешить им отправиться следом, так что в конце концов им было это позволено. Услышав об этом, Драонн закусил губу – он прекрасно понимал, какая участь ждёт старого гордеца, и у него не было практически никаких сомнений, что участь эту разделят с ним и Олива с Дайлой.

Открытый и оставшийся без хозяев Кассолей был захвачен и разграблен. Часть вассалов была схвачена, часть – убита при попытке сопротивляться, некоторые успели бежать под защиту Доромиона. Собственно, от них Аэринн и знала о произошедшем. Дальнейшая же судьба родителей и сестры была для неё неизвестна. Естественно, ничего не знал об этом и Драонн.

Зато он прекрасно понимал мотивы принца Гайрединна. Наверняка им двигало и чувство вины за свершённое, за то, что втянул во всё это Драонна, но ещё больше его наверняка заботила безопасность дочери. Конечно, он знал, что из Кидуи пока пришёл приказ щадить принца Доромионского и его владения, но не мог не понимать, что его участие в заговоре бросает тень на Аэринн. Наверняка этим актом самопожертвования он хотел отвести беду от них обоих. Увы, это было столь же глупо, сколь и благородно... И, вполне воз-

можно – совершенно бесполезно...

Что касается Доромиона – его действительно пока не трогали. Красноверхих видели в пределах домена, но те ограничились лишь небольшим мародёрством. Пока что они не спалили даже самой крохотной фермы, однако Драонн не склонен был полагать, что так будет и впредь.

– Готов ли замок к осаде? – осведомился он.

– Мы делаем всё, что можем. Запасы продовольствия пополняем постоянно. Наши фермеры забили почти всю скотину, так что вяленным мясом мы обеспечены на несколько месяцев. С зерном, конечно, дела обстоят хуже – поля засеяны, да только можно ли рассчитывать, что нам позволят снять урожай? Прошлогодных запасов немного, купить больше не представляется возможности. Собираем всё, что можем. Что касается воды – я велела выкопать ещё пару колодцев внутри замка, так что воды более чем достаточно.

– Ты просто чудо! – похвалил жену Драонн. – Однако же, будем надеяться, что никакой осады не случится. Хочется верить, что новый император всё-таки разберётся с тем, что произошло...

Теперь разговор переключился на события в Кидуе. В этом окружении Драонн был более откровенен, нежели в гостях принца Делийона. Он рассказал жене о Ворониусе, о том, какую интригу тот затеял ещё много лет назад, считая его, Драонна, неким мистическим мессией. Аэринн слушала внимательно, и на её лице отражалась целая гамма чувств –

от удивления и неверия, до ненависти и отчаяния. Но она ни единым словом не перебила мужа.

Робко постучала служанка, сообщив, что Гайрединн проснулся. Мрачное лицо Драонна мгновенно просветлело, и он попросил тут же принести сына ему. За то долгое время, что они не виделись, мальчик заметно подрос. Он ещё не мог ходить самостоятельно, но был очень живым ребёнком, которому до всего было дело. Оказавшись в объятиях Драонна, он тут же принялся тянуть отца за длинные локоны, а позже заинтересовался золотым медальоном Доромионского дома, висящим на его шее.

После появления малыша атмосфера в комнате как-то сама-собой стала более ясной. Лицо Аэринн, измученной тревогами за родных, несколько разгладилось, когда она наблюдала, как её сын играет с чудесным образом вернувшимся мужем. Может быть, ещё оставалась какая-то надежда для них, что всё завершится благополучно...

Увы, долго засиживаться и наслаждаться этим нечаянным счастьем было некогда – Драонн первым встал из-за стола, чтобы лично осмотреть замок. А затем нужно было придумать – где добыть достаточно продовольствия, чтобы дожить до будущей весны...

Драонна мучило положение, в котором он оказался. Прошло уже больше месяца с тех пор, как он вернулся домой, и

теперь он понимал, что стал, по сути, пленником в собственном замке. Он не мог никуда выбраться. Разведчики, которых он рассылал, приносили весьма тревожные вести. Люди повсеместно охотились на лирр, уничтожая их при первой же возможности. Хвала богам – в Сеазию пока не пожаловали имперские легионы. Скорее всего, они сейчас насаждали порядок на юге – в Лиррии и Ревии. Наверное, однажды они явятся и сюда. Но на данный момент устраивало даже это.

Гораздо больше Драонна мучило то, что он, по сути, теперь являлся пособником тех, кто уничтожал его народ. Он, опасаясь за безопасность семьи, ничего не мог поделать, чтобы помочь кому-то из своих соседей. Он знал, что каждый из принцев как может держит оборону, благо что замки их покамест некому было штурмовать. Но он понимал, что ничем не может им помочь. Надо бы, наверное, было объединяться, но что бы это дало? Стать новым Лейсианом?.. Драонну было стыдно, но он понимал, что не готов к этому.

Разведчикам удалось поговорить с кем-то из Бандора – ещё одного замка, оставшегося без хозяина. Несмотря на то, что глава дома и его наследник были казнены, сам замок сдаваться не собирался. Один из вассалов принца Перейтена организовал весьма неплохую оборону, так что им удалось отбить атаку двух сотен солдат, прибывших из Шедона. Нападавшие потеряли около сорока человек, среди защитников не было даже раненых.

Ясно было, что вечно так продолжаться не будет, и когда

сюда придут тяжело вооружённые легионеры, тараны, маги – замок падёт рано или поздно. Но пока Бандор торжествовал победу, и штандарты безвинно казнённого Перейтена Бандорского гордо реяли на каждой башне замка.

Ещё один сосед – замок Честнор, где теперь правил сын Веилиона Честнорского, одного из тех, кто вместе с Драонном подписывал ходатайство в шедонской ратуше весной 2838 года, тоже подвергся атаке, и тоже выстоял. Дальше разведчики не забирались, но было понятно, что и другие принцы сейчас испытывают те же самые проблемы. Все, кроме Драонна Доромионского...

Однако постепенно ситуация стала выравниваться. Надел Драонна не мог слишком долго оставаться неприкосновенным без постоянных окриков сверху, а окриков этих более не было. Имя Драонна уже не упоминалось в императорских чертогах как благонадёжное – о нём попросту забыли. А для тех, кто стервятниками кружил вокруг его земель только это и было нужно...

Одним прекрасным утром принцу сообщили, что неподалёку из-за леса поднимается столб дыма. Вскоре взвился и второй. Не нужно было объяснять, что это значит. Это горели фермы, на которых, по счастью, никого не было. Однако Аэринн оказалась права – хлеба, что были засеяны этой весной, лиррам собрать уже не дали. Несозревшая пшеница и овёс горели ярким пламенем, так же, как и постройки.

Драонн понял, что его шаткое положение заканчивается.

Даже если он и не вступил ещё в войну подобно другим лиррийским принцам, он был в полушаге от неё, и не сделать этого полушага, кажется, было уже невозможно. Однако, несмотря на призывы некоторых вассалов отправить туда отряд и хотя бы отомстить красноверхим, он всё же не решился убирать эту последнюю соломинку, удерживающую камнепад.

Все голуби Доромиона, что были натасканы на Кидую, давно уже улетели, но ни один так и не вернулся. В каждом послании Драонн просил нового императора, которого он, правда, ни разу не видел, о личной встрече, чтобы попытаться объяснить и спасти ситуацию. Всё было тщетно – столица хранила тяжёлое и недвусмысленное молчание.

К вечеру того же дня загорелись ещё два хутора, на следующий день – четыре. А ещё через день отряд красноверхих показался в зоне видимости Доромиона. Близко они не подходили, да и ферм поблизости не было. Вообще они скорее показались чисто для демонстрации собственного присутствия, потому что, помаячив несколько минут, они исчезли.

Драонн же чувствовал себя одиноким путником в ночном лесу. Вокруг из темноты выли волки. Они ещё не подходили к нему близко, опасаясь огня, но он уже видел зелёный свет их глаз, слышал щёлканье зубов и сдавленное рычание. И было ясно, что скорее рано, чем поздно один из обезумевших от голода зверей бросится из темноты, пытаясь вцепить-

ся ему в горло...

Кроме проблем с красноверхими у Драонна внезапно незрела ещё одна проблема, быть может, кажущаяся менее опасной, но в определённых обстоятельствах стоящая любой другой. Дело в том, что спасённая им Кэйринн явно прониклась к своему спасителю чем-то большим, нежели простая благодарность. Несмотря на то, что Драонн годился ей в отцы, девушка, похоже, влюбилась в него, причём демонстрировала это со свойственной ей непосредственностью.

Конечно, она не нарушала приличий, томно не вздыхала ему вслед, не оставляла букетики на пороге комнаты, но всё же последняя кухарка в замке знала, что найдёнка (как её всё чаще презрительно называли все поклонники Аэринн, которых в Доромионе было подавляющее большинство) втюрилась в хозяина. Естественно, это несколько не прибавляло популярности Кэйринн, которая к тому же обладала совершенно негибким, даже колючим характером. Уже дважды она вцеплялась в волосы каким-то служанкам, опрометчиво решившим поучить её уму-разуму.

Драонн, признаться, совершенно не знал, как ему поступить. Как раз он-то, наверное, самым последним заметил эту излишнюю привязанность Кэйринн к себе. И теперь терялся в догадках – как ему быть дальше. Хотя единственная стратегия, что приходила на ум – продолжать делать вид, что

он ничего не знает. Не встречаться с девушкой в запертом замке он, конечно, не мог, а потому всякий раз, сталкиваясь с ней, начинал преувеличенно бодрым голосом нести какую-нибудь чушь, неловко шутить и вообще вести себя довольно по-идиотски.

Он пытался скрывать это даже от самого себя, но в глубине души ему было очень приятно подобное внимание со стороны Кэйринн. Конечно, он очень сильно любил Аэринн, но при этом ему было трудно не быть польщённым вниманием юной красивой девушки. И уж совсем он старался гнать от себя мысли о том, что Кэйринн его действительно *волнует*.

Драонн не мог не замечать её красоты – немного странной, не столь бесспорной, как у Аэринн, но всё же вполне очевидной; он не мог не заглядываться тайком на её ладное тело в мужском костюме (Кэйринн сняла тряпки, в которые её облачили в Тенедорионе, при первой же возможности и сразу переделась в мужское платье, которое шло ей куда больше).

Конечно, не выказывай сама Кэйринн интереса к нему, ничего подобного бы не произошло, но теперь... И вот Драонн одновременно и тяготился, и наслаждался сложившейся ситуацией. Хвала богам, обилие других проблем пока что отодвигало эту в дальний угол и делало относительно безопасной. Но сколько это ещё могло продолжаться – неизвестно.

Аэринн теперь уже официально носила траур по своей се-

мье – императорский суд вынес смертный приговор не только принцу Гайрединну, но и его жене и дочери, признав их виновными в пособничестве заговорщикам. Вероятнее всего гордая Олива и не менее гордая Дайла сами оклеветали себя, чтобы разделить участь любимого мужа и отца. В Доромионе подробностей не знали – сперва сюда проник лишь неверный слух, и лишь два дня спустя прискакал человек из Шедона, который громко зачитал бумагу, стоя у доромионского рва.

Надо отдать должно Аэринн – она выслушала горькое известие со стойкостью, достойной представительницы Кассолейского дома. Она была бледна как полотно, однако это мог видеть Драонн, стоящий рядом, но никак не надменный глашатай. Лишь дослушав известие до конца и безмолвно отойдя от парапета, скрывшись с глаз человека, она лишилась сознания.

Драонн пытался угадать – для чего магистратом был послан этот человек. Была ли это жестокая насмешка, или же в ратуше оставались люди, симпатизирующие принцу, и это была робкая услуга, оказанная на свой страх и риск? Принц так никогда этого и не узнал. Он всё же был благодарен известителю, из каких бы побуждений тот не действовал. Теперь, по крайней мере, ни его, ни Аэринн не подтачивала бессильная неизвестность.

Аэринн держалась изо всех сил. Лишь Драонну было дозволено видеть её слёзы – все остальные же лицезрели лишь холодную надменность, написанную на белом, словно высе-

ченном из мрамора лице. И с той же надменностью она взирала на происходящее между мужем и Кэйринн. Ни одним словом, ни даже единым взглядом или вздохом она ни разу не дала понять, что её как-то это задевает. И поскольку Драонн тоже старался делать вид, что ничего не происходит, то эта тема ни разу, даже в виде самого прозрачного намёка, не поднималась между ними.

Аэринн вообще с самого появления Кэйринн вела себя с нею холодно и отчуждённо, будто не замечая. Возможно, своим пронизательным женским взглядом она сразу углядела то, что другие заметили позже, или же это был женский инстинкт, но так или иначе за прошедшие пару месяцев они едва ли сказали друг другу полсотни слов. Кстати, гордячка Кэйринн также не спешила пробивать эту ледяную стену, иной раз ведя себя совершенно предосудительно с точки зрения обитателей замка – почти как знатная дама и хозяйка.

Билинн, которая поначалу вроде бы сблизилась с новенькой, довольно быстро стала выказывать ей своё пренебрежение. Не обладая зрением, она чувствовала всё стократ острее других, и потому запретная приязнь новой подружки к её отцу недолго оставалась для магини секретом.

Так Кэйринн вскоре оказалась одна-одинёшенька в переполненном замке. Все глядели на неё в лучшем случае с ненавистью, в худшем – с презрением. Дворовые девки, не слишком-то таясь, перешёптывались за её спиной, смакуя подробности её плена. И поскольку никто об этом ничего не

знал, злобное воображение временами перехлёстывало всякие границы.

Говорили разное – и то, что пленницу много дней насилывал целый отряд красноверхих человек в сто, и то, что она, влюбившись в командира, сама сбежала со своей фермы, и даже чуть ли не сама убила собственную родню. Поговаривали, что она и теперь не прочь оказать самые деликатные услуги желающим; более того, нашлось несколько ухарей среди дворни, что уже недвусмысленно намекали на то, что им перепал кусочек такого счастья.

Не считая двух или трёх раз, когда Кэйринн, не сдержав себя, бросалась на обидчиц, обычно она старалась держаться так, будто ничего не видит и не слышит. В её внешности было какое-то природное благородство – она умела придать себе почти царственный вид, так что даже самые злобные насмешники затихали, стоило ей взглянуть на них тяжёлым презрительным взглядом.

Единственный, кто не отвернулся от девушки, конечно же был Драонн. Он объяснял себе это жалостью, состраданием, ответственностью перед ней. Но всё было гораздо проще – его влекло к юной красавице, и с каждым днём эта тяга становилась всё сильнее...

Глава 32. Поиск припасов

Наступила с такой тревогой ожидаемая осень. С одной стороны, она принесла облегчение – в этом году ждать регулярных войск уже, скорее всего, не стоило. С другой – согласно известной поговорке, пришла пора «считать цыплят», и результаты подсчётов повергали в полное уныние. Вышло так, что зимовать защитникам Доромиона придётся почти без хлеба.

Каждый день охотники уходили в окрестные леса, и никогда не возвращались без добычи. Лирры – отменные стрелки и отличные охотники. Кроме того, обнаружить лирру в лесу можно лишь в том случае, если он сам пожелает быть обнаруженным. Так что охотники ничем не рисковали. Они исправно приносили мелкую дичь – птицу, зайцев, косуль...

Увы, более крупной дичи, вроде тех же кабанов, что в обилии водились в окрестностях Кассолея, здесь не попадалось. Тем не менее, можно было надеяться, что с голоду умирать не придётся – мяса должно было хватить и до следующего лета. Правда, жевать солонину без хлеба и овощей – удовольствие то ещё, но выбирать не приходилось.

Кэйринн, которая всё больше тяготилась своей невольной ролью приживалки, сама вызвалась ходить на охоту. Драонн сперва отнёсся к этому достаточно осторожно, но когда девушка на лету сбила стрелой какого-то несчастного воробья,

летающего рядом с зубцами крепостной стены, он изменил своё мнение. Вскоре Кэйринн стала одной из главных добычиц замка. Частенько она возвращалась обратно, сгибаясь под тяжестью набитой дичи, но никогда не жаловалась и лишь хмыкала в ответ на благодарности и поздравления.

Голод – лучший миротворец. Вскоре жители Доромиона (не все, но большинство) привыкли к этой хрупкой одинокой фигурке. Сами собой исчезли скабрёзные разговоры о нравственной чистоте Кэйринн. А ещё через некоторое время с ней стали заговаривать уже просто так, не из необходимости. В конце концов она обзавелась несколькими приятелями – правда, все они были из числа мужчин; женщины же по-прежнему сторонились дерзкой соперницы хозяйки замка.

Добряк Ливейтин стал одним из первых, кто сумел найти общий язык с Кэйринн помимо Драонна. Безгранично преданный не только своему принцу, но Аэринн, он, тем не менее, не склонен был смешивать свои отношения к ним с отношениями к Кэйринн, которую он неизменно называл теперь дочкой. Ершистая девушка на удивление легко приняла это обращение, и теперь сама ласково обращалась к старому воину не иначе как «дедушка». Это весьма умиляло старика, да и остальных тоже.

Поначалу многие исподволь советовали Драонну отослать бедокурку из замка, на что тот неизменно отвечал, что не может этого сделать, ведь это будет равносильно убийству. Он находил множество доводов лишь для того, чтобы замас-

кировать первопричину – он ни за что не хотел бы расстаться с Кэйринн. К счастью, теперь большинство его вассалов либо прекратили подобные разговоры, либо всё чаще открыто высказывали своё одобрение в отношении неё.

Но все эти личные сердечные перипетии всё больше отходили на задний план на фоне заметно скудеющего стола. Проблема не смертного, но всё же довольно неприятного голода вставала всё острее. И было очевидно, что её нужно решать как-то совсем уж радикально.

И вот однажды Кэйринн, как обычно с зарёй выбравшаяся из замка на охоту, впервые за всё время вернулась без добычи. Солнце было уже довольно низко, однако до темноты оставалось ещё время, вполне достаточное, чтобы найти хотя бы какого-нибудь жалкого зайца. Ворота в замке так и держали закрытыми весь день, так что охотники и разведчики уходили и возвращались через пару потайных ходов. Тем не менее, многие видели лучшую охотницу, вернувшуюся с пустыми руками.

Несколько парней подбежали к Кэйринн, решив, что с ней что-то случилось, но та лишь отмахнулась со своей извечной сардонической ухмылкой и спросила, где сейчас принц. Её направили в библиотеку, где Драонн сейчас, когда уже не было каких-то срочных дел, частенько коротал время.

– Привет, Кэйр, как дела? – усталое лицо Драонна невольно прояснилось при виде девушки.

– Я нашла нам хлеб, мой принц.

Невольно или же нарочно, но с некоторого времени Кэйринн обращалась к Драонну так же, как это всегда делала Аэринн. Конечно, обращение «мой принц» не было каким-то особенным и не являлось придумкой Айри – так обращались ко всем принцам время от времени, когда разговор носил неофициальный характер. Однако же куда чаще были в ходу обращения «милорд» или «ваше высочество». Кстати, именно так сперва обращалась к Драонну и Кэйринн.

Но в какой-то момент всё изменилось, и, нужно признать, принцу это невероятно нравилось. Уже эти два слова сами по себе носили для него особый оттенок, а уж теперь, когда они произносились немного низковатым голосом юной девушки, то звучали особенно притягательно.

– Где? – немедленно вскинулся Драонн.

– В Шедоне, – Кэйринн была в своей манере – говорила лаконично, сухо, но сейчас она словно поддразнивала своего принца.

– Ты была в Шедоне? – вскричал Драонн, вставая с кресла. – За каким дьяволом тебя туда понесло? А если бы тебя схватили?

– Не схватили же, – с усмешкой пожалла плечами Кэйринн. – Ты же знаешь, какие они там все недоумки.

И да, они уже довольно давно перешли в личном общении на «ты», причём инициатором этого стал, конечно, Драонн. Правда, если рядом случалось бывать Аэринн или кому-то из «её лагеря», они как-то, не сговариваясь, вновь обраща-

лись друг к другу на «вы». Но это было редкостью – гордая хозяйка Доромиона старалась не бывать там, где бывает Кэйринн, а та в свою очередь также не искала лишних встреч с соперницей.

– Но что с хлебом? – несмотря на переживания за свою протеже, Драонн всё же вернулся к более насущной теме.

– Один торгаш согласился продать нам двадцать пять мешков овса по два бушеля²⁹ каждый. Этого, конечно, мало-вато, но в будущем, возможно, будет ещё.

– Как же это он согласился? – недоуменно спросил Драонн. – Как ты вообще додумалась пойти к торговцу?

– А что здесь хитрого? Выбрала лавку на отшибе, да и зашла! – вновь это пожатие плечами. Девушка явно играла с ним.

– И он не позвал стражу, не выгнал тебя вшаей, не попытался убить?

– Он едва не наложил в штаны. В конечном итоге мы пришли к очень выгодному для него соглашению. Мы заплатим втрое против обычной цены, а ежели он нас попытается обмануть – спалим дом. По-моему, вполне справедливо...

– Теперь он будет готов. Он обманет тебя или выдаст властям!

– Ты слишком хорошего мнения о людях, мой принц, – Кэйринн презрительно сморщилась. – Он сделает всё что

²⁹ Бушель – имперская мера сыпучих тел, равная 8 галлонам. Один бушель овса весит примерно 18 кг.

обещал по двум причинам. Во-первых – он трус. Во-вторых, он слишком любит деньги. Втридорога продать товар – да кто против этого устоит?

Презрительная ненависть, сквозившая в каждом слове де-вушки, была вполне объяснима. Кажется, для неё теперь уже не было пути назад, к мирному сосуществованию двух рас. Даже если бы император Теотен сейчас лично примчался в Доромион, чтобы умолять Кэйринн принять его извинения и заверения в вечной дружбе, она отправила бы его обратно пинком под зад. Хотя Драонн прекрасно понимал, что этого никогда не будет – люди не станут делать такого шага. Вряд ли сейчас во дворце найдётся второй Делетуар...

– Но как ты планируешь вывезти двадцать пять мешков зерна из города?

– Он сам вывезет. Этот ушлый лабазник сам предложил мне такой вариант – он якобы везёт это зерно на продажу, а в условленном месте мы перехватываем его и обставляем всё под нападение. Эта крыса ещё собирается после обратиться в магистрат, мол, могут компенсировать хотя бы часть затрат.

– И когда это всё будет?

– Как только я принесу ему деньги, – видя, что Драонн хмурится, Кэйринн продолжила. – Это было частью сделки. Деньги вперёд. Я должна принести их ему прямо в лавку.

– Это слишком опасно! Кто поручится, что он не сдаст тебя тут же, получив деньги? Да даже просто появляться лиш-ний раз на улицах Шедона – уже игра с огнём!

– Не сдаст. Я уже описала ему все те кары, что постигнут его, если вдруг он решится на нечто подобное. Да и не захочет он терять такого выгодного клиента. Я уже видела, как бегали его глазки – вероятно, он уже прикидывал в уме, как будет перекупать зерно у торговцев и сбывать нам по тройной цене.

– Но если именно его обозы лирры будут грабить с завидным постоянством – это вызовет подозрения.

– Об этом будем думать после. А сейчас мне нужны деньги. Я отправлюсь в Шедон и к утру буду здесь. Чем дольше ты будешь отговаривать меня, мой принц, тем позже я вернусь.

Драонн уже прекрасно знал характер Кэйринн, и потому без лишних слов отправился в казначейскую комнату, чтобы выдать ей необходимую сумму. Он понимал, что пытаться переубеждать её и спорить – всё равно что уговаривать стены Доромиона немного подвинуться в сторону. Кроме того, он верил, что его любимица достаточно ловка и хитра, чтобы без проблем выполнить задуманное.

И он оказался прав. Заря ещё только обозначилась на небосклоне, когда его осторожно, чтобы не потревожить спящую рядом Аэринн, разбудили по данному им приказу. Драонн тихонько выбрался из постели и, накинув халат, спустился вниз. Кэйринн вернулась, улыбочивая более чем обычно.

– Сегодня в четыре часа пополудни он будет поджидать нас в условленном месте, – сообщила она. – Я отправляюсь

спать. В полдень начнём готовиться.

Не говоря больше ничего, она вышла, а Драонн, чей сон в последнее время стал неглубоким и тревожным, так больше и не смог уснуть. Он лежал на супружеском ложе рядом с красавицей-женой, но мысли его были совсем о другой.

Драонн очень бы хотел отправиться сам, но его отговаривали все, включая Кэйринн. В итоге как-то так вышло, что именно она стала негласным руководителем этой экспедиции. Именно она указала Драонну тех, кого пожелала взять с собой – среди них был и «дедушка», что несколько успокоило принца. Два десятка до зубов вооружённых илиров, хорошо смазанная крепкая телега с парой неплохо накормленных лошадей (благо сена удалось заготовить более-менее достаточно, хотя красноверхие несколько раз поджигали стога).

Они отправились за два часа до обозначенного срока, хотя до места было не более трёх четвертей часа езды. Однако в данной ситуации необходима была подготовка – вокруг условленного места на расстоянии четверти мили были расставлены секреты, так что даже косуля не пробралась бы туда незамеченной.

Кэйринн оказалась права – торговец и не подумал нарушать договора. Он явился почти точно в срок, восседая на сложенных и укрытых рогожей мешках, и был даже весел. Очевидно, уже успел подсчитать в уме полученные барыши,

а также прикидывал, какую же компенсацию сможет выклянчить у магистрата. Рядом с ним сидели два угрюмых молодца, чьи лица были почти не испорчены следами интеллекта.

– Зачем ты притащил этих болванов? – прорычала, подходя, Кэйринн.

Сейчас она выглядела ещё грознее, чем в лавке – на ней была кольчуга с капюшоном, а в руках сверкал короткий меч. Погода была ненастной, накрапывал дождик, и на фоне хмуращегося неба лирра выглядела даже более угрожающей. Также пройдоха-торговец уже успел окинуть взглядом поляну и заметить с полдюжины илиров, целящихся в него из луков.

– Не беспокойтесь, ваша милость! – поспешил заверить он. – Эти двое не будут нам помехой! Они – немые, да к тому же – круглые идиоты. Только и годны, что мешки тягать, да склад сторожить. Не мог же я один поехать – это было бы слишком подозрительно.

– Да к тому же в магистрате могли бы сказать, что сам виноват, раз возишь зерно в одиночку? – хмыкнула девушка.

– Ну и это тоже, – согласился хитрец с нагловатой ухмылкой. – В любом случае они для вас проблемой не станут.

– Думаешь, они настолько тебе преданны?

– Или тупы, что по сути одно и то же, – осклабился торговец. – Не беспокойтесь на их счёт. Они ещё и мешки помогут перегрузить.

Действительно, оба бугая беспрекословно стали перетас-

кивать мешки с овсом с одной телеги на другую, причём брали они сразу по два мешка, так что справились с делом довольно быстро.

– Давай-ка сюда и рогожу! – кивнула Кэйринн, запоздало подумав, что у них нет ничего, чем можно было бы прикрыть мешки от дождя.

Впрочем, торговец не слишком-то сокрушался по поводу утери куска грубой ткани – он слишком хорошо наварился на этих лиррах.

– Когда в следующий раз сможешь? – спросила Кэйринн.

– Нескоро, ваша милость! Подумайте сами – если меня будут постоянно грабить, а я всё буду продолжать возить, то меня сочтут либо идиотом, либо предателем. А для купца ещё неизвестно, что хуже.

– Ну так нет ли у тебя какого-то сарая за городом, куда ты мог бы вывозить, а мы бы забирали?

– Если я буду втихаря постоянно вывозить зерно – это тоже может вызвать подозрения у стражи. Простите, ваша милость, но я не смогу стать вашим постоянным поставщиком. Сами понимаете – я и рад бы, да жизнь-то она всё-таки дороже...

– А склад твой где? – как бы невзначай поинтересовалась Кэйринн.

– Э нет, простите великодушно, – испуганно, но решительно возразил торговец. – Но на складе моём вам делать нечего. К тому же он в черте города и хорошо охраняется.

Там постоянно шастает стража.

Неизвестно – врал ли он, но проверять не имело смысла. Кэйринн понимала, что он скорее удавится, чем разрешит кому-то постороннему совать нос на свой склад.

– Ладно, поезжайте! – махнула она рукой. – Может, как-нибудь позже я ещё загляну к тебе.

– Хорошо, госпожа, – облегчённо кланяясь, ответил контрабандист. – А теперь сделайте милость, саданите одному из моих парней как следует. Чтоб было видно, что мы сопротивлялись грабежу. А лучше – обоим!

– Думаю, вы с этим и сами прекрасно справитесь, – фыркнула Кэйринн. – Пусть дубасят друг дружку, если хочешь, а мы уезжаем.

– Счастливой дороги, ваша милость!

– Скажи, старик, – уже отойдя на пару шагов, вдруг обернулась девушка. – А тебе не тошно, что врагам помогаешь? Проклятым лиррам?

– Да мне-то всё одно – что люди, что лирры. Я различаю золото, серебро, медь, а что касасемо людей или лирр – они для меня все на одно лицо! – хохотнул торговец. – Коли уж война – так это только лишний повод к тому, чтобы зарабатывать поболее. Коли придут совсем лихие времена, не хочу остаться с голой задницей только лишь потому, что по принципиальности отказался от выгодной сделки!

– Я так и думала, – презрительно сплюнув под ноги, кивнула Кэйринн.

Неизвестно – задел ли этот плевок торгаша за живое. Было видно, что на языке у него вертелись какие-то слова – возможно, он хотел заметить, что благородная лирра и сама якшается с презренными людишками, но природная осторожность взяла верх, и он счёл за благо промолчать, лишь поклонился вслед несколько дурашливо.

Двадцать пять мешков овса не могло надолго хватить для замка с почти двумя сотнями жителей. Лошади, конечно, были лишены данного удовольствия полностью, хоть по сути своей то, что купила Кэйринн, было всего лишь фуражным зерном, пусть и стоило оно столько, словно было выращено в саду самого Арионна. Зато теперь к надоевшему всем сушёному мясу прибавились постные овсяные лепёшки – тонкие и безвкусные. Правда, даже такого лакомства доставалось не вволю.

Аэринн, которая отвечала за то, чтобы все были сыты, решила, что будет экономить драгоценное зерно насколько это возможно. Наверное, её задевало то, что овёс в замок доставила Кэйринн. Также её не могло не смущать, что настырная девчонка внезапно сделалась героиней всего замка, и даже те, кто из верности хозяйке продолжали ядовито шипеть в адрес выскочки, делали это уже далеко не так вдохновенно.

Аэринн, вечная всеобщая любимица, внезапно оказалась как бы в стороне от общего веселья. Ей по-прежнему улы-

бались, её по-прежнему любили, но теперь эту любовь ей приходилось делить с той единственной, которую она считала этой любви недостойной. Кроме того, Драонн всё больше времени проводил в обществе наглой молодки и всё чаще пренебрегал обществом жены.

В том, что Драонн её по-прежнему любил, Аэринн нисколько не сомневалась. Но она также понимала, что эта прежняя любовь была для него из-за своей давности несколько пресноватой на вкус, как любимая, но привычная повседневная еда. Поэтому она понимала, что ему захотелось чего-то нового, свежего.

Конечно же, Аэринн Кассолейская ревновала! Хотя она вполне доверяла мужу и не допускала даже мысли, что он станет обманывать её с молодой любовницей, но если он и был властен над своим телом, то уж над мыслями был не властен. И гордую хозяйку Доромиона задевало, что мысли её любимого мужчины теперь разделены надвое, и что она более не полновластная их владычица.

Виновница же горьких мыслей Аэринн тем временем горячо спорила с Драонном. Она убеждала его, что сможет найти ещё поставщиков, но принц безапелляционно заявил, что не допустит больше подобных безумств со стороны девушки, пусть даже благодаря им у них сейчас есть хотя бы что-то похожее на хлеб.

– Это слишком опасно, и с каждым разом риск будет лишь расти! – увещевал он. – Ты и так сделала много. Если эконо-

мить, мы сможем прожить на этом зерне до зимы. А там уже придумаем что-нибудь.

– Когда зерно закончится – поздно будет думать! – возразила Кэйринн. – Если не разрешаешь наведаться в город – дай я с несколькими воинами пройду по окрестным деревням и постоянным дворам. Мы найдём, чем поживиться.

– Грабить население? – вскричал Драонн.

– Очнись, мой принц! Идёт война! Твоя жена и твои дети голодают потому, что эти ублюдки сожгли твои поля! Это самое население, напялив красные колпаки, сжигает наши фермы, убивает и... насилует нас... – Кэйринн чуть запнулась и покраснела. – Даже если мы убьём их – мы всего лишь убьём врага на поле боя, ведь сейчас вся наша земля – одно сплошное поле боя!

– Нас найдут по следам! Это приведёт сюда армию.

– Дороги раскисли от дождей. Любой след расплзётся за час!

– Я сказал – нет! И если посмеешь послушаться, я... Изгоню тебя из замка... – несколько нерешительно закончил Драонн.

Резко повернувшись, взбешённая Кэйринн умчалась, оставив Драонна подавленным и задумчивым. Сперва он едва не бросился следом, опасаясь, как бы своевольная девочка действительно не ушла, но сумел пересилить этот порыв. И кажется, какая-то часть его даже надеялась, что Кэйринн сбежит. Это решило бы многие проблемы. Однако эта

мысль, едва мелькнув, вызвала столь жгучий стыд, что Драонн до крови закусил губу.

И на какое-то время замок продолжил жить прежней жизнью. Кэйринн никуда не сбежала, хотя несколько дней она не то что не разговаривала – даже не глядела в сторону Драонна. Но постепенно гнев её прошёл, и спустя неделю они уже вновь мило болтали как ни в чём не бывало.

Сейчас кроме охоты обитатели замка активно занимались собирательством. Грибы, осенние ягоды, коренья, даже некоторые виды трав и мха женщины несли в погреба. Какие-то травы можно было растирать и добавлять в муку, и они добавляли хоть немного вкуса лепёшкам. Также широко использовались они и для лечения – останавливали кровь, обеззараживали рану, ускоряли заживление, или просто лечили простуду. Ничем из этого нельзя было пренебречь в надвигающуюся зиму. Более того, Драонн с изумлением узнал, что кое-что из этого вполне пригодно в пищу. Заготовки трав проходили под чутким руководством знахарки Ораны.

Одновременно шла и заготовка дров, ведь зима предстояла долгая и холодная. Осень в Сеазии не столь долгая и степенная, как где-нибудь в Лиррии или даже в Кидуе – вскоре начались и первые заморозки, а морозящий дождь уже иногда, особенно ночью и по утрам, просыпался на землю мелким снежком.

Первые метели накрыли замок уже в месяце постремии. Зима словно тоже изголодалась в блокаде – она набросилась

на Сеазию резко и без предупреждения, жадно терзая её своими острыми клыками. Конечно, снежные легионы, обступившие замок, были не столь опасны, как императорские, но и они приносили немало хлопот.

И вот в один из первых вьюжных вечеров Драонну доложили, что Кэйринн выбралась из замка. Было ещё не слишком поздно, но снаружи была уже чернильная тьма – свет луны и звёзд не мог пробиться сквозь покрывало низких туч. Драонн лишь досадливо поморщился – что ещё он мог сделать? Чуть подумав, он велел не запирасть проход, лишь выставив возле него трёх часовых.

Незадолго до полуночи часовые, которые, признаться, укрылись от непогоды в караулке, услышали какие-то подозрительные звуки. Схватив оружие, они выскочили наружу, хотя понимали, что это, скорее всего, вернулась Кэйринн. И они не ошиблись.

– О, вы здесь! Отлично, – потирая замёрзшие руки, проговорила она, заведя троих илиров. – Там за стеной лошадь, на санях мешки. Перетащите их внутрь.

И, не говоря больше ни слова, быстро направилась в дом. Было видно, что девушка сильно замёрзла. Несколько секунд воины оторопело глядели ей вслед, затем наконец через недлинный ход выбрались наружу. Там действительно стояла несчастная лошаде́нка, облепленная мокрым снегом, впряжённая в небольшие дровни. На них лежало несколько каких-то тюков. Очевидно, внутри было зерно.

Кряхтя, воины перетащили этих четыре мешка в замок. Задумались – что делать с телегой и лошадьё. Конечно же, через потайной ход их было не провести. Понимая, что в такую пору ждать нападения не стоит, воины позвали стражу и те, поругиваясь, стали опускать мост и открывать ворота, чтобы ввести несчастное животное внутрь. Естественно, что это создало довольно много шума, несмотря на воющий ветер.

Появился Драонн и, узнав в чём дело, тут же бросился на поиски Кэйринн.

– Ты ослушалась меня! – выпалил он с порога, обращаясь к сгорбленной возле очага фигурке.

– И добыла тебе зерна, – онемевшие от холода лицевые мышцы ещё плохо слушались девушку, поэтому речь была немного невнятной. – Можешь не благодарить, мой принц.

– Ты напала на деревню?

– Тихонько пришла и взяла что нужно. Дворнягу только одну пристрелила. Эти олухи даже не проснулись. Не беспокойся, пурга вмиг заметёт след.

– Ты понимаешь, что ослушалась своего принца? – Драонн осознавал, как глупо это звучит, но не знал, что ещё сказать, ведь по большому счёту ему следовало бы благодарить Кэйринн.

– Мой сеньор – Делийон Тенедорионский, ваше высочество, – едко ответила она. – Его предкам присягали мои предки, и с тех пор лишь он имеет неотъемлемое право при-

казывать мне.

– Ты поклялась в верности мне! – гневно напомнил Драонн.

– Как мужчине, но не как принцу! – выпалила она и, похоже, сама испугалась вырвавшихся слов.

Драонн тоже стоял, не зная, что сказать. И, так и не найдясь, он просто вышел, оставив Кэйринн одну у очага. Она же, горько усмехнувшись, бросила в и без того жарко горящее пламя ещё полено, и задумалась, глядя в огонь немигающим взглядом.

Глава 33. Размолвка

Драонн оказался в явном меньшинстве. Мало кто из обитателей замка готов был поддержать его политику ненападения на людские поселения. Между собственным голодом и голодом людишек все, естественно, выбирали последнее. Нашлось немало добровольцев в «отряд Кэйринн», как теперь неизменно называли это все от мала до велика. Сама предводительница со свойственной ей циничной ухмылкой окрестила своё формирование просто «мародёрами».

В конце концов Драонн вынужден был сдаться. Для него это означало признать полномасштабную войну, причём из пассивной стороны её превратиться в активную. Умом принц понимал, что это ничего уже не изменит, но сердце продолжало надеяться на возможность переговоров. Теперь и эта возможность сходила на нет.

Однако Кэйринн была права – нужно спастись сперва от реальных, а затем уж от предполагаемых опасностей. И потому Драонн позволил ей подобрать себе команду из полудюжины илиров, на которых она смогла бы положиться.

Вскоре авантюра стала приносить плоды. Время для подобных набегов было идеально – глубокого снега, способного долго хранить следы, ещё не было, а выюги, как никогда частые и свирепые этой зимой, заметали следы полозьев.

Принцип был прост – на промысел отправлялись пешком,

иногда выходя за много часов до сумерек, чтобы поспеть к месту вовремя. Выбирали деревеньку побогаче, дом на отшибе (а иногда и нет). Сразу же стрелой убивали цепного пса, чтобы не поднял тревогу, а затем, пользуясь ненастьем, осторожно вскрывали амбары, погреба. Обязательно находили лошадь с санями, на которых награбленное можно будет увезти. Лошадей этих, кстати, после забивали. Мясо у них было жёсткое и не слишком-то вкусное, но ни на что более они были не годны.

Благодаря тому, что в окрестностях хватало людских поселений, а также было несколько постоянных дворов, можно было пока что каждый раз выбирать разные цели, что делало всю операцию относительно безопасной. Очевидно, до людей стали доходить слухи, что где-то в округе орудует банда лирр, крадущих продовольствие, но в большинстве деревень, конечно, никакой охраны не было. Сельские мужики, такие храбрые, когда в красных повязках всем миром напали на лиррийские хутора, теперь предпочитали лишиться части зерна, нежели жизни. Словить стрелу в темноте, да ещё и предварительно мёрзнуть для этого – никому не хотелось.

Нельзя сказать, что теперь еды стало вдосталь – в неделю отряд Кэйринн делал вылазки не более двух-трёх раз. Однако же хлеб – и не овсяные лепёшки, а настоящий ржаной хлеб – вновь стал появляться на столах в Доромионе. И если кого-то данное положение дел и не устраивало, то это были лишь Аэринн и Кэйринн. Понять первую, разумеется, было

совсем несложно, а вот недовольство второй несколько удивляло.

А не нравилось Кэйринн то, что они, гордые лирры и великие воины, вели себя подобно мелким воришкам, промышляющим по тёмным углам. Её неутолённая жажда мести требовала большего. Она, видевшая своими глазами, как насаживали на рогатину отца и как растягивали, ломая руки, на грубом столе мать, срывая с неё юбку, хотела хотя бы отчасти вернуть долг людям, которых она ненавидела от первого до последнего, от немощного старца до грудного младенца.

Её останавливал страх за Доромион – за Драонна, за его детей, за всех илиров, живших в замке. Она понимала, что мужчина, которого она любила, не простит ей, если она накликает беду на его дом. И это заставляло её, скрепя сердце, подчиняться. Но проблема заключалась в том, что и другие илиры не питали к людям того минимального уважения, которое почему-то испытывал принц Доромионский, и так уж случилось, что сдерживать кровожадность их должна была мстительная Кэйринн.

Конечно же, долго так продолжаться не могло. Не прошло и трёх недель, как она, возвратившись, невозмутимо доложила Драонну об одном убитом. Какой-то мужик то ли случайно оказался не в том месте не в то время, то ли всерьёз хотел защитить с таким трудом нажитое добро. Так или иначе, но он оказался в амбаре, причём Кэйринн поняла это сразу, поскольку дверь была не заперта. Осторожно пробравшись

внутри, она тенью скользнула к зазевавшемуся мужичку и хладнокровно всадила ему меч в горло. Затем быстро ногой отшвырнула корчащееся в агонии тело, чтобы кровь не попала на деревянные лари с мешками.

Драонн отчитал девушку, но как-то вяло. Вероятно, в глубине души он давно ожидал чего-то подобного. Также как и вполне отдавал себе отчёт в том, что это повторится ещё не раз. Что-то во взгляде Кэйринн убеждало его в этом. Волчий взгляд хищника, попробовавшего крови. И ни капли сострадания или раскаяния.

И действительно – в ту же неделю Кэйринн убила целую семью. Собака успела-таки залаять, и хозяин на свою беду выглянул во двор, чтобы узнать, в чём дело. Отброшенное стрелой тело влетело обратно в хату, откуда тут же раздался визг. Быстрее молнии девушка оказалась внутри убогого жилища, где, прижимаясь друг к другу, верещали баба и трое детишек не старше десяти лет каждый. Отставшие лишь на несколько секунд илиры, ввалившись в дом, увидели уже четыре тела на земляном полу. Лица детей были рассечены ударом меча, а у женщины голова почти отделилась от туловища – настолько сильным был удар.

А Кэйринн совершенно равнодушно вытирала лезвие меча о какой-то рушник, висящий на стене. Она даже не глядела на подрагивающие ещё трупы, не наслаждалась зрелищем поверженного врага. На её лице не читалось ни удовольствия, ни раскаяния. Она словно отрубила голову курице.

Никого из присутствующих нельзя было обвинить в излишней любви к людям, однако даже некоторых из этих суровых илиров передёрнуло при виде убитых детей.

– Чего встали? – бросила Кэйринн, задвинув меч в ножны. – Выносим всё, что можно!..

На этот раз Драонн был куда более эмоционален. Едва ли не впервые он кричал на бесстрастно стоящую перед ним девушку, не замечая брызжущей изо рта слюны. Однако все его обвинения и угрозы уходили, словно дождь в песок. Кэйринн даже не пыталась защищаться – её линия была пряма и негибаема: я – воин, идёт война, они – враги.

– Единственное, чего ты добьёшься своими криками, мой принц – это то, что я перестану докладывать тебе подобные вещи, – с лёгкой усмешкой произнесла Кэйринн. – Нельзя строить дом, не рубя деревьев. Нельзя вести войну, не убивая врагов. Пробираться в амбары словно лисица в курятник – не по мне. Потому что я не считаю, что делаю что-то постыдное, и не хочу делать это исподтишка.

– Тогда, судя по твоей логике, вскоре дойдёт и до грабежей? Ты будешь нападать на селения, грабить, убивать? Может быть – тоже станешь насиловать? – Драонн был в ярости.

– Я не отмылась ещё от их прошлых прикосновений! – лицо девушки побелело от гнева. – Но в остальном ты прав! Будь моя воля, я бы поступала именно так! Огнём прошлась бы по их деревням, по их полям! Выжгла бы их всех, как сорную траву! Никто из них не достоин жить!

– К счастью, пока что здесь всё решает *моя* воля! – рявкнул Драонн. – И ты будешь выполнять её, или же...

Драонн осёкся, не смея выговорить угрозу.

– Или же ты прогонишь меня, мой принц? – ядовито проговорила Кэйринн.

– Да... Или же я прогоню тебя... – договорил Драонн, но его голосу явно не хватало решительности.

– Что ж, Аэринн будет счастлива!

– При чём здесь Аэринн? Речь о тебе и твоём поведении, которое ставит под удар мой замок и моих илиров!

– Хочешь сказать, она ни разу не просила тебя избавиться от меня? – то ли Кэйринн просто пыталась перевести разговор, то ли, вероятнее всего, задела своё больное место.

– Она ни разу даже не намекнула на это! Да и с чего бы?

Драонн явно прикидывался дурачком – уж он-то хорошо представлял, с чего бы Аэринн хотелось удалить Кэйринн. И девушка это прекрасно понимала. И это выводило её из себя.

– А то ты не знаешь! – вскричала она, теряя даже видимость спокойствия. – Может быть, тебе неизвестно, о чём шушукается весь замок?

– Какое мне дело до каких-то шушуканий? – однако Драонн покраснел. – У меня есть куда более важные дела, чем слушать всяких дур!

– Ну Аэринн, наверное, не такая занятая как ты, мой принц... Думаю, она находит время, чтобы послушать.

– По-моему, ты просто уходишь от разговора, – заметно

смущаясь, произнёс принц.

– А может быть я наконец прихожу к *разговору*, – Кэйринн взглянула прямо в глаза Драонну, и тот поспешно отвёл взгляд. Поскольку принц промолчал, девушка продолжила. – Я давно хочу начать этот разговор, но всё откладывала, боялась... Может быть, сейчас для него пришло время?

– Я тебя не понимаю... – пролепетал всё прекрасно понимающий Драонн.

– Хорошо, тогда я скажу прямо, как умею, мой принц. Думаю, ты знаешь, да и все об этом знают, что я полюбила тебя с первого же дня знакомства, – очертя голову, начала Кэйринн, и по решительности, написанной на её лице становилось ясно, что она не остановится, пока не скажет всё, что у неё на сердце. – Полюбила не как своего спасителя, которому обязана большим, чем жизнью; полюбила не как великого принца – одного из величайших в мире; но полюбила как мужчину, которого желаю больше всего на свете. И я знаю, что я тебе небезразлична. Я вижу это в твоих глазах, слышу в твоём голосе, чувствую в твоём дыхании. И вот я сказала тебе о своих чувствах, и теперь хочу, чтобы ты сказал мне о своих...

Кэйринн замолчала, испытующе глядя на Драонна. Тот же стоял, потупив голову, мечтающий, вероятно, очутиться сейчас в любом другом месте – даже посреди главной городской площади Кидуи. Лицо его сделалось почти пунцовым.

– Зачем ты сказала всё это? – наконец проговорил он

хриплым голосом. – И зачем ждёшь от меня каких-то слов?

– Потому что я люблю тебя, и думаю, что ты меня тоже любишь! – с несвойственной ей обычно горячностью произнесла девушка.

– Я люблю свою жену... – выговорил Драонн, хотя было видно, что слова эти, при всей их кажущейся простоте, дались ему нелегко.

– А меня? – настойчиво повторила Кэйринн. Начав, она уже не могла ни остановиться, ни отступить.

– Я не знаю... – Драонну понадобилось всё его мужество, чтобы сказать это, а для того, чтобы собрать это мужество в кулак, потребовалось некоторое время. – Я правда не знаю, Кэйр... Ты очень дорога мне... Да... Признаюсь, что мои чувства к тебе больше, чем просто дружба... Я думаю о тебе... – каждая фраза давалась принцу с огромным трудом, но всё же каждая последующая шла легче предыдущей, словно скатываясь со всё более крутого склона. – Я думаю о тебе, как о женщине... Как о женщине, которую желаю и которой хотел бы обладать... Может быть это любовь, а может и нет... Но у меня есть жена, которую я люблю, и которой никогда не причиню боль... У нас ничего не получится, Кэйр... Прости...

Кэйринн стояла, закусив губу. Сперва казалось, что она собирается что-то сказать, но затем она вдруг ушла, не пожелав оставить последнее слово за собой. Сложно сказать, что девушка испытывала сейчас – горечь, разочарование, пре-

зрение... Сам-то Драонн ощущал себя так паршиво, словно только что совершил что-то донельзя гадкое и противное. Он понимал, что повёл себя неправильно. Да, формально он отказал Кэйринн, но сделал это так, чтобы не рвать окончательно все связывающие их нити. И сделал он это намеренно, словно специально хотел удержать девушку поближе. Словно не мог решительно и бесповоротно отказаться от неё.

Несколько дней после этого оба избегали даже случайных встреч друг с другом. Драонн хоть и ощущал себя донельзя гадко, понимал, что их новый разговор не приведёт ни к чему новому – он поведёт себя точно так же... Наверное, здесь можно было бы употребить слово «дипломатично», но само собой напрашивалось другое – «трусливо». Вполне вероятно, что Кэйринн теперь презирала его – она всегда тонко чувствовала фальшь. И это мучило. Причём это были муки страха того, что Кэйринн его разлюбит.

Прошло дня четыре или пять, когда Кэйринн вдруг сама пришла к нему. Лицо у неё было, как обычно, совершенно бесстрастное, словно она вновь созерцала нечто внутри себя, недоступное ни взглядам, ни пониманию других.

– У меня есть просьба, мой принц, – сухо сказала она.

– Проси, что хочешь, – Драонн был счастлив вновь видеть её и слышать её голос.

– Я решила покинуть замок, – не опуская взгляда, произ-

несла Кэйринн.

– Это не просьба, Кэйр, – скрипнув зубами и не вполне совладав с голосом, ответил Драонн. – Ты вольна делать, что пожелаешь. Я – не твой сеньор, а ты – не мой вассал. Ты – гостья, а гость уходит тогда, когда сам того пожелает.

– Ты прав, мой принц, это была ещё не просьба. Дело в том, что со мной желают уйти парни из нашего отряда. А они являются твоими вассалами.

– Сколько?

– Все шестеро. Просились ещё, но я отказала. Я согласилась просить только за тех, с кем ходила на дело.

– И куда же вы направитесь? – хмуро поинтересовался Драонн.

– Гайлейн сказал, что в восьми милях отсюда в чаще леса есть заброшенный лагерь углежогов. Отправимся туда. Мне надоело прятаться за замковыми стенами и бояться сделать лишний шаг, дабы не вызвать твой гнев. Я хочу войны. Страшной войны, какая тебе не понравится. Я хочу жечь деревни, я хочу убивать людей – всех, от мала до велика. Я хочу, чтобы они, забиваясь вечерами в свои жалкие лачуги, трепетали от ужаса. Чтобы они молили Арионна о скорой гибели в случае нашего набега.

– Ты надеешься победить?.. – с горечью спросил Драонн.

– Конечно нет, я знаю, что это невозможно. Моя победа будет в том, чтобы убить побольше этих тварей прежде, чем я сама отправлюсь по Белому Пути.

– Что за глупость? – вскричал принц. – Если ты знаешь, что не победишь, то зачем ставить под удар не только свою жизнь, но и жизнь моих илиров?

– По-твоему, трусливо ждать под обманчивой защитой стен, пока сюда явятся имперские легионы и сожгут самые камни, из которых они сложены – более разумно? – яростно вскричала Кэйринн. – Обречь себя на жалкое существование, которое однажды милосердно прекратят копья легионеров? Знаешь, мой принц, почему моя затея обречена на провал? Из-за таких как ты! Если бы вместо того, чтобы дрожать каждый за свою жизнь, все принцы, объединившись, нанесли бы удар, мы захватили бы Сеазию прежде, чем люди успели бы опомниться!

– И когда это ты успела сделаться великим стратегом? – Драонна душила ярость из-за обвинения в трусости. – Когда это девочка с хутора сравнялась в искусстве войны с бывальными воеводами?

– Моё искусство древнее, как сама жизнь! – отрезала девушка. – Убей, или будешь убит. Вот и всё моё искусство!

– Мир больше и сложнее, чем тебе кажется, Кэйр, – пытаюсь унять гнев, спокойнее заговорил принц. – Не думай, что уже познала его целиком.

– Я пришла не за нравоучениями, мой принц, – Кэйринн также взяла себя в руки и вновь старалась говорить холодно и делово. – Я пришла за дозволением для твоих илиров.

– Я не дам его тебе, – покачал головой Драонн. – Ты, ес-

ли пожелаешь, вольна идти куда заблагорассудится, но мои вассалы приносили мне клятву, и они останутся со мной. Я рассчитываю на них в это тяжёлое время.

– Ясно, – презрительно фыркнула Кэйринн.

Резко повернувшись на каблуках, она вышла.

Драоннахватило только на сутки. Уже на следующий день он подошёл к Кэйринн сам.

– Я отпущу своих илиров. Но только тех шестерых, о которых ты говорила. И только при одном условии.

– Какое же это условие, мой принц? – насмешливо поинтересовалась Кэйринн.

– Вы уйдёте весной. Уйти посреди зимы в лес, чтобы жить в давно необитаемых хижинах – самоубийство. Если метели будут продолжаться – вы и не доберётесь туда. Да даже если и доберётесь – никто не знает, осталось ли что-то от этого посёлка! Возможно, вы наткнётесь лишь на обрушившиеся лачуги. Когда настанет весна, вы уйдёте, *если* пожелаете.

– Хорошо, мы уйдём весной, – кивнула Кэйринн, и досада кольнула Драонна в самое сердце – лицо её при этом оставалось абсолютно бесстрастным. – Спасибо, мой принц.

– Не стоит, – сухо бросил оскорблённый принц.

В этот момент он мечтал бы сделать Кэйринн так же больно, как сделала она сейчас ему. Конечно, он ожидал хоть каких-то эмоций. Он очень надеялся, что этот уход – не более

чем демонстрация женской обиды, и что, позволив непокорным илирам уйти, он больно заденет девушку. Ему хотелось бы насладиться её страданиями, а затем уже поговорить о том, чтобы никто из них не делал глупостей. Теперь же, конечно, об этом разговоре не могло идти и речи. В эту минуту Драонн был так уязвлён, что согласился бы, не раздумывая, попроси Кэйринн разрешения удалиться в этот же момент.

Стало понятно, что их отношения с Кэйринн изменятся. Эта невысказанная обида будет глотать его душу, превращаясь в уязвлённую гордость, которая, в свою очередь, встанет стеной между ними – стеной куда более прочной, чем даже стены Доромиона, ведь оба они окажутся слишком горды, чтобы попытаться расшатать хотя бы один камень.

И действительно – в последующие дни размолвку между принцем и его любимицей почувствовали все. Такие вещи невозможно долго скрывать в столь изолированном обществе. Надо признать, большинство вздохнуло с облегчением, надеясь лишь, что обоим хватит ума не пытаться восстано-вить то, что было разрушено.

Особенно, конечно, воспряла духом Аэринн. Узнав о решении Кэйринн уйти, она постаралась никак не выдать своей радости, но всё же её легко было прочесть в загоревшихся вновь глазах, румянце, вернувшемся на её щёки. Конечно, она понимала, что это решение ещё может быть отменено, тем более что вскоре стало известно, что уход откладывается до весны, но всё же это была какая-никакая, но победа.

В первую очередь – победа её мужа, поскольку женским чутьём Аэринн, конечно, угадала, в чём крылась причина подобного решения её соперницы.

Кэйринн продолжала свои набеги на людские деревни. И теперь, словно в пику Драонну, она уже не слишком церемонилась. За последующий месяц принцу донесли ещё о девяти жертвах. Но он всякий раз спускал это, больше не заводя разговоров о гуманности ведения войны. Драонн чувствовал, что если он попытается вновь прочесть нотации кровожадной воительнице, то число трупов в ответ только лишь возрастет.

Так продолжалось до тех пор, пока не случилось первое открытое столкновение лирр с жителями одной из деревушек. Кэйринн больше не считала нужным излишне таить-ся, иной раз словно специально пытаясь поднять тревогу. И однажды так и произошло. Двое мужиков подняли крик, прежде чем каждому из них всадили в горло по стреле. А в хате оказалось ещё несколько мужчин – то ли собрались там для какого-то празднования, то ли просто это была такая многолюдная семья.

Мужчины эти не были глупцами и не спешили выскакивать на улицу, где их ждала бы верная гибель. Они затаились в доме, дождавшись, пока туда ворвутся лирры. Конечно, никакого особенного оружия у простых селян не было, да и не могли они сравниться в ловкости и умении с лиррийскими воинами, однако без боя сдаваться не собирались.

Кэйринн, как всегда, ворвалась в хату первой, и поэтому именно ей достался удар кочергой по голове. Мужики предусмотрительно задули лучины, так что в комнате была почти полная тьма, однако же девушка почувствовала движение и успела слегка отклониться, так что удар, который мог бы разmozжить ей лицо, пришёлся лишь на щёку. Однако сила была такова, что девушка отлетела назад, на руки к спешащим за нею илирам.

Быстрые и ловкие словно кошки, и почти так же хорошо видящие в темноте, воины молниями проскользнули внутрь. Люди даже не успели среагировать – вот только что изба была пуста, а теперь в ней внезапно выросло шесть зловещих теней, словно посланцы самого Асса, несущие смерть и разрушение. С криками отчаяния люди бросились на врагов, но исход был предreshён заранее. Даже пятеро воинов вряд ли справились бы с шестью обученными бою лиррами, а уж пятеро селян толком не сумели даже нанести ударов. Они были убиты в течение нескольких секунд.

В доме, к счастью, больше никого не было. Наверное, здесь действительно собрались отметить какое-то событие мужики, отослав женщин и детей по соседям, чтобы не мешались. Только это не позволило умножиться количеству жертв этой ночи, поскольку в противном случае илиры, не задумываясь, прикончили бы всех даже и без приказа Кэйринн.

Рана самой Кэйринн, к счастью, была неопасна. Скула

сильно опухла и кровоточила, но, судя по всему, кости черепа были целы. Девушка уже вполне пришла в себя, и когда илиры вышли во двор, она сидела прямо на снегу. Зачерпнув горсть снега, она приложила его к щеке.

По счастью, во двор, ставший внезапно смертельной ареной, так никто и не зашёл, пока илиры запрягали лошадь и носили на дровни припасы. Вероятнее всего, мужики планировали гулять всю ночь, так что другие домочадцы должны будут вернуться лишь утром. Домохозяйство же, кстати, оказалось достаточно зажиточным, так что здесь было чем поживиться.

После этого случая Драонн, пользуясь своим правом сеньора, запретил подобные вылазки. Конечно, он не мог запретить их самой Кэйринн, но остальные шестеро получили строжайший наказ не выходить за стены замка. На самом деле, припасов вполне хватало, чтобы хоть и сложно, но пережить остаток зимы.

Некоторое время Кэйринн вызывающе бродила по замку, красуясь здоровенным фингалом, залившим всю её щёку, и намеренно попадаясь на глаза Драонну. Она словно искала новой ссоры, но Драонн упорно их избегал – и ссоры, и самой Кэйринн. В конце концов девушка, которую всё ещё немного мутило после удара по голове, на пару дней исчезла, забившись в свою комнату, чтобы зализать раны – как телесные, так и душевные.

На какое-то время наступила долгожданная тишина. Сне-

га понемногу заносили подходы к замку, и чистить их было некому и незачем. Обитатели занимались каждый своим делом, ожидая прихода весны, которого, правда, нужно было ждать ещё долго.

Глава 34. Расставание

Кэйринн промаялась от безделья не больше недели, а затем, видимо, жажда деятельности наконец перевесила обиду на Драонна. Однажды принцу доложили, что девушка покинула замок.

– Она ушла совсем? – сорвавшимся голосом спросил он.

– Вряд ли, милорд. Она ушла с небольшой котомкой и просила не запирасть ход.

– Она была вооружена? – с явным облегчением поинтересовался Драонн.

– Возможно, под плащом у неё был кинжал, но ни лука, ни меча при ней не было.

Значит, она отправилась не «на дело», – подумалось принцу. Что же ей понадобилось снаружи? Возможно, она вновь решила наведаться в Шедон? Во всяком случае, пока это было единственное объяснение случившемуся, которое приходило ему на ум. Однако от этого его тревога была не меньше. Ну почему Кэйринн обязательно нужно было влезать в какие-то истории?

Весь остаток дня он не находил себе места. Поздним вечером, когда так приятно посидеть у огонька, а трескучий мороз гонит стражу в кое-как обогретые караулки, он, не выдержав, самолично проверил – не заперта ли дверца потайного хода, хотя прекрасно знал, что её никто не запрёт, ведь

он уже дважды повторял этот приказ караульным.

Он вернулся в спальню уже совсем поздно. Аэринн спала, или же искусно притворялась, что спит. Драонн скинул лишь верхнюю одежду, оставшись в рубаше и штанах, чтобы быть готовым в любой момент встать. Он уже отдал приказ незамедлительно разбудить его, когда вернётся Кэйринн.

Улёгшись, Драонн не мог уснуть. Опершись на локоть, он стал вглядываться в лицо жены – его глаза хорошо видели во мраке. Аэринн, несмотря на прожитые годы и рождение двух детей, была по-прежнему прекрасна. Сейчас темнота и вовсе скрыла те небольшие свидетельства времени, что проявились в её облике за минувшие четверть века, и в этот миг она была как две капли воды похожа на ту самую Айри, в которую он без памяти влюбился когда-то в Кассолее.

Драонн почувствовал мощный укол совести. Это был даже не укол, а целый удар, будто тяжёлое копьё со всего размаху вонзилось ему меж рёбер. Раскаянье овладело им – он вдруг представил себе, через что должна была пройти его Айри за последнее время. И ни разу он не услышал от неё даже упрёка... Драонн внезапно ощутил себя самым мерзким животным на земле, явно недостойным того счастья, что выпало на его долю.

Выбравшись из постели, Драонн спустился к караульному.

– Если Кэйринн вернётся, не забудьте запереть ход. Меня будить не нужно.

– Хорошо, милорд, – принцу показалось, или в голосе этого илира послышалось тщательно скрываемое одобрение?

Увы, даже верное решение не обеспечило ему сон. Больше двух часов Драонн лежал, не смыкая глаз, невольно вслушиваясь в ночные звуки замка. Однако так и не услышал ничего, что свидетельствовало бы о возвращении Кэйринн.

Наутро он первым делом справился у караульных о ней. Оказалось, что Кэйринн вернулась уже ближе к утру и, ничего не говоря, отправилась в свою комнату. Драонн был уверен, что девушка уже не спит, но он лишь кивнул, выслушав стражу, и отправился в свой привычный утренний осмотр крепости.

Наверное, Кэйринн видела, как он проходил. Она застала его на южной стене, где он бывал чаще всего. Вот и сейчас он, несмотря на мороз, привалился к каменному парапету, задумчиво глядя вдаль – туда, где в сотнях миль отсюда лежала Кидуа.

– Доброе утро, мой принц, – вряд ли Кэйринн поспала хотя бы три часа, но вид у неё был вполне свежий.

– Доброе утро, Кэйринн, – не отрывая взгляда от убелённого снегами пейзажа, ответил Драонн. – Ты вновь была в Шедоне?

– Угадал, – она оперлась на парапет в шаге от него. – И вернулась с добрыми новостями. Мы можем достать хлеба, и не жалкие двадцать пять мешков, а много больше.

– Насколько больше? – принц впервые взглянул на девуш-

ку.

– Не меньше сотни. И не овса, а доброй ржи.

– Откуда же столько? Снова твой старый знакомый?

– Он, – кивнула Кэйринн. – И не только. Ты будешь смеяться, мой принц, но мы – едва ли не единственный окрестный лиррийский замок, который не закупает зерно в Шедоне.

– Как так? – опешил Драонн. – А как же запреты?..

– Запреты! – фыркнула Кэйринн, выпустив большое облако пара изо рта. – Кто будет думать о запретах, когда нужно думать о деньгах? Если хочешь знать, тот прощельга, что продал нам зерно в прошлый раз, а также несколько его подельников, давно уже вовсю сбывают зерно лиррам. Конечно, втихаря. Тайно вывозят уйму зерна и продают его. Платят страже, чтобы та закрывала глаза, и она закрывает. Десятки, если не сотни людей кормятся с этой войны в одном только Шедоне. Цены на хлеб взлетели вдвое, городская беднота стонет, только что не умирая с голоду. А всё для того, чтобы как можно больше зерна продавать лиррам, которые дают вдвое даже против официальной, то есть завышенной цены. И нам даже не нужно будет инсценировать ограбление – мы просто приедем в условленное место где-то в лесу, где прямо из амбара перегрузим зерно.

– Неужели это возможно?.. – потрясённо пробормотал Драонн.

– Что, мой принц, наступает прозрение? – ядовито усмех-

нулась Кэйринн. – Вот они, те существа, о которых ты так печёшься – во всей своей красе! Вот она, вся их гнилостная сущность! Да любой из них продаст родную мать на мясо, да ещё и сам поможет разделать её на куски, накинь к цене лишнюю рехту! Скажи – достойны ли они жить? Достойны ли они твоей жалости, если уж они сами себя не жалеют? На улицах Шедона полно голодных детей. Многие из них не доживут до весны! И это сделали не мы – это сделали с собой они сами! Человеческая алчность убьёт их, жажда наживы! Надеюсь, что однажды она сожрёт и само человечество!

Лицо Кэйринн исказилось от брезгливой ненависти. Признаться, и у Драонна было сейчас такое чувство, что его вот-вот стошнит. Такую бездну падения он даже и предположить не мог, и даже если бы намеренно пытался придумать что-то особенно отвратительное о людях, вряд ли дошёл бы до подобного. Но вот – это было реальностью, превзошедшей самые человеконенавистнические представления.

– И когда же нужно будет отправляться?

– Когда угодно. Теперь это почти то же самое, что сходить в лавку, – фыркнула девушка.

– Неужели в городе ничего не знают? – всё ещё изумлялся принц. – Куда смотрит магистрат? Почему молчит народ?

– Магистрат куплен с потрохами. А народ молчит, потому что запуган. Им постоянно твердят о тяготах войны, о том, что нужно потерпеть и о том, что в такое сложное время роптать и выражать недовольство – почти государственная из-

мена. Я понимаю, что это звучит абсурдно, но это работает.

– До тех пор, пока сюда не доберётся императорская армия, – сквозь зубы процедил Драонн.

– Да какая нам разница! Главное – мы можем купить достаточно зерна, чтобы нормально дожить до весны!

– Ты знаешь, куда нужно ехать?

– Знаю. Нужны только лошади и сани.

– Бери всё, что нужно, и отправляйся.

Драонн и сам чувствовал, что разговор слишком сух. Чувствовала это и Кэйринн. Не так нужно бы общаться после долгой размолвки. Или наоборот – именно так. Принц словно чертил некую демаркационную линию, переходить которую не разрешалось ни ему, ни ей. Вот так вот – сугубо деловые отношения.

Импровизированный лабаз, куда отправилась Кэйринн, находился в довольно глухом месте. До ближайшего поселения людей было около пяти миль, а до Шедона – в два раза больше. Однако же по снегу был наезжен вполне проторённый путь – было ясно, что здесь нередки гости. Сам свежеотстроенный лабаз напоминал скорее небольшую крепость – частокोल высотой в два человеческих роста, в нём узкие бойницы, что означало, что внутри было кому защищаться в случае чего. Причём вся эта защита предназначалась в первую очередь вовсе не от лирр, а от отчаявшихся голодных людей, которые невзначай могли прознать о том, куда же делся весь хлеб из города.

И действительно – Кэйринн насчитала почти два десятка людей, из которых полтора десятка были довольно суровыми парнями с отличными луками в руках и добрыми мечами на поясе. Как она уже говорила недавно Драонну – сотни людей кормились на этой беде. Охранники равнодушно окинули взглядом подъехавший отряд илиров – здесь, на этом огороженном кусочке леса, расовая вражда отодвигалась на задний план золотом. Может быть, кто-то из них до недавнего времени и расхаживал в красном берете, но так или иначе все они смекнули, где местечко потеплее и похлебнее, и что ненависть к лиррам кормит хуже, нежели терпимость к ним.

Старого знакомого купчишки тут, конечно, не было – не по чину ему было самому заниматься этим делом и подставляться под возможные удары как со стороны лирр, так и со стороны властей. Кривой на один глаз приказчик со взъерошенными рыжими волосами, простоволосый, несмотря на мороз, равнодушно осведомился о предполагаемых объёмах закупки, удовлетворённо кивнул, услышав цифру, и махнул несколькими охранникам, которые тут же бережно прислонили свои луки к стене, сняли перевязи с мечами, и принялись подтаскивать тугие мешки. Кэйринн подогнала сани, и всего за четверть часа они были наполнены аккуратно сложенными мешками с зерном.

Вот так обыденно и просто она за четверть часа добыла больше зерна, чем за месяц своих вылазок... Уже выехав за ворота, которые тут же захлопнулись за ними, Кэйринн

вновь сплюнула. Её передёрнуло от отвращения, словно она сунула голову в выкопанный гроб или отхожую яму. Нет, все они должны умереть!.. Подобная грязь не может жить на земле, потому что в противном случае она заразит, осквернит всё вокруг...

Наконец наступила весна. Ожидаемо она стала весьма поздней, и в месяц весны в Доромионе никакой весной ещё и не пахло. К счастью, теперь каждое утро над ним разливался иной запах – запах свежееиспечённого хлеба, и хлеба этого было если и не вдоволь, то вполне достаточно, чтобы изголодавшиеся ранее обитатели замка чувствовали себя почти счастливыми.

Однако весна несла с собой и новые тревоги. Стоило ли в этом году ожидать полномасштабной кампании в Сеазии? Сведения с юга были весьма обрывочны – связи никакой не было, так что то, что знал Драонн, основывалось во многом на слухах. Однако, если верить этим слухам, выходило, что в Ревии и Лиррии всё ещё идёт война – конечно же, за одно лето подавить выступления в двух мощных и крупных провинциях невозможно. И вот принц Драонн ломал голову – решится ли император расплыть силы, воюя сразу на двух направлениях, или же попытается уничтожить врага последовательно.

Конечно, в сравнении с Лиррией и Ревией Сеазия не пред-

ставляла столь существенной проблемы для короны. Численность лирийского населения тут была довольно небольшой, надельные принцев не были сконцентрированы, зачастую находясь в десятках миль друг от друга. Вряд ли в Кидуе Сеазию рассматривали как проблему, равноценную Лиррии и Ревии.

Однако это в равной степени могло служить как успокаивающим, так и тревожащим фактором. С одной стороны, император Теотен мог вполне оставить Сеазию на потом, и «потом» это могло ещё растянуться на несколько лет, покуда не будут покорены южные провинции. С другой – не расценивая сеазийских лирр как серьёзного противника, империя могла попытаться избавиться от них сразу же, походя, чтобы более уже не возвращаться к этому досадному недоразумению.

Кроме того, лично для Драонна наступление весны означало ещё и уход Кэйринн. С тех самых пор, как девушка высказала всё, что было у неё на сердце, они почти не разговаривали. Во всяком случае, на темы, не связанные с оборонной, продовольствием и прочим подобным. Редко когда они могли перекинуться несколькими ничего не значащими словами.

Однако, несмотря на твёрдые намерения поставить крест на этих отношениях, Драонн прекрасно понимал, что его чувства к Кэйр никуда не делись. То, что он попытался затолкать их в дальний уголок души, в некотором смысле да-

же ещё больше распалило их. Поэтому сейчас он испытывал некоторое облегчение оттого, что вскоре всё должно закончиться. Правда, он также испытывал и ужасные муки оттого, что вскоре всё должно закончиться...

Наконец повеяло весной. Снега, которых немало нанесло вокруг замковых стен, как-то внезапно стали оседать и темнеть. Скоро начнётся распутица, когда по дорогам смогут продираться разве что пешие путники, а затем наступит настоящая весна. И тогда Кэйринн уйдёт...

Впервые она засобиравалась в последних днях месяца весны. Тогда она попросила Драонна выделить им стрел из расчёта полсотни на илира. Драонн позволил ей самолично отправиться в оружейную и отобрать то, что нужно. Кэйринн с удовольствием согласилась и скрупулёзно осмотрела каждую стрелу, проверив всё – от наконечника до оперения.

В следующий раз речь зашла о лошадях. Однако здесь Драонн был более прижимист – его конюшни и так сейчас были почти пусты, и потеря семерых лошадей была весьма болезненна. Кэйринн особенно не настаивала, понимая, что принц отказывает ей не из блажи.

В конце концов она явно объявила об уходе. Снег уже сошёл, земля сохла достаточно быстро, и скоро уже должна была покрыться зелёным ковром.

– Мы уходим через четыре дня, – сообщила Кэйринн Драонну, привычно отыскав его в библиотеке. – Ты не передумал?

– Слово принца нельзя так просто нарушить, – покачал головой Драонн. – Даже если бы я и хотел... Я обещал, что отпущу, и отпущу. Ты решила окончательно?

– Я решила окончательно уже давно, мой принц, и не вижу причин передумать.

– Жаль...

– Тебе жаль, мой принц? – вскинула голову Кэйринн. – Почему? Эти шестеро – отличные воины, но не лучшие из тех, что у тебя есть! Тот небольшой запас стрел и провизии, что мы возьмём, никак тебя не ущемит. Так отчего же тебе жаль? Неужели потому, что ухожу я?

– Конечно мне жаль, что уходишь ты, Кэйр! – возвысил голос Драонн, вставая с любимого кресла и подходя ближе. – Ты так нужна здесь...

– Тебе?

– Всем нам, – Драонн вновь не выдержал её взгляда и отвернулся.

– Я останусь, если ты попросишь меня, – вкрадчиво прозвнесла девушка. – Если скажешь, что я нужна тебе.

– Кэйринн... – горло сдавил неожиданный спазм, и Драонн закашлялся, подавившись слюной. – Ты же знаешь... – он и сам не знал, что сказать дальше, а потому укрыл остаток мысли за спасительным кашлем.

– Знаю, – неожиданно мягко улыbnулась Кэйринн. – Но и ты знай: если только ты скажешь мне, что хочешь, чтобы я осталась...

Они стояли предательски близко друг к другу – слишком близко, чтобы игнорировать тепло, исходящее от них; слабый запах, пусть не слишком изысканный и благовонный, но такой соблазнительный; магнетизм, притягивающий их уже давно... Их поцелуй длился всего несколько мгновений, но он сказал Кэйринн всё, что она хотела знать. Однако принц, совершив невероятное усилие воли, оторвал свои губы от её губ.

– Это ошибка! – потрясённо выдохнул он.

– Ты уверен в этом, мой принц? – девушка смотрела прямо в его глаза. – А может, ошибкой была вся твоя предыдущая жизнь?

– Тебе действительно будет лучше уйти... – пробормотал Драонн и выскочил из библиотеки, не заметив даже, что толкнул при этом Кэйринн.

Драонн ходил как в воду опущенный до самого ухода Кэйринн. Та в свою очередь тоже несколько поторопилась и вышла на день раньше, чем планировала изначально. Её уход, хотя истинную причину его понимали очень многие, если не все обитатели замка, всё же вызвал определённое уныние. Многие успели привязаться к этой ершистой девчонке, которая к тому же спасла их от голода.

Драонн и Кэйринн распрощались весьма сухо, даже натянуто. Принцу вообще казалось, что все уже знают о поце-

дуе и теперь испытующе смотрят, пытаясь прочесть в его лице любовные терзания, а потому он был особенно неловок и неуклюж в подборе слов, отчего потом, оставшись наедине с собой, не преминул хлопнуть себя ладонью по лбу за тупость.

Куда трогательнее было прощание Кэйринн с Ливейтином. Старик держался холодно и даже сурово, но Драонн видел, насколько ему тяжело. Кэйринн же, ко всеобщему удивлению, даже прослезилась, обнимая своего «дедушку», хотя и быстро смигнула набежавшую слезу. Ливейтин неловко сунул в руку девушке вырезанный из дерева рог единорога на кожаной бечёвке.

– На всякий случай, – буркнул он. – Пусть хранит тебя Арионн, дочка.

– Спасибо, дедушка, – Кэйринн ласково чмокнула начальника стражи в щёку и тут же с каким-то удивительным благоговением надела оберег себе на шею, прибрав его под одежду. – Ты тоже береги себя! И береги своего принца...

– Не беспокойся, уберегу, – уголок рта Ливейтина предательски пополз вниз, и потому он поспешил отойти, с превеликим вниманием став в сотый раз проверять подпругу лошади.

Надо сказать, что Драонн всё-таки расщедрился на трёх лошадей, которых навьючили припасами, а также многими необходимыми мелочами, что могут понадобиться при обживании давно заброшенных жилищ – молоток, гвозди, то-

пор и тому подобное. Кроме того, Кэйринн взяла с собой одного из немногих голубей, остававшихся в замке. Она клятвенно обещала отправить послание сразу же, как только они обустроятся на новом месте.

В одном из более ранних разговоров Кэйринн поделилась своими планами: она намеревалась сколотить настоящий отряд в несколько десятков илиров – сплотить вокруг себя всех, кто не готов был с жертвенной тупостью ждать, пока их вырежут, словно баранов. Драонн, если честно, не очень представлял себе, что из этого может получиться, но переубеждать девушку не стал.

После ухода небольшого отряда молчаливое уныние надолго повисло над Доромионом. Наступающая весна вместо надежд несла новую горечь разочарований – скоро придёт время пахоты и сева, но все понимали, что никакого смысла в этом не будет. Вряд ли красноверхие дадут лиррам взрастить хлеба, тем более после набегов Кэйринн.

Это не значило, что Драонн опустил руки – он решил во что бы то ни стало подготовиться к длительной осаде. Если потребуются – они разработают участки где-нибудь поглубже в лесу, где их не отыщут погромщики. Это будет сложно, и даже невероятно сложно, но всё же лучше так, чем умереть с голоду.

Новые вылазки принц пока решил прекратить. Благодаря жадности и беспринципности шедонских купцов зерна у них должно было хватить на пару месяцев. Сейчас нужно было

сосредоточиться на том, чтобы подготовиться к долгой осаде. Хотя, если придёт большая императорская армия – никакая подготовка не поможет. Оказаться в осаждённом замке тогда будет равноценно верной смерти.

Идея возникла сама и вдруг – нужно уходить. Крепость замковых стен – опасная иллюзия. Они не защитят от голода и болезней. Если в Сеазию придут легионы Теотена – замки падут вместе с хозяевами. Боевые маги сломают ворота, а даже если и нет – войскам хватит нескольких месяцев осады, чтобы взять Доромион измором. И в том, и в другом случае конец всё равно будет один.

Если что и может спасти – так это бескрайние лесные просторы Сеазии, а быть может – чем чёрт не шутит! – даже и палатийские. Север велик, и ни одна армия мира не сможет вечно рыскать по этим древним лесам, чтобы отыскать горстку лирр. Лиррийский народ испокон веков жил в лесах, и лишь близкое знакомство с людьми превратило их в обитателей тесных городов и каменных замков. Быть может, пришла пора вернуться к истокам? Быть может, именно в этом будет спасение?

Пока что эта мысль казалась безумной и пугающей, поэтому Драонн не стал делиться ею ни с кем, даже с Аэринн и Ливейтином. Ему хотелось как следует обдумать всё, убедить для начала самого себя. Правда, времени для этого было немного. Если он решится – поиски нового убежища нужно начинать уже сейчас. Принц даже малодушно подумал о

том, чтобы перебраться к Кэйринн в её лагерь углежогов, но быстро отверг эту мысль.

Вести от самой Кэйринн пришли через три дня. Голубь, которого она взяла с собой, вернулся. Увы, послание от беглянки было максимально кратко и сухо: «Мы на месте. Всё в порядке». Что ж, учитывая то, как они расстались, на большее рассчитывать было глупо. Оставалось надеяться лишь, что семеро илиров, из которых одна девушка – даже скорее девочка, сумеют как следует обустроить лагерь, подготовив его к возможным атакам. Драонн очень жалел, что с нею сейчас нет Ливейтина – тогда он был бы куда более спокоен.

Ко времени получения послания от Кэйринн принц окончательно решился. Он, посоветовавшись с Ливейтином, отрядил четверых ловких илиров, чтобы те отыскали глухое местечко для обустройства лагеря. Драонн не собирался покидать родные стены – если не явится армия, они как-нибудь переживут и здесь, благо леса вокруг изобилуют дичью, а фермеры уже отправились на поиски подходящих полей, которые можно было бы засеять рожью и овощами. Но если армия явится – у него должен быть запасной ход.

Благодаря всему этому апатия Драонна вдруг сменилась жаждой деятельности. Он словно встряхнулся, взял себя в руки. Теперь у него появилась цель. Нет, даже больше – у него появилась надежда.

Глава 35. Борильдов грот

Казалось, замок опустел. После зимней скученности сейчас и правда стало малолюднее. Днём большая часть обитателей замка теперь находилась вне его стен. Одни охотились, другие разрабатывали поля – частью старые, брошенные прошлым летом, но главным образом – новые, укрытые в лесах.

Работа на последних была сущей пыткой – орудия с трудом справлялись с дёрном, пронизанным множеством кореньев, однако фермеры не сдавались и не унывали. Все понимали, что именно от этих участков будет зависеть их продовольственное благополучие. Старые же фермы разрабатывались лишь частично, скорее для отвода глаз.

С некоторого времени довольно значительная группа мужчин была занята ещё одним очень важным делом – они возводили новый лагерь в глубине леса милях в пяти от Доромиона. Место это нашли разведчики – оно действительно было весьма укромным и глухим. Кроме того, местность вокруг была довольно болотистой, а сам будущий лагерь оказывался как бы на островке посреди этих болот, что значительно упрощало его защиту.

Более двух десятков илиров спешно возводили двойной частокол, чтобы затем создать внутри мощные бревенчатые постройки. Руководил работами Ливейтин, поскольку сам

Драонн не мог позволить себе надолго отлучаться из Доромиона. Он бывал в новом лагере не чаще раза в неделю, всё остальное время руководя работами в замке. Будь у него больше илиров, он попытался бы реализовать весьма амбициозный проект, на который его предкам, увы, не хватило воображения.

Драонн мечтал о подземном ходе – не таком, как пара потайных ходов, что уже были в его распоряжении, а таком, что уходил бы, быть может, на полмили от замка. Такой, через который можно было бы незаметно уйти в случае осады. Но вырыть такой ход было под силу либо артели гномов, либо сотне илиров, работающих всё лето. У принца же не было в запасе ни рабочих рук, ни времени. Так что мечты пришлось оставить ради более земных и насущных дел.

Огорчало отсутствие вестей от Кэйринн – с тех пор, как прилетел голубь, никаких посланников больше не было. Также хотелось бы больше узнать о том, что творится в провинции – сумели ли принцы пережить зиму, продолжается ли сопротивление? Удивительно, но в этом году возле Доромиона ещё ни разу не было красноверхих. То ли селяне не игрались в войну, и сейчас весь свой пыл тратили на полях, то ли нападения Кэйринн немного отрезвили и охладили их. А может вновь откуда-то сверху пришёл приказ не трогать Драонна Доромионского, хотя в эту возможность сам принц практически не верил.

Удручающе медленно велось возведение лагеря. Это была

работа для вдвое, а то и втрое большего количества илиров, тем более что большинство из них никогда ранее не занимались плотницкими работами. По самым оптимистичным прогнозам, лагерь будет более или менее обустроен для сносной жизни не ранее середины лета. Что будет, если императорская армия нагрянет раньше – было не совсем ясно. Во всяком случае, защитникам придётся довольно туго – это уж точно.

Когда вернулись разведчики, стало ясно, что оснований для особого пессимизма нет. Все обороняющиеся замки выдержали испытание зимой и голодом. Держался гордый Бандор, оставшийся без принцев, держался Честнор, держался Палтор. Позднее вернулись более дальние разведчики и принесли добрые вести из Тенедориона – там тоже пережили зиму вполне благополучно. Драонн искренне порадовался даже хорошим новостям из Паэлия – пусть он и недолюбливал Телеонна Паэлийского, но сейчас было не время для личной неприязни. В общем, из семи лирийских замков Паэты шесть справились с первым вызовом. Лишь осиротевший Кассолей, похоже, был окончательно растерзан.

Начавшаяся война была подобна обвалу груды камней. Когда всё падало и крушилось – это было страшно. Раскалывались, истирались в пыль целые булыжники, трещали попавшие под лавину деревца, размозжались мышцы и кости любого, кто имел несчастье попасть между валунами. Однако же, обрушивались, камни упокоились, найдя наиболее

удобное положение, притиревшись друг к другу. Так и в войне людей и лирр – первоначальный хаос и кровавая вакханалия понемногу превратились в хрупкое равновесие.

Может быть поближе к Кидуе страсти всё ещё бушевали, но здесь, в Сеазии, каждый колон, каждый фермер понимал, что его будущность зависит от того, сколько труда он вложит в не слишком-то щедрую землю, а потому, утолив первую жажду крови (а скорее даже – жажду наживы), большинство простолюдинов в этом году вернулись к своим мирным занятиям.

И вот когда Драонн уже начал было надеяться, что лето выдастся спокойным, ему стало известно о деятельности Кэйринн. Очередной разведчик донёс, что она сколотила-таки отряд, о котором говорила – общего количества разведчик не знал, но сообщал, что на вылазки отправляется не менее двух десятков илиров.

На счету повстанцев было уже несколько сожжённых деревень – Кэйринн действовала в соответствии со своими представлениями о том, что необходимо уничтожать людей подчистую. Множество жителей, включая детей, было убито – лирры хотя и не занимались мучительством, и, разумеется, не насильовали людей, но зато не щадили никого, даже грудных младенцев.

Когда Драонн узнал о происходящем, сердце его обмерло. Надежда на вялотекущий характер войны таяла. Конечно, поначалу местные власти попытаются самостоятельно

решить проблему, тем более что отряд лирр был невелик. Но Драонн крайне сомневался, что у них что-то получится. А тогда будет отправлено ходатайство в Кидую... Не говоря уж о том, что поостывшие было деревенские мужики вновь схватятся за колья и топоры, чтобы бить ненавистных лирр.

Так оно и случилось. Сперва на фермы нагрянули красноверхие. Увы, фермеры слишком уж уверились в наступившем спокойствии, а потому оказались застигнуты врасплох. Красноверхие тоже были не идиоты, и потому не шли на лирр беспорядочной толпой, выкрикивая угрозы и потрясая вилами. Они напали внезапно, подобравшись так близко, как могли. Фермеры бежали, но четверо сбежать не успели.

Хоть Драонн и не особенно рассчитывал на фермы, всё же здесь было засеяно некоторое количество полей, и теперь все они были разорены. Хвала богам – люди пока не сумели отыскать распаханые на лесных опушках участки, но уверенности в том, что они и дальше этого не сделают, не было.

В общем, Кэйринн сильно усложнила жизнь всем. И особенно очевидным это стало в начале лета. Драонн ещё об этом не знал, но во второй день месяца бесогона три полных имперских легиона вступили на земли Сеазии, чтобы привести непокорных лирр к повиновению. Возможно, это и не было связано с набегами Кэйринн – на подготовку вторжения должны были уйти недели, если не месяцы, так что оно не могло стать ответом на дерзкие нападения, однако же когда об этом стало известно в Доромионе, все, даже сам Дра-

онн, винили во всём именно неугомонную девушку.

Неизвестно было, как скоро войска подойдут к Доромиону, а потому необходимо было спешить. Драонн приказал оставить работу на тех фермах, что ещё не были разорены – вряд ли это дальше имело хоть какой-то смысл. Вместо этого он увеличил количество илиров, возводящих их новый лагерь. Также он велел понемногу переносить туда припасы из числа тех, что могут храниться. Конечно, без глубоких и холодных погребов Доромиона сложно будет сохранять продукты, но выбора больше не было.

Каждый день трое или четверо разведчиков отправлялись на юг, чтобы заранее оповестить о подходе вражеской армии. Драонн лихорадочно готовился и понимал, что всё равно не успевает. Будущее представлялось совсем неопределённым. Что будет, когда они покинут Доромион? Неужели все эти илиры, две с лишним сотни душ, смогут много лет прожить посреди болот? Но однажды и туда придут люди. Что тогда – снова бежать?..

Эллор... Проклятый Ворониус был прав – у него был лишь один путь, не лишённый смысла. Но Драонн не хотел и думать об этом. Всё это время он пытался убедить себя, что старик был лишь сумасшедшим, и что никакого Бараканда не существует. Ему почти удалось это, но не до конца. И всё же мысли об Эллоре казались не такими уж абсурдными. Там, на этом странном континенте, таком обширном и при этом совершенно необитаемом – быть может, хотя бы

там люди наконец оставят их в покое?

Но совершить путешествие в неведомое, через бескрайний и беспокойный Западный океан, имея на руках малыша Гайрединна, было слишком рискованно. Может быть позже, когда он подрастёт и окрепнет...

Драонн вновь отмахнулся от этой мысли. Пока что нужно думать о том, как выжить здесь и сейчас. Жизнь слишком многих зависела от него, поэтому он не имел права на ошибку. Его судьба – это не слепая стрела, выпущенная чьей-то рукой! Он сможет сотворить своё будущее, если ему хватит на то воли! Он просто обязан сделать это!

Имперским легионам хватило нескольких часов, чтобы Тенедорион, самый южный из лиррийских замков Сеазии, оказался в кольце. Принц Делийон, мрачно наблюдавший за разворачиванием войск с одной из башен, понимал, что легионы пришли сюда не штурмовать. Они деловито и основательно устраивались на безопасном удалении от лиррийских стрел, возводя лагерь, строя укрепления, роя отхожие ямы.

Они пришли не штурмовать, а осадить, прекрасно понимая, что лиррийским принцам очень дорого далась минувшая зима. Само собой, в столице не знали о грязных делишках, которые обтяпывали здесь торговцы зерном, а потому полагали, что у лирр дела совсем плохи. Но даже и с учётом купленного зерна Делийон понимал, что замок не про-

держится больше месяца.

Зная, что среди защитников замка наберётся едва ли две сотни илиров, командование, конечно, не стало попусту тратить всю мощь трёх полнокровных легионов. Трёх когорт по восемьсот пятьдесят человек в каждой, по мнению разработчиков стратегии, было более чем достаточно, чтобы задушить замок. Остальные двадцать одна когорта длинной сверкающей змеёй потекли дальше, чтобы точно так же поступить с остальными пятью мятежными замками.

Пару недель Делийон наблюдал, как тают скудные запасы продовольствия. Ежедневный паёк был уже урезан донельзя, в замке не осталось не только ни единой лошади, но даже и ни единой собаки или кота, однако же это могло лишь продлить агонию, но не более того. Жители замка не отошли ещё от голодной зимы, и теперь слабели с каждым днём.

Наконец кастелян замка сообщил, что через неделю-другую им придётся отваривать кожу с сапог и ремней, если они хотят хоть что-то есть. Быть может, это было преувеличением, но если и так, то совсем небольшим. Принц Делийон понимал, что это конец. На барбакане уже несколько недель болтался белый флаг – сигнал к переговорам, однако из лагеря легионеров никто даже не попытался разговаривать с осаждёнными. Было ясно, что переговоры им не нужны. Для императора приемлем был лишь один исход – смерть лирр, а потому не было никакой нужды тратить время на бесполезную болтовню.

Наконец Делийон, собрав своих вассалов, предложил выбор – попытка прорваться, самоубийственная и бесполезная, или же медленная смерть от голода. Естественно, никто не колебался ни секунды. Все выбрали прорыв, пусть даже это и был прорыв в никуда.

Той же ночью все обитатели замка стали выбираться наружу через тайный ход. Увы, в своё время принц Тенедорионский тщательно следил за тем, чтобы вокруг замка не было лишней растительности, способной укрыть неприятеля, а предательская луна, хотя и не была полной, но светила достаточно ярко. Если вылазка двух-трёх десятков мужчин вполне смогла бы пройти незаметно для караулов, то полторы, а то и две сотни илиров, среди которых были женщины и дети, укрыть было нельзя. Ещё не все беглецы выбрались через потайной ход за стены замка, как в лагере легионеров уже зазвучала тревога.

Это был трагический и величественный бой, однако некому было воспеть его. Мужчины и большинство женщин, выстроившись клином, двинулись вперёд, прикрывая тех, кто не мог защитить себя сам – маленьких детей, стариков. Две дворовые девушки несли на руках младенцев, прижимая дитя одной рукой и держа кинжал в другой. Все пожитки так и остались лежать на земле – стало ясно, что они уже больше не пригодятся своим хозяевам.

Молчаливо и решительно лирры двинулись к спешно смыкавшим ряды легионерам. Противник, конечно, не мог

собрать быстро все свои силы, растянутые по окружности вокруг замка, но всё же даже теперь их численность превосходила идущих на прорыв минимум вдвое, и вот-вот должны были подоспеть ещё.

Впереди шагал сам принц Делийон Тенедорионский, держа в руке одноручный меч. Он сперва хотел взять свой любимый двуручник, но быстро сообразил, что слишком ослаб от голода, чтобы эффективно владеть им, да и в бою грудь на грудь короткий клинок будет явно более предпочтителен. В конце концов, в руках мастера и небольшой одноручный меч вполне сможет поспорить и с алебардами, и с пиками людей.

Ловкость лирр и их большие глаза, способные видеть в темноте куда лучше человеческих, помогли наступавшим относительно просто преодолеть стену пик, потеряв совсем немногих. Лирр пьянило ощущение последнего боя, оно придавало им сил.

Оказавшись у сомкнутых щитов, Делийон, ловко подпрыгнув, всадил меч в основание шеи legionera. Тот откинулся назад, образовав небольшую брешь в бронированной стене. Прежде чем legionеры вновь сумели сомкнуть ряды, принц оказался среди них, всю работу мечом.

Следом за ним двигались его верные вассалы, которые тут же ворвались в образовавшуюся брешь. Legionеры, поняв, что их оборона вскрыта, отхлынули в стороны, чтобы перегруппироваться. Отбросив ставшие ненужными пики, они выхватывали короткие мечи.

Редкий человек способен в рукопашной схватке быть хотя бы на равных с лиррой, не то что превзойти его. Но сейчас среди лирр не было много воинов – более половины их отряда составляли илиры, почти не владеющие оружием. А число легионеров всё пребывало. Если бы здесь был лишь сам принц, да его вассалы – все ловкие и сильные воины – они, без сомнения, прорвались бы сквозь отряды легионеров и со сравнительно небольшими потерями смогли бы уйти. Но они не могли этого сделать, оставив на произвол судьбы женщин, детей и стариков.

Бой был неравным. Обе стороны не знали жалости, и легионеры без малейших колебаний атаковали беззащитных лирр. Кинжал в женских или детских руках не мог поспорить с легионерским мечом. Сам Делийон и полтора десятка сильнейших воинов рядом с ним продолжали сражаться и даже теснить врага, но всё новые и новые лирры окровавленными падали на землю, под кованые сапоги имперских солдат.

Победило не умение, а число. Окружённый сразу тремя легионерами, упал принц Делийон – он пропустил удар, раздробивший ему ключицу. Меч выпал из ставшей непослушной руки, а в следующий миг сразу три клинка вонзились ему в грудь и спину. Один за другим пали и его вассалы, сражённые превосходящим числом врагом. Всё сражение длилось не дольше десяти или пятнадцати минут, а после весь Тенедорионский дом перестал существовать.

В Доромионе ещё не знали о случившейся трагедии, однако было известно, что имперские войска планируют осаждать лирийские замки, и у Драонна не было оснований полагать, что к нему снова будет какое-то особое отношение. А это значило, что во что бы то ни стало необходимо ускорить подготовку лагеря.

На данный момент частокол был уже готов – двойной, высотой в два человеческих роста. Были возведены деревянные башенки для лучников, а также несколько грубых бревенчатых построек, в которых можно было разместить обитателей замка. Конечно, они даже близко не могли сравниться в комфортности с Доромионом – вряд ли они могли бы сравниться даже со здешними конюшнями, но выбирать не приходилось. Его илиры работали не покладая рук, но впереди работы было в разы больше.

Наконец появилась определённость в отношении легионов. Они обнаружили всего в двадцати – двадцати двух милях от Доромиона. Драонн понимал, что как минимум два замка уже осаждены, а быть может – пали. Вполне возможно, до осады его замка оставались считанные дни, а работы, казалось, был ещё непочатый край. Однако все обитатели замка уже вовсю готовились к переезду.

В один из таких дней всадник на взмыленной лошади подлетел к замку. Караульные узнали в нём одного из шестерых,

которых увела с собой Кэйринн. Мост сейчас днём обычно держали опущенным, и даже ворота не закрывали, ограничиваясь пока лишь опущенной решёткой. Теперь решётка была поднята, и всадник въехал в замок.

Драонн вышел к нему с обмирающим сердцем. Он понимал, что этот илир неспроста явился в замок. С Кэйринн случилась какая-то беда.

– В чём дело? – встревоженно спросил он.

– Кэйринн попала в засаду, – тяжело дыша, ответил всадник.

– Что произошло? – вскричал, бледнея, Драонн.

– Мы нарвались на большой отряд красноверхих... Кажется, они поджидали нас. Среди них были и солдаты. В общем, мы стали отступать, но они пустились за нами следом. Нас окружили, деваться было некуда, и мы укрылись в Борильдовом гроте...

Драонн знал этот грот – он находился милях в десяти-двенадцати от Доромиона. Это была довольно небольшая пещера, которую действительно легко мог оборонять отряд в три десятка бойцов, но в ней был лишь один вход. Поэтому принц сразу понял, что произошло дальше.

– Они запечатали вас в гроте? – спросил он, уже зная ответ.

– Да. У нас был с собой небольшой запас еды, но его хватит всего на пару дней. Силы неравны, поэтому Кэйринн послала нас за помощью.

– Нас?

– Она послала нескольких илиров, но всех их перехватывали красноверхие. Лишь мне удалось прошмыгнуть, сам не знаю как, да ещё и лошадь сумел у них умыкнуть... Кэйринн просит о помощи. Если вы ударите в тыл отрядом в сорок-пятьдесят илиров, а мы ударим со своей стороны – есть большие шансы на успех.

– Сколько вас в гроте?

– Когда я уходил, оставалось восемнадцать илиров, из них двое раненых. Красноверхих, самое меньшее, две сотни, из которых человек шестьдесят, а то и больше – вооружённые солдаты.

– У меня в замке только двенадцать лошадей, значит мы не сможем отправиться верхами, – проговорил Драонн. – До Борильдова грота часа три-четыре ходу. Как думаешь, они продержатся столько?

– Красноверхие в пещеру не сунутся, – заверил посланец. – Будут ждать, пока наши либо помрут с голоду, либо сами выйдут. Кэйринн дожждётся вас, милорд, я уверен в этом. Она не станет рисковать понапрасну.

– Мы можем поговорить, мой принц? – раздался голос Аэринн. Драонн и не заметил, как она подошла. – Наедине.

Драонн кивнул и послушно направился за женой, хотя и понимал, что добра от этого разговора ждать не стоит.

– Ты собираешься отправиться к ней на помощь? – тоном, не обещавшим ничего хорошего, поинтересовалась Аэринн,

когда они оказались одни.

– А разве я могу поступить иначе, Айри?

– Ты *обязан* поступить иначе! – отчеканила Аэринн. – Неподалёку от твоего замка находятся имперские войска, которые, вполне возможно, в этот момент уже движутся сюда. Также где-то здесь бродят орды красноверхих. Но как только *она* поманила тебя пальчиком – ты уже, забыв всё, готов броситься к ней!

Кажется, впервые за всё это время Аэринн позволила своей ревности так явно прорваться наружу.

– Всё совсем не так! – вспыхнув, возразил Драонн. – Но я же не могу оставить в беде... всех этих илиров! Они ждут от меня помощи!

– Так же, как и две с лишним сотни душ здесь, в замке! Не хочешь подумать о них? А если сюда явятся войска, когда ты уведёшь почти всех воинов, чтобы спасти свою ненаглядную Кэйринн?

Драонн понимал, что Аэринн отчасти права, и даже права во многом. Он чувствовал вину, но именно это чувство и заставляло его лезть на рожон. Он словно начал падение с горы.

– Самое позднее, через десять часов мы будем здесь, – говорил он. – За это время легионы явно не успеют к замку. Что же касается красноверхих – для них Доромион абсолютно неприступен.

– Тебе сегодня доложили, что легионы находятся в два-

дцати милях от замка, а сейчас, верно, и того ближе. А если что-то задержит вас? А если вы потерпите поражение? Две или три сотни врагов против полусотни – не слишком ли ты самоуверен? И тогда, если вас разобьют, что станется с нами? Со мной, с Биби, с Гайрединном? Или *она* тебе дороже нас всех?

– Айри, дороже вас у меня нет никого, – Драонн пытался обнять жену, но она выскользнула из его объятий. – Но я должен помочь им, понимаешь?..

– Не понимаю, – слёзы потекли из глаз Аэринн. – Вернее, боюсь понять... Если ты не лжёшь, говоря, что мы для тебя дороже всех – останься! Кэйринн сама накликала на себя беду. Не только на себя, но и на всех нас! Она должна сама платить за свои ошибки!

– Я так не могу... – пробормотал Драонн. – Я никогда не прощу себя, если останусь. Дело не в Кэйринн, – покривил душой он. – Просто принц не должен оставлять своих вассалов в беде...

– И однако же он именно это и делает!

– С вами не случится никакой беды, обещаю! – горячо воскликнул Драонн. – Мы вернёмся завтра к утру! А вообще у меня есть план получше! Ты поведёшь остальных в наш лагерь! Вы возьмёте всё необходимое, и отправитесь туда. Вы доберётесь за пару часов! А мы вернёмся сразу туда! И тогда никакие легионы нам не страшны!

– На что только ты не готов ради неё... – горько произ-

несла Аэринн. – Хорошо, если таково ваше слово, ваше высочество, мы повинемся.

– Айри, пожалуйста... Не нужно обижаться... Я вернусь, и мы обязательно обо всём поговорим!.. – Драонн наклонился было, чтобы поцеловать её в щёку, но Аэринн отдёрнулась от него, словно от прокажённого. – Отправляйтесь сразу же, как будете готовы... Я оставлю тебе Ливейтина – он отведёт вас... – неловко добавил он и вышел.

Глава 36. Крах

Драонн чувствовал себя мерзко. Он понимал, что не так должен чувствовать себя воин перед боем, не о том должен думать, но ничего не мог с этим поделать. Он понимал, какую болезненную рану нанёс сердцу Аэринн, и от этого хотелось кричать в полный голос и колошматить кулаками стволы деревьев. Но нужно было молча и, по возможности, споро идти, потому что где-то там была Кэйринн, и она была в страшной опасности.

Принц взял с собой сорок пять воинов, оставив дюжину для помощи тем, кто в данный момент уже должны были отправиться в новый лагерь. Он понимал, что численность его отряда невелика, потому особенно рассчитывал на внезапность и небольшую боеспособность людей. Впервые в жизни он собирался убить человека, и даже далеко не одного. Чтобы победить, ему нужно будет убить хотя бы полдюжины.

Вечерело, и на лес напал туман. Это было на руку бойцам. К сожалению, Ливейтин остался в Доромионе, но и без него хватало неплохих следопытов и знатоков здешних лесов. Драонн не сомневался, что они сумеют застать этих недотёп врасплох. Грот был уже неподалёку, и, скорее всего, они дойдут до него ещё до наступления темноты, но Драонн не хотел просто так отказываться от помощи ещё одного союзника, а потому они сбавили темп. Темнота поможет, да и

нужно было сохранить дыхание для боя.

По мере приближения к месту Драонн стал пытаться очистить голову от мрачных мыслей. Собственно, близость драки весьма этому способствовала. Драонн никогда не был особенным драчуном, да и сражаться, по большому счету, ему ещё не приходилось. Поэтому сейчас все прочие мысли сами собой отодвигались на задний план, дыхание учащалось, зрачки расширились, а на коже выступал пот. Что же, скоро ему придётся узнать – многому ли он научился в фехтовальном зале Доромиона. Вообще он весьма недурно владел мечом, но прекрасно отдавал себе отчёт в том, что дружеский спарринг с Ливейтином и бой с яростным врагом – далеко не одно и то же.

Наверное, можно сказать, что Драонн боялся. Но это был хороший страх – не парализующий, а прибавляющий сил. Кроме того, принцу было за что сражаться. Одна любимая женщина была впереди, и ей грозила смертельная опасность; другая была позади, и хотя непосредственно сейчас ей ничто не угрожало, но будущее было полно угроз. Поэтому Драонн твёрдо был намерен не дать себя убить.

Наконец идущий впереди илир поднял руку, подавая знак остановиться. Ну вот, кажется, они на месте. Потянуло дымом от костра – красноверхие устроились с максимальным удобством, поджидая, пока их жертвы умрут с голоду. Интересно, ожидали ли они подкрепления к осаждённым лиррам, знали ли, что один из них вырвался из кольца? Скорее всего

знали – он ведь как-то увёл у них лошадь...

Принц жестом отослал разведчика. Остальные в одно мгновение растворились в лесу. Разведчик вернулся не раньше чем через четверть часа. Драонн привстал, чтобы показаться ему.

– Их примерно двести пятьдесят человек, или чуть больше, – зашептал разведчик. – Около сотни – солдаты, вооружены вполне прилично. Остальные – деревенщина с дубьём и топорами. Сидят группами человек по двадцать-тридцать у нескольких костров на удалении друг от друга. Есть караульные, но они следят, в основном, за входом в пещеру. Думаю, мы сможем ударить неожиданно, пока они не успеют сгруппироваться.

– Первым делом нужно выбить солдат, тогда селяне, возможно, сами разбегутся, – тихонько ответил Драонн. – Солдаты сидят отдельно от других?

– В основном – да.

– Значит, нападаем на пару костров, убиваем так быстро, как только можем, пока они не сгруппировались. Надеюсь, в гроте услышат шум борьбы и поспешат на помощь.

Так и решили. Илиры, держа в руках луки, осторожно подползли всего на какие-нибудь полсотни шагов к ближайшему костру. Дальше было опасно – здесь лес заканчивался, и было несколько дозоров. Однако спустившаяся темнота, хотя она и была неплотной, немало способствовала успеху – глаза людей привыкли к яркому свету пламени, и пото-

му им понадобится время, чтобы привыкнуть ко тьме, тогда как для лирр все они будут отличными мишенями на фоне зарева костров.

Драонн указал цели. В первую очередь – солдаты, которые сразу выделялись на фоне простолюдинов. К счастью, как и говорил разведчик, солдаты всё же держались несколько особняком от деревенских мужиков, чувствуя над ними превосходство, а потому сидели у отдельных костров. Наметить каждому стрелку свою цель было, конечно, невозможно – тут должно было помочь командное чутье. Сам Драонн выбрал мишенью одного из часовых.

Раздался осторожный крик сойки – условный знак. И тут же почти полсотни стрел, коротко свистнув, умчались в темноту. И каждая нашла свою цель. Конечно, иногда в одного человека угодило сразу две, а то и три стрелы, но в целом эффект был просто поразителен. Почти три десятка солдат рухнули – кто-то прямо лицом в костёр, а среди остальных красноверхих началась настоящая паника. Лишь солдаты пытались сохранять видимость порядка, тогда как селяне просто метались между кострами, крича от ужаса.

Лирры – непревзойдённые стрелки. Не прошло и десяти секунд, как в людей полетела вторая порция стрел, которые тоже нашли своих жертв. Солдаты, которых осталось уже не более четырёх десятков, поняли, что если они и дальше будут бессмысленно стоять рядом с кострами, то их просто перестреляют, словно рябчиков. Громко крича, они ринулись в

сторону леса, где засели враги, надеясь то ли укрыться среди деревьев подальше от света костров, то ли уничтожить тех, кто на них напал. Те из селян, что были посообразительнее, рванули следом.

Увы, но это не слишком-то облегчило их участь. Слепшие после яркого света костров, люди вбегали в лес, словно в непроницаемую стену мрака. Однако непроницаемой она была лишь для их взглядов. Лиррийские воины, отложив луки и взявшись за мечи, без труда убивали мечущихся между стволов людей. Складывалось впечатление, будто у деревьев внезапно отрастали руки с клинками, которые разили наповал.

Как и предполагал Драонн, услышав крики, из пещеры выскочили заблокированные там повстанцы во главе с Кэйринн. Они набросились на тех из врагов, кто, не оправившись от смятения, продолжали бессмысленно вопить возле костров. Одной из первых, естественно, выбралась сама предводительница, и теперь она налево и направо рубила своим мечом любого, кто оказывался в зоне досягаемости.

Победа была полной – среди илиров Драонна было лишь два легкораненых, поскольку большинство людей даже не пытались оказать сопротивления. Наверное, с полсотни врагов сумело спастись, рассеявшись по лесу. Можно было бы отыскать их, но Драонну это было не нужно. Он и так убил сегодня пятерых человек, и для первого раза этого было более чем достаточно.

Сейчас он, отыскав взглядом фигурку Кэйринн, направился к ней.

– Спасибо за помощь, мой принц! – она тоже заметила Драонна.

– С тобой всё в порядке? У тебя кровь на рукаве, – обеспокоенно спросил Драонн.

– Ерунда, – отмахнулась она, мельком взглянув на окрашенное тёмным предплечье. – Оцарапала в гроте осколком камня. Неудачно споткнулась. Это ерунда, я не ранена.

– Я рад, – не удержавшись, Драонн обнял девушку, хотя и вполне дружескими объятиями. – Но как ты умудрилась попасть в такую переделку?

– Нас выследили, – поморщившись, ответила Кэйринн, не спеша при этом освободиться от объятий принца. – Эти люди оказались не так тупы как я думала, а мы слишком расслабились, считая их полными недоумками. Судя по всему, на нас объявили настоящую охоту. Ну вот, собственно, мы и попались. Сначала я пыталась уйти, но их было слишком много. Чтобы не навести их на лагерь, мы стали отступать в другую сторону, ну а тут этот грот подвернулся... Он хотя бы дал нам передышку – внутрь эти болваны сунуться не решились. А после и вы подоспели...

– Мне пришлось оставить Аэринн и остальных, чтобы прийти к тебе на помощь, – угрюмо заметил Драонн. – И я сделал Айри очень больно.

– Тогда нужно было не приходить, – пожала плечиком

Кэйринн, лукаво поглядывая на Драонна.

– Ты же знаешь, я не мог не прийти... Но не думай, что я всякий раз буду являться по твоему зову! Ты выбрала свою дорогу, а у меня она своя.

– Я поняла, – насмешка прорезалась в голосе Кэйринн, насмешка, замешанная на обиде. – Больше я тебя не позову.

– Я не это имел в виду! – попытался исправить ситуацию Драонн.

В последнее время – с тех самых пор, как появилась Кэйринн, он не мог избавиться от ощущения, что он – муха, попавшая в паутину. И каждое его движение, каждое слово, сказанное хоть Кэйринн, хоть Аэринн, лишь ещё больше затягивали липкие нити на его руках, ногах, шее...

Наверное, всем было бы лучше, будь он более искусным лжецом. Будь на его месте более ловкий пронира, он вполне мог бы повернуть всё себе на пользу – быть любовниками с Кэйринн, и при этом держать Аэринн в счастливом неведении. А так... Не построив счастья с Кэйринн, он упорно рушил его с Аэринн, и всё это из желания оставаться порядочным...

– Да это и не важно, – отмахнулась Кэйринн. – Ты, должно быть, торопишься обратно? Или планируешь переночевать здесь? Пещерка довольно уютная...

– Я тороплюсь, – как можно суше ответил Драонн; последняя фраза его покорила. Неизвестно, имела ли Кэйринн в виду нечто особенное, но прозвучало это довольно двусмыс-

ленно.

Должно быть, девушка и сама осознала это, потому что внезапно смутилась и стала с преувеличенным вниманием разглядывать своих илиров, обирающих мертвецов. Надо отметить, что это было не простое мародёрство: повстанцы не искали золота или украшений – подобного добра всё равно не водилось у простых солдат. В первую очередь осматривали колчаны, примеряясь к стрелам.

Чаще всего их, после беглого осмотра, презрительно отбрасывали в сторону – стрелы у простых провинциальных солдат не могли похвастаться особым качеством работы, и для придирчивых лирр попросту не годились. Однако иногда удавалось разжиться десятком-другим вполне сносных снарядов, годных хотя бы для охоты.

Также, не особо брезгуя, голодные илиры шарили по мешкам в поисках какой-нибудь снеди. Чаще всего это был всего лишь хлеб да луковицы, но здесь уж лирры не слишком-то привередничали – видно, у них в лагере с провизией было туговато.

– Нам по пути, – смущённо произнесла наконец Кэйринн. – Не против, если мы проводим вас?

– Конечно нет, – кивнул Драонн, постаравшись не обратить внимания, что на самом деле им не так уж и по пути, и что илирам Кэйринн придётся сделать некоторый крюк. – Ливейтин будет страшно рад тебя видеть.

– Я тоже буду рада его видеть. Я скучаю по нему. И вообще

по всем.

– Мы тоже скучаем, Кэйр, – ответил Драонн, не уточняя, кого именно имеет в виду.

Чувствуя, что разговор становится чрезмерно сентиментальным, Кэйринн вновь отвлеклась на своих бойцов:

– Ну что, всё собрали?

– Заканчиваем, командир, – поднял лицо один из илиров, перекладывающий съестное из сумки убитого солдата в собственный мешок. – Ещё четверть часа, и можно будет отправляться.

– Командир? – усмехнулся Драонн. – Неплохо...

– Да, мне тоже нравится, – хмыкнула Кэйринн. – Ну а вы выдержите ещё один большой переход? Вы ведь уже несколько часов в дороге.

– Домой ноги сами несут, – усмехнулся принц. – Выдержим. Я обещал Аэринн к утру быть в лагере.

– Так вы больше не живете в Доромионе?

– Как раз когда мы пошли к тебе на помощь, остальные отправились в лагерь, который мы организовали в укромном месте. В Доромион вот-вот нагрянут императорские войска.

– Это здравая мысль, да только стоило ли отправлять их одних?.. – с сомнением проговорила Кэйринн. – В последнее время вокруг полным-полно красноверхих.

– Надеюсь, что всё обойдётся, – однако сердце у принца внезапно ёкнуло. – Но тем больше резону нам поспешить.

– Согласна, – кивнула девушка. – Эй, парни, бросай ко-

паться в трупах! Выступаем сейчас!

Было видно, что дисциплина в отряде Кэйринн железная. Все её илиры беспрекословно подчинились – оставив в покое тела убитых, они поднялись, чтобы следовать за командиром.

– Пойдём, мой принц! – девушка не удержалась, и всё-таки коснулась на мгновение его плеча. – У нас впереди долгая дорога – ещё наболтаемся.

Однако тишина ночного леса не слишком-то располагала к беседам. Вокруг были враги – не только те бедолаги, что сумели сбежать от Борильдова грота, но и множество других, жаждущих лирийской крови. Кэйринн вкратце пересказала Драонну свои наблюдения – в последнее время, с появлением в Сеазии императорских войск, количество красноворхих в округе резко увеличилось. Они объединялись в довольно крупные отряды по двести, триста, а то и пятьсот человек и, ободрённые присутствием легионов, пробовали свои силы даже в нападках на замки.

Это весьма беспокоило Драонна. Сидя в Доромионе, он не замечал ничего подобного, но понимал, что Кэйринн, мотающаяся туда-сюда, знает гораздо больше. Именно от неё он узнал об осадах замков, о гибели Тенедориона, а также другие не менее печальные вести. Всё это заставляло принца всё серьёзнее задумываться о том, что их ждёт дальше.

– Судя по всему, несколько лет придётся мыкаться по лесам, – глухо произнёс он. – Вряд ли император станет тратить уйму средств на то, чтобы его доблестные легионы гоняли кучку лирр по сезонским болотам!

– Смотри не заквакай, мой принц, – горько фыркнула Кэйринн. – И не превратись в замшелую корягу!

– По-твоему, носиться с мечом наголо и рубить селян – более правильный путь? Людей так не победить! Ты просто погибнешь в одном из боев, и всё.

– Лучше так, чем жить в лесу, трясясь от каждого шороха, – огрызнулась воительница.

– Ладно, не будет спорить, – примирительно произнёс Драонн. – Мы вновь возвращаемся на те же круги. Каждый из нас выбрал свой путь – будем и дальше идти ими. И посмотрим, кого и куда они заведут...

– Беда в том, что нас они разведут в разные стороны... – глухо проговорила Кэйринн, и они оба надолго замолчали.

Лето было в разгаре и рассветы были ранними. Здесь, на севере, вообще казалось, что солнце толком и не заходит за горизонт. Точнее, оно исправно пряталось за край земли, но при этом продолжало освещать значительный кусок неба до глубокой ночи, и это зарево просто, слегка потускнев, понемногу перемещалось с запада на восток, и вот уж расцветала другая половина неба. Полная и крошечная тьма, какой она

бывает, к примеру, зимой, так и не наступала. Даже звёзды и луна казались лишь бледными отсветами самих себя на фоне этой глубокой тёмной синевы.

Лагерь был уже неподалёку. Отряд Драонна двигался к нему не со стороны замка, поэтому нужно было ещё сделать крюк вокруг болота, чтобы добраться до замаскированного камышом прохода. Предутренняя тишина ещё не нарушалась пением просыпающихся лягушек и птиц, поэтому казалось, что при желании можно услышать что-то, происходящее даже на другом конце земли.

Лес редел – вот-вот начнутся болота. Чуткое обоняние Драонна уже уловило слабый запах дыма – до лагеря оставалось каких-нибудь полмили, хотя с учётом обхода пройти придётся ещё добрых пару миль. Сердце защемило от этого уютного запаха – запаха дома, запаха скорой встречи. Конечно же, Аэринн давно уж не спала, готовясь к возвращению её принца. Похлёбка уже булькает на слабом огне – её не снимут, покуда Драонн и его илиры не вернутся, урча пустыми животами.

Спутники его, уставшие и уже клевавшие носами, тоже приободрились, предвкушая еду и отдых. И напротив – несколько приуныла Кэйринн, предвкушая скорую разлуку. Запах дыма становился всё явственнее, и внезапно стал пугать – слишком уж густым и терпким он сделался. Столько дыма не бывает от поварского костра.

– Что-то случилось, – побледнев словно смерть, пробор-

мотал Драонн.

– Слишком много дыма, – кивнула Кэйринн, невольно хватаясь за рукоять меча.

– Скорее! – не дожидаясь остальных, Драонн ринулся вперёд, не разбирая дороги.

Наконец лес закончился, уступая место болоту. То тут, то там на нём виднелись купы кустарников и мелких уродливых деревцев. За одними из таких зарослей и хоронился лагерь Драонна, невидимый с берега. Но серый дым, уходящий в бирюзовое утреннее небо, был виден очень хорошо...

Спутники Драонна, у многих из которых в лагере оставались родные, помчались к проходу. Тростник, укрывавший его, был вытоптан множеством ног. Теперь не было никаких сомнений – это красноверхие...

Уже понимая, что случилась непоправимая беда, Драонн по-прежнему отказывался верить в происходящее. Он непрестанно ожидал, что вот-вот навстречу ему покажется Аэринн с виноватым лицом, скажет, что по глупости какой-нибудь служанки случился пожар. О, только бы это было так! Плевать на постройки – они проживут пока и в простых шалашах! Было бы только с кем...

Ворота были не сломаны – враг каким-то образом пробрался внутрь и отпёр их, либо же их просто вовсе не запирали. Хотя слабо верилось, что такой опытный воин как Ливейтин, допустил бы подобную оплошность. А внутри валялись тела...

Среди них было некоторое количество человеческих тел в их неизменных красных повязках, но также то там, то здесь лежали изрубленные тела лирр... У Драонна было странное ощущение – словно бы всё происходящее было сном. Его сознание будто отделилось от тела, и он словно видел себя со стороны.

И это чувство нереальности было так сильно, что он почти не воспринимал действительность. Поле зрения вдруг сузилось до небольшого сфокусированного пятнышка впереди, и в этот фокус попадали лишь какие-то отдельные фрагменты происходящего, совершенно отказываясь складываться в какую-то общую картину.

Мысли Драонна были словно не его мыслями. Как-то отчуждённо он подумал, что нужно найти своих. Столь же отстранённо пришла мысль, что Аэринн не стала бы сдаваться без боя, поэтому её нужно искать во дворе. И в этот момент в его отупевшее сознание эхом донёсся горестный крик Кэйринн. Словно марионетка, подчинённая чужой воле, он полёлся к девушке, павшей на колени рядом с одним из тел.

Это был старый Ливейтин. На нём практически не было живого места – такое ощущение, что его продолжали кромсать и рубить уже мёртвого. Кэйринн сдавленно скулила и всё пыталась прикрыть остекленевшие глаза своего названного дедушки. Драонн, было, неловко опустился рядом, как вдруг один из илиров подошёл к нему и осторожно тронул за плечо:

– Ваше высочество...

Сам не зная – зачем, Драонн послушно поднялся и пошёл за этим илиром, который вёл его к основному строению. Срубленное недавно из сырых брёвен, оно так и не загорелось, хотя красновархие, похоже, очень старались его поджечь – несколько подпалин то там, то здесь виднелись на стенах и даже на покрытой дранкой крыше, которая, на удивление, тоже не поддалась огню.

Тело Аэринн, истерзанное столь же жестоко и бессмысленно, как и тело Ливейтина, лежало почти у самого порога. Странно, что кто-то кроме Драонна сумел её узнать. Что-то оборвалось внутри Драонна, причём ему показалось, что оборвалось в прямом смысле слова. Словно бы все внутренности вдруг рухнули вниз. Однако разум был словно заморожен – чист и пуст, а мысли были больше похожи на мышей под снегом.

Однако одна мысль всё же прорвалась в это царство мрака и пустоты. Дети... Нужно найти детей! Эта первая собственная мысль придала какое-то количество сил. Драонн, проведя тыльной стороной ладони по окровавленной щеке жены, поднялся и пошёл в дом. Наверняка дети будут там...

Сруб имел два этажа. Внутри Драонн наткнулся на несколько трупов – в основном, женщин. Он сразу же поднялся на второй этаж – именно там должны были быть их комнаты – его, Аэринн и детей. И комнату Билинн он отыскал быстро.

Две небольшие подпалины на стене – следы огнешаров. Бедная слепая девочка, не видя даже своих врагов, наудачу успела метнуть два огнешара – всё, что она умела. Оба они, судя по всему, не нанесли урона нападавшим. А сама Биби... Она лежала на полу, на ворохе собственной растерзанной одежды. Она была сильно избита, но умерла оттого, что кто-то сломал ей шею. Драонн понял это сразу же по неестественному повороту головы. Вероятно, дочка пыталась ворожить даже тогда, когда уже была прижата к полу несколькими грубыми, похотливыми скотами. И насиловали они уже мёртвое тело...

Принц опустил голову – нет, скорее обмяк на пол рядом с телом дочери. Осторожно укрыл её наготу обрывками одежды, машинально погладил тонкие шелковистые волосы – они были так похожи на волосы Аэринн!.. Во всей пустоте, что была сейчас в его мыслях, существовали лишь два пятна – то были те самые подпалины на стенах. Они выглядели столь беззащитно, столь душераздирающе – эти жалкие попытки ослепшей девушки оказать сопротивление, что вид этих почерневших пятен внезапно прорвал плотину в мозгу Драонна, сдерживающую поток чувств.

Вся боль, весь ужас, вся бессмысленность происходящего обрушились на него, взламывая последние преграды, которые ещё пытался ставить защищающийся разум. Именно это мгновение – не до и не после – одно единственное мгновение, когда он ощутил *всю* суть происходящего, ощутил каж-

дым нервом и каждой клеткой. Лишь мгновение спустя разум всё-таки сумел поставить заслон неверия и отрицания, и стало чуть-чуть, на волос, но легче. А в тот, первый момент, Драонн почувствовал всё, как оно есть – всю оголённость, всю глубину и всю остроту.

И тогда он завыл. Завыл страшно – не как лирра, но как зверь. Этот вой, переходящий в стоны, хрипы и какие-то бес-связные звуки, не был плачем. Ни одна слеза не скатилась по его щеке. Он просто выл – жутко и протяжно.

Именно в таком состоянии и нашла его Кэйринн. Опухшая от слёз, трясущаяся и бледная, она упала на колени рядом с принцем и прижала его голову к груди. Драонн продолжал выть, затем он стал биться головой о грудь девушки, а затем вдруг вцепился в неё зубами. Хвала богам, на Кэйринн был кожаный доспех, но ярость, с какой сцепились челюсти лиррийского принца, была такова, что он едва не прокусил толстую кожу. Стиснув зубы, Драонн, кажется, и не думал разжимать их.

Несмотря на боль, пронзившую грудь, Кэйринн продолжала всё сильнее прижимать голову Драонна к груди, тихонько баюкая её. Она плакала за двоих, раз сам Драонн плакать не мог. Постепенно вой перешёл в хрипы, они – во всхлипы, а затем принц наконец-то лишился чувств. Хотя бы на время пришло благословенное забвение...

Глава 37. Стрела в цели

К сожалению, забытьё Драонна не было долгим. Всего через каких-нибудь десять минут он вновь пришёл в себя, вынырнув из спасительного ничто в жуткую, полную боли реальность. За это время его успели перенести на лежанку (кроватей здесь не было). Верная Кэйринн, не отходя ни на мгновение, сидела рядом, не отпуская его руку.

Всего несколько мгновений взгляд Драонна оставался пустым, а затем он резко, до краёв наполнился болью. Прерывистый вздох, глубокий и тяжкий, вырвался из его груди. Так, должно быть, стонала земля, когда из неё с корнем выдирали деревья.

– Все погибли? – едва ворочая языком, вымолвил он.

– Мы не обнаружили живых, – глухо ответила Кэйринн.

– Гайрединн?..

– Мы не нашли его... – девушка замолчала, борясь с рыданиями.

– Они... забрали его с собой?.. – губы Драонна предательски задрожали.

– Не знаю... Может быть, – Кэйринн не хотела отнимать у принца последнюю надежду, хотя прекрасно понимала, что красновехим ни к чему лиррийские младенцы. – Вирезир с полусотней илиров отправились по следам. Они найдут этих мразей...

Драонн лишь кивнул в ответ – у него не было сил сказать хотя бы слово. В мыслях звенела сосущая пустота, которую нельзя будет заполнить уже ничем и никогда. Время от времени мозг жалила одна и та же мысль – нет, ничего этого не было! Сознание просто не могло принять, не могло воспринять подобное. Конечно же ничего этого не было, потому что ни в одном из миров, за которым хоть изредка приглядывают боги, подобное просто невозможно!

Но это было... Это было, и это будет теперь навеки. Его жена, его дети – они остались лишь в его воспоминаниях. И – быть может, это было следствием шока – Драонн понял, что не может в деталях увидеть лица никого из них. Образы, возникающие в памяти, не фиксировались чётко в сознании – он словно пытался ухватить что-то, что видел лишь боковым зрением. Хвала богам, он хотя бы не мог вспомнить их изувеченных посмертных лиц!..

– Прости меня, мой принц... – пробормотала Кэйринн и тут же разрыдалась. – Это я виновата!.. Если бы не я, они были бы живы...

– Нет, это я виноват... – прошептал Драонн, и наконец-то слёзы его прорвались наружу, дав хотя бы временное облегчение его истерзанной душе.

Какое-то время он рыдал, обняв Кэйринн – единственную родную душу, что у него осталась. Он понимал, что сейчас он – просто Драонн, но никак не принц Доромионский, однако быть принцем пока что было выше его сил. Пока что ему не

хотелось быть даже Драонном. Не хотелось быть вообще...

Однако слёзы принесли толику облегчения. Отняв наконец своё лицо от кожаной куртки Кэйринн, Драонн взглянул на неё мутным взглядом:

– Как мне теперь жить, Кэйр?..

– Не знаю, мой принц...

Кэйринн не стала произносить выпреженных речей о долге, мужестве, судьбе. Она не смогла бы сейчас сделать этого, даже если бы хотела. Это лишь в героических книгах, которые так любил читать Драонн, поверженные герои вновь восстают после пафосной речи, чтобы, сцепив зубы, сражаться до конца. Реальная жизнь одновременно была и гораздо трагичнее, и гораздо прозаичнее книжных эпосов.

Драонн лежал, потеряв счёт времени. Кэйринн, у которой уже затекли и руки, и ноги, продолжала сидеть рядом, не шевелясь. Принц, не моргая, смотрел в плохо оструганные доски потолка, но вряд ли видел их. Он был в полнейшей прострации и даже не заметил, как дверь в комнату легонько отворилась и появился илир, жестом поманивший Кэйринн. Он, кажется, не заметил даже, как она, морщась от боли в задеревеневшем теле, встала и вышла на некоторое время.

Не заметил он и её возвращения. Кэйринн, с искаженным лицом, подошла к Драонну и тронула его за плечо. Однако тот даже не моргнул.

– Мой принц... – хрипло позвала она.

Лицо Драонна вроде бы шевельнулось, но это была един-

ственная реакция.

– Нашли Гайрединна... – искажившимся от сдерживаемых рыданий голосом проговорила Кэйринн.

Эти слова вернули Драонна к действительности. Его безмятежное лицо вновь превратилось в маску застывшей боли.

– Где он?.. – прошептал принц.

– Его принесли в дом... Он рядом с Аэринн и Билинн... – слёзы градом текли по щекам Кэйринн.

– Мне надо его видеть... – с трудом произнёс Драонн, однако в его фразе звучали скорее вопросительные нотки.

– Пойдём, мой принц, я провожу тебя...

Пошатываясь, Драонн кое-как поднялся с лежанки. Опёрся рукой о шершавую бревенчатую стену, почувствовав внезапную дурноту. Перед глазами всё плыло, пол так и старался уйти из-под ног. Кэйринн мгновенно оказалась рядом, приобняв его, чтобы не дать упасть.

– Спасибо, Кэйр... Дай мне минутку... Я сейчас...

Кэйринн молча кивнула, не отпуская принца ни на мгновение.

– Вот, вроде уже лучше... – наконец просипел он. – Я могу идти сам...

Кэйринн отпустила Драонна, но держалась неподалёку, чтобы быть готовой в любой момент. Однако тот нетвёрдо, но пошёл к двери. Уже взявшись за дверную ручку, принц внезапно остановился. Кэйринн решила, что ему снова дурно, и бросилась на выручку, но дело оказалось в другом.

– Мне страшно, Кэйр... – пролепетал Драонн, бессильно прислоняясь к двери. В его глазах действительно плескался страх. – Я боюсь его увидеть... Всех их...

– Так нужно, – мягко ответила Кэйринн. – Ты должен проститься с ними, мой принц. Лишь тогда мёртвые отпускают нас. Поверь, я до сих пор страдаю оттого, что не смогла проститься со своими родителями... Пойдём, мой принц... Пойдём...

Трясущимися руками Драонн отворил дверь. Кэйринн прошла вперёд и повела его за собой. Они спустились на первый этаж и прошли в одну из тёмных комнатушек без окон. Там горела лишь одна свеча.

Они лежали здесь все трое – жена, дочь и сын. Прочих мертвецов положили во дворе, здесь были лишь члены Доромионского дома. Кто-то уже бережно обмыл тело Аэринн от крови, поправил свёрнутую набок голову Биби, и даже уложил им волосы. Они лежали, укрытые белёной холстиной, словно два холмика потемневшего весеннего снега. И рядом – третий, самый маленький... При виде этого холмика Драонну показалось, что его сердце рвётся на части.

Будь он здесь один, он бы, наверное, выскочил прочь из этой комнаты, но рядом стояла Кэйринн, скорбно сжав губы и опустив голову. На негнущихся ногах Драонн подошёл к лежащим на полу телам и, судорожно выдохнув, откинул холстину, прикрывавшую Гайрединна.

Малыш как будто бы спал, и лишь несколько кровопод-

тёков на лице, да синюшная бледность выдавали в этом сне смерть. Спазм скрутил горло и грудь принца. Он, этот мальчик, пришёл в мир, чтобы жить. У него было такое право. И он, наверное, свято верил в то, что отец всегда будет рядом и защитит от любой беды. Что чувствовал он, ребёнок, не умеющий ещё даже толком разговаривать, лепечущий что-то на своём собственном языке? Понимал ли он, видя озверелые рожи своих убийц, что будет дальше? Что они сделают с ним? Вряд ли... Вряд ли он в свои годы вообще мог осмыслить, что такое смерть...

Зато это отлично понимал сам Драонн. Он глядел на этот уходящий от него образ, и понимал, что *ничего* уже не сделать. Никакими силами и ухищрениями, никакой магией, никакими молитвами не вернуть жизнь обратно в это маленькое тельце. Его сын вскоре исчезнет, истлеет, став безликими костями, и этого *никак* не изменить! Эти «никак» и «ничего» были столь непостижимы в своей понятности и простоте, что Драонн едва не лишился рассудка, пытаясь объять разумом эти два коротких слова. Хвала богам – эмоции вновь пришли на помощь изнемогающему разуму, и принц снова заплакал.

Но всё же Кэйринн была права – он должен был прийти сюда. Теперь он не испытывал страха перед лежащими телами. Он с любовью смотрел на их лица, не замечая тех отпечатков, что уже наложила на них смерть. Конечно, ощущение утраты от этого не становилось менее болезненным, а

горе – глубоким.

– Как его нашли?.. – не отрывая взгляда от сына, спросил Драонн.

– Он был на одной из башенок для лучников... – наоборот, стараясь не глядеть на три тела, лежащие на полу, ответила Кэйринн.

Только люди могли дойти до подобных пределов бессмысленной жестокости! По иронии судьбы противоположностью слову «жестокость» было слово «человечность». Но в природе людей всё было устроено так, что именно подобные чудовищные поступки и можно было бы назвать человеческими, более подходящими человеку. Ни Драонн, ни Кэйринн не знали, что происходило у этой башенки, но оба подумали примерно одно и то же – и скорее всего, это было очень близко к реальности.

Опьяневшие от лирийской крови, убийств и насилия люди уже не удовлетворялись простым убийством младенца, в котором они признали, а может и не признали сына принца. И тогда они, вероятно, сочли весьма забавным поупражняться в силе и ловкости, забрасывая тельце ребёнка на высоту восьми футов. И уж наверняка по крайней мере в первый раз Гайрединн был ещё жив.

Наверняка у них не сразу получилось – позже неподалёку от башенки нашли черту, отчерченную на земле чьим-то каблуком. Именно от этой черты изверги и пытались забросить малыша на помост. И совершенно очевидно, что боль-

шинству это было просто не под силу. Сколько раз маленький принц упал на землю, прежде чем кому-то всё же удался победный бросок – неизвестно. Был ли он к тому времени уже мёртв, или умер там, на плохо оструганных досках, испачканных его собственной кровью?..

Что могло довести людей до подобной степени озверелости? Драонн ещё мог бы понять тех, кто рубил уже павшее в бою тело его жены, и даже тех, кто насиловал уже мёртвое тело его дочери. Но как понять этих людей? Играть живым младенцем, будто кожаным мешком, набитым ветошью, как это часто делают детишки... Какой извращённый и больной разум нужно иметь, чтобы предпочесть это грабежу и насилию?..

Впервые с тех пор, как он увидел изрубленную Аэринн, Драонн испытал чувство, отличное от горя, ужаса и боли. Это была жажда мести. Да, Кэйринн была права с самого начала: люди – болезнь этого мира. С ними невозможно договориться, с ними невозможно сосуществовать рядом. Они – угроза всему чистому, всему светлому, что есть в мире, и доказательством тому служат три тела, лежащие подле него сейчас.

Драонн никогда не ненавидел людей. Напротив, в отличие от большинства сородичей, он пытался найти в них что-то хорошее, понять их, научиться жить с ними. Более того, у него это вполне неплохо получалось. Но теперь всё прошлое было перечёркнуто разом. Пусть даже сам Делетуар восстал

бы из могилы, чтобы умолять его примириться с родом человеческим – Драонн остался бы глух к нему. А может и вообще прогнал бы его прочь – ведь он был человеком.

Но больше всего ненависти он испытывал к одному конкретному человеку. Его он ненавидел даже больше убийц своей семьи, ведь те были лишь тупым быдлом, полуживотными. Но проклятый Ворониус... Человек, который всё это начал... Человек, кичившийся тем, что это он «запустил стрелу». Драонна душила ярость от осознания того, что его Айри, его Биби и Гайрединн мертвы только потому, что какой-то безумный фанатик возомнил себя вершителем судеб.

Если было бы возможно, Драонн воскресил бы его из праха, чтобы затем убить лично. На некоторое время Драонн даже задумался о том, каким истязаниям бы он подверг старика, и это принесло временное облегчение. Эти мысли на короткое время заглушили чувство утраты, так что принц крайне неохотно расстался с ними.

До данного момента Драонн совершенно не заботился о судьбе красноверхих, атаковавших лагерь. Он, вроде бы, смутно припомнил, что Кэйринн говорила о том, что за ними отправлена погоня, но тогда это не показалось ему хоть сколько-нибудь важным. Однако теперь он внезапно заинтересовался этим вопросом.

– Погоня ещё не вернулась? – спросил он у Кэйринн. Ненависть и жажда мести придали ему новых сил, и сейчас он говорил почти как принц.

– Ещё нет. Прошло не так много времени. Они нагонят ублюдков, не волнуйся. Судя по всему, они ушли отсюда не больше, чем за час или полтора до нашего прихода...

Кэйринн прикусила язык, но было уже поздно. Новая волна бессильной ярости и самобичевания захлестнула Драонна. Подумать только – шевели они ногами чуть побыстрее, и ничего этого могло бы и не быть!.. Но он быстро взял себя в руки.

– Я должен осмотреть всё, – довольно спокойно сказал он, с видимым усилием воли накидывая покрывало на лежащие перед ним тела.

Он встал и направился к выходу. Наверное, большая часть Драонна, если не весь он целиком, осталась здесь, в этой комнате, пропахшей кровью и смертью, но принц Доромионский должен был выйти наружу, чтобы и дальше править своим осиротевшим домом.

Сто шестьдесят девять тел было собрано во дворе лагеря, ещё три находились в срубе. И всего четырнадцать живых илиров было в этом царстве мертвецов. Мёртвых лирр аккуратно сложили вдоль частокола, прикрыв всем тряпьём, которое смогли найти. Трупы красноверхих безо всякого почтения были выброшены в болото неподалёку от лагеря – их набралось больше трёх десятков. Даже застигнутые врасплох лирры, среди которых были, в основном, женщины, старики

да дети, сумели оказать достойное сопротивление.

Принц Драонн появился во дворе, чтобы сказать несколько ободряющих слов своим илирам, большинство из которых лишились близких в эту ночь, а также почтить память павших. Он держался довольно хорошо, лишь посеревшее лицо и запавшие глаза с казавшимися почти чёрными провалами глазниц выдавали его скорбь. Он не отказался даже от миски похлёбки, которую готовили на костре пара илиров, но сумел втолкнуть в себя не больше двух ложек.

Мрачные мысли вились в голове лирийского принца, нагоняя тучи на его чело, однако он решил до времени ничего не говорить даже Кэйринн. Драонн решил дождаться возвращения мстителей, посланных в погоню.

Отряд вернулся уже задолго после полудня, и сразу стало ясно, что вернулись не все. Очевидно, что не менее десяти илиров было убито, а несколько были ранены. Тела несли на носилках, сделанных из крепких веток и плащей. Раненые, хвала богам, могли идти самостоятельно. С особой хищной радостью Драонн увидел пленного человека, ковыляющего со связанными перед собой руками. В двух шагах позади него шёл Вирезир – илир из отряда Кэйринн, которого она назначила главным среди мстителей.

Сурово молчащие илиры бережно поставили носилки с павшими товарищами рядом с рядами других тел и направились к костру, где для них уже разливали круто заваренную похлёбку. Лишь Вирезир, слегка подталкивая впереди себя

отчаянно трусящего пленника, направился прямо к Драонну.

– Мы настигли их, милорд, – просто сказал он, а затем с силой надавил на загривок человека, валя его на колени перед своим принцем.

– Я не сомневался в вас, братья, – ответил Драонн. – Много ли их было?

– Много, – кивнул Вирезир. – Слишком много для полусотни илиров. Этот выродок сообщил, что первоначальная численность отряда была порядка четырѐхсот пятидесяти человек. Мы перебили столько, сколько смогли, а затем, захватив пленника, отступили. Они нас и не преследовали – им слишком досталось. Думаю, не ошибусь, если скажу, что мы убили не меньше двух сотен ублюдков. К сожалению, потеряли восьмерых, и ещё трое тяжелораненых.

Да, теперь Драонн заметил, что не все из тех, кого несли на носилках, были мертвы.

– Благодарю вас, мои братья! – произнёс Драонн. – Нашим мёртвым будет спокойнее на Белом Пути, зная, что их кровь отмщена. Что ж, ешьте и отдыхайте, а я поговорю с этим человеком.

От тона, которым были произнесены эти слова, стоявший на коленях пленник съёжился и даже, кажется, тихонько заскулил. Судя по одежде, это был не простой крестьянин, а солдат. Странно, но сейчас, глядя на него, Драонн не испытывал какой-то особенной ненависти. Его эмоции были словно вы-

жжены дотла. Однако же в скором времени этого человека ждала смерть, и это понимали все вокруг, включая его самого. А потому несчастному оставалось лишь молиться, чтобы эта смерть была, по возможности, более быстрой и не мучительной.

Вирезир рывком поднял пленника на ноги и отвёл его в сруб, но сам вернулся к своим бойцам, оставив человека на попечении Драонна и Кэйринн.

– Как вы нашли это место? – был первый вопрос, который задал Драонн.

– Вы убьёте меня? – вопросом на вопрос ответил пленник.

– Убьём, – ровно кивнул Драонн. – Думаю, ты и сам не ждёшь иного. Вопрос другой – как ты умрёшь. Мы можем пытаться тебя подобно тому, как делают твои сородичи, или убить быстро и без мучений, как подобает мыслящим существам, у которых есть душа. Ответ на все мои вопросы – и ты умрёшь быстро.

– Я скажу всё, что знаю, – всхлипнул солдат. – Вы спросили, как мы нашли это место?.. За вашим замком следили уже давно, и мы знали, что вы планируете бегство, когда подойдут войска. Изначально наш командир планировал лишь указать это место легионерам, когда они будут здесь, но вчера стало известно, что почти все воины вашего замка покинули его, а оставшиеся спешно перебрались сюда. Вот и было решено напасть самим.

Драонн видел некое недоумение на лице Кэйринн. Есте-

ственно, в её глазах люди были тупыми жестокими животными, не способными создать более или менее сложный план, и уж подавно не способные обнаружить скрытничавших лирр, при этом не раскрывшись самим. Драонн-то, конечно, знал, что это не так, но позволил поддаться общему пренебрежению к людям, характерному для всех лирр. И поплатился за это. Выходит, за его илирами, работающими над устройством лагеря, давно следили, а они даже ничего не заметили...

– Как вы проникли в лагерь?

– Пристрелили часовых на башенках, а затем несколько наших перебрались через частокол и отпёрли ворота. Это никаких проблем не составило. Должен сказать, ваша светлость, укрепление у вас вышло неважное... – кажется, неизбежность смерти сделала пленника если не смелее, то уж точно наглее.

– Ты знаешь, каковы общие планы относительно лирр? – Драонн пропустил мимо ушей дерзкие слова.

– Планы очень просты, ваша светлость – убить всех, кого удастся достать. Насколько мне известно, легионы уже взяли в осаду большинство замков, и какие-то из них уже пали. И ваш не стал бы исключением.

– Был ли ты одним из тех, кто насильовал девочку-магиню, или... швырял младенца на стрелковую башенку?.. – Драонн сцепил зубы, чтобы этот вопрос прозвучал ровно и спокойно, а ногти его до крови впились в ладони.

– Клянусь, милорд, я не причастен ни к тому, ни к другому! – залезбил солдат, которому, кажется, вновь сделалось очень страшно. – Я вообще никого не насиловал, клянусь! У меня у самого дома жена и две дочки подрастают! Я бы ни за что не стал...

Понять – врёт он или говорит правду, было невозможно. Кажется, он был вполне искренен, но, с другой стороны, ужас перед возможными пытками может сделать кого угодно превосходным лицедеем. Собственно, принц спросил об этом просто для собственного успокоения. Словно чтобы объяснить и пленному, и самому себе, почему человек сейчас должен умереть.

– Хорошо, я поверю тебе, – Драонн неспешно достал свой меч из ножен.

Трясущийся пленник, не имея сил отвести взгляда от лезвия, инстинктивно стал пятиться, но всего через пару шагов упёрся в дверь.

– Не надо... – слабо пролепетал он, прекрасно понимая, что это никак не поможет.

В удар Драонн вложил все чувства, которые сумел найти в своей опустошённой душе. Меч пробил худощавое тело насквозь и почти на дюйм увяз в толстой доске двери. Пленник упал, вырвав рукоять меча из вспотевшей ладони принца. Наклонившись, тот выдернул меч и вытер клинок об одежду убитого, а затем несколькими сильными пинками отбросил труп от двери.

– У меня есть, что вам сказать, братья, – произнёс он, выйдя во двор.

Илиры, оставив свои дела (ну то есть отставив свои миски), подошли к крыльцу. Едва ли пятьдесят воинов – всё, что осталось от древнего Доромионского дома.

– Наш лагерь обнаружен, и вскоре здесь будет армия. Нужно уходить. Вы спросите меня – куда? Кто-то предложит лагерь Кэйринн, но я отвечу, что это – плохая идея. Люди выследили нас здесь, выследят и там. Можно уйти на север, но согласитесь ли вы, храбрые воины, провести остаток жизни, бегая от людей по лесам?

Глухой ропот был ему ответом.

– Многие из вас лишились сегодня своих близких. Я сам потерял всю свою семью... – на мгновение принц замолчал, чтобы совладать с эмоциями. – Я знаю, что думают некоторые из вас: жизнь более не имеет смысла, и всё что мы можем – подороже её продать. Драться до последней капли крови, не надеясь победить. Я уважаю решение каждого из вас, и сразу говорю, что я позволю каждому поступить согласно велениям его сердца. Однако я предлагаю вам путь! Он будет непрост, и многим покажется странным, но это путь, который может привести к победе!

Все с удивлением смотрели на Драонна, включая и стоящую неподалёку Кэйринн.

– Я ухожу на Эллор! – провозгласил Драонн, и изумлённое молчание накрыло лагерь. – Но не затем, чтобы прятаться

там, а затем, чтобы получить в свои руки невиданное доселе оружие, которое способно будет смести людей с лица земли! Поверьте, я знаю, о чём говорю! Там, на Эллоре, живёт всемогущая сущность, именуемая Баракандом. Он призвал меня к себе, пообещав сделать величайшим магом в истории нашего народа! Он обещал, что, вернувшись, я сокрушу государства людей, сотру их в порошок! Это – наш единственный шанс, ведь пока что мы проигрываем эту войну! Люди убивают нас, и будут убивать, пока не истребят всех до единого! И даже если мы будем убивать вдесятеро больше людей – мы не сможем победить, потому что они плодятся, словно крысы. Их можно уничтожить, лишь получив силу бога. И я собираюсь это сделать! Кто со мной?

Глава 38. Корабль

Речь Драонна вызвала противоречивый отклик среди его илиров. В большинстве своём их ощущения можно описать как озадаченность. Действительно, все эти разговоры об Эллоре, некоей таинственной сущности, силе бога, и – главное – о возможности Драонна стать магом, поправ все законы бытия – это больше походило на бред свихнувшегося от горя сумасшедшего. Именно поэтому особого воодушевления его слова не вызвали.

Наверное, Драонн и сам это понимал, потому не стал требовать немедленного ответа. Он лишь распорядился о том, чтобы подготовить всё к завтрашнему погребению, а также собрать всё необходимое для того, чтобы покинуть лагерь. Тут никто спорить не стал – и то, и другое было очевидным. Дав необходимые распоряжения, он удалился в сруб, чтобы побыть со своими родными и оплакать их. Кэйринн тактично осталась во дворе.

Вирезир, к которому, видимо, другие уже относились как к старшему, подошёл к девушке после того, как перекинулся несколькими словами с илирами.

– Ты знала об этом раньше? – прямо спросил он.

– Я слышала всё впервые, как и вы, – с некоторой растерянностью пожала плечами Кэйринн.

– Как думаешь, не мог ли милорд помешаться от горя? –

всё с той же суровой прямоотой продолжал Вирезир.

– Для него это стало большим ударом, – осторожно отвечала Кэйринн. – Возможно, сейчас он немного не в себе. Но он не похож на сумасшедшего...

– К сожалению, не все сумасшедшие похожи на сумасшедших, командир, – Вирезиру было неловко, он отводил взгляд и покусывал губу.

– Но ведь в целом он прав, – попыталась защитить любимого Кэйринн. – Здесь мы оставаться, конечно же, не можем. Да и возвращаться в лагерь опасно. Здесь теперь вообще опасно. Везде. Для нас остаётся лишь бегство куда-нибудь на север, к палатийцам, или на восток – к прианурцам. Либо сражаться без малейшей надежды победить...

– Но Эллор!.. – воскликнул Вирезир. – С чего он вообще заговорил про Эллор? Какая ещё сущность, и когда это она его призвала? Быть может тогда, когда он лежал в забытьи, сражённый болью утраты? Командир, он утверждает, что может стать магом!..

Кэйринн и сама понимала, что всё это звучало как полный бред. И в глубине души очень боялась, что Вирезир прав.

– Я поговорю с принцем, – кивнула она, и, взглянув на испытующе взирающего на неё Вирезира, прибавила. – Прямо сейчас.

Она нашла Драонна в той самой комнатке, где лежали тела его родных. Он сидел прямо на полу, а одинокая свечка стояла в изголовье тел, едва освещая их лица.

– Тебя прислали узнать, не сошёл ли я с ума? – как-то бесцветно усмехнулся Драонн, не поворачивая головы.

– Если честно, то – да, – не стала скрывать Кэйринн. – Прости, что не даю тебе спокойно скорбеть о твоих близких, но время не терпит...

Драонн лишь кивнул в знак того, что всё нормально. Кэйринн восприняла это как приглашение к разговору. Она села на пол рядом с принцем, но несколько полубоком, чтобы не смотреть на лица покойников.

– Я должен кое-что рассказать тебе, Кэйр... То, о чём я не говорил почти никому, а те, кто знали – теперь уж мертвы... Это – тяжкое бремя на моей душе, которое теперь будет всё глубже тянуть меня вниз. Но ты поймёшь, что я – не умалишённый. Только поговорим об этом в другом месте...

Бережно набросив импровизированные саваны на лица усопших, Драонн покинул комнатушку, оставив свечу освещать последний земной приют его домочадцев. Во всём доме они были сейчас одни, так что не было нужды идти куда-то и таиться. Прямо здесь же, в большой общей комнате, Драонн рассказал Кэйринн обо всём, что случилось с ним с того самого времени, как к нему наведались Гайрединн и Глианн, предлагая вступить в общество Лианы.

Судя по всему, в столице сильно переоценили масштабы этого тайного общества. Конечно, Кэйринн была простой хуторяжкой, и возможно именно поэтому никогда и ничего не слыхала о Лиане, но Драонн давно уже склонился к тому, что

всё это так называемое общество было не более чем фальшивкой, декорацией, построенной специально для него, и что в рядах его, вероятнее всего, было не более полудюжины илиров. Коварный Ворониус прекрасно понимал, что ожесточённое к лиррам и испуганное воображение людей дорисует всё остальное.

Кэйринн слушала очень внимательно, с совершенно непроницаемым лицом. Драонн не только не скрывал ничего – он то и дело обличал себя, виня во всём произошедшем, однако Кэйринн никак не реагировала на это. Пока она просто слушала, оставив собственные суждения на потом. Одно ей становилось понятно – рассудок принца не был повреждён, или, во всяком случае, всё сказанное им не являлось просто бредом сумасшедшего.

– Ты думаешь, что этот Ворониус тебя не обманул? – спросила она, когда Драонн закончил свой рассказ.

– А разве это имеет значение? – устало ответил принц. – Обманул или нет – что это меняет? Здесь для меня больше ничего нет, а там у меня есть надежда. Если никакого Бараканда не существует – что ж... Умру в эллорской пустыне, а не в сезских лесах... Какая разница, если разобраться?..

– Вряд ли твоим илирам будет достаточно подобной мотивации, мой принц...

– Поэтому я и сказал, что каждый волен в своих действиях. Я освобождаю всех от вассалитета. Доромионского дома больше не существует. Если они не готовы отправиться за

мною на Эллор – я их не осуждаю, и не стану принуждать. Если потребуется – я отправлюсь один. Возможно, это было бы лучшим вариантом...

– Ещё чего захотел... – буркнула Кэйринн. – Одного тебя я не отпущу! Если ты не заметил, меня тоже здесь особенно ничего не держит...

– Так ты что – поверила в Бараканда?

– Вот ещё! Просто мне, как и тебе, всё равно где умирать. Я лишь хочу умереть рядом с тобой...

– Отличная вдохновляющая речь, – мрачно усмехнулся Драонн. – То же самое скажешь и остальным?

– Если ты позабыл, то не один ты лишился сегодня своих любимых, – угрюмо напомнила Кэйринн. – Более половины илиров там, за дверью, опустошены так же, как и ты. Думаю, для многих из них подобного объяснения будет вполне достаточно... А те, кому есть куда идти – пусть себе идут...

– Хорошо, – устало кивнул Драонн. – А теперь ступай, я хочу побыть немного с *ними* наедине...

Едва лишь рассвело, началась подготовка к погребению. Вряд ли этой ночью кто-то в лагере хоть на минуту сомкнул глаза, поэтому и не было нужды больше тянуть. Вообще для арионитов было характерно закапывать тела мёртвых в землю, но здесь почти не было подходящей для этого земли, ежели не считать землёй ту хлябь, что была вокруг, и уж

подавно не было такого количества рук, чтобы похоронить стольких убитых сразу. Поэтому тела было решено сжечь в том самом срубе, что должен был стать защищавшей их крепостью.

Лишь только рассвело, все тела перенесли на второй этаж. Первый же заполнили сухим тростником, хворостом и тем скарбом, что не могли унести с собой, но который мог гореть. В запасниках лагеря было три бочонка смоляного вара. Им облили сруб и изнутри, и снаружи. Всё было готово для огромного погребального костра.

– Я знаю, что должен что-то сказать, – проговорил Драонн, когда ему подали зажжённый факел. – Но я не знаю – что... И я не могу ничего сказать, кроме того, что рана в моём сердце никогда не закроется. Если бы я мог, я бы охотно поменялся судьбой с любым из тех, кто лежит там. Это я должен умереть, а все они – жить. Я буду оплакивать их вечно...

Слёзы потекли по щекам Драонна, но он и не думал их скрывать. Он стоял, словно раздумывая – стоит ли бросать факел в кучу сухого хвороста. Чувство, что он не успел наглядеться на любимых, что отныне он сможет видеть их лишь во снах, едва не заставляло его самому броситься туда, наверх, укрыть от их огня собственным телом. Только теперь, за минуту до того, как их тела обратятся в прах, он в полной мере сумел постичь непоправимость произошедшего. И он действительно не мог ничего больше сказать – все

его душевные силы сейчас уходили на то, чтобы заставить свою руку отпустить горящий факел.

И вот этот миг настал. Факел, капая горячей смолой, пролетел несколько футов и упал на облитую варом кучу хвороста и тростника. Тростник вспыхнул почти мгновенно, вскоре занялся и хворост, но воспрянувшее было пламя вдруг начало опадать. В срубе было мало окон, и воздуха, прошедшего через открытую дверь, было недостаточно, чтобы распалить огонь. Однако и погаснуть он уже не мог.

Огонь разгорался медленно и неохотно – эпического погребального костра явно не получалось. Из двери валил густой дым, и Драонн теперь плакал ещё и оттого, что он жёг ему глаза. Однако принц не отходил ни на шаг, вглядываясь в лениво разгорающееся пламя, словно пытаясь увидеть в нём души покинувших его жены и детей.

Лишь спустя час с небольшим рухнула крыша, и тогда пламя взвилось с новой силой, гудя в получившейся бревенчатой трубе. Стены же сопротивлялись разгулявшемуся огню больше двух часов, но Драонн этого уже не видел – как только обрушилось перекрытие второго этажа, а затем крыша, илиры покинули лагерь...

Кэйринн оказалась права – не менее двух третей илиров, бывших в лагере, согласились отправиться с Драонном на Эллор. Сказать по правде, никто из них не поверил в сказки

про Бараканда, однако, как справедливо заметила девушка, большинству из них было совершенно всё равно, куда идти. Кроме того, в этом была и личная преданность, которую бывшие вассалы Доромионского дома продолжали питать к его главе, пусть даже этого дома больше и не существовало, по крайней мере, по мнению самого Драонна.

Теперь нужно было решить, как добраться до Эллора. Очевидно, что в Шедоне, хоть он и был портовым городом, вряд ли удалось бы найти судно, способное пересечь океан, но даже если бы таковое и отыскалось – где взять команду? К сожалению, времена были таковы, что нельзя было просто явиться в город и зафрахтовать судно с командой. Правда, Драонн полагал, что в конечном итоге всё имеет свою цену, и что вряд ли судовладельцы Шедона будут более щепетильны, нежели торговцы зерном.

Именно на это был расчёт. Идея захватить судно была, конечно, весьма соблазнительна – особенно для Кэйринн и подобных ей человеконенавистников, да и для самого Драонна она выглядела довольно привлекательной, но трезвый расчёт здесь был важнее эмоциональных импульсов. Денег у Драонна было вдосталь – теперь он благодарил покойного императора Деонеда, который исправно платил ему весьма нескромное жалование даже тогда, когда сам принц бездельничал в Доромионе. В общем, даже предполагая, что судовладелец может заломить тройную, а то и четверную цену за фрахт судна до Кидуи, Драонн не опасался нехватки средств.

Для переговоров принц, конечно же, решил вновь использовать Кэйринн – у неё ведь так удачно получилось договариваться о зерне. Осторожно, избегая трактов и даже небольших дорог, отряд лирр направился к Шедону. Правда, не в полном составе. Около двадцати илиров, или чуть меньше, решили не покидать Паэтту. Среди них, в основном, были члены отряда Кэйринн, и большинство из них не были вассалами Драонна. Они решили вернуться в свой лагерь и продолжать партизанскую войну. Их никто не стал удерживать, более того, и Кэйринн, и Драонн пожелали им всяческих успехов, впрочем, не слишком рассчитывая, что пожелания эти сбудутся.

В итоге всё получилось именно так, как и ожидал Драонн. Ловкая и хитрая Кэйринн, без особых проблем пробравшаяся в портовую часть города, сумела отыскать подходящего судовладельца – не слишком крупного и зажиточного, но при этом имеющего судёнышко, способное, пусть и без комфорта, перевезти четыре десятка илиров. Сочетание страха за свою жизнь и жадности привело к ожидаемым результатам – запросив за путешествие от Шедона до Киная столько, что обычным пассажирам этих средств хватило бы на путешествие вокруг всего континента, судовладелец согласился найти подходящее судно и слепоглухонемых матросов, которые не станут задавать лишних вопросов.

Два дня илиры ждали в укромном месте на побережье, укрываясь среди скал. Драонн всё опасался подвоха, ожидал

легионеров, нагрянувших на убежище благодаря наводке судовладельца. Но ничего этого не случилось – как и прежде, жажда наживы оказалась сильнее.

Лунной ночью дозорные заметили шхуну, бросившую якорь примерно в двух кабельтовых от берега – в этом месте было полно подводных камней и мелей, так что даже относительно небольшой корабль не мог подойти ближе. На шхуне горели два фонаря, которые, впрочем, тут же погасли, как только заметили ответный сигнал с берега. А через четверть часа илиры услышали плеск вёсел о воду. Две довольно большие шлюпки приближались к берегу, управляемые четырьмя матросами каждая.

Но даже в такие шлюпки все сорок илиров поместиться не могли, так что пришлось сделать две ходки. Илиры поначалу закрывали лица, но вскоре поняли, что матросам действительно плевать, кого они везут – они даже не глядели на своих пассажиров, и не делали никаких попыток заговорить. Деньги волшебным образом превращали людей в терпимых ко всему философов.

Шкипер, получив задаток, тут же приказал поднимать якорь, пообещав через три-четыре дня прибыть в устье залива Дракона. Он тоже не выказывал никакой неприязни к своим пассажирам, но и не стремился вступать в диалог. Однако Драонну нужно было с ним поговорить, несмотря на то что ему это тоже было не слишком-то приятно.

– Скажи, приятель, как бы мне добраться до Эллора? –

нейтральным тоном поинтересовался он.

– Для этого нужна шхуна побольше и покрепче, чем эта, сударь, – усмехнулся шкипер. – Эта хороша только для каботажа.

– Найду ли я нужное судно в Кинае?

– Без сомнения, сударь, только вот найдёте ли вы там желающих переправить вас через океан – вот в чём вопрос... Не думаю, что вам удастся договориться с тамошними судовладельцами, да и лето подходит к концу – до Эллора вы, быть может, ещё успеете добраться до штормов, но возвращаться-то придётся уже в самую осень...

– Может, есть какие-то вольные шкиперы, которые не задают много вопросов и готовы будут за отдельную плату перезимовать по ту сторону океана?

– Может и есть, но я ничего о них не знаю. Мне нечасто приходилось бывать в Кинае, я мало кого там знаю. Проще всего было бы потолкаться в тавернах и поспрашивать, но для вас ведь это не вариант, – усмехнулся капитан.

– Можешь сделать это для меня за дополнительную плату?

– Простите, сударь, да только жизнь у меня одна. Я и так здорово рискую сейчас, а уж расспрашивать под боком у императора за лирр – увольте!..

– А не знаешь, что случилось с теми лиррами, что владели судами в Кинае?

– То же, что и со всеми прочими, – темнота скрывала лицо капитана, но Драонн по голосу слышал, что тот ослабился. –

Перебили, небось, кого поймали. Остальные разбежались.

– А корабли?.. – Драонн стиснул кулаки, стараясь говорить спокойно.

– Думаю, перешли в собственность его величества. Может, кто-то успел отвести их из порта, и теперь пиратствует... Этого я, сударь, знать не могу. Этим летом я ещё не бывал в тех местах.

– Я понял, – даже не прощаясь, Драонн отправился к входу в трюм, где было оборудовано нечто вроде большой каюты для его илиров и для него лично.

Кстати, несмотря на то что Драонну предлагали отдельную каюту, он, естественно, отказался, предпочитая делить вонючий и неудобный трюм с остальными лиррами. Ему не хотелось в один прекрасный момент проснуться с перерезанным горлом. На шхуне было около двух десятков матросов, потому они вели себя смирно, понимая, что сорок с лишним лирийских воинов перебьют их в один момент, но испытывать судьбу всё же не стоило.

– Не волнуйся, мой принц, мы что-нибудь придумаем, – заверила Кэйринн, которая стояла возле люка в трюм и слышала весь разговор. – Если твой Ворониус прав – мы неизбежно попадём на Эллор.

Драонн в ответ лишь скрипнул зубами, вновь вспомнив о том, *чего* ему стоила эта неизбежность...

Как и было обещано, на четвёртый день ближе к вечеру на горизонте показались очертания Киная, раскинувшегося по прибрежным скалам. В этот день шхуна шла лишь на одном парусе, чтобы не прибыть раньше срока и не маячить в светлое время суток в виду берега. Так же как и при посадке, шкипер дождался ночи, прежде чем пристать к берегу. Здесь море было куда глубже, так что шхуна бросила якорь всего в каких-нибудь двух сотнях футов от отвесного берега, вдоль которого шла лишь узкая полоска суши, покрытая галькой.

Честно расплатившись с капитаном, Драонн со своими илирами сошёл на берег. Затем им пришлось пройти около четырёх миль к югу, прежде чем они сумели подняться наверх. Здесь, в самом сердце империи, нужно было быть сто-крат осторожнее, чем в родной Сеазии. Один неверный шаг мог стоить всем жизни. Необходимо было найти какое-то укрытие до тех пор, пока не появится определённая с ко-раблём.

Илиры находились теперь в одном из наиболее густозаселённых районов империи, так что людские деревушки были тут буквально повсюду. Большой отряд незнакомцев быстро привлёк бы внимание, поэтому, пользуясь темнотой, нужно было успеть добраться до леса. Конечно, и там велик шанс наткнуться на охотника, лесоруба или сборщика хвороста, но всё же лирры не зря долгие сотни лет жили в лесах до прихода людей, и они ещё не всё позабыли, несмотря на тысячелетия, проведённые в домах и замках.

Но укрыться от людей было ещё половиной дела, причём далеко не самой сложной. Куда сложнее было отыскать корабль. Здесь, в Кинае, и речи быть не могло о том, чтобы вломиться в дом к судовладельцу и соблазнить его посулами неслыханных барышей. Да и проникнуть в город было куда сложнее, чем в Шедон. С людьми здесь вообще договариваться было бесполезно, и Драонн это хорошо понимал.

Значит, нужно было искать лирр. На ум сразу же приходил покойный Лиарон Эрастийский, а точнее – его потомки. В былые времена Лиарон владел несколькими судами, в том числе и способными переплыть океан. Однако теперь сложно было сказать, что случилось с этими илирами, и что случилось с их флотом. И спросить было не у кого.

– У меня есть лишь одна идея, – сообщил Драонн своей неизменной спутнице. – Нужно отправиться в имение Лиарона Эрастийского. Скорее всего, оно разрушено и разграблено, но, думаю, если кто-то уцелел из этого дома, то они так или иначе приглядывают за руинами. Мы оставим знак, и будем надеяться, что с нами кто-то свяжется. Других вариантов я не вижу.

– Я думаю, что это бессмысленно, – покачала головой Кэйринн. – Если кто-то и выжил, они уже где-нибудь в Лиррии...

– Если кто-то выжил и при этом сумел спасти корабли, то им нужна будет укромная гавань, и они так или иначе будут где-то поблизости. Эрастий стоит на самом побережье. Нам просто нужно дать такой знак, чтобы увидевшие его сразу

могли бы понять, что их ищут.

– Костры?

– Я тоже об этом подумал. А ещё начертим знак Доромионского дома. Если кто-то придёт, чтобы посмотреть в чём дело, они обязательно поймут.

– А если придут люди?

– Сомневаюсь, что они разбираются в лиррийской геральдике... В любом случае, пока что это всё, что у нас есть.

– Что ж, тогда давай так и сделаем. Далеко ли до замка?

– Не думаю... Я не знаю точного положения, но подозреваю, что до него будет всего несколько миль. Нужно отправить кого-то вдоль побережья.

– У меня есть как раз те, кто нужен, – кивнула Кэйринн.

Она на минуту отлучилась, а затем вернулась с двумя илирами – бывшие вассалы Драонна, которых он отпустил в отряд Кэйринн. Драонн коротко описал им то, что от них требуется. А требовалось им разыскать Эрастийский замок, а точнее – его руины, на каком-нибудь не слишком приметном, но видном месте начертить знак дома Доромионов, а ночью развести один, а лучше несколько больших костров, чтобы их было видно и с суши, и с моря. А затем ждать. Каждый день им нужно будет возвращаться и докладывать.

Илиры подтвердили, что всё поняли, и растворились в негустой уже темноте предрассветной ночи. В тот же день к полудню они вернулись и сообщили, что замок расположен всего в трёх милях от их убежища. Это была хорошая но-

вость. Разведчики сообщили, что в самом замке и его окрестностях никого нет. Сам замок довольно сильно пострадал, но мощные стены выдержали, хотя внутри полная разруха. Кажется, оттуда вынесли всё, что только можно было. Тем не менее, там нашлось достаточно мусора, чтобы разжечь четыре больших костра.

После этого илиры сразу же удалились – находиться рядом было опасно. Теперь им нужно было вернуться туда через некоторое время и посмотреть, не ответил ли кто-то на оставленное послание.

Так продолжалось почти неделю. Драонн уже начал терять надежду на то, что эта задумка принесёт хоть какие-то плоды, да и с каждым днём предприятие становилось всё опаснее. Рано или поздно люди заинтересуются, почему это на развалинах лиррийского замка ночью сами собой вспыхивают костры. Кэйринн, как могла, поддерживала принца, заверяя, что нужно просто подождать, хотя по её глазам Драонн видел, что она сама не очень-то верит в результат.

И вот на шестой день, когда Драонн уже почти перестал ждать, разведчики вернулись и сообщили, что рядом со знаком Доромиона появился другой символ – знак Эрастийского дома.

Глава 39. Принц Эйрин

В эту ночь на развалинах Эрастийского замка не горели костры. Более того – небо было затянуто плотными облаками, и то и дело начинал сеять дождь. Однако это было как нельзя более кстати для дюжины илиров, притаившихся неподалёку от крепостной стены, которую не сумели разрушить озверевшие нападающие. Как и всегда, местность вокруг замка была очищена от деревьев, однако в этом году по вполне понятным причинам земли были бесхозными, и трава на них бушевала в своё удовольствие, так что укрыться здесь мог бы даже и не самый ловкий из людей, не говоря уж о лиррах.

Драонн, Кэйринн, а также десяток бойцов половчее и поопытнее рассыпались в небольшом удалении друг от друга, наблюдая за подступами к замку и, главное, за проёмом ворот. Сами крепостные ворота были снесены, могучие петли выворочены, вырваны из камня, ров засыпан так, что никакой мост более не требовался. Такую цену платили лирры по всей империи за существование мифического общества Лианы и за подстроенное убийство императора.

Драонн, когда ему сообщили о знаке, сразу понял, что кто-то прочёл его послание и ответил на него. Это, конечно, могли быть и люди, но принц считал вероятность этого невеликой, хотя уже много раз убеждался в тонкости и изошрённо-

сти человеческого коварства и хитрости. В общем, несмотря на риск, он должен был отправиться этой ночью сам.

Признаться, Драонн не слишком-то опасался засады ещё и потому, что довольно равнодушно относился теперь к собственной жизни. Кажется, временами, в минуту наибольшего уныния, он даже хотел в глубине души, чтобы это была ловушка, и чтобы сегодня наконец всё закончилось.

Однако пока он, так же как и остальные, молча и не шевелясь ожидал. Минула полночь, прошёл ещё час, и ещё... То и дело накрапывающий дождь и почти уже осенняя прохлада не давали клевать носом, но всё же ожидание становилось всё более тягостным.

Вдруг на дороге, ведущей к замку, появились три фигуры. Они шли настороженно, но не таясь – понимая, что их ожидают и должны увидеть. То ли по случаю дождя, то ли из предосторожности фигуры были наглухо укрыты плащами с капюшонами. Несмотря на то, что Драонн был убеждён, что это – именно те, кого они ждут, проявлять себя он не спешил.

Дойдя до выломанных ворот, незнакомцы остановились. Внутри они не заходили. Постояв немного у входа, они прислонились к серой стене, совершенно скрывшись на её фоне, и остались ждать. Они были уверены, что Драонн их видел, и теперь давали понять, что они – не просто какие-то случайные гуляки.

Выждав ещё не менее четверти часа, Драонн наконец поднялся из травы. Почти мгновенно за ним поднялась находя-

щаяся рядом Кэйринн, а чуть позже из травы выросли ещё десять фигур. Принц медленно, не делая резких движений, направился к поджидавшим его незнакомцам.

– Поговорим внутри? – безо всяких предисловий предложил один из троицы, когда Драонн со своими илирами подошли достаточно близко.

– Ведите, – так же коротко ответил принц.

Полтора десятка лирр молча прошли во двор замка, а затем вошли в сам особняк, хотя обстановка там не слишком-то располагала к беседе. Но, по крайней мере, их теперь не могли увидеть чьи-нибудь случайные глаза.

– Я не ошибусь, если предположу, что вы – принц Драонн Доромионский? – заговорил всё тот же незнакомец.

– Вы не ошибётесь, – заверил Драонн. – Окажете ли честь, назвав своё имя?

– Я – Пеллиан Буаон, вассал и доверенное лицо принца Эйрина Эрастийского, – поклонился в ответ илир, откидывая плащ с лица. – Явился по его приказу, чтобы поговорить с вами и узнать, что вам нужно.

– Мне нужно увидеть вашего господина и поговорить с ним.

– Вы же понимаете, милорд, сейчас идёт война, и мой сеньор вынужден быть осторожным. Мы не можем, при всём моём уважении, вот так вот сразу препроводить вас к нему. Вы должны это понимать. Ведь, говоря начистоту, вы покамест даже не представили доказательств, что вы – это вы.

Тон посланника был безупречно вежлив, в нём не было и грана желания унижить или оскорбить, а потому даже горячая Кэйринн не вспыхнула, услышав подобные слова. Тем более что их правота была вполне очевидна.

– Вы правы, лорд Пеллиан, – кивнул Драонн. – И я несколько не обижен вашими словами. Более того, не проявив подобной осмотрительности, я бы, чего доброго, заподозрил неладное. Вот. Это знак моего дома. Мне он достался от покойного отца, а ему – от его отца, и так далее.

Драонн протянул медальон, который он заранее предусмотрительно снял с шеи.

– Благодарю, милорд, – Пеллиан с поклоном вернул драгоценную вещицу, осмотрев её прямо в темноте благодаря остроте лиррийского зрения. – Теперь я убеждён в том, что это действительно вы. Но я по-прежнему не уверен, нужна ли милорду Эйрину эта встреча. Прошу прощения, милорд, но о вас говорили всякое...

– Могу себе представить, – невесело усмехнулся Драонн. – Но могу вас уверить, что большинство того, что обо мне говорили – неправда. В данный момент мой родовой замок, скорее всего, уже разорён, а вся моя семья погибла... Я претерпел от людей не меньше, чем ваш сеньор...

– Простите меня, ваше высочество, – вновь поклонился Пеллиан. – Я скорблю о вашей утрате... Здесь ничего не известно об этом. Мы знаем, что в Сеазии сейчас войска, но это всё...

– Там дела очень плохи, друг мой. Несколько замков уже взяты, а остальные будут захвачены рано или поздно. Причём, скорее рано...

– Боюсь, не самое удачное место вы выбрали, чтобы укрыться от проблем, милорд, – покачал головой Пеллиан.

– Я не собираюсь укрываться от проблем, лорд Пеллиан, – отчеканил Драонн. – Я собираюсь решать их. И для этого мне как раз и требуется ваш господин.

– Снова создаёте департамент по примирению? – в голосе илира всё равно пробивалась тщательно скрываемая ирония.

– Простите, *сударь*, – с нажимом произнёс принц, словно ставя зарвавшегося Пеллиана на место. – Но я не уверен, что вы уполномочены обсуждать со мной то, о чём я буду говорить с вашим хозяином.

Последнее слово тоже звучало излишне резко, но Драонн чувствовал, что должен немного сбить спесь с этого «доверенного лица». Трудно сказать – обиделся ли Пеллиан. Судя по всему, он привык к тому, что с ним считаются окружающие – видимо, действительно был весьма приближен к принцу Эйрину. Но всё же Драонн не считал нужным дальше дискутировать со слугой, тогда как ему нужен был хозяин.

– Не без гордости скажу, ваше высочество, что принц Эйрин доверяет мне практически все свои дела. И он уполномочил меня выяснить, для чего вы ищете с ним встречи. Как видите, я не отступаю от указаний своего... хозяина.

Значит, всё-таки обиделся... Что ж, эта беда вполне по-

правима на фоне всех других, свалившихся на голову Драонна в последнее время, так что ею можно будет заняться позже. Однако же не стоит искать недругов там, где их может и не быть. Да и принц ни на секунду не усомнился в словах Пеллиана.

– Простите мне мои резкие слова, друг мой, – заговорил он. – Я не хотел вас обидеть. И коль уж принц Эйрин доверяет вам всецело, доверюсь и я. Мне нужен корабль, чтобы добраться до Эллора. И об этом я хотел просить вашего господина.

– Даже если бы я гадал тысячу лет, то не додумался бы до подобного! – удивлённо произнёс Пеллиан. – Но как можно, находясь на Эллоре, решить проблему здесь?..

– Есть способ, – отрезал Драонн. – Я не хотел бы сейчас говорить об этом – здесь не то место и не то время. Вы узнаете всё от принца Эйрина, коль скоро вы его доверенное лицо.

Возразить на это было нечего, и Пеллиану осталось лишь молча поклониться.

– Что ж, следуйте за нами, милорд, – затем произнёс он. – Надеюсь, вас не смущает небольшое морское путешествие?

– Не беспокойтесь, – сухо ответил Драонн. – Я привычен.

– Однако все ваши илиры не поместятся на нашем судёнышке.

– Все и не нужны. Я возьму с собой троих, остальные отправятся в наш лагерь.

– Это приемлемо, – кивнул Пеллиан.

Стоит ли говорить, что в число этих троих попала Кэйринн? Надо сказать, что в свободном плаще, накинутом на лицо капюшоне, она ничем не выдавала в себе девушку. За всю короткую беседу она не проронила ни слова, так что Пеллиан и его спутники остались в неведении в отношении неё.

Отдав приказ остальным возвращаться и ждать, Драонн и трое его сопровождающих направились следом за троицей провожатых. Они дошли до побережья, прошли вдоль него с полмили, пока слуги или вассалы Эйрина Эрастийского вдруг не свернули на какую-то неприметную тропку, сбегаящую с довольно крутых каменистых скал вниз, к узкому галечному пляжу. Даже ловким лиррам было сложно спуститься по этой тропе, более подходящей для горных коз.

Спустившись, пошли дальше – ещё ярдов триста или четырёхста к югу. Затем Пеллиан с товарищами указали на расщелину в скале. Оказалось, там пряталось то самое судёнышко, о котором он говорил. Это была обычная шлюпка с четырёх вёслах – такая, какие обычно используют на военных судах для высадки. В неё могло вместиться десять-двенадцать бойцов. Двое илиров стерегли шлюпку, укрываясь в той же расщелине. Вместе они пятером перетащили её на воду.

– Прошу, милорд, выбирайте места по вкусу, – произнёс Пеллиан. – Путь будет неблизкий.

Лишь с рассветом шлюпка вновь причалила к берегу. Пеллиан не зря спрашивал у Драонна о переносимости морских путешествий – плавание на небольшой лодке имело мало общего с путешествием на шхуне. Плохая погода вызвала волнение на море, и судёнышко с девятью лиррами на борту весьма ощутимо болтало.

Драонн крепился, но чувствовал довольно сильную дурноту. Кэйринн, судя по всему, чувствовала себя немногим лучше – она сбилась в небольшой клубочек на корме и почти не подавала признаков жизни. Илиры, сидевшие на вёслах, предлагали ей (всё ещё не догадываясь, что перед ними девушка) пересесть поближе к центру лодки, где волнение ощущалось чуть меньше, но упрямая воительница лишь покачала головой.

Места, где причалила шлюпка, были куда более дикими, чем окрестности Кидуи. Здесь уже леса вплотную подступали к берегу, взбираясь на скалы, словно желая увидеть, что же находится там, за горизонтом. И поселений тут было, естественно, гораздо меньше – люди проигрывали в схватке с лесом. В общем, эти места как нельзя лучше подходили для тайных убежищ изгоев, коими теперь стали лирры.

Убежищем Эйрина Эрастийского оказалась небольшая пещера, которую тысячелетиями вымывала в скальной породе вода. Она была хорошо укрыта лесом и кустарниками, так что отыскать её было сложно – можно было ходить в десяти шагах от её узкого входа и даже не догадываться об этом.

Ни одна сломанная веточка, ни одна примятая травинка, ни один остывший уголёк не выдавали того, что это место обитаемо.

В пещере оказалось всего около двух десятков илиров – не так много, как ожидал Драонн. Небольшой костёр из очень сухих веток почти не давал дыма. Над костром висел котелок, а вокруг сидело несколько мужчин, весело о чём-то разговаривающих. Остальные занимались своими делами то тут, то там – кто-то вроде как дремал, кто-то чистил оружие, кто-то даже читал. Один из илиров, сидящих у костра, почтительно вскочил, заметив гостей.

– Милорд Драонн, я полагаю? – воскликнул он, поспешно идя навстречу. – Для меня огромная честь приветствовать столь легендарного илира в своём дворце!

Драонн попытался угадать, была ли в этих словах насмешка – ведь если он назвал пещеру дворцом, вполне мог быть столь же саркастичен и в словах о легендарном илире. Царящая в пещере полутьма скрывала черты лица принца Эйрина, так что ничего нельзя было сказать наверняка.

– Я также рад познакомиться с вами, милорд Эйрин, – учтиво ответил он. – Я был знаком с вашим отцом – он был весьма достойным илиром, – здесь, признаться, Драонн слегка слукавил. – Я вместе с вами скорблю об утрате.

– Он умер уже давно, – легкомысленно отмахнулся Эйрин. – Я давно смирился. Прошу вас, милорд, к нашему огню. Скоро будет готов завтрак. Мы ждали гостей и хорошо

подготовились. Косуля, тушёная с корнями ягнятника – просто объедение!

Драонн понятия не имел, что это за ягнятник, и каковы на вкус его корни, но он был голоден, а от костра действительно распространялся весьма соблазнительный аромат тушёного мяса и дыма. Поэтому он последовал приглашению, а вслед за ним – и его спутники. Сидящие у костра илиры с готовностью расступились, уступая место гостям.

– Должен сказать, я был весьма удивлён, когда мне доложили, что кто-то упорно поджигает мой бедный дом, – усевшись на широкий чурбак, заговорил Эйрин. – Признаться, я думал, что это какие-то окрестные шалопаи, всё ещё не смирившиеся с тем, что я ускользнул от их вил и батогов. А потом мне вдруг говорят, что на стене замка появился знак Доромионов. Тогда я смекаю, что вы хотите со мной встретиться. Однако же, что вы делаете здесь, в окрестностях Кидуи? Признаться, когда вы исчезли после убийства Риона, я думал, что вы укроетесь у себя в Сеазии...

– Ещё неделю назад я был там, – ответил Драонн, решив сразу перейти к делу. – Но сейчас там армия, мой замок захвачен, а большинство моих илиров, включая жену и двоих детей – убиты...

– О, простите, милорд, я не знал... – от бывшего насмешливого тона Эйрина не осталось и следа. – Примите мои соболезнования.

– Спасибо, – сдержанно кивнул Драонн. – В общем, в Се-

азии для меня больше не было будущего – разве что ввязаться в какую-нибудь бессмысленную стычку с легионерами и глупо погибнуть. Но я выбрал другой путь – более сложный, однако, быть может, ведущий к победе.

– О какой победе вы говорите? – поинтересовался Эйрин. – Я спрашиваю, потому что лично для меня теперь каждый прожитый день – уже победа. Если бы вы видели, как я улепётывал от этих деревенщин – вы, право же, расхохотались бы. Зрелище было просто уморительное!.. Так о какого рода победе говорите вы, милорд?

– О той победе, когда наш народ больше никогда не будет терпеть урона от людей. Когда люди либо вовсе исчезнут из этого мира, либо будут жить в глубоком страхе, что мы невзначай заметим их ничтожное существование.

– Ого! – Эйрин даже хлопнул себя по ляжке. – Вот это неожиданность! Признаться, в самых своих смелых мечтах я даже на тысячу лиг никогда не подбирался к подобным мыслям! Поистине, милорд, вы – самый необычный илир, какого я знаю! Мой отец, помнится, говорил о вас, что вы – большой оригинал, но я даже не думал, что настолько! Но как вы достигнете такого положения вещей, ведь пока оно, прямо скажем, совершенно обратное?

– Положению вещей свойственно меняться, друг мой, – осознанно или нет, но Драонн понемногу перенимал стиль общения своего собеседника. – Например, вот сейчас я ужасно голоден, но как только вы угостите меня обещанным рагу

– положение вещей изменится кардинально, и я больше уже не буду голоден. Более того, я буду сыт.

– Так исправим же это недоразумение поскорее! – расхотался Эйрин. – Эй, Ривви, готово ли там у тебя?

– Жду только вашего слова, милорд, – ухмыльнулся малый, которого называли Ривви, и тут же снял крышку с котелка.

Вместе с густым облаком вырвавшегося из-под крышки пара илиров окутал восхитительный аромат тушёного мяса. У сидевшей рядом Кэйринн так громко заурчало в животе, что некоторые илиры, не сдержавшись, рассмеялись. Сама Кэйринн, сконфузившись, сперва съёжилась ещё сильнее, но затем вдруг скинула капюшон, который всё ещё скрывал её лицо. Увидев нежные женские черты лица, насмешники осеклись.

– Представьте вашу прекрасную спутницу, милорд! – воскликнул Эйрин, который, кажется, сразу же попал под очарование молодой девушки. – Простите, сударыня, моих мужланов! Но мы не знали, что среди нас находится столь восхитительный цветок!

– Меня зовут Кэйринн, я – дочь простых фермеров, так что его высочеству нет нужды представлять меня, – процедила девушка. – И меня несколько не задела невоспитанность ваших илиров. Если уж они сами могут с этим жить, так и я как-нибудь потерплю!

– О, да у этой розы стальные шипы! – восхищённо прого-

ворил Эйрин. – Сударыня Кэйринн, вы похитили моё сердце!

– Должно быть, это вышло случайно, потому что мне оно совершенно ни к чему, – буркнула Кэйринн. – Я предпочла бы ему хорошую миску горячего рагу!

Пещера просто взорвалась от хохота. Если бы сейчас неподалёку случился отряд разведчиков – укрытие было бы обнаружено. Надо отдать должное принцу Эйрину – он хохотал наравне со всеми. Смеялся даже Драонн, хотя в последнее время даже улыбка была редкостью на его лице.

Первую же миску, которую Ривви щедро наполнил до краёв, положив побольше мяса, он передал девушке. Вторую получил Драонн, затем – Эйрин, а затем и все остальные. Драонн с интересом изучил содержимое глубокой тарелки. Те самые корни ягнятника оказались чем-то похожими на варёную морковь, только чуть более волокнистые и не такие сладкие. Впрочем, они придавали блюду приятный пряный вкус, да и сами были весьма недурны. Жаль, что этот ягнятник не растёт в окрестностях Доромиона, – подумалось принцу, но он тут же вспомнил, что теперь это уже не имеет никакого значения.

Рагу было действительно вкусным, его было вдоволь, так что вскоре, как и предрекал Драонн, положение вещей хотя бы в этом отношении приятно изменилось – он наконец ощутил восхитительную сытость. К тому времени Ривви уже помешивал над огнём другой котелок, откуда волшебным пах-

ло малиной и какими-то травами.

– Полагаю, теперь мы можем вернуться к нашему разговору? – отставляя миску, осведомился Эйрин.

– С удовольствием, – после бессонной ночи у Драонна теперь было ужасное желание прилечь и уснуть хотя бы на два-три часа, но такую роскошь он не мог себе позволить. В конце концов, это он пришёл к Эйрину за помощью. – Итак, мы закончили на том, что у нас есть возможность победить людей окончательно и бесповоротно. То, что я расскажу сейчас, может показаться вам странным, а может даже и безумным, но я всё же попрошу выслушать до конца.

– О, милорд, после я расскажу вам о том, как получил вот этот шрам, – усмехнулся Эйрин, показывая широкую белую полосу, тянущуюся от запястья почти к самому локтю. – И мы посмотрим, чья история окажется более безумной!

– Я могу говорить прямо здесь, свободно, или лучше будет нам поговорить наедине?

– О, милорд, если бы вы знали, какой я болтун! Даже если вы расскажете мне всё наедине, боюсь, не позднее чем к завтрашнему вечеру все мои ребята будут в курсе этого разговора! Так что давайте сэкономим всем время!

– Как хотите, – пожал плечами Драонн. Ему действительно было абсолютно всё равно, пусть даже все они потом дружно назовут его сумасшедшим.

Как и недавно с Кэйринн, он начал с самого начала, рассказав обо всём, включая убийство императора Риона. По-

трясённая тишина повисла в пещере, так что хорошо было слышно, как где-то капает сочащаяся с потолка вода. Даже Ривви позабыл о бурлящем котле с малиновым отваром, слушая рассказ принца Драонна, который, услышь они его от кого-то другого, сочли бы выдумкой.

– И поэтому мне нужен корабль, чтобы достичь Эллора, – закончил Драонн. – Если всё, что говорил Ворониус – правда, то через некоторое время я вернусь уже для того, чтобы карать людей за всё то, что они сотворили.

– Да уж, милорд! Кажется, вы были правы – более безумной истории я в жизни своей не слышал... – ошарашенно произнёс Эйрин. – Но вам не кажется, что словам этого старого ворона никак нельзя верить? Простите, но это слишком уж похоже на сказку!

– Да, мне тоже так кажется, друг мой. И что прикажете делать? Махнуть рукой и вернуться домой, под пики имперских легионеров? Забыть, что моя жена и мои дети погибли от рук людей? Опустить руки? Броситься в одиночку на целый легион? Что вы посоветуете, принц Эйрин? Какой из этих вариантов кажется вам предпочтительнее попытки переломить ход войны? Пусть даже и самой призрачной? Даже если это один шанс на миллион – что с того? Он же есть! Мне так долго не везло в последнее время, милорд, что в этот раз может и повезти!

– Да, если смотреть с этой стороны, то всё и правда кажется не таким уж странным, – почесал подбородок Эйрин. –

Вот что, милорд. Думаю, вы сейчас очень хотите спать. Давайте вы покамест поспите, а я обмозгую всё. Да, такой корабль у меня действительно есть, но – вы же понимаете, я не могу так просто отправить его на Эллор! Кроме того, меньше чем через месяц наступит осень. Даже если отправиться сейчас – хорошо, если получится добраться туда до штормов... А уж назад и вовсе не вернуться...

– Хорошо, милорд, подумайте. А я бы действительно поспал. Кажется, я уже засыпаю сидя.

– В этом нет нужды. Там, в углу, целый ворох шкур. Выбирайте себе любую, и укладывайтесь там, где душе угодно. То же касается и госпожи Кэйринн, и остальных ваших спутников.

– Благодарю, принц Эйрин, – Драонн встал и отправился туда, куда указал илир.

– Вы так и не поведали свою безумную историю, откуда у вас этот шрам, – напомнила Кэйринн.

– О, вы правы, сударыня! Что ж – меня подрал заяц, – невозмутимо ответил принц. – Он попал в силоч, я схватил его за уши, а он задёргался и когтем задней лапы распорол мне руку.

– Да уж, это просто верх безумия, – фыркнула Кэйринн и направилась вслед за Драонном.

Глава 40. Эллор

Драонн проснулся, не чувствуя себя особенно отдохнувшим. В пещере было всё так же темно, и понять день сейчас или ночь было невозможно. Костёр всё так же бездумно горел шагах в двадцати от принца, всё так же часть илиров вроде как дремала, а часть – бодрствовала. Драонн сел и огляделся. Кэйринн всё ещё спала в двух шагах от него, двое илиров из его сопровождения – тоже.

Протерев глаза, принц встал. Зашевелилась Кэйринн – сон её был неглубок. Драонн направился к костру. Заметил Ривви, строгающего какие-то сухие корешки в небольшой холщовый мешок. Поскольку он был единственный из местных, кого он знал кроме самого Эйрина, да ещё этого зазнайки Пеллиана, то обратился он именно к нему.

– Где принц Эйрин?

– Вышел, скоро будет, ваше высочество, – широко улыбнувшись, ответил добряк Ривви. – Не желаете ли покушать?

– Хочется пить...

– Вот, попробуйте, малиновый отвар моего собственного изобретения. Так набаловал этих сладкоежек, что они теперь ничего другого и пить не желают!

Драонн с благодарностью принял кружку с тёплым напитком. Отвар действительно был превосходен, и к тому же здорово прочищал голову. Ривви тем временем налил вторую

кружку Кэйринн, тенью следующей за своим принцем.

– О, вижу вы уже проснулись? – раздался голос Эйрина.

– Долго я спал?

– Достаточно, чтобы я успел всё обдумать, милорд. Но, думаю, что недостаточно для того, чтобы выспаться.

– Вы правы, но это подождёт. Итак, что вы решили?

– Знаете, милорд, если думать обо всём этом, так сказать, без контекста, то это выглядит полнейшим бредом, и вроде как даже и думать-то не о чем. То, что вы рассказывали сегодня утром, похоже на сказку больше, чем те несуразицы, которыми в детстве потчевала меня моя старая дура-кормилица. Да и переплывать Западный океан под самый конец лета – тоже очень смахивает на безумие. Опять же – даже добравшись до берегов Эллора, совершенно очевидно, что в этом году обратно судно уже не вернётся, а это значит, что морякам придётся зимовать в этом богами забытом месте, пусть даже и климат там довольно мягкий.

– То есть, вы мне отказываете?

– Без сомнения отказал бы, если бы, как я уже говорил вначале, не учитывать контекст. Хотите ли знать мой контекст, милорд?

– Да, если это поможет добиться результата.

– Вы мне нравитесь своей прямоотой, милорд! – хохотнул Эйрин. – Так вот, – подумал я, когда вы улеглись спать. Что я делаю здесь? Надеюсь ли я однажды вернуться в родовое гнездо? Нет, да даже если бы это и стало возможным – по-

требуется прорва денег и времени, чтобы сделать его снова хоть немного более уютным, чем эта пещера. Надеюсь ли я, что однажды эта война закончится, причём не тем, что погибну я и все мои сородичи? Тоже нет. Знаете, милорд, я заметил одну неприятную особенность нынешней войны. В этот раз люди упорно не желают делить лирр на хороших и плохих. Нет никаких лоялистов, и нет никакой возможности ими стать. А это значит, что я либо встречу старость в этой пещере... нет, я не жалуясь, здесь уютно, да и вид преотменный, но всё же иной раз я начинаю задумываться – а чем я теперь, собственно, отличаюсь от обычного барсука кроме того, что предпочитаю ходить в подштанниках? В общем, либо я умру от старости в этой пещере, а это может случиться ещё лет через двести – в нашем роду много долгожителей; либо же меня убьют в лучшем случае мечом, а в худшем – какой-нибудь ржавой косой, или того хуже – мотыгой... Ни то, ни другое мне не улыбается, милорд.

– Что ж, это меня определённо радует, и полностью гармонирует с моими представлениями о происходящем, – Драонн чуть поморщился, вновь ловя себя на том, что бессознательно перенимает стиль общения Эйрина.

– Путешествие через океан? Я нахожу это превосходным способом скоротать время. Признаться, меня не раз посещали мысли побороздить просторы океана, подышать солёным ветром, послушать пение русалок... Я бы так и сделал, если бы не боялся нарваться на фрегаты его императорского ве-

личества. Вот и получается, что мои корабли гниют в бухте к югу отсюда, а я гнию здесь. Так что, милорд, я не только дам вам корабль – я лично отвезу вас куда скажете! Думаю, что и мои ребята не откажутся прокатиться. Правда, большинство из них сейчас там, на судах, но я могу поручиться за них.

– Благодарю вас от всего сердца, милорд Эйрин! – произнёс Драонн, протягивая принцу руку.

– О, если всё, что наговорил этот Ворониус – правда, то это я буду благодарить вас, принц! – Эйрин ответил крепким рукопожатием. – Да даже если и неправда... Вы встряхнули меня, вернули смысл жизни. Так что и я хочу сказать вам спасибо, милорд!

– Отлично! А вместит ли ваше судно четыре десятка пассажиров?

– Вместило бы и вдвое больше! – заверил Эйрин. – Конечно, отдельную каюту каждому не обещаю, но трюм большой – места всем хватит!

– О большем и не прошу, – кивнул Драонн.

Тайная бухта, в которой Эйрин прятал свои корабли, находилась аж в сорока с лишним милях южнее его пещеры. Побережье в тех местах было изрезано множеством фьордов, усеяно огромным количеством небольших скалистых островков, так что при желании там вполне можно было бы спрятать целый императорский флот. Принц Эрастийский

укрывал здесь три шхуны – две небольших, одномачтовых, вроде той, на которой прибыл сюда Драонн, и одну трёхмачтовую красавицу с поэтичным названием «Солнцекрылая». Именно она и должна была отнести Драонна и остальных на своих солнечных крыльях в новый мир.

– Какая красавица! – не удержалась Кэйринн.

– Она не так прекрасна, как вы, сударыня, – галантно ответил Эйрин.

Все эти дни он неизменно и безуспешно пытался завоевать благосклонность гордой лирры, но та оставалась столь же неизменно холодна и насмешлива. Кажется, Эйрина это не слишком задевало, во всяком случае, он не бросал свои попытки.

– Выдержит ли она переход до Эллора? – поинтересовался Драонн.

– Выдержит ли? – воскликнул Эйрин. – Милорд, я больше пятнадцати лет был капитаном этой малышки, а до того ещё лет десять ходил на ней в разных должностях, и хочу сказать, что за всё это время ни разу не видал волны, которая бы заставила эту ласточку вздрогнуть! А я повидал немало штормов!

– Что ж, это прекрасно. И когда же мы отправляемся?

– Завтра поутру. Я уверен, что мои парни содержали корабль в должном порядке, но всё же перед таким плаваньем нужно всё ещё раз перепроверить.

– Хорошо. А хватит ли у нас припасов?

– Нет, конечно! – фыркнул Эйрин. – Или вы, милорд, видели поблизости пшеничные поля и фермы? У нас не хватает припасов и на неделю пути! Поэтому сперва нужно будет отправиться к югу, в Лебардию.

– Что ещё за Лебардия? – удивился принц.

– Местечко недалеко от саррассанской границы. Несмотря на то, что формально оно принадлежит Бехтии, по сути, это – Лиррия. Там всегда проживало много лирр, и это одно из тех редких мест, где наши собратья вполне успешно сосуществовали рядом с людьми. В общем, именно там мы и наполним наши трюмы.

– А как же война?

– О ней там ничего не знают, – усмехнулся Эйрин.

– Неужели такое возможно? – изумился Драонн.

– Да нет, конечно, – фыркнул Эйрин. – Порой вы чересчур наивны, милорд. Конечно же, они там знают о войне, просто... Просто у них есть дела поважнее, чем дразги и междоусобицы. Совсем неподалёку – Саррасса, в которой полным-полно желающих пустить кровь как лиррам, так и людям, живущим по ту сторону границы, так что в таких условиях волей-неволей приходится соблюдать шаткий мир между собой. Клянусь богами, иногда я мечтаю о том, чтобы Саррасса напала на наше славное государство! Быть может, это – единственный способ остановить войну...

– И вы уверены, что там мы получим всё необходимое?

– Настолько, насколько вообще можно быть хоть в чём-то

уверенным в этой жизни, милорд.

– Что ж, это вполне неплохая гарантия по нынешним временам, – кивнул Драонн.

Как и было обещано, с рассветом следующего дня «Солнцекрылая», словно дождавшись наконец первых солнечных лучей в свои белоснежные крылья-паруса, вышла в море. Драонн с изумлением и даже неким восторгом, смешанным с лёгким страхом, наблюдал, как принц Эйрин ведёт своё судно по узкому проходу. До отвесного берега в иных местах было не более ста футов – одно неверное движение штурвала, и большая тяжёлая шхуна выйдет из-под контроля, развернётся, ломая нос и корму о такие близкие скалы. Но нет – рука весельчака-капитана ни разу не дрогнула, и шхуна шла, будто послушная лошадка.

В прозрачно-зеленоватой воде заливчика Драонн видел множество острых камней, то тут, то там торчащих в опасной близости к бортам, но и здесь всё закончилось благополучно. Несколько матросов, стоящих на носу и вдоль бортов, то и дело подавали Эйрину какие-то одному ему понятные знаки, видимо, сигнализируя о возможной опасности. Так или иначе, но спустя какой-нибудь час «Солнцекрылая» вышла на открытую воду и взяла курс на юг.

Довольно быстро Драонн оценил приятную разницу между такой большой шхуной как «Солнцекрылая» и всеми те-

ми судёнышками, на которых ему приходилось плавать до сих пор. Эйрин был прав – путешествие должно было стать лёгкой прогулкой. Выйдя в океан, судно распустило все свои паруса и понеслось вперёд, словно чайка.

До Лебардии было около ста миль. «Солнцекрылая» преодолела это расстояние меньше чем за сутки. Как понял наконец Драонн, Лебардия была не каким-то отдельным населённым пунктом, а целой небольшой местностью на самой южной оконечности Бехтии. Селение же, напротив которого шхуна встала на якорь, именовалось Дрантхойс. Уже само название указывало на близость саррассанских земель, которые действительно начинались всего в каких-нибудь пяти милях южнее.

Здесь, в Лебардии, жил удивительный народ – полувоины, полупахари. Они сами защищали свои границы и, похоже, давно уже не ждали милостей из столицы. И, как и говорил Эйрин, здесь проживало довольно много лирр, ведь совсем неподалёку были исконные леса этого народа, именуемые часто колыбелью перворождённых.

Драонн, которого любопытство подтолкнуло отправиться на берег вместе с Эйрином, с удивлением наблюдал суровых вооружённых людей, только-только появившихся из своих жилищ, чтобы отправиться на повседневные работы, которые скупым поднятием руки приветствовали пару илиров, также вооружённых до зубов, спешащих навстречу прибывшим гостям. В этом наплевательском отношении к идущей в

других местах войне было нечто столь вызывающее, что коробило даже самого Драонна.

– Принц Эйрин, давненько вас тут было не видеть! – проговорил один из двух илиров, пожимая капитану руку. – Что загнало вас в наши края? Неужто решили наконец переселиться подальше от этой вашей войны?

Последнее слово было сказано с насмешливым презрением, словно этим илирам, то и дело защищающим свои земли от набегов кочевников, любое иное кровопролитие казалось бессмысленной забавой для бездельников.

– Нет, Пайхин, просто мне потребовались припасы. Я уплываю, далеко и надолго.

– Далеко? Это куда же?

– Скажем так – набейте мою малышку провизией настолько, насколько сможете.

– Ну туда много войдёт, – с сомнением протянул Пайхин. – Неужели вам нужно столько?

– Мне нужно было бы ещё больше – жаль, моя ласточка не умеет раздувать щёки, словно хомяк! – отрезал Эйрин.

– Ого, далеко же вы собрались! – усмехнулся Пайхин. – Вокруг света, что ли? Или на Эллор?..

– За то время, что мы болтаем, можно было бы загрузить половину корабля! – с напускным раздражением заметил Эйрин.

– Так вы очень торопитесь?

– Так тороплюсь, что уже пару недель как опаздываю!

Скоро придут шторма, и мне не хотелось бы встретить их посреди океана!

– Так значит всё-таки на Эллор, – удовлетворённо кивнул Пайхин, которому, видимо, страсть как хотелось разузнать конечную точку маршрута. Вряд ли в этом был какой-то умысел – скорее, обычная скука провинциала, жадного до любых новостей. – Но вам придётся остаться там на зимовку!

– Это уже наше дело, Пайхин, – отрезал Эйрин. – Твоё дело – загрузить трюм настолько, насколько это возможно, и при этом попытаться не совать нос в чужие дела.

– Простите, ваше высочество, – в усмешке илира не было и толики смущения или раскаяния. – Не взывайте уж – у нас тут нечасто бывают гости, с которыми можно было бы перевестись словечком, а не стрелами...

Драонн давно уже заметил, что Пайхин с откровенным любопытством поглядывал на него, словно пытаясь прочесть имя и историю странного незнакомца в его глазах. Однако же Эйрин даже и не думал представлять своего спутника любопытному помору, а уж у самого Драонна и подавно не было желания даже вступить в разговор.

– Тогда давай поступим так – ты прикажешь своим парням начать погрузку, а за это я позволю отвести меня к Хэйли, угостить парой кружечек молодого саррассанского, и тогда я, так и быть, расскажу тебе последние новости из империи.

– Почему нет? – обрадовался Пайхин. – Это мы мигом!

Он жестом отправил своего спутника куда-то, и вскоре тот вернулся в сопровождении двух десятков грузчиков, среди которых было трое или четверо лирр, а остальные – люди. Тут же закипела работа – одни подтаскивали к причалу мешки и бочки, другие грузили их на большие лодки, которые вскоре направились к дрейфующей в полукабельтове от берега шхуне.

Драонн вслед за Эйрином отправился в таверну, где не без удовольствия пригубил терпкое молодое вино, слушая бесконечную болтовню Эйрина, который наконец нашёл для себя благодарного слушателя. Иногда говорил Пайхин, но его рассказы были довольно однообразны и слишком пресны для того, кто пережил две гражданские войны, заговор против императора и гибель собственной семьи.

Просидев два часа, Эйрин и Драонн вернулись на судно. Погрузка продолжалась полным ходом, поэтому на борту было шумновато от топота и ругани грузчиков и матросов. Хмурая Кэйринн сидела на ступеньках, ведущих на капитанский мостик.

– Здесь всё так непохоже на наши места, – задумчиво произнесла она, когда Драонн уселся рядом. – Всё какое-то вызывающе яркое – и море, и небо, и зелень...

– Мир велик и разнообразен, – чуть рассеянно пожал плечами принц. – Здесь тоже хорошо... По-своему...

– Как думаешь – увидим ли мы ещё когда-то эти берега?

– Ты же только что была недовольна ими...

– Ты прекрасно понимаешь, что я имею в виду! Вернёмся ли мы когда-нибудь?

– Ну разумеется вернёмся! – ответил Драонн с уверенностью, которой не испытывал. – Иначе для чего было всё это? Мы обязаны вернуться, и вернуть этот мир себе!

– Пусть так и будет, – вздохнула Кэйринн и замолчала, погрузившись в какие-то свои мысли.

В детстве и юности Драонн обожал читать книги о путешествиях в дальние страны. Он зачитывался воспоминаниями великих мореплавателей, часами зачарованно глядел на морскую карту, специально купленную для него отцом в Кинае за большие деньги, пытаясь определить маршруты, которыми бороздили океаны корабли этих великих путешественников. И всегда, всегда неизменно мечтал об одном – оказаться на их месте.

Оказалось, морские путешествия не так интересны, как ему представлялось. Более того – они были откровенно скучны. Изо дня в день вокруг – одна и та же картина безбрежного моря, лишь изменчивое небо дарит хоть какое-то разнообразие. Изо дня в день – одни и те же люди, скученные в небольшом пространстве корабля. Казалось бы, что уж к этому принцу, пережившему не одну осаду, было не привыкать, но всё же разница между пусть не очень большим, но замком, и пусть даже достаточно большим, но кораблём ока-

залась весьма разительной.

Уже через неделю плавания Драонн стал страстно желать поскорее добраться до берега, а через две недели осознал, что начинает потихоньку ненавидеть и этот океан, и эту шхуну, и даже этих илиров, находящихся рядом. У него началась бессонница, и даже мерный шорох волн по деревянным бортам уже не убаюкивал его. Драонн стал очень чувствителен к храпу, и если раньше он спокойно засыпал среди полусотни храпящих воинов, то теперь часами вертелся в жутком неудобном гамаке, подвешенном к потолку, скрипя зубами от ненависти ко всем блаженно похрапывающим вокруг.

Поначалу немного спасало от однообразия общение с Эйрином, но теперь Драонна начинало тошнить от этой вечно насмешливой легкомысленной манеры разговаривать. Гораздо комфортнее было стоять на корме с Кэйринн, меланхолично глядя на вспенивающийся след корабля и изредка перебрасываться какой-нибудь фразой.

Это вынужденное бездействие несло и ещё одну большую проблему. Впервые с тех пор, как не стало Айри и детей, Драонн так надолго был ничем не занят. Ничем, что могло бы заглушить постоянную боль, вызываемую воспоминаниями. Теперь он не мог избавиться от этих мучительных мыслей, а вдобавок к ним появились и сны. До сих пор Арионн миловал принца – возможно, от усталости или пережитого стресса, но спал он, не видя снов. Теперь же сны вернулись, несмотря на то что принцу редко удавалось проспать хотя бы

три часа за ночь. И чаще всего это были сны о его семье.

В одних снах он переживал какие-то минуты из совместной жизни, другие были более бессвязны и не имели какого-то определённого сюжета. Но куда страшнее были сны, в которых он раз за разом видел смерть своих любимых. Он видел, как озверело рубят топорами и палашами Аэринн, до последнего защищавшую вход в сруб. Он видел, как испуганная и растерянная Биби неловко швыряет небольшой огнешар, совершенно не ориентируясь в новой комнате, как она пятится, слыша приближение убийц, не имея сил даже закричать... Он слышал, с каким влажным, слегка хрустящим стуком падало на землю тельце его Гайрединна, в очередной раз не долетев до цели... Он видел и слышал это так, словно был свидетелем этому.

Видел он во сне и старого Ливейтина, и Перейтена, и даже его сына, хотя давно позабыл уже его лицо. В общем-то, при таких снах он даже отчасти был рад свалившейся на него бессоннице. Однако в целом всё это подтачивало и душевное, и физическое здоровье лиррийского принца.

Кэйринн замечала перемены, происходящие в её принце. Она понимала, какие демоны постепенно завладевают его душой – демоны самоистязания, сожалений и мести. Понимала она и то, что ничем не может ему помочь. С тех пор как Драонн лишился семьи, она намеренно отстранилась, отдалась от него, боясь превратиться в стервятницу, пирующую на чужом горе. Даже если бы её возлюбленный, терза-

емый одиночеством и болью утраты, сам пришёл бы к ней, ища облегчения в её объятиях – она оттолкнула бы его. Вот и теперь она лишь наблюдала, как медленно разрушается его личность, не делая ничего, чтобы этому помешать, и находя даже некоторое болезненное удовольствие в этом совместном падении...

К началу месяца жатвы случился первый крупный шторм. Несколько часов «Солнцекрылая» билась на волнах, некоторые из которых вздымались на шестьдесят футов к чёрным, набухшим от дождя тучам. Но, как и говорил принц Эйрин, крепко слаженная шхуна играючи справлялась с такими валами. Да и сам капитан был подстать своему судну.

И это было весьма кстати, поскольку вскоре за первым штормом последовал второй, хоть и не такой мощный, а затем – ещё и ещё. На Западном океане начался сезон штормов. Эйрин заверял, что до побережья Эллора осталось не больше недели пути, если стихия окончательно не испортит их планов. Это было хорошей новостью – припасы, и особенно вода уже подходили к концу.

Однако прошло целых одиннадцать дней. Небо на время расчистилось от облаков, установилась приятная погода, характерная для ранней осени. Эйрин уверял, что берег вот-вот покажется, и что он сказал бы точнее, если бы существовали более-менее точные карты побережья Эллора. И он оказался прав. Драонн, как обычно, скучал на корме, глядя на убежавшие от корабля прочь волны, когда с верхушки мачты

раздался долгожданный голос вперёдсмотрящего:

– Земля!

Глава 41. Пустыня

К вечеру «Солнцекрылая» подошла на пять-шесть кабельтовых к берегу. Ближе принц Эйрин подходить не рискнул, не зная рельефа дна. Драонн во все глаза смотрел на близкий берег. Он выглядел вполне гостеприимно – ещё зелёный, несмотря на разгар месяца жатвы, весьма похожий на пейзажи Лебардии, которые, помнится, так не нравились Кэйринн.

Эйрин, произведя вычисления, определил, что они оказались миль на семьдесят южнее первоначальной точки прибытия. По большому счету это не имело особого значения – на Эллоре до сих пор не было постоянных поселений, лишь небольшие лагеря, тут и там раскиданные вдоль побережья. Во всяком случае, всё указывало на то, что и здесь у путешественников не будет недостатка в пресной воде и пище – сочные леса, начинающиеся в нескольких сотнях ярдов от побережья, обещали наличие и того, и другого.

Было известно, что климат на Эллоре мягче, чем на Паэте, так что суровой зимы ожидать не приходилось. Тем не менее, нужно было озаботиться постройкой жилищ, поскольку корабельный трюм уже давно осточертел всем его обитателям. Однако же в ближайшие ночи с ним нужно было смириться – пройдёт не менее пары недель, пока можно будет с относительным комфортом поселиться на берегу.

По крайней мере, не стоило опасаться нападений местных жителей – их тут попросту не было. Во всяком случае, ещё ни разу никому не удалось обнаружить ни самих разумных существ, ни даже чего-то, хотя бы отдалённо напоминающего следы их существования. Правда, в окрестных лесах водилось довольно много хищников, но для защиты от них вполне будет достаточно простого частокола.

Конечно, об Эллоре ходили леденящие кровь слухи – якобы, здесь водятся твари, весьма похожие на драконов. Некоторые из путешественников рассказывали, что слышали необычный рёв вдалеке, кто-то будто бы даже видел крылатую тень, мелькнувшую в ночном небе, трети божились, что едва ли не в своих руках держали огромные кости и даже черепа. Однако кроме этих разговоров подтвердить наличие драконов было нечем – ни одного нападения зафиксировано не было, ни одной косточки, сколько бы о них не говорили, публике так и не представили. Ничего не говорил о драконах и Ворониус, а уж он-то, если верить ему на слово, сумел повидать и куда более удивительное существо.

В общем, пока что никто из присутствующих на корабле не ломал голову по поводу разных драконов и прочего. Вид мирного зеленеющего берега, где не было императорских легионов и красноверхих, придал воодушевления лиррам, истомившимся в долгом морском путешествии.

– Вон там небольшой мыс, а за ним будто бы весьма уютный заливчик, – подошедший к Драонну Эйрин указал юж-

нее. – Думаю, стоит перевести корабль туда и там уже бросить якорь на ночь. Что-то не нравятся мне те тучи... А мыс укроет нас от ветра.

– Отличная идея, – кивнул Драонн, не отрывая взгляда от рокового берега. – Делайте, что считаете нужным. Сойдём на берег завтра.

Эйрин кивнул и отправился отдавать нужные указания. Драонн же до самой темноты простоял у борта, глядя на низкие очертания побережья. Несколько раз к нему подходила Кэйринн, но он даже почти не отвечал ей, словно и не слышал. Вскоре небо затянули тучи, не зря так не понравившиеся капитану. Хлынул ливень, разгулялся шквалистый ветер, настигающий шхуну и здесь, кое-как укрытую невысоким мысом. Стало ясно, что будет шторм. Поразмыслив, Эйрин приказал отвести судно дальше в океан – сам по себе ветер был не так страшен, как близость неизвестного берега с возможными отмелями и подводными камнями.

Лишь когда шторм разыгрался не на шутку, Драонн ушёл с палубы.

Принц смотрел на окрашенный багрянцем берег Эллора. Заходящее солнце уже не слепило глаза – оно напоминало багряно-золотистое око, полуприкрытое веком. Странное марево стояло над континентом – небо над далёкими верхушками деревьев словно подрагивало. Даже нет – оно слов-

но было гуще, чем остальной воздух.

Вскоре это марево стало приобретать отчётливые очертания, и Драонн вздрогнул, впившись пальцами в перила фальшборта. Над Эллором восставала поистине гигантская тень раскинувшего крылья орла. Сложно было даже вообразить его размеры – похоже, он мог бы укрыть собой Кидую вместе со всеми окрестными городками и селениями.

Орёл, раскинув крылья, словно вытянул шею прямо к кораблю, кажушемуся рядом с ним жалкой букашкой. Гигантская птица испытующе глядела на эту букашку, а скорее даже на другую букашку, стоящую сейчас на борту судна и, в свою очередь, зачарованно глядящего в золотистые глаза птицы.

– Найди меня, когда будешь готов, – раздался голос прямо в голове Драонна...

Драонн открыл глаза. Корабль всё ещё здорово швыряло на волнах, переборки скрипели, снаружи завывал ветер... Это был сон – понял принц. Но сон был столь реалистичным, что и теперь, когда Драонн уже проснулся, то помнил каждую секунду этого сна, и ничего в нём не вызывало сомнений. Может быть, он был лишь отражением мыслей, но принц ощущал, что это было не простое сновидение. Внезапно его мозг прорезала мысль: а что если Ворониус не лгал?..

Надо сказать, что принц никогда полностью не мог отрицать эту мысль, и даже в глубине души он, кажется, действи-

тельно верил. Но то была иная вера – робкая, абстрактная, ни к чему не обязывающая. Теперь же он, кажется, действительно *поверил* в существование Бараканда. И это внезапно меняло всё. То, что он привык считать лишь бесплотными мечтаниями, внезапно стало приобретать вполне реальные очертания.

Жуткий страх и почти такая же жуткая радость гремучей смесью смешались в душе Драонна. Жгучее желание того, чтобы всё это было лишь выдумкой, сливалось с яростной жаждой испытать то, о чём говорил Ворониус. Это вызывало в душе принца смятение сродни тому шторму, что бушевал снаружи. Его разум словно дробился на тысячи осколков, разрывая сознание на бессвязные лоскуты. Свернувшись калачиком на жёстком гамаке, он бессильно скулил, неслышимый в грохоте волн и вое ветра.

Шторм свирепствовал и на следующее утро, стихнув, да и то не до конца, лишь после полудня. Море всё ещё оставалось бурным, но Эйрин всё же приказал спустить шлюпки и отправить экспедицию на берег, чтобы отыскать воду и, по возможности, какую-нибудь провизию. Конечно, с водой неплохо помогали шторма – некоторое количество влаги удавалось собрать благодаря дождям, но её было всё же недостаточно, да и всем хотелось наконец вкусить чистой и холодной родниковой воды.

Против ожиданий, Драонн не отправился на сушу вместе с матросами. Сегодня он выглядел даже хуже обычного –

горящие лихорадочным огнём глаза, смертельная бледность лица, трясущиеся пальцы. Он лишь отмахнулся, когда Кэйринн завела с ним разговор. И ни слова не сказал про увиденного ночью орла.

На то были причины. В последнее время Драонн всё чаще задавался вопросом – а не сходит ли он с ума? И может ли сумасшедший определить, что он – сумасшедший? И если не может – то не сошёл ли он с ума *уже*? Именно поэтому, несмотря на то что ночью видение казалось ему абсолютно реальным, а может быть именно поэтому, теперь принц всё больше подозревал, что это – не более чем шутка, которую сыграл с ним слабеющий разум.

Матросы, посланные на берег, вернулись через несколько часов. Они привезли бурдюки, полные свежей воды – совсем неподалёку обнаружился полноводный ручей. Также они сумели подстрелить пару диких коз и нескольких козлят, что вызвало бурное ликование на борту – за минувшие недели все ужасно соскучились по жаркому.

– Что ж, кажется, тут совсем неплохо! – резюмировал Эйрин, щупая бок одного из убитых козлят. – Вполне себе жирненькие, упитанные животинки. Стало быть, с голоду не помрём. Вот бы ещё найти пещерку навроде той, что была у нас – и вообще можно оставаться тут жить. Думаю, здесь будет ничуть не хуже, чем по ту сторону океана.

– Воздух здесь какой-то... другой... – слегка покачала головой Кэйринн. – Сама не пойму, но что-то не так. Он слов-

но давит...

– Да это всегда так после шторма! – отмахнулся Эйрин.

Но он был неправ. Кэйринн, будучи женщиной из рода лирр, была весьма чувствительна к течению *возмущения*. Мужчины-лирры тоже ощущали его острее, чем прочие расы, хотя использовать для магии не могли. Но то, что Кэйринн ощущала сейчас как «другой воздух», на самом деле было именно другим свойством *возмущения*. Это было как раз то, о чём говорил Ворониус и прочие – магия Эллора отличалась от привычной жителям Паэтты магии. Девушка чувствовала что-то, но сама не знала – что, ведь она не была магинею. Будь на её месте Дайла или Биби – они сразу поняли бы, в чём дело. Но – увы! – обе они были уже мертвы...

Эйрин тем временем загорелся идеей поиска пещеры, хотя до этого он планировал строить жилища. Но через несколько дней от этой идеи отказались – здесь не было таких скал, как в окрестностях Кидуи, и потому пещерам было взяться неоткуда. Так что пришлось отправлять почти всю команду на плотницкие работы.

Наконец на берег сошёл и Драонн. Он, как и Кэйринн, ощущал что-то. Это было похоже на постоянный отзвук колоколов – словно где-то рядом ударили в тяжёлый колокол, и сам звук уже растворился, но послезвучие всё ещё остаётся. От этого ли, или от чего-то ещё у принца начались головные боли. Временами он просто бессильно лежал либо прямо на песке, либо у корней дерева, не имея сил даже повернуть го-

лову. Он не принимал никакого участия в обустройстве лагеря. Собственно, от него ничего подобного и не ждали.

Кэйринн просто извелась, глядя на то, что творится с Драонном. Она ухаживала за ним, даже когда он раздражённо рычал в ответ. Она приносила ему еду и питьё, подкладывала под голову сложенный в несколько раз плащ, клала на лоб смоченную в воде тряпицу. Иногда, когда принцу становилось легче, он слабо благодарил преданную девушку словом или просто блеклой улыбкой, но ей, похоже, и этого было достаточно.

Драонн по-прежнему почти не спал, а в короткие периоды тяжёлого сна почти каждый раз видел одно и то же – гигантского орла, расправившего крылья и склонившего к нему голову.

– Если ты и правда хочешь, чтобы я пришёл к тебе – исцели меня! – бессильно кричал ему принц, но исполинская птица насмешливо молчала. С той самой первой ночи она больше не сказала ему ни слова.

Через пару недель грубые постройки были возведены у самой границы леса, так что больше не было нужды возвращаться ночевать на корабль. Странно, но здесь, на берегу, штормы случались не так часто, как до этого в океане. Чаще дни были достаточно погожими, словно помогая путешественникам поскорее устроиться на новом месте.

Наступил месяц дождей, и он был здесь куда приятнее, чем в Сеазии. Ночью, конечно, было достаточно прохладно,

но днём солнце прогревало воздух так хорошо, как в окрестностях Доромиона он не нагревался и в самом начале осени. Кажется, почти все были весьма довольны новым местом обитания. Эйрин, конечно, выказывал это шумнее прочих, но, кажется, даже Кэйринн уже чувствовала себя здесь почти как дома. Правда, её, в отличие от прочих, очень сильно беспокоило то, что Драонн рано или поздно должен будет отправиться куда-то вглубь материка... Идти туда, не зная – куда, чтобы найти то, не зная – что...

Наконец головные боли стали отступать от принца Драонна. Как глубокомысленно заметил Эйрин: «акклиматизировался». Может это было и так, или дело было в чём-то другом – сам Драонн сейчас вполне довольствовался тем, что из его головы вынули наконец раскалённый чугунный шар. За это время он сильно осунулся, став болезненно худощавым, кожа приобрела какой-то желтоватый оттенок, и к тому же у него стали выпадать волосы. В конце концов он однажды просто обкорнал их ножом так коротко, как только мог, несколько раз порезав кожу головы.

Выглядел он теперь довольно жутковато, и издали уже не так сильно походил на лирру. Если люди из простонародья частенько коротко остригали волосы, что позволяло меньше беспокоиться из-за вшей, то среди лирр, особенно знатных, невозможно было встретить мужчину с коротко стриженными волосами. Вообще тонкие, шелковисто-паутинные волосы лирр были их естественным украшением, и потому никто

обычно от него добровольно не отказывался. Даже в долгом морском переходе, когда с гигиеной были весьма серьёзные проблемы, ни один матрос не остриг своих волос. Так что этот поступок Драонна все записали в череду его множества других странностей.

Теперь, когда головные боли почти уже не мучали принца, он стал всё чаще уходить на запад от лагеря. Кэйринн порывалась было его сопровождать, но он всякий раз отсылал её прочь тоном, не терпящим возражений. Сперва он уходил на четверть мили, через какое-то время стал уходить на четыре мили, а потом и вовсе, вставая до рассвета, он уходил, чтобы вернуться уже затемно.

Он никогда не говорил – для чего туда ходит. Драонн вообще стал неразговорчив. Вряд ли его сейчас узнал бы кто-то, кто был с ним близко знаком прежде. Наверное, его с трудом узнала бы и сама Аэринн. Что-то зловещее стало проявляться в его чуть сгорбленной костлявой фигуре. Если бы подобное произошло с кем-то в цивилизованном мире, родные, скорее всего, давно запрятали бы его в скорбный дом. Здесь, на Эллоре, скорбных домов не было.

Драонн же искал знака. Легко было сказать – отправиться искать Бараканда... Сейчас он проходил в день до десяти миль в одну сторону, но, казалось, этим лесам, перемежаемым опольями, не было конца и края. Он не видел ничего хотя бы отдалённо напоминающего пустыню. И никаких признаков её тоже. А это значило, что до неё могут быть ещё

десятки миль. В своих мыслях он раньше представлял Эл-лор совсем иначе – буро-коричневый пейзаж, острые камни, безжизненные просторы. И где-то совсем близко – гнездо гигантского орла. Если оно, конечно, вообще существовало...

– Я пришёл к тебе, чего ты ждёшь? – в бессильной ярости кричал Драонн, стоя лицом к западу. – Я готов найти тебя, но где? Если я тебе так нужен – скажи, где я могу тебя найти?

Но ответа не было. Орёл всё так же был частым гостем его горячечных снов, но по-прежнему оставался насмешливо-молчалив, хотя там, во сне, Драонн совсем не стеснялся в выражениях, пытаясь добиться ответа.

И однажды в одну из ночей, когда Драонн лежал, глядя воспалёнными глазами в потолок своей хижины, не в состоянии уснуть, его пронзила простая и очевидная мысль. Он даже вскочил на том ворохе тряпья, что заменял ему постель. Заворочалась спящая неподалёку Кэйринн, но не проснулась – она очень уставала днём, добывая пропитание на зиму.

Не будет никаких знаков – понял Драонн. Это – испытание. Испытание веры. Нужно просто идти, и тогда, если Бараканд действительно существует и действительно так могущественен – он приведёт принца к себе. Если Ворониус, будучи молодым магом, всю жизнь дышавшим книжной пылью, сумел добраться до гигантского орла, то уж у него, лирры в самом расцвете лет, это получится и подавно!

Он хотел уж было сорваться в путь тут же, но сообразил, что ему необходимы будут припасы. А это значило, что при-

дётся задержаться до утра...

– Я пойду с тобой! – безапелляционно заявила Кэйринн.

– Нет, Кэйр, я пойду один, – Драонн произнёс это мягко и даже как бы отстранённо, но девушка почему-то поняла, что он не изменит своего решения. – Я знаю, что должен идти один.

– Но ты ведь даже не знаешь – куда! – в отчаянии воскликнула Кэйринн. – Сколько миль до этой пустыни? Где она? И где в ней *он*?

– Если он существует, то приведёт меня к себе.

– А если нет? – вскричала девушка, испытывая уже самую настоящую злость. – Тогда ты просто умрёшь?

– А разве не таков был план изначально?

– Да... – вспышка ярости исчезла так же внезапно, как и началась, уступив место леденящей тоске. – Но я не думала, что ты умрёшь вдали от меня... Я хотела разделить твою судьбу, мой принц...

– Я вернусь за тобой, Кэйр, – впервые за очень долгое время он коснулся ладонью её лица. – Обещаю. И мы вместе вернёмся обратно, чтобы отвоевать мир, который принадлежит нам по праву.

– Ты веришь в это, мой принц?

– Верю, – и в этот момент у Драонна действительно не было и тени сомнения.

– Но твои головные боли... – она сделала последнюю попытку ухватиться за соломинку. – Как ты пойдёшь, мучимый ими? Тебе нужен спутник, который поможет в тяжёлую минуту.

– Всё будет в порядке, Кэйр. Верь мне...

Шершавая ладонь Драонна, словно обтянутая пергаментом, а не живой кожей, всё ещё покоилась на щеке Кэйринн. Она была неподвижна, но девушка сама легонько тёрлась о неё щекой, словно кошка, ласкающаяся к хозяину. И теперь она вдруг чуть отстранилась и поцеловала принца в эту ладонь, и тот не отдёргнулся, а лишь улыбнулся бледной улыбкой и медленно опустил руку.

– Хорошо, – всхлипнула Кэйринн. – Я буду верить тебе...

Прощание с остальными заняло ещё меньше времени. По большому счёту, он просто ни с кем и не прощался. Впрочем, все, даже бывшие вассалы Драонна, уже привыкли к его странностям. Отдельного разговора удостоился лишь принц Эйрин.

– Мы пробудем здесь до конца весны, – сообщил Эйрин, пожимая руку Драонну. – А может и больше. Дьяволы, мне здесь и правда очень нравится! Догадайся мы захватить с собой хотя бы пару десятков женщин – вполне можно было бы остаться здесь навсегда и заселить этот мир лиррами. Я бы очень старался... – усмехнулся он.

– Кэйринн остаётся с вами, милорд, и я рассчитываю на вашу порядочность... – глядя в сторону, произнёс Драонн.

– Вы могли бы и не говорить этого, милорд, – вроде как даже оскорбился Эйрин.

– Речь не только, и не столько о вас. Но здесь ещё семь десятков мужчин, и вы должны мне пообещать, что сделаете всё, чтобы ни один из них не причинил зла Кэйринн.

– Я убью голыми руками любого, кто хотя бы бросит на неё косой взгляд, клянусь вам в этом!

– Что ж, увидимся весной, – кивнул Драонн и, не дожидаясь ответа, зашагал на запад.

Драонн не обременял себя припасами. В его заплечном мешке было несколько фунтов вяленого мяса, да немного сухарей, оставшихся ещё из корабельных запасов. Он взял с собой лук с дюжиной стрел и кинжал. Свой меч он оставил на побережье, не видя смысла тащить лишнюю тяжесть. Взял он и бурдюк для воды, но наполнять его не стал. Впереди были многие мили лесов, и принц уже знал, что в них полным-полно источников и ручьёв. Бурдюк должен был пригодиться позже.

Уже привычный к долгой ходьбе, Драонн без особых усилий делал по три-четыре мили за час, лишь изредка позволяя себе отдохнуть. Он давно уже заметил, что после долгой ходьбы голова начинает болеть меньше, и потому старался идти, не останавливаясь.

Звери здесь, похоже, никогда не видели разумных су-

ществ, и не имели ни малейшего понятия о том, что такое стрелы. Драонн зачастую проходил всего в десяти-двадцати шагах от настороженно застывшей лани или дикой козы, а уж птицы и вовсе, казалось, не обращают на него внимания. Поэтому, когда в том была нужда, принц без проблем мог добыть себе дичи.

Ночевал он прямо на земле, разведя рядом небольшой костерок. Теперь, уйдя ото всех, Драонн вдруг понял, что ему так намного легче, словно бы присутствие других лирр угнетало его. Даже головные боли почти прошли и сделались слабыми, так что привычный уже к ним принц просто не обращал на них никакого внимания.

Днём он шёл на запад, стараясь не уклоняться от маршрута. Солнце сейчас часто было упрятано за облаками, хотя дожди шли редко. Драонн настолько втянулся в свой поход, что иной раз ему казалось, будто он всегда вот так вот шёл незнамо куда. И иногда ему хотелось, чтобы это не прекращалось. Просто идти вперёд – в этом было нечто простое и определённое, не требующее никаких усилий, разгружающее мозг. Наверное, так же уверенно и спокойно чувствуют себя лошади. Драонн вдруг испытал самую настоящую зависть к лошадям, у которых нет других забот, кроме как просто двигаться куда-то, куда ведёт их воля седока.

Лишь на девятый день пути необъятный лес наконец стал редеть. Изменилась сама почва – Драонн чувствовал это подошвами своих сапог. Сомнений быть не могло – где-то неда-

леко впереди действительно была каменистая пустыня. Всё реже встречались ручейки, так что теперь принц всегда держал бурдюк наполненным и доливал его всякий раз, оказавшись рядом с источником.

На следующий день деревья исчезли совсем, уступив место крошеву из крупных и мелких камней, нагромождению скал, начисто лишённому какой бы то ни было растительности. Ворониус не соврал – пустыня действительно была. Осталось только выяснить – был ли в этой пустыне Бараканд...

Глава 42. Бараканд

Тяжело шагать по россыпям камней – ноги то и дело оскальзываются и подворачиваются. Драонн чуть заметно прихрамывал – при неудачном падении больно ударился коленом. Горизонт терялся за множеством невысоких скал (едва ли больше двадцати футов в высоту), разбросанных тут и там. Пустыня была похожа на настоящий лабиринт.

А ещё она была абсолютно негостеприимна. Драонн, который до сего дня знал лишь одну пустыню – Туум, да и то по книгам, ожидал чего-то подобного и от этой эллорской пустоши. Он думал, здесь будет ужасно жарко, и что суховети будут гонять песчаные выюги меж барханами. Наверняка, летом здесь действительно было очень жарко, но теперь, когда вот-вот должен был наступить постремий, здесь был лютый, пронизывающий холод, какого не было восточнее, в оставленных позади лесах.

Колючий, режущий ветер бил в глаза так, что выступали слёзы. Он рвал одежду, словно пытаясь побольнее укутить живую плоть. Казалось, даже солнце было здесь более стылое, бледное, словно больное. Драонн засунул бурдюк с водой за пазуху, опасаясь, что она замёрзнет. Он шёл по пустыне второй день, но не встретил ни единого намёка на воду.

Хотя один намёк всё же был. Как ни сух был воздух здесь, но по утрам на камнях появлялась небольшая изморозь – не

толще волоса. Драонн, не брезгуя, лизал камни, пытаясь получить хоть немного влаги, чтобы сэкономить пусть один, но такой драгоценный глоток воды, которой оставалось не так уж и много.

Также, кажется, тут не было и ничего живого. Ни одной колючки не прорастало меж этими камнями. Вряд ли здесь были бы насекомые или ящерицы, даже будь сейчас лето. Судя по всему, это была самая безжизненная из всех безжизненных пустынь. Даже в пустыне Туум, даже в самом её огненном жерле была какая-то робкая жизнь – глубоко в песке жили тарантулы, скорпионы, бурые ящерики. Здесь же не было ничего. Единственным живым существом на мили и мили вокруг был он, лирийский принц Драонн.

И это вплотную подводило его, Драонна, к другой проблеме. Пока он шёл через леса, то не прикасался к своим запасам продовольствия, имея вдоволь мяса вокруг. Теперь же пришла пора потревожить содержимое заплечной сумки. Двенадцать фунтов вяленого мяса и два фунта сухарей – вот и весь продовольственный запас, который имелся у принца. При должной экономии этого могло хватить на пару недель. Как далеко сумеет за это время пройти всё больше слабеющий Драонн, и найдёт ли он к тому времени то, что ищет?

Правда, принц не слишком-то задумывался о проблеме с пищей – проблема с водой была куда острее. Если еду ещё можно было растянуть на пару недель, то воды оставалось не больше, чем на четыре-пять дней при условии, что Драонн

сумеет совладать с собой и не прикончить весь этот запас залпом.

Однако было в переходе через пустыню и кое-что приятное. Едва лишь Драонн пересёк её незримую границу, его мигрень внезапно прекратилась. Настолько внезапно, что он даже остановился, изумлённо озираясь вокруг и пытаясь понять, что случилось. И лишь спустя несколько мгновений до него дошло, что боль, терзавшая его вот уже больше месяца, вдруг исчезла. Драонн словно долгое время находился в какой-то яме, наполненной ядовитыми зловонными миазмами, а тут вдруг его выдернули на поверхность, где воздух был чист и свеж.

Принц воспринял это как знак того, что всё делает верно. Он ожидал, что вот-вот в небе покажется крылатая тень и тут же, едва спустившись на землю, станет его учить. Однако Ворониус говорил о высоком пике, который венчало гигантское гнездо орла, но пока ничего подобного не было видно на горизонте.

Очень сложно было пытаться уснуть на острых камнях и пронизывающем ветре. Драонн, свернувшись клубочком, пытался вжаться в холодный бок одной из скал с подветренной стороны, чтобы хоть как-то защититься от пронзительного ночного холода. Увы, в этих каменных лабиринтах ветер гулял так, как ему вздумается, по десять раз за ночь меняя своё направление. Принцу казалось, что ветер – живой, и что он специально дует именно на него. Действительно,

стоило Драонну укрыться за скалой, как ветер, будто разозлившись, начинал дуть сильнее, а вскоре и вовсе начинал поддувать с противоположной стороны.

Драонн и до этого спал очень мало, а теперь и вовсе смыкал глаза лишь на один-два часа, после чего просто лежал с закрытыми глазами, иногда переползая на другую сторону скалы, чтобы хоть ненадолго укрыться от дерущего кожу ветра.

Но эти моменты не были для него столь ужасны, как раньше. Он лежал, и его разум был чист от всяких мыслей. Перед его мысленным взором не являлись укоряюще печальное лицо Аэринн, которую он бросил, чтобы спасти от смерти другую женщину, которую тоже любил. Он не видел изувеченное тельце сына, не видел двух подпалин на стене комнаты дочери. Он не видел даже гигантского орла – тот больше не приходил к нему во сне. Это была блаженная пустота, которая восстанавливала его силы лучше любого сна. Практикующий маг назвал бы это состояние глубокой медитацией, Драонн же просто наслаждался им, никак не называя.

И так день за днём, миля за милей, он двигался прямо на запад, насколько это было возможно. Каждый шаг давался чуть тяжелее предыдущего, хоть ноша с каждым днём становилась всё легче. Всё больше съёживался бурдюк, всё сильнее опали бока заплечного мешка. На четвёртый день пустыни Драонн выбросил колчан и лук – всё равно здесь не было ни добычи, ни врагов, а тащить лишнюю тяжесть было

уже не вмоготу.

Ещё через пять дней пути воды осталось не больше чем половина пинты³⁰. Даже делая по паре глотков в день, это количество можно было растянуть максимум на три дня. Горло пересохло так, что мясо, которое перед копчением засолили в морской воде, в него уже не пролезало, а сухари лишь царапали его. Да и есть теперь совсем не хотелось – голод затмевался жаждой.

Уже несколько минут Драонн сидел на валуне, тщетно пытаясь разжевать небольшой кусок мяса. Однако это было бесполезно – во рту не было ни капли слюны. Наконец, не выдержав, принц с отвращением сплюнул так и не подавившийся кусочек на землю. Несколько мгновений он зачарованно смотрел на него, а затем вдруг, охваченный внезапной вспышкой ярости и отчаяния, отшвырнул от себя мешок с остатками провизии.

Стало ясно, что в ближайшее время он умрёт. Никакого пика впереди видно не было, а без воды он протянет, самое большее, день или два. Он всё ещё по утрам облизывал языком шершавые бока скал, вбирая мельчайшие кристаллики инея вперемешку с вековой пылью, но это не могло уже ничего исправить.

Проклятый Ворониус! Он всё соврал, этот старый ублюдок! Нет никакого орла – здесь нет вообще ничего кроме этой треклятой пустыни! Никакой он не мессия! Всё было

³⁰ Пинта – имперская мера измерения жидкостей. Равна 0,57 литра.

напрасно – его смерть, смерть его семьи, смерть тысяч лирр и людей... Всё это было бессмыслицей! Насколько же глуп был он, Драонн, что выбрал столь сложный способ умереть! Стоило ли тащиться через океан, чтобы подохнуть среди этих скал, где нет грифов, или даже червей, что пожрали бы его останки!

Драонн хихикнул, представив, как его тело, иссушенное, будет лежать тут тысячелетиями прямо рядышком с этим неразжёванным кусочком мяса, столь же нелепое и бессмысленное, как и он. Звук его хриплого хихиканья рассмешил принца ещё больше, и он начал смеяться, а затем и безумно хохотать, уже не имея возможности сдержаться.

Хохот этот через какое-то время сменился бесслёзным плачем. Драонн был обезвожен настолько, что слёз больше не было, и потому он хрипло рыдал, завывая и скуля. Вскоре его начали бить конвульсии, и принц повалился с валуна, сотрясаясь в приступе. Кровили содранные об осколки камней ладони, щёки, затылок... Его тело ломалось под самыми невероятными, казалось бы, углами, а изо рта доносились лишь хрипы, в которых уже не было ничего лиррийского.

Когда приступ закончился, Драонн около получаса лежал вообще без движения. Затем он кое-как приподнялся, морщась от боли в саднящих ладонях. Сел на валун, с которого упал ранее, огляделся. Горькая усмешка пробежала по его всё ещё искажённому рту. Он увидел свой бурдюк, валяющийся на камнях. Пробка не была вставлена, и камни у гор-

лышка были темнее окружающих.

Медленно подняв бурдюк, Драонн ощутил, что там осталось вода, но совсем немного – три-четыре глотка, не больше. Подумав мгновение, он поднёс бурдюк ко рту и жадно выпил остатки бесценной влаги. Затем всё с той же мрачной усмешкой он отбросил бесполезный теперь кожаный мех туда же, где лежала сумка с провизией.

У принца было огромное искушение просто лечь прямо здесь, закрыть глаза и умереть. Или же полоснуть кинжалом по горлу, чтобы смерть пришла быстрее и милосерднее. Пальцы, казалось, сами сплелись на рукояти, готовые выполнить последний приказ своего хозяина. Но, замерев ненадолго, они медленно сползли и сжались в кулак.

– Не дождёшься! – неведомо кому прохрипел Драонн.

Внезапная ярость придала сил, так что даже слабость после перенесённого приступа, казалось, исчезла. Встав, принц зашагал дальше на запад. Пусть ему осталось недолго, пусть, по большому счёту, нет никакой разницы – умереть здесь, или в пяти-шести лигах западнее, он всё же будет идти, пока у него будут силы! В этом нет никакого смысла, но он будет идти вперёд! Потому что останавливаться ещё более бессмысленно.

Прошло два дня с тех пор, как Драонн выпил последние капли воды, что у него оставались. Вот уже два дня он ничего

не пил и не ел. По его ожиданиям он должен быть уже мёртв, ну или хотя бы при смерти, однако же его состояние ничуть не отличалось от того, каким оно было, когда он отбросил пустой бурдюк в сторону.

Драонн никогда ещё не бывал в такой ситуации, он никогда не доводил себя до такой степени истощения от нехватки воды и пищи, а потому, конечно, не мог с полной уверенностью знать, что чувствуют живые существа в этот миг. Однако же ему казалось, что всё должно быть немного не так. Да, ему ужасно хотелось пить, но при этом он не терял сознания от обезвоживания, как, казалось бы, должен был. Может быть, думалось ему, всё это случится внезапно? Но до тех пор он ещё успеет сделать хотя бы один шаг.

Ещё одна мысль всё глубже ввинчивалась в его мозг. А вдруг он уже умер, и это – то посмертие, которого он удостоился? Вдруг ему суждено вечно идти по бесконечной пустыне среди этих торчащих каменных бивней? Может быть, его тело так и осталось лежать возле того валуна, рядом с так и не разжёванным кусочком вяленого мяса?

Но Драонн не чувствовал себя умершим. Гудели от усталости сбитые в кровь ноги, саднили исцарапанные ладони, зубы стучали от холода. Иногда он малодушно щипал себя за руку, и всякий раз ощущал под пальцами плоть – пусть совсем истаявшую, едва обтягивающую кость, но, кость тоже вполне материальную.

Может быть, в этом было проявление воли Бараканда? Но

проклятый орёл, кажется, совсем позабыл о своём избраннике, не навещая его даже во сне. Уж не потому ли, что никакого Бараканда в природе не существовало?..

Несмотря на то, что пейзаж вокруг был абсолютно однообразным, и все скалы были неуловимо похожи друг на друга; несмотря на то, что у Драонна уже не было сил поднимать голову вверх, чтобы определить, где находится солнце; несмотря даже на то, что его ноги сейчас брели, кажется, сами по себе, совершенно не советуясь с головой; так вот, несмотря на всё это измождённый принц почему-то был уверен, что идёт правильно, следуя строго на запад. Каждый шаг приближал его, но неясно – к чему. Можно было сказать и иначе – каждый шаг удалял его от Кэйринн...

На следующий день, несмотря на то что Драонн по-прежнему вполне обходился без воды, силы стали окончательно его оставлять. У него стало мутиться в голове, двоиться в глазах. В конце концов стали подкашиваться ноги. Наконец, неудачно наступив на довольно крупный обломок камня, принц упал ничком и с полной ясностью понял, что встать уже не сможет.

Какое-то время он просто лежал, ожидая смерти. Однако она всё не наступала. Сознание как будто вернулось к нему в полной мере, но слабость во всём теле не давала подняться на ноги. Было ясно, что это – конец, но глупо лежать и ждать Драонн не хотел. Его злило происходящее, его злила собственная беспомощность, его злило собственное ма-

лoduшное желание перестать бороться и отдаться в объятия смерти. Сейчас он ненавидел себя за всё – за смерти близких, за решение отправиться на Эллор, за то, что, вопреки здравому смыслу, отправился на поиски Бараканда, за теперешнюю слабость.

– Если собираешься тут валяться – не нужно было и приходить... – прорычал он самому себе с лицом, искажённым ненавистью. – Если хочешь просто спокойно сдохнуть – я не доставлю тебе такого удовольствия! Ты будешь ползти, пока не откажут руки!..

И он действительно пополз, хотя всё его естество противилось этому. Жуткая слабость разливалась по телу, и больше всего на свете хотелось просто уронить голову прямо на эти острые камни, смежить веки и больше уже никогда их не открывать. Но Драонн с садистским упорством полз, тяжело дыша, чтобы наказать себя за все грехи, чтобы хоть напоследок немного отомстить самому себе этой злой болью преодоления.

Конечно, напряжение сил было слишком велико, чтобы Драонна хватило надолго. Вряд ли ему удалось проползти хотя бы сотню ярдов – на этот раз в голове у него окончательно потемнело, и принц потерял сознание.

– Я знал, что кровь Пафирина окажется густа! – впервые после их первой встречи орёл заговорил. – Ты выдержал ис-

пытание, смертный. Ты готов стать мессией!

– Так ты испытывал меня? – выплёвывая сухую пыль изо рта (у него не было слюны, чтобы смочить её), прохрипел Драонн. – Всё это было испытанием?

Он всё так же лежал на животе посреди моря мёртвых камней. Он даже не мог поднять головы, чтобы увидеть орла. В его щёку впивался острый осколок, но Драонну было наплевать. Все его силы уходили на то, чтобы хоть что-то сказать, так что их не оставалось даже на то, чтобы открыть глаза.

– Одной крови мало, чтобы сделаться властелином мира. Нужен дух, и нужна воля. Нет смысла тратить время и силы на нытика и слабака.

– Значит, теперь ты будешь меня учить?

– Как только ты доберёшься до Одинокого Пика.

– Что?.. Но я больше не могу идти!.. – заскрежетал зубами Драонн.

– А вот и посмотрим. Ты уже близко. До этого момента Пик был скрыт от твоего взора, поскольку я ещё испытывал тебя, но теперь ты его увидишь. Если ты ещё не заметил, моя магия уже подпитывала тебя всё это время, поэтому, если у тебя хватит силы духа – ты обязательно дойдёшь.

– Тогда увидимся там, – Драонн, сцепив зубы, сделал отчаянную попытку встать.

Принц очнулся и медленно разлепил глаза. Значит, разговор с Баракандом лишь привиделся ему, когда он потерял сознание... Был ли он на самом деле, или это – всего лишь плод его измученного воображения? Узнать это можно было лишь одним способом. Орёл сказал, что теперь Драонн должен увидеть тот самый Одинокий Пик. Всего-то и нужно, что встать и посмотреть. Однако сейчас принцу казалось, что это – самая невыполнимая задача на свете.

Подышав некоторое время в пыльные камни, он всё-таки пошевелил рукой. Бараканд сказал, что поддерживает его своей магией. Если это так, то почему же тогда каждое движение даётся ему с таким трудом, будто на него навалили все окрестные скалы? С другой стороны, это неплохо объясняет то, почему он ещё не мёртв. А раз так – надо пытаться встать. Орёл сказал, что для этого нужна крепкая воля. Что ж, надо думать, в этом у Драонна недостатка нет!

Подтянув под себя руки, принц оперся ладонями в каменную крошку и, напрягши все свои душевные силы, сделал попытку подняться. Это удалось, хотя и не сразу. Но как только удалось оторвать тело от земли, стало легче поднимать его дальше, словно он лежал не на каменистой почве, а в клейкой грязи. Драонн встал сперва на четвереньки, а затем и на колени. Шагах в пяти была очередная небольшая скала. Драонн на четвереньках добрался до неё, чтобы приобрести упор.

Прислонившись к ледяному шершавому боку, он медлен-

но, с трудом сдерживая стон, поднялся на ноги. Приник спиной к скале, закрыв глаза и борясь с головокружением. Наконец он почувствовал, что собрал достаточно сил, чтобы попытаться оторваться от поддерживающего его камня. Сделал несколько неуверенных шагов и взглянул на запад.

Белёсое осеннее небо разрезала тонкая чёрная игла. До неё, судя по всему, было не более двух дней пути. Вершина Пика терялась в облаках, хотя за всё время, что Драонн провёл в пустыне, он не видел на небе ни облачка, словно эта странная гора стянула все их на себя. Принц вгляделся в эту облачную завесу, и ему показалось, что он углядел какое-то движение – будто какая-то гигантская тень шевельнулась среди этих плотных туч.

Радость захватила всё естество Драонна. Значит, Бараканд существует! Значит, Ворониус не солгал! Значит, он действительно станет великим магом и мессией, что освободит свой народ от гнёта людей! Драонн настолько воодушевился, что, казалось, позабыл об усталости. Ещё минуту назад он с трудом держался на ногах, опираясь о скалу, теперь же он зашагал широко и уверенно, будто только что вышел на прогулку по окрестностям Доромиона, перед этим хорошенько выспавшись и отзавтракав.

Теперь, когда Бараканд сообщил ему о своей поддержке, Драонн действительно словно почувствовал её. Сейчас ему не хотелось ни пить, ни есть, исчезла боль в натруженных ногах... Неизвестно, долго ли продержится подобный эффект,

но принц хотел использовать его по максимуму. Теперь он знал, что каждый шаг приближает его к цели, и остальное было уже неважно.

Лучи закатного солнца зажгли очертания чёрной скалы багряным огнём. Что-то противоестественное было в этом Пике – в основании он был шириной не более чем двести ярдов, но зато высота его была умопомрачительна. Драонн не мог даже примерно представить себе – сколько тысяч ярдов было в этом Пике. Скорее всего, для измерения тут больше подошли бы мили. Три, а может и четыре мили в высоту. Во всяком случае отсюда, от подножья скалы, она казалась бесконечной. Где-то на огромной высоте её окутывали тёмные облака, но ощущение того, что за ними Пик простирается ввысь ещё очень далеко, было абсолютным.

Конечно же, подобная конструкция не могла бы устоять без помощи магии. Обычная скала, даже вдесятеро меньшей высоты, давно бы уже рухнула под собственной тяжестью и неумолимым напором ветров. Одинокий Пик же, кажется, был вовсе неподвержен стихиям. Что за камень был его основой – Драонн понять не мог. Иногда он выглядел как чёрный гранит, но затем вдруг начинал казаться чёрным же мрамором, а то и вовсе обсидианом.

Вблизи скала не была столь идеально ровной, какой выглядела издали. Здесь были и обычные уступы, балконы, да-

же трещины, но всё это казалось не признаками разрушения, а необходимыми элементами, без которых Пик выглядел бы безжизненным куском выточенного камня.

Одинокий Пик был действительно одинок – даже эти мелкие, плебейские скалы, которые усеивали пустыню, отступали от него, наверное, на целую милю, причём, насколько мог видеть Драонн, они образовывали нечто вроде амфитеатра едва ли не идеально круглой формы, в центре которого и высилось это чудовищное чёрное веретено, пронзающее само небо.

Оказавшись в тени Пика, Драонн остановился, не дойдя до него каких-то ста шагов. Поднял голову, вглядываясь в окрашенные красным облака высоко вверху. Он был уверен, что Бараканд знает о его приходе. И действительно, вскоре из клубка туч вырвалась тень орла. Даже на такой невероятной высоте было видно, что он просто огромен. Орёл спускался широкими плавными кругами, и чем ближе он становился, тем у Драонна всё сильнее захватывало дух и даже подступала тошнота. Разум отказывался принять столь чудовищные размеры птицы. Наконец он больше не мог совладать с собой и рухнул на колени, раздавленный величием приближающегося существа.

Глава 43. Маг

Орёл высился перед коленопреклонённым илиром – огромный, будто храм. Когда он только приземлился, широко распахнув свои крылья, то закрыл собой, казалось, всё небо. От кончиков когтей до макушки птица была не менее двадцати ярдов в высоту, а размах крыльев достигал, наверное, все четыреста футов. Так и не сложив крыльев полностью, он наклонился к Драонну, так что его клюв оказался в каких-нибудь десяти футах от него.

– Подними лицо, – раздалось в голове у принца. – Умей глядеть в глаза своим страхам.

– Я не боюсь! – стуча зубами, ответил Драонн.

– У тебя хватает смелости лишь на эти слова, – голос, звучащий в голове, не так хорошо передавал эмоции, но принц уловил насмешку. – Но не хватает смелости даже чтобы *попробовать* перестать бояться.

– Ты прав, могучий, – проговорил Драонн, всё так же не смея поднять глаз. – Но я никогда прежде не видел ничего подобного.

– Я тоже, однако же гляжу на тебя без страха. А ведь ты – моё единственное оружие, над которым я начал трудиться бесщётное количество лет назад. Ты можешь потерять лишь жизнь, я же – все свои надежды. Так кому из нас пристало бояться?

– Моя жизнь тоже чего-то стоит, – Драонн, приложив невероятное усилие воли, заставил себя взглянуть в эти громадные золотистые глаза. Каждый из них был размером едва ли не с него самого, так что принц почувствовал дурноту и головокружение, и вновь опустил взор к земле.

– Лишь если она послужит мне, – возразил Бараканд. – Твоя жизнь – миг, подобно капле росы, срывающейся с листа. Мгновение – и ты исчезнешь. Лишь со мной ты проживёшь хоть немного дольше, а главное – не будешь забыт тотчас после своего ухода в небытие.

– За этим я и пришёл сюда.

– Ты хочешь получить всё, при этом не умея удержать даже малого. Ты хочешь быть властелином мира, но не можешь взглянуть мне в глаза.

– Что ж, справедливо, – согласился Драонн, и на этот раз он заставил себя не только поднять голову, но и встать с колен.

Бараканд, словно испытывая своего ученика, склонился ещё ближе – так, что между золотистой полусферой его глаза и лицом принца осталось каких-нибудь два фута. Драонн слегка отшатнулся, но заставил себя не отвести взгляда. Он смотрел прямо в чёрный зрачок, видя в нём своё отражение. Это отражение внезапно стало уплывать, словно проваливаться в чёрную бездну. Тошнота сдавила горло Драонна, но он продолжал глядеть в эту пугающую глубину, словно и сам проваливаясь туда следом.

– Хорошо! – удовлетворённо проговорил Бараканд, поднимая голову. – Первый урок ты усвоил. Но не гордись собой прежде времени! Это – сущий пустяк в сравнении с тем, что тебе предстоит.

– Я готов ко всему, – принц стряхнул с себя наваждение орлиного ока и больше не чувствовал себя падающим в бездонную пропасть.

– Увидим! Но прежде скажи – ради чего ты здесь?

– Чтобы стать мессией и спасти свой народ.

– Нет.

– Почему нет? – воскликнул Драонн.

– Я читаю в твоём сердце, и знаю, что ты пришёл не за этим.

– Я хочу стать великим магом!

– Нет.

– Я хочу быть властелином мира, – Драонн растерялся, не зная, что хочет услышать от него Бараканд.

– Нет.

– Я хочу быть твоим учеником.

– Нет.

– Я хочу мести! – яростно бросил Драонн и по собственным ощущениям понял, что именно это и было правдой. Именно это чувство привело его сюда.

– Помни об этом всегда! – удовлетворённо склонил голову орёл. – Фокусируйся на этом чувстве, оно придаст тебе сил. А сил тебе потребуется очень много. Запомни, мне со-

вершенно неважно – почему ты пришёл ко мне. Для меня главное, чтобы исполнил то, ради чего я создал тебя. Ты должен быть предельно собран, готов на любые жертвы. И если месть – это то, что движет тобой, то пусть будет так! Лишь бы она помогла тебе добиться результата.

– Я готов на всё ради неё!

– Лишь это мне и нужно. Теперь спи, а завтра начнём.

Драонн оглянулся вокруг – здесь не было ничего, что напоминало бы жилище, или пещеру, или хотя бы нору. Он ничего не спросил, понимая, что орёл лишь в очередной раз рассмеётся над ним. Что ж, ночевать прямо на камнях ему было не привыкать. Не предложил Бараканд также ни пищи, ни воды, но и здесь принц готов был потерпеть – он уже свыкся с постоянной сосущей болью в животе и распухшим от жажды языком.

Орёл, тяжело оттолкнувшись от земли, взлетел. Ветер от его крыльев сбил Драонна с ног, но он тут же поднялся и глядел, не отрываясь, как Бараканд, отталкиваясь мощными толчками от морозного воздуха, вздымался всё выше, куда вновь не исчез за покровом окружавших Пик облаков.

Драонн улёгся у самого подножья одинокой скалы, привычно прижавшись к ней, чтобы защититься от ветра. Но это не помогало – здесь ветер дул словно ото всех сторон сразу. Кроме того, чёрный камень излучал прямо-таки пронизывающую стужу, так что принц отполз от него подальше. Радостное предвкушение грело его изнутри. Сегодня – последняя

ночь принца Драонна Доромионского! Завтра начнётся новая эра! Впервые за долгие месяцы Драонн уснул почти сразу же как сомкнул глаза.

– Несмотря на то, что тело твоё готово перешагнуть условности, не позволяющие другим мужчинам твоего племени владеть магией, разум твой к этому не готов. Слишком глубоко в нём укоренилась вера в невозможность этого, и как бы ты не старался, ты не вытравишь её оттуда. И никто в мире не смог бы сделать это. Никто, кроме меня.

Драонн сидел на привычном уже пронизывающем ветру и внимал Бараканду, ради него вновь спустившемуся вниз из своих горних высей. Он так и не поинтересовался – не хочется ли принцу пить или есть, а сам Драонн на эту тему не заговаривал. В общем-то, в этом плане ничего не изменилось – ему по-прежнему хотелось и пить, и есть, но это, похоже, никак не ухудшало его самочувствие.

– Мне придётся вмешаться в твою сущность и изменить её, – продолжал орёл. – Лишь изменившись, ты будешь готов.

– Но, изменившись, я перестану быть собой? – с беспокойством спросил Драонн.

– Разумеется, в некоторой мере.

– Но буду ли я помнить всё, что со мной случилось? Буду ли помнить – кто я такой?

– Вне всякого сомнения. Твоя память останется при тебе.

– Это хорошо, – с облегчением вздохнул Драонн. – Я хочу помнить *всё*.

– Не думаю, что тебе-обновлённому будут столь важны те воспоминания, о которых ты сейчас так переживаешь. Но они останутся с тобой.

– Это всё, что мне нужно знать. Я готов.

– Не всё так быстро, – усмехнулся Бараканд. – Трансформация будет долгой. Сразу предупрежу, что тебе придётся практически умереть, чтобы затем уже возродиться в новом качестве.

– Ты заморишь меня жаждой и голодом? – невольно вздрогнув, спросил Драонн.

– Не только. Главным образом, я лишу тебя магии, которая сейчас питает тебя. Твои головные боли, твои припадки, твоя бессонница – всё это было не случайностью. Так твой организм перестраивался с восприятия того *возмущения*, что было привычно ему сызмальства, на магию Эллора, *мою* магию. Уже это отчасти подавило в тебе нынешнюю ипостась, но теперь я изолирую тебя и от этой магии, и без неё ты долго не проживёшь.

– Что ж, я надеюсь, ты знаешь, что делаешь... – Драонн пытался говорить спокойно и даже равнодушно, но тело его била крупная дрожь.

– Я знаю, что делаю, – заверил Бараканд.

Последующие дни слились для Драонна в один мучитель-

ный ужасный день. Его терзала жесточайшая боль во всех членах и органах, его ломали судороги, его рвало наизнанку. Обезумев от боли, Драонн грыз камни, ломая зубы и даже не чувствуя этого – настолько его сознание было заполнено другой, всепоглощающей болью.

Через какое-то время боль сделалась глуше и дальше. Драонн понял, что умирает. Теперь его сознание было уже не здесь, на этой каменистой пустоши. Лиррийский принц словно завис в какой-то багровой пустоте. Она, будучи пустотой, при этом казалась густой, словно кровавая патока. Она текла мимо него нестерпимо горячей лавой, сжигая не плоть, которой уже не было, а душу Драонна, его мысли. Боль вернулась, и была ещё нестерпимее, чем прежде.

Если бы было можно – он бы сдался, лишь бы прекратить эту пытку. Более того – он беззвучно вопил, надрываясь и захлёбываясь этим криком, он умолял Бараканда оставить его в покое, дать ему просто умереть. Но великий Орёл если и слышал, то никак не реагировал на эти вопли-молитвы.

Наконец растворилось и багровое варево. Казалось бы, с ним должна была исчезнуть и боль, ведь ничто больше не опаляло его. Однако теперь вокруг была звенящая пустота, наполненная пронизывающим, ослепительным светом. Он в самом деле пронзал каждую клеточку Драонна, словно растворяя его в себе. И это снова было ужасно больно, и принц снова пытался кричать, но никакой звук не мог пробиться сквозь неистовую лавину этого света.

Сколько это продолжалось – Драонн не представлял. Может быть, одну секунду, а может – тысячу лет. Когда свет наконец исчез – просто погас, оставив после себя непроницаемую тьму – принц замер, в ожидании новой пытки. Но тьма оказалась благосклонна к тому, что когда-то было Драонном Доромионским, а теперь – лишь песчинкой в бесконечности. Вместе с тьмой пришло столь долгожданное забвение и освобождение от боли...

После той обжигающей пустоты, в которой побывал Драонн, каменистая пустыня вокруг Одинокого Пика казалась вполне уютным местом. Он по-прежнему лежал на камнях, забрызганных его же кровью, но боли не чувствовал. То ли её не было вовсе, то ли в сравнении с тем, что он пережил, она была попросту незаметна. Главное – он жив, а значит у Бараканда всё получилось. Во всяком случае, Драонну очень хотелось так думать.

Самой гигантской птицы поблизости не было, однако принц не сомневался, что вскоре тот спустится с вершины, чтобы полюбоваться на своё творение. Так и вышло. Не прошло и четверти часа, как его накрыла крылатая тень.

– Как себя чувствуешь? – поинтересовался Бараканд, хотя в голосе, звучавшем в голове Драонна, не было и толики заботы или беспокойства.

– Сейчас – хорошо. Но до того...

– Это вполне объяснимо. Ничто живое не может выносить отсутствие *возмущения*. Нити *возмущения* – ткань, плоть бытия, и лишиться их в тысячи раз хуже, чем лишиться разом пищи, воды и воздуха. В некотором смысле мы – и есть *возмущение*. Точнее, я-то являюсь *возмущением* в прямом смысле, но и всё сущее в Сфере тоже в немалой степени состоит из этих незримых нитей – даже эти камни. Когда я изолировал тебя от этих потоков – стала гибнуть не только твоя плоть, но и твоя душа.

– Ужасные ощущения... Почему маги не используют подобного? Ведь это куда страшнее и эффективнее любой их боевой магии...

– Если бы могли, обязательно использовали бы, – надменно усмехнулся Бараканд. – В этом мире нет другого существа, способного на такое. Да и я могу лишь потому, что готовился к этому многие тысячи лет.

– А я так смогу?

– Ты не проживёшь достаточно долго, чтобы научиться. Да тебе это и ни к чему. По меркам смертных этого мира ты и так будешь одним из самых могучих колдунов. Поверь, твоего могущества хватит тебе для всего, что ты только сумеешь вообразить!

– Для всего? – Драонн пытался было вскинуть голову, но понял, что не может пошевелиться. – И я смогу воскресить мою семью?

– Во всей Сфере нет силы, способной воскресить умер-

шее. Белый Мост можно пройти лишь в одну сторону.

Трудно сказать, насколько Драонн был разочарован ответом. Точнее, трудно сказать, в чём крылось зерно этого разочарования – в том ли, что он не сможет вернуть родных, или же всё-таки в том, что у его могущества всё-таки будут вполне зримые пределы?

– Почему я не могу даже шевельнуться?

– Я выжал из тебя всё *возмущение*, оставив лишь одну каплю, которая отделяла тебя от полной смерти. Теперь ты вновь наполняешься уже *возмущением* Эллора, но это процесс медленный. Чуть позже я стану вкачивать в тебя магию, но пока делать этого нельзя – ты можешь погибнуть. Придётся тебе какое-то время полежать так. Но не беспокойся – это время не будет потрачено впустую. Я начну твоё обучение прямо сейчас, но для этого придётся погрузить тебя в транс. Будь готов к тому, что ближайшие месяцы ты проведёшь вне пределов этого мира.

Драонн находился на вершине горы. Это был не Одинокый Пик, а самая обычная гора, если, конечно, не брать в расчёт то, что единственные известные Драонну горы – Анурские – были гораздо и гораздо ниже. Здесь же, насколько хватало взгляда, простирался величественный горный хребет, где многие горы потрясали своими размерами.

Та, на которой оказался Драонн, имела весьма острую об-

ломанную вершину, так что она представляла собой небольшую площадку примерно три на шесть футов, покрытую льдом и снегом. Насколько принц мог судить, он находился примерно в двадцати пяти тысячах футах над землёй. Здесь дул очень сильный ветер, а воздух был разрежен так, что Драонн никак не мог вдохнуть полной грудью. Кожу покалывало изнутри будто мириадами маленьких иголок.

– Где мы? – спросил он, хотя орла поблизости не было.

– Какая разница? – последовал ответ. – Всё это – лишь в твоём сознании. Но если тебе всё же это важно – мы в горах Западного Эллора.

– Здесь очень красиво.

– Эллор куда больше и разнообразнее Паэтты.

– Здесь живут люди, или лирры, или гномы? Или вообще какие-то разумные существа?

– Не считая тех, что приплывают из-за океана, разумных существ на Эллоре нет. Это то, чем я должен был расплатиться за своё могущество. Будь здесь люди или лирры – стал бы я выстраивать столь сложную комбинацию с тобой?

– А драконы? – Драонн пропустил мимо ушей довольно обидные слова, ведь они были справедливы. – Правда ли, что на Эллоре водятся драконы?

– Правда, – подтвердил Бараканд. – Здесь, в горах.

– Я увижу их?

– Мы в твоём сознании, – напомнил незримый орёл. – Если нужно – я могу заполнить драконами всё небо. Посмот-

ри направо.

Драонн повернул голову и внезапно увидел чешуйчатую крылатую тварь, зависшую в прозрачном воздухе всего в каких-нибудь сотне ярдов от него. Солнце заставляло зелёную чешую переливаться разными цветами и играло на перепончатых крыльях, величественно взмахивающих так, чтобы удержать животное в небе.

– Они не так велики, как у нас рассказывают... – с лёгким разочарованием проговорил принц.

Действительно, от кончика хвоста до носа дракон едва ли был длиннее тридцати футов, при том, что хвост у него был довольно длинный. Перепончатые крылья в размахе тоже были порядка сорока футов – много, но в каноническом труде Байлинти – единственного общепризнанного исследователя восточного побережья Эллора – упоминались драконы, каждое крыло которого было не меньше пятидесяти футов в длину.

– Сомневаюсь, что кто-то из жителей Паэтты когда-то видел настоящего дракона. Даже этим тварям трудно пересечь Серединную Пустошь. Разве что когда-то здесь в горах были проблемы с пропитанием... Ну даже если кто-то действительно видел дракона, то уж конечно затем как следует приврал.

– А они действительно изрыгают пламя?

– Конечно нет. Драконы – изначально магические существа, но не настолько. Хотя если тебе захочется, то позже ты

сможешь вывести таких драконов, какие тебе представляют – громадных и огнедышащих.

– Всё это будет в моих силах? – радость наполнила грудь принца.

– Может быть, лет через тысячу.

– Я хочу поскорее начать обучение! – с нетерпением воскликнул Драонн, и тут же устыдился этого порыва, почувствовав, что сейчас он похож на маленького мальчика, нетерпеливо ожидающего подарков на свой день рождения.

– Твоё рвение похвально, но в тебе ещё слишком много прежнего Драонна. Тебе следует выучиться терпению и взвешенности. Именно эти черты отличают великого мага от площадного фокусника. И именно этому я буду учить тебя в первую очередь.

Поначалу обучение оказалось неожиданно скучным и, на первый взгляд, совершенно не относящимся к магии. Орёл учил сосредотачиваться на чём-то, пытаюсь проникнуть в самую суть его, мысленно разложить на составляющие.

– Что ты чувствуешь? – то и дело спрашивал он, и долгое время Драонн не находил ответа, который бы удовлетворил строгого учителя.

– Я чувствую, будто меня окружают сотни колокольчиков, которые тихонько звенят, – наконец ответил он.

– Ты чувствуешь *возмущение*. Ты и прежде чувствовал его, как слепцы чувствуют звёздный свет. Но теперь всё будет иначе. Когда ты сможешь отделить звон одного колокольчи-

ка от всех прочих, когда ты будешь точно знать, как заставить именно его звучать громче остальных – тогда ты станешь магом. Со временем я вкачаю в тебя столько силы, что эти колокольчики обратятся огромными колоколами, от звона которых будет содрогаться земля. Тогда ты станешь великим магом. Однажды, возможно, ты сумеешь создать новые колокольчики и заставить замолкнуть существующие. Тогда ты станешь тем, кого я хотел создать.

И Драонн очень старался. Бараканд практически никогда не ругал своего ученика, когда у того что-то не получалось, и совсем никогда его не хвалил, но всё же лирийский принц понимал, что учитель, кажется, вполне доволен тем, как идут дела. Драонн уже и позабыл, что он находится в мире грёз. Для него вполне естественным было, что солнце могло то часами висеть на одном месте, то, напротив, скакать по всему небу, словно безумное. Он не удивлялся и сменам обстановки, когда вместо заснеженного пика вдруг оказывался на небольшом острове посреди океана, или в древнем сыром лесу. Драонну не нужны были еда, вода и сон, а редкие перемены на отдых он использовал для глубоких медитаций, когда пытался проникнуть в самые основы мира, просочиться сквозь его материю, воочию увидеть струны *возмущения*.

Сколько времени прошло в реальности – Драонн не представлял. Когда Бараканд наконец объявил, что основные трансформации тела завершены и дальше принц может проходить обучение бодрствуя, Драонн очнулся всё в том же

месте. Был жуткий холод, всё вокруг было белёсым – небо, камни, даже Одинокий Пик покрылся корочкой льда. Кажется, зима была в полном разгаре, и будь над пустыней тучи, они давно бы уже покрыли всё снегом. Но те облака, что по-прежнему скрывали вершину Пика, никогда не делились своей влагой с землёй, а других здесь не было.

Неизвестно сколько, но совершенно точно несколько недель Драонн уже обходился без пищи и воды, но теперь он уже не чувствовал ни голода, ни жажды. Вероятно, он теперь питался чистым *возмущением*. Наверное, со временем он сможет, если будет на то желание, превращать это *возмущение* в совершенно любые яства – хоть жареную индейку, хоть мёд, хоть саррассанское вино. Пока же ему хватало и этого.

В последующие несколько недель Драонн осваивал такие премудрости высшей магии как левитацию и телекинез. Понимая суть структурного строения мира, можно ходить и по воздуху, если учесть, что воздух, как и земную твердь, пронизывают те же самые нити *возмущения*. Вообще сейчас Драонн словно заново познавал для себя мир – многие вещи, казалось бы, знакомые с детства, внезапно открывались совершенно в ином свете, являя новоявленному магу всё новые и новые горизонты.

Бараканд почти не учил Драонна стихийной магии, считая её низшей примитивной формой. Драонн учился манипулировать чистым *возмущением*, а не его овеществлением

в виде природных стихий. Это было несоизмеримо сложнее, но позволяло творить поистине фантастические вещи.

Творить в прямом смысле слова. Настал момент, когда Драонн «из ничего» создал камень. Небольшой, размером с кулак младенца, но этот камень, ничем не отличающийся от сотен миллионов таких же булыжников, разбросанных вокруг, был всё же чем-то невероятным – единственный камень во всём Эллоре, созданный волею не богов, но илира.

Драонн больше не чувствовал холода, создавая вокруг себя тончайшую невидимую оболочку, защищающую его от ветра и морозного воздуха. В случае чего он так же просто смог бы создать защиту от стрел, мечей, враждебной магии. Бараканд был хорошим учителем, а Драонн, возможно, благодаря той самой крови Пафирина – способным учеником.

Жажда превзойти то, что уже ему подвластно, стала даже сильнее жажды мести. Нужно признать, что Драонн теперь вообще крайне редко вспоминал свою прошлую жизнь, а когда вспоминал, то не чувствовал уже тех переживаний, что раньше. Это скорее было похоже на то, как переживаешь судьбе героя, о котором читаешь в книге. Аэринн, Кэйринн, Биби и Гайрединн – всё это осталось где-то очень далеко, или, лучше сказать – где-то низко, куда ниже тех сфер, в которых он парил сейчас.

Но это не значило, что он оставил идею возвращения. В конце концов, возводить пирамиды из громадных булыжников и левитировать над скалами не так увлекательно, как

вершить судьбы народов. Покамест Драонн не заикался о возвращении на Паэтту, жадно впитывая всё, чем делился с ним Бараканд. Но он понимал, что день этот близится. Скоро, судя по всему, должна была наступить весна – срок, обозначенный ему принцем Эйрином.

Глава 44. Император

Драонн ощущал себя сильным как никогда. Бараканд, как и обещал, щедро вкачивал в него магические силы, продолжая также и делиться знаниями. Теперь уже и сам Драонн до многого доходил своим умом.

– Я думаю, что уже готов отправиться обратно, – собравшись с духом, однажды сказал он Бараканду. – Я чувствую, что в моих силах сейчас перевернуть весь мир!

– Ты стал очень силён, не спору, – согласился орёл. – И умел, что ещё важнее. Думаю, совсем немного на Паэтте найдётся магов или магинь, способных соперничать с тобой. Но ты не можешь вернуться.

– Это ещё почему? – удивился Драонн. – Наступает весна, скоро Эйрин отправится в обратный путь.

– Он отправится без тебя. Ты останешься здесь, как и я.

– Но почему?

– Думаю, ты сам можешь ответить на этот вопрос.

– *Возмущение...* – чуть задумавшись, проговорил Драонн. – Здесь оно иное, нежели на Паэтте.

– Это как другой воздух. Ни ты, ни я не сможем «дышать» им. Океан – это барьер, что разделяет не просто два континента, но два мира. Я – не просто хозяин Эллора, я ещё и его пленник. А теперь и ты тоже.

– Так ты обманул меня? – на мгновение Драонн даже по-

забыл, *кто* находится перед ним. Ярость вспыхнула в нём подобно сухой соломе.

– Не совсем. Рано или поздно, но Паэтта будет моей. Однако не уверен, что это произойдёт при твоей жизни.

– Что? – вскричал Драонн.

Не сумев справиться с яростью, и не будучи ещё опытным магом, он неосознанно преобразовал её в силу. Камни брызнули во все стороны от него, а в небо взвилось облако пыли, перемешанной с частичками инея.

– Необходимо невероятно мощное воздействие, чтобы сломать барьер, – спокойно, словно на лекции, пояснил Бараканд. – Какая-то сверхмощная аномалия, которая исказит потоки *возмущения* настолько, что они сомнут препоны. У меня нет сомнений, что рано или поздно такая аномалия появится, но я не могу предсказать – когда именно. Быть может, это случится через десяток лет, а может – через сотни тысяч. И какую бы долгую жизнь ты не приобрёл – ты не проживёшь так долго.

– Но тогда зачем всё это? – Драонна трясло от ненависти и разочарования. – Для чего ты притащил меня сюда?

– Потому что ты мне нужен, – отрезал орёл. – Не питай иллюзий на свой счёт: это ты – моё оружие, а не я твоё.

– Но что же я смогу сделать, если навеки застрял здесь? – Драонн невольно сбавил тон, уловив нечто властное и опасное в словах Бараканда.

– Даже если барьер будет сломлен, и потоки *возмущения*

Эллора достигнут Паэтты, вряд ли этого будет достаточно, чтобы я сумел лично проникнуть туда. Поэтому мне потребуется армия. И тот, кто поведёт эту армию за собой. Ты нужен мне для того, чтобы создать величайшую империю прямо здесь, на Эллоре, посреди этой Пустоши, ибо здесь, рядом с Одиноким Пиком, главное сосредоточение моих сил.

– Но как я создам империю в этой пустыне? Здесь не живут даже скорпионы!

– Ты *создашь* подданных, способных жить где угодно.

– Создам? – изумился Драонн. – Как големов?

– Нечто подобное. Ты создашь миллионы, а может даже – миллионы миллионов существ, которые в любой момент будут готовы отправиться на войну.

– Но если, как ты говоришь, я умру раньше, чем представится возможность возглавить их?

– Поэтому-то важно, чтобы ты оставил наследника.

– Его я тоже создам сам? – несмотря на то, что Драонн прекрасно понимал, *кто* перед ним, он не сумел удержаться от сарказма.

– Его родит тебе женщина, – как ни в чём не бывало ответил Бараканд.

– Женщина? У тебя здесь есть женщины?

– Они будут прибывать на Эллор, а твои подданные будут похищать их для тебя.

– Не так много желающих плыть сюда, должен заметить.

– Их будет много больше, когда колонисты найдут главное

сокровище Эллора.

– И что это за сокровище?

– Магический металл, которого нет на Паэтте. Металл, по прочности и долговечности намного превосходящий сталь, и способный сохранять в себе магию на долгие десятилетия. Здесь повсюду его залежи. Особенно много их здесь, в пустыне, но встречаются они и на побережье. Пусть твой приятель Эйрин отправится на Паэтту и сообщит об этом. И тогда здесь не будет отбоя от желающих раздобыть то, что будет цениться куда дороже золота!

– Здесь есть одна женщина... – упоминание об Эйрине напомнило Драонну о Кэйринн, которая ждала его на побережье.

– Та, что прибыла с тобой? Она не подойдёт. Я думаю, что лишь человеческая женщина сможет выносить твоего сына. Лирры слишком чувствительны к *возмущению*, тем более – к столь чуждому. Твоя спутница просто умрёт, не дожив дитя. Потребуется не просто человеческая женщина, но женщина, совершенно и начисто лишённая восприятия *возмущения*. Впрочем, никто не мешает тебе попробовать. Развлекайся. Если хочешь, оставь её себе. Пусть остаются кто пожелает, лишь бы были те, кто отправится обратно с вестями о магическом металле. Но даже если они и все захотят остаться – найдём другой корабль и других гонцов. Лишний год или два ничего не решат.

Всё это требовалось осмыслить. Внезапно рушились все

планы и ожидания. С одной стороны, месть, которая была главной движущей силой для Драонна до его перерождения, теперь уже не являлась столь важной для него. Боль его утраты значительно притупилась, и, если подумать, то ведь именно благодаря этому он стал тем, кем стал. Так что жажда мести оставалась для него лишь знаменем, которым он прикрывался скорее для самого себя, нежели для Бараканда, которому на это было глубоко плевать.

Сейчас Драонном двигало иное. Ему хотелось сойтись в схватке с величайшими магами Паэтты, победить их, доказав собственное превосходство. Ему хотелось, чтобы любой человек содрогался, едва заслышав его имя. Он уже видел себя властелином Паэтты, великим императором...

Правда, Бараканд как раз и предлагает ему это. Хотя, нельзя не признать, что быть императором Паэтты и быть императором каких-то рукотворных големов – большая разница, но надо же с чего-то начинать. Реальность такова, что Паэтта пока недостижима для него. Значит, нужно создать себе имя и славу здесь. В конце концов, грозная мощь империи Драонна заставит всю Паэтту бояться и уважать его!

К чему вообще все эти рассуждения? – вдруг подумалось Драонну. Ведь у него просто нет выбора! То, что он сейчас что-то взвешивает, ведёт какой-то внутренний спор – происходит от иллюзии выбора. Ему всё кажется, что он может сделать так, как хочется *ему*. Но правда в том, что он – лишь пешка в партии, задуманной за многие тысячи лет до его

рождения. Это можно либо принять как данность, либо абсолютно глупо пытаться что-то исправить. Но это и правда глупо – так же глупо, как упереться сейчас плечом в Одинокый Пик и пытаться оттолкнуть Эллор к Паэте.

Драонн знал, что Бараканд слышит все его мысли. Трудно сказать, что думало при этом существо древнее, как сам этот мир. Пытаться постичь мысли Бараканда для смертного – всё равно что мухе пытаться постичь лирийскую магию. И всё же принц был почти убеждён в том, что могучий орёл одобряет ход мыслей своего ученика.

– Я могу отправиться на побережье?

– Хоть сейчас.

– Я так и сделаю.

Путь к Пику занял у Драонна много дней и стоил много сил. Обратный путь был совсем иным. Когда-нибудь Драонн научится растворять саму плоть бытия, чтобы проходить сквозь неё, мгновенно оказываясь в совсем других местах. Пока же он просто шёл, почти не касаясь земли – нечто среднее между ходьбой и полётом, за один шаг покрывая сразу полторы сотни футов. Учитывая также, что ему не нужно было ни пить, ни есть, ни отдыхать, весь путь у него занял всего несколько часов.

К лагерю он вышел уже затемно. Здешние обитатели давно уже отбросили божественные привычки прежней жизни, и те-

перь ложились спать с закатом – уставшие от дневных трудов. Однако Драонн увидел, что лучины в хижине, в которой жила Кэйринн, ещё не погашены, а потому он подошёл и толкнул дверь.

Хотя на двери и были запоры, но в виду отсутствия врагов их никогда не запирали. Вот и сейчас она распахнулась, впус- тив внутрь холодный ночной воздух, заставивший трепе- тать пламя на лучинках. С десятков обитателей хижины при- поднялись на своих лежанках, уставившись на дверной про- ём, но поначалу они, вероятно, решили, что это кто-то из своих. Однако даже силуэт Драонна, по-видимому, слишком отличался от привычных уже силуэтов обитателей лагеря.

– Драонн?.. – раздался голос Кэйринн.

Девушка, едва заметная в сумраке, слегка разбавленном слабыми огоньками, вскочила со своей лежанки и бросилась навстречу принцу, чтобы обнять, не дожидаясь, пока до это- го догадается сам Драонн.

– Эй, больше света! – раздался голос Эйрина.

Остальные засуетились, и вскоре пространство комнаты озарилось светом нескольких ламп, направленных, судя по запаху, каким-то жиром.

– Неужто и правда вы вернулись, милорд? О, боги!.. – вне- запно выдохнул подошедший ближе Эйрин.

Кэйринн, удивлённая реакцией принца, отстранилась, чтобы теперь уже, при свете ламп, посмотреть на своего воз- любленного. Драонн увидел, как она побледнела и невольно

отшатнулась.

– Что с тобой, мой принц? – прошептала она.

Конечно, у Драонна всё это время не было не то что зеркала – даже небольшой лужи, в которой он мог бы увидеть своё отражение. Потому что тогда бы он, конечно, заметил те изменения, что произошли с ним. Волосы выпали окончательно, кожа приобрела какой-то землистый оттенок. Вены на голове взбугрились и потемнели, словно по ним бежала уже не кровь, а чернила каракатицы. Но главное – глаза. Белки глаз покрылись такой густой сетью лопнувших сосудов, что стали абсолютно красными. Зрачки же, которые у лирр обычно весьма крупные, у Драонна были сужены, словно ему в глаза постоянно светил яркий свет.

Однако ничего этого принц не знал. Более того, он словно и не заметил этого испуга у Кэйринн и Эйрина.

– У меня всё получилось, Кэйр, – ответил он. – Ворониус не обманул. Теперь я – великий маг.

– С тобой всё в порядке? – Кэйринн с болезненной грустью оглядывала возлюбленного, замечая всё новые признаки разрушения.

– Всё прекрасно, как никогда. Ты разве не слышала?

– Но ты только взгляни на себя! – как у всякой женщины, у Кэйринн всегда неподалёку было зеркало.

– Ах, это, – равнодушно проговорил Драонн, несколько не удивившись и не испугавшись увиденного. – Это пустяки. Если бы ты знала, через что мне пришлось пройти, чтобы

добиться цели!..

– Ты выглядишь как труп, который выкопали спустя две недели!

– Вполне возможно, – пожал плечами Драонн. – Какое-то время я действительно был почти мёртв. Но ты обращаешь внимание совсем не на то! Внешность... Что внешность? Я думаю, что со временем она вернётся к норме, а если нет – я вполне смогу исправить всё сам. Почему ты не слышишь самого главного – я действительно мессия! Я – величайший маг этого мира!

И Драонн несколько не хвастался, произнося это. Он свято верил в истинность своих слов.

– Значит, мы возвращаемся домой? – шок слегка прошёл, и Кэйринн даже робко улыбнулась.

– Я не могу вернуться, Кэйр. Это долго объяснять, но я должен остаться здесь.

– Но почему?.. Мы же собирались... Ты решил отказаться от всей прежней жизни?..

– Я не сказал «не хочу». Я сказал «не могу». По той же причине, почему и Бараканд не может выбраться с Эллора. Пока. Когда-то это станет возможным, но для этого могут понадобиться тысячи лет.

– И что же делать?.. – беспомощно спросила Кэйринн.

– Ты можешь отправиться обратно с милордом Эйрином. Или... Если хочешь, можешь остаться со мной. Я создаю здесь собственную империю, и мне понадобятся помощни-

ки. Я сделаю вас принцами... и принцессой.

– Так Эллор обитаем? – спросил Эйрин.

– Нет. Но я займусь тем, что создам целые легионы существ, которые станут моими подданными. Это будет самая великая и могущественная империя в мире! Так вы со мной, принц?

– Нет уж, меня бросает в дрожь от одной мысли, что где-то неподалёку находится гигантский орёл, который собирается создать империю, заселённую рукотворными созданиями... И я, признаться, страшусь, что однажды вы окажетесь со всеми этими чудовищами в нашем мире...

– Не беспокойтесь, друг мой, – сухо ответил Драонн. – На это уйдут сотни лет. К тому времени вы успеете благополучно скончаться.

– Никогда так не радовался перспективе собственной смерти, – криво улыбнулся Эйрин. – И пусть пока ещё не совсем удачное время для навигации, максимум через пару недель я планирую отчалить. Вы со мной, дорогая?

– Я останусь с моим принцем, милорд, – не колеблясь ни мгновения, ответила Кэйринн. – Я поклялась быть верной ему, и не собираюсь отказываться от клятвы.

– Но госпожа... – начал было Эйрин. – Неужто вы хотите провести остаток дней в забытой богами пустыне среди мерзких монстров? Прошу вас...

– Не тратьте понапрасну красноречие, милорд, я уже всё решила. Если я смогу быть хоть чем-то полезна Драонну –

я останусь!

– Давайте подождём до утра, – едва ли не взмолился Эйрин. – Утром милорд Драонн ещё раз предложит всем выбор, и те, кто решат остаться – останутся. Но до тех пор – обдумайте всё хорошенько, молю вас! *Всех* вас, – и принц пристально поглядел в страшные кроваво-красные глаза Драонна.

– Я уже всё обдумал, другие же – пусть размышляют, – пожал плечами Драонн.

– Хорошо. Вы, должно быть, устали, милорд. Я могу уступить вам свою постель.

– Я совсем не устал, друг мой. И мне не нужна постель, ибо я теперь не сплю. А вы спите спокойно. Я побуду снаружи, чтобы не смущать вас. И ты, Кэйр, оставайся здесь, – прибавил он, заметив, что девушка сделала движение, чтобы последовать за ним. – Я буду медитировать всю ночь. Спи. Поговорим завтра...

Вряд ли многие в лагере спали этой ночью. Уж точно не спал Драонн, всю ночь просидевший без движения в нескольких шагах от хижины. Не спала и Кэйринн, которую снедали самые смешанные чувства. Не сомкнул глаз и принц Эйрин, так и не сумевший отогнать образ столь чудовищно преобразившегося Драонна. Да и другие матросы, а также бывшие вассалы Драонна, которые, конечно же, прознали о

случившемся ещё вчера, провели не самую спокойную ночь.

Едва лишь рассвело, весь лагерь был уже на ногах. Илиры вышли наружу, обступив принца Драонна, который всё также недвижимо сидел, словно истукан. Наконец и он открыл глаза, и тут же встал на ноги, будто всё это было само собой разумеющимся. Довольно отстранённо поприветствовал собравшихся, никого особенно не выделяя. Затем вкратце пересказал то, о чём уже вчера рассказывал Эйрину и Кэйринн.

– Кто пойдёт со мной, чтобы создать нечто невиданное? – закончил он. – Все, кто отправится со мной, станут первыми в моей империи. Конечно, здесь не будет тех атрибутов власти, к которым вы привыкли. Не будет золочёных карет, не будет мягких булочек, подаваемых прямо в постель, восторженных толп верноподданных, устилающих ваш путь цветами тоже не будет. Но власть и могущество – не это. Подумайте, что мы сейчас создаём то, что навсегда разрушит мир людей! Мы меняем историю! Мы, те кто останется – и есть будущее!

Надо сказать, что особого энтузиазма речь Драонна не вызвала. Илиры смотрели на него мрачно, даже опасливо. Те, кто пришли за ним сюда из Доромиона, с трудом узнавали своего принца в этом чудовище. Причём не только внешне – сами речи, манера говорить – всё это вызывало какой-то безотчётный страх. Его разум был словно пленён могущественным существом, и перед собой илиры видели не Дра-

онна Доромионского, а гротескную марионетку, говорящую с чужого голоса.

И всё же нашлись, кроме Кэйринн, ещё одиннадцать илиров, которые, поразмыслив, согласились. Все они были вассалами Драонна, и все они потеряли семью в том трагическом набеге на лагерь, так что чувства их во многом были схожими с чувствами их принца – ярость, жажда мести и безразличие к собственной судьбе.

– Хорошо, – сказал Драонн, когда все двенадцать его сподвижников встали в отдельную группу. – Каждый выбрал свой путь. Я не имею никаких претензий к тем, кто решил уехать обратно. Напротив, вы тоже послужите моему делу.

– Как же это? – насупившись, поинтересовался Эйрин.

– Отправившись обратно вы, принц Эйрин, должны будете связаться с кем-то из крупных купцов из числа людей, чтобы передать им это, – и он протянул Эйрину кусок металла неправильной формы.

Принц с удивлением, интересом, но и некоторой брезгливостью уставился на то, что лежало у него в ладони. Небольшой самородок имел удивительный фиолетовый отлив.

– Что это?

– Магический металл. Его залежи встречаются здесь, на Эллоре, прямо на побережье. Он куда прочнее стали, но главное – он хорошо поддаётся зачарованию. Оружие, выкованное из него, будет зачаровано на целые десятилетия, а магические артефакты будут стократ могущественнее тех, что

делаются из серебра и золота.

– Если это так, то этот металл будет просто бесценен! – Эйрин теперь взирал на самородок в руке с куда большим интересом. – Но для чего вам это? Вы же понимаете, что сюда хлынут тысячи желающих добывать это чудо? А, так вы именно на это и рассчитываете? – проговорил он, заметив ухмылку Драонна. – Что ж, я выполню вашу просьбу. Хотя сейчас у меня не осталось никаких связей с бывшими торговыми партнёрами – думаю, многие из них готовы будут забыть на время разногласия ради подобной информации. Но, милорд, почему не передать этот драгоценный металл нашим собратьям? Он мог бы здорово помочь в борьбе с людьми.

– Пусть он достанется кому угодно – лиррам, гномам – лишь бы о нём узнали люди. Вы угадали, милорд, мне крайне важно, чтобы сюда ехали люди. Чтобы организовывали здесь поселения, чтобы они привозили сюда своих женщин...

Последние слова прозвучали как-то грязно и цинично, так что Эйрин, не зная наверняка, для чего всё это потребовалось Драонну, поморщился, не сумев скрыть отвращения, поскольку смекнул, что именно человеческие женщины являются целью этого новоявленного императора. Ещё больше покорило его то выражение боли, что исказило при этих словах лицо Кэйринн.

– Я сделаю то, что вы просите, милорд, – сухо проговорил Эйрин.

– Это всё, о чём я вас прошу. Ну а теперь нам пора в об-

ратный путь. А вы отправляйтесь домой. Надеюсь, вам повезёт.

Эйрин лишь кивнул, и даже не подошёл, чтобы пожать руку. Он уже уходил, когда Драонн его окликнул вновь.

– Ещё одно, принц Эйрин! – тот нехотя повернулся. – Передайте всем нашим собратям, пусть они с надеждой смотрят на западный горизонт. Однажды именно из-за него к ним придёт свобода.

– Благодарю вас, милорд, – Эйрин вновь столь же сухо поклонился, и скрылся в своей хижине.

Переход через пустыню дался Кэйринн и остальным весьма тяжело. Несмотря на то, что Эйрин не поскупился на удовольствие и бурдюки для воды, несмотря на то, что, в отличие от первого похода Драонна, сейчас была полная определённости в конечной точке маршрута, несмотря на то, что зимняя стужа уже отступила, а летняя жара ещё не пришла, Центральная Пустошь всё равно была губельным местом, и не будь рядом принца-мага, не поддерживай путешественников воля самого Бараканда, вряд ли кто-то из них добрался бы до Одинокого Пика.

Вид гигантского орла подействовал на спутников Драонна гораздо сильнее, чем на него самого даже в первую их встречу. Он тогда упал лишь на колени, теперь же почти все рухнули ниц, словно пытаясь просочиться сквозь камни. Неко-

торые рыдали от ужаса, хотя, казалось бы, от обезвоживания и не должны были выжать из себя ни одной слезинки. Никто, даже Кэйринн, не смели поднять лица. Как ни странно, но Бараканд не стал долго испытывать илиров – он умчался обратно вверх, исчезнув в облаках.

Так прошёл ещё день. Остатки провизии подошли к концу, равно как и запасы воды. Лишь теперь Драонн, который уже, казалось, позабыл свою прошлую сущность, внезапно понял, что те, кого он привёл сюда, обречены, ведь, в отличие от него, они нуждались в пище и воде. Об этой, казалось бы, самой очевидной и естественной вещи он даже не подумал до сих пор. Стало ясно, что без помощи Бараканда не обойтись.

– Можешь ли ты помочь им, как помог мне? – спросил он у спустившейся на его зов птицы.

На этот раз все двенадцать илиров, хоть и были объаты страхом, но всё же ограничились лишь тем, что сели, разгрузив ослабевшие колени. Более того, они уже иногда бросали взгляды на орла, когда он не глядел в их сторону. Но никто из них пока не мог выдержать его взгляда, пусть даже мимолётного.

– Я могу им помочь, это правда. Но не так, как тебе. Они – не такие как ты, и их я не смогу превратить в магов так, как превратил тебя. То, что предстоит им, куда страшнее, поэтому пусть они сами говорят со мной, ибо то решение, что им предстоит принять, будет самым важным во всей их

жизни.

– Кэйр, – Драонн подошёл к девушке и почти нежно приобнял её, помогая встать. – Послушай, что скажет Великий Орёл. Послушайте и вы, братья!

– Ваша душа не способна к перерождению, как душа Драонна. Поэтому, если не хотите погибнуть от голода и жажды, у вас только два пути. Первый – вернуться назад на побережье, чтобы прожить там те жалкие остатки лет, что вам уготованы. В таком случае вы ничем не сможете помочь своему господину. Второй же путь величественнее и ужаснее. Я могу превратить вас в вечных помощников Драонна и его потомков. Вы станете бессмертны, ну или почти бессмертны, прожив многие тысячи лет. Вы станете могущественными магами, не уступающими в могуществе самому Драонну. Вы не будете нуждаться в пище и воде, даже в воздухе. Но при этом перестанете быть собой. Мне придётся отправить ваши души в самые жуткие преисподни, где они будут растерзаны на мельчайшие крупички и собраны вновь. Это будет долго и больно, но взамен вы получите многое.

– Буду ли я помнить эту свою жизнь? – Кэйринн глядела на орла глазами, полными слёз. Её так страшило грядущее, что она почти перестала бояться самого Бараканда.

– Ты позабудешь всё кроме верности своему господину. У тебя не будет своей воли, кроме воли твоего господина. У тебя не будет других мыслей, кроме мыслей о нём и его могуществе. Ты будешь уже не ты. Подумай хорошенько –

на такой шаг нельзя пойти ради себя. На это можно пойти только ради него.

– У нас с тобой может что-то получиться, мой принц? – стоя на краю пропасти, Кэйринн уже не видела причин таиться или прикрываться ложной добродетелью.

– Кэйр, я потерял способность любить кого бы то ни было, – покачал головой Драонн. – Я потерял способность любить даже тех, кого любил прежде. Я могу обещать тебе своё тело, если захочешь, но душу, если она у меня вообще осталась, я тебе дать не могу.

– Не говоря уж о том, что Драонн проживёт тысячи лет, тогда как ты умрёшь лет через сто или двести, – добавил орёл. – Ты умрёшь, не увидев торжества его могущества, не приняв участия в его великих свершениях. Умрёшь, забытая им, ибо Драонн прав – он больше не умеет любить.

Слёзы текли по щекам Кэйринн, но она не прятала лица. Теперь она смотрела прямо в глаза Бараканду – решившись на что-то более страшное, нежели смерть, она уже ничего больше не боялась.

– Я согласна, – тихо, но твёрдо сказала она. – Моя жизнь больше не нужна мне, так пусть она пригодится *ему*.

– Я рад, что ты так решила. Драонну и его потомкам понадобится такая как ты. Что ж, не будем терять времени.

Колени Кэйринн внезапно подкосились, и она рухнула на камни. Тело её забилось в жесточайших конвульсиях – казалось, что какой-то невидимый великан играет с нею, слов-

но с тряпичной куклой. Рычание и визг, в которых не было ничего лиррийского, рвались из окровавленного рта. Драонн смотрел на корчащуюся Кэйринн, не шевелясь. Лицо его дрогнуло при этом зрелище, но то была единственная реакция.

– Мы не согласны на такое... – трясась всем телом, проворчал один из илиров. – Лучше уж...

Его слова прервались столь же дикими хрипами боли. Все одиннадцать илиров повалились на землю, разрываемые теми же судорогами, что терзали Кэйринн.

– Ты и не собирался предоставлять им выбора, так? – хмуро спросил Драонн.

– Тебе нужны слуги. И полководцы для твоих армий.

– Зачем же спросил?

– Я подозревал, что девушка согласится. Это согласие очень поможет – процесс пойдёт проще, а главное – ей можно будет оставить некоторую свободу воли, что сделает её куда сильнее и опаснее прочих. Она будет всегда верна тебе.

– Она что-нибудь чувствует сейчас?

– Она чувствует всё. Каждое биение, каждую эманацию боли. И это продлится ещё много лет.

– Лет? – удивился Драонн.

– В отличие от тебя, её нужно будет убить полностью. Но при этом сделать так, чтобы её душа трансформировалась, превратилась в демона. Лишь так можно будет сделать её бессмертной.

– Но сейчас – это ещё она?

– Всё время, пока она не умрёт, это будет она. Сначала в большей, потом – в меньшей степени. Но до самого последнего мига это будет она. И она будет чувствовать боль. Ты помнишь эту боль.

Драонн помнил эту боль, и он содрогнулся, представляя, что сейчас переживает Кэйринн. Он действительно ощущал к ней какое-то сочувствие, даже жалость. Совершенно точно, если бы этого можно было избежать, он бы приложил все силы для этого. Но Бараканду, конечно, виднее.

– Всё это время они должны быть здесь? – всё же зрелище корчащихся от боли окровавленных тел не было слишком приятным для принца.

– Совершенно необязательно. Боюсь, их вид будет только отвлекать тебя. Помести их куда угодно – здесь полно скал, из которых можно сделать нечто вроде гробниц.

Драонн кивнул. Да, так будет гораздо лучше. Ему сейчас нужно сосредоточиться совсем на другом. Он должен создать империю.

Эпилог. Империи создаются

Драонн не тратил времени даром – вскоре стали проявляться очертания будущей империи, которой он дал имя Тондрон. Слово это ничего не означало – будущий император придумал его случайно, и оно приглянулось ему грозностью и звучностью. Любой империи нужна столица, поэтому Драонн решил начать именно с неё. Центром и сердцем будущей столицы, конечно, должен был стать Одинокий Пик. Совершенно случайно, уже даже не помня – откуда, Драонн знал, что на языке империи Содрейн слово «скала» произносилось как «оф». Он решил, что это будет отличным названием – мрачным и пугающим. Таким образом возникла несуществующая пока столица Оф несуществующего пока государства Тондрон.

Начал Драонн с возведения собственного дворца. Он не просил помощи у Бараканда, а тот не спешил навязываться, привычно проводя основную часть времени в своём гнезде. Драонн же, используя мощные заклинания, принялся ломать окрестные скалы и водружать их вокруг Одинокого Пика. Работа была долгая и тяжёлая, но торопиться бывшему принцу было некуда.

Драонн не обладал особыми навыками строительства. Правильнее будет сказать, что он не обладал вообще никакими навыками в этой сфере. Он громоздил громадные об-

ломки так, как это делают дети, строя замки из деревянных брусков. Понимая, что конструкция будет крайне неустойчива, он скреплял блоки магией, заставляя камень буквально вращаться друг в друга. Всё это требовало огромных затрат сил, но Драонна это не смущало – Одинокий Пик исторгал целые водопады силы, и императору Тондрона с каждым днём было всё проще черпать из этого источника.

Потребовались многие месяцы работы, но постепенно чёрная скала преображалась. Она оделась в серую облицовку из камня, причём Драонн сумел составить обломки довольно причудливым образом, так что это действительно стало похоже на некое рукотворное строение.

Через четыре года созданное Драонном сооружение вздымалось уже на высоту примерно двух тысяч футов. В какой-то момент император решил, что этого будет достаточно. Именно там, на выровненной площадке он и водрузил свой трон, также сделанный из скальной породы. Ни одна лестница, ни одна тропка не вела туда, к трону Тондрона. Сам Драонн без труда добирался туда при помощи левитации, а гостей он пока не ждал. Его будущие помощники, если верить Бараканду, смогут попадать в «тронный зал» тем же путём, что и он сам.

Наконец Драонн взялся творить своих будущих подданных. Здесь уже без помощи Бараканда обойтись не удалось – император не знал заклинаний, способных вдохнуть подобие жизни в изначально мёртвую плоть. Тело первого своего

гомункула (как именовал их орёл) Драонн слепил сам из суглинка, который оказался в пустыне под слоем раскрошившихся скал. Получившееся нечто было весьма слабо похоже на лирру – грубые конечности, удлинённое туловище и почти полное отсутствие черт лица. Бараканд сказал, что органы чувств у этих существ будут магическими, а потому не было нужды создавать глаза, уши, нос... Даже рот был весьма условным – широкий провал, которым в случае чего удобно будет кусать врагов.

Бараканд, как обычно, никак не прокомментировал скульпторские способности своего ученика. Он стал творить заклинание подъятия, медленно и постепенно, чтобы Драонн хорошенько всё усвоил. Прошло не более десяти минут, как нелепое глинистое тело, которое только что едва не рассыпалось, вдруг шевельнулось. Плоть его стала более упругой и плотной, всё равно не очень-то напоминая плоть живых существ, но ещё меньше она была теперь похожа на ту почву, из которой была сотворена.

Гомункул несколько неуклюже встал и замер, ожидая иных приказов своего повелителя.

– Основу для остальных ты сможешь творить заклинанием подобия. Я покажу его тебе.

К концу дня у Драонна было уже около полусотни подданных. Все они были неотличимы друг от друга, и потому на другой день принц снова вручную создал ещё несколько тел. Со временем это стало для него своеобразным развлечени-

ем, хотя довольно быстро количество гомункулов выросло настолько, что было уже совершенно неважно, как выглядит каждый из них.

Всё это время в небольших каменных гробницах примерно в миле от Пика мучились двенадцать будущих слуг императора Тондрона. Драонн навещал их крайне редко, причём не потому, что ему больно было видеть страдания этих несчастных, а просто потому, что не видел в этом большого смысла. Он давно уже не ассоциировал эти бьющиеся в вечной агонии тела с близкими ему когда-то илирами. Даже Кэйринн, которая сейчас уже ничем не походила на ту девушку, которой она была когда-то, не вызывала у него особых эмоций.

В каждый свой визит в этот импровизированный некрополь Драонн замечал, что судороги становятся всё слабее, постепенно переходя в едва заметные взгляду подрагивания. Вряд ли души несчастных страдальцев мучились сейчас меньше, чем прежде – просто связь их с плотью становилась всё слабее. Да и сами эти души были уже совсем иными – Драонн теперь был достаточно силён и опытен, чтобы ощущать это. В них ещё оставались крупинцы тех, кем они были раньше, но по сути своей они уже были демоническими сущностями.

Прошло больше шести лет с тех пор, как был создан первый гомункул до момента, когда двенадцать вассалов императора Тондрона восстали из своих гробниц. Так появились

Двенадцать Герцогов Тондрона, из которых сильнейшей была та, которую стали называть Герцогиней Кэrr. Её мощь могла сравниться лишь с её преданностью Драонну.

Конечно, это была не Кэйринн. Внешне Герцоги выглядели немногим лучше иссушенных мумий, да и в этих оболочках теперь были заключены лишь демоны, которые когда-то были лиррами. Они не испытывали чувств, они не знали усталости, им были чужды любые потребности и желания смертных. Это были лишь зомби, пусть и очень могущественные, но зомби, послушные воле лишь одного Драонна.

Теперь процесс создания армии пошёл быстрее. Одновременно с этим вокруг Одинокого Пика стало вырастать некое подобие города. По большому счету, это было совершенно ненужно – никому из обитателей Пустоши не нужно было жилище. Но Драонн хотел, чтобы его империя выглядела именно империей, государством, пусть даже в нём будет всего один город.

Драконов Тондрона Драонн выводил уже самостоятельно. Захватив в Западных горах нескольких достаточно крупных тварей, он при помощи своей магии сотворил из них тех монстров, которых представлял себе раньше, читая книги. Триста футов – таков был размах крыльев его первого дракона. И главное – он, уже не будучи живым, мог изрыгать пламя как драконы из сказок.

Уже через двадцать лет империя Драонна была такой, как он и задумывал. Число его подданных давно уже перевалило

общее количество подданных Кидуи и Саррассы, а его город, в котором некому было жить, состоял из громадных гротескных зданий, многие из которых могли поспорить высотой с главным храмом Арионна в Кидуе. Конечно, по сути своей эти здания были лишь нагромождением скал и совершенно не приспособлены для жилья, но этого от них и не требовалось. Зато вид с высоты трона императора открывался величественный и устрашающий.

Пришла пора подумать и о потомстве. Несмотря на то, что впереди у Драонна были ещё сотни, если не тысячи лет, Бараканд предупредил, что с этим затягивать не нужно – вероятность того, что у него родится ребёнок, была ничтожно мала. Лишь единицы женщин в этом мире способны были доносить плод до конца. И нужно было найти хотя бы одну из этих единиц.

С магическим металлом получилось ровно так, как и задумывал Бараканд. Благополучно вернувшись на Паэтту, принц Эйрин, как и обещал, сумел передать небольшой самородок одному из своих бывших партнёров. Тот отнёс металл магам, и они просто сошли с ума от восторга. Стало очевидно, что нужно огромное количество этого металла, который стали называть мангилом.

Элмор, который прежде не считался особенно привлекательным для колонизации из-за удалённости и непредсказуемости Западного океана, внезапно стал вожаемым местом для всех моряков и торговцев всех мастей. Массово

создавались морские торговые компании, указывающие на своих векселях магические слова «Элмор» или «мангил», и сразу же выстраивалась очередь из желающих вложить в них свои капиталы.

Сотни кораблей потянулись через Западный океан, встречая на своём пути не только привычные шторма и штили. Вероятно, всё дело было в незримом барьере между Паэттой и Элмором, но всё больше моряков рассказывали о странностях, с которыми они сталкивались в плавании. Чаще всего это было пугающее свечение, льющееся одновременно и с неба, и из глубины вод. Попав в зону этого свечения люди чувствовали сильное недомогание, хотя оно проходило практически сразу же, как только корабль удалялся на достаточное расстояние.

Иногда моряки слышали странные звуки, вновь раздающиеся будто и сверху, и снизу. Всё чаще в портовых тавернах пугали рассказами о морских гадах размером с линкор, гигантских змеях, морских драконах. Ни одного нападения до сих пор зафиксировано так и не было, так что скептики списывали всё на расстроенное воображение людей, попавших под воздействие необычных аномалий. Однако же доподлинно никто не мог ни доказать, ни опровергнуть эти слухи.

Эйрин ни словом не обмолвился ни о Драонне, ни о Бараканде. Естественно, он понимал, что его просто сочтут сумасшедшим. Он был уверен, что элморская пустыня сама по себе хорошо скроет её обитателей, и о них никто не узнает

до тех пор, пока они не явят себя сами. Принц никак не мог выбросить из головы последних слов Драонна о том, что свобода придёт из-за западного горизонта.

Война между лиррами и людьми продолжалась. Остатки лиррийского народа укрывались в лесах на севере и востоке. Некоторые отправлялись и на Эллор, пытаясь создать там собственные поселения, так что через какое-то время война, хотя в гораздо более тихом и уменьшенном варианте, перебралась через океан. Увы, но лирры безнадежно проигрывали эту войну, так что волей-неволей надеяться оставалось только на Драонна и его рукотворных чудовищ.

Одним из итогов этой войны стало появление школы лиррийской магии Наэлирро. Магини веками искали способы упростить и, по возможности, взять под контроль процесс *пробуждения* новых магинь. Долгим изучением различных практик, эликсиров и заклинаний им удалось создать вполне рабочую методику, которая сводила к минимуму смертность среди *пробуждающихся*, а также гарантированно позволяла спровоцировать само *пробуждение*.

В перспективе можно было бы создать целую армию магинь, но тут возникало сразу несколько проблем. Во-первых, лирр в принципе было не так уж и много, и ещё меньше среди них было девочек подходящего возраста, так как начинать работу с ними необходимо было не позже, чем с шести лет от роду. Во-вторых, магини были бесплодны, и если бы основатели Наэлирро, которые, кстати, почитали себя привержен-

цами выдуманного Ворониусом общества Лианы, слишком рьяно взялись за дело – лиррийский народ просто вымер бы, даже если бы удалось переломить ход войны с людьми.

В общем, хоть это и казалось страшным и безумным, но, похоже, у лирр действительно оставалась единственная надежда – император-маг с запада, и его колдовские легионы.

Столетия сменяли друг друга. Драонн давным-давно уже забыл думать о той войне, что шла на Паэтте между его народом и людьми. Ему было абсолютно не интересно – чем закончилась эта война, и закончилась ли вообще. Он давно уже не был лиррой и почти позабыл – каково это.

Совсем другая проблема беспокоила чёрного императора. Он всё никак не мог обзавестись наследником. Не реже чем раз в год кто-то из Двенадцати доставлял ему новое вместилище для его плода. Обычно этим занималась Кэrr. Она похищала в людских поселениях женщин самого разного возраста – от девочек, чьё лоно лишь недавно впервые исторгло лунную кровь, до тех, чьё чрево должно было вот-вот засохнуть, лишившись божественного дара зачатия.

Драонн впускал в них своё семя, не чувствуя никакого удовольствия – вообще ничего. Кто-то умирал ещё во время этого страшного соития – император чёрных магов был неистов и силён. Большинство же других бедняжек умирали обычно через восемь-двенадцать недель после зачатия. Уми-

рали в страшных муках – начинавший формироваться плод словно выжигал их изнутри.

Сколько женщин побывало на его каменном ложе за все эти столетия – Драонн не мог прикинуть даже примерно. Собственно, ему и не было до этого никакого дела. Имело значение лишь одно – сын, наследник.

Шло время. Около двух тысяч лет минуло с тех пор, как тогда ещё лирийский принц Драонн прибыл на Эллор. И наконец судьба выбросила правильный расклад на своих костях. Это была совсем молодая ещё девушка – едва ли ей было хотя бы шестнадцать. Но она была крепко сложена, а главное – у неё был крайне редкий для магических миров дар. Девушка не могла чувствовать *возмущение* ни в какой форме, даже в самой примитивной, какая обычно бывает доступна простым смертным, не владеющим магией.

Это был идеальный изолированный сосуд. Изолированный от той мощи, что таил в себе ребёнок. Девушка вполне сносно перенесла беременность, хотя плод был необычайно велик. В последние дни перед родами будущую мать рвало кровью, затем она стала кровоточить и между ног. Кэрр, не отходившая от неё ни на секунду с тех пор, как та понесла, делала всё возможное, чтобы сохранить дитя, поскольку стало ясно, что роженица умирает.

В эти последние для себя часы девушка страшно мучилась. Было очевидно, что самостоятельно разрешиться от бремени она не сможет. И тогда, понимая, что драгоценное

время уходит, Кэrr своей когтистой рукой разорвала живот роженицы и извлекла оттуда покрытого кровью младенца. Он умирал, его кожа была почти фиолетового оттенка.

И тогда, читая вслух заклинания, Кэrr поднесла младенца к разорванному чреву его матери. Та ещё дышала, хотя и доживала уже свои последние минуты. Кровь обильно бежала из разверстой раны. Кэrr уткнула лицо малыша в кровавое месиво, и тот вдруг начал сосать эту кровь, кровь своей матери. Вскоре кожа его стала розоветь, и он, оторвавшись от кровавого пиршества, испустил свой первый крик на этой земле.

Так родился Баун-полукровка, сын Драонна, позабывшего своего отца. Бараканд подтвердил, что младенцу уже ничего не угрожает, и что он будет жить. Сразу нескольких кормилиц доставили Герцоги в Оф. Но никто из них не удостоился чести кормить своей грудью будущего императора. Их молоко Кэrr смешивала с кровью матери Бауна и в таком виде давала быстро растущему малышу.

Драонн так больше и не увидел Паэтту. Всю свою долгую жизнь – почти три тысячи лет – он провёл на Эллоре, погруженный в собственные изыскания. Ему не было интересно ничего кроме этих экспериментов, а потому он был рад, что за это время Бараканду так и не представилась возможность переступить через барьеры. Глядя на Бауна, Драонн желал, чтобы именно ему выпала такая участь – сын не был столь увлечён теорией как отец, строя различные планы по

завоеванию мира, совершенствуясь в боевой магии, мечтая об экспансии.

Лишь Бараканд удержал Бауна от нападения на восточные колонии, понимая, что иначе ему не заполучить сосуды для будущих продолжателей династии императоров Тондрона. Драонн уже мало ввязывался во всю эту возню. Исполнив свой долг перед великим орлом, дав ему наследника, он полностью отошёл от дел, проводя почти всё время далеко на западе в размышлениях и медитациях. Формально он всё ещё был императором Тондрона, но фактически эту роль теперь уже исполнял Баун. Двенадцать Герцогов теперь тоже неотлучно находились рядом с сыном, но это не тяготило и не огорчало Драонна.

Последние годы первого императора-мага были покойны и неторопливы. Он постигал самые глубины магии, с особым интересом изучая некромантию. Но Драонн не пытался отсрочить свою смерть или победить её. Он давно уже был готов умереть – жизнь, пусть даже и столь интересная, пресытила его.

Он даже не думал о том, что будет с ним после – есть ли тот Белый Путь, о котором твердят жрецы, и куда он приведёт душу чёрного мага, если та ещё осталась у него. Всё это было неважно. Именно теперь, в самом конце своей жизни Драонн вдруг понял, что в мире вообще нет ничего важного. И это было главным озарением за всю его долгую жизнь.

В один из дней, находясь, как обычно, в своём прибежи-

ще для медитаций, Драонн понял, что умирает. Эта мысль не испугала, не расстроила и даже не заинтересовала его. Он воспринял её лишь как факт. И как сигнал к тому, что нужно возвращаться в Оф. Ибо он – по-прежнему император Тондрона, а император Тондрона должен умереть на собственном троне, взирая на дело рук своих.

– Всё-таки стрела нашла свою цель, – сам не понимая, что это означает, прошептал Драонн и улыбнулся впервые за тысячелетия.

На душе его было покойно как никогда.

17.12.2017 – 06.08.2018

Глоссарий

Абсолютный Покой – состояние, которое предшествовало началу сотворения Сферы.

Алая лихорадка – очень опасная болезнь, сопровождающаяся жаром и кожными высыпаниями. Может завершиться смертью.

Алиэнти – название залива, расположенного на северо-западе Паэтты. Крупный залив, омывающий побережье Сеазии и западные палатийские земли. Северный берег его образован полуостровом Лионкай – самой западной точкой материка.

Али́йя – одна из трёх великих рек Паэтты. Берет начало в озере Симмер, а затем вливается в реку Труон.

Аномалии – места уплотнений, завихрений *возмущения*. В этих местах *возмущение* настолько сильно, что возникают либо так называемые места силы, либо, в исключительных случаях, сущности-аномалии.

Ану́рские горы – горный хребет, пересекающий Паэтту с севера на юг. Анурские горы довольно невысоки, но очень

скалистые и труднопроходимые. Земли, лежащие восточнее Анурский гор, называются Загорьем.

Анурский залив – залив на севере Паэтты. От него начинаются Анурские горы.

Арионн (Белый Арионн) – один из двух братьев-антагонистов, хранителей Сферы. Бог-созидатель, ассоциирующийся с Добром. Символом его является Белый Единорог, поэтому храмы в его честь строятся в виде башен, напоминающих белый рог единорога. Арионнитство – самый распространённый культ на Паэтте.

Асс (Чёрный Асс) – второй брат, сын Неведомого; бог-разрушитель, ассоциируется со Злом. Ассианство чаще всего исповедуют воины, а также многие другие, чьё ремесло связано с разрушением.

Ассий – последний месяц паэттанского календаря, соответствующий нашему декабрю. Месяц с самыми долгими и тёмными ночами, потому и назван в честь бога Асса.

Ба́ка – одно из варварских племён, обитающих в Прианурье. Известно дикостью своих нравов и обычаев. Подробнее можно узнать в главе 9 «Лейсиан».

Бараканд – сущность-аномалия, возникшая в мире Паэтты на материке Эллор. В материальном обличье предстаёт в виде гигантского орла. Дабы ограничить его могущество, боги создали на Паэтте ещё одну аномалию – Симмера. Но, исходя из закона равновесия, Бараканд получил право одного воздействия на будущее. Таковым воздействием стала цепочка, приведшая к рождению Драонна – лирры-аномалии, благодаря которому Бараканд планировал получить власть над всей Паэттой.

Бáтту – в мифологии прианурских народов так называется полубожество, приносящее зиму – Зимний Волк. Батту поклоняются многие племена Прианурья, в том числе и племя бака, которое совершает ужасные жертвоприношения Зимнему Волку в период суровой зимы – ему в жертву приносят младенцев.

Баун – сын первого императора Тондрона Драонна, отец Гурра

Бейдин – город, строительство которого начал император Деонед Третий на юго-восточной границе Прианурья. Город должен был иметь стратегическое значение – в качестве форпоста и административного центра, однако в связи с объективными причинами так и не стал ни тем и ни другим.

Белый дуб – символ Кидуанской империи, изображённый и на её гербе – белый дуб на красно-синем поле, а сверху – шатёр из шести белых звёзд, по числу провинций империи. Также Белый дуб чеканят на имперских монетах.

Белый Мост – по преданию арионнитов, Белый Мост отделяет мир живых от мира мёртвых. Ассианцы тоже используют это понятие в разговорах, хотя официально ассианство не разделяет данную концепцию.

Белый Путь – путь, который, по мнению арионнитов предстоит пройти каждой душе от своего мира к царству Арионна. Этот путь могут преодолеть лишь достойные. Остальные, как считается, просто упадут с него, доставшись Хаосу. Ассианцы не разделяют концепцию Белого Пути, считая, что подручные Асса уносят души к его чертогам, где им предначертаны вечный пир и веселье.

Бёруя – один из достаточно крупных городов, расположенный в Ревии среди густых лесов.

Бесогон – один из месяцев календаря Кидуанской империи, первый месяц лета, соответствующий нашему июню. Вероятно, назван был так из-за того, что в этом месяце самые короткие ночи в году, а в северных широтах полной темноты и вовсе не наступало, поэтому по народному поверью бесы в

эти ночи не могли появляться на земле. Позже, уже на закате существования Кидуанской империи, месяц будет переименован в дистритий в честь императора Дистрита Златоглавого, правившего империей примерно через шестьсот пятьдесят лет после описываемых событий.

Бёхтия – одна из шести провинций Кидуанской империи. Расположена вдоль побережья Западного океана, на востоке граничит с Лиррией, а на севере – с Кидуей.

Варс – один из крупнейших городов империи, являющийся столицей Ревии.

Великий океан – один из океанов, омывающих Паэтту. До сих пор неизвестно, что лежит по ту сторону Великого океана и где он оканчивается. Одни учёные утверждают, что там лежит ещё один, неизведанный пока материк. Но большинство сходится к тому, что мир Паэтты имеет шарообразную форму, так что по ту сторону океана лежит побережье западное побережье Эллора. Есть, правда, и такие, которые уверены, что за Великим океаном мир Паэтты обрывается.

Возмущение – термин, которым объясняется существование магии в мирах, подобных Паэтте. Считается, что после создания Сферы Арионн и Асс расположились на её полюсах, поскольку были совершенно противоположны друг дру-

гу. Но между ними возникла некая сила, которая и называется *возмущением*, поскольку она стала возмущать само бытие. Чем ближе миры находятся к полюсам Сферы, тем больше величина *возмущения* в них, и наоборот – на экваторе Сферы *возмущение*, вероятно, равно нулю. Кроме того, из-за постоянных вмешательств Хаоса в *возмущении* возникают завихрения – аномалии.

Воблиан – один из лиррийских принцев Ревии, принявший беглого проповедника Лейсиана и ставший одним из главарей лейсианского восстания. Был схвачен и казнён ровно через год после начала восстания.

Волчья трава – ядовитое растение, чьи ягоды используются для приготовления ядов. Яд из ягод волчьей травы вызывает удушье.

Гномы – один из трёх народов, населяющих Паэтту. Самый малочисленный и, увы, вымирающий. Гномы очень редко приносят потомство, поэтому со временем эта раса воинов-кузнецов может вовсе исчезнуть с лица Паэтты.

Гоблины – неразумные животные, перемещающиеся на двух конечностях, живущие в Симмерских болотах. Представляют опасность лишь для плохо вооружённых людей и при наличии существенного численного превосходства.

Гомункулы – создания Драонна и его Герцогов. Поскольку на Эллоре не жили разумные расы, чёрный император создал себе подданных из глины и других материалов, с помощью магии. Гомункулы способны жить лишь в Тондроне, поблизости от Бараканда и чёрных императоров, поскольку их жизнь целиком поддерживается магией.

Двенадцать Герцогов – сподвижники императоров Тондрона. Были созданы Драонном и Баракандом из двенадцати лирр, что прельстились посулами Драонна. Души их были магически изменены, так что они стали бессмертными демонами. Среди Двенадцати Герцогов есть одна Герцогиня. Двенадцать помогали Драонну создавать империю тёмных магов, а также – гомункулов, поскольку на Эллоре не обитали люди или другие разумные существа.

Дейский эдикт – документ, регламентирующий взаимодействие империи и территорий, присоединяемых к ней. Обязывает все подчиняемые территории использовать имперский язык, признавать власть, присланную из центра, а также отказаться от собственной системы налогообложения в пользу общеимперской. Для лирр изначально действовал со множеством оговорок, что в значительной степени способствовало разрастанию недовольства среди людей.

Драконы – магические существа, обитающие в горах на

западе Эллора. Несмотря на то, что они во многом являются порождениями магии, по сути – это обычные животные, лишённые разумности и магических способностей. Позднее чёрный маг Драонн создаст иных драконов примерно по тому же принципу, по которому Бараканд создал Двенадцать Герцогов. Эти, магические драконы, гораздо крупнее, а главное – они способны дышать огнём.

Дрантхóйс – небольшое поселение на самом юге провинции Бехтия. Удивителен тем, что даже во время большой войны между лиррами и людьми там сохранялся вполне стойкий мир между этими народами. Судя по всему, причиной тому была близость Саррассы и необходимость совместными усилиями защищаться от набегов.

Драóнн – лиррийский принц, уплывший со своими подданными на Эллор во время войны лирр и людей. Там он встретился с сущностью, именуемой Баракандом, который сумел превратить Драонна в единственного за историю мира лирру-мага. Вместе со своими подручными – Двенадцатью Герцогами, он создал на Эллоре империю чёрных магов Тондрон.

Дурная трава – слабый наркотик растительного происхождения. Употребляется в виде курения. Распространён на всей Паэтте.

Жаркий – один из месяцев календаря Кидуанской империи, соответствует нашему июлю.

Загорье – общее название земель, лежащих западнее Анурских гор.

Залив Дракона – очень обширный залив на западе Паэтты. Напоминает след лапы трёхпалого дракона, отсюда такое название. Три ответвления Залива называют Пальцами Дракона – Верхним, Средним и Нижним.

Западный океан – один из четырёх океанов мира Паэтты, омывающий материк с запада. До недавнего времени он был не слишком-то судоходен, но после открытия на Эллоре мангила тысячи кораблей пересекали его ежегодно. По рассказам моряков в нём часто происходят загадочные явления – свечения в глубине вод или в небе, над поверхностью воды. Так же считается, что в нём обитают глубоководные чудовища – драконы, левиафаны и прочие.

Заши́р – достаточно крупный город в Лиррии.

Знак Наэлиррб – все девочки-лирры, поступающие на обучение в Наэлирро, получают особый знак – татуировку в виде ошейника. Каждая татуировка – уникальна, её выполняет гном, который передаёт этот дар по наследству пря-

мому родственнику, или же специально взятому на обучение ученику. История знака восходит к временам основания Школы. Во времена войны между лиррами и людьми, когда впервые были набраны ученицы Школы лиррийской магии, все они были рабынями людей. И тогда основатели Школы, сняв с них рабские ошейники, как память о них приказали сделать знаки, которые бы напоминали лиррам о жестокости людей и не позволили бы им больше одеть никаких иных ошейников.

Или́р – слово, которое лирры используют для обозначения отдельного представителя своего рода. Если слово «лирра» используется как идентификатор расовой принадлежности, то «илир» используют в качестве выделения социальной единицы. Например, так: «Драонн был лиррой», но «Его отряд насчитывал около шести десятков илиров».

Императорская канцелярия – весьма важный в Кидуанской империи совещательный орган власти, состоящий из пяти канцлеров, каждый из которых отвечает за какое-то направление в политике государства. Канцлеры обладают достаточно широкими полномочиями, хотя, разумеется, не могут самостоятельно принимать законы.

Импі́рий – один из месяцев календаря Кидуанской империи, соответствующий нашему апрелю. Назван в честь

собственно самой Кидуанской империи.

Календарь Паэ́тты – цикл, состоящий из 12 месяцев, в каждом из которых по 30 дней. Сутки Паэ́тты равны 24 часам, подобно земным, и также делятся на 60 минут.

Калу́йский океан – океан, омывающий Паэ́тту с юга. Назван в честь материка, который лежит по другую его сторону.

Калу́я – материк, лежащий южнее Паэ́тты. На данный момент изведена лишь его северная часть, поскольку дальше начинаются непроходимые и весьма опасные джунгли, в которые не рискуют забираться даже местные жители. Население Калуи – чернокожие люди, сильные и свободолюбивые, так что поработить их так и не получилось. Как правило, калуянцы не покидают родных краёв, так что встретить кого-то из них на Паэ́тте – большая удача.

Каша́х – весьма тяжёлый психотропный наркотик растительного происхождения. Запрещён во всех государствах Паэ́тты. Во многих за его распространение следует смертная казнь.

Келли́йский архипелаг – массив островов, находящийся севернее Паэ́тты. Отделён от неё Серым морем.

Кидуа (город) – столица Кидуанской империи. Крупный город, находящийся в паре миль от побережья Западного океана.

Кидуа (империя) – одна из двух империй, образовавшаяся после падения империи Содрейн. Занимает значительную часть Западной Паэтты (до Анурских гор). Соседствует с другой могущественной империей – Саррассанской. Империя состоит из шести провинций – Кидуа, Сеазия, Лиррия, Ревия, Пелания, Бехтия. Представляет собой абсолютную монархию.

Кидуа (провинция) – одна из шести провинций Кидуанской империи. Центром провинции является одноимённый город.

Кинай – город-спутник, морские ворота Кидуи. Богатый портовый город, располагающийся рядом со столицей.

Колибн – один из городов, построенных императором Деонедом Третьим на границе с Прианурьем. В годы повествования книги – совершенно небольшой городишко, не имеющий важного значения.

Колоны – название лично свободных земледельцев на Паэтте. Некоторые из колонов имеют даже собственные зем-

ли, но большинство арендует их у сеньоров, то есть является имущественнозависимым сословием. Те, кто попадают в личную кабалу к сеньорам, называются крепостными.

Красноверхие – название стихийно образовавшихся в ходе гражданской войны между лиррами и людьми человеческих отрядов, выполнявших карательные функции. Название произошло от красных беретов, которые надевали ополченцы. Красноверхие прославились своей неслыханной жестокостью по отношению к лиррийскому населению. В первую войну они не имели официального статуса, более того – после войны был проведён ряд процессов над наиболее одиозными главарями. Однако во вторую войну красноверхие были официально признаны властью, хотя и не считались войсками, не получали довольствия, а потому пробавлялись грабежами.

Крепостные – личнозависимое население Кидуанской империи, т.е. земледельцы, лично принадлежащие сеньорам. По сути своей крепостничество мало чем отличается от рабства, однако сеньор не имеет права убить своего крепостного без веской причины, а также нанести ему иной тяжкий вред. Кроме того, крепостные вправе обладать имуществом.

Кэрт – имя одной из Двенадцати Герцогов Гурра. Единственная женщина-лирра, которая поддалась на уговоры

Драонна, став демоном. Самая сильная колдунья из всех Двенадцати.

Лебáрдия – небольшая территория, находящаяся на юге провинции Бехтия, рядом с границей Саррассанской империи.

Лейсиán – знаменитый лиррийский проповедник, развязавший первую гражданскую войну между лиррами и людьми в 2837 году Руны Хесс. Был схвачен и казнён по приказу императора Родреана Третьего.

Лиррийский дом – в широком смысле – общее название династии лиррийских принцев в совокупности со всеми родами подчинённых им вассалов; в узком смысле – династия принцев. В книге данный термин употребляется как в том, так и в другом смысле. Например, Ливейтин, не будучи родственником Драонна, всё же принадлежал к Доромиионскому дому в широком смысле, не принадлежа к нему в смысле узком.

Лиррийский мессия – по легендам народа лирр – лирра-аномалия, которая изменит баланс сил на Паэтте, уничтожив, или сильно ослабив людей. Такой аномалией мог стать Драонн – единственный из мужчин-лирр сумевший стать магом, но он оказался на другом материке и стал императором

Тондрона.

Лиррия – одна из провинций на юге Кидуанской империи. Когда-то, после распада империи Содрейн, Лиррия была независимым королевством, но из-за постоянных нападков Саррасы лирры попросились под защиту Кидуи. Лиррия – довольно крупная провинция, в основном покрытая лесами. Центром провинции является город Шеар.

Лирры – один из трёх народов, населяющих Паэтту. Лирры отличаются от людей как внешне (гораздо более крупные глаза, удлинённые пальцы, а также слегка заострённые кончики ушей), так и внутренне. Например, лирры живут заметно дольше людей, гораздо более ловки и проворны. Но главным отличием народа лирр от всех других народов является то, что магия у них доступна лишь женщинам. Более того, за эту магию лиррам приходится расплачиваться очень жестоко – при *пробуждении*, как они это называют, девушка-лирра претерпевает значительные физические трансформации, можно сказать – увечья. Чем сильнее будут эти увечья, тем больший магический потенциал будет у магини. Лирры заселяют, как правило, юго-западную часть Паэтты и чаще живут довольно обособленно от людей.

Магиня – так называют лиррийских женщин, владеющих магией.

Магистрат – орган муниципальной власти в городах Кидуанской империи.

Мангил – магический металл, добываемый в местах наибольшего скопления силы. Добывается лишь в Эллорских колониях, относительно неподалёку от мест обитания Бараканда. Мангил обладает уникальными магическими свойствами – очень хорошо зачаровывается и не теряет зачарования. Кроме того, он гораздо крепче железа. Поскольку мангил дефицитен и весьма дорог, часто используются мангиловые сплавы.

Мессир – официальное титулование магов на Паэтте.

Месяц Арибнна – один из месяцев календаря Кидуанской империи, соответствующий нашему маю.

Месяц весны – один из месяцев календаря Кидуанской империи, соответствует нашему марту.

Месяц дождей – один из месяцев календаря Кидуанской империи, соответствует нашему октябрю.

Месяц жатвы – один из месяцев календаря Кидуанской империи, соответствует нашему сентябрю.

Неведомый – по верованиям арионнитов и ассианцев – создатель Сферы, отец Асса и Арионна. Кто он таков – никто не знает. Считается, что Неведомый стал импульсом движения в бесконечном Абсолютном Покое, породив нашу Сферу. Однако, по мере расширения Сферы в ней стал нарастать Хаос, поэтому, дабы предотвратить гибель своего творения в Хаосе, Неведомый покинул пределы Сферы, остановив её расширение, а также запечатал её 24 рунами от распространения Хаоса.

Общество Лианы – тайная лирийская организация, придуманная магом по имени Ворониус, чтобы спровоцировать новую войну между лиррами и людьми. Название произошло от одной из лиан, произрастающих в Калуге, которые, обвивая дерево, постепенно убивают его, выпивая все соки. Общество Лианы существовало якобы затем, чтобы возвести государство лирр вместо государства людей. На самом деле, это было лишь блефом. Однако после убийства императора Риона Первого все восприняли эту организацию всерьёз, считая её реально существующей. У неё появилось множество последователей среди лирр, что позволило ей продолжить своё существование уже в иной форме.

Одинокий Пик – скала невероятной высоты, состоящая из неведомого чёрного камня, расположенная в каменистой

пустыне Эллора, именуемой Серединой пустошью. Именно на Одиноком Пике свил своё гнездо Бараканд.

Орден Белого дуба – высший орден Кидуанской империи, которым награждают лишь за выдающиеся заслуги перед государством. Представляет собой крупную медаль белого золота на красно-синей ленте. Быть кавалером ордена Белого дуба весьма почётно. Лишь немногие удостоились этой чести дважды, а трижды кавалеров этого ордена не было за всю историю империи.

Оф – таинственная столица империи чёрных магов Тондрона. Оф возник вокруг дворца императора Драонна, который, в свою очередь, был построен на той самой скале, на которой свил своё гигантское гнездо Бараканд. Оф мало похож на привычный город.

О́р – мелкая медная монета Кидуанской империи. 240 оэров равняются одному серебряному стравину, а 240 стравин – одной золотой рехте.

Палáтий – название обширных территорий севернее Кидуанской империи. Формально эти земли вошли в состав Кидуи уже несколько десятилетий назад, но по-прежнему остаются малообжитыми. Палатийские земли населяют племена, считающиеся кидуанцами варварскими. Цели по освоению

палатийских территорий ставили многие правители Кидуи, но пока никто из них не сумел достичь желаемого результата.

Палатийские племена – общее наименование племён, проживающих на севере Паэтты в землях, именуемых палатийскими. Нецивилизованные, хотя и не столь агрессивные, как племена Прианурья. Управляются местными вождями, хотя формально подчиняются империи.

Пальцы Дракона – так называются три небольших залива, ответвляющиеся от Залива Дракона. Называются они Верхний, Средний и Нижний Пальцы.

Парадокс Создания – парадокс, возникший сразу же после создания Сферы. Сфера, не являющаяся больше Абсолютным Покоем, находящаяся в движении, тут же подверглась воздействию Хаоса, причём чем больше усложнялась или увеличивалась Сфера, тем больше Хаоса в ней становилось. В Парадоксе Создания заложен и финал Сферы – в какой-то момент она будет разрушена, уничтожена распространяющимся Хаосом и, вероятно, вновь исчезнет, растворится в окружающем Покое.

Паэтта – один из материков мира, который мы также называем миром Паэтты. Все организованные государства людей расположены именно на этом материке.

Пелания – самая крупная из провинций Кидуанской империи, расположенная вдоль всей её восточной границы. Дальше начинаются земли Прианурья, которые Кидуа долго и безуспешно пытается прибрать к рукам.

Перерождение – то же самое, что и *пробуждение*. Последний термин в итоге стал устоявшимся и более, если можно так сказать, профессиональным. Однако в период, описываемый в романе, чаще использовали термин «перерождение».

Пириллий – один из месяцев Кидуанской империи. Назван в честь правителя империи Содрейн Пирилла. Последний месяц лета, соответствует нашему августу. Много позже, уже после Смутных времён, будет переименован в честь короля Увилла Великого.

Последняя битва – согласно верованиям жителей Патты, через какое-то время (когда сгорят последние Руны, запечатавшие Сферу Создания) Хаос в Сфере начнёт преобладать, искажая и поглощая бытие. Чтобы этому противостоять, братья Арионн и Асс будут вынуждены сойтись в Последней битве, в которой им обоим суждено погибнуть, а вместе с ними погибнет и Сфера, вновь став частью Абсолютного Покоя.

Пострёмий – один из месяцев календаря Паэтты, соответствующий нашему ноябрю. Название его является адаптированным переводом, происходящим от латинского слово *postremus* – последний. В оригинале название этого месяца происходит от слова на языке империи Содрейн, также означающего «последний». Этимология слова не совсем ясна – то ли его название означает «последний месяц осени», то ли в древнейшие времена этот месяц считался последним в году, а ассий, первый месяц зимы, вообще выводился из календаря и считался месяцем Асса, самым тёмным месяцем года.

Прианён – огромное озеро на юго-востоке Кидуанской империи в провинции Ревия. Славится чистотой своей воды. Именно в нём берет своё начало река Труон.

Прианурье – название местности, лежащей западнее Анурских гор. Прианурье покрыто болотистыми лесами и труднопроходимо. Там проживают варварские племена, которые не только не хотят принимать подданство империи, но и при всяком удобном случае нападают на её рубежи с целью грабежей.

Примиён – один из месяцев календаря Паэтты, соответствует нашему январю. В данном случае название является адаптированным переводом. В оригинале оно звучит иначе и происходит от слова «первый» на языке империи Содрейн.

Поэтому при переводе было использовано латинское слово "primus" – первый, поскольку это соответствует аналогии с Древней империей.

Принц – титул, которым величают глав лиррийских домов. По большому счёту, в империи этот титул не признаётся на официальном уровне, более того, обычно власть довольно болезненно относится к нему, ведь он, по сути, является одним из проявлений нарушений Дейского эдикта. Так что этот титул имеет, как правило, внутреннее употребление исключительно среди лирр. По официальной иерархии империи этому титулу соответствует статус лорда.

Принц-регент – номинальный титул, который получает наследник трона после смерти императора. По обычаям, установившимся в Кидуе, в течение месяца после смерти императора он юридически ещё считался живым, и все документы, которые подписывались в этот период, имели две подписи – почившего императора и принца-регента, хотя фактически обе подписи ставил именно последний. В этот период времени тело императора не хоронилось. Лишь по истечении месяца наследник трона получал полное право называться императором.

Пробуждение – мистический процесс, происходящий с некоторыми девочками-лиррами, когда они становятся де-

вешками. В этот момент некоторые из них претерпевают изменения, приобретая магические способности, но расплачиваясь за это телесными увечьями. Чем сильнее будет изувечено тело, тем сильнее получится магия. Однако, не все были способны пережить это, многие умирали. Для того, чтобы сделать процесс *пробуждения* более контролируемым и безопасным, в Наэлирро используют специальные эликсиры, которые дают своим воспитанницам, начиная с шестилетнего возраста. Удивительно, но с появлением Школы Наэлирро случаи стихийных *пробуждений* стали крайне редкими.

Рэвия – одна из шести провинций Кидуанской империи. Раньше являлась частью Лиррийского королевства, позже, уже войдя в состав империи, стала отдельной провинцией. Население преимущественно лиррийское. Столица провинции – город Найр.

Рескрипт Теанора – документ, опубликованный в 2652 году руны Хесс императором Теанором Вторым, закрепляющий за каждым свободным гражданином империи законное право ношения оружия в пределах городов.

Рэхта – крупная золотая монета Кидуанской империи. Эквивалентна 240 серебряным стравинам.

Руна Хесс – одна из двадцати четырёх рун, коими Неве-

домый запечатал Сферу Создания, четвёртая по счёту.

Руны (печати Сферы) – по господствующему среди теологов мнению, Неведомый, прежде чем покинуть Сферу, запечатал её двадцатью четырьмя рунами, дабы предотвратить распространение Хаоса. Каждые 4 тысячи лет одна из Рун стораёт, тем самым, давая Хаосу больше возможностей. Это ведёт к постепенной деградации всего в Сфере с каждой новой Руной, поскольку влияние Хаоса усиливается.

В официальной космологии названия даны лишь двадцати первым Рунам. Считается, что в период последних четырёх Рун Хаос в Сфере будет столь силён, что ничто разумное существовать в ней просто не сможет. Вот названия Печатей Неведомого: Ота, Пофф, Кда, Хесс, Чини, Кветь, Стро, Ина, Тви, Дета, Бха, Каи, Стикх, Чарр, Лои, Дви, Шеть, Вуж, Кхи, Янд.

Сарра́сса – империя, раскинувшаяся на юге Паэтты. Подобно Кидуе, является осколком империи Содрейн. Столицей государства является город Шатёр.

Се́азия – провинция Кидуанской империи, лежащая на северо-западе, у побережья Западного океана. С севера граничит с палатийскими землями. Центр – портовый город Шедон.

Серединная Пустошь – абсолютно безжизненная каменистая пустыня, расположенная в глубине Эллора. В центре этой пустыни расположен Одинокый Пик – скала, на которой находится гнездо Бараканда.

Симмер – второе по величине озеро Паэтты. Расположено в лесистой и болотистой местности Прианурья. Среди окрестных племён почитается священным. Из озера вытекает меньшая из трёх великих рек Паэтты – Алийа.

Синивица – смертельная болезнь, распространённая, в основном, на западе Паэтты. Самый явный симптом – синие-фиолетовые пятна, выступающие по всему телу, которые через некоторое время превращаются в язвы, источающие гной. Смертность от синивицы очень высока и в периоды эпидемий достигает 60-70%. Смерть наступает от обширных внутренних кровотечений и поражения внутренних органов.

Слидий – один из месяцев календаря Паэтты, соответствует нашему февралю, но имеет в составе те же 30 дней, что и другие месяцы. Назван в честь древнего полубогини Слидия, жившего в эпоху третьей Руны Кда, и заложившего многие основы человеческой магической школы.

Смена Эпох – происходит при сожжении очередной Ру-

ны. На Паэтте кроме общего летоисчисления ведётся более удобное в повседневной жизни исчисление от Смены Эпох. Так, например, первая гражданская война наступила в 2837 год от смены эпох, что соответствует 14837 году от Сотворения Сферы.

Содрейн – огромная империя, созданная людьми в конце эпохи третьей Руны Кда. Несмотря на своё кажущееся могущество, империя, которая охватывала почти всю территорию восточнее Анурских гор, за исключением самого севера Паэтты (Палатия) и Прианурья, просуществовала совсем недолго – всего около девяноста лет, рухнув из-за внутренних раздоров среди правящих элит, а также под воздействием многочисленных нападений варваров. Позднее почти вся территория древней империи окажется поделена между возникшими Кидуанской и Саррассанской империями. Имперский язык (язык Кидуанской империи), равно как и язык Саррассы основаны на языке Содрейн, хотя со временем всё больше отдалялись от него, так что позднее язык империи Содрейн будут называть древнеимперским.

Стравин – серебряная монета Кидуанской империи. Эквивалентна 240 медным оэрам и 1/240 золотой рехты.

Студёный океан – северный океан мира Паэтты. Лежит между островами Келли и ледяным континентом Тайтаном.

Большая часть его покрыта льдами. Зона плавающих льдов начинается практически у северных берегов островов Келли.

Сущности-аномалии – весьма могущественные сущности, возникшие из аномалий в *возмущении*. То ли под воздействием Хаоса, то ли по иным причинам в потоках *возмущения* со временем возникали уплотнения – аномалии. Небольшие аномалии становились местами силы в тех местах, где они возникали. Более мощные иногда обретали сознание и даже псевдоматериальность. Некоторые сущности становились такими мощными, что поглощали свои миры, становясь местными божествами. В мире Паэтты обитают две сущности-аномалии – Симмер и Бараканд. Оба достаточно могущественны, но связаны локализованностью своих аномалий.

Сфера Создания – область бытия, созданная в небытии Вечного Покоя сущностью, известной как Неведомый или Первосоздатель. Включает в себя всю совокупность миров, одним из которых является и мир Паэтты. Считается, что в полюсах Сферы находятся Арионн и Асс, и это создаёт *возмущение* в Сфере, которое воспринимается, как магия. *Возмущение* гораздо сильнее у полюсов Сферы, и сходит на нет по мере приближения к экватору. Соответственно, в мирах близь экватора Сферы магия может совсем не ощущаться жителями этих миров.

Сфера Создания обречена на гибель, поскольку в ней всё

сильнее проявляется влияние Хаоса – неизбежного спутника бытия. Считается, что Сфера погибнет во время Последней битвы Арионна и Асса. Эта битва произойдёт, скорее всего, после сгорания последней Руны, когда окончательно падут оковы Хаоса. Если считать, что число рун – 24, и эпоха каждой длится 4000 лет, то выходит, что Сфера просуществует порядка 96000 лет.

Тайтáн – ледяной материк на севере мира Паэтты. Находится очень далеко от Паэтты. Те немногие экспедиции, что сумели вернуться оттуда, рассказывали о невероятном холоде, который там царит. Очевидно, что выжить в таких условиях ничего не может, поэтому Тайтан считается абсолютно необитаемым.

Тóндрон – империя чёрных магов. Создана лирийским принцем Драонном, который попал под влияние сущности по имени Бараканд. Помощь в создании империи ему оказывали Двенадцать Герцогов – демоны, созданные Баракандом из лирр, последовавших за Драонном. Вместе они создали империю и населили её гомункулами, созданными из глины и других элементов. Империя Тондрон – единственное государство (если его можно так назвать), располагающееся не на Паэтте, а на Эллоре.

Трубóн – самая крупная река Паэтты. Берет своё начало в

озере Прианон и впадает в Серое море. В качестве притока имеет реку Алийю.

Туум – огромная пустыня, расположенная в южной части Загорья. Относится к территории Саррассанской империи. В пустыне Туум проживают племена баининов, обитающие в оазисах.

Хаос – неперсонифицированная сила в Сфере Создания. В отличие от Арионна и Асса не является ни богом, ни его антиподом. Хаос – следствие и неизбежный спутник создания. Поскольку сама Сфера возникла как противоположность Абсолютному Покою из движения, инициированного Неведомым, она неизбежно с самого первого момента своего существования стремилась к Хаосу. Попыткой нивелировать Хаос было создание двух антагонистов – Асса и Арионна, которые должны были взаимно уравновешивать друг друга, тем самым не умножая Хаос. Однако из этого ничего не вышло, так что со временем Хаос в Сфере усиливается, влияя на процессы, происходящие в ней.

В частности, считается, что именно воздействием Хаоса можно объяснить возникновение аномалий в *возмущении*. Также Хаос привнёс случайность в существование Сферы. Согласно концепции арионнитов и ассианцев Сфера до времени относительно защищена от Хаоса Рунами, которыми её запечатал Неведомый, но с каждой сгоревшей Руной Хаос

будет усиливаться, неся свою разрушительную суть во всё, что было создано.

Одновременно Хаос воспринимается верующими жителями Паэтты в качестве некоего подобия нашего ада – те души, что не могут добраться до обители Арионна или чертогов Асса, падают в Хаос, где и исчезают. Что происходит с ними там – на этот счёт мнения сильно расходятся.

Шатёр – столица Саррассанской империи. Город стоит на побережье Калуйского океана. В центре города расположен огромный холм – Койфар, на котором отстроены кварталы для знати.

Шеар – административный центр провинции Лиррия. Кроме того, является и культурным, и научным центром империи – именно в Шеаре сосредоточены все основные университеты и академии, библиотеки и музеи, именно туда стекаются учёные со всей Кидуи. Поскольку город является бывшей столицей лиррийского королевства и нынешней главной лиррийской провинции, в нём, естественно, проживает большое количество лирр – больше, чем в любом другом городе, даже Найре.

Шедён – небольшой портовый город, расположенный на побережье залива Алиенти и являющийся административным центром Сеазии.

Эллор – самый крупный и таинственный материк мира Паэтты. Именно там была создана ужасная империя Тондрон. Кроме того, вероятно, *возмущение* на Эллоре несколько плотнее, чем на Паэтте, и даже имеет некоторое иное свойство, так что многие опытные маги могут даже распознавать по отзвукам манипуляций с *возмущением* эллорскую магию. Возможно, это связано с Баракандом – мощной сущностью-аномалией, находящейся на Эллоре. Во всяком случае, на материке проживают магические существа, не встречаемые более нигде в мире – например, драконы. Также только на Эллоре пока разведаны залежи мангила. Если он и есть на других материках, то пока ещё не был найден.

Ягнятник – растение, произрастающее в окрестных лесах Кидуи. Его корень используют в кулинарии – он обладает довольно приятным пряным вкусом, а по виду напоминает морковь.

Благодарности

Огромное спасибо:

Максу Фомину – как и прежде, моему "фанату" и надсмотрщику, который буквально допинал меня до завершения этой книги.

Моим родителям – потому что они всю мою жизнь помогали и помогают мне, и без них ничего этого не было бы.

Всем, кто прочитал мои предыдущие книги – для меня это было очень важно, особенно ваши тёплые отзывы о них.

А также – спасибо всем моим родным и друзьям. За всё!